

КОРОЛЕВ

Александр
Романов

*В 1929 г. по инициативе стал заниматься работой в
Соборной усадьбе. С тех пор
сбылся в литературе и науке
мечта по совершенствованию
и развитию главной работы*

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга о человеке, с чьим именем связано одно из величайших завоеваний науки и техники — открытие эры освоения человечеством космического пространства, — Сергея Павловиче Королеве.

В книге использованы фото из архивов.

- [Александр Романов](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Замыслы и свершения](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Замыслы и свершения](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Замыслы и свершения](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть четвертая](#)
 -

- [Краткая библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

o 9

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

Александр Романов

КОРОЛЕВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Научный консультант —
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий,
академик *В. П. МИШИН*

Историко-техническая редакция
руководителя сектора ЦНИИМаш
Ю. В. БИРЮКОВА

10 % гонорара автор перечисляет
в Детский фонд им. В. И. Ленина.

© Романов А. П. 1990 г.

Вместо пролога

В небольшом служебном кабинете их было двое. Сидели они напротив друг друга за столиком, примыкающим к большому письменному столу. На стене, справа от них, висела небольшая коричневая грифельная доска с едва различимыми контурами полустертых цифр, а слева, в углу на тумбочке, находился телефонный пульт. На нем то и дело вспыхивали разноцветные огоньки, призывая снять телефонную трубку, но собеседники не обращали на них никакого внимания.

Главный конструктор С. П. Королев принимал у себя в КБ известнейшего хирурга Александра Александровича Вишневского. Могло показаться странным, о чем вот уже два часа беседуют эти люди, занимающиеся такими на первый взгляд несхожими проблемами. Даже многопредставительное совещание у Королева обычно продолжалось меньше. Настойчивый телефонный звонок, «кремлевский», заставил их прерваться. Королев встал, обошел письменный стол, взял трубку.

Вишневский не слушал, о чем говорил по телефону Королев. Он молча и с нескрываемым удовольствием рассматривал своего нового друга: огромный красивый лоб словно специально вылеплен скульптором, чтобы подчеркнуть незаурядность этого человека. Черные почти прямые брови над широко расставленными карими глубоко сидящими глазами. По глазам Королева всегда можно было судить о его настроении, он ничего не таил в душе. Вот и сейчас его глаза, еще секунду назад бывшие добрыми и смеющимися, вспыхнули неистовым огнем. Ревко очерченные губы жестко сомкнулись, и уголки их как бы опустились на выдвинутый вперед упрямый подбородок. Королев молча слушал говорившего. Лицо его в этот миг выражало крайнее напряжение. Кажется, собрав все внутренние силы, он сдерживал себя, чтобы не взорваться.

— Ясно, понял, — наконец с трудом выдавил Сергей Павлович и повесил трубку. Долго молчал, потом через силу улыбнулся. — А вы говорите, не волнуйся. Все звонят с ЦК, жалуются на несговорчивого Королева. Вот и приходится гнуться... ради дела. — Достал из пиджака небольшую жестяную трубочку, хорошо знакомую многим, вытряхнул на широкую ладонь белую таблетку валидола, положил в рот.

— Неужели так уж нужен космос? Именно сегодня, черт побери, — с некоторым раздражением воскликнул Вишневский, — когда кругом, извините меня за наивное суждение...

— К сожалению, вы не единственный.

— Кругом нехватки... Хлеба не хватает. Понимаю, подъем целинных земель... затраты окупятся. Видимо, нет другого выхода, как осваивать новые земли. Но космос?

— Вы правы, Александр Александрович, — как можно спокойнее ответил Королев. — Крутом нехватки. Но согласитесь, они могут вырасти в самых различных областях жизни до непредсказуемых размеров. Это как запущенная болезнь. Она прогрессирует, и медицина оказывается бессильна с ней бороться. И наступает летальный исход.

— Но ежедневный естественный уход из жизни даже тысяч людей — восполняется, — не согласился Вишневский. — Ученые-демографы убеждены, что в двухтысячном году население на планете достигнет чуть ли не десяти миллиардов человек.

— В этом вся суть вопроса. Каждого надо накормить, напоить, обууть, одеть, дать пищу для души и где-то расселить. Мы почему-то забываем или не хотим помнить, что наша планета имеет ограниченные размеры и, в общем-то, не велика. Это значит, кладовая земли содержит невозполняемые конкретные запасы полезных ископаемых. Уже сейчас нам не хватает угля, нефти, железа и так далее. Одних больше, других меньше. Но наша цивилизация расходует их варварски, забывая, что им когда-то наступит конец. Человечество ведет себя крайне беззаботно. Оно напоминает мне безумца. Желая обогреться, он ломает на дрова стены собственного дома. А лес — рукой подать. Но ехать за ним не хочет. А теснота! Считается, что в конце двадцатого века плотность населения на квадратный километр суши составит около сорока человек, а еще через двести лет — 1370. Муравейник...

— Лес — это небесные тела, Сергей Павлович?

— Да, космос с его небесными телами. Там неисчислимы запасы необходимого для землян. Еще вчера они были сказочно далеки от нас. Но сегодня мы не только разумом, но и руками дотянулись до них... Внеземная индустрия, использование солнечной энергии. В этом я вижу единственный путь сохранения и дальнейшего развития человеческого рода...

— И это все сегодня, завтра? — не сдавался Вишневский.

— Да! Но это не только мои мысли. Великий Циолковский об этом мечтал. Жить и не думать о завтрашнем дне — преступно. Я только робкий последователь его. Мы сделали пока даже не шаг, а полшага на пути, освещенном его гением. Но это движение — безгранично.

— Все это так, — со вздохом ответил Вишневский. — Вы думаете о благе всего человечества. Я грешный, забочусь о конкретном человеке,

попавшем ко мне в клинику. Я ближе к земле.

Вишневский машинально, скорее по привычке, взял руку Королева...

— Э, да у вас пульс чуть ли не сто... Многовато, Сергей Павлович, для одного разговора. Волнение — очень опасная штука. Чрезвычайно...

Будто прочитав мысли своего друга, Королев как-то тихо, боясь, что врач может сказать всю правду, спросил Александра Александровича:

— Сколько я могу еще прожить с таким мотором? — и приложил свою небольшую руку к груди.

— О чем это вы, Сергей Павлович? Да пошутил я. С вашим сердцем, — академик попытался успокоить Королева, — вы еще нам столько ракет сконструируете.

— Мне бы десятка лет хватило, — не дослушав Вишневского, словно попросил Королев. — Всего десяток... от силы пятнадцать, ведь столько замыслов.

— Сергей Павлович! — оборвав неприятную для обоих беседу, заговорил Вишневский. — Я приехал к вам с нижайшей просьбой. Не откажете?

— Хотите заполучить место на ракете для каких-либо приборов? А, я угадал, Александр Александрович?

— И это было бы неплохо. Но просьба моя другого свойства. Вашим конструкторским бюро создаются уникальные точные приборы. Они, на мой взгляд, вершина современного научно-технического прогресса. У вас тут в конструкторском бюро, видимо, не один Левша трудится. Вот если бы вы помогли сделать нам для института хирургии кое-какие инструменты, приборы. Будем весьма благодарны.

Сергей Павлович, по привычке теребя подбородок, перебирал в уме специалистов, которые могли бы оказаться полезными медицине. Подсчитав свои возможности, повернулся к Вишневскому.

— Стоит подумать. Да к тому же и от нас требуют, чтобы мы, как и любое другое предприятие страны, помимо космической техники, разрабатывали бы еще и так называемые «изделия массового потребления». Но вы ведь наверняка хотите иметь что-то уникальное, а не холодильники, которые делает Иван Алексеевич Лихачев у себя на заводе, так ведь, Александр Александрович? Что вы хотите заказать для начала?

— Искусственное сердце, — как можно невозмутимее ответил Вишневский, не спуская глаз с Королева.

— Сердце?! — В глазах конструктора вспыхнуло безмерное изумление, граничащее с неверием. Королев взглянул на хирурга и понял, что тот не шутит. — Ну, знаете ли, Александр Александрович, сам люблю

пофантазировать, но чтобы так, — развел руками Королев. — По силам ли нам это?

— Полно, Сергей Павлович! Вся ваша работа доказывает, что человеческому разуму многое по силам. Разве можно было мечтать еще несколько десятков лет назад об искусственном спутнике Земли? А он вот — летает! Сердце же, если рассматривать его не с поэтической, а с научной точки зрения, то оно... просто насос, очень сложный и очень надежный. У нашего соотечественника Шурали Муслимова оно трудится без ремонта больше ста шестидесяти лет. Я верю, что можно создать искусственное сердце...

Наступила долгая пауза.

Сергей Павлович представил трехсоттонную космическую ракету, поднявшую в космос первый искусственный спутник Земли, и рядом человеческое сердце, маленький кусочек живого тела, весом всего в пятьсот граммов.

«А почему бы и нет, черт возьми! Искусственное сердце, так же как и космические ракеты, возможно. Нужен только точный расчет. Ну а это мы умеем. Ребята в КБ смысленные, сразу схватят суть. Надо попробовать», — подумал Королев.

— Так как, Сергей Павлович? — не выдержал затянувшейся паузы Вишневский.

— Подумаем, Александр Александрович. Но дело нужное. Кому-то же надо начинать. — И тут же пошутил: — Первое ваше сердце для меня. Не смущайтесь, не смущайтесь, Александр Александрович. Не слишком хороши мои дела, я знаю. Много в жизни было и хорошего и плохого. В общем, я почти доволен. Но, повторяю, лет десять мне все-таки еще надо. Лучше пятнадцать. Так что договорились: первое мне, на себе и испытаю.

Часть первая

СТАНОВЛЕНИЕ

Я работал над исключительно важной для обороны СССР проблемой создания ракетной авиации. Это совершенно новая область техники, нигде не наученная. Понятно, что смысл всех работ, ведущихся в этой области в империалистических странах, как можно шире использовать ракетные летательные аппараты для целей войны...

Работать над ракетами практически я начал лишь в 1932 году в ГИРДе. Однако, несмотря на трудность, а также полную новизну дела и отсутствие какой-либо помощи и даже консультации, мною совместно с моими товарищами по работе (1935–1938 гг.) достигнуты положительные результаты. Последовательно разработан и осуществлен целый ряд опытных ракет (№ 48, Об 216, 212, 217, 201/301). Начаты работы над первым ракетным самолетом. Параллельно с этой экспериментальной работой произведена большая работа по теории ракетной техники.

Нашлись влиятельные люди, которые отмахнулись от наших предложений. Кое-кто обвинил нас, что мы мешаем оборонным мероприятиям. Вы поймите смысл подобного обвинения в те годы. Мы потеряли значительное время и несколько замечательных творческих людей. Это были страшные годы.

Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники.

С. Королев

Замыслы и свершения

1924 — С. П. Королев, выпускник Одесской профстройшколы, спроектировал К-5, получивший одобрение специалистов.

1929 — Совместно с С. Н. Люшиным построил оригинальной конструкции планер «Коктебель». Летал на нем и превысил всесоюзный рекорд продолжительности парящего полета; спроектировал и построил двухместный самолет СК-4, явившийся дипломной работой, выполненной под руководством А. Н. Туполева.

1930 — Построил планер «Красная Звезда»; впервые в истории безмоторного полета на нем выполнены фигуры высшего пилотажа.

1932 — Завершал рукопись книги для Госвоениздата «Ракетный полет в стратосфере».

1933 — Как начальник Группы изучения реактивного движения (ГИРД) руководил разработкой и пуском первых экспериментальных отечественных жидкостных ракет 09 конструкций М. К. Тихонравова и ГИРД-Х конструкции Ф. А. Цандера.

1935 — Спроектировал и построил буксировочный планер СК-9, на котором совершил полет по маршруту Москва — Крым, где участвовал в планерных состязаниях.

1936 — Совместно с инженерами М. П. Дрязговым и Е. С. Щетинковым разработал, построил и испытал в Реактивном научно-исследовательском институте серию крылатых ракет с пороховыми и жидкостными двигателями; на основе планера СК-9 разработал конструкцию ракетоплана РП-318-1 с жидкостным ракетным двигателем.

1938 — Вел научно-исследовательские работы по реактивному самолету; обосновал концепцию ракетного истребителя-перехватчика; продолжал совершенствование ракетоплана и крылатой ракеты 212; замыслил использование ее как земной ракеты, так и радиоуправляемой самолетного класса «воздух — земля».

Глава первая

Детство

Отец и мать.

Разлука с отцом.

У бабушки в Нежине.

Павел Яковлевич Королев был взбешен. Шел быстро, низко надвинув на лоб форменную фуражку с лаковым козырьком, распахнув шинель. Декабрьский сухой снег бил в его бледное лицо, попадал на крахмальный воротничок, таял. Ноги чуть не по колено проваливались в сугробы, завалившие тротуары. Но он ничего этого не замечал, шел, не сознавая, куда идет. Причиной такого странного поведения молодого учителя словесности Житомирской первой мужской гимназии стал неприятный для него случай.

...На перемене в учительскую вошел директор гимназии Антонюк и направился к Королеву.

— Вы, милостивый государь, Павел Яковлевич, питаете, кажется, особые чувства к господину Короленко?

— Юлиан Петрович, я полагаю, что ученики должны знать своих земляков, и особенно же тех, что учились в нашей гимназии, — ответил Королев.

— Вот как! Справедливо. Но соблаговолите называть более достойных людей. Не забывайте, наш город освещен посещением Его императорского величества Александра II, царство ему небесное. Могли бы об этом сказать...

— В следующий раз, господин директор, я об этом всенепременнейше скажу...

Преподаватель словесности Павел Яковлевич Королев учительствовал в Житомирской гимназии первый год, был доволен службой и очень дорожил своим положением, которого добился с большим трудом. Сын отставного многодетного писателя, он долго жил в нужде. Получил бесплатное образование в духовной семинарии на родине, в Могилеве, но карьера священнослужителя не привлекала его. Королев решил поступить в Нежинский историко-филологический институт — бывший лицей князя Безбородко — одно из лучших на Украине высших учебных заведений. В

нем в свое время учился Н. В. Гоголь. Помощи от отца ждать не приходилось, и потому в 1901 году в своем прошении институтскому начальству Павел Королев просил зачислить его в казенно-коштные студенты. В этом случае обучающийся в институте находился на полном пансионе, но после окончания учебного заведения был обязан в течение трех лет оплатить все расходы, связанные с обучением. Павел Королев очень страдал от того, что самолюбие его уязвлено. Но другого выхода не было. Он учился со всей страстью человека, жаждущего знаний и желающего выбиться в люди. Прекрасные способности Павла Яковлевича, помноженные на волю и упорство, позволили ему с отличием окончить в 1905 году институт и получить звание учителя гимназии.

Нелегкая, сложная судьба ожесточила характер Королева. Гордый и легкоранимый, он был крайне самолюбив, да к тому же не терпел малейшей несправедливости, тем более незаслуженных упреков, да еще в присутствии сослуживцев. Лихорадочно восстанавливая в памяти сегодняшнее происшествие, все больше убеждался, что ничего предосудительного в его совете ученикам прочитать главу из «Истории моего современника» не было. Многие уже знали, что речь идет в ней о гимназии, в которой они учились.

Немного успокоившись, Королев замедлил шаг, застегнул шинель и неожиданно для себя обнаружил, что он далеко от дома, возле Соборной площади, от которой начинаются торговые ряды. Пришла в голову мысль сделать кое-какие покупки к Новому году и найти небольшую елку, о которой его так просила жена.

Павел Яковлевич вернулся домой, когда уже стемнело, закрыл окна ставнями и вошел в дом. На пороге его встретила встревоженная теща — Мария Матвеевна.

— Беги, Павлуша, беги скорее, начинается.

— Куда? — не понял тот. — Что начинается?

— Ах, какой непонятливый. Куда-куда! — встревоженно заворчала теща.

Павел Яковлевич наконец сумел отвлечься от событий минувшего дня и, увидев перед собой взволнованную Марию Матвеевну, сообразил, в чем дело. Быстро поставил елку в угол, сунул покупки теще и стремглав бросился на улицу, впустив в прихожую клубы морозного воздуха.

Время приближалось к семи вечера, когда Павел Яковлевич и акушерка вошли в дом. Мария Матвеевна, что-то шепнув на ухо женщине, повернулась к зятю:

— Ты, Павлуша, погуляй часок-другой. Мы тут без тебя управимся...

Снегопад кончился. Небо над древним городом прояснилось, замерцали звезды, наступала ночь, последняя в 1906 году. Луна заливала все вокруг серебром улицы, принаряженные к Новому году, еще час назад полные шума и веселья, были пусты. Нет-нет их покой нарушался быстро идущими запоздалыми прохожими да веселым перезвоном бубенцов под дугами извозчичьих рысаков. Павел Яковлевич бродил по пустынным улицам. К нему вернулось хорошее расположение духа. Еще бы. Так неудачно начался день и так радостно заканчивается. А ведь совсем скоро новый — 1907 год! Радость перед Новым годом — хорошая примета. Он скоро станет отцом. Его любимая Маруся родит ему сына или дочь. Кто же у него родится? «Скорей бы уж все свершилось».

Бродя в восторженном настроении по улицам, Павел Яковлевич вспомнил, как его одноклассник, студент Нежинского историко-филологического института, Юрий Москаленко познакомил его со своей сестрой Марией. И с этого дня Павел Королев понял, что не сможет жить без нее. Невысокая, стройная, с лучистыми карими глазами, она считалась признанной красавицей.

...В семье небогатого купца Николая Яковлевича Москаленко и его супруги Марии Матвеевны было четверо детей. Кроме Маруси, еще дочь и двое сыновей. Всем им родители дали образование. В доме любили книги, читали газеты, журналы, часто музицировали. Мария Матвеевна, мать семейства, играла на скрипке, сын Василий — на фортепиано. Старший Юрий хорошо пел. В доме часто собиралась молодежь. Все чаще стал бывать здесь и Королев. Его тут уважали, ценили за остроумие. В разговоры Павел Яковлевич, как правило, вступал редко, своего мнения без повода не считал нужным высказывать. Правда, был один случай. Как-то Юрий, только что окончивший институт, неосторожно в присутствии Королева назвал босяком бедного, но преуспевающего в знаниях студента. Слова резанули Павла Яковлевича так, будто его кто-то ударил хлыстом. Он вскипел и зло отчеканил:

— Щедрость ума, Юрий Николаевич, всегда ценил, ценю и буду ценить выше туго набитого кошелька.

Этот инцидент, кажется, навсегда посеял между ними рознь. Собиравшаяся у Москаленко молодая компания не нравилась Павлу Яковлевичу. Он был тут старше всех, и его раздражали легкомысленные разговоры и бесконечные танцы. Но истинная причина крылась в другом. Павел Яковлевич не мог видеть, как за Марусей ухаживали молодые люди, пытаясь вызвать ее расположение.

Она весело смеялась, охотно танцевала со всеми, никому не отдавая

предпочтения. Девушка жила мечтой: закончить гимназию, уехать в Петербург на Бестужевские курсы.

Павел Яковлевич знал об этом и поторопился сделать Марусе предложение, но получил отказ. И только спустя некоторое время, через родителей девушки, он все-таки добился ее согласия на брак. Через месяц после окончания Павлом Яковлевичем института, 28 августа 1905 года, состоялась свадьба. Молодые супруги отбыли к месту службы Павла Яковлевича в Екатеринодар, а через год, летом 1906 года, переехали в Житомир.

Здесь в доме № 5 по Дмитриевской улице Королевы сняли недорогую меблированную квартиру из трех небольших комнат и устроили в них гостиную, спальню и кабинет. В пятнадцати минутах ходьбы находилась первая мужская гимназия, где Павел Яковлевич начал преподавать. Жили скромно.

Мария привыкла к достатку. Родители ей ни в чем не отказывали. Считать деньги она не умела, это, в свою очередь, раздражало Павла Яковлевича. Словом, семейная жизнь не заладилась с самого начала. К тому же Мария не могла продолжать образование, к которому так стремилась.

...Павел Яковлевич не заметил, как дошел до конца улицы, вернулся назад и оказался около своего дома. Он замедлил шаг и подумал: «Если сейчас встречу мужчину — родится мальчик, а если женщину...» Он не успел загадать, как увидел, что из дома вышла женщина, та самая, за которой он бегал. Павел Яковлевич улыбнулся про себя: «Вот тут и гадай», и пошел быстрее.

Теща встретила его в прихожей, счастливая.

— Сын, Павлуша! Сын! Поздравляю... А у нас с дедом внук... Дождались...

Королев кинул на вешалку шинель и пошел было в спальню, но Мария Матвеевна остановила его:

— Куда ты такой с мороза-то. Застудишь маленького. Да и Мария утомилась, задремала, не торопись...

Павел Яковлевич на цыпочках ходил по крашеному деревянному полу соседней комнаты — кабинету, стараясь не тревожить жену. Остановился, через приоткрытую дверь с нежностью посмотрел на ее красивое, утомленное лицо, утонувшее в подушке.

«Милая моя, любимая», — подумал Павел Яковлевич. Он был так счастлив в эти минуты, что забыл все размолвки с женой, даже последнюю, случившуюся совсем недавно. Оказалось, что Павел Яковлевич ревнив. Он

и сам не подозревал об этом, но уж очень хороша была девятнадцатилетняя Мария рядом с тридцатилетним замкнутым, коренастым мужем. Павел Яковлевич не любил, когда жена наряжалась модно, в яркие платья, и хотел, чтобы она одевалась соответственно положению.

— Но мне же, Павел, не тридцать. И мне хочется петь и танцевать... — И начала кружить его по комнате.

Павел Яковлевич вырывался, что-то говорил и наконец сдался.

— Ну, ну, хорошо, будь по-твоему, одевайся как хочешь...

Его воспоминания прервал голос Марии Матвеевны.

— Счастье-то какое. Вот дед Микола обрадуется: казак родился. В нашу породу. Здоровенький, — слышал счастливый отец, как говорила теща, пеленая младенца. — Глаза-то темные, как уголечки, а лобик-то отцовский. Под Новый год родился, счастливым будет. Примета такая. — И положила внука в детскую плетеную коляску. Вышла к Павлу Яковлевичу и, обняв по-матерински, достала из широкой юбки небольшой сверток, положила его на письменный стол.

— Это вам от нас с дедом. Расходов теперь прибавится. Лавчонка-то хоть и маленькая, а доходы все же есть, и не хуже, чем у других. Да и на «зубок» — удастся ли приехать, еще не знаю.

— Спасибо! Только мы, Мария Матвеевна, ни в чем не нуждаемся. Да и не привыкли. — Павел Яковлевич помолчал. — Только от вас и возьму, мамаша, зная ваше расположение ко мне. Поблагодарите от нас и Николая Яковлевича.

В этот момент всхлипнул ребенок. И не по летам грузная, но очень подвижная Мария Матвеевна кинулась к внуку. Мария Николаевна открыла глаза.

— Мама, покажи мне сына.

Бабушка ловко достала из колыбели младенца и поднесла его к матери.

— А когда кормить его?

— Он сам об этом скажет. Знаю, четверых вас вырастила. Как захочет есть, такой рев подымет!

Павел Яковлевич подошел к жене, взял ее руку и благодарно поцеловал, потом чуть убавил огонь лампы под потолком, чтобы свет не мешал сыну, и, не желая показывать охвативших его чувств, поскорее ушел в другую комнату.

...По сей день сохранилась церковная метрическая книга. В ней запись за 1 января 1907 года.

«...**День. Месяц. Год рождения** — 30 декабря 1906 года^[1].

Имя — Сергей. **Родители** — преподаватель Житомирской первой

гимназии Павел Яковлевич Королев и законная жена его Мария Николаевна. Православные».

Рождение ребенка изменило к лучшему семейную жизнь Королевых. Мария Николаевна не отходила от Сергуньки. Счастьем светилась и Мария Матвеевна, замечая перемены в отношениях дочери и зятя. Павлу Яковлевичу верилось, что судьба к нему благосклонна, что все уладится. В гимназии тоже все складывалось удачно. Но, видно, уж такая у него жизнь. За маленькую толику счастья тут же приходится расплачиваться. За светлыми и радостными днями следуют дни волнений, горьких разочарований.

В то утро Королев вышел на службу пораньше: хотел до начала занятий еще раз полистать сочинения старшекласников на тему «Наш город». Очень интересным это показалось Павлу Яковлевичу. История Житомира насчитывала более десяти веков. Желая узнать, откуда произошло название «Житомир», Павел Яковлевич перечитал много книг. Больше других ему понравились две легенды. По одной из них, где-то около 884 года в развилке между рекой Тетерев и ее притоком Каменкой облюбовало себе место славянское племя житичей. Отсюда и «житичев мир». По другой легенде, в летописи, относящейся к 1240 году, упоминается слобода, славящаяся торговлей хлебом — «жито меряли». Много лет спустя народ-словотворец образовал «Житомир». Павел Яковлевич придерживался второй легенды и считал глубоко символичным, что в названии города нерасторжимо слились два великих слова «хлеб» и «мир».

Павел Яковлевич вошел в учительскую, она была пуста. Шли занятия. Из-под потолка с искусно написанного портрета, втиснутого в золоченую раму, на него строго смотрел Николай II. В комнате плохо натопили, и Королев, поевшись, сел поближе к круглой голландской печке. Достал тетради. Сочинения старшекласников, в общем, порадовали Павла Яковлевича. Не все они содержали интересные мысли, но неизменно увлекали искренностью. День начинался хорошо.

Вдруг из-за двери одного из седьмых классов раздался шум. И сразу вырвался в коридор. Послышался топот множества ног, кто-то упал. Королев выбежал в коридор. Гимназисты что-то выкрикивали возбужденными голосами. Занятия прекратились. Навстречу учащимся быстро прошел директор гимназии. И хотя он старался сохранить невозмутимость, скрыть крайнюю тревогу не мог. Бунт!

Гимназисты обступили его и без бывшего страха и почтения стали требовать, чтобы перед ними извинился преподаватель, назвавший их

«свиньями» и «выродками».

Директор громким голосом приказал всем немедленно вернуться в класс. Ученики объявили, что не будут присутствовать на уроке неугодного им преподавателя. Закрыв класс, они забаррикадировали мебелью дверь, стали петь революционные песни. Гимназическому начальству деться было некуда: не вызывать же полицию. Пошли на уступки, пообещав «восставшим-«: «желаемое ими извинение состоится».

Возбужденные юноши покинули класс, считая, что одержали победу. Но всем им сейчас же объявили: «Вы исключены из гимназии».

Состоятельные родители уже вечером начали осаждать директора гимназии Ю. П. Антонюка просьбами отменить свое решение. Как, их дети, их наследники, будущие владельцы фабрик и заводов, многие из которых с рождения увенчаны высокими титулами и званиями, не смогут продолжать учебу? Только-только начали справляться с антиправительственными выступлениями бунтовщиков. Страну, слава богу, почти усмирили, а здесь у них, в Житомире, хотят, по сути, ославить их, отцов города! И кто? Свои же, директор гимназии!

И утром Антонюк разрешил всем подать ходатайство о восстановлении их детей в учебном заведении.

Педагогический совет удовлетворил просьбы почти всех родителей. Но одного гимназиста, Лейбу Брискина, без основания объявили едва ли не зачинщиком и восстановить отказались. Против несправедливого решения выступил только Королев. С ним не посчитались и вынудили его поставить свою подпись под протоколом. Сделал это он со специальной оговоркой: «П. Королев (с особым мнением)».

— Вы, оказывается, милостивый государь, Павел Яковлевич, — выговаривал Королеву директор гимназии Антонюк, — других убеждений, чем мы. Слыханное ли дело, один против всех. Очень сожалею, очень... Да и за кого вступились?! За инородца!

Принципиальность молодого преподавателя вызвала раздражение всего гимназического начальства и шовинистически настроенных педагогов.

Домой Павел Яковлевич пришел в середине дня в мрачном настроении. Сняв в прихожей шинель и фуражку, не заходя к жене, прошел в кабинет и сел за письменный стол. Достал из папки тетради, начал читать, чтобы отвлечься от тревожных дум. Но пересилить себя не мог. В кабинет заглянула жена.

— Ты не зашел к нам, Павел?

— Извини, Маруся.

— Да на тебе лица нет, — взглянув в тревожные глаза мужа, заволновалась Мария Николаевна. — Что-нибудь случилось?

— На душе тяжело. В гимназии неприятности. Королев рассказал жене о том, что произошло, и тут же дал волю своим мыслям.

— Все идет по-старому. Отслужили молебен в церкви в честь высочайшего манифеста, и снова нагайка, — нервничал Павел Яковлевич, шагая по кабинету из угла в угол. — Как будто не было русско-японской войны, Кровавого воскресенья, восстания моряков на «Потемкине». Забылись выступления рабочих в Харькове и Киеве. Да одних ли рабочих...

Выслушав рассказ мужа о том, что произошло в гимназии, Мария Николаевна с недоумением сказала: «Ну какое тебе дело до всего этого!» Такого ответа Павел Яковлевич не ожидал и хотел было прекратить бесполезный разговор, но передумал:

— Ты, Маруся, когда-нибудь слышала о «Сорочинской трагедии»?

— Только о Сорочинской ярмарке, — засмеялась она, но, встретив осуждающий взгляд мужа, замолчала.

— Не надо так шутить. Пролита безвинная кровь.

— Ты о чем, Паша?

— Садись. Ты должна знать об этом, должна, — и Павел Яковлевич рассказал жене все, что знал о «Сорочинской трагедии». В декабре 1905 года царскими карателями в местечках Сорочинцы, Устивице и других деревнях Миргородского уезда недалеко от Полтавы, где жил В. Г. Короленко, были убиты десятки жителей, а сотни изувечены казацкими нагайками. Вся вина этих людей состояла лишь в том, что поверили царскому манифесту от 17 октября 1905 года, «даровавшему» свободу слова, собраний и союзов. Собравшись на сходки, крестьяне нередко решали закрыть государственные винные монополии, иначе говоря, винные лавки, а в некоторых селах опротестовывали незаконную попытку властей арестовать односельчан. Наиболее ретивым усмирителем был полтавский статский советник Филонов, возглавивший расправу.

Об этих событиях В. Г. Короленко написал статью «Открытое письмо статскому советнику Филонову». 12 января 1906 года ее опубликовала газета «Полтавщина». Чиновник остался безнаказанным. Но нашелся человек, выстрелом из револьвера прикончил карателя прямо на улице.

— На улице! Без суда! И ты одобряешь это?! Мечь порождает мечь, — возмутилась Мария Николаевна. — Столько крови!..

— А кто в этом виноват? Кто? Только не я, не ты. Не те, кто в жизни еле концы с концами сводят, как мой отец...

— Успокойся, Павел, — Мария Николаевна встала, подошла к мужу.

— Нам ли решать, кто?

Раздался плач ребенка. Маруся поспешила к нему. Королев проводил ее взглядом. «Нам ли решать, кто?» — повторил он слова жены. И тут, впервые за полтора года совместной жизни, Павел Яковлевич почувствовал, как далека Маруся от всего, что совершалось вокруг, от того, что волнует его. «Ее не обжигала в жизни ни одна беда. Виновата ли она в этом?! — думал Королев. — Недавняя гимназистка, видевшая жизнь через страницы учебников. И сейчас одна в четырех стенах, да книги... Есть в этом и моя вина... Я ведь намного старше ее». На ум пришли слова Герцена: «Жена, исключенная из всех интересов, занимающих ее мужа, чуждая им, не делящая их, — наложница, экономка, нянька, но не жена в полном благородном смысле слова».

Мария Матвеевна слышала разговор зятя с дочерью и не утерпела, сказала Павлу Яковлевичу:

— Горяч ты не ко времени, Паша. Видишь, что делается вокруг. Не ровен час, настроишь против себя начальство. Чего с ним спорить. Оно всегда право. На то и власть. Думай про себя как хочешь, а вслух говори, что ко времени... Не обижайся! Ты перед богом и за Марусю, и за Сергуньку ответ держишь.

Павел Яковлевич направился в детскую, обнял жену и бережно взял из ее рук мальчика.

— Ну, Сергунька, как дела? Набирайся сил. Впереди большая жизнь!

Незаметно пробежало еще полгода.

Положение Королева в гимназии становилось все более тягостным. Он понимал, что при первой возможности от него постараются избавиться. Пора думать о другом месте жительства. Да и жена не отказалась от мысли поступить на высшие женские курсы. Такие курсы были и в Киеве...

Мария Николаевна, хотя муж и не делился пока своими думами, чувствовала его тревожное настроение. Выбрав минуту, завела с ним разговор:

— Может, Паша, нам в Киев переехать. Вижу, как тяжело тебе в провинциальной гимназии. У тебя такие знания и способности. Ты заслуживаешь большего...

Нет, Мария Николаевна не хитрила, она действительно ценила обширные знания, даже педагогический талант мужа. В тайне, конечно, надеялась, что, может быть, новая обстановка, новые люди помогут мужу раскрыть свои возможности, изменится к лучшему и их совместная жизнь.

— Ну что же, Маруся, попытаем счастье, — охотно согласился Павел

Яковлевич, которому также хотелось жить в столичном городе. — Там подумаем и о твоих курсах.

— Спасибо, Павлуша. — Мария Николаевна обняла мужа, с нежностью, столь необычной для нее. Это было так неожиданно для Павла Яковлевича, что он в мгновение поднял ее на руки и крепко поцеловал, понес по комнате торопливо, заговорил о том, как он ее любит, как горд, что у них ость сын. Навсегда остались в памяти Павла Яковлевича эти самые дорогие минуты в его семейной жизни.

Не откладывая надолго свое решение, Павел Яковлевич съездил в Киев. Случай помог ему: в частной гимназии мадам Батцель оказалась вакансия преподавателя словесности. С документом воспитанника одного из лучших учебных заведений Украины и хорошими рекомендациями, которыми Павел Яковлевич запасся в Житомире, учитель Королев сразу понравился требовательной начальнице гимназии.

— На первых уроках буду присутствовать сама, — предупредила она. — Такое у меня правило. От услуг вашего предшественника вынуждена была отказаться. Полиция к нему как-то наведалься. Ре-во-лю-ци-о-нер, — нарочито проговорила она. — Он что, собирался у меня в гимназии агитировать учеников?

Эта мысль показалась ей настолько смешной, что она раскатисто рассмеялась. Но тут же строго добавила:

— Не хотелось бы повторения. Подыщите себе квартиру, а если будут трудности, я вам помогу. В Житомире, пожалуйста, не задерживайтесь, а то может появиться другой претендент.

В июне 1909 года, наскоро собравшись, Королевы распрощались с Житомиром, переехали в Киев, сняв за сходную цену небольшую двухкомнатную квартиру. Казалось, сама судьба благоволила им. Павел Яковлевич стал усердно готовиться к урокам, а Мария Николаевна — к поступлению на курсы. В доме воцарилась спокойная атмосфера, которая обещала быть долгой и желанной. На глазах подрастал Сережа. Отец не чаял души в нем. Едва появлялся в доме, как спешил к сыну, брал его на руки, нежно целовал. Ему казалось, что сын похож на него, только глаза — темные, материнские.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба семьи Королевых, если бы не одно печальное обстоятельство. Едва они обжились на новом месте, как в Могилеве скончался отец Павла Яковлевича. Семья в пять человек — мать, два сына и две дочери остались без кормильца. Вскоре все они переехали в Киев. Бедность, из которой с трудом вырвался недавний студент Королев, снова вернула его в тяжелое прошлое. Павел

Яковлевич осунулся, стал еще более молчалив, раздражителен. Ему казалось, что судьба навсегда отвернулась от него. Он не знал, как быть дальше... Жалованья рядового учителя на восьмерых, конечно, не хватало.

А Мария Николаевна к такой жизни не привыкла и не желала привыкать. Она считала, что и так оказала большую честь Павлу Яковлевичу, выйдя за него замуж. Но жить без любви и еще терпеть лишения, остаться без всего того, к чему привыкла с детства! Нет, она так не может! И она не выдержала. Взяв Сережу, ушла из дому, скрылась...

Униженно расспрашивая знакомых, муж едва нашел ее. Пытался уговорить вернуться домой.

— Я не могу без тебя, без Сережи, вы для меня — сама жизнь. Я обещаю все уладить. Не будет размолвок с моими родными. Что-нибудь придумается. Денег будет больше, найду частные уроки. Я же так люблю тебя...

— Я-то не люблю тебя, Павел, — торопливо отвечала Мария Николаевна, не отводя от мужа холодных глаз. — Ты же знаешь, я не хотела выходить за тебя. Ты добился своего, не посчитался с моими чувствами. Виновата перед тобой только тем, что не устояла, уступила моим родителям. Жить мне с тобой тяжело. Никогда больше мы не будем вместе.

Говорила так твердо, что, слушая правдивые, жестокие слова, Королев понял, что потерял жену навсегда. Но тут же вспыхнула мысль о сыне, которого любил безгранично.

— А сын, сын! Как же я без него?

— Я воспитаю его, Павел Яковлевич.

Мария Николаевна впервые за годы супружеской жизни назвала его по имени-отчеству, как чужого, постороннего человека.

— «Павел Яковлевич!» — вскипел Королев, возмущенный словами жены. — Значит, «Павел Яковлевич». Так вот, Мария Николаевна, я вам сына не отдам. Это мое последнее слово. Пока Сережа не будет жить со мной, развода вы не получите.

И, не попрощавшись, ушел.

Мария Николаевна к мужу не вернулась. Она решила выполнить свою давнюю мечту — и поступила на высшие женские курсы. А Сережу отвезла в Нежин. Дед с бабкой обожали внука, души в нем не чаяли и очень боялись, что Павел Яковлевич приедет в город и буквально «выкрадет» внука. Отныне ворота и калитка дома стали запираются изнутри на металлическую защелку.

Сережа очень скучал по матери, по ласке и с нетерпением ждал приездов Марии Николаевны в Нежин. Ждал он и отца, но о нем в доме

никогда не говорили. В тот день, когда приезжала мама, едва услышав ее голос, Сережа бежал ей навстречу. Крепко прижимался к ней, тянул за собой.

— Пойдем, пойдем, я тебе покажу, какой дворец я построил из кубиков и еще крепость.

— Кажется, дворец твой немного кривоват, вот-вот завалится. Дай я тебе помогу.

— Нет, не надо, я сам. — Сережа надул губы. — Не надо мне помогать. — И для большей убедительности тут же, на глазах матери, исправил свое кособокое сооружение.

А вечерами они любили вдвоем сидеть на крыльце своего дома. Мария Николаевна рассказывала Сереже сказку про ковер-самолет. Он давно уже знал эту сказку всю наизусть, но все равно просил рассказать. И тогда им казалось, что летят они на ковре-самолете над сказочной страной и им так хорошо.

...Павел Яковлевич безуспешно пытался встретиться с сыном. Все было напрасно...

Жизнь Сережи в Нежине текла монотонно, скучно. Правда, иногда по вечерам после хлопот в лавке и по дому бабушка брала в руки скрипку или пела украинские песни. В такие минуты дед сажал внука на колени, и они слушали, порой подпевая ей. Но чаще, устав от суеты в лавке, пропахший различными соленьями, Николай Яковлевич незаметно засыпал. Сережа тихонько дергал деда за кончики отвислых усов.

— Дедуня! А дедуня! — смеялся мальчик. — В лавку пора, — повторял он слова Марии Матвеевны, слышанные им каждое утро.

Николай Яковлевич, в прошлом бравый казак, пристрастия к торговле не имел и даже тяготился ежедневной необходимостью сидеть в лавке, следить за приказчиками. Не будь рядом с ним энергичной, с практической хваткой жены, их торговое дело давно потерпело бы крах. Все материальное благополучие семьи держалось на Марии Матвеевне, в жилах которой, по семейным преданиям, текла кровь гречанки, некогда привезенной прадедом из дальнего похода.

Разбуженный Николай Яковлевич снимал внука с колен, виновато улыбался и брался за чтение газет. Читал их внимательно, пересказывал жене наиболее важные события.

В один из летних вечеров 1911 года Николай Яковлевич наткнулся на редкое объявление.

— Послушай, Маша, что в газете пишут: «Единственный полет на

аэроплане русского летчика Уточкина. Цена за вход рубль».

— Рубль? — удивленно переспросила Мария Матвеевна. — Дороговато. Да в наши дни за полдня в лавке на рубль не наторгуешь.

— Дедуня, а что такое «аэроплан»? — спросил внук,

— Это машина такая, летает в воздухе.

— Как птица? С крыльями?

— Не знаю, не видел.

— А ты, бабуся, видела?

— Нет, Сергуня, не пришлось.

— И я тоже, — и тут мальчик подошел к бабушке и попросил: — Пойдемте, посмотрим. А рубль я вам дам, у меня есть в копилке.

Мария Матвеевна растерялась от неожиданной просьбы внука и взглянула на мужа. Тот ухмыльнулся в усы.

— А может, и впрямь сходить? Пусть посмотрит. Сидит в четырех стенах, — сказал дед нерешительно.

— Да ведь цена-то какая! Два рубля!

— Да не прибедряйся, Маша, — и смеясь, Николай Яковлевич напомнил: — Да и внук помочь хочет... Рассмеялась и Мария Матвеевна.

— Ну, коли два казака просят, как не уважить их. На третий день жители города повалили на окраину, где в недавние времена разливались, словно половодье, знаменитые нежинские ярмарки. Сергей сидел у деда на плечах и во все глаза рассматривал диковинную птицу, непохожую на ковер-самолет, о котором знал из сказок.

— Бабуся! А бабуся! А когда же полетит? — допытывался Сережа.

Но вот раздался оглушительный гул от заработавшего мотора. Толпа затихла в ожидании. Пропеллер крутился все быстрее. Самолет покатился по ровному полю, потом будто дернулся, оторвался от земли и полетел. Люди ахнули и зааплодировали. Отчаянно бил в ладоши и Сережа, не сводя восторженных глаз с невиданной птицы.

— Дедуня, а дедуня? Почему крылья не машут? — удивленно спросил внук, когда аэроплан поднялся над деревьями...

Всю дорогу домой внук задавал все новые и новые вопросы, но старики не могли на них ответить. «Вот приедут твои дядья, ты у них и спроси», — отбивался дед. Дивная грохочущая огромная «птица» потрясла воображение впечатлительного мальчика. Сказка или быль? Им владело необъяснимое чувство счастья от встречи с незнанием, желанием узнать, что это такое... Шло время, но где-то в тайниках его души, в детском воображении незримо летала чудо-птица, летала, чтобы через десять лет навсегда завладеть всем существом Сергея Королева.

Теплое лето сменила дождливая осень. Сережа все больше сидел в доме, увлеченно играл в свои детские игры — строил из кубиков домики, рисовал что-то, мог сосредоточенно часами заниматься своими делами, никого не замечая вокруг. Больше всего его привлекали книжки да кубики-азбука. Случайно обнаружилось, что внук уже грамотный. Самостоятельно научился читать по складам и даже пытался писать. Писал он, как все дети, а Сереже не было и шести, крупными печатными буквами, а цифра «два», например, у него смотрела в обратную сторону.

Дед с бабкой попросили заниматься с внуком учительницу М. М. Гринфельд, снимавшую в доме Москаленко небольшую комнату. По ее воспоминаниям, Сережа проявлял смекалку и любознательность и быстро освоил счет до миллиона и арифметические задачи на все четыре действия.

Однообразно жил город Нежин. Тихо и скучно в семье Москаленко. Одна радость, внук Сергунька. Они любили его всем сердцем и отдавали ему почти все свое время. Но требовала забот и лавчонка. Прибылей больших не давала, но кормила и одевала стариков и их дочерей. Все казалось вокруг незыблемым. И вдруг словно гром среди ясного неба — в августе 1914 года немцы объявили войну России. Для стариков Москаленко она действительно началась неожиданно. Правда, о том, что происходило в России, они знали — газеты Николай Яковлевич читал регулярно, но глубоко политикой не интересовался. Знал, что кайзер Вильгельм родня российскому самодержцу, и надеялся, что до войны все-таки дело не дойдет.

У соседей собирали на фронт сыновей и мужей. Весь уклад жизни в их околотке, да и во всем Нежине разом нарушился.

Торговля в лавке пошла на убыль. Да и страшно стало старикам одним в доме. Дети перебрались в Киев, да к тому же все чаще прихварывал Николай Яковлевич. Решила Мария Матвеевна покончить с бакалейной лавкой. Продав дом и закрыв свое торговое дело, в сентябре того же года переехали Москаленко с внуком в Киев.

Маруся жила одна, но муж не давал ей развода. Павел Яковлевич по-прежнему преподавал в Киеве и требовал сына к себе. Москаленко ни за что не хотели расставаться с внуком. Павел Яковлевич попытался вернуть себе Сергея через суд. Но добился только права оказывать ему материальную помощь. Во встречах с сыном ему было категорически отказано. Правда, Павел Яковлевич пытался это сделать тайком, но безуспешно. Павел Яковлевич решил тогда: «Сын вырастет, сам все поймет».

Женские курсы, на которых училась Мария Николаевна, из Киева перевели в Саратов, Сережа снова оказался один у деда и бабушки. Очень тосковал и часто посылал матери трогательные письма, рассказывал о своей жизни, мальчишеских заботах: «Мне было очень скучно 28 февраля и теперь не весело... учиться трудно... Милая Мама, я о тебе скучаю и прошу писать, как твое здоровье, а то ты снилась мне нехорошо. Я ел за вас блины и съел штук восемь, а перед этим штук 5... Аэроплан клеил, очень красивый...»

Старики Москаленко чувствовали свою вину перед дочерью, ведь выдали они ее замуж против воли. И вот теперь она одна, сын растет без матери и отца. Неладно все это.

В один из дней Мария Матвеевна втайне от дочери разыскала Павла Яковлевича. Вечером дома сообщила:

— Ну, дед, кажется уговорила, — и, смахнув слезу, не утаила: — Павел все еще любит Марусю, я его сегодня видела, поговорила с ним.

Старый Москаленко взглянул на жену из-под нависших седых бровей и ничего не ответил. Он давно и тяжело болел. И жил своим миром, подолгу молился.

Мария Николаевна, узнав из письма о затее матери, категорически отказалась приехать в Киев и даже разговаривать с Павлом Яковлевичем. Старания Марии Матвеевны наладить жизнь дочери остались напрасными.

Вскоре тихо заснул навсегда в своем кресле Николай Яковлевич, заснул, пока Сережа читал ему газету.

В октябре 1916 года Мария Николаевна и Павел Яковлевич официально расторгли брак.

Мария Николаевна сумела настоять на этом. Несколько лет назад она встретила и полюбила молодого инженера Григория Михайловича Баланина и через месяц после бракоразводного процесса вступила с ним во второй брак. Полгода спустя, 28 мая 1917 года, Сережа вместе с матерью переехал в Одессу к отчиму, где тот получил работу.

Вначале Баланины поселились на Канатной улице, а потом, когда Григория Михайловича назначили на должность начальника портовой электростанции, переехали на Платоновский мол, ближе к месту службы, в просторную квартиру с балконом, обращенным к морю.

Как-то в августе Мария Николаевна, принарядив сына, сказала:

— Пойдем, Сережа, посмотрим город. Пора подумать об учебе.

Сергей с радостью согласился. Прошло почти три месяца, как он с матерью переехал в Одессу, но ни разу еще не был в центре города. Из дома

его никуда не отпускали, и мальчик сидел в одиночестве, как в Нежине.

Небольшими улочками, идущими от Платоновского мола, мать и сын вышли на главную улицу — Дерibasовскую, названную так в честь русского адмирала, руководившего строительством Одесского порта. Сергею, после величавого, степенного Киева шумливая уличная толча Одессы не понравилась, и он шел молчаливый, крепко держась за руку матери. Только выйдя на площадь к памятнику Пушкину, Сергей осмелел и отпустил ее руку. И в этот момент увидел идущих им навстречу двух солдат в поношенных шинелях. Один с бородой и усами с трудом шел на костылях, другой молодой, с забинтованной рукой, здоровой поддерживал старшего товарища. Солдат на костылях вдруг споткнулся и, падая, увлек за собой товарища. Какая-то женщина бросилась к ним на помощь. Раненые стонали от боли, не в силах подняться. Вокруг образовалась толпа. Двое мужчин и женщина помогли солдатам встать на ноги.

— Вот тебе война до победного конца! — раздался негодующий голос. — Пол-России на костылях.

— Пора кончать! — выкрикнули из толпы.

— А ты что, под немца захотел? — с сердцем сказала женщина, осматривая перевязки раненых солдат.

— Откуда эти солдаты, мама? — спросил Сережа.

— С фронта. Идет война. На нас напали германцы. Наш народ защищается.

В сентябре Сергей поступил в первый класс третьей одесской гимназии. За учебу сына надо было платить, и Мария Николаевна, зная, что дети учителей пользуются льготами, тотчас же послала письмо своему бывшему мужу в Киев. Павел Яковлевич незамедлительно, 19 сентября 1917 года, выслал нужный документ. Он хранится и ныне. «Павел Яковлевич Королев, — говорится в удостоверении, — действительно состоит штатным преподавателем женской гимназии... бывшей М. К. Батпель. Выдано для предоставления в педагогический совет 3 одесской гимназии на предмет освобождения сына П. Я. Королева от первого брака Сергея Королева, ученика 1-го класса вышеуказанной гимназии от платы за право учения».

Ко времени, когда П. Я. Королев посылал это письмо, боль от неудачного брака уже улеглась, но своего любимого «Сергуньку» он не забывал.

Учиться Сергею Королеву в гимназии пришлось недолго, вскоре ее закрыли.

Началась революция.

Глава вторая

Мне жить — мне решать!

Увлечение небом.

Надо дойти своим умом.

Хочу иметь живое дело.

В Октябре 1917 года трудовая Одесса жила бурно и тревожно. Народные демонстрации все чаще переходили в жаркие схватки рабочих, моряков с теми, кто хотел отстоять строй капиталистов и помещиков, сохранить царизм.

Двадцать пятого октября 1917 года телеграф принес из Москвы «Обращение к гражданам России»: «Временное правительство низложено, государственная власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». На следующий день стало известно, что Второй Всероссийский съезд Советов создал первое народное правительство во главе с В. И. Лениным. Трудовая Одесса встретила это сообщение ликованием. Революционное подполье действовало здесь давно, и вот теперь в городе — Советская власть.

Но контрреволюция не сдавалась. На улицах то и дело слышались выстрелы, случались и короткие вооруженные стычки. Выходить из дома стало опасно, гимназия закрыта, а дома скучно. Сережа читал книги. В библиотеке отчима увидел на обложке журнала изображение человека, прыгающего с колокольни на самодельных крыльях. В памяти его вдруг встал день, когда он впервые увидел аэроплан. И тотчас же пошел к матери на кухню, готовившей обед!

— Мамочка, дай мне, пожалуйста, две простыни, не пожалей.

— А зачем они тебе?

— Я сделаю из них крылья, привяжу к рукам, взберусь на заводскую трубу и попробую полететь...

Немало усилий пришлось приложить Марии Николаевне, чтобы отговорить мальчика от опасной затеи. «Читай-ка лучше вот эти книги», и Мария Николаевна достала с полки томики Майн Рида и Фенимора Купера.

Решили, что Сергей будет учиться дома самостоятельно по гимназической программе — благо мать и отчим могли помочь. Григорий Михайлович имел к тому времени диплом инженера по электрическим

машинам, полученный в Германии, и диплом Киевского политехнического института. Домашнее учение шло успешно, и ему разрешили выходить иногда на прогулки. Не сразу Сергей подружился с ребятами, что жили с ним на одной улице. Больше всех ему понравился Опанас Черноус, что жил в деревянном доме напротив. Он был сыном кочегара с электростанции, где работал Баланин. Пятнадцатилетний Опанас считал себя взрослым, ходил в тельняшке и покровительственно относился к Сергею. Паренек пришелся по душе Марии Николаевне, и она охотно отпускала с ним сына в город.

Как-то в феврале 1918 года Опанас повел Сергея на знаменитую лестницу, что шла почти от берега моря вверх к центру Одессы. Шли медленно, поднимаясь все выше и выше, иногда останавливались, любуясь морем.

— Ты знаешь, сколько ступеней на этой лестнице? — спросил Опанас.

— Нет.

— Десять маршей и 192 ступени. Остановившись на пятом марше, Опанас подвел Сергея поближе к парапету.

— Вот тут моего батьку солдаты поранили. Опанас рассказал, что его отец в 1905 году служил на броненосце «Потемкин». Вместе со всеми матросами он участвовал в восстании. Сергей с замиранием сердца слушал Опанаса, веря и не веря в то, что говорил он.

— Матросы высадились в Одессе. Их вышли встречать тысячи людей. Тут на лестнице появились солдаты и начали стрелять. С той поры батя и хромает. Он рассказывал: «...все ступени были в крови».

Потрясенный рассказом Опанаса, придя домой, Сергей спросил отчима:

— Это правда, там, на лестнице... убивали?

— Правда. Это было при царе. Больше такого не будет.

Но Баланин жестоко ошибся. В марте 1918 года контрреволюция в Одессе взяла верх. Советская власть пала... Город оккупировали по очереди румыны, французы, англичане, немцы. Они грабили жителей, жестоко расправлялись со всеми, кто боролся против них за восстановление Советской власти. Голод, холод, болезни царили повсюду. Сто граммов горохового хлеба, да и то не ежедневно, приносил Баланин домой. Картошка, выменянная на одежду, да полтарелки каши — вот и все, что подавалось на стол. Часто не бывало света, воды. Изредка выходя на улицу, Сергей узнавал от друзей, что смерть уносила то одного, то другого из его сверстников.

Однажды он увидел с балкона, как по улице вели избитых до полусмерти портовых рабочих. Они отказались выгружать оружие с

английского судна. Сергей часто сидел на балконе в надежде увидеть Опанаса, который почему-то перестал заходить. Он скучал без него и решил сам пойти к нему. Но мать не разрешила. Тяжело вздохнув, с горечью сказала сыну:

— Нет больше Опанаса. Хлопчика убили... в порту. Вывешивал красное знамя.

— Опанаса? Убили? — Губы Сергея задрожали, и он разрыдался.

— Когда же все это кончится? — в отчаянии разводя руками, спрашивала мужа Мария Николаевна. — У меня больше нечего продавать и менять.

Прошел еще год, может, самый тяжелый.

И в феврале 1920 года кавалерийская дивизия Григория Котовского вместе с другими частями Красной Армии разгромила последние остатки интервентов и контрреволюции. Вся трудящаяся революционная Одесса взялась за оружие. 8 февраля город навсегда стал советским. Задымили хлебопекарни, постепенно налаживалось отопление, вошел в строй водопровод. Но электроэнергии не хватало — вечером и ночью Одесса часто погружалась в кромешную тьму.

Школы все еще не работали. Сергею уже исполнилось тринадцать лет. Он повзрослел, посерьезнел, стал шире в плечах, походка сделалась энергичной. Сергей продолжал заниматься дома, но все чаще думал о небе, хотелось летать, строить летательные аппараты. Зная склонности пасынка, Григорий Михайлович записал его в модельный кружок портового клуба. Мальчик был очень рад, занимался с увлечением, читал статьи по авиации, авиамоделированию и конструированию. Как-то раз в библиотеке он натолкнулся на книги и журналы, рассказывающие о зарождении авиации планеризма. И неожиданно для себя Сережа понял, что планер — самый доступный путь в небо, и загорелся желанием построить его.

В 1921 году в Одессе появился отряд гидросамолетов ГИДРО-3 Главного управления Военно-Воздушного Флота. Летчики его не только охраняли границы Родины, но и оказывали помощь судам, терпящим бедствие, участвовали в маневрах, проводимых командованием, вели разведку, корректировку артиллерийских стрельб. Сергей с замиранием сердца наблюдал всегда за их полетом над морем и, конечно же, мечтал хоть раз подняться на них в небо. Случай свел его с механиком Гидроотряда Василием Долгановым, который был старше Сергея года на четыре. Сережа с удивлением смотрел, как его новый знакомый, ловко орудуя ключами, копался в моторе, при этом подробно объяснял ему, что к чему. Так Сережа Королев прослушал первую «лекцию» об авиационном

моторе. Вслед за «лекцией» началась и «практика». Отныне все летнее время он проводил в Гидроотряде, помогая готовить самолеты к полетам. Строгий начальник Гидроотряда Александр Васильевич Шляпников — участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны, влюбленный в свое дело, благоволил к каждому, кто, как и он, любил авиацию. Ему понравился крепко сложенный, упорный, судя по всему, четырнадцатилетний подросток. Королев, быстро изучив мотор, стал незаменимым, безотказным помощником. За это его полюбили все механики и летчики.

В Одессе, как и по всей стране, стали открываться профессиональные различные технические школы. Советская власть считала нужным вместе с общим средним образованием дать юношам и девушкам и профессию. Так, школе № 1, со строительным уклоном, разместившейся в бывшей гимназии на Старопортофранковской улице, поручалось готовить кровельщиков, штукатуров, черепичников, каменщиков, плотников. К преподаванию в стройпрофшколе привлекались сильные педагоги.

В конце июня 1922 года пришел поступать в эту школу и пятнадцатилетний Сергей Королев. Александр Георгиевич Александров, завуч школы, лично принимал каждого нового ученика. Перед ним стоял среднего роста темноволосый паренек, с карими лучистыми глазами, одетый не бог весть как — в светлые полотняные брюки, такую же куртку.

— Как вас зовут?

— Королев Сергей Павлович. — И, смутившись, тут же поправился: — Королев Сергей.

Назвав свое имя, отчество, Александров спросил Королева, где тот учился, сколько классов окончил. Не удивился, услышав, что юноша занимался самообразованием дома, под руководством матери-учительницы. Таких юношей с домашними знаниями было в ту пору много.

— Прежде чем решить, в какой класс принять вас, Сергей Королев, придете держать небольшой экзамен. Заявление и документы занесите завтра...

В сентябре 1922 года в стройпрофшколе в предвыпускном классе появился новый ученик. В первый же день во время урока математики — а его вел классный руководитель, старший преподаватель строительного института Федор Акимович Темцуник — педагог решил познакомиться с новичком и вызвал Сергея Королева к доске.

— Ну-с, молодой человек, решите-ка нам вот эту задачку с двумя неизвестными, — и написал ее на доске.

Сергей нахмурился, под взглядом четырех десятков глаз своих

одноклассников почувствовал себя скованно. Потом взял мел и, повернувшись спиной к классу, начал неторопливо решать. Пример был не из легких, но Королев справился с ним. Сказались уроки Григория Михайловича. Темцуник остался доволен.

— А теперь контрольная, — обратился он к классу. — Хочу проверить, не выветрилось ли у вас из головы все, чему учили вас до меня?

В перемену Сергея окружили одноклассники. Так появились у него первые друзья: Жора Калашников, Валерий Божко, Ксана и Юрий Винцентини, Володя Бауэр.

Во время перемены Темцуник проверил все контрольные и на втором уроке раздал их ученикам.

— Да, кое у кого ветерок повымел многое. Но страшного ничего нет. Восстановим.

Сергей Королев в контрольной допустил одну незначительную ошибку, очень волновался...

Учился Сережа прилежно, увлеченно. Все контрольные по математике он, как правило, писал без единой ошибки. При встрече с Марией Николаевной, пришедшей к классному руководителю узнать, как учится ее сын, Темцуник сказал ей: «Парень с царем в голове».

Был доволен им и преподаватель черчения Александр Николаевич Стилинауди.

— Ватман, ватман, — сердился обычно учитель, когда видел неграмотно, да еще неряшливо выполненный чертеж. — А вот Королев на оберточной бумаге чертеж сделал. Смотрите. Преотличнейшая работа, — и приколов чертеж к доске, выговаривал нерадивому ученику: — Такой прекрасный ватман загубили.

Физика Владимира Петровича Твердого, доцента политехнического института, учащиеся побаивались. Характер у него был под стать фамилии, но читал он свой предмет очень интересно, а потому пользовался у учащихся большим уважением. Любил учеников, активных на уроке. Королев же отвечать не набивался. Твердый недолюбливал «пассивных». Но однажды в присутствии А. Г. Александрова, когда чуть ли не весь класс получил двойки за неумение вычертить на доске принципиальную схему телефона и объяснить ее, Владимир Петрович, к удивлению своему, увидел решительно поднятую руку Королева.

— Ты? — невольно вырвалось у преподавателя. — Ну иди!

Королев вышел к доске, взял мелок и за несколько минут уверенно вычертил злополучную схему и подробно объяснил ее.

— Высший балл, — похвалил Твердый ученика, но не отпустил его, а

начал экзаменовать чуть ли не по всему курсу не только физики, но и математики. Класс выжидательно притих.

Королев как-то сжался... и, ответив на несколько вопросов, вдруг взбунтовался:

— Больше отвечать не буду. Это не по программе. Твердый в ответ весело рассмеялся. Таким его класс еще никогда не видел. Подошел к ученику и легко за плечи повернул лицом к себе.

— Если ты, Королев, захочешь поступать к нам в политехнический институт, считай, что сдал экзамен по моему предмету.

В классе поднялся невообразимый шум, все бросились к Королеву. Твердый еле-еле утихомирил учеников.

Но Сережа Королев вовсе не считал математику или физику, черчение, сопротивление материалов, строительное дело своими любимыми предметами. Он очень любил читать, но об этом почти никто не знал. Сергей в свои шестнадцать лет был очень начитанным. Прекрасная память хранила целые страницы из прочитанных произведений Шевченко, Пушкина, Толстого.

Все это время он не прерывал знакомства с Васей Долгановым и летчиками из Гидроавиационного отряда. Очень хотелось юному механику побывать в воздухе, послушать, как там работает двигатель, подготовленный к полету его руками. Помог ему в этом все тот же Вася Долганов, с которым они, несмотря на разницу лет, стали друзьями. Вася был в отряде на особом положении — летал с самим командиром отряда. Долганова в отряде все любили и уважали. По его протекции Сергей однажды побывал в воздухе, да еще в гидросамолете, который вел сам командир. И Королев решил стать летчиком. Вскоре за Сергеем закрепилась слава настоящего механика. Случилось так, что какому-то летчику не с кем было лететь, Шляпников указал на Королева: «Вот тебе готовый механик».

Теперь полет следовал за полетом. Летали и утром и вечером. Сергей никогда не отказывался от полетов.

Но было еще одно пристрастие у Сергея Королева. Он любил работать в школьной производственной мастерской у Константина Гавриловича Вавизеля. Продавая свое «производство» по изготовлению деревянных шкивов стройпрофшколе, он, прежний его хозяин, поставил единственное условие: «оставить его в школе мастером производственного обучения».

Учащиеся делали на продажу деревянные лопаты, грабли, топорища, наличники для окон, колеса. Деньги поступали в фонд школы. Сергей уверенно стоял за токарным станком, вытачивая вещи сложной

конфигурации. Рубанок в его руках снимал длинную, вьющуюся в кольцо стружку — признак хорошо отлаженного инструмента и мастерства столяра. Мастера шкатулку для сверл, Королев применил фигурный шип. Отполированная, покрытая лаком шкатулка заняла почетное место на школьной выставке. Вавизель называл любимого ученика на французский лад «Серж» и уговаривал его: «Оставайся у меня... Я тебе, Серж, все секреты дерева открою. Краснодеревщик из тебя выйдет, каких Одесса не видела».

Столярная «школа» К. Г. Вавизеля очень пригодилась Сергею, когда он начал строить планеры!

Занятия в школе требовали от Сергея особой организованности. Он умело делил свободное время между математическим и астрономическим кружками, гимнастической и боксерской секциями спортклуба «Сокол», музыкальными и литературными вечерами. Успешно сдав годовые экзамены, перешел в последний класс строй-профшколы.

Начались летние каникулы. И Королев снова зачастил в Гидроотряд.

В 1923 году Советское правительство обратилось к народу с призывом построить свой воздушный флот. Повсюду появились плакаты: «Трудовой народ — строй воздушный флот!», «Пролетарий, на самолет!», «Даешь мотор!». В том же году было образовано Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Оно ставило перед собой большую цель — всячески пропагандировать авиацию, оказывать практическую помощь в строительстве авиационных заводов, содействовать вовлечению молодежи в парашютный и планерный спорт, в учебные заведения, готовящие специалистов-самолетостроителей и летчиков для Воздушного флота. На Украине родилось Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (ОАВУК).

Сережа сразу стал членом этого общества. В то же время он начал заниматься в одном из его планерных кружков. Вместе со всеми Королев собирал средства на самолет «Одесский пролетарий», который впоследствии вошел в украинскую эскадрилью имени Ильича.

Как-то Сергей опоздал к ужину. Войдя в комнату, вскинул руку к виску и отрапортовал:

— На заводе читал лекцию рабочим.

— Что ты им мог читать? — удивилась мать.

— Лекцию по планеризму. Я ведь инструктор кружков по планеризму.

— А я этого не знала, — сказала мать.

Целый месяц по два раза в неделю читал Сережа Королев лекции

рабочим.

Знания по планеризму, истории авиации юноша приобрел самостоятельно, читая все книги, которые только мог достать. За последнее время он прочел их массу, только на немецком языке — двадцать шесть. Немецкий язык Сергей Королев знал довольно прилично благодаря своему преподавателю Готлибу Карловичу Аве, который все уроки в стройпрофшколе вел только на немецком языке. Сергей не без помощи отчима, в совершенстве знавшего немецкий, стал лучшим учеником Аве. Отметка «зер гут» прочно закрепилась за Сергеем, а знание языка — на всю жизнь. Авиация все больше захватывала Сергея Королева. С детства привыкнув действовать обстоятельно, Сергей решил еще больше углубить свои знания в этой области, и поэтому поступил сначала на курсы пропагандистов авиации, а в ноябре 1923 года на курсы теории и практики проектирования летательных аппаратов. Лекции по конструкции самолетов читал там командир истребительного авиаотряда «Истро-2» Василий Константинович Лавров. Сергей Королев к этому времени уже изучил стенографию, тщательно записывал эти лекции. Окончив курсы, Сергей сразу потянулся к практической деятельности. И тут ему повезло. Он узнал, что в мастерских ОАВУК начинается строительство планера конструкции знаменитого военного летчика К. К. Арцеулова, и принял участие в работе над ним.

Однажды, придя домой после занятий в планерном кружке, Сергей, как обычно, застал отчима склонившимся над чертежной доской. Григорий Михайлович занимался проектированием различных погрузочно-разгрузочных средств. Сергей не раз любовался его чертежным искусством.

— Нелегко создать новую машину? — неожиданно спросил Сергей.

— Ты это к чему? — впервые пасынок заинтересовался его делами.

— Да так. Просто вижу, как много вы работаете дома. Гора технических книг, журналов.

— Это чтобы не изобретать колеса, а во-вторых, использовать, если ты даже создаешь и оригинальную машину, то, что уже есть в практике. Зачем, например, к новой конструкции транспортера заново изобретать мотор.

— А если ваш новый транспортер старый мотор не потянет? — возразил Сергей.

— Тогда понадобится другой. Но пусть его разрабатывает специалист в области моторостроения,

— Кооперация.

— Верно, Сергей.

— Еще большая при строительстве самолета?

— Самолет — это сложение энергий, мастерства и таланта многих. Идея может принадлежать одному, но разработка отдельных элементов его — многим специалистам.

— А построить планер? — не дослушав до конца, спросил Королев.

— Вот ты о чем! — усмехнулся Григорий Михайлович, и, оставив чертежи, подошел к Сергею. — Это большой разговор, и, не скрою, приятный для меня.

Беседа продолжалась долго. Отчим поддержал замысел Сергея о проектировании планера, пообещал помочь ему, если он этого захочет. Но тут же предупредил:

— Ты должен до всего дойти своим умом. Помни: расчеты — это не школьные задачки. Это высшая математика. И не обижайся, конструктор будущего самолета или планера — это человек, хоть немного, да отмеченный перстом божьим. Без этого даже отличные знания в таком творческом деле, как конструирование, мало чего стоят. Но и без них никуда.

И Сергей с головой ушел в работу по воплощению своего замысла. В апреле 1924 года он участвует в заседаниях первой конференции планеристов Одессы. Позже Королева избирают заместителем председателя объединенного кружка, получившего название Черноморской авиагруппы безмоторной авиации.

А в это время в Москве в мае произошло событие, весьма важное для истории космонавтики: основано Общество изучения межпланетных сообщений (ОИМС). У истоков его стояли слушатели Военно-воздушной академии В. П. Каперский, М. Г. Лейтензен, М. А. Резунов. В общество входило около 200 человек. Почетными членами его избрали Ф. Э. Держинского, К. Э. Циолковского, горячо приветствовавшего энтузиастов. Первый пункт устава общества четко определил задачи: «...работа по осуществлению заатмосферных полетов с помощью реактивных аппаратов и других научно обоснованных средств».

Подобное общество стало первым в мире. Оно объединило вокруг проблем космонавтики немало талантливых ученых, инженеров, конструкторов, содействовало популяризации идей ракетостроения и космоплавания, готовило почву для создания организаций, способных обогатить теорию и практику зарождающегося ракетостроения.

Как-то отчим Сергея, читая газету «Известия» Одесского губкома КПБУ за 18 мая, заметил статью под броским названием «Завоевание Землей Луны 4 июля 1924 г.». Автор ее не соглашался с американским ученым Робертом Годдардом, утверждающим возможность достичь Луны

ракетой-снарядом, созданной им. Он разъяснял, что осуществить подобный полет можно, только опираясь на идеи К. Э. Циолковского о многоступенчатой ракете.

— Прочитай, Сергей, прелюбопытная статья.

Прочитав статью без особого интереса, Сергей спросил отчима, кто ее написал. Тот ответил, что не знает и подпись «В. Глушко» встречается в газете впервые: «Наверное, кто-то из ученых».

Статья неизвестного автора в одесской газете и образование нового общества в Москве между тем отражали растущий интерес человечества к окружающему его звездному миру. Жажда познания внеземного пространства никогда не угасала, но в конце XIX и в начале XX веков интерес этот усилился. Его подпитывали писатели-фантасты. Овладевая умами, они способствовали появлению научных и технических идей. Не без их влияния мало кому известный русский исследователь К. Э. Циолковский в результате многолетних поисков создал классический труд «Исследование мировых пространств реактивными приборами», опубликовав его в 1903 году. В нем ученый впервые в истории человечества разработал теорию реактивного движения и на ее основе показал, что ракета на жидком топливе предложенной им схемы способна достичь скорости, необходимой для преодоления земного тяготения.

Известно, как часто неизмеримо велико расстояние от фантастики до теоретического обоснования, от него — до технического расчета и тем более до ее реализации-свершения. Но, к счастью для Циолковского, пришел в Россию революционный октябрь 1917 года. Он ускорил осуществление дерзновенных замыслов Константина Эдуардовича. Наука и техника получила у народной власти самую широкую поддержку. Уже в апреле 1918 года В. И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ», положивший начало общегосударственной системе планирования науки. Именно в эти годы принимается решение об открытии Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) во главе с «отцом русской авиации» профессором Н. Е. Жуковским, издается декрет о создании Физической лаборатории, на базе которой в дальнейшем был образован Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. Получает ленинскую поддержку Нижегородская лаборатория, разрабатывающая вопросы радиогазеты без бумаги и расстояний. Тогда же закладываются основы организации Института теоретической астрономии, начинается исследования первая в стране ракетная организация инженера Н. И. Тихомирова. В поле зрения В. И. Ленина находились идеи многие ученых, инженеров, в том числе Ф. А. Цандера и К. Э. Циолковского. Еще в

ноябре 1921 года Председатель Совнаркома скрепил своей подписью документ о назначении калужскому провидцу пожизненной усиленной пенсии. Этот акт явился официальным признанием государством рабочих и крестьян заслуг К. Э. Циолковского перед Родиной.

Народ строил новую жизнь. Строил и мечтал. Он уже мысленно видел очертания новостроек, ставших ныне символами созидательной мощи — Днепрогэса и Турксиба, Харьковского тракторного и «Уралмаша», первых машинотракторных станций и совхозов, сельхозартелей, каналов, корпусов учебных, научных институтов, конструкторских бюро. Небо и космос не отделялись от земных дел. В те уже далекие от нас годы люди всех возрастов зачитывались фантастической повестью «Вне Земли» К. Э. Циолковского и особенно романом А. Толстого «Аэлита». К кинотеатрам и клубам, где показывали фильм этого же названия, выстраивались длинные очереди. Зрители горячо аплодировали инженеру Мстиславу Лосю и недавнему красноармейцу Алексею Гусеву, отважившимся отправиться на Марс. Это фантастика. Но жил реальный Лось, разработавший космический корабль-аэроплан — наш соотечественник Фридрих Артурович Цандер, последователь идей Циолковского. Другой инженер, Юрий Васильевич Кондратюк, теоретик космонавтики, обдумывал труд «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Но Сергей Королев не читал еще ни Циолковского, ни Цандера, ничего не слышал о Кондратюке. Все они войдут в его жизнь позднее, снискав его глубокое уважение. Будущему их последователю всего семнадцать лет, и его неудержимо влечет к себе авиация...

8 июля 1924 года у учащихся 1-й Стройпрофшколы началась производственная практика. Не пройдя ее, Королев, как в все, не вмел права получать документ об образовании. Выпускной класс разбили на группы, сохранив добровольность. Сергей не долго раздумывал, в какую бригаду идти: конечно же, в ту, где его закадычные друзья и красавица Ксана Винцентпни, к которой он равнодушен с первого дня появления в школе. С братом ее Юрием он дружит, и это дает ему право часто бывать в желанном доме.

Бригаде предстояло отремонтировать черепичную крышу одного из зданий медицинского института. Вместе с мастером-черепичником Ефимом Леонтьевичем Квитченко учащиеся поднялись на крышу. С ее ската, выходящего на улицу, словно кто-то нарочно «смыл» большую часть кровли и перебил всю обрешетку. Квитченко позвал к себе Винцентини и Калашникова.

— Вот вам рулетка. Обмерьте всю площадь крыши, подсчитайте

примерно, сколько понадобится черепицы, а я тем временем схожу и разузнаю насчет теса, — и ушел.

День был на редкость жаркий, но на высоте немного прохладнее. Ребята расселись на коньке крыши, недалеко от трубы. С четвертого этажа перед ними расстилался город, и где-то далеко на горизонте белесое небо сливалось с темно-зеленым морем.

— Красиво-то как! — восхищалась Ксана. — Я никогда не поднималась так высоко.

— Займись-ка лучше делом, — напомнил Сергей Королев.

Вместе с Жоржем Калашниковым Ксана стала выполнять поручение мастера. Дыр оказалось гораздо больше, чем показалось на первый взгляд. К концу обмера вернулся мастер. Он принес несколько образцов черепицы. Они были другой марки и не подходили к прежним.

— Так я и думал, — сокрушался мастер. — Что будем делать?

За всех ответил Королев:

— Надо старую черепицу аккуратно снять. Ею мы застелим один скат крыши, а второй покроем той, что получим.

— У тебя, Королев, котелок варит! — похлопав школьника по плечу, не без изумления воскликнул Квитченко. — Подрастешь, из тебя добрый прораб выйдет. Назначаю тебя своим заместителем.

Королев был польщен. И тут же взялся за дело. Первый день ушел на раскрытие крыши. Старую черепицу снимали, сортировали и аккуратно складывали. Порой мешала излишняя суета. Это Сергею на понравилось. И он составил план, по которому каждый делал свое дело, помогая друг другу. С того дня Сергея звали не иначе, как «прораб».

На второй день мастер привез лес для обрешетки, инструмент, гвозди. Навыки, полученные в мастерской под руководством старого Вавзеля, ребятам оченьгодились. Вскоре с обрешеткой покончили и взялись за черепицу.

За две недели бригада молодых строителей закончила ремонт крыши, и институтский завхоз, придирчиво осмотрев всю кровлю, остался доволен. Подписал справку об окончании работ, а также счет, пообещав в ближайшие дни перечислить заработанные деньги стройпрофшколе.

Ефим Квитченко пожал ребятам руки, распрощался, а Королеву посоветовал:

— Иди в строители, Сергей. Всегда на воздухе, и каждый дом, построенный тобой, — доброе дело людям. А ради этого стоит жить...

— И я так же думаю, — ответил Королев, заканчивая делать из бумаги голубя. — Я буду строителем... но только самолетов, — и ловко запустил

голубя в небо. Он вначале взмыл вверх, а потом, увлеченный потоком воздуха, будто планер, сделал один вираж за другим и под аплодисменты ребят затерялся вдали.

— Вот так полетит и мой первый планер, марки СК. Немногие тогда знали, что Сергей завершал уже проектирование планера.

Мария Николаевна в душе была против увлечения Сергея планеризмом, надеясь, что с годами оно пройдет само. Но интересы сына все сильнее связывались с авиацией, и это тревожило ее. Она поделилась своими опасениями с Григорием Михайловичем. Обычно муж не вмешивался в отношения матери и сына. Считал это неуместным. Начала разговор Мария Николаевна:

— Когда же наконец закончится игра Сергея в авиацию?

Григорий Михайлович промолчал, так как на этот счет он имел свое мнение, отличное от мнения жены.

— Напрасно тратит время. Мог бы и учиться получше, — продолжала в том же духе Мария Николаевна. — Математика и немецкий язык даются легко... Я пыталась говорить с Сергеем, но все напрасно. Больно упрям стал. Ну что ты молчишь, Гри? Поговори с ним построже. Может, послушает. Ты же мужчина!

— Напрасно ты так волнуешься, Маруся, — пытался успокоить ее Григорий Михайлович. — У Сергея много энергии. Куда же ее деть? Будет хуже, если начнет бездельничать или свяжется с какой-нибудь неприличной компанией. Возраст у него самый неустойчивый. Планеризмом, авиамоделлизмом занимаются не сотни, а тысячи, но, согласись, в авиацию пойдут только десятки. Сергей в школе начал увлекаться астрономией. Еще все, все впереди! И когда надо, мы поможем ему выбрать путь в жизни.

Спокойный, рассудительный тон мужа успокоил Марию Николаевну.

— Может, ты и прав, Гри, — согласилась она. — Не хочу, чтобы Сергей стал летчиком, да еще военным. Ты знаешь, недавно погиб, кажется, Алатырцев. Сергей его знал.

А Сергей Королев неуклонно шел к намеченной цели. Технические расчеты, двенадцать листов чертежей, объяснительную записку он приложил к проекту планера и подал этот проект в президиум авиационно-технического совета Одесского отделения ОАВУК. В июле 1924 года проект был утвержден.

Сергей прибежал домой счастливый и радостный. Увидев мать и приехавшую погостить бабушку, обнял, закружил их по комнате, приговаривая: «Утвердили, утвердили».

Мать освободилась от объятий сына и, положив руку на плечо, подвела к дивану:

— Давай-ка поговорим, сын.

— Мама, ты довольна? — ничего не подозревая, спросил Сергей, сядя на диван. — Ты знаешь, по существу, ни одного замечания и очень хвалили чертежи. Я так рад, мама!

Мария Николаевна будто не слышала сына, да и не хотела слушать. Она думала, с чего начать разговор, который, она понимала, будет нелегким.

— Тебе, Сергей, уже семнадцать. Скоро закончишь школу. Пора серьезно подумать о будущей профессии.

— Я уже подумал, мама.

— Подожди, не торопись. Профессия — это на всю жизнь. Она должна быть интересной, и, как тебе сказать, — подбирала слова Мария Николаевна, — надо, чтобы она обеспечивала материальную сторону жизни. Ради этого порой приходится многим жертвовать. Ты никогда, Сергей, не задумывался над профессией Григория Михайловича? Посмотри, как он влюблен в нее.

Сергей молчал, все больше понимая, что мать не оценила его успеха. Мало того, он ей просто не по душе, и, того гляди, она попытается запретить заниматься планеризмом.

— Мы много думали с Григорием Михайловичем о твоём будущем. И хотим помочь тебе в выборе профессии.

— Но, мама, я уже выбрал.

— Нет, — твердо сказала мать. — Ты еще молод, чтобы решать свое будущее один.

Сергей вскочил с дивана, заметался по комнате. Потом остановился и решительно заявил:

— Нет, мама. Мне жить, мне решать. Просто инженером я не хочу быть. Мое место в авиации. Я так решил.

Мария Николаевна изменила тактику. Зная, как любит ее сын, пошла на хитрость.

— Но я тебя прошу, Сережа, — начала она ласково, вставая с дивана и обняв сына. — Летчик, механик — это опасная профессия. Ты у меня один. Сколько их гибнут. Твой друг Жора Калашников хочет быть врачом. Да и Ксана Винцентини мечтает об этой же профессии, а ее брат будет строителем.

Но все было напрасным. Сергей стоял на своем. Мария Николаевна взорвалась, раздраженная несговорчивостью сына.

— Ты, кажется, возомнил о себе слишком много. Сделал проект планера — и уже летчик или конструктор, — запальчиво выговаривала она. — Все это детская забава. Ты откажешься от нее через год. Да и не уверена я, что новый проект утвердит следующая инстанция.

Слова матери хлестнули по самолюбию Сергея, по самому дорогому для него — уверенности, что его призвание — авиация. Кровь ударила в лицо, руки задрожали, в темных глазах сверкнул неистовый огонь. И все же, сдерживая себя, чтобы не закричать, он глухо выдавил из себя:

— Это нечестно, мать! Нечестно! Ты не веришь в меня?!

Увидев в глазах сына гнев, Мария Николаевна не выдержала, и у нее невольно сорвалось:

— Бешеный, как твой отец!

Сергей словно остолбенел. В доме никогда не говорили об отце, будто его никогда и не было.

— А это плохо или хорошо?

Мария Николаевна ничего не ответила, испугавшись своей несдержанности.

— Ты никогда не говорила мне об отце!

— Он умер, — твердо сказала она. — Ты мой сын, — сделала она ударение на «мой» и попыталась было обнять его, но тот отшатнулся.

— Не надо, мама, — и, глядя немигающими глазами на мать, сказал ей: — Я хочу учиться в военной академии имени Жуковского. Не разрешите — уйду. Мне жить и мне решать свою судьбу, — и выбежал из комнаты.

Едва мать и дочь остались одни, как Мария Матвеевна, сидевшая в кресле и молчавшая во время разговора, резко встала и огорченно проговорила:

— За что ты его так? Я все примечаю и думаю. Свою былую ненависть к Павлу... Ты теперь на сыне... Он-то при чем? Подумай! Ты же мать... Нас с отцом вини... Но Сережу не трогай... — Мария Матвеевна грузно села в кресло, у нее перехватило дыхание... Отдышавшись, с горечью прошептала: — При родной-то матери сын у тебя... Да как же так можно?! Я только и слышу с утра до вечера: «Гри, не простудись», «Гри, не опоздай к обеду». Все «Гри, Гри, Гри...» Ты бы взглянула в глаза Сережи, когда он вошел в комнату. Такие счастливые я видела один раз у Павла, когда родился Сережа. Да и отец жив... Для него этот планер... Да ничего, я вижу, ты не понимаешь.

Мария Николаевна молчала. Всем своим существом она поняла правоту матери и удивилась, как тонко она разобралась в ее чувствах к

сыну. Ей стало не по себе. Она кинулась к матери, прильнула к ее груди и громко зарыдала.

16 августа 1924 года Королеву вручили свидетельство о завершении среднего образования и получении специальности каменщика и черепичника. Из документа явствовало, что: «Королев сдал зачеты по следующим предметам: 1) Полит, гр., 2) русск. язык, 3) математика, 4) сопромат, 5) физика, 6) гигиена труда, 7) истор. культ, 8) украин., 9) немецкий, 10) черчение, 11) работа в мастерской.

Снова в семье стали решать, куда пойти учиться. Единого мнения не было. Сергей стоял на своем.

— Я хочу иметь живое, полезное людям дело. Строить самолеты и планеры. Строить и летать на них. Самые надежные крылья — это знания, мама. Я могу их получить только в Военно-воздушной академии.

Убедившись, что сына невозможно переубедить, Мария Николаевна после долгих раздумий не только дала согласие на учебу в Военно-воздушной академии, но и помогла ему. В конце августа 1924 года она приехала в Москву и обратилась к руководству академии с просьбой принять ее сына в число слушателей.

Мария Николаевна не знала, что по правилам в академию принимались только лица, отслужившие в Красной Армии и достигшие 18 лет. Она просила сделать для ее сына исключение, учитывая его горячее желание стать авиационным конструктором.

— Может, вот эта справка поможет моему сыну, — обратилась Мария Николаевна к представителю академии, когда все другие аргументы были исчерпаны:

...«Членом Губспортсекции тов. Королевым Сергеем Павловичем представлен сконструированный им проект безмоторного самолета К-5. Проект этот был представлен в Авиационно-технический отдел Одесского Губотдела ОАВУК и согласно постановления Президиума ТО от 9/VIII за № 4 признай годным для постройки и переслан в Центральную спортивную секцию в Харьков на утверждение...»

Овнакомившись со справкой, представитель академии сказал:

— Много не обещаю, но доложу о вашем сыне лично начальнику академии, — и, улыбнувшись, признался: — Не часто к нам обращаются юноши с подобными справками.

Приехав домой, Мария Николаевна сообщила обо всем Сергею. А в душе даже порадовалась, что спор между нею и сыном само собой разрешился в ее пользу. А тут еще стало известно, что в Киевском

политехническом институте тоже планируется подготовка авиационных инженеров на его механическом факультете. Неопределенность с приемом в московскую академию побудила Сергея поехать в Киев. Конечно, жалко было расставаться с друзьями и Ксаной Винцептинц, которую тайно любил. Но Ксана вела себя сдержанно, обещала отвечать на его письма, если он будет часто писать ей.

Глава третья

На пути к мечте

*Командируется на учебу.
Опираться только на себя.
В Москву навсегда.*

Поезд в Киев пришел с небольшим опозданием. Выскочив из душного вагона, Сергей оказался на привокзальной площади в шумной толпе. С лопатами и кирками на плечах, с деревянными наскоро сделанными носилками собрались сотни юношей и девушек. Раздалась команда: «Стройся!» Грянул духовой оркестр, над колонной взметнулось красное знамя.

— Куда это все? — успел спросить Сергей у девушки в красной косынке.

— Танцевать. Пойдем с нами, научим.

И только тут Сергей заметил плакат: «Все члены ОДН — на строительство школ!» Королев знал: ОДН Значит Общество «Долой неграмотность». «Вот и я хочу быть грамотным», — подумал он. Увидев уходящий трамвай, прыгнул в него. В Киеве Сергей не был восемь лет и сейчас с удивлением рассматривал его — красивый, полный зелени. Но улицы показались ему более тихими и менее людными, чем в Одессе.

Сергей задумался: «Куда пойти? К дяде Юре на Костельную, где он жил с семьей, или к бабушке Марусе, на Некрасовскую?!» Решил вначале навестить бабушку.

Вошел в дом тихо. Еще в открытую дверь, увидел бабушку, согнувшуюся над каким-то шитьем. Оставив у порога чемодан, нарочитым баском спросил:

— А не здесь ли живут Москаленки из города Нежина?

Мария Матвеевна, оторвавшись от шитья, вначале недоуменно смотрела на стоящего в передней Сергея, а потом, всплеснув руками, быстро-быстро заговорила:

— Сереженька, внук мой! Совсем взрослый. Молодец, что приехал. А я все хуже и хуже вижу.

Мария Матвеевна всплакнула.

Сереза стал еще больше похож на отца — тот же лоб, упрямый подбородок, те же спрямленные брови, и только глаза москаленковские — темные, как уголья.

— Ну что же мы стоим? Садись. Сейчас мы с тобой чайку попьем, — захлопотала Мария Матвеева и ушла на кухню.

Сергей оглянулся. У бабушки, как много лет назад, в комнате стояла старая мебель еще из нежинского дома. Те же фотографии висели на стене. На одной из них он, Сергей, в костюмчике с кружевным воротничком и с игрушечным ружьем. Сергей невольно взглянул на свое отражение в зеркале: на него смотрел взрослый парень, одетый в легкую серую куртку, перешитую из старого пиджака отчима, темные штаны и черные ботинки, как говорят, последнего износа.

Вошла бабушка, поставила на стол знакомый с детства пузатый фарфоровый чайник с цветами на боках, две большие чашки с серебряными ложками и тарелку пирогов.

— Будто сердцем чувствовала, что у меня сегодня гость будет. Садись, садись! — и, обняв внука за плечи, посадила его спиной к фотографиям. Налила чай, пододвинула ближе пирожки.

— Учиться приехал! Это хорошо. Какая жизнь без учения, — неторопливо говорила бабушка. — Власть новая учит грамоте старых и малых. Не то, что при «царе-батюшке».

Не успела она договорить, как в дверях появился ее сын Юрий.

Юрий Николаевич Москаленко преподавал в одной из киевских школ. На Некрасовскую он забегал почти каждый день. У матери жила его дочурка. Юрий Николаевич с интересом рассматривал вставшего из-за стола паренька.

— Неужели Сергей? — удивлялся дядя. — Такой хлопец вымахал? Ну, здравствуй!

Мария Матвеевна пригласила сына за стол, налила чаю.

— Мы до тебя, Юра, рассуждали с Серезей об образовании. Всем, кто хочет учиться, — учись. Раньше этого не было — Сколько денег-то понадобится государству... А с другой стороны, образованный человек всему голова. Все дела пойдут быстрее и в гору... А это на пользу всему народу. А сколько мы с отцом, царство ему небесное, денег заплатили за ваше учение вначале в гимназии, потом в институтах. Сколько подарков пришлось сделать всяческому начальству, чтобы все шло гладко. Всех четверых надо обуть, одеть прилично. Спасибо скажи лавчонке, которая нас поила и кормила. Ты ее первым начал стесняться. Писал «купецкий сын», А кто мы были с отцом? Кажется, нынче это называется «мелкие

лавочники»...

Впервые сын слышал от матери такие слова. И он заторопился.

— Извини, мама, у меня уроки. А ты, Сергей, будешь жить у меня, если не возражаешь. Жду.

Юрий Николаевич ушел, Мария Матвеевна проводила его взглядом и беззлобно сказала:

— Обидчивый стал. Тебе, Сережа, будет у него хорошо. А ты ешь, ешь...

Сергей с аппетитом ел пирожки, Мария Матвеевна сидела молча, наблюдая за внуком. Она любила тех, кто хорошо, быстро ел.

— Давно, бабуся, не ел таких вкусных пирожков.

— А ты знаешь, с чем они?

— Не знаю, но вкусно. Похоже на мясо.

— Похоже, ну и хорошо. Из редьки... Сколько лет учиться-то? Нелегко будет. Ну, ничего, ты парубок крепкий...

Вечером Сергей, как и обещал, пришел к Юрию Николаевичу. Дядя встретил его радушно, познакомил с дочкой. Подробно расспросил об одесской жизни, о сестре и отчине.

— Мама преподает в средней школе и на курсах, а Григорий Михайлович — начальник все той же электростанции и тоже преподает.

— Это очень, очень хорошо, — заметил Юрий Николаевич. — В наше время жизнь трудна. За учебу тебе платить придется. Ты ведь не пролетарского происхождения, ведь только такие освобождены от платы за обучение. В институте не расписывай очень-то заработки родителей, — посоветовал практичный дядя.

Поздно вечером того же дня Сергей сел писать заявление в Киевский политехнический институт. «Прошу принять меня в КПИ...Окончил в настоящем году 1-ю строительную профшколу в Одессе. Отбыл стаж на ремонтно-строительных работах по квалификации подручного черепичника».

— Мать писала, что ты планер спроектировал, вот и об этом напиши, — подсказал Юрий Николаевич.

— Хорошо, — согласился Сергей. — А то я уже не знал, что писать дальше.

«Мною сконструирован безмоторный самолет оригинальной системы К-5», — написал Сергей. Далее он сообщил, что проект и чертежи, принятые одесским отделом ОАВУК, направлены на утверждение в

Центральный отдел в Харькове, который в те годы был столицей Украины.

Прочитав написанное, Сергей счел нужным указать, что все необходимые знания по отделам высшей математики и специальному воздухоплаванию «получены... самостоятельно». Заканчивалось заявление так: «В силу вышеизложенного прошу дать возможность продолжить мое техническое образование». Перепечатав заявление на машинке, выправил опечатки, поставил подпись: «С. Королев».

...Подав заявление, Сергей Королев несколько дней ходил в неведении: примут ли его в институт. В институте, как и в вузах всей страны, работала специальная комиссия, цель которой — дать дорогу в учебное заведение детям пролетариев, самим рабочим и крестьянам, участникам революции, гражданской войны. Став студентами, они освобождались от платы за обучение. Затем рассматривались заявления трудовой интеллигенции. Данные о социальном происхождении проверялись путем предоставления различных справок, рекомендательных писем от организаций и учреждений. Было несколько таких писем и у Сергея Королева. Одно из них — от правления Киевского губотдела профсоюза работников просвещения: «19 августа 1924 года... Дано сие тов. Королеву Сергею, члену Союза рабпрос № 13266, в том, что он командирован для поступления в КПИ в счет разверстки...»

В другом документе Одесская Губспортсекция охарактеризовала Королева «как энергичного, способного и хорошего работника, могущего принести большую пользу как по организации, так и по руководству планерными кружками».

На предварительной беседе с представителем комиссии ему сказали:

— Будем предлагать тебя, Королев, в последнюю очередь. Мозолей у тебя на ладонях нет и не воевал за народную власть. То, что планер проектировал, — это хорошо, учтем.

Сергей Королев ушел обиженный. Воевать он просто не успел, возраст не позволял, а мозолей нет — так что ж, от работы он не бегал.

Надо было ждать. Сергей решил осмотреть здание института, его аудитории. Хотелось с кем-то поговорить, узнать побольше об учебном заведении. Но все оказалось закрытым. Только в библиотеку дверь была распахнута. Сергей вошел. Седая женщина в старомодном костюме, увидев посетителя, предупредила:

— Библиотека пока закрыта, молодой человек. Приходите через несколько дней, как начнутся занятия. Королев молча вышел, но тут же вернулся.

— Я поступаю в ваш институт, — начал он робко, — и хотел узнать о нем...

— Вот как! — отозвалась библиотекарь. Быстро встала и скрылась в лабиринте стеллажей. Затем передала Королеву перепечатанные на машинке страницы. — Садитесь вон за тот столик. Вы мне не мешаете.

На титульной странице Сергей прочитал: «К 25-летию Киевского политехнического института (1898–1923 гг.)...»

Сергей перевернул несколько страниц, чтобы узнать подробности о механическом факультете. Но его внимание привлекли строки о секции воздухоплавания, превратившейся потом в технический кружок. Сережа узнал, что в институте существовало Общество воздухоплавания, объединившее ученых, преподавателей и студентов. В его стенах обучался Игорь Сикорский — один из первых строителей отечественных самолетов. Его легкокрылые машины получали первые призы на международных конкурсах. Окончил институт и Дмитрий Павлович Григорович, гидросамолеты которого он знал еще в Одессе.

В мастерских института ремонтировали самолеты Красной Армии. Сотни выпускников КПИ разъехались по стране, восстанавливали народное хозяйство, строили новую жизнь...

Побывал Королев в институтском музее авиации. Его особенно заинтересовали там модели различных самолетов, авиационные моторы всевозможных марок, планеры.

Вечером дома на вопрос Юрия Николаевича, как прошел день, охотно ответил:

— Удачно. Ознакомился поближе с институтом. В нем, оказывается, силен авиационный дух. А это то, что мне надо!

— Вот и хорошо. Напиши матери. Наверное, волнуется.

— Напишу, когда официально скажут: «Принят». Через два дня Сергей увидел в списке «счастливых» и свою фамилию. Ему в ту пору не было еще и восемнадцати лет. И он по праву гордился тем, что стал студентом одного из крупнейших технических вузов страны. Написал матери: «принят». В ответ пришло письмо с поздравлениями, но одновременно Мария Николаевна сообщала, что из московской Военно-воздушной академии ответили, что могут принять Сергея Королева слушателем, в виде исключения, учитывая его особый интерес к авиации.

Получив письмо, Сергей несколько дней размышлял, как поступить. Очень хотелось учиться в академии, но Москва далеко от Одессы, Киева. Как он там будет один? Ведь помочь ему некому. Да и неприятно опять собирать документы. Сергей решил остаться в Киеве. Да, от Киева до

Харькова ближе, а туда учиться приехала Ксана.

Единственное, что беспокоило Сергея Королева, — плата за учебу, чуть ли не сорок рублей. Он надеялся на помощь матери и отчима, но знал — она не будет достаточной. Одним словом, надо учиться и работать. В таком положении оказалось большинство студентов. Именно поэтому учебные занятия в институте начинались в 16 часов. Найти работу оказалось не так-то просто: в стране еще царила безработица. Но Сергею удалось устроиться разносчиком газет.

Среди студентов механического факультета Сергей считался одним из самых молодых и образованных. Немногие студенты могли похвастаться, что, как Королев, окончили школу. Они стали студентами сразу после окончания двухгодичных рабочих факультетов. Случалось, что преподаватель, упрекнувший студента в неправильном написании формулы, мог услышать в ответ:

«Извините, но я два года назад не умел даже расписываться».

За институтской партией сидели люди от 17 до 45 лет. И только святая убежденность, что их знания нужны стране, чтобы выбраться из разрухи, только жажда знаний, необычайное упорство и трудолюбие позволяли бывшим батракам и рабочим, красноармейцам и краснофлотцам одолевать научные премудрости. Конечно, учиться им было очень тяжело, не все сразу удавалось, и, чтобы не обижать их, не отбивать желания учиться, в зачетных книжках в то время ставилось лишь «зачет».

В письме к матери в Одессу Сергей Королев писал:

«Встаю рано утром, часов в пять. Бегу в редакцию, забираю газеты, а потом бегу на Соломенку, разношу. Так вот и зарабатываю восемь карбованцев. И думаю даже снять угол». Да, кем только не был Сергей в эти годы: и разносчиком газет, и грузчиком, и столяром, и кровельщиком. Но все же еле сводил концы с концами.

Настоящим праздником для Сергея были воскресенья — день обеда у бабушки Маруси. Она очень любила своего первого внука, в глубине души чувствовала свою вину перед ним за его нелегкое детство. Нет, она не осуждала дочь за развод с Королевым и даже радовалась, что та нашла себе желанного человека. Но, видя изношенные до предела ботинки внука и одежонку, обижалась на дочь за невнимание к сыну... «Да и отец, Павел Яковлевич, не за горами живет... в Киеве... Живет, будто у него и сына нет», — думала она. И тут же оправдывала его. «Не знает, что его Сергунька рядом». Да и слышала она мельком, что Павел Яковлевич женился.

Сама помочь Сергею не могла. Но, случалось, нет-нет да и сунет в

руку карбованец на расходы. В воскресный день ждала его и ставила на стол все, что могла. У бабушки Маруси Сергей наедался досыта, на всю неделю. И вообще со студенческих лет взял за правило: никогда не ждать второго приглашения за стол. Садился за него после первого...

Годы учебы раздвинули границы представлений Сергея Королева о жизни. Его постоянно окружали интересные, увлеченные люди, много уже повидавшие за свою не очень длинную жизнь. Вместе со всеми студентами Сергей выходил на субботники, заготавливал дрова для института. Любили читать газеты вслух, обсуждать происходящее в стране и в Киеве.

Раньше Сергей был далек от общественной жизни. В их семье никогда не говорили об этом, а любя мать, он многое в жизни воспринимал от нее, смотрел на вещи ее глазами. С уст Марии Николаевны, привыкшей жить в достатке, нет-нет да и срывалось: «Раньше у нас все было...» Только в институте, оказавшись среди тех, кому «раньше было хуже», Сергей стал понемногу понимать, какие исключительные перемены происходят в стране и какие прекрасные возможности открываются для всех.

В институте существовал планерный кружок. За его работой следили и помогали многие видные ученые, преподававшие в КПИ: В. Ф. Бобров, Д. А. Граве, Н. Б. Делоне. Стать членом кружка первокурснику оказалось совсем непросто, но Королев часто приходил в мастерские, где строились планеры, наблюдал, как на его глазах рождались безмоторные самолеты, и надеялся быть хоть чем-нибудь полезным.

Наконец в самую горячую пору, незадолго до очередных всесоюзных планерных состязаний в марте 1925 года, когда каждая пара рук была на счету, «наблюдателя» заметил конструктор планера КПИР-3 Степан Карацуба. Они с Королевым были с одного факультета.

— Чего стоишь, помог бы! — крикнул Степан. Разговорились. Узнав, что Королев недавно поступил на планерные курсы инструкторов, мечтает о постройке собственного планера, но еще больше о самостоятельном полете, Карацуба предложил ему включиться в одну из строительных бригад.

— А полетать можно будет?

Карацуба не успел ответить, к ним подошел руководитель кружка. Посмотрел на работу, сделал несколько замечаний и поторопил:

— К вечеру надо закончить. Послезавтра комиссия...

Так оказался Сергей Королев в планерном кружке. Трудился он, как и все, много и увлеченно. Часто по ночам. Спал Королев порой прямо в мастерской на стружках. Он любил работать и был мастером на все Руки. После него никогда ничего не переделывали.

Планеры, построенные в институтских мастерских, участвовали даже в международных соревнованиях, получая самые высокие оценки. У кружковцев существовало правило: кто строил планер, тот и летал на нем.

Учебный планер, КПИР-3, в который вложил и свою долю труда Королев, был построен. Летал на нем и Сергей. Один из полетов чуть было не стоил ему жизни. На границе площадки — пустыре, где испытывались планеры, из кучи мусора торчала водопроводная труба. Сергей не заметил и посадил планер на... нее. Удар оказался достаточно сильным, Королев на какое-то время потерял сознание. Несколько дней отлеживался дома. Он снимал уже отдельную комнату. А поправившись, в очередное воскресенье как ни в чем не бывало пошел к бабушке Марусе.

В это лето Сергей подрабатывал, ремонтируя дома, участвуя статистом в киносъёмках. Так что тем для разговоров за столом у бабушки хватало. Правда, скоро предстояла разлука — Сергей отправлялся на практику в Конотопское паровозное депо. Но это ведь ненадолго. Бабушка была довольна внуком.

Прошел еще год. Заканчивался второй курс учебы в институте. Сергей уже сдал 27 зачетов. В зачетной книжке стояли «автографы» математика Л. Я. Штрума, известного в научных кругах своей работой «Условия устойчивости атомного ядра», преподавателя технической механики И. Я. Штаермана, специалиста в области сопротивления материалов Г. И. Сухомела, термодинамика — Т. Т. Усенко, физики — Г. Г. Де-Метца и т. д. В разделе практических занятий в лабораториях стояла подпись В. В. Огиевского, известного специалиста в области электротехники, участника строительства первой на Украине радиовещательной станции.

Все преподаватели единодушно отмечали прекрасные способности Сергея Королева, огромную трудоспособность, упорство и интерес не только к техническим предметам. Он не пропускал ни одной лекции по архитектуре и строительному искусству, литературе. Но только авиация по-прежнему влекла к себе Королева, только в ней он видел смысл своей жизни.

Вернувшись в конце лета 1926 года с производственной практики, Сергей не нашел писем из Москвы, где с недавних пор поселились мать с отчимом. Это огорчило его, ведь он ни разу не был в столице и надеялся на их приглашение. В довершение всего узнал, что попытка ректора КПИ В. Ф. Боброва открыть при механическом факультете авиационное отделение не нашла поддержки. Ректор не скрыл этого факта от студентов.

— Желаящим получить авиационное техническое образование, —

посоветовал он, — стоит перевестись в Московское высшее техническое училище. Там усилиями Николая Егоровича Жуковского открыт курс по подготовке аэромехаников. Или сделайте попытку поступить в московскую Военно-воздушную академию.

Тут Сергей Королев вспомнил давнее письмо матери, в котором она сообщала, что московская Военно-воздушная академия может, как исключение, принять его в число своих слушателей. «Надо было рвануть в Москву. Учился бы сейчас там. Напугался, как там один буду», — обозлился на себя Сергей.

Размышляя так, он оказался возле канцелярии института. Остановился в нерешительности.

— Что задумался? — положив ему на плечо руку, спросил один из друзей — Михаил Пузанов, бывший на добрый десяток лет старше Королева. Михаил много помогал Сергею в студенческой жизни. Они дружили уже два года, и Сергей не переставал удивляться трудолюбию и целеустремленности этого человека. В гражданскую Пузанов защищал Советскую власть, бил банды разных «батек», потом — рабфак и почти в тридцать лет — студент.

— Михаил! — обрадовался Сергей. — Ты откуда? Ты так мне нужен.

— Да что случилось?!

Сергей рассказал товарищу о том, что аэрогруппы не будет, а он хочет быть только авиационным инженером и не знает, как же дальше? Обстоятельный Пузанов не торопился с ответом.

— Матери написал?

— Я не знаю, что она ответит.

— Так... Вот что я тебе, дружище, скажу. Ты зачем шел з канцелярию? Брать документы, верно? Сергей утвердительно кивнул.

— Значит, решил! Вот как решил, так и делай. Давай в Москву, Сергей! Опирайся только на себя. Это самая надежная опора, — и легонько подтолкнул его к двери канцелярии, — иди!

В августе 1926 года, не предупредив родителей, Сергей Королев приехал в Москву. Первую московскую ночь провел в студенческом общежитии, размещавшемся не то в монастыре, не то в церкви. Вначале Сергей решил узнать, каковы шансы поступить в МВТУ. И если их нет, то возвратиться в Киев, не расстраивая мать. Наутро пошел в МВТУ. Там не отказали. Предложили заполнить анкету и приложить к ней соответствующие документы, через неделю сдать все в канцелярию училища.

МВТУ по праву считалось одним из основных вузов страны, готовящим инженерно-технические кадры, столь нужные для осуществления планов индустриализации страны. Здесь родилось немало новых принципиальных направлений и идей науки и техники.

Хорошее настроение, оставшееся после посещения МВТУ, не покидало Сергея, правда, угнетала мысль о предстоящем объяснении с матерью. И, оттягивая разговор, который не обещал быть приятным, Королев решил сначала посмотреть столицу. Да и начавшийся день располагал к этому. В голубом московском небе ни облака. С первых же шагов столица показалась Королеву красочнее, ярче Киева, торжественнее. Королев почувствовал, что Москва примет его, поймет. «Будет удача», — решил он.

Все было необычно, ново, все ему нравилось. На зданиях — во всю длину фасадов — алели полотнища. Одни призывали выполнить решения XIV съезда РКП (б), другие — крепить смычку города и деревни. Но все чаще повторялся лозунг: «Даешь индустриализацию страны!»

...У памятника Пушкину на Страстном бульваре Королев замер. Его поразила задумчивый грустный взгляд поэта. Он напомнил ему Одессу. Сергей и Ксана любили его поэзию и каждый раз, приходя на площадь, где установлен бронзовый бюст Александра Сергеевича, клали к подножию букеты белых роз. «А у меня сегодня нет цветов, — с досадой подумал Сергей, оглядываясь вокруг в надежде купить их. Но их нигде не было, — я еще не раз побываю у вас, Александр Сергеевич, и не один, а с Ксаной и принесу мои любимые розы».

Королев вышел на главную улицу столицы — Тверскую и тут встретился взглядом с матросом, строго смотревшим на него с огромного кинорекламного щита. Фильм «Броненосец «Потемкин» недавно вышел на экраны. Сергей еще не видел эту картину, сразу ставшую знаменитой, но знал, что ее снимали в Одессе. Поймал себя на мысли, что он душою все еще в городе, ставшем ему родным.

«Махнуть бы на пару деньков в Одессу, встретиться с друзьями! — мелькнуло в голове. — Да и к Ксане хорошо бы съездить в Харьков. Как она там? Как учеба в медицинском институте? Что-то она скупой стала отвечать на письма? Да, давно пора повидаться и окончательно объясниться. Надо к ней съездить. А на какие шиши?.. Денег, заработанных летом на практике, едва хватило на билет до Москвы. Не до поездки! Надо искать работу!..»

Быстро зашагал по многолюдной Тверской улице, круто спускавшейся к Кремлю. Издалека он увидел кремлевскую башню, еще увенчанную

двуглавым орлом. Поднявшись на Красную площадь, поразился красотой храма Василия Блаженного. Повернулся в сторону Кремлевской стены и увидел то, ради чего пришел сюда: святая святых — Мавзолей Ленина. К нему текла бесконечная людская река. Ступенчатая усыпальница, построенная из дерева, так вписалась в архитектурный облик Кремля, что, кажется, сливалась с ним. И только слово «Ленин» да траурная полоса на Мавзолее виднелись издалека. У входа в Мавзолей стояли красноармейцы в остроконечных сероватых шлемах со звездами. Королев занял место в очереди.

Выйдя из Мавзолея, он долго еще стоял на площади, вспоминал январский день 1924 года, притихшую Одессу. Приспущенные флаги с черной каймой, траурные митинги, печальные гудки заводов и фабрик, паровозов и судов, стоявших в Одесском порту.

— Вот хорошо, Сергей, что ты приехал, — открывая дверь сыну, обрадовалась Мария Николаевна. — Москву посмотришь...

— Я в Москву навсегда, мама. С Киевом покончено.

— А как же учеба? — переменившись в лице, всплеснула руками мать. — Ведь два курса окончил... Куда же ты теперь, недоучкой.

Разговор об образовании на этот раз оказался недолгим, но последним. Мария Николаевна поняла — с пути, по которому идет сын, он не отступит ни на шаг в сторону.

— Хорошо, Сергей, пусть будет по-твоему, — уступила мать. — В конечном счете ты будешь не летчик, а инженер.

— Я хочу строить самолеты и летать на них, — твердо сказал Сергей. — Я договорился в МВТУ.

— Ну, хорошо, хорошо, — начиная терять терпение, сказала Мария Николаевна. — Возвращайся в Киев, получи нужные документы...

— Они, мама, со мной. И ты не волнуйся, я обременять вас не буду. Мне ведь девятнадцать...

Мария Николаевна оглядела квартиру, как будто видела ее впервые: две небольшие комнаты. В первой продолговатой — спальня, во второй — столовая. Да и в ней чертежная доска, листы ватмана повсюду. Комната больше походила на рабочий кабинет мужа...

— Ну, мама, не молчи! — как-то совсем как в детстве, еще в Нежине, сказал Сергей. — Я так хотел тебя видеть...

Веки Марии Николаевны дрогнули, и по щекам ее, впервые за много лет, потекли слезы. Она невольно ткнулась головой в плечо сына и замолчала. Потом собралась с силами, словно стряхнула с себя груз непомерной тяжести. Взглянув в глаза сына, неожиданно для него весело

сказала:

— Ну и слава богу, будем жить все вместе, как в Одессе. Потесним Григория Михайловича. Это будет твоя комната, — приняла она решение.

Наутро, подготовив все документы, Королев отправился в МВТУ. Шли экзамены, собеседования.

На лестнице, ведущей в деканат механического факультета, Королев остановился. С красочного плаката молодой летчик в шлеме и в летных очках строго спрашивал каждого входящего: «Что ты сделал для воздушного флота?» «Кое-что», — подумал Королев.

В деканате немолодой мужчина в позолоченном пенсне приветливо спросил:

— Из киевского? — и, внимательно просмотрев все документы, остался ими доволен. — Нуждаетесь в общежитии?

— Нет, у меня здесь живет мать.

— Хорошо. Сейчас создается специальная вечерняя группа по аэромеханике. Не желаете?

— Это меня устраивает вполне. Мне необходимо работать.

Из училища Сергей пришел домой довольный.

— Все хорошо, мама, принят в вечернюю группу.

— Почему в вечернюю? — недовольно спросила мать.

— В этом есть свой смысл.

— Какой?

— Может, мне удастся устроиться на авиационное предприятие. Знаешь, как это здорово. Практика.

— Сергей, пожалуй, прав, — поддержал Григорий Михайлович.

В Москве Сергей Королев вдруг понял, что в Киеве он жил спокойнее, пожалуй, равнодушнее ко всему, что происходило вокруг. А здесь все идет в другом темпе. Красочные плакаты и лозунги пестрят со зданий, из витрин магазинов, с рекламных тумб. И никого не оставляют равнодушным. Они зовут к активным действиям: строить заводы и фабрики, учиться летать на самолетах, приглашают на художественные выставки, на диспуты, требуют овладевать знаниями. Королев по утрам покупал много газет. События в стране и за рубежом, словно пропущенные через увеличительное стекло, фокусировались на газетных листах из номера в номер. Все интересно, все ново, все вызывает удивление: и сообщение о поездке президента Академии наук СССР А. П. Карпинского по странам Западной Европы, и информация о предстоящем полете летчика Громова и бортинженера Родзевича вокруг Европы, материалы об успешных полетах советских летчиков по маршруту Москва — Тегеран, Москва — Стамбул. А сколько

статей о решениях XIV съезда партии, о том движении, которое развернулось в стране за превращение страны из аграрной в индустриальную. Новые заводы, фабрики, построена новая домна, новый мост, добыто больше угля. Каждый день оглушал новыми фактами. Радостные лица прохожих, улыбки, и Сергей был рад, что он вместе со всеми в этом водовороте жизни. А сколько пользы он еще принесет. Авиация, за ней будущее. Королев был в этом уверен.

Как-то в «Правде» Сергей Королев прочитал статью «Итоги объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)» и сразу понял: даже в партии есть еще люди, которые противятся строительству новых фабрик, заводов, значит, они не хотят, чтобы крепла и авиация, ради которой он приехал в Москву.

Вскоре Сергею пришлось столкнуться с такими людьми. Однажды под вечер во дворе училища собрались студенты. Из любопытства Сергей подошел к ним и услышал, как пожилой человек говорил, обращаясь к собравшимся: «Четырнадцатый съезд совершил тактическую ошибку... Не до индустриализации нам. В лаптях строить социализм смешно... Вам, молодежь, жить завтра. Возвысьте свой голос. Мы готовы возглавить ваше движение. Для нас вы — важнейший барометр партии».

— Вот сволочь, — выругался стоявший рядом с Сергеем паренек в выцветшей красноармейской форме. — Знает, что среди преподавателей есть сторонники Троцкого. Нас старается... Не выйдет. — И, громко свистнув, нырнул в толпу. Вслед за ним озорно свистнул и Сергей.

А к трибуне между тем энергично пробивался невысокий человек с темной бородкой и усами.

— Это наш профессор Ветчинкин Владимир Петрович, — услышал Сергей чей-то голос. — Голова! Его все знают.

Толпа притихла, едва на трибуну поднялся Ветчинкин. Отстранил рукой оратора:

— Вот что, мои юные друзья! Если хотите учиться, не слушайте этих болтунов. Не слушайте! — решительно потребовал профессор. — А что касается нас, представителей старой русской интеллигенции, то мы с вами, тоже хотим жить и строить завтрашний день. Мы охотно передаем молодым свои знания и опыт. И делаем это для блага Родины. А она одна — и для молодых, и для старых. А лапти мы скоро скинем. Меня учил Жуковский, а его высоко ценил Ленин. Я передам свои знания будущим инженерам, и они сделают нашу Родину великой.

Вслед за профессором на трибуну поднялся паренек, только что стоявший рядом с Сергеем. Он заговорил быстро и энергично:

— Нам с оппозицией не по пути. Кто против Ленина, того гнать из партии. В двадцатом я добивал беляков, интервентов всех мастей. Сейчас пришел учиться, и никто мне в этом не помешает. — Достал из кармана газету. — Вот послушайте, товарищи, к чему призывает нас Союз молодежи. «Комсомол вместе с партией за единство и дисциплину, за ленинизм»!

Кто-то запел «Вставай, проклятьем заклеянный». Гимн партии большевиков зазвучал мощно и величаво. Вместе со всеми пел и Сергей Королев.

Глава четвертая

Может, потребуется вся жизнь

*Учеба в МВТУ.
Сегодня планер — завтра самолет.
Читая Циолковского.
Строить ракеты, летать на них.*

Всеми силами Королев стремился в авиацию. Казалось, вот теперь нет никаких преград. Насыщаться знаниями, буквально добывать крупички информации из журналов, научных работ, делать все возможное, чтобы приблизить заветный час исполнения мечты, — вот то единственное, что наполняло жизнь Сергея Королева в это время.

Едва поступив в МВТУ, Сергей сразу же включился в работу студенческого кружка, сокращенно называвшийся АКНЕЖ, а полностью — Академический кружок имени Николая Егоровича Жуковского. В нем с лекциями выступали инженеры, ученые.

Авиация все шире расправляла крылья в нашей стране. Молодежь Страны Советов страстно мечтала о небе. В 1926 году в Москве открылась планерная школа, чтобы дать возможность юношам и девушкам утолить свою жажду к небу, готовить пилотов-планеристов без отрыва от производства. Начальником школы утвердили студента старшего курса МВТУ Владимира Титова, а одним из его добровольных помощников стал Сергей Королев.

Вскоре недалеко от Москвы, в районе Горок Ленинских нашли подходящее место для планеродрома; построили легкий ангар, привезли планеры. Как правило, это были машины, сконструированные чуть ли не в домашних КБ самими планеристами. Для теоретических занятий учлетов, как называли слушателей школы, выделили для начала подвальное помещение по Садовой-Спасской улице, 19.

23 января 1927 года состоялось торжественное открытие Московской планерной школы. Это был праздник — парад безмоторной авиации. Известные летчики показывали свое мастерство, демонстрируя возможности планерных полетов. Среди многочисленных гостей находился С. С. Каменев — известный военачальник, заместитель наркома по военным и морским делам. Он с интересом наблюдал за полетами,

поглаживая свои длинные торчащие в разные стороны усы, улыбался. Изредка что-то одобрительно говорил начальнику школы Владимиру Титову.

Сергей Королев стоял вместе с другими учлетами и с доброй завистью смотрел на полеты мастеров планеризма. «Вот бы научиться так! Как красиво летают, какие мастера! Когда же я-то вот так смогу?» — с доброй завистью думал Сергей, не отрывая глаз от планеров, парящих в небе.

Сергей со всей тщательностью изучил планер «Пегас», подарок немецких конструкторов, прекрасную машину «Закавказец», построенную А. Чесаловым. Но больше всего Королеву понравился планер с непонятным для непосвященных названием «Мастяжарт». Он познакомился с одним из его конструкторов — студентом МВТУ Сергеем Люшиным, старше Королева на пять лет. От него узнал, что машину строили в мастерских тяжелой артиллерии — отсюда и «Мастяжарт». Королев и Люшин подружились и на долгое время стали неразлучными друзьями. К двум Сергеем вскоре присоединился еще один студент Петр Флеров. Пожалуй, они чаще других курсантов бывали на планеродроме. Королев не терял времени зря, дотошно изучив материальную часть планеров, начал постепенно летать. Он тщательно готовился к каждому полету, проверял узлы крепления и обшивку крыла, оперение и систему управления планером, вникал в каждую деталь. Часто после полета он высказывал предложения об улучшении конструкции учебного планера.

В планерной школе царила атмосфера удивительной самоотдачи любимому делу. Каждый четверг и воскресенье становились для курсантов праздниками — к ним на планеродром приходили их кумиры — летчики-планеристы, конструкторы. Их слушали затаив дыхание, старались не пропустить ни единого слова. В гостях у курсантов побывал знаменитый летчик Константин Константинович Арцеулов, один из инициаторов развития в стране массового планеризма, первым в России выполнивший на самолете преднамеренный штопор. Именно он выбрал в Крыму место для первых планерных состязаний — Коктебель.

Летному делу молодых учили такие известные летчики, как Владимир Георгиевич Гараканидзе, летчик из летного отряда Военно-воздушной академии Карл Михайлович Венслов, военный летчик Андрей Борисович Юмашев, летчики-испытатели Леонид Александрович Юнгмейстер, Дмитрий Александрович Кошиц.

Сергей Королев в январе, феврале и марте 1927 года много, охотно летал, успешно осваивая один планер за другим. После «Пегаса» пересел на «Мастяжарт», и, наконец, ему доверили первоклассный планер

«Закавказец». Изредка Королев приходил и на теоретические занятия, хотя как третьекурсник он освобождался от их обязательного посещения. Но лекции по аэродинамике планеров, которые читал Н. Н. Фадеев, известный своими трудами в этой области, Сергей не пропускал.

От полета к полету росло летное мастерство курсантов, а вместе с ним мужали и их характеры. Ведь без таких качеств, как целеустремленность, ответственность, хладнокровие, выдержка, летчику не обойтись. Сергею пришлось нелегко. Институт, самостоятельные занятия, планерная школа, а он ведь еще и работал, то в КБ, то на авиационном заводе.

В конце марта 1927 года на планеродроме в Горках Ленинских состоялись выпускные экзамены первой группы курсантов Московской планерной школы.

Присутствующий на экзаменах С. С. Каменев, не отрывая глаз от неба, любовался, как уверенно вел безмоторную птицу тот или иной курсант, кричал ему вслед:

— Молодец! Молодец!

А потом подзывал учлета к себе и крепко жал руку, благодарил.

Полеты курсанты совершали в порядке алфавита. Дошла очередь и до Королева. Сергей занял место в планере «Мастяжарт». В кожаном шлеме, летных очках он выглядел как заправский летчик.

— Не нажимай, все делай помягче, Серго, — напомнил Гараканидзе.

— Ни пуха, ни пера, — напутствовал Кошиц. Стартовая команда, состоящая из десятка учлетов, привычно накинула на носовой крючок планера кольцо с закрепленным к нему амортизатором. Разбившись на группы, ребята начали медленно растягивать амортизатор — расходясь в стороны. В это время несколько курсантов что есть силы держали планер за хвост. Все это напоминало детскую рогатку с резинкой, где вместо камня находился планер. Наконец хвост отпустили. Сергей почувствовал, как «Мастяжарт» оторвался от заснеженной полосы и поднялся на пятнадцать метров. Королев понял, что волнуется, но тут же взял себя в руки. Осмотрелся вокруг. Впереди открылась панорама Москвы с искрящимися на солнце куполами кремлевских храмов, внизу — заснеженная синева реки Москвы. Вверху — прозрачное, будто хрусталь, мартовское небо. Необъяснимое чувство восторга заполнило все существо Сергея. Он летит... Всякий раз это такое наслаждение. Королев, плавно работая ручкой, начал делать первый разворот. Планер послушно выполнил задание пилота, описав полукруг. Высота еще была достаточна, Сергей уверенно еще раз сработал, рулями и начал второй разворот. Программа выполнена. Теперь оставалось посадить планер на землю. И это Королев

провел мастерски.

После окончания полетов планеристы выстроились. В. М. Титов подошел к Каменеву и доложил:

— Товарищ заместитель наркомвоенмора! Первая группа летчиков-планеристов экзамены закончила. Замечания по полетам, Сергей Сергеевич, разрешите, я сделаю курсантам особо.

— Спасибо. Мне понравились ваши полеты, — обратился Каменев к планеристам. — Это хорошо, товарищи, что вы стремитесь в небо. Сегодня планер — завтра самолет. Стране нужен воздушный флот. Вам его строить, вам летать, оборонять пашу страну. Успехов вам!

Домой Сергей вернулся самым счастливым человеком.

Мария Николаевна встретила сына на пороге. Она уже давно смирилась с тем, что сын выбрал себе такой жизненный путь. А сейчас такой радостный, улыбающийся, он стоял в дверях, и невозможно было не ответить тем же. Она, конечно, знала, какой сегодня день у Сергея, и спросила только: «Ну?»

— Я сдал экзамены, сдал, окончил планерную школу, я умею летать на планере. Одного я уже добился, мама! Теперь остальное.

В комнату вошел отчим. Он слышал весь разговор.

— Поздравляю, Сергей. Я всегда верил в тебя и знал, что ты добьешься своего. Что же теперь?

— Как что? Теперь — строить самолеты. Вот моя мечта. Она не изменилась. Закончить МВТУ, набраться знаний и...

— Ладно, ладно, мечтатель. Ложись-ка спать, планерист. Ведь завтра на работу. Не забыл на радостях?

На старших курсах занятия стали интенсивнее. Начали изучать «Динамику полетов», «Аэродинамический расчет самолета», «Конструкцию самолета». Лекции читали крупные специалисты в области самолетостроения, известные ученые Владимир Павлович Ветчинкин, Борис Николаевич Юрьев, Борис Сергеевич Стечкин. С особенным нетерпением Сергей Королев ждал лекций знаменитого уже в ту пору тридцатипятилетнего авиационного конструктора Андрея Николаевича Туполева. Читал он студентам механического отделения вводный курс по самолетостроению.

На лекциях Туполева стояла такая тишина, что даже на задних скамьях было слышно, как постукивает мел о грифельную доску, которыми он пользовался, объясняя будущим авиаконструкторам азы профессии. Для студентов Андрей Николаевич — непререкаемый авторитет. Еще бы! Его самолеты уже бороздили небо.

Часто после лекций Сергей мечтал. «Вот бы поработать у Туполева в конструкторском бюро. Нет, я правильно определил свою судьбу. Я могу быть только авиаконструктором».

Королев учился со свойственным ему трудолюбием, не ограничивался только материалами учебников и лекций преподавателей. Он подолгу занимался в технической библиотеке.

8 апреля 1927 года в столовой училища, куда вечерники заходили перед началом занятий, Сергей Королев увидел объявление. Студентов приглашали послушать лекцию. Ее читал Александр Яковлевич Федоров — один из организаторов Первой мировой выставки, посвященной межпланетным сообщениям и приуроченной к 10-й годовщине Октября и 70-летию К. Э. Циолковского. В этот день в расписании занятий вечерников обнаружилось «окно», и многие из них пошли на лекцию.

Федоров рассказал о зарубежных участниках выставки. То, о чем он говорил, было мало известно, а скорее совсем неизвестно аудитории: круг знаний аудитории ограничивался общими сведениями об идеях, пожалуй, только одного Циолковского, да фантастическими романами Жюль Верна, Г. Уэллса, А. Толстого «Аэлита» и А. Богдаяова «Красная звезда».

В числе первых лектор назвал американца Р. Годдарда, крупного ученого-экспериментатора, автора классической монографии «Метод достижения экстремальных высот». Сообщил, что Годдард первым в мире в 1926 году запустил жидкостную опытную ракету. Она поднялась на высоту всего двенадцать метров и пролетела немногим более пятидесяти. Но этот маленький шаг вел к большому. Студенты узнали некоторые подробности и о выдающемся немецком ракетчике Г. Оберте. Его работа «Ракета в межпланетном пространстве» — важный вклад в космонавтику. Ученый вслед за Циолковским рассмотрел не только основные уравнения движения ракет, но и проблемы составных ракет, топлива к ним.

Упомянул Александр Яковлевич французского ученого и летчика Р. Эсно-Пельтри, автора трудов по теории реактивного движения, немецких ученых В. Гомана, М. Валье, известных в среде ученых, интересующихся полетами в космос, работами «Возможность достижения небесных тел», «Полет в мировое пространство, как техническая возможность».

Больше, чем о зарубежных ракетчиках, Королев, естественно, знал о К. Э. Циолковском. Но особенно его порадовало то, что в Москве работает некто Фридрих Артурович Цандер, который пытается осуществить идею полетов за атмосферой. Тут же у Сергея Королева мелькнула мысль: «Надо бы разыскать этого человека».

В один из майских дней Сергей вместе с приятелем Саввой

Кричевским отправились на мировую выставку межпланетных аппаратов. С Саввой с недавнего времени их связывали не только дружеские отношения. Они решили вместе работать над проектом легкого самолета.

Выставка размещалась на Тверской улице в доме № 68 (ныне ул. Горького, 28). У входа они увидели людей, с любопытством рассматривающих выставленную в витрине фантастическую картину: на фоне темного звездного неба висел маленький земной шар. Из лунного кратера, окруженного громадой горных пиков, на родную планету смотрел человек.

Народу в залах было немного. Савва кинулся смотреть экспонаты научно-фантастического раздела, а Сергей устремился к необычной модели самолета, подвешенной под потолком. Над ней висела табличка: «1922, СССР. Инженер Цандер». Самолет поражал необычностью форм. Это был тупоносый снаряд, резко заостренный внизу и чем-то напоминающий восклицательный знак. Еще удивительнее то, что самолет имел четыре пары крыльев. Наиболее крупные полуовальные размещались в передней части фюзеляжа по обеим сторонам кабины, а остальные три пары — все более уменьшающихся размеров — в хвосте. Завершался фюзеляж-снаряд соплом. На одном из чертежей Королев прочитал: «Межпланетный корабль системы Ф. А. Цандера, инженера-технолога». Это модель необычного корабля, который представлял собой попытку инженера создать космический корабль, способный летать в атмосфере как самолет, а в безатмосферном пространстве, то есть в космосе — как ракета.

— В предполагаемом проекте, — пояснял посетителям большелобый человек с грустными глазами и полуподковой усом над острым подбородком, — ракета конструктивно связана с двумя самолетами: одним большим для подъема, и другим во много раз меньшим — для спуска на планету или возвращения на Землю.

«Ракета-самолет, — подумал Королев. — Об этом я никогда не помышлял. Винтомоторная группа и ракетный двигатель».

Объяснения давал сам Цандер, но этого Королев не знал. Инженер так лаконично объяснял суть самолета, что Сергей Королев хотел было задать ему несколько дополнительных вопросов, но его в этот момент дернул за локоть Савва.

— Пойдем. Там девчонки книжки Циолковского раздают.

Возле скульптуры К. Э. Циолковского, открывавшей экспозицию трудов ученого, стояла девушка, Ольга Холопцева, одна из организаторов выставки, может, чуть старше подошедших к ней студентов. У нее удалось получить несколько брошюр, и среди них была и «Исследование мировых

пространств реактивными приборами» — еще пахнувшая типографской краской... Им оказалось новое расширенное издание основополагающего труда по космонавтике,

Дома Сергей сел к окну, достал одну из книг К. Э. Циолковского, что получил на выставке. На обложке ее была помещена схема ракеты. Она напоминала бескрылую птицу. Как бы «в голове» ракеты размещался человек со всем необходимым для жизни и научных исследований, в «туловище», разделенном на две части, — водород и кислород. В «хвостовой» части — установка, в которой в результате химического соединения водорода и кислорода создавалась реактивная сила, двигающая ракету.

Королев начал читать книгу Циолковского с надеждой найти в ней что-то полезное для своей будущей профессии авиационного конструктора. Ракетный двигатель, использование принципа реактивного движения его очень заинтересовали. Но чем дальше он читал, тем больше убеждался, что вряд ли можно надеяться на появление таких двигателей в ближайшие годы, а самих ракет для межпланетных путешествий — в ближайшие десятилетия. Для него стало ясно и то, что без надежных и мощных моторов авиации не двинуться вперед.

Сергея очень заинтересовали принципы движения ракеты: «Устраивается ракетный самолет с крыльями и обыкновенными органами направления. Но бензиновый мотор заменен взрывной трубой, куда накачиваются взрывные вещества слабосильным двигателем, — читал Королев. — Воздушного винта нет. Есть запас взрывчатых материалов, и остается помещение для пилота, закрытое чем-нибудь прозрачным, так как скорость такого аппарата больше аэропланной и сквозняк невыносим. Крылья последующих самолетов надо понемногу уменьшать, силу мотора и скорость увеличивать... Скорость достигнет 8 километров в секунду, центробежная сила вполне уничтожает тяжесть и ракета впервые заходит за пределы атмосферы... Полетавши там, насколько хватает кислорода и пищи, она все же спирально возвращается на Землю, тормозя себя воздухом и планируя без взрывания».

Но что же может использовать авиация из советов К. Э. Циолковского? Королев еще раз вернулся к первым страницам труда и перечитал: «Ракетой я называю реактивный прибор, который двигается отталкиванием вещества, запасенного им заранее».

Книга производила на Королева двойственное впечатление: с одной стороны, очевидная фантастика, с другой — точные расчеты, убеждающие в осуществимости ее. Но больше всего его поразила уверенность, с которой

К. Э. Циолковский утверждал возможность познания Вселенной, ее освоения для пользы человечества.

— Чем ты так увлекся, Сергей? — войдя в комнату, спросила мать. — Оторвись на минутку. Что-то с мясорубкой.

— Вот так, с небес на Землю, — рассмеялся сын. — Я читал Циолковского о межпланетных полетах. А ты — мясорубка...

— Ближе к земле, надежнее, сын... Твой Циолковский, по-моему, фантазер, наподобие Жюль Верна.

Сергей ничего не ответил, прошел на кухню. Мария Николаевна взяла книгу. Но тут раздался насмешливый голос Сергея:

— Нож, мама, имеет одну режущую часть. А ты, мама, поставила его обратной стороной.

Книги, чертежи, схемы, кустарные модели — все, что демонстрировалось на международной выставке, все-таки как-то задело сознание Королева. Вероятнее всего, с этого времени он стал более внимательно относиться к статьям о ракетах и полетах в космос, изредка появлявшимся в газетах и журналах.

Хотя идеи создания самолета-ракеты, двигателя, работающего на жидком топливе, казались ему очень заманчивыми, но им Королев пока не придавал особого значения. Все его помыслы поглощали самолеты и планеры, обычные самолеты и планеры — этого требовала жизнь.

В сентябре того же 1927 года Сергея Королева как «дипломированного» летчика-планериста организаторы IV планерных состязаний в Коктебеле включили в состав тренировочной группы. В Крыму Королев много с наслаждением летал. Именно там снова, как в Одессе, захотелось Королеву построить планер собственной конструкции. Но хватит ли сил и времени одному? Может быть, вдвоем? Выбор Королева пал на друга по планерной школе Сергея Люшина, уже имевшего опыт строительства планеров.

Производственную практику студент выпускного курса МВТУ Королев проходил в ЦАГИ, в конструкторском бюро А. Н. Туполева. В это время он уже работал конструктором на авиационном заводе № 22 в Филях. Одновременно готовил дипломный проект, решив сконструировать легкомоторный двухместный самолет.

Когда декан механического факультета МВТУ предложил А. Н. Туполеву стать руководителем дипломной работы Сергея Королева, авиаконструктор решительно отказался, ссылаясь на занятость.

— Очень интересная работа, — не отступал декан. — Кроме всего прочего, студент — курсант школы красноретов и автор нескольких

планеров.

— Вот как! — заинтересовался Туполев.

— Сейчас он предложил, на мой взгляд, оригинальную конструкцию легкомоторного самолета. И к тому же он проходит производственную практику в вашем КБ.

— Его фамилии?

— Королев.

На второй день Туполев зашел в группу, где работало несколько студентов, тихо спросил у руководителя:

«Где Королев?» Тот показал. Конструктор придирчиво взглянул через плечо молодого человека на чертежную доску... «Работает чисто...» — подумал конструктор.

— Вы Королев?

— Кажется, я, — не отрываясь от работы, ответил юноша.

Руководитель группы незаметно наступил Королеву на ногу. Тот резко обернулся и увидел перед собой Туполева.

— Извините, Андрей Николаевич!

Не слушая, что говорил смутившийся практикант, А. Н. Туполев взял из рук Королева циркуль, что-то стал измерять в одной, потом в другой проекции конструкции. Возвратив циркуль недоумевавшему Королеву, спросил:

— Вы решили конструировать самолет?

— Да, легкомоторный.

— Меня просили руководить вашей дипломной работой. Прежде чем дать согласие, хочется подробнее ознакомиться с вашей идеей. Завтра в двенадцать прошу ко мне. До свидания.

Встреча А. Н. Туполева со студентом Сергеем Королевым состоялась в назначенное время. Предложенный дипломником проект легкомоторного самолета, рассчитанного на рекордную дальность полета, оказался довольно оригинальным, продуман до мелочей и разрабатывался на уровне вполне зрелого специалиста.

Рассмотрев через некоторое время основные положения уже почти готового проекта будущей машины, Андрей Николаевич еще раз убедился, что это серьезная разработка. Высказав автору несколько пожеланий, и не дав никакой оценки, которую так хотелось услышать Сергею из уст известного конструктора, Туполев молча поставил в углу ватмана с общим видом три знаменитых буквы «АНТ».

Чтобы Туполев подписал проектный эскиз с первого захода — такого в практике студентов вечернего факультета не случалось! Строгость и даже

скрупулезность конструктора была известна. Маленькая небрежность в чертежах или тем более ошибка вызывали гнев Андрея Николаевича. Не терпел он и суеты.

— Телефон мой вам известен. Звоните, если очень понадобится. Лучше по утрам. Секретарша будет знать вашу фамилию.

Первый раз Сергей Королев позвонил Туполеву, когда закончил проектную работу.

В сентябре 1929 года на летном поле VI Всесоюзных планерных состязаний в Коктебеле появились со своей машиной два новых, пока еще практически никому не известных конструктора. Многим планер показался необычным. Он вызывал удивление тем, что был значительно тяжелее собратьев, примерно на 50–90 килограммов. В то время считалось, чем меньше весит планер и чем меньше нагрузка на квадратный метр площади крыла, тем лучше.

Тяжело дался тот планер Сергею Королеву и Сергею Люшину. Иногда казалось, что удача сама идет в руки, иногда — что судьба отвернулась от них. Но упорный труд, помноженный на талант, не могли не дать результата. И вот планер готов и назван «Коктебель». В честь того места, где проходили смотры планерного искусства.

— Какая нагрузка на квадратный метр? — любопытствовал один из планеристов Олег Антонов.

— 19,6 килограмма, — ответил Королев.

— Не многовато ли?

— По-моему, нет.

— Не очень-то я уверен в его летных качествах. Королев не стал спорить, только заметил:

— Не торопитесь с выводами день-два. На состязаниях существовал порядок, по которому, прежде чем допустить планер и его автора и полетам, летательный аппарат проверяли опытные летчики. Пробный полет на «Коктебеле» совершил Константин Константинович Арцеулов.

Слово К. К. Арцеулова решающее. Можно понять волнение, охватившее двух Сергеев, когда летчик сел в планер. Едва же машина коснулась Земли, Королев и Люшин со всех ног бросились к месту посадки.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — подбодрил Константин Константинович молодых конструкторов. Доложил членам технической комиссии:

— Планер удачно сбалансирован. Хорошо слушается рулей. Можно

допустить к полетам.

15 октября Сергей Королев поднимает «Коктебель» в небо. Но полет чуть было не закончился для него трагически. При запуске планера вырвался из земли штырь, который должен был удерживать планер, пока команда растягивает резиновый амортизатор, дающий машине необходимое для взлета ускорение. Так вот этот штырь вместе с запутавшимся тросом повис под планером. Собравшиеся на летном поле увидели болтающийся под планером какой-то предмет, заволновались. Поняв, в чем дело, не находил себе места Сергей Люшин. На чем свет стоит ругал он за ротозейство своих друзей, запускавших планер. Не скрывал своего возмущения Арцеулов. «Взлет планера — не мелочь. Неряшливость в нашем деле — смерть», — выговаривал летчик. И все время смотрел в небо.

А «Коктебель», красно-синяя большекрылая птица, хорошо виднелась в голубом небе, отлично слушалась пилота Королева. Четыре часа парила она в воздухе, приводя в изумление наблюдающих планеристов. Это был полет зрелого мастера.

— Пошел на снижение, — крикнул Арцеулов, показывая на «Коктебель». И все поспешили к месту посадки.

Сергей, не зная, что за ним тащится злополучный штырь, уверенно сделал последний разворот. Участникам слета его не было видно, как сел планер.

Когда Арцеулов, Люшин, Антонов, Тихонравов и другие планеристы подбежали к Королеву, тот стоял возле планера и с удивлением рассматривал две огромные дыры в хвостовом оперении, пробитые болтавшимся штырем.

— В рубашке родился, Сергей! — Осмотрев машину, Арцеулов крикнул Люшину: — Ремонтируйте. Завтра лететь вам.

В письме к матери., написанном через несколько дней в пути из Крыма в Одессу, Сергей Королев рассказывал:

«Все идет прекрасно, даже лучше, чем я ожидал, и, кажется, первый раз в жизни чувствую колоссальное удовлетворение, и мне хочется крикнуть что-то навстречу ветру, обнимающему мое лицо и заставляющему вздрагивать мою красную птицу при порывах.

И как-то не верится, что такой тяжелый кусок металла и дерева может летать. Но достаточно только оторваться от Земли, как чувствуешь, что машина словно оживает и летит со свистом, послушная каждому движению руля. Разве не наибольшее удовлетворение и награда самому летать на своей же машине?! Ради этого можно забыть все: и целую вереницу

бессонных ночей, дней, потраченных в упорной работе без отдыха, без передышки...»

20 октября на исправленном планере «Коктебель» еще раз летал сам К. К. Арцеулов. Опять остался им доволен. Журнал «Вестник воздушного флота», подводя итоги слета планеристов, писал, в частности, и о «Коктебеле»: «Планер выделяется прекрасными аэродинамическими качествами. Несмотря на значительно большую, чем у других планеров, удельную нагрузку, он летал нисколько не хуже своих более легких конкурентов. Обладая большой горизонтальной скоростью и естественной устойчивостью, планер весьма послушен в управлении».

Но этого Королеву уже было мало. Ои все чаще задумывается о создании небывалой машины.

Это было радостное для Сергея Королева время. Он занимался любимым делом, многое удавалось. Вокруг него добрые друзья. Вот только сердце у него постоянно ныло — Ксана, милая Ксана. Давно не виделись. Только письма оставались той тонкой ниточкой, что связывала их. Нет, надо принять необходимое решение. Да, оно, пожалуй, и принято. Теперь надо добиться его исполнения.

Возвращаясь в Москву, Королев, не сказав никому не слова, завернул в Калугу к К. Э. Циолковскому.

— ...Сойдя с поезда, Сергей пошел пешком в поисках улицы Брута, на которой жил Циолковский. Калуга оказалась красивым зеленым городом с добротными кирпичными и деревянными домами, крытыми железом, с мощеными улицами... В центре города у афишной тумбы Сергей увидел парня, читавшего объявление. Подошел.

— Послушай, друг, как быстрее дойти до дома Циолковского?

— А зачем он тебе? — недовольно спросил парень. Королев не любил расспросов, а потому быстро пошел в сторону в надежде получить ответ от менее любопытного гражданина.

— Чего ты обиделся? — догнал Королева парень. — Многие бездельники ходят туда, чтобы так поглядеть на «чудака». Я знаком с Константином Эдуардовичем.

— Ты знаком? — удивился Королев.

— И как раз к нему иду. Так что могу проводить. — И, подав руку, представился: — Тетеркин, Борис.

— Королев, Сергей.

Борис рассказал, что он приехал сюда из Ленинграда к родителям. Работает сезонным электромонтером. Однажды его послали к

Циолковскому помочь в налаживании электричества. А налаживать нечего было: кроме керосинового освещения, улица Брута ничего не имела.

— Жаль, не взял фотоаппарата, — посетовал Тетеркин. — А то бы на память, я ведь очень люблю фотографировать. Вот и Константина Эдуардовича фотографировал и сам с ним снялся, а то потом никто и не поверит, что я с ним был знаком, — сказал с иронией Борис.

Неожиданному знакомому Королев сообщил, что он студент и через месяц ему защищать дипломный проект. Вскоре молодые люди вышли на улицу, которая круто опускалась к лугам, омываемым Окон. Справа стоял двухэтажный дом, принадлежащий семье Циолковских. Тетеркин позвонил в колокольчик у входной двери.

— А, Боря! — встретила Тетеркина как старого знакомого дочь Циолковского Мария Константиновна. — От&ц наверху. Проходите, молодые люди. Папа, к тебе, — крикнула она в открытую дверь.

Циолковский сидел за рабочим столом. Он уже приготовил специальную тетрадь, куда записывал фамилию, имя и отчество каждого нового посетителя, прежде чем начать с ним разговор.

Увидев Бориса Тетеркина, Константин Эдуардович улыбнулся.

— Входите, входите. А я думал, гости, — и перег сел в кресло, отложив в сторону регистрационную тетрадь. И только тут заметил стоявшего за спиной Тетеркина молодого человека.

— Мой знакомый студент из Москвы. Специально к вам, Константин Эдуардович.

Циолковский веялся было за тетрадь, потом передумал, поднес к уху знаменитый «слухач», жестяной рупор, сделанный своими руками.

— Что же вас привело ко мне? С чем пожаловали?

— Я прочел только что вышедшую вашу брошюру «Новый аэроплан». В ней меня особенно привлекла статья «Ракетные двигатели». Мне хотелось побеседовать с вами. Давно меня влечет авиация, небо. Заканчиваю МВТУ. А после вашей статьи захотелось узнать о возможностях ракетоплавания и реально ли создать ракетный, двигатель. Мне хочется установить его на свой новый планер.

Циолковский заговорил, глядя на собеседников удивительно ясными глазами. Минут за тридцать — он изложил суть своих взглядов на возможность полетов реактивных аппаратов в атмосфере и в космос.

Сергей слушал внимательно, ловил каждое слово, а когда Константин Эдуардович закончил, Королев решительно заявил:

— Отныне моя цель пробиться к звездам. Циолковский задумчиво сказал:

— Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Это дело потребует знаний, настойчивости, терпения и, быть может, всей жизни...

— Я не боюсь трудностей, — ответил он тогда.

— Ну вот и отлично. Начните с того, что перечитайте все мои работы, которые вам необходимо знать на первых порах. Прочитайте их с карандашом в руках. Я всегда готов помочь вам.

На прощание Константин Эдуардович подарил Сергею несколько своих книг, изданных в Калуге. Сергей был так счастлив! Ведь многие произведения К. Э. Циолковского он тогда еще не читал. Издавались они в Калуге и маленькими тиражами. Найти их было нелегко.

После беседы с Константином Эдуардовичем молодые люди вышли на улицу. До поезда в Москву оставалось много времени, и Борис пригласил Королева домой, на Воробьевку. Посидели, пообедали. Потом Тетеркин проводил гостя на вокзал.

Встреча с Константином Эдуардовичем сыграла решающую роль в определении жизненного пути Королева. Беседа с ним произвела на него огромное впечатление. «Константин Эдуардович потряс тогда своей верой в возможность космоплавания, — вспоминал Королев, — и я ушел от него с одной мыслью — строить ракеты и летать на них. Всем смыслом жизни стало одно — пробиться к звездам».

По возвращении из Калуги Сергей Королев продолжал готовить дипломную работу — проект СК-4. В ноябре он позвонил Туполеву и встретился с ним. В декабре 1929 года студент Королев успешно защитил проект.

Поздравляя молодого инженера, А. Н. Туполев сказал: «В авиации нет легких дорог. Если не боитесь трудностей, дорога к нам для вас открыта». По существу, это было приглашение Королева в ЦАГИ.

На похвалы Андрей Николаевич, как известно, был скуп, но радовался, как ребенок, если встречался с оригинальным замыслом, тем более с интересным для него человеком. Туполев всегда считал, что Королев — один из наиболее способных студентов Московского высшего технического училища, работавших над дипломами под его руководством.

В марте 1930 года инженер-аэромеханик Королев становится сотрудником крупнейшего в стране Центрального конструкторского бюро (ЦКБ), главным конструктором которого фактически является Д. П. Григорович. Королев хорошо знал его гидросамолеты еще по Одессе. Летающие лодки конструкции Дмитрия Павловича славились и за рубежом.

Их покупали США, по его проектам строили в Англии. Королев жадно впитывал в себя идеи «школы» Григоровича, с интересом ознакомился с знаменитым гидросамолетом М-11, с броней, прикрывающей летчика. В 1927 году Григорович разработал самолет-разведчик открытого моря (РОМ-1), а затем посвятил себя созданию тяжелого самолета ТБ-5.

Дмитрий Павлович слыл человеком глубоких знаний, подвижного ума и огромной физической силы, большого темперамента. О нем говорили, что он может перекреститься двухпудовой гирей, если понадобится — унести на своих плечах гидросамолет, в сердцах разбить не понравившийся ему уже готовый узел собственной машины. Славился тем, что очень дорожил своими сотрудниками, охотно учил их своему делу. В «школе» Григоровича обретали знания, практические навыки многие будущие конструкторы.

Разговор с Дмитрием Павловичем оказался недолгим. Выяснив, чем будущий его сотрудник занимался до прихода в ЦКБ, сказал, будто отрезал:

— У нас в бригаде моторного оборудования нет руководителя. Поручаю ее вам.

Хотя Королев быстро освоил эту работу, его вскоре перевели в ЦАГИ для участия в испытаниях и доводке переданного туда ТБ-5.

А работы над самолетом Королева СК-4 после защиты дипломного проекта перешли в производственную стадию. На авиационном заводе № 28 взялись за его постройку. Королев все свободное от работы в КБ время дневал и ночевал в цехе, где мастера колдовали над его детищем. Наконец заводские работы, а затем доводка в мастерской, разместившейся в одной из пустующих церквей, завершены. Наступил день первого полета СК-4. Пилотировал его летчик-испытатель, обучавший Королева мастерству самолетовождения еще в Московской школе летчиков, Дмитрий Александрович Кошиц. Сам конструктор — за пассажира. Самолет вел себя в полете нормально. Но посадка оказалась жестковатой. Понадобился ремонт шасси.

На один из очередных полетов Д. А. Кошиц пригласил своего друга М. М. Громова. Михаилу Михайловичу самолет понравился, но показался для него, человека крупного телосложения, маленьким, поэтому он не рискнул на нем полететь.

— Хорошо бы полетать на нем, да боюсь: такой «воробышек» не выдержит моего веса. — И, не желая обидеть Королева, рассказал одну притчу: — «Бог, прежде чем сотворить пернатых, решил провести эксперимент. Взял горстку земли, помял в руках, потом поднес ко рту, вдохнул в нее жизнь и бросил в небо. Так появился маленький серенький шустрый воробей. Бог остался доволен своим творением. Набрал побольше

земли, он создал могучего Орла». Та. к что, Сергей, держи курс на «Орла».

Королев работал, работал, работал. Ни минуты отдыха. Все помыслы — авиации. И результаты не заставили себя ждать. В октябре 1930 года на Всесоюзном слете планеристов инженер-аэромеханик С. П. Королев выступил с новым планером СК-3, названным им «Красная звезда». Нагрузка на квадратный метр у него была еще большей, чем у «Коктебеля» — 22,5 килограмма. Данные нового планера показались многим настолько необычными, что ставилась под сомнение сама возможность парения его в воздухе.

Перед началом слета Сергей Королев сам облетал СК-3, устранил недостатки, выявленные в воздухе. Опробовали его К. А. Арцеулов, А. Юмашев. Все шло как надо. Конструктор сам готовился к рекордному полету.

Но С. П. Королева свалил тиф. Болезнь, как всегда неожиданная, спутала все планы. Сергей лежал в бреду в гостиничном номере. В Феодосию прилетела Мария Николаевья. Но на слете планеристов планер СК-3 поднялся все-таки в воздух. Начальник летной части соревнований, известный летчик-испытатель, Василий Андреевич Степанченко — опытный летчик-планерист. Он-то и поверил в СК-3. 28 октября он начал полет. Набрав высоту в 300 метров, летчик неожиданно для всех присутствующих на поле повел планер в пике. Все ахнули. Казалось, вот-вот машина врежется в землю. В ста метрах от земли планер резко взмыл вверх и, к изумлению присутствующих, описал петлю Нестерова. Снова набрал высоту и повторил ее второй, третий раз. Зрители, замершие от неожиданности, вдруг неистово зааплодировали и летчику, и конструктору.

Когда планер коснулся земли, все бросились поздравлять Степанченка. То, что он совершил на планере «Красная звезда», не встречалось в истории авиации. До этого во всем мире еще не имелось безмоторного самолета, на котором оказалось возможным в свободном полете совершить знаменитую петлю Нестерова.

Отвечая на поздравления, Василий Андреевич с присущей ему скромностью говорил: «Да я-то при чем? Королева надо хвалить. Какую машину создал! Да на ней можно обучать летчиков-парителей высшему пилотажу».

Сергей Королев не знал об успехах своего СК-3. Болезнь не отпускала его. Сергей непрерывно бредил. Температура была за сорок. Он не узнавал мать, дежурившую возле него. Лучшие врачи города пытались помочь. Надежда была только на молодой организм Сергея.

— Если сердце не подведет, очень уж истощен! — сокрушались они.

Две недели Мария Николаевна не отходила от постели сына. Наконец кризис миновал. Сергей начал поправляться. Вдруг новая беда. Он стал жаловаться на головные боли, которые с каждым днем становились все сильнее и сильнее. Местные врачи предупредили — это осложнение после перенесенной болезни. Но все же можно было ехать в Москву. В Москве диагноз подтвердился. Лекарства перестали помогать, и врачи объявили, что нужна операция. Сергей за это время несколько окреп, но все же опасность не миновала. Мария Николаевна после тяжелых раздумий дала согласие на операцию. Она прошла успешно, но осталась тяжким испытанием не только для самого Сергея, но и для всех тех, кто его любил и знал.

Организм Королева оказался настолько ослаблен, что пришлось на несколько месяцев оставить работу.

Глава пятая

Союз единомышленников

*Хочу быть с вами.
Сокращенно ГИРД. Все за.
Надо объединяться.*

1930 год для Королева завершился явно неудачно. После перенесенного тифа и трепанации черепа сидел дома. Сидел дома на временной инвалидности. Зима стояла капризная — то мороз, то оттепель. В голове часто шумело, бинт казался железным обручем. Время тянулось бесконечно, а сидеть без дела для Сергея невыносимо. Едва стадо чуть полегче, принялся за труд К. Э. Циолковского «Реактивный аэроплан». Эта работа увлекла Сергея, как и все другие книги Константина Эдуардовича.

Читал Сергей внимательно, по несколько раз перечитывал особенно заинтересовавшие места, делал пометки. Идея, высказанные Циолковским, он как бы примерял на себе, кое-что хотелось додумать, что-то попробовать. «Надо попытаться создать ракету для полета в заатмосферное пространство. Дело сложное, прежде надо создать самолет с реактивным двигателем, а прообразом такого самолета должен стать планер на реактивной тяге». Так в сознании Королева накрепко слились два слова «ракета» и «планер» в одно — ракетоплан.

Своей идеей Сергей решил поделиться с матерью.

— Я, кажется, становлюсь мечтателем, строю воздушные замки. Хочу сконструировать аппарат, в мечтах я вижу его. У него нет пропеллера, а летит он с фантастической скоростью, оставляя позади себя, словно комета, огненный шлейф, но признания-то идеи добиться нелегко, а осуществить ее тем более, — с горечью усмехнулся Сергей.

— Не узнаю тебя, Сережа. Ты умеешь достигать своего. В детстве решил стать авиационным инженером, и ты стал им. Ты захотел научиться летать на самолетах — у тебя в кармане пилотское удостоверение. Нет, Сергей, я верю в тебя. Ты прости меня, — впервые повинилась она. — Сколько раз казнила себя, что чуть было не сбила тебя с пути, который избрал. Не обижайся на меня... А без мечты жить нельзя.

А Сергей, даже будучи совсем слабым, не переставал мечтать и работать. Болела не только голова, особенно в слякотную и ветреную

погоду, болело все чаще сердце. Болело из-за недавно перенесенной операции, из-за того, что вынужден сидеть сложа руки, из-за того, что Ксана Винцентини еще не дала согласия стать его женой.

Да много ли надо человеческому сердцу, чтобы зануть, заболеть, постоянно напоминать о себе тому, чью жизнь оно поддерживает. И хотя за время болезни в № 2 журнала «Вестник воздушного флота» за 1931 год появилась статья Королева о СК-4; в журнале «Самолет» его рассказ о планере СК-3 и фотографии сидящего в кабине самого автора, а ранее «Вечерняя Москва» назвала его «известным инженером», на душе у Королева точно кошки скребли. Человек неистовый, деятельный, он не мог примириться с тем, что врачи обрекли его на бездеятельность. Королев настаивал на том, что чувствует себя хорошо, требовал, чтобы врачи разрешили ему вернуться к работе.

Бесконечные визиты в поликлинику... Как-то раз после очередного посещения ее Сергей Королев заехал на мотоцикле в ЦАГИ. У самого входа встретил рабочего Михаила Васильевича Хромова, с которым познакомился еще в 1928 году, когда впервые пришел сюда на производственную практику. Он-то тогда и показал студенту кабинет Главного конструктора Туполева.

— Тебе везет, — сказал тогда Хромов, — в хорошие руки попал. Понравишься — у себя оставит. Не у всех характера хватает работать с ним.

— У меня хватит, — ответил студент. С той поры прошло три года, но Хромов сразу узнал Королева, поздоровался.

— Гость или работаешь у нас? — спросил Михаил Васильевич.

— У Григоровича, в группе моторного оборудования.

— ТБ-5, значит. Серьезная машина.

Но тут Хромова позвали, и они расстались. Королев, не встретив больше никого из знакомых, решил поехать на Никольскую, в Центральный совет Осоавиахима. Шел редкий крупчатый снег. Поежившись от холода, подняв воротник кожаной авиационной куртки, Королев поглубже надвинул на голову шапку и нажал ногой педаль. Раз, другой. Двигатель громко чихнул, но тут же поперхнулся и заглох. «Вот так всегда, когда торопишься», — подумал Королев. Снова резко нажал на педаль, но безуспешно, мотор молчал.

На узкой улочке появился какой-то прохожий в кожаном пальто-реглан, кожаной шапке, с заиндевевшими небольшими усами. Он смело подошел к мотоциклу.

— Позвольте, я взгляну, — негромко предложил человек и, не

дожидаясь ответа, снял перчатки и бросил их в коляску. Покопавшись в машине, он потом несколько раз ударил ногой по выхлопной трубе. Оттуда, словно битое стекло, посыпались льдинки.

— Где вы столько снега набрали? Он в тепле растаял, а пока мотоцикл стоял на морозе, вода застыла.

— Спасибо, — поблагодарил Королев незнакомца, досадуя на свою недогадливость, и нажал педаль. — Мотор, словно освобожденный от плена, весело заурчал, выбросив из трубы голубоватое облачко.

— Не огорчайтесь, такие случаи не раз встречались и в большой науке. Досадный пустячок, и все прахом. Вот совсем недавно запускал свой двигатель, а в сопло попала, не знаю откуда, металлическая крошка. Чуть не изорвался.

— Двигатель и сопло? — поинтересовался Королев.

— Да, сопло. Я конструирую ракетный двигатель... Королев внимательно посмотрел на собеседника, ему показалось, что где-то он видел его, слышал этот негромкий голос, слова, произносимые с легким акцентом.

— Вам куда? Может, я подвезу вас?

— Нет, нет! Я побаиваюсь этих машин. Очень ненадежные, да еще зимой.

И тут Королев вспомнил: 1927 год, выставку аппаратов межпланетных моделей, человека, дававшего пояснения по самолету-ракете.

— Простите, пожалуйста, не мог я вас видеть на выставке, открытой на Тверской улице несколько лет назад?

— Возможно. Там демонстрировался макет моего самолета для межпланетных сообщений.

— Вы Фридрих Артурович Цандер? — с радостным изумлением спросил Королев и выключил мотоцикл. — Я давно ищу встречи с вами. Знаю ваши статьи. Слышал, хотите организовать при Осоавиахиме новую секцию, и как раз собрался туда. Извините, я не представился — Королев. Сергей Павлович. Инженер из ЦАГИ.

— Очень приятно, — ответил Цандер, что-то усиленно ища в своих карманах.

— Вы что-то потеряли?

— Да, перчатки!

— Так они в коляске.

— Вот те раз. — И, надевая их, Цандер взглянул на Королева. — Мне о вас говорили. Не помню, правда, кажется, Юра Победоносцев. Вы интересуетесь ракетой? Если так, то нам по пути, — и сел в коляску.

Приехав в ЦС Осоавиахима, Цандер и Королев нашли укромное место в одном из коридоров, присели на жесткий деревянный диван.

— Взгляните, пожалуйста, — и Фридрих Артурович передал Королеву небольшое объявление из газеты «Вечерняя Москва», помещенное 12 декабря 1930 года.

«Всем, кто интересуется проблемой межпланетных сообщений, просьба сообщить об этом письменно по адресу: Москва-26, Варшавское шоссе, 2-й Зеленогорский пер., д. 6, кв 1. Н. К. Федоренкову».

— Очень любопытно, как это я пропустил. И много ли откликнулось на этот призыв?

— Вы знаете, более 150 человек — инженеры, физики, математики, студенты, журналисты, школьники. А первым был ваш покорный слуга. Ведь меня это давно увлекает. Еще будучи учеником Рижского реального училища, я прочитал работу К. Э. Циолковского «Исследования мировых пространств реактивными приборами» и с тех пор навсегда стал его последователем. Позднее в Политехническом институте образовали «Рижское студенческое общество воздухоплавания и техники полета». В 1914 году, окончив институт, получил звание инженера-технолога, вначале работал в Риге, а затем в Москве. Вы знаете, все свободное время у меня уходит на изучение проблем межпланетных сообщений и, в частности, создание специального корабля. Вы говорите, что знаете мою статью «Перелеты на другие планеты»? В ней в отличие от Константина Эдуардовича я утверждаю, что межпланетные сообщения станут возможными, по всей вероятности, в течение ближайших лет. Мой девиз — «Да здравствует работа по межпланетным путешествиям на пользу всему человечеству!»

— Признаться, при чтении вашей статьи мне не показалось, что проект корабля ближе к практике, чем ракета Циолковского, — не скрыл Королев. — Но корабль-аэроплан мне больше по душе. Меня прежде всего интересует авиация. Многие ученые и у нас, и за рубежом, считают, что винтомоторная авиация чуть ли не исчерпала себя. Я такого же мнения. Предлагают вплотную заняться исследованием возможностей реактивного движения. Часто ссылаются на Константина Эдуардовича Циолковского, его идеи. Правда, вовсе не из-за желания слетать на Марс, которое доминирует у вас, а чтобы найти средства летать выше, быстрее и дальше... Я целиком согласен с Константином Эдуардовичем: «За эрой аэропланов винтовых должна следовать эра аэропланов реактивных, или аэропланов стратосферы».

Но я знаю, что Кондратюк, Тихонравов, да и я сам не отказываемся от

идеи проникновения в космос. Это наша далекая цель. Полететь к другим планетам мечтают и Роберт Годдард в США, Герман Оберт в Германии, Робер Эсно-Пельтри во Франции. И не только мечтают.

В конце беседы Фридрих Артурович спросил своего молодого собеседника:

— Вы хотите быть с нами, Сергей Павлович? Мы пытаемся образовать небольшую группу, которая занялась бы практическими исследованиями возможностей использования принципа реактивного движения. Мы условно ее так и назвали: Группа изучения реактивного движения, сокращенно, как сейчас говорят, ГИРД.

— Сочту за честь. Располагайте мною, Фридрих Артурович. Я как раз ищу организацию, которая могла бы взять на свои плечи разработку идеи Циолковского об использовании в авиации принципа реактивного движения.

— Только в авиации? — с некоторым огорчением переспросил Цандер.

— Нет, не только, — поправился Королев, — я в ракетном деле. Но прежде всего в авиации. Тогда больше уверенности, что Центральный совет Осоавиахима нас поддержит.

В марте 1931 года Сергей Павлович Королев убедил врачей, что окончательно оправился после болезни, и возвратился в ЦАГИ. Там шли завершающие работы по самолету ТБ-5 конструктора Д. П. Григоровича.

— Вовремя вернулся, — радостно встретил Дмитрий Павлович своего инженера. Справившись о здоровье, сообщил, что скоро начнутся летные испытания самолета. — Займитесь автопилотом. Дело новое. Над ним работает группа инженеров. Присоединяйтесь к ней. Я слышал, вы окончили летную школу. Кажется, об этом говорил Михаил Михайлович Громов. Будете вместе с ним испытывать автопилот.

Королев после напутствия конструктора прошел в цех, где находится ТБ-5, и залюбовался. Перед ним, размахнув крылья, стояла огромная машина. Металлический корпус ее обтянут светлым полотном. Исходные данные тяжелого бомбардировщика он знал: вес пустой машины 7,5 тонны, а полетный — все 12,5. При этом бомбовая нагрузка была в пределах двух тонн.

Осмотрев самолет со всех сторон, Королев поднялся по стремянке в кабину пилота. Приборная доска поблескивала стеклом. Тут место и его автоматическому пилоту.

В отечественной авиационной практике подобные помощники летчиков еще только появлялись. Королев приступил к изучению документации автопилота, стал участвовать в стендовых испытаниях

прибора, готовясь к проверке его в условиях полета. Прошло несколько месяцев, прежде чем Королев мог сказать: «Автопилот мною изучен, испытан на земле, в макете самолета, готов работать с ним в воздухе».

Все шло как будто хорошо и на работе, и в группе Цандера, к которому Королев проникался все большим уважением.

Но тут пришла беда. Д. А. Кошнц, продолжая летные испытания СК-4, потерпел аварию. На высоте 25 метров при малой скорости давно отслуживший свой век двигатель системы «вальтер» заглох. Самолет упал на крышу ангара и разбился. К счастью, Кошиц отделался незначительными ушибами.

Королев поспешил к месту аварии. Долго ходили конструктор и летчик возле обломков машины, похоронивших мечту о серийном ее производстве. Но оптимизм взял верх. Решили сфотографироваться возле того, что только что называлось СК-4. У конструктора хватило сил и юмора не только пережить эту беду, но и написать позднее на фотографии шуточные стихи:

У разбитого «корыта»
Собралась вся семья.
Морда Кошица разбита,
Улыбается моя.

На самом же деле Королеву было не до улыбок. Из-за недостатка средств в Осоавиахиме СК-4 существовал в единственном экземпляре. Возродить свой первенец конструктору было не на что. Да и к тому же им овладела уже новая идея — построить легкокрылую машину по схеме, увлекшей тогда многих конструкторов, то есть планер с установленным на нем вспомогательным мотором — шестиместный мотопланер, или планерлет.

А тут еще опять замолчала Ксана. Сергей недавно ездил в Донбасс, в Алчевск, где она работала после окончания Харьковского медицинского института. Хотя она согласилась стать его женой, но на сердце у Королева оставалось беспокойно. «Что же она не приезжает?» — думал Сергей по несколько раз за день.

Наконец пришла телеграмма: «Буду в Москве 3 августа. Ксана».

Чем меньше оставалось времени до прихода поезда, тем больше нервничал Сергей. Его насторожил деловой тон телеграммы. «Может, передумала?» Королев чувствовал себя в неприятном для него положении, и это его крайне тяготило. Но он очень любил Ксану. Ей в ту пору

исполнилось двадцать четыре года. Она была красива той неотразимой красотой, проходя мимо которой трудно не обернуться, остаться равнодушным. Невысокая, стройная, с гордой осанкой, лицом, озаренным большими глазами, утонувшими в длинных ресницах. То темно-голубые, то серые, они были искристыми и задумчивыми, насмешливыми и в то же время в любую секунду могли стать строгими. Ксана унаследовала кровь своих предков, выходцев из Италии.

В отличие от замкнутого, чаще сосредоточенного в самом себе Королева, Винцентини была общительна, хорошо пела, музицировала и, где бы ни появлялась, сразу становилась центром внимания. Давняя, надежная любовь Сергея импонировала Ксане. Но иногда и пугала ее. Настойчивость, с которой он добивался ее любви, порой казалась ей лишь целью, подстегиваемой самолюбием. Пожалуй, решение стать женой Королева приняла не только Ксения, но и подруги, что жили с ней в шахтерском общежитии. Познакомившись с Королевым, девчата в один голос стали убеждать ее:

— Парень-то какой!

— А любит тебя как!

— И с положением — инженер.

— И зовут-то в Москву. Не будь ты, Ксана, дурой.

Ксана долго думала, советовалась с родителями, жившими в Харькове, и наконец решилась, может быть, скорее разумом, чем сердцем.

Ксану, стоявшую в тамбуре вагона с маленьким чемоданчиком в руках, Сергей увидел издали. Она же искала его глазами в толпе встречающих и не находила. «Неужели не пришел?» — с тревогой подумала она, но не успела сделать и шага из вагона, как оказалась на руках Сергея.

— Сергей, ты?!

— А ты ждешь другого? — и, крепко поцеловав ее в губы, поставил на ноги.

— Сережа, люди же!

— А что, люди не целуют своих любимых...

На сердце девушки, как никогда раньше, стало тепло, она прижалась к Сергею, обняла его, потом взглянула ему в лицо и увидела восхищенные карие глаза, повлажневшие от счастья. На душе у нее стало совсем легко.

С вокзала домой шли пешком. День стоял солнечный. Начало августа в Москве выдалось сухим и теплым. Сергей, одетый в темный костюм, в модной шляпе, с черными небольшими усами над пухлой губой, рядом с хрупкой Ксаной в легком светлом платье казался солидным, уверенным в себе. Не переставая говорили, вспоминали Одессу, друзей. И как-то

стороной обходили то, что волновало обоих, и больше всего Сергея. И он не выдержал.

— Ксана! — начал было он. Но не успел ничего сказать, как услышал то, что с нетерпением и тревогой ждал не один год.

— Сережа, я приехала к тебе навсегда... На даче в Барвихе, где жили летом Баланины, Ксану встретили как родную Мария Николаевна и семидесятилетняя бабушка Муся, гостившая у дочери. По оживленному настроению Сергея и Ксаны женщины поняли, что случилось то, чего они ждали.

— Поздравь нас, мама!

— Ну и слава богу, — обрадовалась больше всех бабушка, кинулась в другую комнату и тут же вернулась с небольшим образком в золоченом окладе.

— Совет вам и любовь, — перекрестила молодых бабушка Муся.

6 августа 1931 года Сергей Королев и Ксения Винцентини зарегистрировали брак. Свидетелями были Д. А. Кошиц и М. М. Громов. Дома за скромным застольем Григорий Михайлович и вся небольшая компания под звон бокалов с шампанским поздравили молодых, пожелали им благополучия и радости. В тот же день жену проводили на вокзал: Ксения Винцентини возвращалась в Алчевск, чтобы уволиться с работы.

Судьба, казалось, опять стала благосклонна к Сергею. Ксана, родная, любимая, скоро будет с ним. Мать, отчим, бабушка — все рядом. Им всем хорошо вместе. На работе в ЦАГИ все потихоньку движется вперед. Да и с ГИРДом дело скоро решится.

Благодаря фантастической целеустремленности Ф. А. Цандера, большому авторитету С. П. Королева как конструктора ряда летательных аппаратов при Бюро воздушной техники Центрального совета Осоавиахима организовалась Группа изучения реактивного движения. Руководителем ее стал Ф. А. Цандер, а председателем Технического совета — С. П. Королев. В числе первых членов в ГИРД вошли В. П. Ветчинкин и конструктор планеров Б. И. Черановский. Тогда в ЦАГИ и других организациях появилось объявление, приглашавшее «всех работающих в области реактивных двигателей, а также желающих работать в данной области, которая может считаться областью, способной подготовить звездоплавание, — вступить в ряды новой организации».

Руководящее ядро ГИРДа, взявшее на вооружение идеи К. Э. Циолковского, сознавало, однако, что идеи эти можно использовать, только сообразуясь с научно-техническими возможностями времени. Самым влиятельным среди гирдовцев, наиболее эрудированным в области

ракетной техники являлся, конечно, 44-летний Фридрих Артурович Цандер. Большим уважением пользовался и воспитанник Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского опытный авиационный инженер Михаил Клавдиевич Тихонравов. Он заинтересовался трудами К. Э. Циолковского, когда побывал на заседаниях Секции межпланетных сообщений, организованной в академии в 1924 году. Однако инженер признавался, что его позвала в ГИРД не столько «межпланетная программа», сколько, как Королева, возможность использовать принцип реактивного движения в авиации. М. К. Тихонравов хотел осуществить несколько своих замыслов — создать ракетный двигатель с насосной подачей и установить его на самолет.

Инженер с дипломом Московского авиационного института и опытом работы в авиационной промышленности Юрий Александрович Победоносцев к моменту вступления в ГИРД участвовал в экспериментальных испытаниях реактивного мотора ОР-1, проводимых Ф. А. Цандером.

На первых порах гирдовцы повели активную пропагандистскую и организационную работу, сразу став тем центром, куда стекались все интересующиеся ракетной техникой. Выступая в печати, читая на предприятиях лекции, гирдовцы привлекали в свои ряды новых сторонников идей Циолковского. Но главную свою задачу гирдовцы видели в практической работе. К моменту создания Группы имелся значительный теоретический и экспериментальный материал, накопленный Ф. А. Цандером, с помощью лабораторного реактивного двигателя ОР-1, работающего на сжатом воздухе и бензине.

На одной из первых встреч гирдовцев С. П. Королев предложил построить самолет с реактивным двигателем. Первым его поддержал Ф. А. Цандер.

— Прекрасно, прекрасно! Я — за! Вначале ракетоплан для полета в стратосферу, а потом, потом к планетам, далеким мирам. Превосходно!

— Одобряю! — откликнулся В. П. Ветчинкин. — Всем, чем могу, — помогу. Дело стоящее, перспективное. Это будущее авиации. У меня есть кое-какие мысли по динамике полета крылатых ракет и реактивного самолета.

— А как вы смотрите на это предложение, Борис Иванович? — обратился Королев к конструктору бесхвостовых планеров Черановскому.

— Пока никак, — скептически ответил он. — Вы еще беднее бедных. У вас даже ватманской бумаги купить не на что. А вы — сразу самолет, да еще реактивный.

Однако большинство согласилось с предложением Королева и Цандера — сначала строить реактивный планер — прообраз будущего самолета.

Новое дело — создание необычного летательного аппарата с реактивным двигателем объединило, наполнило духом конкретного творчества сторонников использования принципа реактивного движения в интересах народного хозяйства.

И едва идея ракетоплана оказалась принятой Осоавиахимом, как Королев вновь блеснул своей напористостью, умением организовать дело, увлечь им всех.

5 сентября на аэродроме Осоавиахима Сергей Павлович и Ф. А. Цандер самым тщательным образом осмотрели планер Б. И. Черановского БИЧ-8, наблюдали за его полетом. Королев уговорил конструктора ознакомиться с реактивным двигателем ОР-1, сконструированным Цандером. Сергей Павлович убеждал Черановского, что при их взаимном доверии друг к другу может появиться задуманный ракетоплан. Добившись согласия Бориса Ивановича, он вместе с Цандером составил план работы над ракетопланом и двигателем к нему. На новой встрече окончательно определили порядок работ по ракетоплану, подготовили проекты договора между Бюро воздушной техники ЦС Осоавиахима и конструкторами планера и двигателя — Черановским и Цандером.

Договор назывался «Социалистический договор по укреплению обороны СССР № 228/10 от 18 ноября 1931 года», и над ним стоял гриф: «Не подлежит оглашению». По такому договору, например, Ф. А. Цандер брал на себя проектирование и разработку чертежей и производство по опытному реактивному двигателю ОР-2 к реактивному самолету РП-1.

В свою очередь, Осоавиахим принимал на себя финансовые расходы и хозяйственные заботы, связанные с Договором. Первая тысяча рублей была переведена ГИРДу вскоре после заключения договора. ЦС Осоавиахима наметил ассигновать в феврале и марте 1932 года на испытания ракетного самолета 93 тысячи рублей. Ответственность за выполнение всех работ, связанных с ракетопланом, возлагалась на Технический совет ГИРДа и непосредственно на С. П. Королева.

Дни мчались неудержимо. Рабочий день Королева начинался с 7 утра и заканчивался где-то около полуночи. Первая половина дня, как правило, уходила на работу в КБ Григоровича. Автопилот потребовал много внимания. Потом ГИРД. Шел самый трудный организационный период, забиравший у Сергея Павловича много сил. Но в центре его внимания все же оставался ракетоплан. В трудах Сергей Павлович не заметил, как

завершили 1931 год и наступил 1932-й, а вместе с ним и завершающие работы по ТБ-5.

С нетерпением ждал Королев возвращения из командировки М. М. Громова, чтобы начать полеты на ТБ-5 с установленным на нем экспериментальным автопилотом. Встретились они на заводском аэродроме.

— Ну, здравствуй, Сергей. — И, подавая руку, Михаил Михайлович спросил: — Как тут идут дела? Приехала ли жена?

— Еле отпустили. Ездил в Алчевск, воевал за нее. Через три месяца была в Москве.

Спросив о здоровье матери, Громов заговорил о предстоящей работе.

— В нашем деле прежде всего — тщательность подготовки. Механики, конечно, ребята знающие, но свой глаз надежнее.

Летчик Громов понимал, как тяжела работа пилота, когда она длится без посадки десять и более часов. Таковую нагрузку одному пилоту нелегко выдержать. Это он знал по собственному опыту. Еще в 1926 году он на самолете АНТ облетел Европу, посетив столицы многих стран: Берлин, Париж, Вену, Прагу, Варшаву. Этот перелет прославил конструктора машины А. Н. Туполева и летчика М. М. Громова. «Но ведь могут быть беспосадочные полеты на большее время, например, Москва — Владивосток, — подумал Громов. — Автопилоту предстоит стать надежным нашим помощником».

В день летных испытаний ТБ-5, в февральский полдень 1932 года, на аэродром пришел сам Д. П. Григорович в теплом пальто с меховым воротником и в каракулевой шапке пирожком, но почему-то в легких ботинках. Они ходили с Громовым по летному полю, уточняя детали предстоящего полета. Конструктор советовал обратить внимание на поведение системы управления, проверить ее в разных режимах. Наконец Громов дал знак механикам, кивнул Королеву, и они пошли к самолету.

Громов уверенно поднял машину в воздух и как-то удивительно легко повел ее. После того как он выполнил все пожелания конструктора, вновь набрал высоту. Королев так залюбовался летчиком, что вздрогнул, когда услышал команду:

— Включай, Сергей, автопилот.

По заранее продуманной программе под наблюдением Громова Королев включил автопилот. Самолет так же точно держал курс, высоту, крен, как при ручном управлении.

— Неплохой помощник! — кивнул в сторону автопилота Громов. Однако посоветовал: — Скорости бы прибавить самолету. Туполевский,

пожалуй, будет быстроходнее, чем ТБ-5. Узнает об этом, расстроится Дмитрий Павлович. (Так и случилось. Машина А. Н. Туполева оказалась лучшей и была принята в серию.)

Королев рассказал Михаилу Михайловичу, что познакомился с инженерами, которые так же, как и он, хотят построить самолет, скорость которого была бы не меньше тысячи километров в час.

— Тысячи километров? — удивленно вскинул брови Громов. — Я не консерватор, но поверить в такую сказку пока не могу. И тебе не советую. Как при такой скорости самолет совершит посадку?

— Я собираюсь заняться созданием самолета на реактивном двигателе, — уточнил Королев.

— А где он, двигатель-то? — спросил Громов. — Еще одна сказка. Может, такой самолет и появится, но через сотню лет. Так что мой тебе совет, Сергей: учись летать, сам свои самолеты испытывать сможешь. А в общем, — неожиданно сказал Громов, — в наше время и сказки становятся былью. Пробуй, дерзай, конструируй своего «орла», — и улыбнулся. — Готов первым лететь на твоём самолете-сказке.

Громов ни на секунду не упустил из виду показания приборов: самолет шел точно по заданному курсу.

— Ну что же, автопилот выдержал экзамен. Выключай. Дальнейшие испытания ТБ-5 проводил летчик Бухвольц, и Королев с ним не летал.

День за днем коллектив ГИРДа вел экспериментальные работы, расширял тематику исследований, устанавливал деловые связи с научными учреждениями. ГИРД привлек внимание государственных и прежде всего военных ведомств. В стране, правда, уже существовала Ленинградская Газодинамическая лаборатория (ГДЛ), по тематике работ близкая к ГИРДу. Созданная еще в 1921 году по инициативе инженера-химика Н. И. Тихомирова при поддержке В. И. Ленина, она к началу тридцатых годов стала крупнейшей в стране ракетной научно-исследовательской и опытно-конструкторской организацией. В стенах ее разрабатывались пороховые ускорители для легких и тяжелых самолетов, ракетные снаряды на бездымном порохе нескольких калибров. Они предназначались для различных целей, в том числе для вооружения самолетов. С 1929 года по инициативе Б. П. Петропавловского ГДЛ разрабатывала и жидкостные двигатели (ЖРД), или, как их тогда называли, — моторы. Эти исследования вел молодой инженер Валентин Петрович Глушко, активно занимавшийся сначала созданием электрических ракетных двигателей.

В те дни у сотрудников ГИРДа и ГДЛ родилась идея объединить

усилия московской и ленинградской групп, создать единую научную организацию, занимающуюся разработкой ракетных двигателей и ракет в оборонных целях.

Горячо поддержал это предложение заместитель председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА Михаил Николаевич Тухачевский, полководец времен гражданской войны, не раз выполнявший военные задания В. И. Ленина. Крупный военный теоретик, активный сторонник оснащения Красной Армии новой техникой, он первым оценил значение объединения ГДЛ и ГИРД для разработки ракетного дела. Ознакомившись с делами двух ракетных организаций, он созвал 3 марта 1932 года в Москве совещание. На нем встретились военные специалисты и инженеры, занимающиеся разработкой новой техники.

В кабинете Тухачевского по одну сторону длинного стола, покрытого зеленым сукном, сели представители Ленинградской Газодинамической лаборатории — Н. Я. Ильин, Б. С. Петропавловский, В. П. Глушко, Г. Э. Лангемак и московского ГИРДа — председатель его Технического совета С. П. Королев, руководители бригад Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, по другую сторону — начальники управлений РККА — артиллерийского, воздушных сил, химического и других.

Окинув взглядом присутствующих, Тухачевский встал, по давней привычке одернув гимнастерку.

— Считаю нужным напомнить некоторые известные истины, — начал он. — Как вы все понимаете, вместе с кризисом капитализма растет и военная опасность. Буржуазия ищет выхода из создавшегося положения путем новых войн и нового нападения на Советский Союз. Этого мы не можем забывать и не забываем. Войны нам не избежать. Воинствующий империализм развивает и совершенствует свои вооружения в небывалых до сего времени масштабах. Наше государство, народ, армия в жизненно важном деле, каким является оборона Родины, не могут отставать. И поэтому создание нового эффективного оружия — первейшая задача. — Михаил Николаевич сделал паузу, потом повторил: — Первейшая задача. В решении этой первостепенной задачи свою роль должна сыграть Газодинамическая лаборатория. С ее весьма ценными исследованиями и экспериментальными работами я детально ознакомился. Особенно важные перспективы связываю с опытами над снарядами на бездымном порохе и жидкостными реактивными моторами. На верном пути стоит и московская Группа изучения реактивного движения. По моему глубокому убеждению, ее работы также имеют большое значение для военного ведомства и СССР в целом. Поэтому я считаю необходимым объединить оба коллектива,

открыв специальный Реактивный научно-исследовательский институт. Хотелось бы выслушать по этому поводу мнения заинтересованных сторон. И, кроме того, идея объединения высказана самими организациями. Так, товарищ Ильин?

— Так точно, — ответил начальник ГДЛ.

— Этого желают и гирдовцы?

— Мы об этом писали вам, Михаил Николаевич, — ответил Королев.

— Хорошо! Товарищи из нашего наркомата с вопросом о создании первого в стране Реактивного научно-исследовательского института, его задачами ознакомлены. Кажется, все ясно. И все-таки, прежде чем вынести наше предложение на окончательное решение наркомвоенмора товарища Ворошилова, необходимо еще раз обменяться мнениями.

— Разрешите мне, — попросил слова научный руководитель ГДЛ Б. С. Петропавловский.

— Да, пожалуйста.

— Считаю, что для осуществления наших технических идей рамки лаборатории стали тесными. На данном этапе для проведения чисто научных, опытно-конструкторских и других задач требуется объединение усилия ГДЛ и ГИРДа, привлечение к нашим делам специалистов многих областей знаний. То, что мы делаем, только начало, но начало очень важному направлению в науке и технике. Я не ошибусь, если скажу, что ракетам принадлежит будущее.

Слова попросил Королев. Кратко рассказав об основных направлениях в деятельности ГИРДа, он сообщил, что коллектив разрабатывает конструкции ракетоплана и новых жидкостных ракет, летные испытания которых назначены на будущий год, пожаловался на слабость производственных и экспериментальных возможностей.

— Ракетное дело можно двинуть вперед быстрее, — уверенно сказал он. — Ленинградцы конструируют реактивные моторы. Пока удельная тяга их, как нам известно, не велика. Но завтра будет больше. Повторяю, главное сейчас — двигатель. Мы считаем, Михаил Николаевич, что союз ленинградских и московских ракетчиков просто необходим. Нам друг без друга не обойтись.

Потом выступили представители военного ведомства. Тухачевский внимательно слушал каждого из выступающих, изредка записывал что-то на листке бумаги.

— Есть еще желающие выступить?

— Позвольте мне, — подал голос Ф. А. Цандер. Необычно волнуясь, инженер также горячо высказался за объединение. Но верный своей идее

создания ракет для межпланетных путешествий, он начал говорить о самом сокровенном для него:

— Мы устремимся к Луне, достигнем других планет. В этом наша цель. Может быть, там, на далеких планетах, живут подобные нам разумные существа, опередившие нас в культуре на многие тысячи лет. Какие несметные культурные ценности могли бы быть доставлены на земной шар, земной науке, если бы удалось туда перелететь человеку, и какую минимальную затрату надо произвести на такое великое дело в сравнении с тем, что бесполезно тратится человеком.

М. Н. Тухачевский дождался конца выступления Цандера и потом мягко, чтобы не обидеть его, сказал:

— Фридрих Артурович, все, что вы говорили, важно, но не для сегодняшнего дня. Со временем мы найдем нужные средства, создадим ракеты, предназначенные специально для науки, ради межпланетных полетов. Но сейчас не можем. Наша страна окружена врагами. Со всех сторон. — И, обращаясь ко всем, решительно заявил: — На белом свете живем не мы одни. Над созданием ракет, реактивных моторов работают и в Германии, и в Америке секретно и довольно интенсивно. Нетрудно предсказать, грядущая война будет войной механизированной, войной моторов.

Михаил Николаевич приподнялся из-за стола.

— Что же, пора заканчивать наше совещание. Подведем итоги: противников объединения ГДЛ и ГИРДа — нет. Все за. Будем готовить соответствующую докладную Клименту Ефремовичу Ворошилову. — Но тут же предупредил собравшихся: — Организовать единый центр союзного значения — дело не простое и не скорое. Надеюсь, что понятно всем. Продолжайте работу так же творчески, как прежде, а не ждите сложа руки новой единой организации.

На следующий день С. П. Королев провел расширенное заседание Технического совета ГИРДа и подробно сообщил о встрече у Тухачевского.

— А пока работать и работать, — заключил начальник ГИРДа.

На Александровской улице, в доме, где Королев жил вместе с женой еще в квартире родителей, 5 марта 1932 года через два дня после встречи у М. Н. Тухачевского состоялась знаменательная встреча Ф. А. Цандера, М. К. Тихонравова и Ю. А. Победоносцева, во многом определившая пути дальнейшего развития ракетного дела. В тот вечер уточнялись главные направления деятельности новой организации как научно-производственного центра.

В основу ее вошло: проведение научно-исследовательских,

конструкторских работ по созданию реактивных двигателей разных типов и ракетных летательных аппаратов; широкая техническая пропаганда и популяризация реактивной техники и ракетного метода летания} подготовка кадров специалистов ракетной техники; руководство и координация деятельности периферийных организаций при Осоавиахиме, занимающихся ракетной техникой.

Тогда же решили, что каждый из собравшихся возглавит одно из направлений в работе ГИДРа, разрабатывая интересующую его тему.

Встреча закончилась поздно ночью. Выйдя во двор, все невольно остановились. Небо звездное-звездное, манящее к себе. Настроение у всех приподнятое. Хотелось немедленно приступить к делу. Кажется, больше всех радовался Фридрих Артурович Цандер. Взглянув на небо и найдя глазом яркую красноватую звездочку, он восторженно воскликнул: «Вперед, на Марс!» Гирдовцы не раз слышали этот его знаменитый девиз, с которым ученый прожил всю жизнь. Поздно вечером, уходя с работы, Ф. А. Цандер нередко говорил: «Да здравствуют межпланетные путешествия на пользу всему человечеству!»

Проводив товарищей, Королев вернулся домой. Ксана ждала его. Она понимала, что на этот раз у них были люди необычные и решали они что-то очень важное.

— Ну, Ксана, кажется, мы выходим на широкую дорогу. Ты обратила внимание на человека с усами? Это и есть Фридрих Артурович. Эрудит, каких мало. Он у нас всему голова, а для меня — первый учитель.

— Но, кажется, верховодишь ты?

— Ну что ты, просто хочу его освободить от пустяковых дел. Нам всем так нужны его знания. В нем прекрасно сочетаются теоретик и практик.

— Сергей, теперь я тебя увижу дома раз в неделю?! — рассмеялась Ксана.

— Наоборот, чаще. Медицина нам так еще понадобится... Так что считай себя гирдовкой. Я еще часок посижу. — И, взяв желтую папку с надписью «Ракетный полет в стратосфере», Королев пошел на кухню. Он задумал книгу, в которой намеревался кратко и в популярной форме изложить принципы действия существующих систем ракетных двигателей и аппаратов, объяснить читателю, для чего нужны полеты в стратосферу, и сказать о путях и методах ее завоевания.

Раскрыв папку, выложил на стол листки бумаги, написанные ровным разборчивым почерком. Перечитал эпиграф: «Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен. К. Ворошилов». Достал новый лист бумаги и стал писать...

«...Только СССР, неуклонно проводящий твердую политику мира и непрестанно повышающий свою мощь, может достаточно широко, научно и организованно разрешить такую громадную проблему, как изучение и завоевание стратосферы. Капиталистический мир лихорадочно готовится к новой мировой войне, используя для этого все последние достижения техники. Во многих странах ведутся работы над высотными самолетами-стратопланами... но для империалистов стратоплан является прежде всего и главным образом новым усовершенствованным средством войны и нападения...»

Сергей Павлович на минуту задумался, потом записал еще одну мысль: «Стратоплан является тем новым видом сверхбыстрого транспорта, который так необходим в условиях громадных расстояний Советского Союза...»

В середине марта того же года С. П. Королева принял заместитель председателя Центрального совета Осоавиахима Л. П. Малиновский. Предложения Технического совета ГИРДа об образовании нашего основе специальной научно-исследовательской и опытно-конструкторской группы с тем же названием показали ему стоящими, и он их поддержал:

— Мы и сами думаем об этом. Изложите все ваши предложения на бумаге, но покороче. Подчеркните оборонное значение работ. Так нас лучше поймут финансисты. Что касается межпланетного корабля — снимите. Не будем дразнить гусей. Не сегодня он нам нужен.

Предложение гирдовцев поступило вовремя. В начале 1932 года работу ЦС Осоавиахима обследовала комиссия ЦК ВКП(б), которая высказала, в частности, пожелания о более широком развитии работ по реактивной тематике. Состоявшийся 31 марта — 1 апреля 1932 года расширенный пленум ЦС Осоавиахима записал в своей резолюции:

«Поручить президиуму ЦС обеспечить доведение до конца работы по созданию ракетного двигателя и самолета».

Для выполнения этого решения ГИРДу передали заброшенный подвал по Садово-Спасской улице в доме № 19. Он горячо, со свойственным ему напором взялся за дело. А оно оказалось нелегким. Полуподвальное помещение было настолько запущено, что казалось, его невозможно отремонтировать. Но слова «невозможно» Королев не признавал. И вскоре на 650 квадратных метрах подвальной площади гирдовцы разместили двадцать самых различных подразделений — проектные, производственные, испытательные, административные, в том числе: механический, слесарно-сборочный и сварочный цехи, стендовый и монтажный залы, комнаты конструкторских бригад.

Единственное, что смущало поначалу гирдовцев, — отсутствие дневного света. Но так как трудились тут все на общественных началах, после основной работы на производстве — по вечерам, то и это уже казалось неважным.

В ГИРДе установился подлинно производственный порядок, атмосфера, в которой каждый считал себя полезным общему делу, ответственным за конкретный участок работы. Трудились здесь только энтузиасты. Возраст сотрудников за небольшим исключением не превышал двадцати пяти лет. Это немаловажное обстоятельство и обеспечило дружную инициативную работу. С. П. Королев проявлял свой недюжинный талант организатора. Он продумал, как найти необходимое оборудование, сформировать творческие и производственные бригады, расставить людей так, чтобы каждому было интересно, и это содействовало бы успеху. Появился единый план ГИРДа, в котором оказались тесно взаимосвязаны все его службы. Заведенное делопроизводство — папки с входящими и исходящими документами, приказы и распоряжения под расписку, вход по пропускам — все утверждало соответствующий строгий порядок, внушало каждому работающему тут, что он работник важного для страны научно-исследовательского и опытно-конструкторского учреждения. Вскоре С. П. Королева назначили начальником ГИРДа, но так как не отпускали из ЦАГИ, эту работу он выполнял на общественных началах.

Новых людей, кто бы их ни рекомендовал, обязательно Королев принимал сам. Его интересовала прежде всего профессия человека, насколько она окажется полезной для работы, искренне радовался, если пришедший имел еще не только знания, но и «золотые руки».

— У нас каждый и швец, и жнец, и на дуде игрец, — напоминал Королев посетителю русскую поговорку. В самом конце беседы спрашивал, какая у человек зарплата; узнав, как правило» предупреждал, что в ГИРДе она будет заметно меньше.

— Но интереснее, чем наша работа, нет. И будущее у нее такое, что весь мир ахнет.

После такого разговора многие уходили, оставались только те, кто загорался новым делом.

Королев заботился не только о подборе кадров, об оснащении цехов нужным оборудованием, об одежде и обуви людей, но еще считал необходимым вооружить их знаниями, без которых нельзя двигаться вперед. При ГИРДе организовали спецкурсы или, как со временем их назовут, «первый космический университет». В нем преподавали крупнейшие специалисты, также увлеченные авиацией и ракетостроением.

В. П. Ветчинкин читал курс динамики ракетных аппаратов. Б. С. Стечкин знакомил курсантов с созданной им теорией воздушно-ракетных двигателей. Привлечь к участию в работе «университета» ГИРДа такого выдающегося ученого, да и к тому же изрядно занятого, оказалось нелегко. Взялся за это сам Королев. Борис Сергеевич Стечкин помнил еще Королева-студента, внимательно слушавшего его лекции в МВТУ и, как правило, задававшего ему после занятий два-три вопроса. Однажды Стечкин увидел у Королева свой труд «Теория воздушного реактивного двигателя». Не удержался и спросил: «Не очень сложно?» И получил восхищенный ответ: «Превеликолепно».

В этой работе впервые в мире излагались основы теплового расчета и конструирования воздушно-реактивных двигателей. Разобраться в этом было порой не по зубам даже специалистам.

Встретившись с Борисом Сергеевичем, Королев рассказал о задачах ГИРДа, не преминул заметить, что читать лекции уже согласился Владимир Петрович Ветчинкин. Не отказал и Б. С. Стечкин.

Курс расчета ЖРД вел Ф. А. Цандер. Читали в «университете» лекции профессора Б. М. Знаменский — по гидрогазодинамике, Н. А. Журавченко — экспериментальной аэродинамике, Н. М. Добротворский — физиологии высотного полета, выступали С. П. Королев, М. К. Тихонравов, позднее В. П. Глушко.

ГИРД стал настоящей школой для многих будущих конструкторов, инженеров в области ракетно-космической техники, и прежде всего для самого Сергея Павловича Королева. Еще в те годы он интуитивно чувствовал, как важна коллективная мысль при решении научных, технических вопросов. В своей работе он опирался на технический совет, который решал все основные задачи.

Раньше других приступила к работе первая проектно-конструкторская бригада Ф. А. Цандера и его заместителя Л. К. Корнеева. Она пришла в ГИРД в полном составе из Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) и стала первой производственной ячейкой, получавшей заработную плату в ГИРДе.

Основной задачей на первом этапе бригада считала создание двигателя ОР-2, которому предстояло стать «сердцем» реактивного самолета РП-1. В работе над ним были учтены все достоинства и недостатки двигателя ОР-1, ранее сконструированного Цандером.

Одновременно коллектив Ф. А. Цандера занимался и проектированием непосредственно ракеты, с тем, чтобы проверить на практике его оригинальную мысль об использовании в качестве топлива отслуживших

во время полета металлических частей самого летательного аппарата.

Значительный интерес представляли научные и технические задумки второй бригады, руководимой М. К. Тихонравовым и Н. И. Ефремовым. В планах стояло несколько тем: создание авиационного кислородно-бензинового двигателя с насосной подачей для ракетоплана РП-2, разработка ракеты 05 с опытным реактивным мотором (ОРМ-50) конструкции В. П. Глушко. Для ускоренного получения практического результата Королев поручил бригаде дополнительную тему: разработку простейшей ракеты 09 с двигателем, работающим на гибридном топливе — кислороде и сгущенном бензине. Создание подобного агрегата не имело аналогов в мировой практике.

В третьей бригаде, возглавляемой Ю. А. Победоносцевым, занимались исследованиями прямооточных воздушных реактивных двигателей (ПВРД) и конструированием установки для получения потоков воздуха, движущихся со сверхзвуковыми скоростями — прообраза сверхзвуковой аэродинамической трубы.

Сам начальник ГИРДа, осуществляя общее руководство, возглавил четвертую бригаду. С самого начала она занималась проектированием ракетоплана РП-1. В основу его положили новый планер Бориса Ивановича Черановского. Его БИЧ также не имел хвоста, и гирдовцам в ту пору казалось, что самолет такой схемы лучше других подходит для установки на нем реактивного двигателя. Правой рукой Сергея Павловича в бригаде стал Е. С. Щетинков, которому он постепенно передал руководство ею.

С. П. Королев сам выполнял все полетные испытания планера БИЧ, сначала без двигателя, а затем с легким поршневым мотором с толкающим винтом. О каждом из них он докладывал в Осоавиахим. «Мною, — писал он в одной из докладных, — были произведены два тренировочных полета на самолете РП-1 без мотора... Несмотря на сильный боковой ветер, во время каждого полета мною были использованы два глубоких разворота более чем на 90 градусов. Причем самолет оказался вполне устойчивым и легко управляемым при всех режимах...» Но однажды при испытании второго экземпляра РП-1 он резко пошел на снижение, и при жесткой посадке С. П. Королева выбросило из машины, и он чудом остался жив.

В ГИРДе всю разворачивались работы, а вопрос об объединении с Ленинградской ГДЛ не решался. Через полтора месяца после первого совещания 16 мая 1932 года М. Н. Тухачевский вновь обращается со специальным письмом в Комиссию обороны. Он пишет, что результаты работы ГДЛ и ГИРДа дают ему основание сделать вывод о серьезных практических перспективах применения реактивных двигателей. Однако ни

средства, ни возможности, ни метод работы этих организаций не обеспечивают скорейшего и полного решения поставленных задач... «Реактивный институт должен быть организован на основе последних достижений науки и техники по реактивному вопросу с использованием лучших кадров ГДЛ и ГИРДа, — пишет начальник вооружений РККА. — Он должен быть укомплектован лучшими научными, инженерно-техническими силами, работающими в Союзе по вопросам реактивного действия».

Время шло, а на Садово-Спасской все больше интересовались деятельностью Ленинградской Газодинамической лаборатории. Наконец С. П. Королеву предоставилась возможность выполнить пожелание Техсовета ГИРДа и выехать в Ленинград. Его, как представителя ЦАГИ, пригласили участвовать в летных испытаниях по ракетному разгону туполевского самолета ТБ-1, начинавшихся 28 мая 1932 года. Там Сергей Павлович ближе познакомился с Борисом Сергеевичем Петропавловским, крупным специалистом-ракетчиком, творческим руководителем лаборатории.

Наблюдая за работой пороховых ускорителей, анализируя их возможности, Королев окончательно решил отдать предпочтение жидкостным двигателям и попросил разрешения у Б. С. Петропавловского побывать в отделе реактивных моторов. Отделом руководил Валентин Петрович Глушко, также уже знакомый Королеву по мартовской встрече у Тухачевского. Королеву помнилось, что он где-то еще раньше встречал фамилию Глушко или даже встречался с ним, но ответа себе на этот вопрос дать не смог.

...Навстречу Королеву вышел стройный, подтянутый человек его же возраста и очень красивый. «Нет, определенно где-то видел его лицо», — вновь подумал Королев.

— Рад видеть вас, Сергей Павлович, — приветствовал Глушко.

— Я по вашу душу, Валентин Петрович. Меня интересуют ваши реактивные моторы, — перешел сразу к делу начальник ГИРДа.

— Не скрою, а меня — ваши ракеты, — ответил Глушко.

Беседа продолжалась более часа, Валентин Петрович обстоятельно рассказал о принципе устройства реактивного мотора, подробно ознакомил Сергея Павловича с опытными жидкостными ракетными моторами — ОРМ-1, ОРМ-8, ОРМ-9, уточнил, что первый из них предназначался для кратковременной работы на жидком топливе, а последние для отработки процессов в камере сгорания.

Королев слушал Глушко внимательно, прикидывая в уме возможности в будущем использования ОРМ в ракетах. Рассказывая о планах на

будущее, Валентин Петрович утверждал, что одновременно с надежностью моторов увеличится их тяга и что близок день, когда ресурс их достигнет более двухсот секунд. Это сообщение еще более укрепило мысль о необходимости ГИРДу сотрудничать с ГДЛ.

— Вспомнил! — воскликнул Королев, на полуслове прервав своего собеседника. И, заметив крайнее недоумение Глушко, извинился, тут же объяснив причину такого своего поведения.

— А мы ведь с вами, Валентин Петрович, встречались. В первой стройпрофшколе, где я учился, у пас преподавал рисование и черчение Стилинауди?

— Да. Александр Николаевич?!

— Именно он. Так вот, однажды провозжая его в мастерскую, я увидел возле нее хлопца. Александр Николаевич сказал мне, что это его способный ученик, которому он дает уроки рисования и черчения.

— Вот те на! — рассмеялся Глушко. — Не знал, что вы одессит. Да, действительно. В ту пору я увлекся наблюдательной астрономией, и мне рисование и черчение были крайне необходимы. В юности я посещал обсерваторию и консерваторию. И мы не познакомились?

— К сожалению, нет. Но послушайте. В одесской газете была напечатана небольшая статья «Завоевание Землей Луны».

— Юношеское увлечение, — вновь улыбнулся Глушко. — В те годы переписывался с Константином Эдуардовичем. С жадностью впитывал его идеи и, как видите, навсегда остался им верен.

Так состоялась первая деловая встреча С. П. Королева с В. П. Глушко, которой суждено было положить начало многолетнему их творческому содружеству, сыгравшему исключительную роль в осуществлении идей К. Э. Циолковского.

Глава шестая

ГИРД. ГДЛ. РНИИ

*Вперед, только вперед!
За первым шагом будет второй.
Необоснованное отстранение.*

Центральный совет Осоавиахима многое делал для успешной деятельности научно-производственных подразделений ГИРДа. На заседание президиума Центрального совета Осоавиахима не раз обсуждался вопрос о работе ГИРДа. Вот и на этот раз в июле 1932 года С. П. Королев выступил с докладом, в котором рассказал о результатах почти годовой деятельности по разработке ракетоплана, о трудностях коллектива, сформулировал предложения, которые касались будущего Группы.

Ему задали много вопросов делового плана. Но были и такие, которые свидетельствовали о непонимании значения ракетной техники для завтрашнего дня. С. П. Королев с большим знанием дела спокойно ответил на все вопросы, и все-таки один раз не выдержал, взорвался. Причиной послужила фраза одного из выступавших:

— Ваш Цандер зовет на Марс. Нам это ни к чему, и на его затеи и денег не дам.

— А от вас лично нам денег не надо, — отрезал Королев. — Времена меценатов, от которых зависели первые авиаторы до 1917 года, кончились. А что касается Фридриха Артуровича Цандера, то вы глубоко заблуждаетесь. Ему даже Владимир Ильич Ленин обещал поддержку.

— Вы не волнуйтесь, Сергей Павлович, — успокоил Королева председатель ЦС Осоавиахима Роберт Петрович Эйдеман. — Товарищ — специалист из другой области.

Большинство членов президиума высказалось в пользу ГИРДа.

14 июля последовал приказ ЦС Осоавиахима, подписанный Р. П. Эйдеманом. Им были утверждены направления дальнейшей деятельности ГИРДа, его организационная структура и руководящий состав во главе с С. П. Королевым, ставшим официальным начальником ГИРДа.

Отныне Группа изучения реактивного движения как научно-исследовательская и опытно-конструкторская организация получила официальный статус государственной организации. Финансирование

ГИРДа стало плановым. Получил ГДРД и «филиал» — испытательную площадку в Подмосковье, в районе Нахабина. На ней разместили стенд для огневых испытаний реактивных двигателей, а также пусковые установки для полетных испытаний ракет. Два железобетонных блиндажа служили гирдовцам командными пунктами.

Приближался семидесятипятилетний юбилей Циолковского. С. П. Королев, Ф. А. Цандер приняли самое деятельное участие в подготовке к празднованию этой даты. Их предложения вошли в план мероприятий ЦС Осоавиахима по чествованию великого ученого. На торжественном заседании гирдовцев выступил Ф. А. Цандер.

В адрес юбиляра в Калугу за подписью Королева ушла приветственная телеграмма: «Примите поздравления и лучшие пожелания Вашей многополезной деятельности от коллектива сотрудников Группы изучения реактивного движения и мое лично».

17 сентября Колонный зал был полон народа. Несколько рядов напротив президиума заняли гирдовцы во главе с Фридрихом Артуровичем Цандером. Рядом с ним сидели С. П. Королев, М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев, Л. К. Корнеев, Е. С. Щетинков, Н. Е. Ефремов, И. А. Меркулов и другие. Сергей Павлович был доволен: гирдовцы разместились большой группой, вели себя оживленно и невольно обращали на себя внимание окружающих. В эту пору было немало скептиков, иронически называвших гирдовцев «марсианами», а ГИРД — расшифровывали не иначе, как «Группа инженеров, работающих даром». В этот момент на трибуну вышел Циолковский, седовласый старик, с коротко стриженной белой бородой и такими же усами. Поправив рукой сбившиеся на кончик носа очки в овальной металлической оправе, он развернул было перед собой листок бумаги, мельком взглянул, но тут же решительно положил его в карман длиннополого пиджака.

Негромким голосом Циолковский извинился перед собравшимися, что доставил так много хлопот своим юбилеем. Поблагодарил их за теплую встречу и сказал всего несколько слов:

— Я понимаю бездну, отделяющую идею от ее осуществления, так как в течение моей жизни я не только мыслил и вычислял, но и исполнял, работал также руками. Но, уверен, что герои и смельчаки проложат пути цельнометаллическому дирижаблю в воздух и ракете в космос.

После докладов, посвященных жизни и деятельности К. Э. Циолковского, и оглашения приветствий партийных, советских, научных и общественных организаций объявили перерыв. Вокруг Циолковского плотным кольцом стояли люди, пробиться к нему было невозможно. Но

Королев не оставлял надежды еще раз побеседовать с Константином Эдуардовичем, поделиться с ним планами и идеями, послушать его советы.

Королеву удалось встретиться с К. Э. Циолковским 27 ноября 1932 года, в тот день, когда Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин вручил Константину Эдуардовичу орден Трудового Красного Знамени... Затем Константина Эдуардовича принимали в президиуме Центрального совета Осоавиахима. Там присутствовали Р. П. Эйдеман, Ф. А. Цандер, С. П. Королев и несколько дирижаблистов.

А тем временем творческое и научное содружество сотрудников ГДЛ и ГИРДа продолжалось. Между коллективами началось социалистическое соревнование. 13 января 1933 года состоялась трехдневная поездка в Ленинград большой группы гирдовцев — С. П. Королева, Ф. А. Цандера, М. К. Тихонравова, Ю. А. Победоносцева и других.

В первый день москвичи встретились в управлении Газодинамической лаборатории с недавно назначенным начальником ее Иваном Терентьевичем Клейменовым. Это была первая деловая встреча руководителей двух ракетных организаций.

Клейменов выглядел человеком несколько усталым: глубокие морщины нет-нет да и прорезали его лоб, а глаза были в каком-то постоянном напряжении. За свои тридцать пять лет он уже многое повидал, и жизнь его не была легкой.

Участник гражданской войны, Клейменов учился на московских Лефортовских артиллерийских курсах. Потом снова воевал. После окончания гражданской войны поступил на физико-математический факультет Московского государственного университета, но в 1923 году по совету М. В. Фрунзе группу студентов, в том числе и его, перевели на учебу в Академию Военно-воздушного флота имени Н. Е. Жуковского. Успешно закончил ее. Работал представителем ВВС в советском торгпредстве в Берлине. В конце 1932 года Клейменова назначили руководителем ГДЛ.

— Мы получили указание, — начал Иван Терентьевич, — показать вам все, что вас интересует. В свою очередь, и нам бы хотелось подробнее узнать о ваших разработках, нам ведь предстоит работать вместе.

— У нас от вас секретов нет, — за всех ответил Королев.

— У нас тоже. Пойдемте, я вас познакомлю с ведущими сотрудниками.

В середине дня Цандер, Королев, Тихонраков, Победоносцев разошлись по подразделениям ГДЛ. Одни поехали знакомиться с работой механической мастерской, всевозможными испытательными стендами, другие — с пороховой мастерской, где готовились шашки бездымного пороха, с конструкторским отделом, где разрабатывались жидкостные

ракетные двигатели.

После встречи с коллективом ГДЛ Королев и Цандер доложили о поездке в Ленинград Техническому совету ГИРДа, где снова пришли к мысли, что надо сделать все, чтобы ускорить объединение ракетчиков Москвы и Ленинграда в одну целевую организацию. Задержка с созданием Реактивного института имела свои бюрократические причины: для детального рассмотрения вопроса о целесообразности общесоюзной организации создавались все новые и новые высокие комиссии. Ждали их мнения. Никак не решался вопрос о предоставлении институту подходящего помещения, жилья для его сотрудников.

Сами гирдовцы понимали, что ставить сегодня во всей полноте вопрос о межпланетных полетах — значит вызвать недоумение и даже осуждение их замыслов. Поэтому они последовательно решали текущие задачи, понимая, что сегодня, проводя большую экспериментальную и исследовательскую работу, они тем самым закладывают фундамент будущих полетов. Их девизом стали слова: «Ракеты — это оборона и наука».

Сергея Павловича очень беспокоила мысль, что идеей строительства ракет увлечена пока только небольшая горсточка ученых-энтузиастов и этой проблеме в прессе уделяется крайне мало внимания. Об этом он со всей прямотой написал Я. И. Перельману, широко известному писателю — популяризатору науки: «Хотелось бы только, чтобы Вы... больше уделили внимания не межпланетным вопросам, а самому ракетному двигателю, стратосферной ракете и т. п., так как все это ближе, понятнее и более необходимо нам сейчас...» «...Будет и то время, когда первый земной корабль впервые покинет Землю. Пусть мы не доживем до этого дня, пусть нам суждено копошиться глубоко внизу — все равно только на этой почве будут возможны успехи...»

ГИРД окреп. Производственно-экспериментальные работы набирали темп и широту, спланировали коллектив. Все четче вырисовывался образ двигательной установки для ракетоплана. Завершалась разработка первых проектов жидкостных ракет конструкции М. К. Тихонравова и Ф. А. Цандера. Планы энтузиастов-ракетчиков воплощались в жизнь. Высокое, творческое настроение царило на Садово-Спасской.

И вдруг как гром среди ясного неба известие — 28 марта 1933 года на отдыхе в Кисловодске скончался от тифа Фридрих Артурович Цандер. Ему едва исполнилось сорок шесть лет. Никто не верил в эту весть. Совсем недавно гирдовцы получили от него письмо. Уже будучи больным, он делился с друзьями планами на будущее, мечтал быстрее поправиться и с

новыми силами взяться за работу. Это письмо стало завещанием ракетчикам, а последние строки письма Цандера их девизом:

«Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше, выше и выше к звездам!»

Тяжелее всех утрату переживал Королев. Цандер был для него самым крупным ученым после Циолковского, советчиком и наставником, на опыт и знания которого Королев постоянно опирался. Он, как никогда, нужен ему сейчас, когда вот-вот решится вопрос об объединении ГИРД а и ГДЛ в единый институт. Королев отлично понимал, что он остался без авторитетнейшего союзника, который был нужен всегда, но особенно понадобился бы завтра. Выступая на траурном митинге, Королев плакал. Гирдовцы впервые видели своего не по годам сурового и строгого руководителя таким подавленным.

— Мы никогда не забудем вас, Фридрих Артурович! Мы будем идти вперед, подымая ракеты все выше, выше и выше, к Марсу...

Специальным постановлением президиум ЦС Осоавиахима присвоил ГИРДу имя Ф. А. Цандера.

После кончины Цандера первую бригаду возглавил его заместитель Леонид Константинович Корнеев, участник гражданской войны, член партии с 1917 года. Решили прежде всего довести до конца работу по ракете ГИРД-Х, спроектированной по идеям Фридриха Артуровича.

Чтобы заглушить душевную боль, вызванную смертью Ф. А. Цандера, Королев стал работать еще неистовее. С головой ушел в проблемы ГИРДа. Сергей Павлович не переставал думать об объединении с ленинградскими учеными. «Почему не решается вопрос о создании ракетного института?» — не раз спрашивал он себя.

После раздумий Королев написал письмо М. Н. Тухачевскому. В нем рассказывалось о нуждах гирдовцев, о трудностях, часто подстерегающих его сотрудников. Сергей Павлович просил ускорить создание объединенного ракетного института, приглашал Тухачевского посетить ГИРД, чтобы детально познакомиться с его работой.

Одновременно коммунисты ГИРДа направили письмо в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину. В нем сообщили о первых итогах работы и перспективах. «В очень недалеком будущем можно ожидать осуществления снарядов с дальностью метания порядка нескольких тысяч километров, с несением не только боевой, но и живой нагрузки». Гирдовцы просили Генерального секретаря помочь в дальнейшем развертывании дел, способствовать созданию единого научного ракетного центра — исследовательского института.

А через две недели в ГИРД приехал начальник вооружения РККА М. Н. Тухачевский. Он принял приглашение Королева и решил лично ознакомиться с делами ГИРДа, его людьми и окончательно убедиться в необходимости объединения ракетчиков Ленинграда и Москвы. Он побывал во всех подразделениях, подробно интересовался экспериментальными ракетами, их возможностями — максимальной дальностью и точностью полета, тем, как скоро можно перейти к оснащению ими Красной

Армии.

Прощаясь с гирдовцами, Михаил Николаевич обещал сделать все возможное для улучшения материально-производственной базы. Обращаясь непосредственно к Королеву, сказал:

— С вас, товарищ Королев, как с руководителя и коммуниста за всю работу спрос особый. Вы за все в ответе и перед народом, и перед партией.

Тухачевский не знал, что начальник ГИРДа беспартийный. Но, предпринимая какой-либо новый шаг, С. П. Королев, прежде всего советовался с коммунистами, секретарями партячейки Л. К. Корнеевым, Н. И. Ефремовым и другими.

Вскоре, к общей радости гирдовцев, к ним поступили грузовая и легковая машины, станки. Гирдовцев прикрепили к столовой Наркомата сельского хозяйства, которая находилась в трех минутах ходьбы, и, самое важное, ГИРД был взят на плановое материальное снабжение, значительно улучшилось финансирование.

После посещения Тухачевского и оказанной им помощи все стали работать с удвоенной энергией. Надежда на скорое создание ракетного института окрепла. Гирдовцам предстояли ответственные испытания экспериментальной ракеты ГИРД-09 конструкции Тихонравова.

Правда, Михаил Клавдиевич ушел в отпуск. После смерти Цандера сроки отпусков соблюдались особо тщательно. В его отсутствие С. П. Королев доверил подготовку ракеты к летным испытаниям Н. И. Ефремову, заместителю Тихонравова. Успешный полет означал бы, что исходные конструкторские решения, которые не раз обсуждались на Техническом совете, верны. Он упрочил бы позиции молодой организации в глазах заинтересованных ведомств. Для Королева, как руководителя, эта ракета являлась и своеобразным экзаменом на зрелость.

Как-то С. П. Королеву позвонил профессор Ветчинкин, который поддерживал с гирдовцами тесную связь.

— Добрый вечер, Сергей Павлович! Хочу познакомить вас с Юрием Васильевичем Кондратюком. Не сомневаюсь, вы слышали о таком. Его

называют некоторые «новосибирским Циолковским». Его вызвал парком Орджоникидзе. Кондратюка направляют в Харьков, в тамошний Институт промэнергетики. Он должен завершить проект мощной ветроэлектростанции.

— Он больше не интересуется космоплаванием?

— Попробуйте, Сергей Павлович, может, уговорите. Между прочим, Циолковский высоко оценил книгу Кондратюка и послал ему свою с дарственной надписью.

Желанного гостя Сергей Павлович и Николай Иванович Ефремов, секретарь парторганизации встретили у входа в ГИРД. К ним подошел высокий, чуть сутулый человек в полупальто-реглане. Из-под высокого лба смотрели карие пронизательные глаза. Черные небольшие усики и мягкая борода. Всем своим обликом Кондратюк отдаленно напоминал недавно умершего Ф. А. Цандера. Правда, он был моложе Фридриха Артуровича на десять лет и на столько же старше 26-летнего Королева. Познакомились и тут же прошли в кабинет. Юрий Васильевич обрадовался, увидев на столе начальника ГИРДа свою книгу «Завоевание межпланетных пространств», изданную автором в 1929 году на свои средства тиражом всего 2000 экземпляров.

— Мы благодарны вам, что нашли время зайти к нам, Юрий Васильевич, — приветствовал гостя Сергей Павлович Королев. Взяв брошюру, добавил: — Доброе нам подспорье. Но не только нам. Уверен, ее будут держать под руками и те, кто придет на смену.

Сергей Павлович самым подробнейшим образом рассказал о планах Группы изучения реактивного движения, не скрыв, что смерть Ф. А. Цандера — тяжелая утрата для ракетчиков и что они ищут ему замену.

Юрий Васильевич слушал Королева очень внимательно, задавал общие вопросы, но конкретные технические дела гирдовцев, видимо, не трогали его души, и он оживлялся лишь тогда, когда речь заходила о чисто теоретических проблемах космонавтики, да и то не сегодняшнего, а завтрашнего ее дня. Королев и Ефремов показали гостю все цехи ГИРДа, ознакомили со строящимися образцами экспериментальных ракет, которые через несколько месяцев должны подняться в небо. Но полукустарное производство ГИРДа не произвело на Кондратюка желаемого впечатления. Скорее Юрия Васильевича обескуражило увиденное. Крупный инженер, технический руководитель сооружения многих элеваторов в хлебных районах Сибири, автор и строитель уникального деревянного зернохранилища на десять тысяч тонн на Алтае, привыкший иметь дело с современным производством, не мог себе представить, что ракетное дело

рождается в столь примитивных условиях.

Сергей Павлович, кажется, понял состояние Кондратюка и вместо прямого приглашения на работу в ГИРД ограничился просьбой о сотрудничестве.

— Вы очень можете помочь нам...

Кондратюк долго молчал, ему не хотелось огорчать своих единомышленников, но и раздавать обещания, а потом не выполнять их — это не в его характере.

— Не могу, Сергей Павлович. Дал обещание Серго Орджоникидзе. Не истолкуйте меня неверно.

— Нас поддержит заместитель председателя Реввоенсовета РККА товарищ Тухачевский, — вставил Ефремов. — Обратимся в ЦК партии...

— Не обижайтесь. Я увлечен интересной работой — созданием небольших ветровых электростанций для села, а затем и гигантов ветроэнергетики, каких еще не знает мир. Ленинский план электрификации России вмещает и мои задумки. Сегодня все это нужно стране как воздух...

— А то, что мы делаем, значит... — Королев обиделся, помрачнел, через силу улыбнулся. — А мы так рассчитывали на вас, — тут он выставил последний довод. — Скоро, Юрий Васильевич, будет создан крупнейший ракетный центр — Реактивный научно-исследовательский институт. Такое широкое поле деятельности для вас.

— Не могу, — с какой-то болью в голосе ответил Кондратюк. Встал со стула, надел кепку... — Закончу все дела, смогу не ранее, как через несколько лет.

Провожаемый Королевым и Ефремовым, Юрий Васильевич ушел...

Так закончилась первая и единственная встреча гирдовцев с замечательным ученым, вставшим в один идущий за Циолковским ряд пионеров ракетной техники — вместе с Цандером, Годдардом, Обертом и Эсно-Пельтри.

— Не поверил он в нас, — с горечью вконец расстроенный заметил Королев. — Пойдем, Николай Иванович, нас ждет работа, нас ждет «девятка».

В начале августа 1933 года настал день первого пуска ракеты 09. Его решили провести на подмосковном полигоне Нахабино. Этого часа долго ждали, на старте собрался почти весь коллектив ГИРДа. Но по техническим причинам пуск отложили. 11 августа в Подмосковье поехала лишь половина гирдовцев. На пусковое устройство установили ракету. Залили кислородом. Все укрылись в блиндажах, но стал подтекать кран, и механики бросились к ракете. Через сорок минут все исправлено.

Сергей Павлович не вмешивался в работу механиков, не торопил, всем своим видом показывал, что все идет нормально, так всегда бывает... Но снова неудача, свеча не дала искры, и двигатель безмолвствовал.

— Вот что, товарищи, не будем торопиться, — негромко сказал начальник ГИРДа Н. И. Ефремову, — Даю вам два дня. Разберитесь. И не унывайте. Подумаешь, свеча не дала искры. Заменяем. В конструктивном решении я не сомневаюсь. Так что, как говорил Фридрих Артурович: «Вперед, на Марс!»

К сожалению, как нередко бывает, один дефект рождает другой. Назначенный С. П. Королевым на 13 августа старт также не состоялся. Разочарование охватило многих. Помрачнел и Королев. На Техническом совете, где присутствовала вся бригада Тихонравова, Королев детально разобрал причины неудач и еще и еще раз потребовал от механиков проверить все пусковые элементы ракеты.

К 17 августа наконец к пуску «девятки» все готово. В канун Дня Воздушного Флота снова поехали на полигон в Нахабине. Сергей Павлович Королев поджег бикфордов шнур.

Шум, огонь... И ракета медленно и плавно взошла над станком.

Крики «ура!» сопровождали подъем ракеты,

После того, как восторг поутих, из леса принесли приземлившуюся там ракету, развалившуюся от удара на две части, осмотрели ее. Сергей Павлович поздравил всех с успехом.

— Всем спасибо! Начало сделано. За первым шагом придет второй и третий. Итак, путь открыт! А теперь надо составить акт.

Достав из планшетки листки бумаги, Ефремов начал писать под диктовку начальника ГИРДа: «Мы, нижеподписавшиеся — комиссия завода ГИРД по выпуску в воздух опытного экземпляра объекта 09 в составе...»

Вокруг Королева и Ефремова собрались все участники испытаний. Каждый что-то говорил, советовал, помогая точнее составить документ.

— Да помолчите же, друзья, — не выдержал Ефремов. — Существует единая форма составления актов.

Сергей Павлович продолжал диктовать: «Старт состоялся на станции № 17 инженерного полигона Нахабино 17 августа в 19 часов 00 минут. Вес объекта 18 килограммов. Вес топлива — твердый бензин — 1 килограмм, кислорода — 3,45 килограмма. Давление в кислородном баке 13,5 атмосферы. Продолжительность взлета от момента запуска до момента падения 18 секунд. Высота вертикального подъема на глаз примерно четыреста метров».

Исторический акт был составлен в 20 часов 10 минут. Четыре подписи

скрепили его:

Начальник ГИРДа С. П. Королев, старшие инженеры второй и первой бригады Н. И. Ефремов, Л. К. Корнеев, руководитель производственной бригады Е. М. Матысик.

Ободренный успехом, Королев, не скрывая радости, много шутил. Подошел к конструктору Паровиной, недавно ставшей женой Тихонравова, весело взглянул ей в глаза.

— За вами, Оля, телеграмма Михаилу Клавдиевичу. Передайте ему наши поздравления...

Повернулся к Корнееву, перешел на деловой тон:

— Леонид Константинович, до конца года нам надо запустить ГИРД-Х. Будь Цандер с нами, как бы он радовался.

По горячим следам пуска ракеты 09 начальник ГИРДа С. П. Королев сел за официальный отчет Центральному совету Осоавиахима. Он сообщил, что разработана и построена принципиально новая ракета-снаряд конструкции Тихонравова. Королев добавил, что следует продолжать дальнейшие разработки «летающих ракет больших калибров со скоростями полета до 800–1000 метров в секунду...».

В заключение С. П. Королев просил руководство ЦС Осоавиахима ускорить вопрос об организации Реактивного института, а также «немедленно отпустить ГИРДу необходимые средства на постановку научно-исследовательской работы» и, в частности, на постройку первой опытной серии ракет и испытания их.

Через несколько дней в помещении ГИРДа появилась красочная стенная газета «Ракета». Она открывалась поздравлением ракетчиков с «первыми практическими результатами в деле овладения техникой реактивного движения». Его подписали; Управление военных изобретений технического штаба начальника вооружений РККА и президиум партиячейки ВКП(б) управления вооружений РККА.

Написал небольшую заметку и Сергей Павлович:

«День 17 августа, несомненно, является знаменательным днем в жизни ГИРДа, и, начиная с этого момента, советские ракеты должны летать над Союзом Республик!»

В начале сентября, вскоре после успешного запуска ракеты 09, к Королеву зашли Ефремов и Корнеев.

— Вы охотно посещаете, Сергей Павлович, собрания нашей партийной ячейки? — начал разговор Ефремов.

— Да. А что? — насторожился Королев. — Вы ж меня приглашаете.

— Сергей Павлович, а вы никогда не думали о вступлении в партию?

Это не только наш вопрос, — добавил Корнеев, — а всех коммунистов ГИРДа.

— Всех коммунистов? А мое происхождение?

— Ваше происхождение? Ведь вы сын учительницы и учителя.

— Но у меня нет на руках мозолей, и я с винтовкой не воевал с бандитами. А тут еще дед до революции с бакалейной лавчонкой.

— О чем вы, Сергей Павлович?

— Учился в политехническом в Киеве. Там хотел в комсомол... Вот тогда мне и сказали про мозоли и про винтовку.

— Вы вправе обижаться на тех, кто вас не принял, — заметил Корнеев. — Но зачем же на весь комсомол и на партию?

Сергей Павлович нахмурился. Давняя обида по прежнему жила в сердце. Гордый, самолюбивый Королев не хотел получить еще раз отказ.

— Вы мне, беспартийному, не доверяете? Только честно?

— Вот что, Сергей Павлович, — вспыхнул Корнеев. — Я постарше вас, и у меня на счету и «мозоли» и «винтовка». И если говорю с вами о партии, значит, это высшее доверие к вам.

— Извините, — смутился Королев. — Я всем сердцем с партией, Леонид Константинович. Но я не готов к этому шагу. Мне надо что-то сделать для народа и партии. Не могу так. Вот запустим несколько ракет, поставим их Красной Армии. Тогда. Я делом докажу, что достоин быть членом ВКП(б), чтобы никто больше не упрекал. Хорошо?

Решение Совета Труда и Оборона СССР (СТО) о создании Реактивного института все еще задерживалось. И тогда Михаил Николаевич Тухачевский, как заместитель председателя Реввоенсовета СССР, пользуясь предоставленными ему правами, личным приказом по Реввоенсовету от 21 сентября 1933 года объединил ГДЛ и ГИРД в Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ) Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Начальником института назначили Ивана Терентьевича Клейменова, а заместителем по научной части двадцатилетнего Сергея Павловича Королева. Ему присвоили должностное звание дивизионного инженера. (По нашему времени — звание генерал-лейтенанта технических войск.) В петлицах его гимнастерки появилось два «ромба». Благодаря решительному шагу Тухачевского бюрократам, не— осталось причин тянуть волокиту. Королев был горд и счастлив. В самом конце октября образование РНИИ утверждается постановлением Совета Труда и Оборона и институт передается в ведение Народного комиссариата тяжелой промышленности,

руководимого замечательным организатором народного хозяйства Г. К. Орджоникидзе.

Первого ноября того же года С. П. Королев выступил с докладом на президиуме ЦС Осоавиахима. Это отчет о деятельности ГИРДа практически за два года работы. Деятельность коллектива получила положительную оценку. Основная задача ГИРДа — доказать на практике возможность осуществления реактивного принципа движения при данном состоянии науки и техники вообще — выполнена на высоком научно-техническом уровне и в удивительно короткий срок.

Тогда же ЦС Осоавиахима СССР принял постановление о награждении лучших сотрудников ГИРДа за достижения в ракетной технике. Сергея Павловича Королева и Михаила Клавдиевича Тихонравова отметили высшей наградой оборонного общества — знаком «За активную оборонную работу». Многие гирдовцы удостоились других знаков отличия Осоавиахима, ценных подарков.

С. П. Королев с головой ушел в дела РНИИ, связанные с новыми обязанностями, принимал самое деятельное участие в научно-производственной деятельности, в осуществлении технических исследований и экспериментов, начатых в ГИРДе. Его записная книжка пестрит рабочими записями.

«...Участвовал в испытаниях артиллерийских снарядов с ПВРД конструкции Ю. А. Победоносцева... Присутствовал при испытаниях модифицированной ракеты 09 под индексом 13... Много времени уделял первой бригаде, готовившей к старту жидкостную ракету Ф. А. Цандера ГИРД-Х. 25 ноября 1933 года руководил ее пуском. 17 января 1934 года проверял работу мастерской РНИИ...»

Но не все шло гладко во вновь созданном институте. Были и научные и не только научные споры. Московские и ленинградские группы в начале продолжали работать по собственной тематике. Различные направления деятельности специалистов ГДЛ и ГИРДа, существовавшие в момент создания института, и должны были составить научную основу технического плана работ коллектива на ближайшие годы. Но именно они и положили начало противоречиям между начальником РНИИ И. Т. Клейменовым и его заместителем С. П. Королевым.

— Ваш упор в плане работы РНИИ на создание ракетоплана и ракет для заатмосферных полетов, хотя и в далеком будущем, — начал Клейменов, — не оправдан. Вы, кажется, незаметно хотите протолкнуть идею о межпланетном корабле... Кого вы хотите обмануть? Меня?

Королеву не понравился тон, с которого началась беседа с начальником

РНИИ. Он нахмурился, молчал, ожидая, что будет сказано дальше. Тут он заметил на столе у Клейменова свой «Доклад начальнику РНИИ о положении работы в производственной части РНИИ». В нем Королев с присущей ему прямоотой отметил ряд недостатков в изготовлении корпусов пороховых ракетных снарядов, разрабатываемых группой специалистов из ГДЛ. «Может, он вызвал плохое расположение духа Ивана Терентьевича, — подумал Королев. — Раньше он никогда в подобном тоне со мной не разговаривал».

— Даже Константин Эдуардович молчит о фантастических полетах, занимается дирижаблестроением. Вам забил голову своими идеями мечтатель Цандер... «Вперед, на Марс!»

— Цандера не трогайте! — глухо сказал Королев, еле сдерживаясь.

— Хорошо, вернемся к вам. Из предложенных тем вашего плана надо оставить только то, что связано с крылатыми ракетами, с теми, что необходимы не для полета туда, в неизвестное, а здесь, на земле. Не подумайте, что я консерватор, я — реалист. Этому меня научила гражданская война.

Неожиданно для Королева Иван Терентьевич успокоился и заговорил просто, убеждая своего собеседника.

— Вы знаете, ассигнования нашему институту невелики. В воздухе пахнет войной. Нам надо срочно делать то, что завтра может встать на вооружение РККА. В этом отношении планы товарищей из ГДЛ — их снаряды и ваши земные ракеты — ближе к цели. Обороне все силы! Этого требует партия, об этом все время говорит товарищ Сталин.

— Я не согласен с вами, Иван Терентьевич, — удивительно спокойно начал Королев. — Наши идеи, задумки были хорошо известны до объединения ГДЛ и ГИРДа. Их никто не опровергал. А сейчас вы хотите закрыть наше главное направление научных и экспериментальных работ и сделать нас механическим придатком ГДЛ. Согласен, надо быстрее и эффективнее помогать Красной Армии, но нельзя жить и одним сегодняшним днем. Мы взяли за ракетоплан, видя в нем завтрашний день авиации. Представляете самолет со скоростью свыше тысячи километров в час!

— Не представляю! — вконец обозлился Клейменов. — Да и пусть авиацией занимаются ЦАГИ и авиационные конструкторские бюро. Им и карты в руки.

— Мы два года трудились над созданием ракетоплана, — не сдавался Королев. — Есть уверенность, через два-три, крайний срок — пять лет — мы поднимем в воздух первый самолет с реактивным двигателем.

— Пять лет! Это большой срок. А нас сегодня утром спрашивают, что вы дадите РККА сегодня же к вечеру. Вы можете это понять? — в голосе Клейменова появился холод. — Наш уважаемый Михаил Николаевич Тухачевский может не только помогать, но и крепко спрашивать.

— Нам надо довести ракетоплан до полета и не отказываться от разработки более мощных ракет, — упрямо повторил Королев. — За границей тоже не спят. Да и Тухачевский одобряет нашу работу.

— Не знаю, я от него по этому поводу указаний не имею. — Клейменов встал и нервно заговорил: — Мы слишком долго говорим, товарищ Королев. Давайте условимся раз и навсегда, мы люди военные. Приказы в армии, как известно, не обсуждаются.

— Ваши замечания к плану — приказ?

— Именно так. Кстати, с вашей докладной. Впредь подобные обследования — только с моего разрешения. С моего! Единоначалие полное.

— А решение Технического совета? Клейменов ничего не ответил, взял со стола план, протянул его Королеву.

— Переделайте. Срок — три дня.

— Я отказываюсь переделывать план. Пусть решит Технический совет.

— Та-ак! — недовольно протянул Клейменов. — Идите.

Все более расширявшееся несоответствие взглядов между начальником РНИИ и его заместителем на первостепенные задачи института и методы их решения вылились в подготовленный И. Т. Клейменовым приказ по Наркомату тяжелой промышленности от 25 января 1934 года. Этим приказом упразднялась должность заместителя начальника РНИИ по научной части, которую занимал С. П. Королев.

Подобная формулировка вызвала крайнее недоумение сотрудников института. Она не объясняла причин освобождения Королева, вызвала еще большее напряжение в коллективе. Бывшие сотрудники ГИРДа твердо считали перемещение их недавнего руководителя несправедливым. Королев тяжело переживал свое смещение, так как понимал, как и все гирдовцы, что отныне многие их научно-технические замыслы могут быть отодвинуты на задний план. Некоторые из сотрудников после конфликтов с И. Т. Клейменовым покинули институт. Королев же, к удивлению руководителей РНИИ и к радости ветеранов ГИРДа, остался в институте на рядовой должности старшего инженера.

Второй фигурой в институте отныне стал главный инженер Г. Э. Лангемак, сподвижник Клейменова по Ленинграду. Он пользовался большим авторитетом как талантливый инженер и, в частности, многое

сделавший для совершенствования пороховых ракетных снарядов, позднее использованных для знаменитых реактивных установок, получивших в народе название «катюш».

Сдав дела Г. Э. Лангемаку, Сергей Павлович пришел в сектор крылатых ракет. Е. С. Щетинков, бывший его помощник и преемник по четвертой бригаде ГИРДа, принял дружески, хотя чувствовал двойственность своего положения.

— Нет худа без добра, — утешил он Сергея Павловича. — Считай, что ты вернулся в ГИРД. Мы как раз заканчиваем конструкцию крылатой ракеты 06, нашей, гирдовской. Вот примемся за ее летние испытания.

— Спасибо, Евгений Сергеевич, — через силу улыбнулся Королев. — Это как раз то, что надо. Займемся творчеством без траты сил на латание административных дыр.

Неприятности для Королева на этом не закончились. Без видимого основания его не включили в состав группы, выехавшей в Калугу к Циолковскому для налаживания творческих контактов РНИИ с Константином Эдуардовичем. Правда, Михаил Клавдиевич Тихонравов пытался отстоять кандидатуру Королева. Но Клейменов резко отказал.

Сергей Павлович узнал об этом и, конечно, очень расстроился. Ему хотелось еще раз встретиться с Константином Эдуардовичем, поговорить с ним, помечтать. Королеву казалось, что Циолковский поймет и поддержит его. С нетерпением он ожидал возвращения Тихонравова из Калуги.

На следующий день после приезда, 18 февраля 1934 года, Михаил Клавдиевич пошел к Королеву.

— Как поездка? — встретил его Королев. — Давай сядем. Расскажи поподробнее. Я ведь не встречался с Циолковским два года. Постарел, наверное, очень.

— Я ожидал увидеть Константина Эдуардовича дряхлым стариком. Ничего подобного, — ответил Тихонравов. — Мы встретили человека бодрого душой, не только умного и талантливого, но и очень обаятельного. Ты бы видел, Сергей, с каким интересом он слушал рассказ Клейменова об институте, его планах.

— О нашем ракетоплане ни слова, конечно. Ну а ты, надеюсь, показал снимки наших ракет?

— Ну а как же? Мне кажется, во время нашей встречи гирдовские ракеты были для него самым приятным сюрпризом. Циолковский внимательно рассмотрел каждую деталь ракеты. Попросил несколько снимков оставить ему на память. Поблагодарив нас, он не скрыл своего удовольствия. Много дал нам советов, полезных и для сегодняшних наших

работ. Я брал с собой фотоаппарат и сделал несколько снимков Константина Эдуардовича и сам сфотографировался с ним.

— Дай мне, Михаил Кладвиевич, один снимок на память.

Незаметно разговор перешел на институтские темы.

— Сам пробивал дорогу к объединению ГДЛ и ГИРДа, радовался, когда объединились. А, да что говорить, сам понимаешь. Только я другого пути не знаю и не отступлю в сторону ни на шаг... — И, не договорив, вышел из комнаты. Тихонравов долго смотрел Королеву вслед, заметив, как необычно тяжело он шагал по коридору, чуть наклонив голову, ни на кого не глядя, никого не замечая.

Глава седьмая

Тяжелые испытания

Предпочтение крылатым.

Радости и огорчения.

Клевете поверили.

Нет, Королев не сломался, не из хрупкого материала скроен. Он не терял надежды, что научные интересы гирдовцев все-таки будут в РНИИ поддержаны.

31 марта 1934 года в Ленинграде открылась первая Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. Она явилась крупным событием в научной жизни страны, на ней присутствовали видные ученые и специалисты в этой области во главе с президентом Академии наук СССР А. П. Карпинским. Конференцию открыл академик С. И. Вавилов, оказывавший поддержку всем тем, кто так или иначе был связан с ракетами. Эти ученые всякий раз, когда выступали ракетчики, пересаживались поближе, чтобы лучше слышать докладчика. Так было, когда слово предоставили М. К. Тихонравову, так было, когда на трибуну поднялся С. П. Королев. Правда, на этот раз опальный инженер выступал не от имени РНИИ. Его командировало в Ленинград как консультанта и специалиста по вопросам реактивного полета Управление военных изобретений Технического штаба начальника вооружений РККА.

Инженер-конструктор изложил основные положения и возможности полета человека в стратосферу на ракетоплане, показал, что для подобного полета предпочтительнее жидкое топливо, так как оно гораздо эффективнее твердого и дает возможность управлять двигателем.

Особенно возрос интерес слушателей, когда Сергей Павлович перешел к рассказу о том, каким ему видится первый реактивный корабль. По его расчетам, пилотская кабина должна быть герметичной, весом не менее двух тысяч килограммов, иметь «жизненный запас» для человека и вмещать экипаж от одного до трех человек. Королев в докладе обосновал создание для экипажа таких условий, при которых «во время отрыва корабля от Земли, взлета и набора высоты человеческий организм не был бы подвержен вредному воздействию большого ускорения, а мог наиболее легко перенести его».

Королев сообщил участникам конференции о трудностях, связанных с созданием реактивного аппарата подобного класса, но и сумел убедить всех в том, что они, в конечном счете, преодолимы, «хотя, быть может, и с несколько большими усилиями, чем это кажется на первый взгляд». Успех Королев видел в координации усилий ракетчиков и представителей ряда других областей науки и техники.

Через несколько дней «Правда» опубликовала корреспонденцию из Ленинграда командира советских стратонавтов Г. А. Прокофьева. Автор отметил, что «в интересном докладе инженер С. П. Королев (РНИИ) подверг анализу возможность и реальность полета реактивных аппаратов в высших слоях атмосферы...».

Возвратившись из Ленинграда, окрыленный удачным выступлением там и поняв, что слушатели хорошо восприняли его доклад, Сергей Павлович полностью отдается работе в РНИИ. В секторе крылатых ракет он продолжает работать над жидкостной ракетой 06 с гибридным двигателем М. К. Тихонравова. Эта опытная ракета предназначалась для отработки разных способов обеспечения устойчивости движения. Она походила на маленький самолет (размах крыльев — 3 метра, а длина — 2,3 метра) и представляла собой уменьшенную модель ракетоплана, РП-1, что пытался создать Королев еще в ГИРДе.

Испытывалась целая серия ракет 06. Королев пытался решить основной вопрос — обеспечить устойчивость ракеты на траектории, отработать элементы систем автономного управления полетом ракеты. От своих сотрудников С. А. Пивоварова и Б. В. Раушенбаха, занимавшихся этим, Королев требовал: «На данном этапе отработка систем управления — главная задача. Не решив ее, мы не добьемся желаемого успеха, не двинемся дальше». С этой целью группа Королева создавала различные самописцы, устанавливала их в корпусе ракеты.

У Сергея Павловича было правило: никогда не замыкаться только в своем коллективе для решения важных научных и теоретических проблем. И на сей раз он обратился за помощью в Отделение механики МГУ.

Предпочтение «крылаткам», как ласково называл их Королев, он отдавал в эти годы по одной-единственной причине: летательный аппарат с крыльями мог поднять в воздух больший груз, чем бескрылые — баллистические ракеты. А это, учитывая маломощность ЖРД того времени, было крайне важно для укрепления обороноспособности страны. Ведь крылатые ракеты в случае необходимости могли поднять значительный бомбовый груз.

И в то же время Сергей Павлович ясно сознавал, что у баллистических

ракет есть свои преимущества, используя которые можно пытаться скорее вырваться за пределы стратосферы. Поэтому-то и боролся он со всеми теми, кто требовал прекратить все работы по бескрылым ракетам. На одном из технических совещаний в РНИИ он говорил: «Необходимо и в дальнейшем не прекращать исследований по бескрылым ракетам, так как нельзя отступать перед конструктивными неудачами — вся история мировой техники говорит обратное». Но и это приходилось доказывать Королеву. Он как-то подумал: «Полезь от меня маловато. Не столько делаю, сколько доказываю, убеждаю, настаиваю. Хотя и это тоже дело, и очень важное».

Одновременно с испытаниями ракет 06 Сергей Павлович не оставлял работ над проектом мотопланера СК-7 для дальних полетов. Ему помогали в этом инженеры П. В. Флеров и Н. И. Ефремов.

Мотопланер внешне очень походил на крылатую ракету. В воздух машина весом всего в 1800 килограммов поднималась самолетом-буксировщиком. На нужной высоте она отцеплялась от самолета и дальше летела со скоростью до 150 километров в час при помощи маломощного мотора, примерно в сто лошадиных сил. По замыслу Сергея Павловича такой летательный аппарат мог широко использоваться для перевозки народнохозяйственных грузов, доставка которых в этом случае становилась весьма дешевой. Эта одна цель, которую преследовал конструктор, проектируя СК-7. Была вторая — потайная: все расчеты мотопланера велись так, чтобы в нужное время заменить на планере обычный мотор на ракетный двигатель, установить для него топливные баки.

Авторы мотопланера успешно защитили его проект во Всесоюзном авиационном научно-техническом обществе. Осенью предстояло начать его постройку.

А в РНИИ все оставалось по-прежнему. Королева не понимали. Порой он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Ища поддержки, Сергей Павлович написал еще одно письмо М. Н. Тухачевскому, видя в нем своего защитника. «Ведь именно Михаил Николаевич помог с образованием Реактивного института, он хорошо представляет себе его задачи. То, что я предлагаю, крайне важно для страны, для ее обороны», — думал Сергей Павлович.

Письмо было отправлено 29 мая 1934 года; к огорчению Королева, ответа не последовало.

В середине декабря Королеву позвонили из военного издательства и коротко сказали: «Приезжайте». А вечером, радостный и возбужденный, он ворвался в квартиру с большим свертком в руках. Едва переступив порог,

закричал: «Ура!» Ксана, еще не понимая, в чем дело, но, увидев по лицу мужа, что произошло что-то очень хорошее, тоже закричала «ура!». В ту же минуту из соседней комнаты выскочили мать и отчим. Непонимающе взглянули на молодых. Сергей бросил сверток на пол, попытался развязать бечевку, но узел не поддавался, и он резким движением рук разорвал его. На пол высыпались книжки. Это был долгожданный «Ракетный полет в стратосфере». Ксана и Мария Николаевна бросились целовать Сергея Павловича, а сдержанный Григорий Михайлович, полистав книгу, кажется, впервые за годы совместной жизни, крепко пожав Сергею руку, назвал его по имени и отчеству:

— Поздравляю, Сергей Павлович!

Небольшая, около четырех печатных листов, книга открывалась портретами К. Э. Циолковского и Ф. А. Цандера, которых автор считал своими учителями.

Один из экземпляров книги Сергей Павлович подарил жене, другой решил послать К. Э. Циолковскому. Сидел, долго думал, что написать.

Набросав на бумажке черновик, пошел к Марии Николаевне.

— Послушай, мама! «Уважаемый Константин Эдуардович! Пусть эта книга будет доброй Вам памятью о нашей встрече в Калуге, окрылившей меня на долгие годы. Желаю Вам больших успехов а Вашей многополезной деятельности. Приложу все силы, чтобы осуществить Ваши великие замыслы».

Марии Николаевне текст поправился, а Григорий Михайлович посоветовал: «Поскромнее о себе!» Сергей согласился. Зачеркнув последнюю фразу, написал: «Пусть осуществляются все Ваши великие идеи и замыслы».

Незадолго до два своего рождения, 29 декабря 1934 года, Сергей Павлович послал книгу «Ракетный полет в стратосфере» К. Э. Циолковскому и по экземпляру — М. Н. Тухачевскому и академику С. И. Вавилову.

Вскоре книгу прочли друзья Сергея Павловича. Все поздравляли его, спешили поделиться впечатлениями. Единомышленники в РНИИ обсуждали между собой достоинства книги, отмечали, что она сконцентрировала в себе идеи, связанные с изучением и освоением стратосферы, популярно излагает научные и технические проблемы полетов стратопланов и ракет. Много хвалили книгу за то, что она пронизана заботой об обороне Родины. Королев в книге справедливо отмечал, что в империалистических странах ракета меньше всего может быть использована для научных и исследовательских целей и что ее

главной задачей будет военное применение. «Ракета является очень серьезным оружием», — считал автор и предупреждал, что Советской стране в интересах безопасности надо избежать в этом плане «сюрпризов и неожиданностей». «Именно это надо учесть, — писал Королев, — всем, интересующимся данной областью, а не беспочвенные пока фантазии о лунных перелетах и рекордах скоростей несуществующих ракетных самолетов».

Описывая в книге различные типы летательных аппаратов, автор убедительно доказывал важность баллистических, то есть бескрылых ракет. Горячее одобрение получило и мнение автора о необходимости создания в первую очередь совершенно нового реактивного двигателя, который позволил бы «совершить полет на высоте и, возможно, когда-нибудь даже в межпланетном пространстве».

Вскоре в Стратосферный комитет Осоавиахима пришло письмо от Циолковского с отзывом на труд Королева: «Книжка разумная, содержательная и полезная», — писал Константин Эдуардович. Ученый сетовал только, что автор не сообщил своего адреса и лишил его возможности лично поблагодарить за книгу.

Похвала Циолковского, положительные рецензии в журналах «Самолет», «Вестник воздушного флота», газете «За рулем» давали Сергею Павловичу все основания думать, что его идеи получат вскоре широкое применение, изменится к нему отношение и в РНИИ. Но это происходило очень медленно: Королев начал искать новые возможности привлечения внимания широкой общественности к вопросам ракетной техники. Он выдвинул идею о проведении специальной конференции, посвященной этой теме. Его поддержал технический совет РНИИ.

Первая Всесоюзная конференция по применению ракетных аппаратов к освоению стратосферы состоялась в первых числах марта 1935 года. Доклад Королева «Крылатые ракеты, их применение для полета человека» вызвал пристальный интерес. Впервые так глубоко и обстоятельно на научно-теоретической основе рассматривались особенности крылатых пилотируемых ракет-ракетопланов, давался анализ их летных характеристик. Сергей Павлович считал, что сейчас все внимание должно уделяться именно крылатым ракетам, именно они будут нужны в ближайшее время. В докладе Королев опирался на капитальные труды К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, В. П. Ветчинкина, на опыт строительства ракетных летательных аппаратов, накопленный в ГИРДе и РНИИ.

...Еще дважды во время конференции Сергей Павлович поднимался на трибуну. По поручению президиума он составил, а затем зачитал под

аплодисменты собравшихся приветствие Циолковскому. В последний день работы Сергей Павлович огласил письмо К. Э. Циолковского о стратосферной ракете и выступил с заключительным словом.

Дальнейшая задача, по его мнению, заключалась в том, чтобы «упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми высоты страто-и ионосферы». Эти слова были поддержаны аплодисментами.

Итогом работы конференции явилось решение построить экспериментальный ракетоплан — своеобразную летающую лабораторию для проведения научно-технических исследований. Сергей Павлович радовался — ведь это уже прямой путь к созданию реактивного самолета.

Всесоюзная конференция по применению ракетных аппаратов явилась первой в мире, на которой столь широко были исследованы и намечены меры «текущего практического развития ракетной техники».

После конференции Сергея Павловича не покидала надежда, что РНИИ вплотную займется ракетопланом.

Все эти дни он еще и еще раз просматривал материалы — все, что касалось его давней задумки, ради которой пришел в ГИРД. 10 апреля, после окончания рабочего дня, раскинув на столе небольшого кабинета в РНИИ листы ватмана с чертежами нового планера СК-9, он стал компоновать в его фюзеляже на месте второго пилота топливные баллоны...

Раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Сергей Павлович услышал взволнованный радостный голос матери:

— Не задерживайся, Сергей... У нас тут такие дела!

— Ксана!

— Такой тебе подарок. Дочь, дочь! Беги ищи цветы. Я сейчас позвоню Григорию Михайловичу. Поздравлю и его.

Ксана очень нравилась Марии Николаевне и ее мужу, и появление внучки словно вернуло им молодость.

В кабинет вошел Тихонравов с листом ватмана.

— Сергей Павлович, есть одна мыслишка к твоему СК-9...

— Никаких мыслишек! Никаких! Даже очень великих, — закричал Королев.

— Что с тобой?

— Я отец. Ты можешь это понять? Поздравь меня. Дочь, дочь!

— Вот оно что! Рад, поздравляю. Мои сердечные поздравления Ксении Максимилиановне. Я пойду. И ты иди, и бегом.

— Чудно как-то, я — отец, — рассмеялся Королев, когда ушел Тихонравов. Надев легкое пальто, шляпу, проверил, есть ли деньги на цветы, вышел из НИИ.

Сергей не находил себе места от счастья. Он так долго ждал этого дня. Увидев первый раз лицо дочурки, смуглое, с темными, как у него, глазами и черной ниточкой бровей на лбу, Сергей засиял: «Моя, королевская порода». Назвали дочь Наташей. В эти дни он часто думал, что вот так, наверное, двадцать восемь лет назад стоял возле него его отец, радовался, как он. А может, нет? И однажды Сергей сказал матери:

— Жаль, так рано умер мой отец...

— Рано?! Ему было больше пятидесяти...

— Как? — удивленно воскликнул Сергей, не поверя тому, что услышал. — Ты же говорила мне... Мне было всего три года, когда он... Я никогда не видел даже его фотокарточки, — с нескрываемой горечью сказал сын и, взглянув на мать, бросил: — Ты несправедливо жестока ко мне. Несправедливо!

— Что ты понимаешь в жизни? Что?

Лето и осень 1935 года оказались для С. П. Королева очень напряженными. Его назначили начальником сектора крылатых ракет. Полным ходом шли пуски первых экспериментальных жидкостных ракет, а также ракет с пороховым двигателем, которые конструировал молодой инженер Михаил Дрязгов. Сергей Павлович руководил этими работами, рассчитывал получить важные данные по баллистике, без которых нельзя было вплотную приступить к проектированию зенитных управляемых ракет. В это же время Королев готовился к участию в XII планерных состязаниях в Коктебеле, которые намечались на вторую половину сентября. Двухместный планер СК-9, построенный на заводе Оооавиахима, им уже облетан. Но Сергей Павлович решил, что контрольным экзаменом для его детища станет полет на буксире из Москвы в Коктебель. Вести самолет-буксировщик взялся летчик Орлов. Сам конструктор планера занял место пассажира в его кабине.

17 сентября накануне отлета в Коктебель С. П. Королев, как всегда, пришел в РНИИ. В коридоре института его встретил молодой сотрудник Арвид Палло и дал прочитать газету.

Королев увидел письмо К. Э. Циолковского ЦК ВКП (б), Сталину. Сергей Павлович быстро пробежал глазами газетные строки. «Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю Партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям

прогресса человеческой культуры, — писал Константин Эдуардович. — Уверен, что они успешно закончат эти труды...»

И. В. Сталин в ответе Циолковскому назвал его «знаменитым деятелем науки», поблагодарил за письмо, «полное доверия к Партии большевиков и Советской власти», пожелал «здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся».

«Признавая заслуги Константина Эдуардовича, — подумал Королев, — партия тем самым еще раз доказала, что считает полезными для Родины — все его идеи, в том числе по авиации и ракетоплаванию. А мы — ученики Циолковского. Ответ товарища Сталина Константину Эдуардовичу и нам замечательная поддержка».

Но тут в самом конце полосы Сергей Павлович увидел сообщение из Калуги. «Состояние К. Э. Циолковского продолжает ухудшаться».

«Ничего, — подумал Королев, — сейчас к Константину Эдуардовичу приедут лучшие врачи. Не дадут умереть».

19 сентября СК-9, буксируемый самолетом, поднялся в небо и взял курс на Крым. На второй день после небольшой остановки в Кривом Роге для уточнения маршрута планер приземлился в Коктебеле.

Планер поставили на указанное место. Конструктор решил еще раз осмотреть его — проверить, как он перенес перелет. От дела его оторвал твердый голос: «Чья машина?» Королев увидел перед собой высокого человека в кожаном пальто и сразу узнал в нем начальника слета Леонида Григорьевича Минова — известного летчика, одного из организаторов парашютного движения страны, к тому же увлекающегося планеризмом. Каждую машину он осматривал сам.

— Королев, — представился Сергей Павлович. — Инженер Реактивного института.

— Это на вашем планере Степанченко делал «мертвую петлю», если я не ошибаюсь?

— Да, на СК-3, товарищ Минов. Начальник планерного слета прошелся вокруг СК-9, оценивающе осмотрел его и спросил:

— Какова нагрузка на крыло?

— Немногим меньше двадцати одного килограмма на квадратный метр.

— Взлетный вес?

— Шестьсот килограммов.

Еще раз внимательно осмотрев СК-9 и оставшись довольным, спросил:

— Сколько занял перелет из Москвы?

— Около двенадцати летных часов.

— Серьезное испытание, — помолчал, а потом с горечью сказал: — Слышали? Константин Эдуардович умер. Вот газета. Вчера в 22 часа 34 минуты.

Не в силах вымолвить ни слова, Королев протянул руку к газете. Он долго, не отрываясь, смотрел на траурную рамку, не мог простить себе, что не побывал еще раз у Константина Эдуардовича, не поговорил с ним, не посоветовался. А сколько вопросов... И на них мог ответить только он.

На Всесоюзном слете планеристов планер СК-9 Королев пилотировал сам. На нем летал и начальник слета Л. Г. Минов. Положительно оценили безмоторный самолет и иностранные гости. «Я рад тому, что первым получил приглашение совершить полет на одном из лучших планеров слета, — говорил журналистам чехословацкий летчик Эльсниц. — У меня от этого полета осталось замечательное впечатление». Похвальный отзыв получил СК-9 и от отечественных специалистов.

Возвратившись с планерных состязаний, Королев снова поставил перед руководством РНИИ вопрос о ракетоплане. В конце 1935 года начальник РНИИ И. К. Клейменов, вероятно, под влиянием Всесоюзной конференции по применению ракетных аппаратов, согласился на разработку Королевым и включение в план института эскизного проекта ракетоплана с ракетным двигателем. С новой энергией взялся конструктор за осуществление давней мечты. «Загружен я выше человеческой меры», — говорил Королев своим близким.

За короткий срок Сергей Павлович вместе с Е. С. Щетинковым закончил разработку ракетоплана и 2 февраля 1936 года вынес его проект на обсуждение руководства РНИИ. В документах института с того дня ракетоплан стал называться ракетным самолетом или объектом 318. Рассчитывалось, что проектируемая машина будет подниматься в небо при помощи тяжелого самолета, а потом лететь самостоятельно на ракетном двигателе, достигая высоты в 25 километров, а в перспективе и более пятидесяти. Предусматривалось, что 318-й сможет развивать скорость до тысячи километров в час! Фантастическая скорость для тех лет! Ракетоплан мог взлететь в небо и самостоятельно. Предполагалось, что управлять ракетным самолетом будут два пилота в скафандрах, с кислородными приборами и парашютами.

Но прежде чем начать строить первый ракетоплан по предложению С. П. Королева решили создать опытный его образец — лабораторию. Для этих целей больше всего подходил планер СК-9. Он и рассчитывался

Королевым с перспективой на реактивное будущее. Дал на это свое согласие главный инженер Г. Э. Лангемак. Его утвердил начальник РНИИ И. Т. Клейменов.

В том же феврале в РНИИ создается новый крупный отдел реактивных летательных аппаратов. В него вошли сектора — баллистических и крылатых ракет, сектор по проектированию системы автоматического управления, созданной по инициативе Королева. Начальником отдела, а по существу КБ, и главным конструктором его назначается Сергей Павлович. Королев получил возможность вести работу по целому семейству автоматически управляемых и пилотируемых РЛА. Именно они, по его убеждению, смогли бы составить первый в истории комплекс управляемого ракетного оружия.

Развитию и становлению этого оборонного комплекса Королев уделяет львиную долю своего внимания, проводит многостороннюю организационно-творческую работу, подчинив деятельность всех подразделений линии КБ — реализации основных его направлений. Но приоритет главный конструктор отдает ракетоплану РП-318. Он готовит четкую программу работ, а затем в строгой последовательности вместе с А. В. Палло проводит прежде всего холодные, а затем и огневые испытания двигательной установки. Это он делает совместно с В. П. Глушко, его опытный ракетный мотор (ОРМ-65) составляет основу установки. Сергей Павлович придерживается своей давней точки зрения — «главное — мотор». Он считает, что, создав надежную энергетическую мощность, соединить ее с планером его конструкции — СК-9 — не составит особого труда. Сергей Павлович не скрывал, что полетные испытания ракетоплана РП-318 он никому не доверит. Он будет вести их сам, и только сам...

Как часто, к сожалению, бывало в творческой деятельности Королева, неведомые силы стали на пути его, тормозя развитие ракетной техники. Кто мог предвидеть, что через девять месяцев после образования КБ — его ликвидируют. И Сергей Павлович окажется лишь руководителем группы, правда, ракетных летательных аппаратов. Но и в этих трудных условиях конструктор не опускает рук. Он остается верным своим устремлениям — довести ракетоплан-лабораторию до полета, чтобы сделать потом важнейший шаг к осуществлению главной цели — созданию ракетного самолета. Одновременно конструктор совершенствует опытные образцы ракет различного класса и назначения, работающих на жидкостных и твердотопливных двигателях, — зенитных и авиационных, крылатых и баллистических. Великое будущее последних он уже давно предвидел...

Но всему задуманному не суждено было полностью свершиться.

Осенью 1937 года волна репрессий и произвола, захлестнувшая страну, докатилась и до ракетного института. В ежовско-бериевских застенках трагически погибли И. Т. Клейменов и Г. С. Лангемак. И это произошло в то время, когда Королеву казалось, что перспективность технических его замыслов признана полностью. К этой беде прибавился необоснованный арест двигателестроителя В. П. Глушко, жидкостные моторы которого находили место во многих летательных аппаратах. Неприятным для Королева моментом явилось назначение вначале главным инженером своевольного и почти неприметного по делам инженера А. Г. Костикова. Опасаясь не справиться и последовать за «врагами народа», он начал добиваться сокращения планов. Одной из жертв перетряски стал ракетоплан 318-1, как якобы не соответствующий основному профилю института, хотя он, по существу, уже доведен был до полетных испытаний. 11 января 1938 года испытатели записали в дневник: «Материальная часть как самого ракетоплана, так и двигателя ОРМ-65 в течение всех испытаний вела себя безукоризненно». По словам специалистов, ракетоплан имел все элементы самолета с ракетным двигателем.

Но и на этот раз Королев не сдался. За несколько дней вместе с Е. С. Щетинковым он подготовил доклад в защиту 318-го. Доказывая необходимость продолжения работ, Сергей Павлович впервые обосновал возможность использования такого типа самолетов в качестве ракетного истребителя-перехватчика. Доводы оказались неоспоримыми. Пришлось и этому руководству РНИИ согласиться на продолжение работ. Летные испытания Королев собирался вести сам. Но не удалось.

Полным ходом Королев и его сотрудники продолжают научно-исследовательские, производственные и испытательные работы по опытным крылатым ракетам. Заметный след в истории ракетостроения этого периода оставила ракета 212. Она предназначалась для нанесения удара по удаленным целям, а ее вариант 302 мог стартовать и из-под крыла самолета для поражения воздушных и наземных объектов. По сути, этим ракетам предстояло стать боевым оружием с невиданной в то время скоростью и дальностью полета — до восьмидесяти километров. И Королев старался форсировать работы по крылатой ракете, он понимал, что 212-я может раньше других поступить на вооружение Красной Армии. В быстром темпе ведутся стендовые холодные и огневые испытания ракеты. Они требуют от инженеров терпения и опыта. Наконец они успешно завершаются. Начинается важнейший этап — подготовка ракеты 212 к полетным испытаниям. Всеми испытаниями 212-й Королев руководит сам. Далеко не все идет гладко. Нет-нет да и забарахлит ракетный двигатель

Глушко, а то откажет система подачи топлива или вылезет еще что-то непредвиденное.

Времени не хватает. Королев почти не бывает дома, хотя рвется туда всей душой. Там Ксана, дочка. Но работа требует от него сейчас полной отдачи сил. Сергей Павлович живет и работает как машина. Выручают его присущие ему настойчивость, жизнестойкость, упорство и предусмотрительность. Не упуская из виду РП-318, Королев и Щетинков подготовили «Программу внестеновых испытаний ракетоплана-объект 318-1». В ней авторы определили порядок и систему испытаний на наземной площадке и в полете с работающим ракетным двигателем. Подписанная 26 мая 1938 года, эта программа впоследствии сыграла существенную роль в подготовке ракетоплана к первому полету.

Программа испытаний РП-318-1 легла на стол руководства, а Сергей Павлович вернулся к доводке крылатых ракет типа 212.

28 мая состоялись очередные стендовые испытания двигательной установки ракеты 212. Сергей Павлович, однако, решил на следующий день провести еще контрольные проверки.

Вначале все шло нормально. И вдруг произошел разрыв трубопровода высокого давления. Вырвавшейся медной трубкой Королева ударило в голову, оглушило. Он почувствовал, как со лба потекла струйка крови. Невероятным усилием воли он сделал шаг в сторону, пошатнулся и потерял сознание. Его подхватил за плечи А. В. Палло.

— Кажется, все обошлось благополучно, — улыбнулся Королев, придя в себя и стирая платком кровь с лица.

Кто-то уже успел вызвать «скорую помощь».

— В Боткинскую, если можно, — попросил Королев. — Там жена работает.

— Удар в лобно-височную область, — диктовал заведующий травматологическим отделением Ксении Максимилиановне, заполнявшей бланк истории болезни. — Сотрясение мозга. Постельный режим. Считайте, что вам повезло, — закончив осмотр, сказал врач Королеву. — Пришелся бы удар чуть левее, да посильнее... Судьба милостива к вам.

— Я это всегда знал, — попытался улыбнуться Сергей Павлович и, обратившись к Палло, добавил:

— Ты прав, Арвид. Все дело в уплотнителях...

Врач обработал рану, забинтовал голову. Сергей Павлович все это время молчал, изредка встречаясь глазами с Ксенией, словно подбадривал ее: не волнуйся, мол, ничего серьезного не случилось...

...В небольшой палате четыре железные кровати, покрашенные в

белый цвет, белые тумбочки, белые стены, белые двери. Все это действовало на Сергея Павловича угнетающе. Он тут уже десять дней, оторван от дел. Слава богу, хоть Ксана рядом. Не раз на дню забегала она к нему в палату, следила за выполнением процедур, подкармливала домашней едой, приносила книги.

В один из дней Королев разговорился с соседом по палате, с угрюмым, не улыбочивым юношей. Тот держал в руках номер «Нового мира», где был опубликован «Испанский дневник» Михаила Кольцова.

— Все так, да не так, — вдруг нарушил молчание сосед, — наши самолеты не самые лучшие. Деремся мы с немецкими летчиками не на равных условиях.

Сергей Павлович сразу понял, что человек знает, о чем говорит.

— Вы летчик? Воевали в Испании?

— Было дело.

И, словно испугавшись, что наговорил лишнего, сосед вышел из палаты.

Королева поразили слова юноши: «Не самые лучшие». Он — инженер-авиационник. Уже шесть лет проработал в конструкторском бюро, видел, как на его глазах и его руками, усилиями тысяч таких, как он, всего народа крепла, набиралась сил отечественная авиация. В воздушном параде над Красной площадью в маз 1932 года его ошеломила авиационная армада в 300 самолетов, промчавшаяся над головами тысяч восторженных участников демонстрации. В 1933 году в стране установили День Воздушного Флота. В 1936-м — новая демонстрация могущества отечественной авиации. Тогда над майскими праздничными колоннами в тесном строю звено за звеном прошли быстроходные штурмовики-бомбардировщики.

Да и нынче, как обычно в майские дни, хотя погода была неважная, в четком строю над Красной площадью пролетели бомбардировщики, истребители и разведчики... сила грозная. «Нет, что-то не то, — окончательно не согласился с летчиком Королев. — Все сослуживцы удивились бы, услышав слова моего соседа». Триумфальные полеты экипажа Валерия Чкалова и Михаила Громова на туполевской машине АНТ-25 через Северный полюс в Америку. Высадка Михаилом Водопьяновым научной экспедиции О. Ю. Шмидта на Северный полюс. Рекорды Владимира Коккинаки по грузоподъемности и высоте полета. И тут в ушах как наяву зазвучал старческий голос Циолковского: «За эрой аэропланов винтовых должна следовать эра аэропланов реактивных...». Это то, чем он занят сейчас. «Но почему же его проекту ракетоплана, —

мучительно думал Королев, — столько препятствий? Кому жаловаться? Маршала Тухачевского нет... Серго Орджоникидзе умер. Написать письмо товарищу Сталину... Бессмысленно, не дойдет...

Вернувшись примерно через месяц после ранения из больницы в институт, Королев узнал, что 1 июня испытания ракетоплана приостановлены. Он опять исчез из плана работ РНИИ, и, похоже, надолго.

Друзья переживали вместе с ним, успокаивали как могли. Страна готовится к возможной войне. Работы ведутся только по тем летательным аппаратам, которые могут дать быстрый эффект.

«А мы что — утюги делаем?» — хотел было ответить Королев, но смолчал. Он мысленно пробежал путь, пройденный им за четыре с лишним года в РНИИ, после слияния ГИРДа и ГДЛ: «Что я успел за эти годы? Начал многое... А довел до конца? Мотопланер в серию не пошел. Не моя вина. Ракетоплан давно бы мог подняться в небо, но... Но я ли в этом виноват? И только планер да ракеты...» И тут Королев пришел к неожиданному для себя выводу: «Останься ГИРД самостоятельной организацией, его коллектив и он сам достигли бы большего. Но кто мог подумать?..»

— Может, повоюем? — решительно предложил Арвид Палло.

— Я устал, бесконечно устал. Наверное, впервые в жизни. Да и с кем воевать... Обидно, конечно. Столько сделано. За год с лишним мы провели столько огневых испытаний жидкостных и пороховых ракет. Они стали послушнее, да и летают выше, дальше прежних. На тысячи метров. Еще усилие, и наши ракеты встанут на защиту Родины. Я в это твердо верю. Но почему нам мешают, почему?

— Кто знает, Сергей Павлович, начальству виднее, — пытался отшутиться Палло. Королев шутку не принял.

— Будем бороться. Наши аргументы в споре — успешные старты.

26 июня 1938 года, в воскресенье, впервые в Москве проходили выборы в Верховный Совет РСФСР. День выдался солнечный, теплый. Ксения Максимилиановна принарядила трехлетнюю Наташу и спустилась вниз, во двор, где ждал Сергей Павлович. Улица Конюшковская, где два года назад Королевы получили квартиру, заполнена празднично одетыми людьми. Звучит музыка, песни. Избирательные участки Краснопресненского округа расцвечены флагами.

Королевы шли неторопливо. Как и у всех, у них было хорошее настроение.

— Ты знаешь, Ксана, здорово изменилась Москва за эти годы.

Признаться, я со своими делами перестал замечать, что делается вокруг. «Пятилетки шаги саженьи...» — вспомнил Королев стихи Владимира Маяковского, увидев колонну студентов, идущих со знаменем на избирательный участок, и еще больше повеселел. — Для них делается все — не жалея себя, только учись. Новые институты строят. А лаборатории! И стипендия всем, не то что в мое время.

Ксана с удивлением слушала разговорившегося мужа — с ним это случалось редко.

— Что ни год, то новое чудо: посмотри, волжская вода пришла в город. Метро. Не станции — дворцы. Иностранные писатели зачастили к нам... Драйзер, Барбюс, Шоу...

— Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор, — подсказала Ксения Максимилиановна. — Кто-то из них наши успехи назвал «советским чудом».

— Я тебе забыл рассказать, иду я как-то по Тверской улице, года четыре назад, а навстречу мне Горький. Высокий, с непокрытой головой и с тростью. Идет, о чем-то оживленно разговаривает с группой молодежи. Все на улице останавливаются, смотрят на них. Подошел и я. Услышал слова, которые запали в душу. Он сказал, что труд — это то, что делает человеческие руки, а затем и мозги все более умными и сильными... Здорово, а! И все кругом — дело рук и разума. Куда ни глянь — всюду новь. Революционная новь. Она даже в названиях: Заводы «Серп и молот», «Красный пролетарий», «Борец», «Динамо», «Красный факел». А ведь это сталь, станки, электромоторы...

— Ну, Сережа, не знала я, что ты такой оратор, словно на митинге, — рассмеялась Ксана.

— Не смейся, я от всего сердца, — обиделся Королев. — На душе хорошо, вот и пою, как соловей. Надеюсь, не забыла, я почти кандидат в члены партии. Спасибо за рекомендацию Валентину Николаевичу Топору. С меня теперь спрос другой. Мои сверстники — Николай Каманин, Анатолий Ляпидевский — давно уже в партии. По-хорошему завидую им. Прекрасная у летчиков профессия, а за плечами — дела славные. Не то, что я...

— Чем же твоя работа хуже? — не согласилась Ксана и вернулась к начатому разговору. — И кандидатом в партию принимают, значит, доверяют. — Жена помолчала и продолжила: — Люди как-то все изменились, одеваться стали лучше. Я не помню случая, чтобы мне надо было кого-то уговаривать на ночное дежурство у больного... И все хотят

учиться. У нас нет сестры, даже няни, которая не посещала бы курсов, не мечтала стать врачом.

— Наталка, ты хочешь быть врачом, как мама, или как я — инженером? — приподняв дочь над головой, спросил отец.

— Не знаю. Я хочу мороженое, — и показала рукой в сторону, где женщина в белых нарукавниках ловко выдавливала из жестяных форм круглые порции мороженого. Получив его, дочь примолкла.

— Когда наша дочь станет врачом, тебе, Сергей, надо уже быть доктором наук.

— А в большем ты мне отказываешь?

— Не в академики ли ты метишь, Сережа? — весело рассмеялась Ксана.

— Может, и в академики. Пока, правда, в кандидаты наук... — И грустно добавил: — Не хотел огорчать. Высшая аттестационная комиссия в научном звании меня не утвердила. Хорошо, что Тихонравова и Победоносцева-то признали учеными, а не голыми конструкторами, как меня...

Ксения Максимилиановна знала, как трудно складывается жизнь мужа в РНИИ. И, желая отвлечь его от служебных дел, остановилась возле театральной афиши:

— Посмотри, Сережа, что там новенького идет в театрах.

Королев подошел к афише и стал внимательно читать.

— Ничего, кажется, нового нет. «Лебединое озеро» в Большом театре мы смотрели дважды. «Дни Турбиных» — видели. «Евгений Онегин». Пантелеймона Норцова послушал бы еще раз. Он у моей матери некоторое время здесь, в Москве, жил. Хорошо его знаю. Стеснительный. Жил бедно.

— А что там в концертных залах? С удовольствием еще раз побывала бы на концерте Льва Оборина.

Так незаметно Королевы подошли к избирательному участку. С небольшого плаката на них смотрела, слегка улыбаясь, миловидная женщина, кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР Евдокия Васильевна Масленникова, стахановка с комбината «Трехгорная мануфактура».

Возвратившись домой после голосования, он сел за рабочий стол. Решил обдумать завтрашнюю встречу с новым главным инженером РНИИ А. Г. Костиковым — отстоять идею строительства ракетоплана, но сделать этого было не суждено.

...Через несколько часов после радостного и светлого дня Королева арестовали. За ним пришли ночью. Сергей Павлович не чувствовал за

собой никакой вины, но понял, что он очередная жертва клеветников. Были они в эти годы повсюду, свили гнездо и в РНИИ. По их наветам уже арестованы Клейменов, Лангемак и Глушко. Сергей Павлович ужаснулся, когда на следствии его обвинили в том, что он якобы член троцкистской антисоветской контрреволюционной группы и занимался вредительством в области военной техники, что все, ранее арестованные, дали против него такие показания...

Человек дела, конкретно мыслящий, Королев требовал от следователей фактов, доказательств. Ему было очевидно, обвинение надуманное. Сергей Павлович яростно защищался, приводя доводы, аргументы. Но его не слушали.

— Признайся, признайся, — твердили следователи Быков и Шестаков, — все простят. Назови сообщников. Вину разделят на всех. Там, — он указывал глазами вверх, — знают, что вы не закоренелый враг. Вас кто-то уговорил.

Сидя в одиночке Бутырской тюрьмы, Королев мучительно размышлял: «Кому это выгодно? Шпиономания, сверхбдительность. Неужели никто не может сказать правду. Хотя... если уж Тухачевского обвинили, то что могу доказать я. Нет, не хочу верить в реальность происходящего. Это дело рук замаскированных врагов Родины. Видимо, им не по нраву то, что я делами подтверждаю слова из своей книги: «...в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники».

Первыми бесстрашно бросились спасти сына и мужа, конечно же, мать и жена. 19 августа, к тому времени обойдя безуспешно все судебные инстанции, Мария Николаевна послала телеграмму Сталину. «Убедительно прошу Вас, — телеграфировала она в Кремль, — срочно ознакомиться с делом...Сын мой, недавно раненый сотрясением мозга при исполнении служебных обязанностей находится в условиях заключения, которое смертельно отразится на его здоровье. Умоляю спасите единственного сына молодого талантливого специалиста инженера-ракетчика и летчика. Прошу принять неотложные меры расследования дела».

Ответа из Кремля не последовало. Мария Николаевна готовилась безбоязненно ко всему, самому худшему — собственному аресту. С нее и близких «врага народа» могли жестко спросить, так как это делалось в отношении семей других репрессированных. Она об этом знала. А тем временем машина «правосудия» работала во всю свою силу. Дело «троцкиста» Королева рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством всесильного В. В. Ульриха.

...27 сентября 1938 года, через два месяца после ареста Королева, «правосудие» сказало свое слово: десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на пять лет. Место ссылки район бухты Нагаева на Колыме. Сергею Павловичу исполнился всего тридцать один год, но он уже прожил более половины своей жизни, отведенной ему судьбой.

Часть вторая

ДЕРЗАНИЕ

..До войны мы, ученые, конструкторы, считали, что не хватит жизни, чтобы пробиться к звездам. Мы, правда, твердо верили, что проникнем в космос, но когда? Основная моя работа заключалась всегда в разработке, осуществлении и отработке в полетных условиях различных ракетных конструкций.

Советскими учеными, инженерами и рабочими была создана межконтинентальная баллистическая ракета, явившаяся выдающимся достижением отечественного ракетостроения и всей советской промышленности. Успешное разрешение этой задачи обеспечено высоким уровнем развития науки и техники в СССР, четкой и организованной работой научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и промышленных предприятий.

Располагая столь мощным средством, как межконтинентальная баллистическая ракета. Советский Союз, неуклонно следующий политике мира, использовал это замечательное достижение для целей науки, произведя в соответствии с программой Международного геофизического года запуск искусственных спутников Земли.

Запуск в СССР искусственных спутников Земли неизмеримо расширил границы мировой науки, расширил возможности познания человеком окружающей его Вселенной...

Трудно переоценить этот крупнейший вклад Советского Союза в сокровищницу мировой культуры.

Наступит и то время, когда космический корабль с людьми покинет Землю и направится в путешествие на далекие планеты, в далекие миры.

С. Королев

Замыслы и свершения

1940. Инженер-аэромеханик С. П. Королев, находясь в Москве в ЦКБ Народного комиссариата внутренних дел СССР участвовал в строительстве бомбардировщика 103 (Ту-2) конструкции А. Н. Туполева.

1942. Закончил проектирование самолета-перехватчика с реактивным двигателем РД-1.

1943. Разработал, построил в Особом конструкторском бюро в Казани авиационный ракетный ускоритель (АРУ), предназначенный для боевых самолетов.

1944. Завершил работу над эскизным проектом специальной модификации самолета-истребителя «Лавочкин-5 ВИ» со вспомогательными жидкостными ракетными двигателями. Подготовил и послал в наркомат предложения: «Необходимые мероприятия для организации работ по ракетам дальнего действия».

1945. Участвовал в изучении трофейной немецкой ракетной техники и составлении и редактировании сборника материалов по этой теме.

1947. Как главный конструктор возглавлял проектирование баллистических ракет дальнего действия Р-1, Р-2, Р-3.

1949. Читал лекции на инженерных курсах в Москве: «Основы проектирования баллистических ракет дальнего действия».

1953. Руководил разработкой технического проекта оперативно-тактических ракет Р-11.

1956. Участвовал в передаче на вооружение Советской Армии первых стратегических ракет Р-5М, Р-7, созданных в ОКБ.

1957. Руководил на полигоне Байконур пуском первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, созданной в ОКБ; первый в мире искусственный спутник Земли возвестил миру о начале космической эры человечества.

Глава первая

Великая Отечественная

Эвакуация. Гнись, но не ломайся.

Время не ждет.

На новом месте.

Наступила долгая осень 1938 года с частыми дождями и ранними заморозками. Тюрьма на колесах, обшарпанный вагон с металлическими решетками на окнах и дверях увозил Королева все дальше и дальше от родного дома, в неизвестность. Один за другим оставались позади пересыльные пункты, менялись конвоиры, передавая из рук в руки, словно вещи, заключенных, неизменно выделяя из разношерстных по «заслугам» арестованные его, Королева, «врага народа». И во время следствия в Москве, и на пути к месту отбывания срока заключения Королев в полную меру испытал на себе всю бесправность и унижения человеческого достоинства. Но больше всего истощало мозг, жгло душу сознание судебной несправедливости, предвзятость и надуманность обвинения в участии в «...контрреволюционной троцкистской организации» и этот ярлык — «враг народа».

«Нет, готов выдержать все, но смириться с клеветой — никогда, — скрипел зубами от негодования Королев, — *никогда!*»

Поезд перевалил через Урал, потом обошел Байкал, нырнул в тайгу и вырвался из нее, оказавшись на Дальнем Востоке. Все ближе Колыма. Один из лагерей. Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД — уже ждал его руки и еще не растраченные физические силы.

Принимая Королева, лагерный лейтенант, сверяя по списку фамилию, назвал его Каралевым, причем сделал ударение на втором слоге.

— Королев, — поправил Сергей Павлович.

— У нас на могилах фамилий не ставят, — огрызнулся лейтенант, — шагай, шагай веселее.

Королев не сдавался.

В августе, октябре 1938 года, в апреле 1939-го — он отправлял в Москву письма с просьбами пересмотреть дело. Они остались без ответа. 15 октября 1939 года он отправил Генеральному прокурору СССР заявление: «Вот уже 15 месяцев, как я оторван от моей любимой работы,

которая заполнила всю мою жизнь и была ее содержанием и целью. Я мечтал создать для СССР, впервые в технике, сверхскоростные высотные ракетные самолеты, являющиеся сейчас мощным оружием и средством обороны...» Следствие «проводилось очень пристрастно, и подписанные мною материалы были вынуждены у меня силой и являются целиком и полностью ложными, вымышленными моими следователями... Я вырос при Советской власти и ею воспитан. Все, что я имел в жизни, мне дала партия Ленина — Сталина и Советская власть. Всегда, всюду и во всем я был предан генеральной линии партии, Советской власти и моей Советской Родине... Прошу пересмотреть мое дело и снять с меня тяжкое обвинение, в котором я совсем не виноват. Прошу Вас дать мне возможность снова продолжать мои работы над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности страны...»

В эти годы за облегчение трагической участи Королева боролись депутаты Верховного Совета СССР, знаменитые летчики В. С. Гризодубова и М. М. Громов. Причастен к этому благородному порыву двух замечательных людей и авиаконструктор А. Н. Туполев, сам находившийся за тюремной решеткой в стенах Центрального конструкторского бюро (ЦКБ), созданного Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). В этом закрытом ЦКБ оказался не по своей воле не только Туполев, но и арестованные в разное время по навету «враги народа» — несколько групп знаменитых в авиационном мире конструкторов, инженеров. В их числе — В. М. Петляков, В. М. Мясищев, Р. Л. Бартини и другие. В Москве, на улице Радио, для них переоборудовали в тюрьму семиэтажное здание, выделив комнаты для жилья, конструкторской работы. И, конечно же, необходимый для подобного типа «учреждения» охранный персонал. По замыслу организаторов ЦКБ, такая мощная конструкторская служба могла в короткие сроки создать новые образцы машин, которые летали бы выше, дальше и быстрее зарубежных самолетов.

И специалисты работали не за страх, а за совесть, понимая, — дело их необходимо стране, и свято веря, что скоро разберутся и убедятся в их невиновности.

А. Н. Туполев, недовольный тем, что из-за нехватки авиационных специалистов задерживается доработка пикирующего бомбардировщика, настоял на том, чтобы к нему перевели несколько инженеров, конструкторов и технологов, находящихся в тюрьмах и лагерях. В список Андрей Николаевич включил и своего бывшего дипломника, а затем и сотрудника ЦАГИ Сергея Павловича Королева. Однако решающее значение в повороте судьбы конструктора к лучшему все же имело крупное

политическое событие. Сталинское руководство, чтобы уменьшить народную напряженность, вызванную беззакониями и массовыми репрессиями, сняло с поста наркома внутренних дел Ежова и назначило вместо него Берия. Исправляя «ошибки» предшественника, новый нарком приступил к частичному пересмотру дел. В числе их оказалось и дело Королева. В 1939 году Особое совещание НКВД заменило Сергею Павловичу ярлык «члена антисоветской контрреволюционной организации» на «вредителя в области военной техники». Десятилетний срок заключения сократили на два года.

Так в начале 1940 года в ЦКБ в группе Туполева появился еще один «зэк» Сергей Павлович Королев.

Сергея Павловича, привезенного под охраной, встретил комендант, отвел в комнату на десять человек, указал железную кровать, выдал постельные принадлежности. Королев начал устраиваться, потом прилег отдохнуть. После дощатых нар постель оказалась ему пуховой, и он заснул.

— Извините, пожалуйста, — разбудил его негромкий голос. — Вас просит Главный конструктор.

Сергей Павлович тяжело поднялся с кровати. Вошедший, а это был молодой сотрудник ЦКБ — Сергей Егер — впервые увидел стоящего перед ним человека. Худой, большеголовый, с землистым цветом лица, Королев показался инженеру куда старше своих тридцати трех лет. Из глубины синеватых подглазий на него взглянули карие печальные глаза. Он, Королев, словно извиняясь, что не вовремя прилег отдохнуть, вялым простуженным голосом пошутил:

— Очень устал. Еще два-три месяца, и я бы не выдержал колымского «курорта». Спасибо, в Хабаровске подлечили...

Сняв со стула поношенный пиджак, надел его, потом неторопливо оправил помятую кровать, представился:

— Королев Сергей Павлович.

— Сергей Михайлович, — ответил Егер, кляня себя, что не догадался представиться первым, и торопливо протянул руку новому знакомому, — зовите просто Сергей.

— А вы давно здесь? — поинтересовался Королев.

— Давно, но об этом вечером. Сейчас — столовая, а потом к Андрею Николаевичу. Я провожу вас... По дороге Сергей рассказал, что сейчас ведутся работы над пикирующим бомбардировщиком — 103. Приказано сдать самолет Государственной комиссии не позднее января следующего, 1941 года.

Первая встреча с Туполевым не принесла радости. Учитель показался каким-то тихим, замкнутым. Взглянув на Королева, Андрей Николаевич как-то виновато улыбнулся, будто говоря: видишь, при каких обстоятельствах встретились мы.

— Пойдешь в группу крыла. К Борису Андреевичу Саукке. Надо работать! Время не ждет. — Вот все, что сказал учитель ученику...

В воскресенье, 22 июня 1941 года, Сергей Павлович Королев спустился с пятого этажа огромного семиэтажного здания на улице Радио в помещение, где размещалось конструкторское бюро А. Н. Туполева.

В большом светлом зале стояло несколько кульманов. Королев любил размышлять в полной тишине. Сергей Павлович подошел к своему рабочему месту. Взял резинку, стер с ватмана след карандаша. Проектирование третьего варианта нового бомбардировщика Ту-2 двигалось быстро. Но Главный конструктор этого самолета А. Н. Туполев тем не менее был недоволен. Ему хотелось как можно быстрее запустить машину в серийное производство.

Часа через полтора Королев почувствовал, что устал. Еще раз взглянул на ватман, прижал покрепче угловую кнопку. Нет, чертить больше не хотелось. Сказывалось напряжение последних двух месяцев: работали почти без выходных.

Сергей Павлович подошел к окну, перекрытому металлической решеткой. Взялся рукой за холодный металл. С улицы веяло прохладой. Июнь в этом году стоял в Москве холодный, температура выше семнадцати градусов не поднималась. Редкие солнечные дни уступали стойким нудным дождям, наводившим тоску на невольных обитателей ЦКБ. Но и сегодня солнце, пробившись сквозь тучи, нет-нет да и обдавало город желанным теплом и спетом.

Сергей Павлович Королев не заметил, как быстро и бесшумно вошел Борис Андреевич Саукке, начальник бригады крыла, с которым Королев успел подружиться. Увидев задумавшегося сотрудника, Саукке подошел к нему, поздоровался.

— А вы чего здесь, Сергей Павлович? Да еще в такую рань? Я, по моему, дал сегодня всем день отдыха!

— Что-то не так получается, Борис Андреевич. Вот я и пришел.

Саукке внимательно посмотрел на чертеж.

— Долго думаете, Сергей Павлович, — упрекнул Борис Андреевич. — В августе начнем строить, а вы? Все, пересчитывайте нагрузки. Завтра вместе посмотрим, — и, понизив голос, добавил: — Сообщаю по секрету:

Андрею Николаевичу сегодня разрешили встречу с женой. Кажется, тучи проходят. Сейчас на работе, просил зайти.

«Может, и нас скоро минует беда», — словно искра вспыхнула в голове Королева. Вспыхнула и в то же мгновение погасла.

— Вы устали, идите-ка в «обезьянник», пока солнце, подышите свежим воздухом, — посоветовал Саукке и ушел.

«Обезьянником» заключенные иронически называли часть плоской крыши здания, обнесенную со всех сторон высокой металлической сеткой и напоминавшую вольер для животных. «Кабэшники», как сотрудников ЦКБ называли надзиратели, любили это место. Любил бывать тут и Королев, а потому охотно воспользовался советом старшего товарища и поднялся в «обезьянник». Но там ни души. Только на столе два воробья отчаянно дрались из-за крошек хлеба, специально оставленных для них. При виде человека они вспорхнули и полетели. Королев долго с завистью смотрел за их свободным полетом, — пока глаз не заметил вынырнувшего из-за горизонта звена легких самолетов. Они плыли над Москвой, пересекая ее с востока на запад, и вскоре скрылись за крышами соседних домов. Королев невольно залюбовался Москвой, раскинувшейся во все стороны и, казалось, не имевшей ни конца ни края... Он мысленно прошел по ее улицам, площадям и вернулся на улицу Радио... Вокруг, недалеко, все так знакомо. Слева сияющие вдали купола кремлевских соборов, справа — зеленый островок — Лефортово. Прямо, внизу, зеркальная лента реки Яузы. Видится и золотистый крест Елоховского собора, почти рядом родная «Бауманка». Королев взглянул вниз, там, но улицам и улочкам, текла людская волна, многоцветная от ярких одежд. Может, где-то идут сейчас, взявшись за руки, Ксана и Наталка, не знающие, что он тут, недалеко от них. И тоска по дому навалилась на него всей тяжестью... Вдруг Сергей Павлович вспомнил... Тогда, в 1938 году, стоял также июнь, и, кажется, случилось все это в воскресенье.

...Отдаленный рокот моторов спешившего на запад звена самолетов, да к тому же нагрянувший сильный дождь отвлекли Сергея Павловича от воспоминаний, и он вернулся в КБ, к ватману.

Королев снова придирчиво взглянул на чертеж крыла. «Скорость и дальность», — невольно повторил он требования Главного конструктора самолета. Многолетний опыт авиационного инженера позволял ему точно определять ту важную роль, какую играет каждая деталь крыла. Чем лучше аэродинамические и прочностные качества его, тем выше скорость самолета и больше дальность его полета. Сергею Павловичу не нравилась принятая еще до него конструкция одного из элементов крыла-нервюры.

Она казалась ему несколько громоздкой. В голове конструктора вырисовывался более совершенный вариант несущего силового набора всего крыла. Туполев всегда требовал: «минимальный вес и максимальная надежность». Новую туполевскую машину, Королев понимал, ждут с нетерпением. Она существенно усилит военно-воздушную мощь страны. Он знал, первый опытный самолет поднялся в воздух, как и требовалось, 29 января этого года. Теперь срочно его дорабатывали, готовя к серийному выпуску. Небольшой, оснащенный двумя мощными моторами Микулина, изящный по своим формам, пикирующий бомбардировщик поднимал три и даже четыре тысячекилограммовых бомбы, имел две скорострельные пушки и крупнокалиберные пулеметы, при этом машина рассчитывалась на большую скорость — свыше 630 километров в час и дальность полета более 2000 километров. Для успешного выполнения поставленных боевых задач на 103-м устанавливалось самое современное по тому времени аэрорадионавигационное оборудование.

Но тут из раструба уличного репродуктора, установленного во дворе ЦКБ, началась передача последних известий. Королев оторвался от ватмана, подошел к окну, чтобы лучше слышать.

Дикторы не торопясь начали свой обычный рассказ о том, чем живет страна. Вначале они процитировали статью «Народная забота о школе», помещенную в «Правде», потом назвали несколько передовых предприятий, досрочно выполнивших полугодовой план. Королев с интересом прослушал несколько сообщений из разных городов о подготовке к 100-летию со дня смерти Лермонтова. Узнав о начавшихся в Москве гастролях киевского театра имени Франко, подумал, что, наверное, мать и Ксана пойдут на спектакль без него... Сергей Павлович с трудом заставил себя не думать о доме.

Пошли сообщения из-за границы. Германия воюет с Англией... Фашисты оккупировали Францию... Война идет в Африке и в Средиземном море. Япония оккупирует часть Китая...

Из громкоговорителя полилась народная песня, но внезапно оборвалась. В то же мгновение раздался взволнованный голос:

— Заявление Советского правительства...

...Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...

Королев по голосу, по манере говорить, чуть заикаясь, узнал В. М. Молотова, заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и наркома иностранных дел.

— Сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо

претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы, во многих местах подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...

...Враг будет разбит, победа будет за нами. Наше дело правое, — закончил Молотов.

Наступила бездонная гнетущая тишина. Королев бессильно прислонился к стене и стоял, словно оглушенный. В висках стучало, сердце учащенно билось.

Сердце... После колымской каторги оно все чаще давало знать о себе. Королев почти постоянно чувствовал свой «моторчик». Нет, оно не болело в обычном смысле слова, в лекарствах вроде бы не нуждалось. Но щемящее чувство тревоги, какой-то непредвиденной опасности не покидало Сергея Павловича. Часто ночами он прислушивался к своему сердцу. «Ну что ты так стучишь? О чем предупреждаешь? Что еще может произойти со мной?» — думал он. И вот оно. Казалось, что нет больше беды, которая настигнет его, Сергея Королева. Вот о чем ты меня предупреждало. «Беда так беда, у всей страны беда, у всего народа», — Сергей Павлович не заметил, как заговорил вслух.

Конечно, о возможности нападения Германии Королев думал и раньше. Но умом признавая это, он все-таки где-то в глубине души верил, что удастся избежать или по крайней мере оттянуть начало войны, пока страна, оборонная промышленность, армия и весь народ не будут к ней готовы.

«А на что, собственно, надеялись? — спросил себя Сергей Павлович. — Фашисты будут ждать? Нападение японцев на дружественную Монголию... Немецкое вторжение в Польшу... Провокация белофиннов под Ленинградом... Все это звенья одной цепи. С Германией есть договор о ненападении. Его заключили еще в августе 1939 года. Ну хоть покой на западных границах обеспечили на 22 месяца...» Размышления Сергея Павловича прервались шумом хлопающей двери. В КБ собирались сотрудники. В подавленном настроении сидели молча у кульманов, ждали Туполева. Вскоре он пришел. Бледный и решительный. Таким его давно уже не видели. И очень медленно и внятно, делая небольшие паузы между фразами, сказал:

— От нас Родина ждет бомбардировщика. И как можно быстрее, — и повторил свое каждодневное: — Время не ждет, надо работать.

И люди работали. Работали без сна и отдыха, работали не щадя себя, забывая о своем особом положении. Работали без громких слов, для

Родины, для победы. Они знали — стране, как никогда, нужны их самолеты, их бомбардировщики. Нужны быстро.

Враг шагал по нашей земле, и остановить его не удавалось. Красная Армия отступала под натиском 170 отборных германских дивизий. У фашистов, набравшихся военного опыта, больше, чем у нас, самолетов, танков, другой военной техники. На их стороне экономическая и военная мощь союзников и покоренных стран. Но советские люди верили, что победят, что выстоят в этой, казалось, неравной борьбе. Не первый раз враги хотели завоевать нашу землю и не первый раз народ давал им сокрушительный отпор.

Вся страна поднялась на защиту Отечества. Начали проводиться в жизнь мобилизационный народнохозяйственный и военно-хозяйственный планы на 1941 год. Главное в них — перемещение производительных сил СССР в восточные районы страны — в Поволжье, на Урал, Западную Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Планы предусматривали развитие уже имеющихся и создание новых предприятий для производства авиамоторов, самолетов-штурмовиков, истребителей, бомбардировщиков.

В начале июля А. Н. Туполеву отдали приказ подготовить конструкторскую группу для эвакуации за Урал. Такой же приказ получил и директор авиазавода, прославленный летчик А. В. Ляпидевский. Вскоре стало известно, что эвакуируют их в Омск. В короткий срок сотрудники КБ и рабочие завода демонтировали и погрузили в вагоны и на железнодорожные платформы все оборудование самолетостроительных цехов, опытные образцы машин, обширную документацию к ним, материалы, чертежные доски, светокопировальные установки, бумагу, все, что могло понадобиться на новом месте.

Как-то при погрузке оборудования к Королеву подошел человек, лицо которого Сергею Павловичу показалось знакомым.

— Здравствуйте, не узнаете? Я Хромов. Не помните? Я в ЦАГИ работал, когда вы практику проходили.

— Столько лет прошло, но я вас сразу вспомнил, вы были первым, кого я там встретил.

— Выходит, вместе поедем, я с авиазаводом эвакуируюсь.

— А я с КБ.

В Омск прибыли в конце месяца. Сразу же приступили к монтажу оборудования в цехах еще недостроенного завода сельскохозяйственной техники. К зиме авиазавод должен начать сборку самолетов из деталей, привезенных из Москвы. Вскоре в КБ Туполева влился коллектив

конструктора А. А. Архангельского, давнишнего его друга и соратника. Дела пошли быстрее.

Сергей Павлович работал наравне со всеми. И грузчиком, и чертежником, и строителем, и конструктором. Но первые недели войны его беспокоила одна мысль:

«Свое ли дело я делаю? На месте ли я? Много ли тут от меня пользы Родине? Здесь смогут и другие, а я летчик, мое место на фронте».

И вот в один из августовских дней он направился в кабинет к А. Н. Туполеву, к тому времени уже освобожденному из заключения.

Андрей Николаевич тепло относился к своему бывшему «дипломнику», всегда отмечал его трудолюбие и ответственность. За время пребывания Королева в Особом техническом бюро Туполев еще лучше узнал его и оценил.

— Слушаю тебя, — чуть приподняв массивную голову над листом ватмана, сказал Туполев.

— Война, Андрей Николаевич.

— Знаю. И что?

— Хочу проситься летчиком на фронт, если доверят, — начал было Королев, но его резко прервал Туполев.

— А кто будет строить самолеты? — конструктор выпрямился во весь рост и в упор посмотрел на стоящего перед ним инженера. — Я один? Ты не первый. Уже пятнадцать таких, как ты, стояли здесь, — не то с раздражением, не то с одобрением сказал Андрей Николаевич. И после паузы: — Мне уже звонили из Москвы. Приказали ускорить строительство бомбардировщиков. Началось строительство третьего варианта. А ты? Делать, что ли, нечего. Пойдешь в группу технологов, там людей не хватает. — И жестко бросил. — Иди, работай, наш фронт сегодня в цехах!

Королев вернулся к себе. На прикроватной тумбочке лежало письмо, прижатое алюминиевой кружкой, невесть каким путем попавшее сюда. Узнал по почерку — от матери. «Дома все хорошо, — писала мать. — Я верю в твои творческие силы и в твою нравственную чистоту. И верю в то, что судьба тебя хранит, и моя вечная мысль, витающая вокруг тебя, где бы ты ни был... Слава богу, что ты работаешь у Туполева. И верю в твою счастливую звезду. Встречалась с Громовым и Гризодубовой. Поблагодарила их. Они просили передать тебе привет. Ксана с утра до вечера в клинике. Хочется, чтобы твой порыв к творчеству получила бы от тебя в дар и маленькая Наташа».

Мать и жена писали теплые, ободряющие письма. Королев нередко ловил себя на мысли, что раньше часто был несправедлив к ним.

«Жаль только, что Ксана не написала ни словечка. Наверное, не успела. Она тоже загружена работой, — успокаивал он себя. — Хотя бы несколько слов о Наташке, о моей доченьке. Ведь большая уже, седьмой год. Как и где она теперь будет учиться?»

Вести с фронта шли нерадостные. Враг почти у самой столицы. Все эвакуированные в Омск москвичи тяжело переживали эти известия. Ведь почти у всех в Москве остались родные.

А тут еще и в КБ и на авиазаводе не все ладится. Многие квалифицированные рабочие ушли на фронт. Их места в заводских цехах заняли женщины и подростки. И хотя работали они самоотверженно, не уходили из цехов даже в минуты отдыха, их еще многому предстояло научить. Людей не хватало.

Но недоставало и электроэнергии, цветных металлов и многого другого. А бомбардировщик так необходим Красной Армии! Его ждали на фронтах, он должен взлететь как можно скорее.

На очередное производственное совещание пришел А. Н. Туполев вместе с А. В. Ляпидевским. Это вызвало небольшое удивление у собравшихся. Знали — Туполев не любил многословных и многолюдных совещаний, предпочитал в случае необходимости приглашать к себе небольшие группы специалистов. Видимо, произошло что-то непредвиденное.

Внешне конструктор казался спокойным, только необычный блеск глаз, да руки, не находившие себе места, выдавали его волнение.

— Что говорить, сами все понимаете. Нужны дела. От нас фронт ждет самолеты. Не просто самолеты, а лучше тех, что мы имеем. Мы обязаны построить такие машины, чего бы нам это ни стоило. Наша армия вынуждена временно оставить немалую часть территории. А там запасы полезных ископаемых. Мы уже ощущаем нехватку цветных металлов. Дюраль, где это возможно, следует заменить деревом и бакелизированной фанерой, бронзу, где только можно, — сталью, олово — чем хотите. Надо всемерно сократить длину электропроводов. Это ведь тоже медь и олово.

— Эта задачка и для нас, — шепнул Королеву главный технолог Лещенко. — Многое придется пересмотреть. А отказываться от привычного...

Помолчав немного, глубоко вздохнув, Туполев продолжал:

— Не все продето и с установкой отечественных реактивных снарядов РС-132. Ими мы сможем усилить штурмовое вооружение пашей машины, разместив под каждым крылом по пять таких снарядов.

Еще раз напомнив, что модернизированный самолет Ту-2 должен выйти в серийное производство как можно скорее, А. Н. Туполев словно отдал приказ:

— В конце декабря машина должна быть в воздухе. Наступила тишина. Все понимали важность сказанного сейчас.

— И вот еще что. Рабочих рук не хватает. Все, кто может трудиться, обязаны это делать. — Повернувшись к Архангельскому, добавил: — Александр Александрович, возьмите это дело на себя. — И еще раз повторил: — Все, кто из эвакуированных сможет быть полезен нам, обязаны работать. Не то время, чтобы хлеб даром есть.

— Пришли ко мне две школьницы — циркуль же держать не умеют, — усмехнулся Саукке.

— Учить. Всех учить. Война не на один год, — потребовал Туполев. — Каждый из нас — учитель. Прошу не жалеть на это ни времени, ни средств...

— В вечернюю смену пацаны засыпают, — раздался голос.

— В ночное время давать ребятам дополнительный перерыв, — посоветовал Туполев. — Неплохо бы для них организовать сладкий чай.

— Ростом-то от горшка два вершка.

— Чего смеяться-то. Слава богу, что помогают, — вступился за ребят мастер заготовительного цеха Хромов. — Можно из отходов деревянные подставки сделать. А насчет нехватки рабочих рук скажу так: завтра моя жена Евдокия выйдет на работу.

Королев ушел под огромным впечатлением от выступления Туполева. В нем, как всегда, не было привычных для других начальников громких слов, назидательных ноток, призывов к чему-то вообще. Ясно, что Туполев делился своими сокровенными мыслями, говорил конкретно о наболевшем, как бы советовался со своими товарищами, оттого слова его доходили до сердца каждого.

Сергей Павлович вспомнил сейчас своего давнего друга по учебе в Киеве — Михаила Пузанова, человека, много повидавшего в жизни. Михаилу Пузанову он был обязан многим, даже своим переводом в Москву. Вот бы он сейчас повторил свое любимое: «Если всем миром навалимся — ничто не устоит».

Ночью не спалось, вспоминал сегодняшнее собрание. «Ну почему раньше так мало интересовались нашими предложениями по ракетному самолетостроению. Ведь мы их начали в ГИРДе. Да и потом, в РНИИ. Добились продолжения этих работ. Столько задумано! Если бы тогда не прервали, если бы...» Мысль эта не давала покоя.

В технологическом отделе Королев работал с присущим ему увлечением. Он всегда любил новое дело, оно обогащало его знания и опыт. Знакомства с цехами ему не понадобилось. Ведь достраивали корпуса всем коллективом, едва выгрузившись из эшелонов. Но все-таки поразился, увидев уже неплохо налаженное производство. Стеклились окна, устанавливались чугунные печки-временки, завод готовился к зиме. От всего вокруг веяло какой-то обжитостью, будто все здесь давно и прочно. То тут, то там висели написанные наспех «молнии», прославляющие ударников труда. На специальных щитах — номера местной газеты «Омская правда» с ночным сообщением Совинформбюро о положении на фронтах. В каждом цехе — радиорепродуктор. Их, как правило, никогда не выключали.

В цехах уже заметили, что появился новый человек, который любит поговорить о делах с мастерами, рабочими, что-то записывает, хронометрирует, обещает помочь... Так и сегодня. Побеседовав со специалистами, отвечающими за сборку крыла, и, убедившись, что отклонений от документации нет, Королев пошел к себе в конструкторское бюро, где было и их, заключенных, житейское пристанище. На выходе, у проходной завода, Королева, как всегда, ждал конвойный Аким Коротких. Недоучившийся студент с крайне плохим зрением, он тяготился своей службой и исполнял ее кое-как. Это облегчало участь Королева. Между ними установились необычные для заключенного и конвоира отношения: Королев называл солдата просто Аким, а тот его не иначе как Сергей Павлович.

Королев задержался возле Доски почета, стал читать новые фамилии, недавно появившиеся на ней, и не заметил, как подошел Хромов, коснулся плеча. После эвакуации из Москвы они не часто встречались. Сергей Павлович давно проникся уважением к этому неторопливому человеку — ветерану отечественного самолетостроения. Он пришел в ЦАГИ в 1918 году прямо из Красной Армии. Приобрел новую профессию и на всю жизнь остался ей верен.

В свое время с Михаилом Васильевичем, как рассказывали, за руку здоровались основатели ЦАГИ Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин. Уважением пользовался кадровый рабочий и у Туполева.

— Давно тебя не видел, Сергей, — взглянул в лицо Хромов, подумал про себя: «Похудел, как-то осунулся, глаза потускнели. Что-то, видимо, случилось? Зря спросить раньше не решался». — Пойдем ко мне, посидим, — и легонько подтолкнул инженера в спину, — расскажешь, как работается.

Деревянная, сколоченная бог весть из чего, конторка оказалась внутри уютной. На стене висела карта с отмеченным на ней положением на фронтах. Возле стола несколько ящичков вместо стульев. На небольшой железной печке, которую только истопили, весело попыхивал чайник.

— Погрейся, Сергей. Едва октябрь начался, а на улице холодина, как в позднюю осень. Одно слово — Сибирь.

Разделся и Хромов. Молча разлил в кружки кипятков, достал из шкафчика тонюсенький кусочек сала, разрезал его пополам, разломил на равные части ломоть хлеба, подвинул к Королеву.

— Перекусим немного.

Какое-то необъяснимое чувство доверия питал Королев к этому пожилому мастеру. Его ненавязчивое участие грело душу, располагало к себе. И хотя Хромов ни о чем не спрашивал, Королеву вдруг страшно захотелось рассказать сидящему перед ним человеку все, все... К удивлению Сергея Павловича, Хромов многое знал о нем: о ГИРДе, о ракетах и даже читал его книгу «Ракетный полет в стратосфере». Знал, почему его оторвали от любимого дела, почему оказался вне стен Реактивного института. Михаил Васильевич слушал Сергея внимательно, мелкими глотками пил чай.

— Все полетело прахом! — с болью закончил Королев. — Все! — И умолк.

Молчал и Хромов, понимая, как тяжело Сергею Павловичу. Долго сидели, не произнося ни слова. Мастер теребил узловатыми пальцами подбородок, поглядывал на Королева.

— Вот что, Сергей, давно хочу тебе сказать. Ты гнишь, но не ломайся. Гнишь и гни свою линию.

Совет старшего товарища показался Королеву настолько неподходящим, что он готов был возмутиться, уже пожалел, что разоткровенничался.

— Не в моем характере гнутья, — и решительно встал, чтобы уйти.

— Не сердись, может, я не так сказал. Послушай меня до конца. Я ведь давно тебя знаю. Ты мужик настоящий и головастый. Ради большой цели люди, как бы тебе сказать, гнулись, да еще как. Но только ради большой цели. И так, чтобы не сломаться. А потом разогнешься. Это ничего, нестрашно.

— К чему клоните, Михаил Васильевич? Могу сказать о себе только, что «служить бы рад, прислуживаться тошно».

— Опять не понял ты меня, Сергей. Ты помнишь самый первый цельнометаллический самолет Туполева? А я не забываю тех дней.

Двадцать лет назад конструктора чуть с потрохами не слопали. Отказался от дерева, фанеры, ткани. Решил построить весь самолет из металла! Большинство специалистов на высоких постах, видать и не глупых, посчитали задумку Андрея Николаевича бредовой. Да и многие из нас, рабочих, тоже привыкли к дереву. Надо переучиваться, а кому это охота. Не простая это штука.

— Да то ведь была техническая революция в авиации! Все пришлось пересматривать: и принципы конструирования, и технологию производства, — оживился Королев.

— Но главное, Сергей, — металл понадобился. Легкий, да к тому же и прочный. А где его взять? Так к чему я все это тебе говорю, Сергей? Андрей Николаевич цепко дрался за свою идею. Но где надо гнул, ой как гнул, чуть не до земли. Это с его-то самолубием и гордостью. Потому что не о себе думал, а о деле. Спасибо, Серго Орджоникидзе поддержал. Потом АНТ-4 — наш первенец. А когда Валерий Чкалов через Северный полюс в Америку махнул, все на свое место встало. Теперь вот мыслим, как самолет в непробиваемую броню одеть, да при этом чтобы машина скорость и маневренность не утратила... Таким должен быть наш бомбардировщик, его теперь Ту-2 величают! Так что ты своих замыслов не бросай, думай, прикидывай. Да старайся быть поближе к сегодняшнему дню, Сергей. И не забывай: после ночи обязательно день настанет, — и, внезапно переменяв тему разговора, спросил:

— Писем-то из дома давно не получал? Как там Москва-то? Немцы все прут и прут.

Самолет Ту-2 давался коллективу КБ нелегко, как всякая новая машина. Правда, удалось собрать несколько образцов машин. Но каждый раз требовательный А. Н. Туполев и его летчики-испытатели находили новые возможности улучшения летных качеств бомбардировщика.

Королев как губка впитывал в себя все новое, что появилось в авиастроении за последние годы. Впитывал, не теряя надежды, что приобретенный опыт ему пригодится. Сергей Павлович всегда смотрел вперед, в будущее. Мысль о создании реактивного самолета не покидала его. Реактивный нужен. И не просто самолет, а реактивный самолет-перехватчик. А пока хорошо бы придать ракетное оружие туполевскому самолету, причем мощнее реактивных снарядов.

Как-то утром, в комнате, где работал Сергей Павлович, зазвонил телефон. Ему не хотелось отрываться от важного расчета — пришла мысль о замене обычных бомб крылатой управляемой ракетой-торпедой. «В этом случае, — размышлял Королев, — летчик мог бы наносить точный удар по

цели издалека, не подвергаясь опасности со стороны средств вражеской противовоздушной обороны». Королев приподнял трубку и бросил на рычажок. Но в ту же секунду звонок загремел с еще большей настойчивостью. Сергей Павлович нервно схватил трубку.

— Ну что там? — и после долгой паузы удивленно повторил: — Меня? Ляпидевский? Пропуск заказан? — Королев внимательно взглянул в трубку, откуда раздавался голос, словно хотел увидеть говорившего по телефону. Осторожно положил ее на рычаг и начал быстро убирать все бумаги в ящик стола.

— Я Королев! — войдя в кабинет Ляпидевского, представился Сергей Павлович.

Из-за стола вышел коренастый человек, с крупной головой, обильно посыпанной на висках сединой. На гимнастерке поблескивала Золотая Звезда Героя. Директор завода окинул взглядом вошедшего. Все на нем сидело ладно: и выцветшая от многих стирок гимнастерка, накрепко перепоясанная ремнем, и синие выглаженные брюки галифе, и начищенные кирзовые сапоги. Лицо показалось знакомым. «Не тот ли Королев, о котором среди авиационников еще до войны ходили разные легенды, связанные с ракетами и космическими кораблями», — подумал Ляпидевский. Но, решив не вдаваться в мирные воспоминания, пригласил Королева пройти и указал рукой на кресло, стоявшее вплотную к письменному столу директора.

— Так вот, тов... — и, странно поперхнувшись на таком привычном слове «товарищ», директор продолжал, не заметив, как передернулось лицо его собеседника: — Так вот, Сергей Павлович, — решительно добавил он: — Андрей Николаевич рекомендует вас заместителем начальника сборочного цеха, где идет работа по Ту-2. Грамотных и толковых инженеров не хватает. Не скрою, нашу кандидатуру утвердили не сразу. Были сомневающиеся, можно ли вам доверить такой ответственный участок. Но сейчас вопрос решен.

Королев от неожиданности привстал. Дыхание перехватило. За одну секунду множество мыслей пронеслось в голове: «Это большое доверие. А ответственность? Одного только оборудования в цехе... Малейшая неудача... Но разве он не знает дела? Нет, он должен справиться. А риск — ну что ж, не привыкать... Предлагают живое дело... А это — вклад в победу, с которой связаны все мечты и надежды... шаг к реактивному самолету-перехватчику...»

— Ну что, Сергей Павлович, вы раздумываете? — спросил Ляпидевский.

— Я согласен, — четко сказал Королев. — Только как меня примут в цехе... А без доверия...

В эту минуту в кабинет Ляпидевского без стука вошел высокий человек, явно штатский, в хорошем сером костюме с резко выделявшимся на белоснежной рубашке, серебристом, в полоску галстуке. Ляпидевский взял вошедшего под локоть, подвел к столу.

— Вот вам, товарищ Италийский, и заместитель.

Знакомьтесь. Сергей Павлович Королев.

— Лев Александрович, — подавая руку, назвалс начальни цеха. — Прошу в цех. Дел — невпроворот.

Дни не побежали, а помчались. В цехе сразу обратили внимание на настырного зама, вникавшего с необычайной дотошностью в инженерные дела, быстро решавшего все вопросы.

Свою каждодневную работу Королев начинал с заготовительных цехов. Следуя совету своего добровольного наставника Михаила Васильевича Хромова, везде завязывал узелки дружбы, неизменно повторяя: «Вы нас не подведите. Наш цех — зеркало всей вашей работы».

Появляясь в том или ином цехе ранним утром, Сергей Павлович заинтересованно наблюдал, как заводские «закройщики» по специальным шаблонам вырезали будущие детали фюзеляжа, вели раскрой металлических листов для обшивки. В механическом цехе работали в основном вчерашние мальчишки и девчонки, сменившие у станков своих отцов и братьев. Стоя у токарных станков, они из стальных прутьев и трубок нарезали болты и гайки. Несложная, но очень нужная работа.

Досконально разобравшись в делах, Королев с согласия начальника составил четкий план работы каждого подразделения, фактически каждого из ста пятидесяти работающих. Правой рукой Сергея Павловича стал руководитель технологической группы цеха Михаил Трайбман, смекалистый, энергичный и трудолюбивый двадцатилетний специалист. Он с полуслова понимал заместителя Италийского, хорошо зная свое дело. Миша, как по-дружески сразу стал называть его Королев, мог дать и разумный совет. Сергей Павлович же поставил перед ним такую задачу:

— Фюзеляж как-нибудь скотим, прочный и надежный, но без начинки — оборудования, за которое отвечаешь ты, — он, что консервная банка. Так что составь для себя и для меня график получения всего необходимого и не ленись, выбивай все у смежников. И вот что: каждую деталь, как бы она незначительна ни была, прежде чем поместить в фюзеляж, семь раз проверь, поставь, еще семь раз проверь. Надежность —

главное. В машине летчику жить. От всех требуй особой тщательности. Я вмешиваться не стану. Но вот когда закончишь монтаж оборудования всего — от радионавигационных систем до наружного освещения самолета, — спрос будет жесткий и с тебя одного, Миша.

Сергей Павлович требовал неукоснительного выполнения раз и навсегда установленного порядка, но в процессе работы сам вносил много предложений, улучшающих качество узлов и деталей. Обычно он говорил сотрудникам: «Если у вас что-то не получается, приходите ко мне, вместе найдем решение вопроса. Но не выжидайте: невыполнение того или иного задания — самое страшное, особенно в настоящее время, когда дороги каждый час, каждая минута».

Дуэт Л. А. Италинский — С. П. Королев оказался очень деятельным. Постепенно коллектив сборочного цеха набрал нужный темп работы и вскоре вышел в передовые. Но случилось ЧП. Один из сотрудников, оценив по-своему причины, как он считал, чрезмерной требовательности заместителя начальника цеха, в грубой форме отказался выполнить задание Королева, да еще напомнил ему, кто он «есть», «что напрасно вражина выслуживается и что не будет ему прощения».

— Вон из кабинета! — в бешенстве крикнул Королев, и, не появившись в этот момент Сергей Егер, несдобровать бы распоясавшемуся грубияну: рука у Королева была тяжелой — недаром в юности увлекался спортом, в том числе боксом.

— Вы что, Сергей Павлович, с ума сошли?! — крепко схватив за руку Королева, прикрикнул на него Егер. — Да за это дерьмо срок прибавят. Вы этого хотите?! — и с силой посадил друга на табуретку. — Остыньте!

Сергей Павлович не мог успокоиться. Нервная дрожь била Королева так, что ему самому было противно. Наконец придя в себя, засунул руки в глубину карманов, словно боясь, что они выйдут из повиновения. Через силу улыбнулся.

— Вы по делу?

— А как же. Искал Италийского, а он на заседании парткома. Обсуждают новую инициативу комсомола, да еще жилищные дела...

— Да садитесь, чего стоите?

— Андрей Николаевич дал поручение. Старик ищет возможности хотя бы на полмесяца сократить сроки сборки Ту-2. Просил меня поговорить с людьми. Я вроде как в разведке. Звонил Берия. Разговор с ним не из приятных. Сами понимаете.

Королев взглянул в открытую дверь. Там на стене висел портрет наркома внутренних дел. Он смотрел на всех через толстые стекла пенсне,

кажется, не видя никого. Сергей Павлович отвернулся.

— Так какие советы дадите? — спросил Егер.

— Дайте мне подумать до завтра.

...И все-таки «обиженный» пожаловался на «грубость Королева». Администрации завода пришлось разбираться. Не окажись во время инцидента С. М. Егера, трудно сказать, чем бы закончилось дело. Директор завода вместе с общественностью признали правоту Королева. Помогли и рабочие, знавшие подлинную цену жалобщику. Что они сказали ему, никто не знает, но больше его на заводе не видели.

Как-то в конце смены, когда Сергей Павлович, определив задания на завтра, отпустил всех и сел было за стол поработать над ватманом, он неожиданно увидел стоящую у двери в нерешительности чертежницу КБ Раю Малофееву.

— Вы почему не ушли? Что случилось, Раечка, — и, подойдя к ней, Королев, как всегда, пошутил: — «Как растешь на радость папе и маме».

— Я не девчонка, чтобы со мной так говорить, — к удивлению Королева, вспылила девушка... — Мне девятнадцать, а вы, а вы... «на радость маме», — и вдруг заплакала.

— Да не хотел я вас обидеть. Поверьте, товарищ Малофеева.

— Ничего-то вы не понимаете, — и передразнила: — «Товарищ Малофеева», — и вдруг как-то вся сникнув, осела на стул и, обхватив спину руками, опустила пышноволосую золотистую голову, зарыдала. — Я же... С того первого дня... Ничего не могу поделать с собой... Не могу...

Сергей Павлович встал смущенный, не веря сказанному. Да, к Рае он испытывал добрые чувства, на душе становилось всегда теплее, когда она, излучавшая столько доброты, улыбаясь, подходила к нему, но как казалось, всегда по делу... И тут, словно освещенный молнией, вспомнился ему давний эпизод: заметив болтающуюся на пиджаке Королева пуговицу, Рая тут же остановила его, достала иголку с ниткой и, не снимая пиджака с его плеч, стала пришивать эту пуговицу. Кто-то из подружек проходил мимо и пошутил: «Ох, Раиска, пришьешь ты свое сердечко к этому пиджачку».

Вспомнив это, Сергей Павлович подошел к Рае, обнял за плечи, попытался успокоить.

— Ты чудесный человек, Рая! — не сдержав чувств, обхвативших все его существо, нежно взял в руки голову Рай, крепко поцеловал ее. — Какая ты чудесная! — и, подвинув соседний стул, сел рядом с ней, обняв ее. — Мне всегда хорошо, когда ты рядом. Даже стихи читать хочется. Ты любишь Шевченко?

Нащо мені чорні брові,
Нащо карі очи,
Нащо літа молодії
Веселі девочі?
Літа мої молодії
Марно пропадають,
Очі плачуть, чорні брові
Од вітру линяють.
Серце в'яне, нудить світом
Як пташка без волі.
Нащо ж мене краса моя,
Коли нема долі?

Раиса слухала и, не зная українського язика, серцем все поняла. Долго молчали. Потом встала, вытерла глаза платком и попыталась спрятать свою неловкость за нарочитой дерзостью.

— Не стоите вы моих слов. Так взболтнула. Кровь девичья разыграла. Вы женаты, у вас дочь. Я даже знаю ее имя — Наталка...

— Ну вот и хорошо, — с притворным равнодушием ответил Сергей Павлович. — У тебя впереди такая жизнь, Раечка. Придет настоящая большая любовь, и ты навсегда забудешь этот зимний ноябрьский день...

— Никогда! — вырвалось у Раи. Но в серых ее глазах появившееся было негодование внезапно потухло. Она стала прежней Раей, не способной скрыть своих подлинных чувств. — Мне ничего от вас не надо, — торопливо заговорила девушка, словно боясь, что ей не разрешат сказать всего. — Мне только быть иногда с вами рядом. Говорить о чем думаю... — и, увидя на столе эскизы, наброски какого-то необычного самолета, воспрянула духом: — Сергей Павлович, можно я вам помогу. Сделаю вам все чертежи. У меня столько свободного времени. Ну, пожалуйста!

— Ну что ты, Рая, — Сергею Павловичу стало так жалко стоявшую перед ним девушку, чистую, искреннюю в, своих намерениях. — Все будет хорошо у тебя, вот увидишь. А от помощи не откажусь. Спасибо.

С тех пор Королева и Раю часто видели вместе и радовались их дружбе, видя, как она помогает им выстоять в эту тяжелую годину.

Несмотря на трудности, не досыпая, не доедая, всячески экономя материалы, самолетостроители сдержали слово. К середине декабря 1941 года начались полетные испытания Ту-2. Но тут произошло

непредвиденное. Из наркомата пришло указание: заменить на самолете мотор водяного охлаждения Микулина на недавно появившийся менее мощный мотор воздушного охлаждения Швецова. Хотя по своим габаритам и мощности они не сильно отличались друг от друга, тем не менее замена «сердца» в самолете потребовала модернизации его и отодвигала время сдачи в серию, поступление на фронт. Руководство КБ и Опытного завода, общественные организации решили оповестить всех о случившемся, созвав общее собрание. В сборочном цехе, где стояло несколько экспериментальных самолетов, на стыке двух смен собралась не одна сотня людей. Было решено, что обо всем скажет сам Туполев.

Андрей Николаевич говорил недолго.

— Время не ждет! Надо работать! — этими словами закончил Генеральный конструктор свое короткое выступление.

Лозунг: «Все — для победы, все — для фронта!», написанный на красном полотнище, перекинутом с одной стороны цеха на другую, вмещал в себя, кажется, все, сказанное на собрании.

Вперед вышел Хромов. Секунду стоял молча, подыскивая слова.

— Начинай, Васильевич! — крикнули из цеха, — Что молчишь?

— Да вот думаю, с чего начать, — сунул кепку в карман халата. — Не совсем согласен я с Андреем Николаевичем. Конечно, работать надо. Но как? Так вот, иду я вчера вечером, скорее ночью в конце второй смены по механическому цеху к себе в конторку. Смотрю, двое токарей станки выключили, ручки свои тряпочкой вытирают. Похоже, работу кончили. Взглянул на часы, а стрелочкам до конца смены еще полчаса бежать. Спрашиваю: «Не на свадьбу ли торопитесь?» — «Нет, — говорят, — женаты». — «А заготовки деталей зачем тут?» Мужики поняли, к чему клоню, обозлились на меня и в наступление: «Мы норму свою выполнили, а остальное не твое дело». Обозлился и я на них: «А там на фронте, — спрашиваю, — тоже от сих до сих или с позиции уходят, «норму» выполнив?» Ничего мне не ответили, а побыстрее пошли из цеха. Я им вдогонку пару нежных слов всадил. Да что толку — не поняли.

— Больно ты строг, Михаил Васильевич, — крикнула из толпы работница Потапова, — не бездельники же они.

— Строг, говоришь. У тебя, Пелагея Андреевна, на фронте муж. Двое пацанов за подол юбки держатся? Так?

Митинг притих, насторожился. А. Н. Туполев, А. А. Архангельский, А. В. Ляпидевский, парторг ЦК ВКП(б) Н. Н. Андреева, перекинувшись между собой несколькими словами, замолчали. Все ждали, что скажет дальше Хромов.

— Норма, конечно, закон государственный, но у каждого из нас сейчас, когда столько земли супостату по-оставляли да народу потеряли, есть еще свой рабочий закон. И.имя ему — совесть. Что же это получается? Если, значит, эти двое завтра норму за полсмены одолеют, значит, выключат станки и полезут на полаты, извините, задницу греть?!

Толпа качнулась, загудела словно море перед бурей. Кое-где раздался смешок. Переждав его, Хромов продолжал:

— Дружу я тут с одним молодым инженером из сборочного. Королев его фамилия. Что прячешься, Сергей Павлович, плохого не скажу. Утром раненько приду в цех, а он уже у меня. «Как с деталями?» — спрашивает. В конце смены опять у меня: «С деталями на завтра, Васильевич, не подведи!» Думал, к одному ко мне по дружбе зачастил. Разговорился с соседями, а они чуть не в один голос: «Востроглазый-то, от Итальянского? Житья от него нет. Во все дырки влезет, и все с толком... Ему все подай, да еще вовремя... Дефект обнаружит — расшумится...» В народе говорят: лишняя копейка кармана не рвет. Так и на войне: лишний патрон, снаряд, лишняя винтовка или пулемет, танк или самолет солдатам не в тягость, а в подмогу. Ты, — снова обратился Хромов к работнице, — не подумала, взяв под защиту двух моих «знакомых».

— Да я что, так ведь, по-человечески, — оправдывалась Потапова. — Работают же они.

— А по-человечески я тебе скажу так. Прикинь-ка своим умом. Твоему Илье на фронте в самую нужную минуту боя вдруг не хватит двух-трех патронов. А ему всю «норму» их уже выдали, а в запасе — ни-ни. Вот и гляди, как все обернуться может. Так что лишняя копейка кармана не рвет.

Рабочий снова обратился к участникам митинга, чуть повысил голос, чтобы слышали его все.

— Думаю, что со мной все согласятся: пусть фронтовики не сомневаются — самолеты они получают в срок. Но тут уж так: выполнил норму — хорошо, перевыполнил — еще лучше, а дал полторы-две нормы — слава тебе. Нынче, когда идет проклятущая война с фашистами, нельзя работать только за себя. Надо и за тех, кого нет рядом: мужей, отцов, братьев. Тыл и фронт, что крылья самолета — едины. Нельзя, чтобы одно крыло было «вкривь», а другое — «вкось». Читайте, что мы, заготовители, с этой минуты на фронтовой вахте.

Собравшиеся одобрительно хлопали в ладоши. Выступление мастера Хромова всем понравилось.

— Спасибо, Михаил Васильевич, — поблагодарила Андреева, — разрешите и мне сказать несколько слов. Верно, нельзя, чтобы одно крыло

было «вкось», другое «вкривь»...

Слушали парторга внимательно. Миловидная сорокалетняя женщина, полная энергии, с душой, распахнутой для всех, хорошо знала производство, людей, пользовалась у них уважением. Она выросла в этом коллективе. Семнадцать лет проработала в КБ конструктором, с 1924 года член ленинской партии, активная общественница, два года назад коммунисты избрали ее секретарем парторганизации.

— Согласно я с товарищами, работа наша — фронтовая, — продолжала Андреева. — Только есть разница: там льется кровь, там гибнут наши мужья, братья и отцы. Кто же им поможет, если не мы? Кто? У них там, на фронте, вся надежда на нас.

— А у нас на них, родненьких, — крикнула Потапова.

— Верно, — подхватила парторг, — фронт и тыл едины. Товарищами предлагалось стать до конца года на фронтовую вахту...

Выступление парторга прервал исступленный голос Раи Малофеевой, вбежавшей из соседнего цеха: «Москва... Москва...», растолкав собравшихся, включила репродуктор, молчавший по случаю митинга. Но опоздала...

«Мы передавали «В последний час», — сообщал диктор. — Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве...»

Но этого было достаточно, чтобы в то же мгновение под сводами цеха сотни голосов слились в единое торжествующее — «Ура-а-а!» Ближе всех к репродуктору стояла Пелагея Андреевна Потапова. По красному, обветренному лицу ее текли слезы. Она размашисто по-сибирски крестилась и шептала про себя: «Слава те, господа!»

Новый, 1942 год оказался для С. П. Королева во многом поворотным в его жизни. В августе Государственная комиссия приняла Ту-2 к войсковым испытаниям, а затем и к серийному производству. Этот самолет признали намного лучше немецких и итальянских бомбардировщиков. Конечно, потребовалось еще немало времени, прежде чем сразу на трех заводах началось серийное его производство и он стал по-настоящему массовой фронтовой машиной.

В Омске параллельно с КБ Туполева работал коллектив В. М. Мясищева. Он завершал разработку дальнего высотного бомбардировщика ДВБ-102. Конструктор искал человека в Технологический отдел. Владимир Михайлович знал Королева еще до войны. Воспитанники МВТУ, они одно время вместе работали в ЦАГИ. И Мясищев остановил свой выбор на Сергее Павловиче.

Всякое новое дело отвечало душе Сергея Павловича, а работать с таким конструктором, как Мясищев, он посчитал очень полезным и охотно согласился, и это тем более, что на проект ракетной аэроторпеды никакого ответа не было.

— Ас Андреем Николаевичем и тюремным начальством я договорюсь. Думаю, возражать не будут, — сказал Мясищев, получив согласие Королева.

Сергей Павлович с головой окунулся в новое дело. Двенадцатилетний опыт работы в авиационной промышленности причем в различных ее подразделениях, как никогда, пригодился. И действительно, Королев знал самолетостроение как немногие конструкторы и по существу, и в деталях. Моторная группа и крыло, фюзеляж, автопилот, вооружение — все это ему известно не теоретически, а практически. А самолет Мясищева даже по сравнению с Ту-2 выглядел как прорыв в будущее.

Чем глубже Королев влезал в разработку технологии производства нового самолета, тем чаще возвращался к мысли об использовании в авиации могучих сил, таящихся в реактивном движении, и тем энергичнее работал над проектом ракетного самолета, стараясь совместить свою мечту с мудрым советом Хромова: «Поближе к сегодняшнему дню».

Неожиданный вызов в ноябре 1942 года в Казань прервал работу Королева в КБ Мясищева. Сергей Павлович пошел к А. Н. Туполеву попрощаться.

Генеральный конструктор оторвался от дел, приветливо посмотрел на вошедшего.

— Будь моя воля, не отпустил бы тебя, Королев. Вызов из авиамоторного завода. При чем тут ты — аэромеханик... Твое дело самолеты конструировать. Двигатели — удел других. Ты человек мыслящий широко... К тому же есть решение: всю нашу «шарагу» освободить.

— Спасибо, Андрей Николаевич, за все: и за прошлое, и за настоящее, — с грустью поблагодарил Королев. — Я над собой не властен...

— Ну, иди. Будет возможность, возвращайся к нам, место для тебя всегда найду,

Единственный пассажирский вагон с табличкой «Омск — Москва» был последним в составе, груженном зерном. На товарных вагонах пестрели лозунги: «Трудящиеся Алтая — фронту», «Каждый пуд зерна — удар по врагу». Состав с хлебом шел из Алтайского края — житницы Сибири. В Омске к нему и прицепили пассажирский вагон. В него вошли

несколько военных, севших особняком. С. П. Королев и его конвоир Аким Коротких поднялись последними. Одет Сергей Павлович в стеганую куртку, такие же штаны, серые валенки и шапку-ушанку. В вещевом мешке — две буханки черного хлеба, банки консервов, махорка да рулон с бумагами, обернутый в старую клеенку, — вот и все его имущество. Проводница наметанным глазом распознала по одежде в новом пассажире работягу. Узнав, что едут до Казани, отвела им купе рядом с собой.

— Зови меня Фросей, — сказала она Королеву, сильно окая. — Ехать нам долго. Недельку, полторы протопчемся. А тут теплее, да и мне поможешь.

Проводница не ошиблась. Состав шел очень медленно, впе расписания. Он часто останавливался, то пропуская санитарные эшелоны, шедшие в глубь Сибири, то его обгоняли поезда, мчавшиеся на фронт с новыми сибирскими дивизиями.

На станции Камышлов, между Тюменью и Свердловском состав задержали на целые сутки. И тут ударил преждевременный мороз, угля у проводницы осталось совсем мало, она его сэкономила. Ночью Фрося разбудила конвоира и Королева, и те набросали в тамбур сосновых дров, да так много, что часть пришлось перенести в вагон. Распилив несколько поленьев, покидали их в печь. Запылал веселый огонек, потянуло смолой. Через час в вагоне стало тепло.

Королев пошел в свое купе, впервые за три дня снял с себя ватник. Потом достал с верхней полки рулон с чертежами и заметками к эскизному проекту ракетного самолета-перехватчика, которым в свободное время занимался в КБ Туполева. Сергей Павлович разложил листы ватмана на нижней полке и стал в который раз рассматривать компоновку будущей машины. В общих чертах она отдаленно напоминала ракетоплан РП-318, которому он отдал много сил еще в РНИИ. Сергей Павлович знал, что усилиями его соратников в 1940 году его ракетоплан был модернизирован, и летчик Владимир Федоров успешно проложил первую реактивную тропинку в небо. Но дальше работа в РНИИ застопорилась. Идею подхватило другое авиационное КБ В. Ф. Болховитинова, и в 1942 году в СССР в небо поднялся первый отечественный ракетный самолет БИ.

...Стоило Сергею Павловичу закрыть глаза, как перед ним словно наяву возникала его короткокрылая краснозвездная птица. Ему чудилось, как всего за две минуты она поднимается на высоту десяти тысяч метров и мчится в бесконечной синеве неба с небывалой скоростью — тысячу километров в час, почти в два раза быстрее лучших немецких самолетов... Сергей Павлович представлял себе, как, проскочив облака, ракетный

самолет внезапно появился над фашистскими летчиками. Крутой разворот, и вот уже свинцовый ливень из пушки, из двух пулеметов обрушивается на врага. Не успев ответить, несколько немецких самолетов загораются и, объятые пламенем, падают на землю. Другие пытаются удрать, но из-под крыльев краснорезного самолета вдогонку им, со свистом рассекая воздух, мчатся ракетные снаряды и настигают их...

Проводница пригласила Королева пить чай, налила ему в стакан кипятку, пододвинула сухари.

— Погрейся. У тебя дети-то есть?

— Дочка, Наталка, семь лет. Не знаю, когда увидимся. Столько горя кругом.

— А у меня сын, три года, Василек, а мужа под Сталинградом... Там, солдат говорил, такое... Немцам почище Москвы...

Королев курил мало, только когда нервничал. Вот и сейчас, достав кисет, сшитый из цветного ситца, подарок Раи, неумело из газеты скрутил «козью ножку», засыпал ее махоркой, чиркнул спичкой.

— Может, ты, Фрося, поменяешь мою махорку...

— Я не умею. Мне она не нужна. Некурящий друг в дорогу дал...

— Ладно, — охотно согласилась проводница. — Махорка нынче на вес золота.

Поезд тронулся, проводница вышла в тамбур прикрыть дверь. Королев пошел к себе в купе. Взглянул на часы — было около четырех дня. Начало темнеть. В углу сидел Аким Коротких. Работать было темно, и Сергей Павлович стал вспоминать, как его провожали Борис Андреевич Саукке, Сергей Михайлович Егер, Михаил Васильевич Хромов...

...Высокий Егер, чтобы обнять Королева, чуть нагнулся:

— Ну, Сергей, пора! Не забывай нас, туполевцев, наш многострадальный Ту-2. Немцы еще попляшут под его музыку. Ты, Сергей, отдал самолету много сил и сердца. Не зря! Помни, твоя работа в нашем КБ — заслуживающий высокого уважения вклад в победу. Я знаю, она придет, и мы встретимся с тобой в Москве.

У Королева к горлу подступил теплый комок, и он ничего не смог сказать в ответ — так растрогали его слова друга. Он молча крепко пожал Егеру руку. Не знал Сергей Павлович, что слова эти просил ему передать сам Туполев, скуповатый на похвалу.

— Это тебе моя Евдокия на дорогу приготовила, — сказал Хромов, передавая пакет, завернутый в газету. — Тут кое-что перекусить. Не богато, сам знаешь, а в дороге не лишнее, — помолчал, а потом, словно спохватившись, что чуть было не забыл сказать главного, глядя прямо в

глаза, произнес:

— Дорогу ты выбрал себе, Сергей, верную, только не проторенную. Идти по ней будет тяжело — не по асфальту. Набирайся сил. Главное — не сломайся. И гнись, когда очень надо...

Сергей Павлович не заметил, как задремал. Проснулся от скрипа открываемой двери. Вошла проводница.

— Ну и крепко ты спал, Сергей. Я— тут на полустанке твою махорку променяла. Держи, — и Фрося выложила на стол кусок масла, пяток вареных картофелин. — А тут, в тряпочке, десяток яиц. Проживем, не горной. Скоро Свердловск, а там, гляди, и ваша Казань...

Сергей Павлович отдал Фросе несколько яиц, остальное сложил в вещевой мешок. «Казань... Казань... Что там меня ждет?» — спросил он сам себя, но ответить ничего не мог.

Глава вторая

В ЭТОМ МОЯ ЖИЗНЬ

*Авиации и фронту. Домой.
Возвращение к ракетам.
Главный конструктор.*

19 ноября 1942 года в, день начала разгрома фашистских войск под Сталинградом поезд прибыл в Казань. Королев вышел из вагона и увидел среди встречающих старого знакомого — В. П. Глушко.

— Валентин Петрович? — не скрыв своего крайнего изумления, воскликнул Королев. — Вот чего не ожидал, так не ожидал...

— Как видите, я здесь. Да вы, Сергей Павлович, вижу, не знали, что после суда меня сюда сослали. Судьба у нас с вами одна. — Валентин Петрович иронически улыбнулся и продолжал: — Рад видеть вас, Сергей Павлович. Будем работать снова вместе. А дел столько...

В. П. Глушко в то время возглавлял коллектив, входивший в очередную «шаражку», или специальное КБ системы НКВД при авиационном моторостроительном заводе. Валентин Петрович сразу перешел к делу:

— Не секрет, что наша авиация еще отстает от фашистской. Новые самолеты только начинают выпускать серийно. Решили применить жидкостные ракетные двигатели в качестве ускорителей боевых самолетов. Подсчитали, что тогда машины смогут увеличить скорость на 180–200 километров в час. И не вам, Сергей Павлович, объяснять, что с ракетным ускорителем самолет и от земли оторвется быстрее, и в воздухе будет маневренное. Теперь ясно, для чего вы понадобились?

— Я всегда говорил, что главное — мотор, — отвечал, посмеиваясь, Сергей Павлович.

— Он есть. Его тяга достигает трехсот килограммов. Главное сегодня другое. Надо запрячь его в самолет. Одним словом, до зарезу нужна специальная авиационная ракетная установка — АРУ. Я знаю, только вы сможете в короткий срок сконструировать ее. Ради этого я и добивался перевода вас к нам, в Казань. Руководство обещает создать вам все необходимые условия.

Немного обжившись на новом месте, Сергей Павлович послал родным письмо: «Переехал из одного города в другой срочно и ничего из вещей,

даже самую необходимую одежду, захватить не успел. Нас здесь просто замечательно встретили, и очень много людей сейчас хлопчет о нашем дальнейшем благополучии... На производстве для нас сделаны многие хозяйственные предметы, как, например, алюминиевая посуда, которую я терпеть не могу, так как все это время пользовался только ею, затем всякие плитки, тазы, бидоны и пр. Шьют нам занавески на окна и белье... Чувствую, что вы в ужасе. Но, ей-богу, это же все пустяки, и я даже не замечаю всего этого. Так что не волнуйтесь и давайте посмеемся вместе».

Приятной неожиданностью для Королева стала встреча в этом же режимном ОКБ с Борисом Сергеевичем Стечкиным. Он занимался разработкой воздушно-реактивного двигателя. Сергей Павлович попросил профессора при необходимости консультировать его, как в ГИРДе.

— Почту за честь, — охотно ответил Стечкин так, как будто не к нему обращались с просьбой, а он к Королеву.

Несмотря на шестнадцатилетнюю разницу лет, между двумя будущими академиками сложились не просто взаимоуважительные, а самые дружеские отношения, много способствовавшие плодотворной работе по созданию ракетных ускорителей. Королев в трудную минуту не раз советовался с Борисом Сергеевичем.

Да, Сергеем Павловичем в эти дни владело хорошее настроение. В КБ его приняли прекрасно, хотя и оставался он по-прежнему заключенным. Но жизнь постепенно налаживалась. Королев имел возможность вплотную заняться ракетным делом, разработкой авиационного ускорителя. Пришлось на время отложить проектирование самолета-перехватчика, начатого в Омске. Работа над эскизным проектом АРУ не заняла у Сергея Павловича много времени. Помог значительный опыт, накопленный в ГИРДе и РНИИ в 1931–1938 годах.

Выступая на одном из заседаний техсовета КБ,

С. П. Королев доложил об основных положениях проекта АРУ:

— Жидкостный ракетный двигатель РД-1, как вам известно, работает на азотной кислоте и тракторном бензине. Его предполагается установить в хвосте. Сложнее с баками для топлива — его не одна сотня килограммов. Их надо разместить так, чтобы не нарушить центровку машины. Пожалуй, им место в средней части фюзеляжа. Топлива должно хватать на 10 минут полета. Надо еще продумать способ подачи топлива в камеру сгорания ЖРД.

Члены техсовета начали задавать вопросы:

— Как мыслите систему управления установкой?

— Из кабины летчика путем включения специального рубильника.

При этом пускать двигатель, то есть увеличивать скорость самолета, предусматривается в любое время полета.

— А что дает самолету включение ракетного двигателя на земле?

— Вертикальная скорость при отрыве от земли с включенной ракетной установкой возрастает примерно на 30 процентов, соответственно увеличивается и угол набора высоты.

— Вот это здорово! Этого-то как раз и не хватает многим нашим машинам.

— При этом процентов на 70 сократится разбег самолета, он быстрее поднимется в воздух. Еще есть вопросы? — спросил Королев.

В качестве базовой машины для экспериментов выбрали самолет Петлякова — Пе-2.

Проект Королева специалисты оценили по достоинству. 1 января 1943 года приказом по КБ его назначили руководителем отдельной группы, которой поручалось конструирование авиационной ракетной установки.

Как ни важно и ответственно для Королева было конструирование авиационных ракетных установок, потаенная мысль о реактивном самолете никогда не покидала его. И, обдумывая АРУ, Сергей Павлович все более убеждался, что ускорители — временная мера, что рано или поздно винтомоторную группу в авиации вытеснит реактивная сила. Отрывая часы от отдыха и сна, одновременно с АРУ Королев продолжал совершенствовать проект реактивного самолета-перехватчика РП, начатый еще в Омске.

Вскоре С. П. Королев представил руководству конструкторского бюро 58 листов расчетов, эскизов, компоновок самолета-перехватчика и приложил объяснительную записку. В ней конструктор предельно лаконично определил назначение и применение проектируемого самолета «как средства борьбы с вражеской авиацией в воздухе при обороне наземных объектов — городов, укреплений и т. д., а также для внезапной и быстрой атаки наземных целей противника — танков, батарей, зенитных точек, переправ».

Через несколько дней руководство КБ, несмотря на очень заманчивые характеристики предлагаемого самолета, все-таки потребовало от Королева не отвлекаться от поставленной первоочередной задачи и сосредоточить усилия на разработке проекта ракетной установки-ускорителя для пикирующего бомбардировщика Пе-2. Королев со своей группой приказ выполнил в беспрецедентно короткий срок — за четыре месяца.

В окончательном проекте АРУ, утвержденном 24 мая 1943 года, отмечалось: «РУ-1 является совершенно новым техническим агрегатом,

впервые осуществляемым на самолете с целью испытания и отработки реактивного двигателя в летных условиях».

С. П. Королев так организовал работу, что подготовка Пе-2 и изготовление АРУ пошли в быстром темпе. Через несколько месяцев на заводском аэродроме появился внешне ничем особенно не отличавшийся от своих собратьев самолет под номером 15/185. Только при внимательном взгляде специалист мог заметить в хвостовой части машины небольшое сопло. Из него порой с невероятным шумом вырывалась огненная струя. Шли многократные наземные испытания установки. В комиссию по испытаниям входили В. П. Глушко, С. П. Королев и летчик А. Г. Васильченко. Бортовым инженером назначили участника разработки ЖРД Д. Д. Севрука. Работа продвигалась быстро, и на 1 октября назначили летные испытания самолета Пе-2, оборудованного вспомогательным ракетными двигателями.

День стоял на редкость теплый и солнечный. С. П. Королев, В. П. Глушко не скрывали своего волнения. Летчик Александр Васильченко включил мотор. Блеснув на солнце лопастями, пропеллер превратился в сплошной круг, и самолет легко побежал по взлетной дорожке.

— Старт отличный, — похвалил летчика Королев, увидев, как незаметно Пе-2 оторвался от земли и, сделав разворот над аэродромом, стал набирать высоту.

— Ну что же он не включает реактивный двигатель?! — не отрывая глаз от самолета, нетерпеливо спросил Глушко.

— Все по программе, Валентин Петрович. Не волнуйтесь. Васильченко летчик аккуратный.

В этот момент из хвостовой части Пе-2 вырвалась огненная струя. Самолет словно кто-то подтолкнул вперед, и он заметно прибавил скорость и высоту.

— Сработал! — облегченно вздохнул Глушко. — Поздравляю вас, Сергей Павлович.

— Ваша лошадка, Валентин Петрович, моя уздечка, — пошутил Королев, — а все вместе АРУ. Но это только начало.

Пе-2 возвращался на аэродром. К Королеву и Глушко подошел авиационный конструктор В. М. Мясичев, под руководством которого после гибели В. М. Петлякова разрабатывались все модификации этого самолета.

— Поздравляю вас, Сергей Павлович и Валентин Петрович, с успешным началом, — пожав руки, поблагодарил Владимир Михайлович. — По моим подсчетам, АРУ проработала, как и требовалось для первого

полета, две минуты. Скорость Пе-2 увеличилась больше чем на девяносто километров в час. Это то, что нам надо! Спасибо!

Это было действительно только начало. С того октябрьского дня один полет следовал за другим. Они проходили на разных высотах и режимах скорости, и каждый раз решали новые задачи, которые подбрасывал ЖРД. «Но фронту наше КБ пока ничем не помогает. Немцев под Курском и Белгородом разгромили, а АРУ все испытываем... — с горечью размышлял Королев. Обида брала за сердце: — Чем я помог народу? Одно утешение — туполевский бомбардировщик... Авиационный ускоритель! Когда он еще войдет в серию!»

Королев с еще большей интенсивностью продолжает испытания. Тщательно проверялись приборы контроля за режимом реактивного двигателя, система автоматики, способная выключать ЖРД в случае неисправности и, естественно, сам двигатель. Королев, хотя это и не входило в его обязанности, стремился испытать работающий ЖРД лично, непосредственно в полете на различных высотах и скоростях.

Удачи и неудачи чередовались: то падало давление в камере сгорания двигателя, то он самовыключался. Однажды во время отладочного полета двигатель взорвался. Благодаря мастерству и самообладанию летчика Александра Васильченко все кончилось более или менее благополучно. С. П. Королева ранило, возникла угроза зрению, и он оказался в больнице.

Казалось, после этого случая Сергей Павлович надолго откажется от испытательных полетов. Но он человек другого склада. Там, где был риск, он всегда старался проделать эксперимент лично.

Королев и Глушко разобрались в причине аварии, и вскоре Сергей Павлович снова испытывал АРУ в воздухе.

Как-то один из руководителей авиазавода высказал свое недовольство слишком растянувшимся, по его мнению, сроком испытания АРУ.

— Если потребуется, мы поднимем самолет в воздух сто, двести раз. Необходима величайшая надежность. Там человек. Или вы об этом забыли? И человеку тому сражаться с врагом. Так что прошу не командовать...

Не каждый мог так ответить начальнику, тем более находясь в положении Королева.

Надежности машин, которые конструировал Королев, заботе о летчиках Сергей Павлович всегда отдавал особое предпочтение и никогда ни на йоту не отступал от этого им же принятого правила. Так было и на этот раз. На бомбардировщике Пе-2РД с ракетным двигателем на химическом зажигании (РД-1ХЗ) экипаж совершил 110 экспериментальных полетов. Убедившись, что АРУ работает надежно, Королев написал в

докладной: «Испытания показывают, что двигатель РД и реактивная установка работают нормально. Хорошо совпадают экспериментальные и расчетные данные». После этого начались контрольные испытания АРУ на самолете Пе-2РД с участием представителя Военно-Воздушных Сил.

Ракетные установки, разработанные Королевым, были взяты за основу подобных экспериментальных АРУ, которые использовались затем на самолетах Лавочкина, Яковлева, Сухого.

В августе 1944 года произошло долгожданное и вместе с тем неожиданное событие, хотя на первый взгляд и не изменившее всю остальную жизнь С. П. Королева. Его, как и остальных участников работ над ЖРД и АРУ, освободили из заключения. Об этом он узнал из предъявленной ему выписки протокола № 18 заседания Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 года. Освободили по представлению НКВД СССР. Сергей Павлович несказанно радовался. «На два года раньше, — вдруг подумал Королев. — Шесть лет чуть не день в день». Но сознание, что он свободен, было настолько сильным, что в мгновение утопило в памяти все прошлое. «Скоро домой... Ксана... Наташа... Мама...»

Но шла война, и освобожденные не могли тотчас же разъехаться по домам. Королев тоже остался. Да он и не мог бросить испытания, не доведя их до конца. Имелось и еще одно малоприятное обстоятельство. При реорганизации ОКБ Казанского авиационного завода группу Королева, работавшую над АРУ, не выделили в самостоятельную опытно-конструкторскую и научно-исследовательскую организацию, как он настаивал в своих предложениях, ее включили на правах отдела в КБ двигателей. Главным конструктором его назначили В. П. Глушко, а его заместителем по летным испытаниям С. П. Королева.

Теперь Сергей Павлович жил в собственной комнате, которую ему выделило руководство Казанского авиазавода. Он был так рад этой комнате, что решил в письмо к матери подробно описать ее, рассказать о своем быте:

«У меня хорошая комната... с двумя окнами... много света и солнца, так как мое окно смотрит на юг и на восток немного. Утром с самого восхода и до полудня, даже больше, все залито ослепительным, ярким светом. Я но ощущал раньше (до войны) всей прелести того, что нас окружает, а сейчас я знаю цену и лучу солнца, и глотку свежего воздуха, и корке сухого хлеба. Комната моя «шикарно» обставлена, а именно: кровать со всем необходимым. Стол кухонный, покрытый простыней, два табурета, тумбочка и письменный стол, привезенный мною с работы. На окне моя

посуда: три банки стеклянные и две бутылки, кружка и одна чайная ложка... Но я не горюю... Это ведь не главное в жизни, и вообще все это пустяки...»

Королев, как-то зайдя поздно вечером в техническую библиотеку, чтобы проверить несколько актов об испытаниях АРУ, обратился к дежурной в этот день Лидии Павловне Палеевой, которая часто и охотно подбирала для Королева нужную литературу.

— Нет ли у вас каких-либо материалов по немецким самолетам и ракетам? — спросил конструктор.

— Нет, откуда. Мы и газеты-то получаем не все.

— Надеюсь, есть Годдард и Оберт, хотя бы в выпусках «Межпланетные сообщения» профессора Рынина? Лидия Павловна развела руками.

— Есть, правда, один редкий журнал «Былое» за 1918 год. Чудом сохранился. В нем помещена статья «Проект воздухоплавательного прибора» Николая Кибальчича. Читали?

— В юности, смутно помню. Разрешите.

Библиотекарь передала Сергею Павловичу журнал, и инженер быстро нашел нужные страницы. Вначале читал молча, потом не выдержал:

— Нет, вы послушайте, Лидия Павловна, что пишет этот человек: «Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству: я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью...»

— Какая сила духа! — изумился Королев, прервав чтение. — Невероятно! Вот он истинно русский человек. Запишите журнал за мной.

Лидия Павловна взглянула в лицо Королева — щеки впали, под глазами синие круги. Она знала — он берет книги, чтобы работать по ночам.

— Нельзя так, — невольно вырвалось у женщины, — не жалеете себя.

— Разве можно работать иначе, жалеть себя, когда Родина в опасности? — резко ответил Королев.

Почувствовав, что своим тоном, кажется, незаслуженно обидел женщину, еще раз взглянул на нее: вид у нее был невеселый.

— Что-нибудь случилось, Лидия Павловна?

— Дочь тяжело заболела, — призналась она, — осложнение на почки, нужна сахарная диета. А знаете, как сейчас с сахаром...

— Ну это в наших силах... Вы хоть рядом с ней. А я... Моя Наталка без меня выросла, ей почти девять лет, — с грустью сказал Королев. — Возвращусь, не узнает... Письма и те редко... От жены. Одними письмами живу.

— Все будет хорошо. Скольких людей война разметала по земле, — успокаивала Палеева Королева.

— При чем тут война! Вы же знаете, Лидия Павловна!.. — Сергей Павлович что-то еще хотел сказать, но тут же взял себя в руки. — Значит, сахарная диета? Только и всего?

А через некоторое время Королев принес свой паек сахара.

— Это для дочки, — решительно сказал он. Сколько его ни уговаривала, ни упрашивала Лидия Павловна, взять сахар обратно не согласился.

— А книжечки, что я прошу, — поищите. Казань велика. Может, найдутся они в университетской библиотеке?

— Обязательно, Сергей Павлович. Да, я для вас отложила «Красную звезду». Несколько дней назад получили. Тут про немецкие ракеты.

С. П. Королев развернул старый номер «Красной звезды» с интересным сообщением: «Немецкие баллистические ракеты «Фау» разрушили кварталы нескольких английских городов. Есть человеческие жертвы».

«А ведь мы могли бы иметь подобное оружие куда раньше фашистов, — с досадой подумал Королев. — Нет, нам в этом отставать нельзя. Не имеем права. Не можем и не будем. Надо пробивать ракетный перехватчик. Необходимо еще раз обратиться с просьбой в соответствующие инстанции, чтобы разрешили мне заниматься непосредственно ракетной техникой».

Жизнь Королева текла по заведенному распорядку. Днем — схемы, чертежи, эскизы, стендовые и летные испытания. Так как его оригинальный проект ракетного самолета-перехватчика Наркомат авиационной промышленности так и не поддержал, Сергей Павлович предложил усовершенствовать самолет конструктора С. А. Лавочкина Ла-5ВИ, снабдив его жидкостным ракетным двигателем.

Вечером — снова чертежи, но уже «свои», для души... А ночью... Ночью Сергея Павловича не оставляли думы о доме, о Ксане. Письма из дома были редки, а Сергею Павловичу хотелось знать о родных ему людях все-все. Как там доченька. Ведь ей уже десятый год. Когда-то еще доведется увидеться. «Да ведь она меня не помнит, — эта мысль часто

обжигала Сергея Павловича. — Полюбит ли она меня? Конечно, полюбит, моя Наталка, ведь она на меня похожа, моя дочка».

Наступало утро, и Сергей Павлович шел в КБ.

С фронта приходили хорошие вести. Красная Армия била фашистские войска за пределами СССР. На советской земле в освобожденных районах налаживалась жизнь. «Скорей бы война кончилась, скорей бы! Вот тогда поработаем. Противников, уж наверное, не будет. Война доказала необходимость в ракетах. Нельзя отставать от других стран, это-то уж всем ясно», — так все чаще думал Сергей Павлович.

В октябре 1944 года Королев отправил в Москву документ, в котором доказывал необходимость разработки и производства ракет дальнего действия.

Предложение С. П. Королева о развертывании ракетного дела не осталось без внимания. В ЦК КПСС и Советском правительстве уже рассматривались вопросы, связанные с созданием ракетного потенциала. К решению практических задач были привлечены Академия наук СССР, Академия артиллерийских наук, группа ученых и специалистов, работавших в этой области. Они заинтересовались конкретными предложениями Сергея Павловича, просили выслать документацию. Королев получил и конкретные задания по разработке ракет дальнего действия. Проектное задание оказалось именно таким, на которое надеялся сам конструктор. 2 декабря 1944 года Сергей Павлович сообщал близким: «Но задачи громадны и высоты, на которые надо взобраться, так велики, что наши большие предшественники и учителя могли бы только мечтать о том, над чем практически уже мы начали сейчас работу».

Сергей Павлович рад, рад, как редко случалось в жизни. Он понимал, что подчиненность двигателям дело временное, и чувствовал, что близок к реализации своей мечты, он уже держит в руках хвост своей жар-птицы. Пусть с АРУ еще много забот, но все основные силы — на разработку ракет, на выполнение ответственного задания. А для этого надо знать и о достижениях в этой области за рубежом. Инженер Королев начинает изучать английский язык, немецкий он знает. «Я теперь занимаюсь английским языком, — пишет он десятилетней дочери Наташе 25 декабря, — и мне мой учитель обещал поставить пятерку. А почему ты получила четыре?»

Вот я приеду, и мы с тобой будем разговаривать по-английски».

Сергей Павлович не сообщил дочери, что сейчас занят еще и разработкой курса лекций, которые он собирается читать в Казанском авиационном институте. «Все хорошо. Война скоро кончится. Красная

Армия неудержимо рвется к Берлину. Все хорошо. Сердцем чувствую — скоро буду дома», — подумал он, заклеивая конверт.

Весть о Победе застала Королева в цехе авиазавода. И хотя все уже давно ждали этого известия, ликование не было предела. Вот оно! Свершилось!

Столпились у громкоговорителя.

— Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! — начал И. В. Сталин 9 мая обращение к народу. — Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени войсками Красной Армии и наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом.

Все слушали, стараясь не пропустить ни звука. Каждое слово доходило до сердца, обжигало радостью,

Сергей Павлович смахнул слезу. Стыдясь своей слабости, он оглянулся по сторонам: не было в эти минуты вокруг него безразличного человека — многие молча плакали, не стыдясь нахлынувших чувств.

Через месяц пришло известие, что Сергей Павлович награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Так Родина оценила вклад в Победу конструктора Сергея Павловича Королева.

В августе 1945 года С. П. Королев покинул Казань. Его отозвали в Москву.

Несколько суток тащился поезд до столицы, останавливаясь чуть ли не на каждой станции, пропуская воинские эшелоны. В одних, с цветами и песнями под гармошку, возвращались домой солдаты, для которых война уже кончилась, в других ехали те, которым предстояло еще разбить японских милитаристов. Эти составы шли без задержки на восток.

Только выйдя из вагона, ступив на мокрый от дождя перрон Казанского вокзала, Королев поверил, что наконец он в Москве.

Сергей Павлович перекинул через плечо вещевой мешок, взял в руки легкий фибровый чемодан и, увлекаемый потоком пассажиров, быстро зашагал вдоль перрона, завернул за угол вокзального здания и оказался на Комсомольской площади, убранный флагами добровольных спортивных

обществ. Выше всех развевался флаг спортобщества «Локомотив». 12 августа 1945 года впервые после войны отмечался Всесоюзный день физкультурника. Королеву то тут, то там встречались небольшие группы спортсменов. Кто-то шел с Красной площади, где только что закончился парад физкультурников, кто-то торопился на стадионы. Вместе со всеми Сергей Павлович вошел в метро...

Чем ближе подходил к дому на Конюшковской, 26, тем тревожнее и вместе с тем радостнее билось сердце, застанет ли кого-нибудь из родных. Предупредить заранее о своем приезде он не смог. Вот и дом. Легко вбежал по лестнице на родной этаж, остановился у квартиры 11. Закрыто. По давней привычке пошарил рукой в укромном местечке и нащупал ключ. Открыл дверь и не в силах больше сделать и шага, тяжело опустился на стул. Посидел, передохнул, но не смог унять учащенно бьющееся сердце.

Вошел в комнату. Тот же столик и фотография, где он с Ксаной и двухлетней Наталкой. Возле снимка лист бумаги с торопливо написанными словами: «Сережа, сразу же позвони по телефону... Ксана». Значит, ждала, ждала!! Не было более счастливой минуты, чем эта, и не было дороже этих нескольких строк.

...Через два часа в доме у Баланиных на Октябрьской собралась вся семья. Не оказалось только Наталки. Она где-то бегала с подругами и обычно возвращалась лишь к обеду. Сияющая от счастья Ксана не отходила от мужа. Худой, осунувшийся, еще более большелобый, он казался старше своих лет и вызывал гнетущее чувство жалости. Они сидели рядом, взявшись за руки, и не могли наговориться. Мать и Григорий Михайлович, чтобы не мешать, незаметно ушли на кухню готовить праздничный обед. На этот раз было из чего: Сергей привез с собой несметное богатство — две буханки хлеба, банку американской тушенки, кулечек сахара и банку сыра. Мария Николаевна принесла припасенную для этого дня пачку настоящего чая, полученную по продовольственной карточке.

На стол, накрытый белой скатертью, как в прошлые годы, поставили его любимую чашку с голубыми цветами. Едва сели за стол, как влетела Наталка. Увидев сидящего рядом с матерью мужчину, улыбающихся бабушку и дедушку, вначале растерялась, не узнав, но быстро сообразив, что перед ней ее отец, которого она знала лишь по старой фотографии да по рассказам матери, бросилась к нему и крепко обняла.

— Папа, почему ты так долго был в командировке?

— Так случилось, Наталка, — это все, что отец мог ответить дочери.

Шли дни. Сергей Павлович отдыхал, наслаждаясь домашней жизнью. Ждал назначения. И был даже доволен, что оно задерживалось. Сергей

Павлович не мог не заметить, как сильно изменилась Ксана за минувшие семь лет. Стала строже, собраннее и молчаливее, почти совсем седая. Глаза, которые так любил, редко загорались прежним озорным блеском. Где-то на дне их затаилась неугасимая печаль. А ведь ей всего тридцать семь... И все же невзгоды, выпавшие на долю Ксаны, не подкосили ее. Все эти годы жена трудилась в больнице имени Боткина, в годы войны лечила раненых, защитила кандидатскую диссертацию. Она получила известность как прекрасный хирург-травматолог.

Но чуткая душа Сергея Павловича не могла не уловить едва заметную перемену в их отношениях. Жена стала сдержаннее в своих чувствах к нему. А может, это только казалось ему, жаждущему чего-то необычного. Ведь позади семь лет тяжкой разлуки. Да и приходила Ксана с работы бесконечно усталой.

Незаметно для себя Королев стал тяготиться своим временным бездельем. Он не знал толком, хотя и догадывался, для чего его отозвали из Казани в Москву. Пытался выяснить, отвечали: «Отдыхайте, когда надо будет, вызовем».

«Хорошо, что у Наталки каникулы», — думал Королев. Проводив Ксану на работу, позавтракав, они с дочерью уходили из дому, смотрели кинофильмы, бродили по паркам, ездили к бабушке на Октябрьскую. Им вместе было хорошо. Отец не мог наглядеться на дочь. Такая же темноволосая, с красивым изгибом бровей над искристыми карими глазами. Дочь и характером походила на него. Однажды зашел разговор, кем она хочет быть.

— У тебя, Наталка, хорошие способности к математике. Для инженера это прекрасно.

— Нет, папа, я твердо решила — буду врачом, как мама.

— Так уж и решила, — улыбнулся отец.

— Мне жить и мне решать...

Ответ дочери словно вернул Королева в юность. Дочь ответила ему теми же словами, что он когда-то своей матери.

Первого сентября Наталка пошла в школу, и Сергей Павлович оказался совсем один. Друзей, с которыми работал в РНИИ, почти не осталось, другие сторонились, хотя жили с ним в одном доме.

В этот день Сергей Павлович гулял по Москве один. В красочном наряде первого месяца осени она казалась красивой, как прежде. Но и раны войны, приметы суровых лет встречались чуть ли не на каждом шагу. Еще много зданий с развороченными обгоревшими крышами. Рядом с книжной витриной на стене магазина нестертый знак указывал на бомбоубежище. В

стороне от цветочной клумбы, разбитой на месте разрушенного дома, щетинились поржавевшие металлические противотанковые «ежи». На стенах читались полустертые временем лозунги военной поры: «Все для фронта!», «Ни шагу назад!» Но все это не оставляло удручающего впечатления. Чувствовалось, что Москва стремится скорее наладить мирную жизнь, восстановить народное хозяйство. Столица показывала в этом пример всей стране — почти все городские предприятия, научные высшие учебные заведения вернулись из эвакуации. Станки и металл, автомашины и ткани шли с московских предприятий в города России, на Украину, в Белоруссию, в республики Прибалтики, в Молдавию и Карелию. «Выстояли в 41-м, выстояли потом, выстоим и сейчас. Еще как выстоим. Дайте только небольшой срок», — радостно думал Сергей Павлович, возвращаясь домой. А вечером второго сентября они вышли на улицу всей семьей. Знали, сегодня Москва от имени Родины будет салютовать двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами советским солдатам и матросам, разгромившим японских вояк.

Вторая мировая война закончилась. Наступил долгожданный мир.

Через несколько дней Королева пригласили в Наркомат вооружений.

Тут он узнал, что еще в годы войны в военных кругах Советского Союза не без влияния достижений немецких ракетчиков вопрос об отечественной ракетной технике стал в повестку дня. В середине 1944 года в Научно-исследовательском институте Наркомата авиационной промышленности появилось подразделение, назовем его «Ракета». Ему поручалось дать научно обоснованное заключение о целесообразности и возможности использования ракет в оборонном потенциале Родины. Научное руководство «Ракетой» возглавлял известный авиаконструктор В. Ф. Болховитинов. В нее вошли бывшие соратники Королева по ГИРДУ и РНИИ М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев, а также конструкторы А. Я. Березняк и А. М. Исаев, построившие вслед за королевским ракетопланом в 1942 году первый опытный реактивный самолет-истребитель, специалисты различных технических направлений Н. А. Пилюгин, В. П. Мишин, Л. А. Воскресенский, Б. Е. Черток, представители армии.

В распоряжение группы Болховитинова стали поступать блоки ракет «Фау-2» с артиллерийского полигона Дебице (Польша), где в свое время размещались немецкие ракетные позиции. С них велись учебные стрельбы. В точках падения ракет советские войска обнаружили их обломки. Они-то и стали предметом исследования советских специалистов.

Но полученных данных явно не доставало, чтобы сделать окончательные научно-технические обобщения и тем более начать

собственное производство нового отечественного вида оружия. К тому же руководство Наркомата авиационной промышленности отказалось от продолжения работ по ракетной тематике как несоответствующей ее профилю. Решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР новое дело передали в Наркомат вооружений. Так по главе ракетного производства стал нарком Д. Ф. Устинов. Знакомство с материалами группы «Ракета» убедило наркомат, что требуется дальнейшее углубленное изучение немецкой трофейной техники. В то время в Германии работала Межведомственная техническая комиссия. В ее-то состав позднее и вошли специалисты из группы «Ракета» и других научно-исследовательских, производственных и военных организаций — Г. А. Тюлин, В. П. Глушко, В. П. Бармин, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов, Е. Я. Богуславский. В августе 1945 года первая группа членов Межведомственной технической комиссии вылетела в Берлин.

— Формируется Советская техническая комиссия, — сообщил заместитель наркома. — Одной из групп ее, куда входите и вы, Сергей Павлович, предстоит ознакомиться с немецкой трофейной ракетной техникой. Полетите в Берлин.

Настроение у Королева сразу испортилось: снова предстоит разлука с семьей.

— Вы, конечно, понимаете, — продолжал заместитель наркома. — Американцы не успокоятся. Сбросив атомные бомбы месяц назад на Хиросиму и Нагасаки, они будут продолжать разработку атомного оружия. И враг у них теперь только один — мы. И мы должны быть не только во всеоружии, но обязаны опередить в этой области американцев. По отзывам вы, Сергей Павлович, крупный специалист по ракетам и всегда занимались их конструированием.

— Не мне судить об этом. Но с ракетами я действительно связан давно, с тридцатых годов. Во время войны работал в авиастроении, потом занимался проектированием ракетных ускорителей для боевых самолетов. Все это составит, наверно, несколько больших томов. Другой профессии, кроме ракетчика, для меня нет. В этом моя жизнь.

— Вот и хорошо. Весь ваш опыт мы и намерены использовать. Вам надо докопаться до конструктивных принципов строительства «Фау», разобраться в сущности организации серийного производства, технологии... Да, что мне вас учить, вы это лучше меня знаете. Одно скажу — американцы вплотную всем этим занимаются. К ним в руки попало больше сотни снарядов «Фау», а их конструктор Вернер фон Браун в добровольном плену и усердно помогает им. Нам отставать в этом деле не с

руки. — И, уже прощаясь с Королевым, счел нужным предупредить: — Найти трофейную технику, тем более документацию к ней не просто. Немцы уничтожили все, что могли, остались «ножки да рожки».

— Ясно, — ответил Королев.

— Обживетесь, можете вызвать к себе семью, — будто прочитав затаенные мысли Королева, добавил заместитель наркома. И еще раз напомнил: — Поручается нам дело государственной важности. Оно находится под личным контролем товарища Сталина.

Ранним сентябрьским утром Королев вместе с другими пассажирами, преимущественно военными, поднялся на борт самолета Ли-2, следующего по курсу Москва — Варшава — Берлин. Сергею Павловичу перед командировкой присвоили звание подполковника, и он впервые через много лет надел военную форму. Сел к иллюминатору. За несколько минут до отлета второе кресло занял молодой офицер. Они познакомились. Соседом Королева оказался лейтенант Иван Бровка, возвращающийся в Германию, где выполняет задание Технической комиссии, возглавляемой Л. М. Гайдуковым и Ю. А. Победоносцевым.

День выдался ясный, безоблачный, на залитой солнцем земле все виделось так четко, как смотрится макет города в архитектурной мастерской. Щедрая сентябрьская природа сколько могла скрашивала все вокруг. Но разве спрячешь разрушенные города и поселки, выжженные леса, пустующие поля, валяющуюся разбитую технику.

— Скажите, что это за город? — обратился Королев к Бровка. — Вижу: несколько церквей и больше ничего нет.

— Это все, что осталось от Смоленска, — ответил он, не впервые летевший по трассе Москва — Варшава — Берлин.

Летчик, уточняя курс полета, словно специально развернул самолет над городом. Смоленск лежал в развалинах.

— Да, город русской славы, — задумчиво произнес Королев. — Сколько врагов он повидал, сколько войн. Выстоял. Задержал недругов и в 1941-м, помог Москве. Вечная ему слава. И спасибо.

— Немцы два года хозяйничали в городе, — добавила бортпроводница, угощая пассажиров чаем. — Я сама-то из этих мест. Год как шинель сняла. Дом свой искала. Даже переулка не нашла. Мне люди говорили: из восьми тысяч домов всего триста осталось. Да и в тех без ремонта жить нельзя.

Самолет сел в разрушенном варшавском аэропорту. Трудно было поверить, что мелькнувшая под крылом самолета гигантская развалина — некогда один из красивейших городов Европы Варшава — подлинное

собрание архитектурных шедевров. Гитлеровцы преднамеренно уничтожили польскую столицу.

Королев и Бровко вышли из самолета подышать свежим воздухом.

— А сколько наших сел и городов гитлеровцы стерли с лица земли, — с горечью сказал Бровко. — Людская кровь не водица, а пролита... ее... чем измерить. Были бы у нас в армии к началу войны на границе знаменитые «катюши»...

— Их могли дополнить реактивные самолеты, — и тут же Королев зло бросил: — Не наша вина, что мы отстали, не наша... История спросит, и спросит с кого надо со всей строгостью. С тех, кто... А нас обвиняли, что мы мешаем оборонным делам... Эх, сколько времени потеряли, сколько людей! Войну меньшей кровью могли выиграть.

Многое передумал за дорогу в Германию Сергей Павлович, все увиденное казалось ему кошмарным сновидением. Живя — в Омске и Казани — городах, не опаленных войной, он не представлял в полной мере всего бездонного бедствия, принесенного стране гитлеровскими ордами. Судьба, как он считал, помешала ему в полную силу послужить Родине в тяжкую годину. Но сегодня, кажется, настал его день. Теперь он, Королев, сможет отдать без остатка все свои знания, накопленный опыт народу, Родине. Его ракеты — он был уверен, что теперь их построит, — надежно защитят страну. Сергей Павлович понимал, что реально приступает к осуществлению дела всей его жизни.

С этими мыслями Сергей Павлович прилетел в Берлин.

На аэродроме под Берлином их встретил один из руководителей Советской технической комиссии подполковник Георгий Александрович Тюлин.

— А мы где-то с вами встречались, — подавая руку в внимательно всматриваясь в Тюлина, сказал Королев.

— Так точно! До войны в Реактивном институте, я еще был студентом физического факультета МГУ. В университетской лаборатории выполняли заказы вашего отдела.

— Верно. Вы приезжали к нам. Рад встретиться.

Через несколько дней в Тюрингии, где обосновалась Техническая комиссия, состоялось совещание. Г. А. Тюлин представил собравшихся друг другу. Сергея Павловича он охарактеризовал как известного специалиста-ракетчика, одного из основателей ГИРДа, первого в стране Реактивного института, конструктора авиационных ракетных установок.

Среди членов Технической комиссии только Сергей Павлович Королев в течение многих лет занимался ракетами, да еще Валентин Петрович

Глушко, разрабатывающий жидкостные ракетные двигатели; остальные — специалисты в разных областях техники. А предстояло полностью разобраться в конструкции и производстве «Фау», попытаться собрать хотя бы несколько немецких ракет. В этих условиях приняли единственно верное решение. Каждый из специалистов, в зависимости от направления его деятельности, отвечал за один из компонентов ракеты. Так, В. П. Глушко изучал двигатели, Н. А. Пилюгин — системы управления ракетой, В. И. Кузнецов и М. С. Рязанский занимались автоматикой и радиотехникой, В. П. Бармин — пусковыми устройствами.

С. П. Королев, как специалист, лучше других знавший в комплексе все проблемы ракетостроения, понимавший тонкую взаимосвязь между компонентами конструкции, стал неофициальным лидером группы.

Королев трудится, можно сказать, с наслаждением: занимается любимым делом и, как никто другой, зримо представляет себе его великие перспективы. А тут еще непредвиденное. В начале октября к Королеву пришло руководство комиссии и поздравило его с награждением орденом «Знак Почета». Сергей Павлович, услышав новость, на какую-то долю секунды усомнился: возможно ли это? Но сердце, его сердце подсказало: «Правда, правда, Родина ценит тебя, не зря трудился всю войну».

Работала Техкомиссия в сложнейших условиях. Замнаркома оказался прав. Отсутствовала техническая документация, особенно по системам управления. Правда, в разных точках советской зоны оккупации Германии, на территории Польши и Чехословакии удалось найти остатки «Фау». Тут-то и проявил себя Королев. Его обширные знания, прекрасная интуиция очень помогли делу. Не имея технических данных, он как бы «дорисовал» неизвестное. И вскоре удалось понять всю систему производства и применения ракетных снарядов «Фау-2» от разработки чертежей до запуска ракет. Работе комиссии большую помощь оказал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, бывший тогда главнокомандующим группы советских войск в Германии.

Настал день, когда подошло время начать монтаж, а затем испытания трофейных ракет. За разрешением обратились в Москву. Оттуда последовал приказ: «Везите домой и испытывайте». Но где и как? Ведь в стране не было испытательных ракетных полигонов. Королева осенила оригинальная мысль. Он предложил построить испытательный центр на колесах. Его поддержали. Каждый вагон специального поезда переоборудовали в отдельную лабораторию. Вскоре «Ракетный центр» на колесах начал действовать.

...Международная обстановка все более усложнялась. Не успели еще

высохнуть чернила на документах, подписанных союзниками по антигитлеровской коалиции, как У. Черчилль, лидер английских консерваторов, в присутствии президента США Г. Трумэна, в американском городе Фултоне, призвал англосаксонские страны к объединению против СССР. Вскоре стали создаваться военно-политические блоки, направленные против СССР и стран, встающих на путь социалистического развития. Над миром нависли грозные тучи «холодной войны». Создалась взрывоопасная обстановка. Центральный Комитет КПСС, Советское правительство оказались вынужденными принять экстренные меры по повышению обороноспособности страны. В марте 1946 года сессия Верховного Совета СССР законодательно закрепила эти меры. Принятый на сессии пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства предусматривал развитие новых оборонных отраслей техники и производства. А Совет Министров СССР во исполнение решения сессии 13 мая 1946 года принял историческое постановление о создании отечественной ракетостроительной промышленности.

Сергею Павловичу Королеву вместе с другими членами Технической комиссии и многим научным, конструкторским и производственным коллективам страны предстояло своей работой претворить в жизнь это постановление.

Для контроля за работой специалистов в Германию приезжала авторитетная комиссия во главе с наркомом вооружения Дмитрием Федоровичем Устиновым. Детально ознакомившись с работой, он одобрил усилия технической группы одной фразой: «Не зря хлеб едите».

Во время поездки в Германию Д. ф. Устинов близко узнал Королева и обратил внимание на его технические знания, организационные способности и ту энергию, с какой он работал. Впоследствии судьба не раз сводила их, большей частью они находили взаимопонимание.

В мае 1946 года на все лето к Сергею Павловичу приехала жена с дочкой. Все стало на свои места: работа, семья. Хотя дел у него было по горло, он все-таки находил время отдыхать. Часто, посадив Ксану и Наталку в машину, сам садился за руль, возил их по городу или окрестностям. Тут, в Нордзаухене в августе застало Королева сообщение об утверждении его начальником отдела и Главным конструктором баллистических ракет дальнего действия головного научно-исследовательского института. Приказ о его назначении подписал Д. Ф. Устинов. Позднее также его приказом первым заместителем Главного конструктора утвержден тридцатилетний авиационный инженер Василий Павлович Мишин.

— Вот и настал твой день, Сергей, — услышав приятную новость от мужа о назначении его Главным конструктором, поздравила жена. — Я так рада за тебя. Главный — хорошо звучит.

— Главный — это генерал? — спросила одиннадцатилетняя дочка, не разбиравшаяся в чинах.

— Нет, дочка, просто полковник. У меня три звездочки на погонах, а у генерала всего одна, — отшутился отец.

— А где твое конструкторское бюро? — поинтересовалась жена.

— Наверное, не в Москве, Ксана! Слышал, в районе Подлипков. Кажется, не очень далеко.

Ксения Максимилиановна насторожилась: опять разлука. Она уже устала от них. Ей хочется после всего пережитого раз и навсегда быть вместе.

— Ты не волнуйся, Ксана, — заметив еле уловимое движение бровей жены, Сергей Павлович попытался успокоить ее. — И для тебя там найдется интересная работа. Помнишь, ведь ты еще в ГИРДе помогала нам, проводила медицинские исследования.

— Как же так, Сережа. Я же не смогу бросить Боткинскую. Там столько друзей. Самые трудные годы с ними. Если бы не их поддержка... Нет, я не смогу... Ты пойми, я ведущий хирург-травматолог.

И вдруг Ксана не сдержалась, выплеснула все, что накопилось за долгие годы разлуки. На полуслове оборвав себя, долго молчала, досадуя на внезапную вспышку. Немного успокоившись, она подошла к мужу, положила руки ему на плечи. — Извини, я погорячилась. Ты можешь меня понять?

— Не надо!.. — отстраняясь от жены, воскликнул муж. Он уже не слушал, что ему говорила Ксана. Он осознал:

Ксана не хочет понять его. Сейчас, когда давняя мечта, пронесенная через всю жизнь, стала, как никогда, близкой и осуществимой, — она, его Ксана...

— Сережа, Сережа! Я так исстрадалась. Ждала тебя... Столько лет.

— Тебе придется сделать выбор. Я или твои друзья. Ты слышишь, Ксана! Нет, не нахожу слов. Как ты могла сказать такое, как у тебя повернулся язык. Да без любимого дела мне просто не жить. Нет, ты не хочешь ехать со мною потому... — он долго подбирал нужное слово. Но так и не подобрал, крикнув: — Ты поедешь со мной, со мной...

— Я подумаю, — неожиданно для мужа твердо сказала Ксана. — Я подумаю.

Когда муж ушел, Ксана крепко прижала к себе дочь и, сокрушаясь,

сказала сама себе: «Кажется, все возвращается на круги своя. А нам как быть, Наталка? Работа для отца — главное. А мы?»

Эта маленькая трещинка, появившаяся в отношениях между Королевым и женой, вскоре переросла в глубокую пропасть, разделившую их навсегда.

А работы по подготовке к летным испытаниям трофейных ракет в спецпоезде продолжались. По результатам исследований советские специалисты готовили многотомный труд под названием «Сборник материалов по изучению трофейной реактивной техники». Вывод всех ученых был однозначен: несмотря на большие практические достижения «немецкий путь развития ракетного дела не содержал каких-либо секретов и откровений... Надо учесть их опыт, но продолжать идти своим путем, начало которому положено еще в 30-х годах коллективами Газодинамической лаборатории (ГДЛ), Группы изучения реактивного движения (ГИРД) и Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ)».

В январе 1947 года Королев окончательно вернулся на Родину. А спецпоезд проследовал в приволжские степи, где в местечке Капустин Яр, недалеко от Сталинграда, создавался первый советский ракетодром.

Но радость от возвращения в Москву была не столь велика, как представлялась Сергею Павловичу в долгие месяцы жизни в Германии. Их размолвка с женой привела к тому, что жить вместе стало невозможно, наступил полный разрыв. Королев переехал в комнату, выделенную ему институтом в подмосковном городке.

«Ну что же, сам, наверное, виноват. Да и сколько мы были вместе? У Ксаны тоже есть любимое дело, — пытался он оправдать бывшую жену. — А Наташка — Наталка, дочь моя. Без нее мне будет еще тяжелее. Да и ей нелегко. Сам рос без отца, знаю. Но я не позволю обманывать мою дочь, как когда-то моя мать меня. Я жив, полон сил, занят любимым делом. Вот только сердце иногда сильно стучит. Ну и хорошо, что стучит, — горько улыбался он. — Слава богу, что стучит. Надо жить, жить и работать».

И Сергей Павлович с головой уходит в работу, находя в ней не только душевное удовлетворение, но и забвение от тягостных раздумий о семье.

«Главный конструктор» — ответственное назначение. Все надо начинать с нуля, практически с создания самого конструкторского бюро, подбора людей. Но это только начало. Предстояло увлечь людей новыми идеями, показать, что ракетостроение требует совсем другого отношения, чем любая, пусть даже очень сложная техника, которой он занимался раньше.

Он хорошо понимал, как важно для работы КБ наиболее рационально использовать возможности каждого сотрудника, конструктора, инженера, ученого, рабочего, слить воедино все таланты, создать коллективный разум, которому было бы по плечу решить столь ответственные и важные для страны задачи.

— Нет ничего выше оказанного нам доверия, — сказал Королев на первом совещании сотрудников нового проектно-конструкторского коллектива. — Оборона Родины. Что может быть важнее этого.

И чем глубже вникал С. П. Королев в работу, тем больше возникало проблем. Это и разработка принципиально новой конструктивной компоновочной и силовой схемы ракеты, которой еще не знал научный мир, определение технических характеристик узлов, агрегатов ракеты и наземного комплекса, увязка последовательности работы всех систем, выбор топливных компонентов, размещение приборов и аппаратуры систем управления, телеметрии, энергопитания, полезного груза.

Создание ракеты — это и непрерывные взаимные увязки между разработчиками отдельных систем, постоянная борьба за каждый килограмм веса конструкции. Это и извечный компромисс между старыми, отработанными и, следовательно, надежными принципами и устройствами и еще недостаточно проверенными, с непредсказуемой надежностью, но более перспективными и многообещающими решениями.

Идей рождалось много. Ему, Главному, следовало каждую оценить, многократно обдумать, прежде чем дать ей ход. Многие опровергала практика, но кое-что становилось нужным. При неудачах, а их на первых порах было достаточно, коллектив конструкторов не отчаивался, продолжал дерзать. Научные решения порой казались настолько смелыми, что отдавали фантастикой: их-то и брал на вооружение Королев, но осуществить их удавалось далеко не всегда.

14 апреля 1947 года в Кремле состоялось совещание, где обсуждались перспективы развития ракетостроения в стране. Вместе со многими видными военачальниками и специалистами на него пригласили и С. П. Королева. Собравшиеся приняли решение: не расплывать силы на многие объекты, а сосредоточить внимание специалистов на создании двух-трех ракетных конструкций, добиваясь их надежности. Причем советовалось не спешить с разработкой перспективных конструкций, как предлагал Королев, а сначала воспроизвести немецкую конструкцию, чтобы использовать ее как учебную и для самих конструкторов, и для производства, и, конечно же, для армии.

После совещания С. П. Королева попросили задержаться. Его принял

И. В. Сталин. Много позднее Сергей Павлович рассказывал обозревателю ТАСС: «Перед тем как войти в кабинет Сталина, меня предупредили, чтобы я ему не задавал вопросов, был предельно краток. Имевшуюся у меня небольшую папку с тремя листами конспекта доклада не разрешили взять с собой. Сталин ответил на мое приветствие, но руки не подал. Сталин был внешне сдержан. Я не знал, одобряет ли он то, что я говорю, или нет. Достаточно Сталину было сказать «нет», как это «нет» в мгновение становилось законом. Такая была обстановка. Очень боялся сталинского вопроса: «Где был раньше, почему не ставил вопрос о ракетах?» Что бы я ему мог ответить?

Возможно, что Сталин знал о проводимых нами опытах. Однако все внимание руководителей оборонных организаций, советников Сталина по военным делам де войны сосредоточивалось на разработке конструкций новых типов самолетов с поршневым двигателем, артиллерийских орудий обычного типа, танков.

По мере заинтересованности моим рассказом Сталин стал изредка прерывать меня, задавать короткие вопросы. Чувствовалось, что он имеет полное представление о ракетах. Его интересовали скорость, дальность и высота полета, полезный груз, который ракета сможет нести. Особенно с пристрастием он расспрашивал о точности ее попадания в цель.

Видимо, Сталину, его военным советникам стало наконец ясно, что первые опыты по созданию реактивных самолетов, артиллерийских ракетных установок и других разработок могут дать впоследствии положительные, далеко идущие результаты. Возможно, что именно тогда ему и напомнили о группе советских ученых, которые шаг за шагом пробивали дорогу этим идеям. Эта встреча все же сыграла свою положительную роль...

После совещания в Кремле проектированию мощных ракет, продолжавшейся организации научно-исследовательских учреждений и лабораторий, оснащению ряда заводов для перехода на производство ракет, двигателей и приборов к ним стало уделяться еще большее внимание. Выдающиеся ученые — физики, химики, специалисты по баллистике, аэродинамике — включались в работу.

Сергей Павлович Королев был избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук. В процессе подготовки к первым пускам баллистических ракет по его предложению сформировали Совет главных конструкторов для коллективного решения проблем, связанных с созданием ракетной техники... В него вошли многие из тех специалистов, кто составлял в Германии Техническую комиссию. Валентин Петрович Глушко

занился разработкой ракетных двигателей, которым он посвятил всю свою жизнь. Николай Алексеевич Пилюгин — конструированием систем автоматического управления, Виктор Иванович Кузнецов — гироскопических приборов. Михаил Сергеевич Рязанский взялся за создание средств автоматики и радиотехники. На долю Владимира Павловича Бармина выпало строительство наземного пускового оборудования. Позднее, по мере усложнения разрабатываемых ракетных комплексов в совет вошли и многие другие главные конструкторы. Вошел в совет и Мстислав Всеволодович Келдыш — вице-президент Академии наук СССР.

«Между участниками кооперации, — вспоминал член-корреспондент АН СССР Б. Е. Черток, — царили честные деловые отношения, основанные прежде всего на порядочности. Чтобы согласовать сложный вопрос, достаточно было простого визита и даже телефонного звонка. И если человек дал слово, ему и в голову не приходило отречься от него. Когда возникали трудности, то не скрывали их, а искали способы преодолеть их сообща».

Несмотря на поддержку ЦК КПСС и Советского правительства, Совету главных конструкторов с трудом приходилось преодолевать межведомственные бюрократические преграды. С. П. Королеву постепенно удалось добиться правительственного решения, по которому постановления совета являлись обязательными для всех министерств и ведомств...

Успеху дела во многом способствовало и то, что в каждом КБ, возглавляемом одним из членов Совета главных конструкторов, имелся свой «штаб» — технический совет. Он формировался из талантливых творческих людей, увлеченных новой техникой, с лету подхватывавших замыслы своих шефов. Но, в свою очередь, они питали Главных и своими конкретными идеями^[2]. Такой мозговой трест Королев создал и в своем ОКБ и очень гордился им. В него входили союзники-единомышленники Главного, энтузиасты нового дела, беспредельно ему преданные... В апналы истории ОКБ Королева навсегда вошли В. П. Мишин, Л. А. Воскресенский, М. К. Тихонравов, Б. В. Раушенбах, К. Д. Бушуев, Б. Е. Черток, С. С. Крюков, С. О. Охупкин, П. В. Цыбин, Д. И. Козлов, В. П. Макеев, Е. В. Шабаров, М. Ф. Решетнов, В. С. Будник, большая группа производственников, и среди них — Р. А. Турков, В. М. Ключарев, В. Д. Вачнадзе и другие.

В эти годы в жизни Сергея Павловича Королева произошло одно очень знаменательное событие, окончилось его одиночество.

В мае 1947 года его женой стала Нина Ивановна Котенкова, работавшая в НИИ в бюро переводов. Ей тогда исполнилось двадцать шесть лет. Стройная, с пышными пепельными волосами, собранными в пучок, серыми искристыми озорными глазами, молодая женщина привлекала к себе внимание с первого взгляда.

Как-то руководитель бюро попросил Нину Ивановну зайти в КБ к Королеву.

— Помогите ему в переводе.

По дороге Нина Ивановна встретила знакомых сверстниц. На вопрос, куда она спешит, быстро ответила:

— К какому-то Королеву послали.

Девушки хихикнули и тут же смолкли. К ним подходил моложавый, коренастый черноголовый мужчина. Чуть замедлив шаг, взглянул на них и скрылся за дверью какого-то кабинета.

— Нина! Это же Королев. Строгий, говорят, ужас!

— Ну, девочки, пожалуй, сегодня мне лучше к нему не ходить.

На другой день утром Нина Ивановна пошла к Королеву. Но секретарша решительно сказала:

— Сергей Павлович занят.

— Я не тороплюсь, подожду.

Дверь в кабинет была неплотно закрыта, и Нина Ивановна слышала, как Главный по телефону с кем-то разговаривал. Закончив разговор, Королев выглянул из кабинета и увидел посетительницу:

— Вы ко мне?

— Да. Из бюро переводов.

— Вы очень мне нужны, — сказал он учтиво. — Прошу, заходите, — и открыл перед переводчицей дверь в кабинет.

Пригласив сесть, Сергей Павлович тут же положил перед Ниной Ивановной стопку английских технических журналов. Пока она листала их, Королев внимательно рассматривал сидящую перед ним миловидную женщину. Она понравилась ему уверенностью в себе, непринужденностью. От всего ее облика веяло всевластной женственностью. Отметив статьи для перевода, Королев предупредил:

— Редактировать буду сам.

— Извините, но лучше посоветуйте мне грамотного инженера, чтобы разобраться в технических терминах. Когда перевод будет готов, я занесу его вам.

Через несколько дней Нина Ивановна принесла готовые переводы. Королев одобрил их. Все чаще он стал просить Котенкову перевести

необходимые статьи. Ему нравилась эта веселая, острая на язык переводчица, неузнаваемо строгая и деловая, едва речь заходила о работе. Тщательность, аккуратность Нины Ивановны, с какой она выполняла просьбы Сергея Павловича, все больше импонировали ему. Все это сближало их. Молодая женщина не могла не почувствовать повышенного интереса к ней. Суровый и даже иногда строптивый Королев поражал Нину Ивановну знаниями, далеко выходящими за пределы его инженерных дел.

— Нина Ивановна! — осмелел однажды Сергей Павлович. — Не обижу, если приглашу вас в ресторан?

На обратном пути выяснилось, что живут они в одном доме и даже в одном подъезде.

— На втором этаже моя холостяцкая берлога. Надо же! — от души рассмеялся Сергей. — Живем в одном доме и ни разу не встретились...

Сергей Павлович и Нина Ивановна стали часто встречаться.

Однажды он попросил:

— Нина, расскажи о себе, о своей семье.

— Да что особенно рассказывать. Все известно в отделе кадров, — пошутила она. — Отец умер в 1936-м. До революции был бухгалтером, а потом работал коммерческим директором на крупных предприятиях в Туле, Ижевске. Затем отца перевели в Подмосковье. Я там тоже немного работала. Нарком Орджоникидзе подарил отцу за хорошую работу автомобиль, но потом, после смерти отца, его продали. Ведь у меня три сестры и брат. Мне и еще одной сестре государство установило небольшую пенсию. Так я смогла кончить институт иностранных языков, это было в 1943-м. Работала переводчиком в советском торгпредстве в Иране, а с 1947-го — здесь, в НИИ.

Рассказ Нины Ивановны подтолкнул и Сергея Павловича к откровениям.

— А я теперь беспокоюсь только о Наталке. Осталась ведь без отца. Разлад в семье между отцом и матерью — трагедия для детей. Я сужу об этом по себе. Насколько счастливее была бы моя жизнь, будь рядом со мной отец.

— Зачем же так отчаиваться. Многое зависит от тебя. Вы же, можно считать, в одном городе с Наталкой!

— Нет, дочь уже настроили против меня. Она не хочет со мной встречаться.

— Кто же виноват, что все так получилось?

— Помню свое детство. Веря матери, винил во всем плохом отца... Узнав уже взрослым правду, не мог понять мать. В гибели семьи редко

бывает виновен один человек — муж или жена. Повинны обе стороны. В доме тепло, когда в очаг подбрасывают дрова в четыре руки.

Нина Ивановна ничего не ответила. Глядя на молчавшего и как-то поникшего Сергея Павловича, она поняла, что этот человек дорог ей. От всего облика его веяло искренностью, располагающей надежностью. И эта маленькая исповедь, и внимание к ней даже в мелочах, и ненавязчивое желание быть рядом, и эта теплота в глазах... «Нет, это не временное увлечение...» — думала Нина Ивановна. Женское сердце ее не ошиблось...

Осенью 1947 года в основном из найденных за границей, а частично вновь изготовленных деталей построили первые экспериментальные управляемые баллистические ракеты типа «Фау-2» или А-4. Для испытания их в полетных условиях группа ученых и специалистов во главе с С. П. Королевым выехала в Капустин Яр. Накануне отъезда Сергей Павлович позвонил начальнику полигона Вознюку.

— Самую суть, Василий Иванович, — попросил Главный.

— Ждем вас. Вся техника на месте, сборка объектов заканчивается через неделю. Можно начинать испытания.

— А где Леонид Александрович? — спросил Королев о Воскресенском, своем заместителе по летным испытаниям.

— Он вместе с Василием Павловичем Мишиным в поле. Пылища тут такая, солнца не видно. По ночам холодновато. Одевайтесь потеплее.

Королев решил ехать поездом: отоспаться, набраться сил перед испытанием ракет. Четыре дня пути. Время отдыха и раздумий. Настроение было приподнятым, коллектив единомышленников становился все дружнее. Разработанные новые принципы выбора конструктивно-компоновочных схем баллистических ракет дальнего действия (БРДД) единодушно одобрены научно-техническим советом института. Приятно было вспомнить и о том внимании, с которым встретили его доклад на торжественном заседании, посвященном 90-летию со дня рождения К. Э. Циолковского.

В первых числах октября Королев прибыл в Капустин Яр. Сразу провел совещание всех служб полигона. 16 октября начались наземные огневые стендовые испытания ракеты. Это были напряженные дни, Сергей Павлович писал жене:

«...Мой день складывается примерно так: встаю в 4.30 по московскому времени, накоротке завтракаю и выезжаю в поле. Возвращаемся иногда днем, а иногда вечером, но за тем, как правило, идет бесконечная вереница всевозможных вопросов до 1–2 ночи, раньше редко приходится ложиться».

«...Свой долг я выполню до конца и убежден, что вернемся с хорошими, большими достижениями...»

Конечно, далеко не обо всем писал жене Королев. Во время полетных испытаний одной из ракет произошла неполадка с двигателем, не развившим нужной тяги. Мог возникнуть пожар, а за ним неминуемо взрыв ракеты на старте. Первым оценил опасную ситуацию Королев, наблюдавший за пуском ракеты через перископ. Не сказав никому ни слова, он стремительно выскочил из бункера, вырвал у растерявшегося испытателя брандспойт и начал заливать готовую расплавиться конструкцию пускового стола водой. Выбежавший вслед за Королевым его заместитель по испытаниям Л. А. Воскресенский оттащил Королева из опасной зоны. Но королевские минуты спасли положение. Дефект в двигателе устранили, и ракета успешно стартовала.

— Зачем ты полез туда? — раздраженно выговаривал Королеву Леонид Александрович, единственный из сотрудников КБ, говоривший с Главным на «ты».

— Да я не думал, — оправдывался Королев. — Взорвалась бы...

— Вот именно. И ты вместе с ней. — И, перейдя на шутку, Воскресенский пригрозил Королеву, что будет отныне привязывать его к перископу, чтобы не убежал.

18 октября 1947 года на полигоне Капустин Яр состоялся старт первого образца баллистической ракеты, собранного и отлаженного под руководством С. П. Королева. Затем тут провели еще десять пусков таких же экспериментальных ракет. И хотя в заданный квадрат тогда долетела только треть из них, испытания посчитали успешными. Они помогали наметить пути совершенствования конструкций будущих ракет.

В те дни на полигоне Королев остро почувствовал нехватку инженеров. «Если мы не займемся подготовкой нужных нам специалистов, — думал Королев, — то далеко не уедем. А путь у нас длинный, можно сказать, бесконечный...» В один из приездов на полигон министра вооружений СССР Дмитрия Федоровича Устинова Сергей Павлович завел с ним разговор об этом.

— Что ты, Сергей Павлович, уговариваешь меня как девицу, сам думал об этом, — ответил министр. — Поговорю с кем надо. Может, приспособить для этих целей Ленинградский военно-механический? Отличная школа. Сам окончил его.

— Можно, — согласился было Королев. — Только найдутся ли там нужные специалисты. А ездить москвичам «туда», «сюда» накладно. Времени нет. Лучше Бауманский, Дмитрий Федорович. Все главные

конструкторы помогут — готовые преподаватели.

В том же году в МВТУ открылись Высшие инженерные курсы по ускоренной подготовке ракетчиков. Состоялся набор студентов на новый специализированный факультет. 31 декабря С. П. Королев прочитал там вводную лекцию в свой курс «Основы проектирования баллистических ракет дальнего действия». Но Главный конструктор сам оставался «вечным студентом» — он учился на философском факультете вечернего университета марксизма-ленинизма, посещал в столичных институтах по выбору различные лекции видных ученых.

Одновременно с испытаниями трофейных баллистических ракет дальнего действия велась разработка эскизного проекта аналогичной советской ракеты с дальностью полета 3000 километров.

Командировки в Капустин Яр продолжались. Но всегда Сергей Павлович знал, что его ждут в тихой однокомнатной квартирке недалеко от КБ, писал теплые письма Нине Ивановне.

10 октября 1948 года в Капустином Яру стартовала первая отечественная управляемая баллистическая ракета дальнего действия Р-1. Все пуски прошли успешно. Это означало, что советское ракетостроение в короткие сроки успешно освоило разработку и изготовление жидкостных баллистических управляемых ракет.

Случались и неприятности.

Одна из новых экспериментальных ракет, как говорилось у ракетчиков, «ушла за бугор», то есть, пролетев несколько секунд, сошла с заданного курса и завалилась. Это ЧП. Королев казался очень мрачным. После обследования обломков ракеты тут же созвал Совет главных конструкторов. И, как всегда, был немногословен: заседание начал без предисловий.

— Нас подвела автоматика, — Королев взглянул на главного конструктора систем управления Н. А. Пилюгина. Тот с невозмутимым видом, как обычно, делал из листков бумаги коробочки и выстраивал их в одну линию. Эта кажущаяся невозмутимость и вывела из себя Главного конструктора. Карие глаза его потемнели, густые брови вытянулись в одну линию и сошлись на переносице.

— В чем дело, товарищ Пилюгин? — вместо обычного «Николай Алексеевич» спросил Королев. И, не дав ему сказать слова, обрушился на конструктора: — По вашей вине миллионы на ветер. Нам их народ дает на оборону. А мы из-за вашей безответственности — на ветер. Вы что, не понимаете, что делается в мире? Нам дорог каждый час. Они там за океаном не будут ждать...

Пилюгин молчал, не поднимая глаз, с места на место переставлял

коробочки. И только пальцы больших рабочих рук, некогда державших слесарный молоток и зубило, нервно подрагивали.

— Не первый раз фирма Пилюгина подводит, — раздался негромкий голос двигателестроителя В. П. Глушко. — Может, стоит подумать о привлечении новых сил?

Такого крутого поворота Пилюгин не ожидал, не ожидал и Королев. В мгновение оценив обстановку, Главный понял, что в накале страстей виноват сам. Он, как никто другой, не хотел, чтобы участники Совета главных конструкторов перешли границы сложившихся откровенных, порою резких, но по сути своей добрых отношений, опасался разрушить творческую атмосферу совета, столь необходимую для такого большого дела, как создание баллистических ракет.

— Может, Николай Алексеевич, — мягко, словно и не было никакой вспышки, поспешил Королев на выручку Пилюгину, — может, вас производственники подвели? В нашей практике, к сожалению, это еще случается.

Вопрос какую-то долю минуты оставался без ответа... Напряженная тишина воцарилась в зале. Все смотрели то на Пилюгина, то на Королева, ожидая развязки.

Пилюгин неторопливо встал. Высокий, большеголовый, с неподвижным лицом. Однако кровь отлила от его висков, и он был до крайности бледен.

— Нет, Сергей Павлович, — негромко, но решительно начал Пилюгин. — Производственники тут ни при чем. Думаю, что конструкторский просчет. Моя вина. Разберемся.

— Мы уж однажды слышали это... «разберемся», — снова сказал тот же Глушко.

— Верно, слышали, — подхватил Королев и с каким-то удовлетворением в голосе добавил, — и «разобрались». Ракеты с пилюгинской системой управления прекрасно полетели. Полетит и эта. — Главный конструктор кивнул в сторону макета новой машины, стоящей здесь же в зале. — Всякий срыв — явление крайне нежелательное. В любом деле. Но будем смотреть трезво. Идем неизведанным путем. И опыт истории техники убеждает, что без издержек не обойтись. Будем же терпимы друг к другу, когда речь идет о поиске рационального, лучшего, чем сегодня. Но если безответственность — гнать, невзирая на лица... — В голосе Королева зазвучали было жесткие нотки, но он неожиданно для присутствующих как-то подобрел: — Думаю поступить так. Коли Николай Алексеевич признался, что в неудаче с системой управления ракетой

виноват его институт, то есть предложение: поручить товарищу Пилюгину разобраться во всем и в рабочем порядке сообщить мне о принятых мерах. Нет возражений? Ну вот и хорошо, значит, договорились.

Выступил Д. Ф. Устинов. Любитель крепкого образного словца, он на этот раз говорил мягко. Поддержав предложение председателя совета разобраться в причинах неудач самому Н. А. Пилюгину, он все же предупредил:

— С производственников спрос особый. И мы не забудем об этом.

Конечно, Пилюгин преувеличил, приняв тогда все на себя. Но он больше всего боялся другого: как бы его конструкторы, разработчики, переваливая недостатки на других, не потеряли чувство собственной ответственности за технику, едва передав ее проект в производство. «Подлинный конструктор, — любил повторять Н. А. Пилюгин, — должен знать, как будет вести его детище в сотом, тысячном варианте».

Предвидение С. П. Королева оправдалось: группа специалистов Н. А. Пилюгина самостоятельно разобралась в причинах отказа одного из блоков системы управления полетом. Следующие старты экспериментальных ракет прошли успешно, и на них отрабатывались другие элементы ракетной техники.

С той поры в совете и установился такой порядок: каждый из главных сам искал дефект, не ждал создания комиссии. Все было построено на взаимном доверии. Такой опыт оправдал себя.

Глава третья

Нам нужен мир

*Все помыслы обороне.
Быть честным перед народом.
В рядах партии большевиков.
За нами дело не станет.*

Поздним июльским вечером 1949 года командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР Н. Н. Воронов, министр вооружений СССР Д. Ф. Устинов, заместитель министра Вооруженных Сил Н. Д. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления М. И. Неделин, руководители ракетной и атомной программ СССР С. П. Королев и И. В. Курчатov вошли в кремлевский кабинет И. В. Сталина.

Оторвавшись от дел, Иосиф Виссарионович мельком взглянул на вошедших и плавным движением руки пригласил всех сесть за длинный стол. Дочитав какой-то документ, Сталин подписал его и отложил в сторону. Приподняв голову, внимательно оглядел сидящих. Он хорошо знал всех. Пожалуй, только о С. П. Королеве он знал меньше.

— Докладывайте, — обратился И. В. Сталин к собравшимся и взглянул на часы, словно призывая к краткости.

Неделин, Воронов, Курчатov сообщили об экспериментальных исследованиях, о состоянии организационных, производственных дел.

Дошла очередь до Королева. Он очень волновался. У Сталина не принято было говорить по бумажке. Великолепное знание дела, блестящая память позволили Сергею Павловичу свободно оперировать цифрами, иллюстрировать свои мысли убедительными фактами. Закljučая свое краткое выступление, Главный конструкторов сказал уверенно:

— Ракета под индексом Р-1 по своим характеристикам лучше, чем немецкая «Фау-2». Следующая баллистическая Р-2 несколько тяжелее первой, но по дальности полета превосходит ее вдвое. Кроме того, она имеет отделяющуюся головную часть, где можно разместить боевой заряд или контейнер с научной аппаратурой. Можно считать, что отработаны пусковое устройство, система управления стартом и полетом ракеты. Налаживается технология производства машин, улучшается материально-техническая база.

С. П. Королев обратил внимание Сталина на необходимость четче наладить кооперацию в масштабах страны между научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро и промышленностью.

Сталин докапывался до основных причин, порождавших трудности в создании ракетно-ядерного оружия, записывал на листке бумаги отстающие предприятия, чтобы потом разобраться с ними.

В конце встречи И. В. Сталин, выйдя из-за стола, обратился к присутствующим:

— Мы надеялись на долгий, прочный мир. Но Черчилль, этот поджигатель войны номер один, и Трумэн боятся советского строя как черт ладана. Грозят нам атомной войной. Но мы не Япония. Так что вы, товарищ Курчатов, и вы, товарищ Устинов, и вы тоже, — обратился Сталин к Королеву, — поторапливайтесь. Есть еще вопросы?

— Тесновато нам в Капустином Яру, товарищ Сталин, — доложил Д. Ф. Устинов. — Я там много раз бывал.

— На оборону, товарищи, вы знаете, мы средств никогда не жалеем и никогда не будем жалеть, — ответил Сталин. — Наш девиз — новую технику заменять новейшей. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Готовьте свои предложения. Рассмотрим. Но советую быть экономными. Очень экономными во всем. — Сталин вернулся к письменному столу, сел и после раздумья, как бы подводя итог беседе, заговорил: — Нам так необходим мир. Но, конечно, не будем забывать предупреждения Ленина:

«Мы не намерены позволить, чтобы нас задушили насмерть во имя мира...»

Из кремлевского кабинета И. В. Сталина Королев вышел вместе с Неделиным. Оба молчали, находясь под впечатлением от состоявшейся беседы. Пожалуй, больше всех был доволен ею Сергей Павлович, надеявшийся, что вот теперь-то на тех, кто плохо помогает ракетчикам, управа найдется. Об одном только жалел Королев, что не сказал Сталину о возможности создания ракет для полета за пределы атмосферы, о которых мечтал К. Э. Циолковский.

Мечта о таких полетах уже полностью овладела Главным конструктором.

— Да, пожалуй, еще не время, — прервав молчание, выдохнул Королев конец фразы, заключавший его размышления.

— Что не время? О чем ты? — спросил Митрофан Иванович своего спутника.

— Да так, чуть было не выложил Иосифу Виссарионовичу о полетах за атмосферу... возможно, и человека. Я об этом давно думаю. А в прошлом году слушал доклад Михаила Клавдиевича Тихонравова, в котором он обосновал возможность получения первой космической скорости и запуска искусственного спутника Земли. Это произошло на годичной сессии Академии артиллерийских наук. Михаил Клавдиевич очень рассердил артиллеристов. Они усмотрели в этом посягательство на «бога войны». Но обвинения были все какими-то демагогическими. Конкретных, чисто технических возражений, не было... и не могло быть. Многие наши ученые боятся пошире взглянуть на известные, казалось бы, вещи. Консерватизм. Я с ним не раз сталкивался.

— Ну кто-то поддержал Михаила Клавдиевича?

— Да, артиллерийский конструктор Грабин пытался переубедить своих коллег, убеждал, что грешно стоять на пути нового дела. Да еще профессор Ветчинкин — давний мой учитель и друг — он верный сторонник ракетной техники. Да и я не мог промолчать и не выступить с поддержкой выводов доклада. К счастью Тихонравова, ему помогает руководство его института — Алексей Иванович Нестеренко и Георгий Александрович Тюлин. И, конечно, сам президент Академии артнаук Анатолий Аркадьевич Благонравов за него.

— Они-то поддерживают, но и им могут дать по рукам, — тихо сказал Неделин. — Прихлопнут тему — и все дела. Тихонравов для многих не авторитет.

— Ну это вы зря, — горячо возразил Королев. — Да Тихонравов крупнейший специалист. Недавно снова был у него. Работают на голом энтузиазме. Но какие головы. Я его пригласил на работу к себе, если что случится.

— Не горячитесь, — прервал его Неделин. — Мне вся эта история, Сергей Павлович, давно известна. Вы, наверное, не знаете, но нашлись ученые-генералы, что потребовали отставки Благонравова с поста президента артакадемии. Твое имя тоже не обошли. И обо всем написали...

Королев помрачнел и пошел быстрее. Прибавил шагу к Неделину. У Спасской башни, предъявив пропуск дежурному офицеру, вышли из Кремля и пошли к ожидавшим их машинам.

— На свой страх и риск я эти бумажки положил под сукно.

На душе конструктора сразу стало спокойнее. Возле машин остановились, Неделин, прощаясь, задержал руку Королева.

— Нам нужна, до зарезу нужна ракета, которая смогла бы перешагнуть континенты, достичь любой точки земного шара. Пока ее нет. «Холодная

война» опасна. В любой момент она может перейти в горячую. Там, за океаном, тоже не спят... Мой совет — дерзай, хоть и не время, — добавил он улыбувшись. — И еще. Ракеты ваши скоро могут понадобиться. Так что внимания к вашему НИИ будет предостаточно. Уж не знаю, хорошо это или плохо. — И, весело рассмеявшись, Неделин сел в машину.

...29 августа 1949 года, в Казахстане, в присутствии Верховного командования Советской Армии, руководителей партии и правительства была испытана атомная бомба. Советский Союз показал, что он создал ядерное оружие и любому противнику может дать достойный отпор. Но страну окружали со всех сторон военные базы капиталистических стран. Проблема доставки нового вида оружия к цели стала первостепенной.

Испытания ракет не прекращались. Для лучшей координации работ по созданию ракетной техники из отделов, подведомственных Сергею Павловичу, министерство организовало внутри института Особое конструкторское бюро (ОКБ) по разработке ракет дальнего действия. Королева назначили его руководителем.

Рабочий день Сергея Павловича расписан по минутам. Все многочисленные крупные проблемы он привык решать сам, а их предостаточно. В один из таких напряженных дней в его кабинет вошла секретарша и сообщила, что в приемной ждет Янгель.

— Просите!

Сергей Павлович окинул взглядом входящего: высокий, серые зоркие глаза. Подал руку. «Жесткая», — подумал про себя Королев.

— Садитесь, Михаил Кузьмич. Мне о вас говорили. Вот сюда, поближе. Я временами недослышу.

Королев знал, сидящий перед ним специалист имеет высшее авиационное образование, опыт работы с Н. Н. Поликарповым, В. М. Мясищевым, да и к тому же недавно окончил Академию авиационной промышленности. За плечами немалый опыт в авиастроении. «И ни с того ни с сего — в ракетостроение», — подумал неприязненно Королев. Он не терпел случайных людей в любом деле, а потому напрямик спросил:

— Что вас привело к нам, к ракетчикам, Михаил Кузьмич?

— Меня всегда влечет к себе новое дело.

— Та-а-ак, — протянул недовольно Главный, — значит, лет через пять увлечетесь новым, и ракеты побоку.

— А может, и так, Сергей Павлович, — не скрыл Янгель. — Но пока не закончу вашу школу, никуда не уйду.

— Спасибо за откровенность. Школу нашу придется начинать с азов.

Не ладится у меня в одном из отделов. Руководитель — человек знающий, но организатор никудышный. Характера не хватает...

— Согласен.

— Люблю, когда с полуслова понимают. Обязан предупредить, Михаил Кузьмич: пяти лет на «школу» вам не дам. Хватит полгода. А потом спрос будет жесткий, как с ветерана, — и рассмеялся. — Вы у нас первый с академическим образованием. Ну, ни пуха ни пера, и, протянув на прощание руку, спросил: — Как с жильем, не стесняйтесь. Я знаю, вы — человек семейный.

— Спасибо, Сергей Павлович, я ведь давний москвич... хотя и родился в Сибири.

— Вот еще что: не все идет у нас гладко. Сегодня держал бой за одну перспективную работу. Время крутое: могут и снять с работы. Верно с меня спросили: «Где был раньше?» А что ответить. Идея не ребенок — девять месяцев, и готово. Иные идеи вынашиваются веками. Так-то. — И тут же предложил: — Пойдемте, я вас познакомлю с производством. Начнем со сборочного цеха.

В ОКБ Королева постоянно проектировались, строились и испытывались все новые и новые образцы ракет. В 1950 году начались испытания первой оперативно-тактической ракеты Р-11. Ее можно хранить и транспортировать в заправленном состоянии. Двигательная установка для нее сконструирована в КБ А. М. Исаева. Эта ракета стала основоположницей нового направления в отечественном ракетостроении. Предыдущая ракета Р-2, о которой Королев докладывал И. В. Сталину, тем временем пройдя серию контрольных испытаний, поступила на вооружение Советской Армии.

Больших успехов удалось достичь при создании геофизических ракет, получивших позднее название академических. На них опробовались всевозможные приборы для высотных научных исследований. По просьбе ученых на разные высоты — до 500 километров — поднимались возвращаемые на землю контейнеры с подопытными биологическими объектами, в том числе собаками. Шел новый активный процесс изучения стратосферы, прерванный войной, зондирование глубин ионосферы. Советская наука вплотную подступала к изучению условий осуществления пилотируемых полетов. Все, что делалось в этом направлении, проходило по инициативе Королева и при его активной практической и организационной поддержке.

Командировки следовали одна за другой. Нина Ивановна редко видела мужа дома. Но в разлуке большой поддержкой были его письма —

ласковые, нежные, полные заботы. «Мой удел собирать Сережу в дорогу... и ждать, ждать его возвращения... иногда месяц, а то и два. И только его добрые сердечные письма согревали меня... Я бережно храню их», — говорила она часто родным и друзьям.

А когда Сергей Павлович бывал дома, в Подлипках, они, словно торопясь наверстать упущенное, ходили в театры, на концерты, в музеи. Сергей Павлович часто шутил: «Надо нажать на профком, а то билетов в кассах не достанешь».

Дома была подобрана хорошая библиотека. Техническую литературу покупал сам, художественную — Нина Ивановна. На особом месте в шкафу стояли труды В. И. Ленина. Королев часто обращался к ним. Особенно, когда учился в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Единственно, что огорчало Сергея Павловича, — редкие встречи с дочерью. Зато каждое свидание праздник. Сергей Павлович сознавал, что дочь далека от него. Но кто в этом виноват? Нельзя всю вину перекладывать на других. Много ли она его видела? Что она знает о нем? И во время встреч Сергей Павлович старался как можно больше рассказать о себе, своих родных, стремился привить дочери свои жизненные принципы.

— Учись, Наталка, учись, — советовал отец. — Мне повезло, что я окончил стройпрофшколу. В ней не было ни одного предмета, который не пригодился бы мне в жизни. И еще, если веришь в дело, не отступай, отстаивай его.

Сергей Павлович подолгу потом помнил о свидании с любимой Наталкой. Воспоминания о них согревали его и во время длительных командировок.

Новая важная веха в творческой жизни С. П. Королева и отечественного ракетостроения связана с его научно-конструкторским трудом «Принципы и методы проектирования ракет большой дальности». Он вошел в 20-томную работу, руководимую им, являющуюся эскизным проектом баллистической ракеты дальнего действия — Р-3. В ней предусматривалось применение жидкостного двигателя увеличенной мощности, к тому же она имела совершенно новую схему, нежели предыдущие машины. «Новизна поставленной задачи, — писал Королев во «Введении», — потребовала проведения научно-исследовательских и теоретических работ... опирающихся, во-первых, на результаты всестороннего изучения предшествующего опыта по существующим ракетам и, во-вторых, на достаточно широкие исследования перспектив дальнейшего, развития ракет дальнего действия».

На подготовку эскизного проекта Р-3 понадобился год

напряженнейшей творческой работы коллектива ОКБ и смежных организаций. Далеко не все шло гладко, и это естественно: создавалась ракета, которой еще не знала мировая практика. Тем не менее приближалось время подготовки всей документации и перевода проекта Р-3 в металл. Военное ведомство страны возлагало на новую машину большие надежды. Обладая значительной подъемной силой, она смогла бы доставлять полезный груз на расстояние до 3000 километров.

На одном из заседаний Межведомственного комитета в середине 1953 года было решено обсудить итоги работы ОКБ Королева по ракете Р-3. Все ждали, что Главный конструктор, как всегда в этих случаях, сразу возьмет «быка за рога», кратко проинформирует о состоянии дел и скажет конкретно заинтересованным организациям, что от них требуется и в какие сроки. Но почему-то на этот раз Сергей Павлович начал свое выступление с дальних подступов, вызвав немалое удивление присутствующих. Отметив многополезную работу проектантов, Королев особо выделил мысль, что в итоге проработки эскизного проекта сформировалась целостная программа дальнейшего развития ракетной техники. В нее входит конструирование ракет на высококипящем топливе для морского флота, носителей на твердом топливе, которые составят основу будущих ракетных войск, а также новых образцов жидкостных баллистических и крылатых ракет.

— Как вам известно, в ходе работы над Р-3, — неторопливо продолжал Королев, — мы выпустили ракету Р-5, а затем модернизировали ее, установив на ней курчатовскую боеголовку. Эта машина уже несет свою вахту в нашей армии, составляя важнейший элемент ракетно-ядерного щита нашей Родины. С каждой ракетой мы обогащаемся не только теоретически, но и практически. Появились новые идеи. Нас не удовлетворяет дальность полета Р-5 в тысяча двести километров, считаем, что и проектируемая для Р-3 дальность в три тысячи километров тоже не отвечает перспективным задачам.

Королев замолчал. Настороженная тишина воцарилась. на совещании в ожидании того, что скажет далее Главный конструктор. Но то, что он произнес, ошеломило всех:

— В процессе проектирования Р-3, а затем и испытаний экспериментальных образцов ракеты Р-5 и других, на которых отрабатывались заложенные в проекте принципы новой машины... Одним словом, наш коллектив пришел к обоснованному выводу о том, что есть возможность перешагнуть через Р-3 и начать разработку межконтинентальной ракеты.

Ошеломляющее заявление Главного конструктора но сразу дошло до

присутствующих. Участвовавший в совещании Министр среднего машиностроения СССР В. А. Малышев с недоумением посмотрел на Королева. Не скрыли своего крайнего изумления члены комитета М. И. Неделин, Д. Ф. Устинов. Наконец председательствующий — заведующий отделом Совмина СССР В. М. Рябиков пришел в себя и, не веря в сказанное Королевым, переспросил:

— Вы не оговорились, Сергей Павлович?

— Нет. Я настаиваю на прекращении всех работ, относящихся к изделию Р-3. Поверьте, мне нелегко далось принять такое решение. Но я хочу быть честным перед своим народом, перед самим собой.

Королева перебили сразу несколько голосов.

— Не громкие ли это слова?

— Сколько времени ухлопали.

— Говорите по существу.

— Вы же не даете мне говорить, — усмехнулся Королев. Достал из папки несколько листков бумаги, взглянул на них и отодвинул в сторону. — Начатую ракету можно довести до серийного производства. Лишней она в армии не будет. На каком-то не длительном этапе ракетостроения она нам послужит. Но она не решит всех проблем. Я пришел к выводу, что надо, не теряя времени, откинув в сторону прежнее решение, направить усилия на разработку межконтинентальной машины, способной достигать любой точки земного шара. Подчеркиваю: любой. Мы с товарищами подсчитали: на новое изделие потребуются почти такие же затраты сил, средств и времени, как на Р-3. Надеюсь, высокое совещание меня поддержит.

— Это только ваше мнение или и Совета главных конструкторов? — спросил Рябиков сердитым голосом.

— Мнения наши по ряду позиций разошлись, поэтому я вынес свою точку зрения на обсуждение данного совещания.

— Через год вы нам скажете, что у вас родился куда более лучший вариант ракеты, чем нынешний, — раздался голос представителя машиностроительного министерства Томилина. — По мне лучше держать в руках синицу, чем ловить журавля в небе. Я категорически против предложения товарища Королева. Министерство, в частности, наш Главк определил смежников, подготовил план обеспечения КБ всем необходимым для реализации всех заданий. Надеемся, что в ближайшие три года ракета Р-3 встанет на вооружение Советской Армии.

Все вопросы в этом плане согласованы уже с Министерством обороны.

— Да, это так, — поддержал Неделин. — На первый взгляд ломка всего и мне нежелательна...

Его перебил кто-то из членов комитета, обращаясь к Королеву:

— Перестаньте отвлекать государственные средства на ваши фантазии. Вероятно, новый проект, как вы считаете, поможет развитию науки. Но деньги дает не Академия наук. И так уже ни один полет не обходится без научных приборов. Запускаете специальные геофизические ракеты. Животные у них, видите ли, летают. Биологические эксперименты, геофизические опыты. А это все деньги, народные деньги.

— А я только о народном благе и думаю, — раздражаясь, ответил Сергей Павлович и продолжил, обращаясь к Неделину: — Митрофан Иванович, поверьте, я понимаю вас, согласен и с товарищем из промышленности. Мне спокойнее жить, продолжая разработку Р-3. Через некоторое время мы предложили бы новый вариант ракеты, той, за которую ратую сегодня. И никто меня за это не осудил бы. Но ведь это двойной, тройной расход средств и материалов и потеря времени. А время ныне дороже денег. Понимать бесперспективность Р-3 и как ни в чем не бывало продолжать работать над ней?! Это равносильно предательству. Это но по мне...

— А о чем вы раньше думали? — бросил Рябиков.

— Может, вы, Василий Михайлович, объясните, почему вначале на вооружении современных армий появилось гладкоствольное ружье, потом нарезная винтовка, и, наконец, перед началом второй мировой войны с трудом пробил путь к нашему советскому солдату автомат. Творческий процесс — это решение задач со многими неизвестными. Но если мы понимаем, что государству выгоднее...

На полуслове Королева резко оборвал Малышев.

— Что такое государственные интересы, мы знаем не хуже вас, а может, и лучше. А знаете ли вы, товарищ Королев, что существует государственная дисциплина?..

— Вячеслав Александрович, — выждав паузу, вмешался Устинов, — Королев внес только предложение. Наша воля с ним согласиться или не согласиться.

— Да за одно такое предложение в годы войны голову снимали, — распалился Малышев. — Решение правительства, видите ли, для Королева не закон?

— Да, и в авиации подобные случаи бывали, — заметил Устинов. — Рядом с одной хорошей машиной порой появлялась другая, лучшая. Она-то и шла в серию.

— Хорошо, — смягчился Малышев. — Вы что же, товарищ Устинов, полагаете поддержать Королева? Он намерен жить по принципу «что хочу,

то и ворочу». Не выйдет! Правительственное решение никто не отменял, и за выполнение его несете и вы ответственность. Обязываю вас работу, товарищ Королев, над Р-3 продолжать.

— Я отказываюсь, Вячеслав Александрович, — выдержав жесткий взгляд Малышева, ответил Королев. — Повторяю: это негосударственный подход к делу.

— Вот как! Он отказывается, — окончательно вышел из себя Малышев. — Незаменимых людей нет. Найдём другого.

Обстановка на совещании накалилась до предела.

После В. А. Малышева никто выступать не решался. Вопрос неясен и противоречив. Прав Малышев, требуя продолжения работ по Р-3, утвержденной самыми высокими инстанциями в стране. Но убедительны и доводы Королева, не желавшего продолжать разработку, по его уверению, морально устаревшего объекта.

Королев огорчился, что отмолчался Неделин. Сергей Павлович понял, однако, что он проявил ненужную самоуверенность, что зря не посоветовался с заинтересованной стороной и внутренне усмехнулся, вспоминая слова рабочего Хромова: «Гнишь, гнишь, если любишь дело... Добьешься, выпрямишься, и никто тебя больше не согнет...» «Не послушался я тебя. Учту ошибки».

— Дальнейшее обсуждение вопроса считаю бесполезным, — сказал В. А. Малышев и встал из-за стола.

Вернемся, однако, в начало 1952 года, к важнейшей странице биографии С. П. Королева, преднамеренно опущенной, чтобы не нарушать последовательность рассказа о его конструкторской деятельности. Странице, как животворный луч солнца высветившей духовную суть Королева и вызвавшей к действию новые, еще не использованные силы его могучего творческого потенциала.

Коллектив Особого конструкторского бюро НИИ готовился к общему собранию. Партбюро решило, что с докладом о ходе работ выступит Главный конструктор С. П. Королев. Он не возражал.

— Хочется, чтобы вы сделали общий анализ. Не стесняйтесь говорить о недостатках. О перспективах обязательно, — советовал докладчику секретарь партбюро ОКБ Д. И. Козлов. — И об очередных задачах коммунистов.

— Принято, — ответил Сергей Павлович. — Вот только насчет задач коммунистов, Дмитрий Ильич, не могу. Не с руки мне, беспартийному.

Козлов грустно улыбнулся и, выйдя из-за стола, сел рядом с Королевым. Помолчал.

— Никак не могу представить, что наш Главный вне партии. Да и по делам, по ответственности вы — коммунист, хотя и без партийного билета.

Вошел Б. А. Строганов, член парткома НИИ.

— Не помешаю?

— Садись, садись, Борис Александрович, вовремя зашел, — пригласил Козлов. — Разговариваем с Сергеем Павловичем о партии.

Королев молчал. Он не раз думал об этом. Готовился к подобному разговору. Всеми своими помыслами и делами он всегда был с партией. Но что-то удерживало его от этого шага. Ему казалось, просить о приеме в партию — значит навязывать себя ей... Если он заслужит, то...

— Я всеми помыслами с партией. Но мое прошлое... Придя к себе в кабинет, Сергей Павлович долго не мог сосредоточиться на делах. Для него, требовательного к себе человека, решение стать коммунистом означало сделать в жизни исключительно важный шаг. Ничто не ценил он больше всего, как доверие к человеку. И сам он, испытавший превратности судьбы, в каждодневной практике придерживался этого правила. Разговор о вступлении в ряды ВКП(б) был для него тем целебным бальзамом, который как бы окончательно залечивал давние душевные раны.

В НИИ в 1952–1953 годах входило несколько конструкторских и производственных подразделений, в каждом из них партийные организации, возглавляемые партбюро. Все их объединял партком НИИ, которым руководил М. Г. Медков, недавно перешедший на работу в институт. По заведенному порядку Д. И. Козлов пошел к Модкову, чтобы сказать о намерении коммунистов принять в свои ряды Главного конструктора КБ. Парторг ЦК плохо еще знал людей, почти не встречался с беспартийным Королевым и дал было «добро» на прием его кандидатом в члены партии, но, услышав «про 1938 год», изменился в лице.

— Да вы, товарищ Козлов, в своем уме?! Кого хотите протащить в партию? Что, у нас нет более достойных? — Взвинтившись, Медков уже не говорил, а кричал. — Нет, я своим партбилетом дорожу. — И уже бесповоротно: — Партия обойдется без врагов народа, хотя и бывших...

Д. И. Козлов понял, что дальше продолжать разговор бесполезно, но не сдался и пошел посоветоваться с членом парткома, директором НИИ К. Н. Рудневым, человеком принципиальным, да и к тому же уважавшим талант и энергию Королева, оказывавшим ему в работе всяческую помощь и поддержку.

Выслушав парторга, Руднев задумался. Он не раз встречался со сверхбдительными людьми, подобными Медкову, знал их силу, но все-таки решился.

— А как с рекомендациями? — спросил он, — время-то непростое.

— Не поставит бы нам, Константин Николаевич, в ложное положение Королева, — засомневался Козлов. — Подрежем ведь человека под корень. И все же рекомендацию я ему дам.

...В начале марта 1952 года Королев получил рекомендации от коммунистов и подал заявление в парторганизацию ОКБ с просьбой о приеме его кандидатом в члены партии. Этот шаг Королева связан с именами коммунистов, знавших его по совместной работе от пяти до двадцати лет. Дать в пору культа личности рекомендацию в ряды ВКП(б) бывшему «врагу народа» — значило совершить не только нравственный, но и политический акт, непредсказуемый по своим последствиям. И этот смелый акт исполнили Ю. А. Победоносцев, работавший с Сергеем Павловичем еще в ГИРДе и РНИИ, Д. И. Козлов, встречавшийся с ним в 1946 году в Германии, А. М. Пронин, участвовавший вместе с Королевым в испытаниях первых ракет в Капустинном Яру, коммунисты И. М. Рябов и И. В. Лавров, по несколько лет работавшие в ОКБ. Их рекомендации и сейчас поражают единством точки зрения на С. П. Королева, как человека незаурядного, преданного интересам Родины, объективностью. «Товарищ Королев своими знаниями и опытом во многом способствовал коллективу ОКБ добиться значительных успехов в деле укрепления нашей Родины» (Д. Козлов), «Королев отдает максимум энергии на укрепление могущества нашего государства», — пишет И. В. Лавров. Тут же он дает совет: «Больше уделять внимания воспитательной работе среди коллектива, особенно среди руководства ОКБ и своих ближайших помощников», «Товарищ Королев очень любит свою работу и отдает ей все силы и знания. Переживая глубоко даже небольшую неудачу, не опускает руки, а, наоборот, еще энергичнее ищет правильного решения задачи... Будучи вспыльчивым человеком, тов. Королев иногда бывает не совсем тактичен в своих разговорах с подчиненными» (А. Пронин), «...Будучи чрезвычайно твердым в отстаивании и проведении в жизнь своей линии, товарищ Королев нередко встречал энергичный отпор и сопротивление. На этой почве у него возникали конфликты с отдельными товарищами. Однако товарищ Королев всегда оставался последовательным и принципиальным в намеченном им решении того или иного вопроса» (Ю. Победоносцев).

Вопреки мнению Медкова, коммунисты 12 марта на заседании партбюро, а 18 марта на своем партийном собрании ОКБ единогласно проголосовали за принятие Главного конструктора в свои ряды. Однако такое решение пришлось не по нутру Медкову, и он решил добиться своего, полагая, что ему удастся склонить членов парткома НИИ к отмене решения

партийного собрания ОКБ.

На заседании парткома НИИ 28 марта присутствовал партийный актив. После того как зачитали рекомендации, Королеву предложили рассказать свою биографию. Сергей Павлович интуитивно чувствовал, что вокруг его приема в ряды партии идет какая-то закулисная возня, да и к тому же до него дошли слухи о недоброжелательности к нему отдельных членов парткома.

Негромко, но чтобы все хорошо слышали, Королев начал говорить, сдерживая охватившее волнение. Он повторил, по существу, из слова в слово некогда написанную им автобиографию:

— С 1929 года после знакомства с К. Э. Циолковским и его работами, — сказал Сергей Павлович, — начал заниматься ракетами. Вначале руководил на общественных началах одной из первых групп по ракетной технике, бывшим ГИРДом, а затем перешел на постоянную работу в этой области. Имею за период до 1951 года сорок работ — научных трудов и проектно-конструкторских разработок по авиации и специальной технике. В 1947 году избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук по IV отделению.

Не скрыл Королев, что в 1938 году его необоснованно репрессировали, во время войны работал на оборонных заводах, в 1944 году освобожден со снятием судимости.

Именно этих слов с нетерпением ждал Медков.

— Но позвольте, это не реабилитация, — словно по команде прорвал Королева кто-то из членов парткома. — Мне известно, что в 1944 году специальным указом досрочно освобождались все заключенные, работавшие на оборону. Тут что-то не так.

Для многих членов парткома этот факт в жизни Королева оказался неожиданным. Кое-кто из них поторопился с предложением посоветоваться в инстанциях. Кто-то в душе решил воздержаться при голосовании, а кое-кто мысленно упрекал рекомендующих в необдуманном шаге... Наступила гнетущая тишина.

Такого поворота Королев не ожидал. Он сидел, опустив массивную голову, которую преждевременно посеребрила седина, стиснув до боли зубы. Мертвенно-бледное лицо его казалось каменным. Лишь на висках в венах, словно пытаясь вырваться наружу, неистово билась кровь. Глаза то вспыхивали, то гасли. Нервы начали сдавать, сердце учащенно билось. Королев попытался встать, чтобы уйти. Сидевший позади него А. М. Пронин с силой посадил его на место.

— Сиди, — властно прошептал он, — сиди. Королев подчинился.

Сидел, отрешившись от всего, что происходило вокруг. Не слышал, как заговорил Константин Николаевич Руднев, директор НИИ. Он сообщил членам партбюро, что вопрос о приеме Королева в партию рассматривался в нужных партийных инстанциях.

— Как член парткома, — негромко заключил Руднев, — я советовался и в Центральном Комитете партии. Там дали «добро». Между прочим, один из секретарей ЦК сказал примерно так: «Я бы тоже дал Королеву рекомендацию, да опоздал. У него уже есть одна такая, что я позавидовал — боевая ракета его конструкции. Она лучшая оценка его деятельности. Побольше бы нам таких коммунистов».

После такого убедительного разъяснения К. Н. Руднева все члены парткома высказались за прием Королева кандидатом в члены партии. Мытищинский горком ВКП(б) утвердил решение парткома. Вскоре С. П. Королев получил кандидатскую карточку № 10012568.

Через год, 15 июля 1953 года, коммунисты ОКБ принимали С. П. Королева в члены партии, переименованной к тому времени из ВКП(б) в КПСС. Сергей Павлович и на этот раз сильно волновался. Но все шло хорошо, один за другим выступали рекомендующие, справедливо оценивали его конструкторскую деятельность, высказывали доброжелательные советы, все отмечали, что С. П. Королев активно участвует и в общественной жизни и что за время кандидатского стажа значительно вырос как руководитель ОКБ и коммунист...

...Собрание течет ровно. Сергей Павлович обрел спокойствие, ответил на все вопросы. Но в тот момент, когда председательствующий хотел было покончить с ними, из зала раздался вопрос, которого больше всего не желал Королев: «Дожил чуть ли не до пятидесяти лет, а о партии подумал только сегодня».

— Разрешите ответить мне, — попросил слова рекомендующий А. М. Пронин. — Как-то на стартовой площадке, когда закончились комплексные электрические испытания ракеты Р-2, я оказался рядом с Сергеем Павловичем. Беседовали о текущих бытовых делах экспедиции. В том, 1948 году в этой экспедиции я был парторгом. И прямо спросил Королева: «Сергей Павлович, почему вы не вступаете в партию?» Королев ответил мне тогда: «Если говорить откровенно, о вступлении в партию давно думаю». — «Так в чем же дело?» — поинтересовался я. «В партию надо прийти с чем-то, а не просто с одним заявлением. Вы понимаете меня?» — «Да, кажется, понимаю», — ответил я. На этом разговор наш и закончился. Вот прошло несколько лет, и я с удовольствием даю Королеву рекомендацию в члены партии. Позвольте мне напомнить несколько строк

из моей рекомендации: «Обладая большим техническим кругозором и хорошими организаторскими способностями, товарищ Королев сумел создать и воспитать высококвалифицированный дружный коллектив, который под его руководством уверенно решает ряд новых проблем по новой технике».

«Общее собрание коммунистов ОКБ НИИ единодушно проголосовало за принятие Королева в члены партии. Вслед за парткомом это решение утвердило бюро Мытищинского горкома партии».

Гордость и счастье переполняли сердце Сергея Павловича. Он понимал, что с него навсегда снято грязное пятно, брошенное злопыхателями в 1938 году. И он по праву считал, что в глазах общественности его доброе имя гражданина навсегда и полностью восстановлено.

«Это важно не только для меня... Нельзя забывать о Наташе. Тень, павшая на родителей, падает и на их детей. Такова жизнь... Но, к счастью, несмотря на тяжелые испытания, которые все мы вынесли за минувшие годы, — подумал Королев, — ни на один миг наша Родина по оставляла заботу о ней. Как ни было трудно, но она росла и училась, и жизнь для нее была светлой. Помни об этом, Наталка, и всегда люби наш народ и землю, на которой ты выросла. Этого я тебе желаю во всем и всегда!» Сергей Павлович невольно усмехнулся: «Да ведь я, кажется, повторяю про себя слова письма Наташе, посланного к совершеннолетию?!»

В «Деле № 1274 по приему в члены КПСС тов. Королева С. П.» хранится ныне ставший историческим «Протокол № 45 заседания Мытищинского ГК КПСС от 11 августа 1953 г.». Заключительные его строки: «Утвердить решение парторганизации. Принять тов. Королева С. П. в члены КПСС, установив партстаж с июля 1953 года»...В назначенный день и час получения партийного билета С. П. Королев в горком партии не явился. Что случилось? Такого еще не бывало. Короткая приписка, сделанная от руки на протоколе, дает ответ:

«В командировке. Выписан партийный билет № 1063534. 20/VIII 1953 г.».

Что за неотложная командировка помешала Сергею Павловичу в названный день получить желанный партийный билет? Буквально через несколько дней после приема Королева в партию он вместе с членами Совета главных конструкторов выехал на полигон, в Казахстан, на испытания первой термоядерной бомбы. Поездке предшествовало совещание, на котором окончательно сформулировали общие требования к транспортным средствам доставки атомных зарядов на различные

расстояния, определили первоочередные задачи, связанные с модернизацией стратегических и долгохранящихся оперативно-тактических баллистических ракет дальнего действия Р-5 и Р-11 для доставки боезарядов нового типа. В частности, выявилась необходимость внести изменения и в разрабатываемую в те годы межконтинентальную ракету, способную нести ядерную бомбу более значительной массы.

На рассвете 12 августа 1953 года в присутствии руководителей партии и правительства, Советской Армии был произведен сброс с самолета водородной бомбы над специально оборудованной позицией. Наблюдали взрыв из специального убежища. Яркий ослепительный свет, страшный грохот, и грибообразное облако, медленно вырастая на глазах членов государственной комиссии, поднялось в атмосферу.

На месте металлической башни образовалось широкое углубление в виде тарелки. Башня исчезла вместе с бетонным основанием. Металл и бетон испарились. Почва вокруг превратилась в спекшуюся стекловидную массу, желтую, испещренную трещинами, покрытую оплавленными комками. Разрушенные и отброшенные танки, орудия, опрокинутый паровоз, снесенные взрывной волной бетонные стены, сожженные деревянные постройки. Дальше от эпицентра — обугленная земля. На ней — беспомощные птицы. Свет разбудил их, они взлетели, но излучение спалило им крылья и выжгло глаза.

Все это видел С. П. Королев и не мог принять ни сердцем, ни разумом того, что когда-нибудь подобное оружие снова может быть кем-то пущено в ход против человека.

— Это же чудовище, — наконец вымолвил он. — И такое американцы... Против мирных японских городов! Большого преступления мир не знал, — гневно, прерывисто заговорил Королев.

— Да, это ужасно, — согласился Игорь Васильевич Курчатов, показывая на обезображенную взрывом территорию полигона. — Вы знаете, Сергей Павлович, так хочется как можно скорее достижения атомной энергетики использовать в народном хозяйстве. Энергия атома — это энергия созидания. Вот ведем строительство атомной электростанции. Вы знаете, при умелом использовании какие огромные блага от них получит человечество! А сейчас, — Курчатов на минуту задумался, нервно погладил редкую бороду, посмотрел на опустошенный после взрыва район и с горечью сказал: — Силы разума против сил разума. Да, это ужасно!-

— Нам это «чудовище» надо разместить на ракете и четко управлять им. Это ваша задача. Ближайшая! Американские вояки уже разработали план атомной войны против нас. Названы конкретные цели поражения, —

добавил присутствовавший здесь маршал Жуков.

— И чем раньше соединим бомбу с ракетой-носителем, тем лучше, Сергей Павлович, — снова включился в разговор И. В. Курчатов. — Мы не имеем права допустить атомного преимущества над нами. Надо торопиться, враги не будут дожидаться, пока мы освоим новый вид оружия. Там, за океаном, готовят, кажется, еще не один сюрприз, — добавил Игорь Васильевич, — ну, да мы тоже не спим. Но дел впереди уйма.

— За нами дело не станет, Игорь Васильевич, — ответил Королев. — Сделаем что надо и в срок.

— Не торопимся мы что-то с новым полигоном, — вставил М. И. Неделин. — А надо бы!

— Вот и торопитесь, — словно команду отдал ему Г. К. Жуков.

Д. Ф. Устинов, М. И. Неделин, С. П. Королев, другие представители научных и производственных организаций в конце 1953 года подготовили для ЦК КПСС и Совета Министров СССР записку, в которой обосновали необходимость строительства второго ракетного полигона — ракетодрома, дали примерную его характеристику. Совет Министров СССР рассмотрел проектное задание на строительство этого полигона. Возведение его возлагалось на военных строителей, ответственным назначался М. И. Неделин.

...Инженер-подполковник А. А. Ниточкин явился в точно назначенное время — в восемь утра. Приемная заместителя министра обороны СССР маршала артиллерии М. И. Неделина была пуста. Адъютант маршала спросил:

— Вы подполковник Ниточкин?

— Так точно.

— Вас ждут. — И открыл дверь в кабинет. Маршал стоял у большой карты Советского Союза, внимательно рассматривая ее...

— Проходите, — пригласил Неделин.

Ниточкин сел, выжидающе посмотрел на Неделина. Митрофан Иванович еще раз взглянул на бумагу, что лежала на столе. Это была выписка из личного дела Алексея Алексеевича Ниточкина.

— Подполковник Ниточкин! Вас в числе других специалистов рекомендовали мне как человека, способного возглавить группу по разработке нового ракетного полигона. Необычного. Такого нет у нас и тем более за границей. Но мы уверены, что вы справитесь. Вы ведь уже проектировали полигон в Капустинном Яру.

— Так точно, товарищ маршал.

— Ну, что скажете, Алексей Алексеевич?

— Когда прикажете приступить к работе, товарищ маршал?

— Считайте, что уже приступили, — в том же тоне ответил Неделин.

В этот момент раздался телефонный звонок. Маршал взял трубку.

— Неделин... Так точно. Разрешите доложить... Слушаюсь... Так точно, — положил трубку на рычаг телефона. — Маршал Жуков звонил. Поторапливает. Так что дело за вами. Вот вам телефон главного заказчика. — И, передав Ниточкину листок бумаги, посоветовал: — Свяжитесь с Королевым в ближайшие день-два. И прошу — никаких других дел. Сегодня главное дело ваших людей — это.

Во второй половине следующего же дня инженер-подполковник Ниточкин вошел в маленький рабочий кабинет Главного конструктора баллистических ракет. Королев был не один. Возле стола сидел бритоголовый человек в звании полковника и читал какую-то бумагу. Сергей Павлович вышел из-за стола, поздоровался за руку с Ниточкиным, а потом обратился к полковнику:

— Знакомьтесь, Георгий Максимович. Это наш главный проектант Алексей Алексеевич Ниточкин. Полковник встал и, подавая руку, представился:

— Шубников, начальник строительного управления. Мне поручено строить.

Г. М. Шубников к тому времени слыл известным строителем. В годы войны он занимался инженерным обеспечением боевых операций частей Советской Армии. С первых мирных дней трудился над восстановлением объектов народного хозяйства, участвовал в возведении памятника советскому воину-освободителю в Трептов-парке в Берлине.

— Сколько лет мы не виделись с вами, Алексей Алексеевич? — обратился Королев к Ниточкину. — Пожалуй, с конца 1947 года, а сейчас уже 54-й. Капустин Яр и все, что с ним связано, навсегда в памяти. Я рад еще раз поработать вместе. Прежде чем ознакомить с проектным заданием, товарищи, скажу о нем несколько слов. Это более крупный, чем в Капустинском Яру, ракетный полигон.

Королев подошел к коричневой доске, висевшей на стене, взял мелок и стал писать исходные данные будущих ракет. Именно они диктовали, каким быть полигону: монтажному корпусу, хранилищу топливных компонентов. Стартовые сооружения проектировал коллектив КБ В. П. Бармина.

По мере того, как Сергей Павлович говорил, очертания нового полигона становились для Ниточкина и Шубникова все яснее, определеннее.

— Новый полигон — это стартовая площадка и экспериментальная база, — пояснил Королев. — Значит, нужны различные службы для проведения комплексных испытаний ракет-носителей и их головных частей, объектов, стартовое оборудование и многие вспомогательные службы. В общем принципиальной разницы в самой схеме между Капустиным Яром и новым полигоном как будто нет. Но все должно быть масштабнее и все на уровне новейшей техники. Даже с учетом той, что еще на ватмане или существует пока в виде идей. — Королев усмехнулся. — Все, о чем говорил, товарищи, это не только моя точка зрения — так думает Совет главных конструкторов. На новом ракетодроме будем испытывать новые мощные ракеты-носители. Их назначение — оборона и наука. Со временем они полетят к Луне, Венере, Марсу...

— К Луне? — усмехнулся Ниточкин и, решив поддержать, как казалось, шутку Главного, в том же духе спросил: — А нового Жюль Верна нашли, Сергей Павлович?

Не обратив внимания на ироническую реплику, Королев кратко обрисовал суть проблемы, сообщил, что на стапелях конструкторского бюро уже заложены ракеты, которые, по замыслу, должны будут достигать любой точки земного шара и плюс к этому выводить за пределы Земли в космическое пространство научно-исследовательские аппараты.

— А место новостройки, Сергей Павлович? — спросил Шубников.

— Вот этого, Георгий Максимович, пока и сам не знаю. Для поиска его создана комиссия. Ее возглавляет наш общий знакомый, начальник полигона Капустина Яра Василий Иванович Вознюк. По первым прикидкам — Казахстан. Народ начинает там осваивать целинные земли, ну а нам осваивать космическую целину. А вот сроки сжатые — 1956 год.

— Эгакую махину?! Меньше трех лет! Успеем ли, Сергей Павлович, — посомневался Шубников. — Разработка проекта займет не меньше года. А там всего ничего останется.

Главный конструктор предвидел этот вопрос и даже успел согласовать необычную технологию работ, но, прежде чем сказать о ней строителю, спросил:

— Георгий Максимович, а во время войны проекты фортификационных укреплений тоже вынашивали так долго? — обратись к собеседникам, словно попросил: — Проектирование объектов и строительство придется вести почти одновременно. Работа адская. Но другого выхода нет. В этом же темпе придется трудиться и тем организациям, кому поручено готовить все техническое оборудование комплекса. Кстати, начальником нового полигона скорее всего будет

известный ракетчик Алексей Иванович Нестеренко.

Глава четвертая

Оборона и наука

*Впередсмотрящие.
В те дни на Байконуре.
Покоряя пространство.*

Ракеты надежно встали на защиту социалистической Родины. Знаменитый королевский девиз «Ракеты — это оборона и наука», с которым Сергей Павлович пришел в ракетную технику, постепенно осуществлялся. На листах ватмана уже рождалась межконтинентальная ракета. С ней он связывал свои давние научные мечты. Королеву уже виделись спутники, запуски животных, полет человека по орбите вокруг Земли, старты ракет к Луне, Марсу, Венере — вот что обещали эти ракеты. Но не все ученые и партийные и государственные деятели были убеждены в необходимости этого.

Президиум Академии наук СССР решил выяснить точку зрения ученых об изучении космоса и разослал многим из них письмо, в котором просил высказать свое мнение. Ответы стали приходить быстро.

«...Фантастикой не увлекаюсь...»

«...Думаю, что это произойдет через несколько десятилетий и наши дети смогут сказать точнее...»

«...Давайте научимся летать сначала в стратосфере...»

Ученых, сказавших космосу «нет», в первое послевоенное десятилетие оказалось больше, чем смотревших в завтра. Рассуждали примерно так: зачем брать эту ношу на плечи нашему поколению. Пройдет, может, тысяча лет, прежде чем людям понадобится жить в космосе. А раз так, то зачем тратить средства и силы. Давайте устраивать жизнь на своей планете, а космос подождет.

Но у С. П. Королева нашлись и сторонники. «Можно провести уникальные эксперименты, — писал академик Василий Григорьевич Фесенков, — в разных областях астрономии...»

«Бесспорный интерес представит изучение всевозможных частиц и излучений, — утверждал академик Сергей Николаевич Вернов. — Аппаратуру следует разработать весьма оригинальную. Физики могут ее делать...»

«Если в любой отрасли знаний открываются возможности проникнуть в новую, девственную область исследования, — сказал свое веское слово академик Петр Леонидович Капица, лауреат Нобелевской премии, — то это надо обязательно сделать, так как история науки учит, что проникновение в новые области, как правило, и ведет к открытию тех важнейших явлений природы, которые наиболее значительно расширяют пути развития человеческой культуры».

Сергей Павлович ознакомился с ответами ученых на письмо Академии наук СССР. Его удивило и потрясло, что многие видные представители науки не приняли идеи Циолковского. Тем радостнее для него было увидеть ответ своих единомышленников. Не удержался, позвонил Петру Леонидовичу Капице, поблагодарил его и не скрыл разочарования, что многие не хотят смотреть вперед, чуть дальше своего носа. А в ответ услышал:

— Поверьте мне, через несколько лет им будет стыдно за свою слепоту. Эти люди живут сиюминутными проблемами. А быть подлинным служителем науки — надо смотреть хотя бы на полвека вперед.

Чувствуя себя не одиноким, поняв, что есть люди, которые его поддержат, Сергей Павлович решается поставить перед ЦК партии и правительством вопрос о целесообразности использования в будущем межконтинентальных ракет как носителей летательных аппаратов для изучения Вселенной.

И Королев обращается с просьбой к Михаилу Клавдиевичу Тихонравову, который вместе с другими учеными продолжал расчеты космических полетов, подготовить специальную докладную «Об искусственном спутнике Земли». 26 мая 1954 года С. П. Королев посылает ее в Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. В сопроводительной записке он напоминает, что «проводящаяся в настоящее время разработка нового изделия с конечной скоростью около 7000 м/сек позволяет говорить о возможности создания в ближайшие годы искусственного спутника Земли... Мне кажется, что в настоящее время была бы своевременной и целесообразной организация научно-исследовательского отдела для проведения первых поисковых работ по спутнику и более детальной разработки комплекса вопросов, связанных с этой проблемой».

Через пару месяцев Главный конструктор ОКБ С. П. Королев назначается заместителем директора НИИ по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам. Возможности Королева для осуществления своей мечты о межпланетных сообщениях еще более

расширяются. Но окончательного решения о спутнике нет. Это тревожит Королеву. Скептики на земле еще не перевелись, даже среди ученых!

В это время организуется новое конструкторское бюро ракетного направления. Министерство подыскивает его руководителя. Выбор падает на М. К. Янгеля. На вопрос Королеву, как он смотрит на выдвижение Янгеля, Сергей Павлович честно ответил: «Хотя отношения между нами не сложились как надо, Янгелю можно поручить самостоятельное дело. Михаил Кузьмич прошел на нашем предприятии путь от начальника отдела, заместителя Главного конструктора до руководителя всего нашего НИИ. Такое не каждому под силу. Мы с ним не ссорились, но крепко спорили. Творческие споры, точнее принципиальные разногласия. Да, жаркие, по никто в них не сгорел. Человек он большого таланта и отличного знания дела. Так и должно быть».

На следующий день Янгель зашел к Королеву.

— Пришел попрощаться, Сергей Павлович. Спасибо за науку. Школа ракетчиков у вас прекрасная — это главное, остальное мелочь. Другие новые дола меня уже никогда не соблазнят. Я до конца жизни ракетчик. Еще раз спасибо.

— Может, скоро снимут с наших плеч хотя бы часть военного груза. Возьмете на себя...

— Космос, Сергей Павлович?

Королев только улыбнулся в ответ.

А в небо уже стартовали геофизические ракеты с собаками и другими животными на борту. Все полеты проходили успешно. Катапультированные с ракеты контейнеры благополучно приземлялись, и четвероногие путешественники возвращались на Землю. Но это лишь пока прыжки в небо, а Королеву нужен полет по орбите вокруг Земли. «Человек в космосе» — вот мечта Сергея Павловича, и ради нее Главный конструктор готов был преодолеть все препятствия, убедить и доказать всем необходимость и возможность такого полета. И извечные друзья человека — собаки, не раз уже помогавшие человеку в разрешении тайн природы, и здесь выручали ученых.

Но однажды произошел забавный случай. Собаку по кличке Смелый, уже летавшую, подготовили к новому полету. За день до старта она прошла все процедуры. Вечером, как обычно, Смелого отпустили погулять, но он, как потом шутили, почувял, что ему лететь, решил «отказаться» от участия в эксперименте и убежал. Сколько его ни искали, не нашли. До старта оставалось несколько часов. Вторая же собака Белка, спутница Смелого по путешествию, с нетерпением ждала его.

Больше всех нервничал Владимир Иванович Яздовский, отвечающий за эксперимент. Пригрозив уволить всех сотрудников, он наконец решился идти к Королеву. Но кто-то подсказал другой выход — поехать к столовой, там возле кухни всегда немало собак, рассчитывающих на доброту повара. Медикам повезло. Они нашли там полугодовалого песика черной масти, быстро обработали, поставили датчики — и в кабину. Все были довольны, только недоверчиво поскуливал пес. Полет прошел, как никогда, хорошо. Едва врачи выпустили из кабины «новичка», как он стал ко всем ласкаться, словно благодарил людей за хорошее питание и необычное путешествие.

Сергей Павлович, узнав о происшедшем, захотел после полета взглянуть на собаку, спросил, как ее зовут.

— ЗИБ, — ответили ему.

— Что за странное имя?

— ЗИБ — это сокращенно. Заменитель Исчезнувшего Бобика...

Королев громко рассмеялся, а потом в глазах его сверкнула ироническая искорка.

— Выходит, все ваши тренировки собак на вибростендах и барокамерах ни к чему, если случайный пес без всяких последствий перенес полет. Молодец, — сказал Королев и уже серьезно добавил: — Ну что ж, товарищи, спасибо вам! За нами дело не станет. Надо шагать вперед. Вселенная ждет человека.

Уверенный, что вопрос о спутнике будет решен положительно, Королев еще в июне писал в АН СССР: «Сейчас необходимо было бы развернуть работы, связанные со всем комплексом вопросов по созданию искусственного спутника Земли (ИСЗ), поначалу в самом простом варианте... В связи с разработкой проблемы ИСЗ несомненно возникает необходимость организации еще лабораторий, групп и отделов в ряде институтов Академии наук СССР и в промышленности».

Вскоре в АН СССР состоялось совещание, на которое собрались ведущие специалисты по ракетной технике, представители заинтересованных областей знаний. Короткое сообщение сделал Королев.

— На днях состоялось заседание Совета главных конструкторов. Мы подробно рассмотрели ход доработки ракеты-носителя для запуска искусственного спутника весом до тысячи четырехсот килограммов с различной научной аппаратурой. Мы надеемся приступить к первым пускам ракеты-носителя в апреле — июле 1957 года. Пора подумать о создании при Академии наук специального межведомственного органа по выработке программы научных исследований с помощью серии

искусственных спутников Земли.

Уточняя цель новой организации, Сергей Павлович сказал, что она должна также уделить самое серьезное внимание таким проблемам, как изготовление научной аппаратуры для исследования космоса, привлечение к этому ведущих ученых Академии наук, ведомственных институтов и производства. Он предложил избрать председателем межведомственного совета вице-президента Академии наук СССР М. В. Келдыша.

Пожалуй, именно эта встреча положила начало еще более тесному многолетнему плодотворнейшему сотрудничеству Келдыша и Королева, теперь уже в новой, космической области знаний. Казалось, много лет назад, еще в начале тридцатых годов, они могли бы встретиться, работая, например, в ЦАГИ и отдавая свои силы авиации. Но этого не случилось. Их творческие пути тесно переплелись в послевоенный период, когда началось строительство ракет оборонного и научного назначения. К тому времени М. В. Келдыш, в тридцать пять лет ставший академиком, уже прославился своим математическим даром. Его труды по аэрогазодинамике и прикладной математике сыграли важную роль в создании методов расчета авиационной, а позднее атомной и ракетной техники.

Разные по складу ума и характеру — один взрывной, второй до предела сдержанный, с разницей в возрасте всего в пять лет — Королев и Келдыш оказались и космонавтике равно темпераментными и равно увлеченными, равно смотрящими вперед, равно преданными ей.

Предложение Королева о запуске искусственных спутников Земли нашло поддержку Академии наук СССР и Советского правительства. Узнав об этом, Сергей Павлович пригласил к себе М. К. Тихонравова.

— Поздравляю, Михаил Клавдиевич. Считаю, что идея запуска первого искусственного спутника Земли окончательно созрела. У нас растут возможности для ее осуществления. Нас поддержали там. — И Королев рукой показал наверх. — Приглашаю вас, Михаил Клавдиевич, к нам в конструкторское бюро на постоянную работу. Вы возглавите отдел, который на первых порах займется только спутником.

— Спасибо! Сергей Павлович, со мной работает несколько молодых...

— Ну конечно же, о чем речь. — И, крепко пожав руку Тихонравову, весело закончил: — И она будет, эта рукотворная звезда.

В начале 1956 года М. К. Тихонравов перевелся в КБ Королева и начал комплектовать отдел по разработке первых искусственных спутников Земли.

Идут дни и ночи. Недели выстраиваются в месяцы. С. П. Королев

использует, каждую возможность, чтобы подключить к идеям о космосе широкую научную общественность. Он встречается с астрономами, физиками, биологами, медиками, социологами и юристами. Постепенно идея о прорыве в космос сплачивает сторонников ее осуществления. В апреле 1956 года Академия наук СССР по инициативе С. П. Королева созвала Всесоюзную конференцию по исследованию верхних слоев атмосферы. На ней доклад «Исследования верхних слоев атмосферы с помощью ракет дальнего действия» делает Сергей Павлович. На второй день конференции, неудовлетворенный тем, как идет обсуждение вопроса, он неожиданно вновь поднялся на трибуну.

— Мы беремся поднять приборы на ту высоту, какую вы захотите, — начал Главный конструктор. — Но этих требований мы сегодня не слышали. И если говорить о сегодняшних выступлениях товарищей из Геофизического института, мне кажется, что они прозвучали несколько обычно... Мы верим в силу этого коллектива, в силу товарищей, которые выступали... Но чтобы эта вера была оправдана, она должна быть подтверждена, доказана делами... Говоря о перспективах, нельзя не остановиться на одном из самых злободневных вопросов, это — вопрос полета человека в ракете. В настоящее время эта задача становится все более и более реальной... Хотелось бы услышать здесь, на конференции, мнения товарищей по этому вопросу...

Межведомственный совет под председательством академика М. В. Келдыша в итоге тщательной проработки плана исследований околоземного пространства, которые можно будет провести с помощью спутников, пришел к заключению не ограничиваться одним вариантом. Рекомендовали создать несколько летательных аппаратов, отличающихся друг от друга составом аппаратуры, а значит, и весом.

Первым в январские дни 1956 года в ОКБ приступили к проектированию нескольких вариантов спутника-лаборатории весом в 1300 килограммов. При этом вес разнообразной научно-исследовательской, измерительной аппаратуры с источниками питания составлял около тонны, на одном из вариантов такого спутника в специальном контейнере предполагалось послать в околоземное путешествие первое живое существо — собаку.

Все завертелось в быстром темпе. Но не все пошло полным ходом, как задумывалось. Отставали разработчики научной аппаратуры. Первым понял, что в намеченные сроки не уложиться, сам Главный конструктор, но отказываться от задуманного не в характере Королева. Он отступил на другие позиции, предложив пересмотреть программу и «забить колышек» в

космосе, послав в его просторы простейший спутник, с минимумом приборов. Он же дал ему и название: ПС-1.

— Спроектировать ПС надо в самые сжатые сроки, — предупредил Королев разработчиков. — Построить и испытать еще быстрее. Он должен промчаться над планетой Земля первым, понимаете, первым.

Совет Министров СССР согласился с предложением Академии наук. Это внимание к идеям ученых, понимание сложностей предстоящего эксперимента окрылило их, прибавило сил и уверенности в успехе задуманного. В те дни Королев, его единомышленники и соратники узнали еще об одном знаке внимания к ним. Многих ученых, конструкторов, инженеров и техников, рабочих за создание ракетной техники, поднявшей оборонный потенциал армии и флота, Родина удостоила самых высоких наград. В числе других Сергею Павловичу присвоили звание Героя Социалистического Труда с вручением высшей награды — ордена Ленина.

Нина Ивановна предложила:

— Надо собрать друзей и отметить это событие.

— Ты у меня умница. Я всегда это знал. Но, чур, все заботы на тебе.

Это был прекрасный вечер. Казалось, что счастливее Сергея Павловича никогда никого не будет. Поздравляли друг друга. Но, естественно, много говорили и о работе, об искусственных спутниках Земли, и о полете человека в космос, спорили.

А спорить было о чем. Когда рождался проект космического первенца, среди инженеров и конструкторов-разработчиков группы М. К. Тихонравова, шли споры: «Каким ему быть по форме?» Выслушав доводы сторон, С. П. Королев заявил категорически:

— Шар и только шар! — и, не дожидаясь вопросов, объяснил свой замысел: — Шар, его форма, условия его обтекания с точки зрения аэродинамики досконально изучены. Известны его плюсы и минусы. И это имеет немаловажное значение. Но дело в данном случае в другом. Поймите — первый! Когда человечество увидит искусственный спутник, он должен вызвать у всех добрые чувства. Что может быть выразительнее шара? Он близок к форме естественных небесных тел нашей Солнечной системы. Люди воспримут спутник как некий образ, как символ космической эры. На борту его считаю нужным установить такие передатчики, чтобы их позывные могли принимать радиолюбители на всех континентах. Орбиты полета спутника так рассчитать, чтобы, используя простейшие оптические приборы, каждый с Земли мог видеть полет советского спутника.

Ведущим конструктором по ПС-1 Главный конструктор назначил энергичного и дотошного инженера М. С. Хомякова, а его заместителем О.

Г. Ивановского, инженера с неменьшим чувством ответственности. Напутствуя их, Сергей Павлович сказал всего несколько слов: «Я вам доверяю».

В эти дни весь научный мир уже готовился к проведению крупного события — Международного геофизического года (МГГ). Он должен начаться в июле 1957 года и закончиться в декабре 1958 года. О своем участии в нем уже заявили Соединенные Штаты Америки. На заседании очередного конгресса Международной астронавтической федерации (МАФ) представители США зачитали письмо президента США, в котором говорилось о намерении американских ученых первыми запустить искусственный спутник Земли. Соединенные Штаты полагали, что пальма первенства будет принадлежать им. Участники конгресса шумно аплодировали... Советский Союз тогда еще не вступил в члены МАФ. Участвовавший в заседаниях конгресса на правах наблюдателя академик Л. И. Седов неожиданно устроил пресс-конференцию...

— Советский Союз, — сказал он журналистам и специалистам, — располагает необходимыми средствами, чтобы также принять участие в Международном геофизическом годе. Вопрос об искусственном спутнике советскими учеными включен в повестку дня.

Оглушающая сенсация. Сообщение о необычном заявлении советского ученого обошло мировую печать. Ему нельзя было не поверить. Человечество знало; советские люди — люди слова и дела.

Чтобы подтвердить это мнение, ОКБ Королева не жалело сил.

Шла вторая половина 1956 года. Завершались наземные испытания новой мощной ракеты — Р-7. Полным ходом велось строительство полигона. Как всегда, утром Сергей Павлович, закончив просмотр документов и дав необходимые распоряжения по ОКБ, решил, как обычно, просмотреть газеты, отметить, что надо прочитать дома вечером... Внимание его привлекла «Правда», а в ней постановление Центрального Комитета партии. Взглянул на подзаголовок — «О преодолении культа личности и его последствий». Не смог удержаться, начал читать. Едва пробежал глазами первые колонки, как остановился, чтобы осмыслить прочитанное: «Впервые такая жесткая правда о Сталине, — подумал Королев, — слово Сталина означало слово Партии, а выше ее авторитета ничего не было».

Вошел Мишин. «Вот некстати», — подумал Королев, но сдержался, спросил глухо:

— Читал, Василий Павлович?

— Все читают... Никто не работает... — усмехнулся зам. — Да и ты,

вижу, занят тем же. Зайду позднее.

— Я скоро... садись. Посмотри пока зеленую папку. Там мои замечания по ракете для первого спутника.

Мишин сел за маленький столик, примыкающий к королевскому, открыл папку и стал просматривать документы, изредка поглядывая на шефа. А тот чем дальше читал, тем становился все мрачнее и мрачнее, тер рукой подбородок — признак крайнего волнения. Не выдержал, взорвался:

— Ты мне скажи, Василий Павлович. Неужели в недрах нашей здоровой и сильной партии не нашлось людей, способных выполнить давнее пожелание Ленина и переместить Сталина с поста генсека? Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович. Что они, марионетки в руках Сталина? Десятки и десятки членов ЦК партии, Маленков, Хрущев... — и, не закончив фразы, резко оборвал себя, но мысль остановить не мог: — А где ты был, Никита Сергеевич? Может, тоже не знал?.. С 1935 по 1938 год руководил Московской городской и областной партийными организациями... Без твоего согласия и подписи вряд ли обходилось... Может, и наш ракетный институт...

Королев снова углубился в газету: «Многие факты и неправильные действия Сталина, в особенности в области нарушения советской законности, стали известны лишь в последнее время, уже после смерти Сталина, главным образом в связи с разоблачением банды Берии».

Отложив газету в сторону, так и не найдя для себя точного и убедительного ответа на все возникшие вопросы, Королев тяжело вздохнул.

— Надо все осмыслить, нужно время. Очень нужны убедительные факты... Очень. В постановлении одна констатация. Этого для работы мысли очень мало. Людей надо во всем убедить... иначе не поверят. Для меня ясно и неясно. Как же совмещались всенародный энтузиазм — и массовое беззаконие. Я это испытал сам. Страшное время...

— Сейчас другое время, его называют «оттепель».

— Тоже не все просто, Василий Павлович. Конечно, обстановка сейчас несравнима с прежней. Много делается с пользой, и нам, ракетчикам, дорога стала шире... Культ не так просто выжечь. Он еще всюду. Слово начальника главка — последнее слово, министра — закон, не перешагнешь. Ну хватит, пора к делу. Ты посмотрел мои замечания?

— Не совсем согласен. Надо подумать, посоветоваться. Буду готов — зайду.

Для успешного строительства ракетно-космических систем в августе 1956 года по инициативе С. П. Королева министерство провело

реорганизацию ракетного Центра. Отдельное конструкторское бюро Королева вместе с опытным заводом выделились в самостоятельную организацию — научно-исследовательский институт (НИИ). Сергей Павлович стал руководителем крупнейшего проектно-конструкторского предприятия отрасли с мощным КБ, проектными, экспериментальными и технологическими подразделениями и оснащенного по последнему слову техники крупного опытного завода. За прежним НИИ, с которым организация Королева продолжала тесно сотрудничать, остались задачи по экспериментальной отработке вопросов аэрогазодинамики, теплофизики, прочности и других научных проблем, связанных с созданием ракет.

Советское правительство возложило на новую организацию и персонально на ее руководителя и одновременно Главного конструктора С. П. Королева главную роль в завершении работ по межконтинентальной ракете — Р-7 или, как ее чаще называли, «семерке».

Всевозможные научные, проектно-конструкторские изыскания, проведенные совместно со многими академическими и отраслевыми институтами и КБ, накопленный опыт ракетостроения подтвердили реальность проекта мощной баллистической ракеты-носителя с дальностью полета до 8000 километров. Еще в начале теоретических и экспериментальных исследований ученые и конструкторы согласились с Королевым: новая машина — двухступенчатая с жидкостными ракетными двигателями конструкции В. П. Глушко. Составная ракета явится подлинной революцией, так как все предыдущие машины представляли одноступенчатый монолит, с отделяющейся или неотделяющейся головной частью. Так Сергей Павлович Королев претворял в жизнь гениальную идею К. Э. Циолковского о «ракетных поездах». «Ракетный поезд» — по словам Константина Эдуардовича — это целое семейство взаимосвязанных ракет, где после старта по мере выгорания топлива отбрасываются лишние части, а остальные достигают нужной скорости и продолжают полет.

Сергей Павлович то радовался как ребенок, что вскоре сумеет осуществить идеи своего учителя, то огорчался, что не все еще трудности преодолены, хотя создание новой ракеты быстро продвигалось вперед. И не только благодаря инженерным талантам Королева и его помощников. Подстегивала международная обстановка. США и их союзники стремились достичь военного превосходства над СССР и держать его под прицелом.

В конце 1956 года строительство первоочередных объектов полигона в районе Байконура — монтажно-испытательного корпуса (МИК) для сборки ракет, стартового сооружения и других вспомогательных служб — в основном завершалось.

Построенный в безлюдной казахской пустыне всего за два с половиной года в тяжелейших условиях сорокаградусной жары, сорокаградусных морозов и буйных ветров, космодром стал свидетельством трудового подвига военных строителей, возглавляемых Г. М. Шубниковым. Трассы полета ракеты простирались на тысячи километров над советской территорией и заканчивались в акватории Тихого океана. Вдоль этих трасс на суше и воде расположили систему измерительных пунктов со средствами связи — «Земля — Земля», «Земля — космос — Земля».

Бетонный островок в центре полигона — стартовая площадка. Со всех сторон, как океанские волны, на нее наступают щербатые пески молчаливой, однообразной и бесконечной пустыни.

Необычайно своеобразна красота этого обживаемого края. Днем он представляется гигантской серо-желтовато-зеленоватой равниной, покрытой сверху прозрачной голубой чашей неба. Снизу вверх по ней медленно, не оставляя следа, катится огненный диск солнца.

Оно так раскалено, что, кажется, расплавит мачты высоковольтных линий, уходящие за горизонт, испепелит на своем пути города, поселки, отары овец, людей, изнемогающих от жары. Ночью — та же равнина, только много меньше дневной. А над ней — темно-синее пространство, усеянное мириадами мерцающих звезд — далеких и близких, ярких и слабых. Кажется, все отдыхает, набирается сил на завтра, на день, на годы, на вечность.

Едва закончилось оснащение служб полигона всевозможной техникой, как специалисты приступили к отладке пусковой установки, к подготовке испытаний на ней ракетных комплексов. Начались контрольные проверки оборудования с использованием макета ракеты, Многосложное это дело — отладить, настроить, отрегулировать и проверить большое количество агрегатов, систем, приборов, узлов и отдельных элементов ракеты. Испытания отдельных систем ракетного комплекса проводились до двенадцати раз.

4 марта 1957 года С. П. Королев утвердил «Техническое задание. № I». Началась доработка прибывшего на полигон летного образца межконтинентальной стратегической ракеты.

В апреле на полигон приехал сам Главный конструктор.

Невдалеке от стартовой площадки Королев облюбывал для себя деревянный домик под двухскатной крышей. Было в нем три небольшие комнаты — гостиная, спальня, кабинет — и крошечная кухонька. Вскоре к нему подселась пара голубей, им понравилось уютное место в козырьке над крыльцом.

— Мне стало веселее, — шутил Сергей Павлович,

Каждый раз, выходя из дома, он любил наблюдать за появившимся вскоре голубиным семейством.

Оберегая покой Королева, местные домоуправленцы решили убрать «голубятню», но Сергей Павлович категорически запретил это делать.

Вскоре у домика по просьбе его хозяина разбили цветник, а вокруг высадили деревца, кустарники. Но жизнь их в этой пустыне держалась только на искусственном орошении. Воду сюда гнали из реки за несколько десятков километров по специальному водопроводу. Как-то случилась авария, и вода доставлялась в цистернах только для питья и бытовых нужд. Деревья стали чахнуть. Сергей Павлович воду на свои нужды расходовал очень экономно и каждое утро поливал деревья, поддерживая в них жизнь. Это послужило примером для опальных. У каждого молодого дерева появились шефы. Деревья были спасены.

Как-то поздно вечером, придя в свой домик, Сергей Павлович увидел на столе в гостиной конверт. По почерку узнал — от жены. Он любил получать от нее сердечные письма, по-женски обстоятельные, со всеми житейскими подробностями. Едва пробежал первые строки, как почувствовал, что ему не хватает воздуха. Рывком расстегнул ворот рубашки и счастливо выдохнул: «Наконец-то!»

Нина Ивановна сообщала, что только-только получила пакет из Прокуратуры СССР — ответ мужу на просьбу пересмотреть дело о его судимости и реабилитировать за невиновностью. Почти два долгих года ждал Сергей Павлович ответа, и пятно осуждения по-прежнему угнетало, тяготило... Жена писала, что 18 апреля 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела многолетней давности постановление Особого совещания при НКВД СССР и отменила его. «Дело за отсутствием преступления прекращено».

— Пре-кра-ще-но, — нараспев вслух перечитал Королев это короткое и бесконечно много значившее для него слово. Сел на диван и откинулся на спинку. Долго сидел, полузакрыв глаза. Сердце от радости учащенно билось. Сунул было руку в карман за валидолом, но передумал. Еще раз перечитал письмо, и память невольно вернула в прошлое: вспомнил, каким нелегким оказался для него жизненный путь с июня 1938 года до этого желанного слова «прекращено». Телефонный звонок оторвал Сергея Павловича от дум.

— Нет, как же я могу забыть его. Бутылочку сухого вина? Найду, найду. У меня сегодня двойной праздник, — и, не ответив на недоуменный вопрос собеседника, добавил: — Через полчаса жду.

Достав из папки листок бумаги, начал писать жене, чтобы отправить письмо с оказией в Москву. Есть в нем и такие строки:

«...Очень меня обрадовало твое сообщение о решении Верховного. Наконец-то и это все окончательно закончилось... Конечно, я здесь невольно многое вспомнил и погоревал, да ты и сама можешь себе представить, как печальна вся эта кошмарная эпопея...»

5 мая с утра у монтажно-испытательного корпуса царило необычайное оживление. Собравшиеся ждали вывоза на стартовую площадку ракеты Р-7. Открылись огромные металлические ворота, показалась ее торцевая часть, размещенная на установочном агрегате машины. Мотовоз медленно повез ее по рельсовому пути к месту назначения. Группа специалистов во главе с Главным конструктором провожала ее, почему-то вдруг обнажив головы. Момент действительно волнующий.

В предстартовые дни главные конструкторы почти ежедневно собирались у С. П. Королева, обсуждая текущие вопросы.

— Прошу, призываю, требую от всех сотрудника тщательной проверки всех систем, — говорил Главный и добавлял: — Если ты сделал быстро, но плохо, все скоро забудут, что сделал быстро. Но долго будут помнить, что сделал плохо. Но если ты делал долго, но сделал хорошо, все скоро забудут, что делал долго, но всегда будут помнить, что сделал хорошо! Одним словом — надежность и еще раз надежность!

В жизни С. П. Королева май — август 1957 года оказались, пожалуй, самыми напряженными месяцами. Письма домой Нине Ивановне шли откровенные, доверительные. В них «железный король» — как нередко за глаза называли Главного конструктора работавшие с ним люди — представал совсем иным. В них раздумья и тревоги. И вместе с тем чувство ответственности и уверенности в успехе.

«Жизнь наша и дела идут, как принято говорить, — ходом, а я добавил бы — очень быстрым ходом. Все дело, конечно, в том, что происходящие и произошедшие события по мере нашего познания их, в процессе изучения полученных данных, несут нам все новые и новые неожиданности и открытия».

«Я все более убеждаюсь, как много значит в каждом деле отношение того или иного человека к порученной задаче, его характер и то личное, свое, что он вкладывает в свой труд. А особенно это важно в нашем, таком новом и необычном деле, где запросто приходится перелистывать книгу знаний».

«Мне зачастую трудно, о многом думаю и раздумываю, спросить не у

кого. Но настроение тоже неплохое, верю в наш труд, знания и в нашу счастливую звезду».

«Мне думается, что до берега уж не так далеко, и мы, конечно, доплывем, если только будем дружно, вместе выгребать против волн и штормов».

«В нашу работу втянуты очень многие организации и институты, практически по всей стране, много разных мнений, много опытов, много самых различных результатов — все это должно дать в итоге только одно правильное решение. Вот почему так много уходит сил и нервной энергии. Мечты, мечты. А сейчас близка к осуществлению, пожалуй, самая заветная мечта. Во все эпохи люди вглядывались в темную синеву неба и мечтали...»

На пороге космической эры С. П. Королев каждый день вынужден был встречаться с неизведанным, брать на себя полную ответственность за каждый кирпичик того нового, из чего складывалось ракетное дело. В одном из писем к жене он написал:

«Безграничная книга Познания и Жизни... листается нами здесь впервые. Надо быстро понять, осмыслить то или иное событие, явление и затем безошибочно дать решение...»

Да, большую ответственность нес на своих плечах Главный. Но колебаться Королев не привык. Решал всегда все вопросы быстро, даже не располагая порой необходимой информацией. Его инженерная интуиция практически не подводила. Правда Королева находила себе подтверждение — тут же, через несколько месяцев или даже лет.

Предполетная проверка систем ракеты на старте и наземного оборудования продолжалась десять дней. На 15 мая 1957 года Государственная комиссия назначила пуск первой экспериментальной многоступенчатой баллистической ракеты. В 10 часов вечера по московскому времени в грохоте и пламени «семерка» медленно, очень медленно поднялась над стартовой площадкой. Стало светло как днем. Набрав высоту, ракета, управляемая автоматикой, отклонилась от вертикали и уверенно взяла курс в заданный район.

Прошла целая минута — шестьдесят секунд. Уже летела «семерка», вселяя в души ее творцов уверенность в успехе.

Улучив момент, Королев подошел к своему заму Воскресенскому, слегка потеснил его у перископа и сам прижался к его окулярам. На маленьком экране размером в открытку — мчащаяся ракета в виде светящегося диска... Но что это... Чудовищно яркий всплеск пламени резанул по глазам, и тут же наступила крошечная тьма. «Не может быть!

Да нет же...» И, не веря себе, Королев еще раз прильнул к окулярам, надеясь на чудо... Но его не было. В небе висел только белесый след от ракеты да тускло светились звезды. С трудом оторвался от перископа. Кольнуло сердце. Машинально достал таблетку валидола, положил под язык. Но она не таяла, и он со злостью ее выплюнул. Взглянул на соратников.

— Авария! — с угрюмой решимостью выдавил Главный конструктор. — Ракета взорвалась.

Первым шагнул к Королеву маршал Неделин, не менее огорченный неудачей, чем Главный конструктор.

— Пойдем, Сергей Павлович. Надо отдохнуть, — снимая нестерпимое напряжение, сказал Митрофан Иванович, легко взяв Королева под локоть. — Утро вечера мудренее. Да, в Москву доложу сам: ракета стартовала, ракета летела. Это главное. Сергей Павлович благодарно взглянул на Неделина. Итоги полета стали предметом строго научного анализа. Вначале прошли совещания у главных конструкторов систем, а затем, когда картина стала яснее — на Совете главных конструкторов. Подвел итоги Л. А. Воскресенский, один из немногих, кто одновременно с запуском ракет отрабатывал всю методику испытаний, готовил инструкции для тех, кто будет работать завтра.

— Замечаний по конструкции ракеты у меня нет, — сказал испытатель. — Мы установили, что пожар, а затем и взрыв ракеты произошел из-за технологического дефекта.

В середине августа 1957 года началась подготовка к запуску очередной «семерки». На Байконуре уже знали, что Главному присудили степень доктора технических наук. Поздравляли. А у Сергея Павловича не находилось даже минуты, чтобы порадоваться. Каждый час был расписан по минутам. И за эти минуты отвечал конкретный человек. Для этого существовали особые книги. Это повышало ответственность людей, позволяло вести контроль за ходом дел. В день запуска, 21 августа, Главный конструктор наблюдал за каждым этапом подготовительных работ. Нервничал. Все проверял сам.

За полчаса до старта ракеты все, кто не участвовал непосредственно в ее запуске, разъехались по площадкам для наблюдения за стартом. Не было в те часы на космодроме человека, который не волновался бы за судьбу предстоящего эксперимента.

В командном бункере у перископов, наведенных на тело ракеты, замерли руководители старта. С. П. Королев старался сохранить спокойный вид. Н. А. Пилюгин, скрывая свое волнение, в который раз из одной и той

же бумажки мастерил коробочку.

— Готовность пять минут! Минуты бегут с быстротой секунд.

— Объявляется минутная готовность!

До поворота ключа в положение «старт» всего шестьдесят секунд...

В одной из комнат командного бункера с группой старших — офицеров находился маршал артиллерии М. И. Неделин. Он слушал передаваемые по открытой связи команды пускающего, поглядывал на часы. Этот поседевший за годы войны военачальник тоже волновался.

До него доносились заключительные команды:

— Три, два, один, пуск!

Считанные секунды, и ракета, сотрясая землю и воздух, уходит ввысь.

В небе еще не растаял след от ушедшей ракеты, а все уже выбежали из бункера. И десятка два людей, не от-рытая взглядом от неба, мысленно представили себе, как ракета со скоростью, в десять раз превышающей скорость снаряда и в двадцать — самолета, мчится в заданную точку.

— Товарищ маршал, вас просит Москва, — обратился к Неделину дежурный по связи. Неделин взял переносную трубку.

— Неделин. Так точно. Старт ракеты прошел успешно, точно в расчетное время. Уверен, что достигнет цели. Ждем подтверждения из заданного района. Так точно. Немедленно сообщу. До свидания.

...Вскоре из заданного района полета «семерки», на полигоне, Неделину пришло долгожданное сообщение. Пробежав его глазами, маршал встал из-за стола, одернул китель и с не свойственной для него торжественностью в голосе прочитал членам Государственной комиссии:

— Ракета достигла расчетной точки. — Волнуясь, продолжал: — Позвольте мне, дорогие товарищи, от имени министра обороны СССР, от Вооруженных Сил нашей Родины поздравить всех с успешным завершением работ по межконтинентальной ракете. Это новый, очень важный шаг в обороне Родины. Это подлинный триумф советских ракетчиков. Он явился логическим следствием титанических усилий научных, конструкторских, производственных коллективов. Вооруженные Силы СССР уже располагают стратегическими, оперативно-тактическими ракетами с ядерным боевым зарядом, соответствующим образом оснащены и подводные корабли Военно-Морского Флота. Отныне ракетно-ядерный щит нашей страны стал неуязвимым, как никогда. — Неделин возвысил голос. — Уверен, что наша красавица охладит слишком горячие головы некоторых не в меру ретивых заокеанских стратегов. Советский народ может спокойно трудиться и отдыхать. Горжусь, что мне посчастливилось работать вместе с вами, людьми большого таланта и высокой

ответственности. Еще раз спасибо всем за все.

Королев хотел было сказать ответное слово, поблагодарить военных строителей, сумевших в невероятно трудных условиях, всего за два с половиной года, построить полигон, Неделина за повседневную помощь и внимание, но не успел. Митрофан Иванович закрыл заседание и, попрощавшись, поехал на аэродром. Его ждали другие неотложные дела.

Сергей Павлович несколько огорчился. Он глубоко уважал Митрофана Ивановича, питал к нему дружеские чувства.

В тот же день вечером после отлета М. И. Неделина в Москву в небольшом деревянном домике С. П. Королева собрались главные конструкторы, руководители полигона, наиболее близкие сотрудники.

— Ну что же, друзья, подведем итоги. Считаю, что все мы неплохо поработали. Но мы обязаны с вами наш успех разделить с учеными, инженерами, рабочими и других научных конструкторских организаций, промышленных предприятий.

— Возражений нет, — раздался голос Пилюгина.

— Ну ладно, Николай Алексеевич, не будем голосовать, — улыбнулся Королев. — Но сама суть вот в чем: то, чего мы добились, — это результат высокого уровня развития науки и техники. И тут низкий поклон всему нашему советскому народу, нашей Коммунистической партии. Оборона Родины теперь надежно обеспечена. — Сергей Павлович замолчал, окинул взглядом собравшихся. — Не использовать нашу баллистическую ракету в интересах науки было бы непростительно. Думаю, что вы меня поддержите. Так что теперь на очереди спутник. Он почти готов. Как говорил Циолковский, пора сделать «первый великий шаг».

27 августа из сообщения Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) весь мир узнал, что Советская страна осуществила запуск сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты.

«Испытания ракеты прошли успешно, они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты проходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте... Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара...»

В тем же темпе, в каком прошли завершающие испытания ракеты-носителя Р-7 на Байконуре, в подмосковном ОКБ полным ходом шло строительство трех искусственных спутников Земли. Изготовлением их занимался опытный завод, входивший в ОКБ. Его возглавлял заместитель Главного конструктора по производству Р. А. Турков.

Через несколько дней после успешного старта и полета межконтинентальной баллистической ракеты Королев говорил Туркову:

— У нас с ракетой, как ты знаешь, все в порядке. Роман Анисимович, цель достигнута. Спасибо за твой труд. Теперь спутники. Не спускай с них глаз. Сроки поджимают.

Создание уникальных, еще не виданных на земле летательных аппаратов, вызвало немалые трудности. Недоставало нужной оснастки, инструмента, подготовленных специалистов; многое создавалось непосредственно на заводе. Особое внимание Главный конструктор и руководство опытного завода обращали на развитие приборостроения.

Но не все удавалось, случались сбои, недоработки. НЖ заводе одно время плохо внедрялась автоматизация. Агитбригада предприятия даже сочинила об этом оперу. Кто-то сообщил об этом Королеву. Однажды, после торжественного заседания, Королев любопытствовал:

— Сегодня в концерте агитбригада участвует? Оперу послушаем?

— Нет, в программе оперы нет, — ответил руководитель концерта, — такой праздник! Не хотим сегодня о недостатках говорить.

— Предраассудки, — настаивал Королев. — Если все участники в сборе, сыграйте оперу. Я о ней много слышал.

...Опера, по воспоминаниям очевидцев, действительно была злая, очень остроумная. Досталось виновникам и за отношение к технической информации, и за поверхностное руководство рационализацией и изобретательством, и за неверное отношение к критике. Были в опере и «хоры», и «ансамбли», и «арии», даже увертюра. А самое главное — опера имела в основе твердый фактический материал.

«Люди гибнут за металл», — басил Новый Резец. «Я вам писала, не отпирайтесь», — обращалась к главному инженеру молодая Изобретательница.

«Не довольно ль вертеться, кружиться...» — пел хор. Вот на сцене в образе Кармен появляется Новая Фреза. Та самая, которую не хотят внедрять в производство. «Хабанера» вызывает в зале гомерический хохот и овацию. «Меня не любишь, но внедряюсь я, берегись любви моей!»

Горячее всех хлопал в ладоши Королев. После концерта Сергей Павлович и его спутники прошли за кулисы. Весело посмеиваясь, Главный похвалил:

— Смело вы нас! Кое-что не по адресу, но смело! Нам надо решать трудные задачи, и спасибо агитбригаде, что задает тон. — Потом, обратившись к руководителям общественных организаций, уже серьезно добавил:

— Надо ребят поощрить за смелость. Придя домой, Сергей Павлович, посмеиваясь, спросил Нину Ивановну об опере:

— Тебе понравилось? Ну как, нужна наша самодеятельность?

— Ты не видел, как я смеялась. А как аплодировал зал! Да и тебе порядком досталось, — ответила Нина Ивановна, довольная, что муж в хорошем настроении.

— Да, опера не для большой сцены. Но, надо думать, когда мы запустим спутник и затем все новые аппараты уйдут в космос, создадут об этом оперу. И мы с тобой обязательно ее послушаем, и не один раз.

— Но людей ты подобрал, Сергей, себе под стать. Смелые, ироничные. Не боятся начальства. Тебя теперь это не пугает?

— Что ты, то, что надо. Только с такими людьми и можно делать настоящее дело. С подхалимами прогресса не жди.

— Не побоялись, что руководитель недавно стал Героем Социалистического Труда.

— Утешает, что не только меня критиковали, — усмехаясь, сказал Сергей Павлович. — Пошли пить чай. Наталка не звонила?

Директор завода Р. А. Турков собрал совещание, на котором решались вопросы автоматизации производства, освоения новой техники. Присутствовал на совещании и Сергей Павлович.

Высказав свои соображения по поднятому вопросу, С. П. Королев согласился с пожеланиями заводского коллектива: «Новейшую технику надо делать наиновейшими средствами». В конце выступления обратился с просьбой:

— Не задержите спутники! Сроки поджимают. Очень прошу.

— Американцы, слышал по радио, поторапливаются, — раздался голос.

— Вот именно! Не к лицу нам отставать. Просто не можем.

...В одном из заводских помещений шел постепенный и, как это часто бывает в новом деле, не всегда гладкий перевод мыслей и идей в металл. Немало прошумело творческих споров, порой резких, но, как правило, необходимых для дела. Не все шло с ходу, порой срывались сроки, приходилось наверстывать упущенное. «Но работали с необычным энтузиазмом, выкладывались полностью. Не проходило дня, чтобы Сергей Павлович не заходил в цех», — вспоминает О. Г. Ивановский. Когда закончили макетный образец спутника, пригласили С. П. Королева. Многие ему не понравилось. Шов после сварки полусфер спутника выглядел грубым. Высказав М. С. Хомякову ряд справедливых претензий, Главный

признал:

— Условия, в которых идет работа, Михаил Степанович, не отвечают нашим требованиям. Не забывайте, это — спутник Земли, причем первый, самый первый. Он, если хотите, должен быть и красив. Для сварки надо использовать автоматы. Но это уже, видимо, моя забота, договорюсь. Очень прошу каждого быть предельно ответственным.

Прощаясь, еще раз напомнил ведущему конструктору:

— Везде должна быть стерильная чистота и максимум удобств для работы, — и, тут же отдав соответствующие распоряжения о переоборудовании рабочего места, снова обратился к инженерам: — Халаты, перчатки — обязательно. Под корпус спутника — бархатное ложе.

Праота Сергея Павловича подтверждалась неоднократно.

Шли испытания.

Герметичности корпуса спутника придавалось особое значение. Но добиться желаемого эффекта поначалу не смогли. Пришлось разбирать. И тут-то выяснилась причина: тонюсенькая ниточка попала под резиновую прокладку. Давно никто не видел Королева таким разгневанным.

— Вы понимаете, что вы создаете, что вам доверили. Не можете, так сдайте пропуск. — Эту фразу Сергея Павловича знали все. Это были самые страшные слова для сотрудников.

Королев ежедневно контролировал ход работ. Не обходилось и без курьезов. Многие сотрудники КБ помнят такой случай. Сергея Павловича для краткости за глаза называли «Эс Пэ», а спутник значился в документах как «Пэ Эс». Так вот на одном из технических совещаний М. С. Хомяков, докладывая о ходе дел, сказал примерно так:

— Работа по Эс Пэ идет точно по графику. Предварительные испытания систем показали, что все параметры Эс Пэ в норме.

Королев, улыбнувшись одними глазами, выслушал доклад ведущего конструктора до конца, а потом пояснил:

— Эс Пэ — это, кажется, я, а спутник Земли Пэ Эс. Все остальное принимаю к сведению.

Контроль велся жесткий. Однажды, не желая беспокоить Сергея Павловича — повода для этого не было, Михаил Степанович не позвонил ему ночью, как делал прежде, когда что-нибудь не ладилось. Попало крепко. Главный любил твердую дисциплину, в малом и большом.

Сроки сдачи спутника поджимали. Как-то во время ночного обхода цеха Королев спросил Михаила Степановича:

— Когда домой уезжаете?

— Часа в три, — ответил он.

— Устал, Михаил Степанович?

— Я-то ничего, а вот вы?

— Сейчас нам некогда о здоровье думать, — помолчал немного и попросил: — Вот что, Михаил Степанович, возьмите мою машину, съездите домой. Скажите жене, что уезжаете в командировку. Соберите чемоданчик. А мы тут что-нибудь придумаем для вашего отдыха.

Работы велись без шумихи и преждевременной рекламы, которых так не любил Королев. И вообще Сергей Павлович предпочитал сначала завершить дело, а потом говорить о нем. Поэтому все космические эксперименты, проводившиеся под его техническим руководством, становились сенсацией не только по причине их научной новизны, первооткрытия, но и потому, что были неожиданными для тех, кто не связан с исследованием космоса.

Мир еще не подозревал, что скоро произойдет событие, которое перевернет привычные, тысячелетиями выработанные представления человека о Земле, о космосе.

Сергей Павлович всегда возвращался домой на одной и той же черной «Волге». Откинувшись на спинку сиденья, он обычно мысленно подводил итог дневным делам, сокрушался, что не все успел, прикидывал план на завтра. Сегодня он отступил от обычного правила. Перед окончанием работы помощник передал ему давно обещанную стенографическую запись выступлений его соратников и друзей на ученом совете НИИ, посвященном его пятидесятилетию и награждению орденом Ленина. Королев честолюбив, но в меру. Высокая оценка деятельности, высказанная на совете, льстила ему. Но он тогда в феврале как-то не понял слов Глушко о Циолковском и о нем. Достав из папки запись выступления Валентина Петровича, Королев прочитал: «Сергей Павлович и руководимый им коллектив, используя отечественный и зарубежный опыт, не только обогатили теорию техники, но и создали ряд ракет наиболее совершенного типа для данного уровня развития этой техники, имеющих большое практическое значение. Таким образом, в истории развития отечественных ракет по размеру сделанного в их развитие вклада Сергей Павлович занимает первое место после Циолковского».

Прочитав сказанное, Королев улыбнулся: «Переборщил Валентин Петрович. Я и Циолковский?! Несравнимы. Он жил впереди своего века, а я — скорее всего — шагаю в ногу со временем».

Часть третья

ПРИЗНАНИЕ

...Как бы ни были совершенны приборы и аппаратура на автоматических станциях, все же ничто не может заменить разум пытливого исследователя. В настоящее время уже имеются условия и средства, необходимые для того, чтобы советский исследователь мог совершить космический полет. Осуществление полета человека в космос откроет новые невиданные перспективы развития науки. За первыми полетами туда последует создание на орбите около Земли постоянной орбитальной обитаемой станции, где научные сотрудники будут систематически вести равносторонние наблюдения, проводить опыты... Ракеты, предназначенные для связи, будут совершать регулярные рейсы с Земли на станцию и обратно. Появятся искусственные спутники Земли для различных народнохозяйственных целей...

Нет сомнения в том, что не за горами и то время, когда могучие космические корабли весом во много десятков тонн, оснащенные всевозможной научной аппаратурой, с многочисленным экипажем, покинут Землю и, подобно древним аргонавтам, отправятся в далекий путь. Они отправятся в заоблачное путешествие, в многолетний космический рейс к Марсу, Венере и другим далеким мирам. Можно надеяться, что в этом благородном исполинском деле будет все более расширяться международное сотрудничество ученых, проникнутых желанием трудиться на благо всего человечества, во имя мира и прогресса.

С. Королев

Замыслы и свершения

1958. Королев руководил запуском третьего спутника Земли — первой в мире автоматической научной станции; закончил работы по созданию первой советской баллистической ракеты дальнего действия, хранимой и транспортируемой в заправленном состоянии; осуществил модернизацию ракеты-носителя «Спутник», создав трехступенчатую ракету «Восток»; выступил с докладом «О программе исследования Луны».

1959. Подготовил проект докладной записки в правительство «О развитии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по освоению космического пространства»; руководил запуском первых в мире автоматических межпланетных станций типа «Луна», перекинувших мост «Земля — Луна» и сфотографировавших впервые обратную сторону вечной спутницы Земли; возглавил разработку и строительство первого космического корабля.

1960. Написал письмо в министерство «Об ускорении работ над автоматическими лунными станциями»; подготовил записку в Академию наук СССР «О мирном использовании космического пространства», изложил точку зрения на правовые проблемы по международному сотрудничеству в исследовании космоса.

1961. Руководил запуском в космос автоматической межпланетной станции «Венера-1» четырехступенчатой ракетой «Молния»; осуществил запуски на орбиту вокруг Земли первых в мире пилотируемых кораблей «Восток» и «Восток-2» с космонавтами на борту — Юрием Гагариным и Германом Титовым,

Глава первая

Не прикован к своей планете

*Пламенный энтузиаст науки.
Первый великий шаг.
Полигон стал космодромом.
Подвиг и его фальсификаторы.*

Калуга ждала гостей. Принарядилась. 15 сентября 1957 года в городе должны были начаться торжества: отмечалось 100-летие со дня рождения К. Э. Циолковского.

Королев вместе с Ниной Ивановной приехал в город рано утром. Сергей Павлович попросил шофера ехать не спеша. С удовольствием осматривал город. Целые улицы новых красивых домов соседствовали с памятниками старины, с каменными «купецкими рядами». Вчерашнее и сегодняшнее дополняло друг друга. Вот и знакомая улица, что круто спускается к Оке. В конце ее стоит деревянный дом с двумя побеленными кирпичными трубами. Над одной из них вился сизый дымок, уносимый ветром к реке. Этот дом Циолковские приобрели в 1904 году. Но вскоре он оказался тесен для многочисленной семьи. Через несколько лет к нему пристроили большую мансарду с застекленной верандой. Там, наверху, Константин Эдуардович устроил себе рабочий кабинет и оборудовал мастерскую. В этом доме семья Циолковских жила до 1932 года, когда Константину Эдуардовичу подарили новый, более просторный дом, на этой улице, названной его именем. Новоселье отмечали в дни празднования 75-летия со дня рождения ученого.

Оставив машину в начале спуска, Сергей Павлович и Нина Ивановна пошли к Дому-музею. Там их встретили научный сотрудник Софья Матвеевна Зотова и внук Циолковского Алексей Вениаминович Костин.

— Сергей Павлович, — представился Королев. — Моя жена. Хотелось бы начать осмотр музея с кабинета ученого.

— Хорошо. Тогда прошу наверх по этой лестнице, — показал Костин.

Не знали еще «экскурсоводы», что их гость — Главный конструктор. Не знала и мать Алексея Костина — Мария Константиновна, дочь Циолковского, — что в их старый домик пришел человек, который продолжает великое дело ее отца, а сейчас, как и в 1932 году, еще и член

организационного комитета по проведению юбилейных торжеств.

Все четверо по крутой лестнице поднялись на второй этаж и очутились в рабочем кабинете К. Э. Циолковского. Небольшая комната со столом, кроватью, креслами, книжными полками: настолько просто, скромно. Не верилось, что в ней жил, работал человек столь высокой и дерзостной мысли!

— В эту комнату Константин Эдуардович перешел в 1908 году, — сообщила Зотова. — Он любил по вечерам недолгу засиживаться, а по утрам вставать рано. Тут ему было удобнее — не беспокоил семью.

Сергей Павлович подошел к большому двухтумбовому письменному столу, занимавшему весь простенок между двумя окнами. К нему примыкали два мягких кресла на точеных ножках и с высокими, закругленными сверху спинками.

— Константин Эдуардович, когда работал за столом, брал вот этот венский стул, — объясняла Зотова. — Но обычно он сидел в кресле, чуть согнувшись, что-то писал на листках бумаги, положенных на небольшую фанерку, которую он держал на коленях. Вечерами зажигал керосиновую лампу. Электричество в доме появилось только в 1931 году. Константин Эдуардович подвигал лампу ближе к креслу, позади нее ставил вот это зеркало.

— Рефлектор! Разумно. Увеличивает освещенность.

— Но под потолком висячая лампа, — подсказала Нина Ивановна.

— По проволоке, протянутой от одной стены до другой, Константин Эдуардович передвигал лампу туда, где ему нужнее, например, возле полок с книгами.

Сергей Павлович повернулся в сторону библиотеки. Полки были явно самодельными, но выполнены с хорошим знанием столярного дела. На первом плане стояли книги ракетчиков — Ф. А. Цандера, Ю. В. Кондратюка, М. К. Тихонравова и других. На многих из них дарственные надписи. Но напрасно Королев искал свою работу — «Ракетный полет в стратосфере», подаренную Константину Эдуардовичу еще в 1934 году.

— А что, здесь, на полках, не все книги, принадлежавшие Константину Эдуардовичу?

— К сожалению! Много нет — вот ищем книгу Королева. Константин Эдуардович часто обращался к ней, хвалил... — откликнулся Костин.

— Мы не познакомились сразу. Извините. Я и есть Королев.

— Очень, очень рады знакомству, — радостно ответил Костин. — Извините, я на секунду вас покину. — И он вышел из комнаты.

Несколько огорченный, что не нашел своей книги, Сергей Павлович

вновь вернулся к столу Циолковского, здесь все постарались восстановить так, как было при жизни Константина Эдуардовича. В каком-то необъяснимом порядке на столешнице лежали научно-технические журналы, линейка, папка с бумагами, фотоаппарат, стоял маленький глобус. Сергей Павлович долго молча разглядывал его, словно искал на нем космодром, с которого через несколько дней поднимется космический первенец. Он пальцем мысленно обвел вокруг него, как бы намечая орбиту искусственному спутнику Земли. Ему так хотелось взять глобус в руки, но он удержался.

«Тот глобус, что подарил мне Валентин Петрович Глушко в день пятидесятилетия, немного больше, — мелькнуло в голове, — и на нем Байконур не указан. Пока... А когда-нибудь он будет на всех картах и глобусах. Наш первый космодром. Хорошую надпись придумал Глушко: «Шлю тебе этот «шарик», Сергей, с глубокой надеждой, что нам с тобой доведется своими глазами увидеть живую Землю такой же величины». Да мы-то вряд ли. А вот другие обязательно, обязательно. А жалко, что не я. Ведь ради этого, по сути, жил. Эх! Кабы помоложе был да сердце поновее. Опять «барахлит мотор». Нина ругает меня — «не бережешь себя». Берегу. Надо голову беречь, а не сердце», — усмехнулся Сергей Павлович.

Вернулся Костин. Он держал небольшую книгу.

— Вот, Сергей Павлович, книга. В ней собраны основные материалы, связанные с семидесятипятилетием моего деда. Здесь и ваша телеграмма.

— Хорошо, что она сохранилась, — взял в руки книгу, полистал ее. — Гирдовцы горячо любили Константина Эдуардовича, — заметил Королев. — Его труды — путеводная звезда на многие годы. — Возвращая сборник Костину, спросил: — Можно, мне посмотреть журналы на полках, да и книги Константина Эдуардовича хотелось бы поддержать.

— Разумеется. Вам можно.

Сергей Павлович бережно брал один том за другим, листал. Почти все он читал. Некоторые из них почти тридцать лет назад он получил из рук Константина Эдуардовича.

— Надо подумать об издании Полного собрания всех трудов Циолковского. Пора, самая пора. Он жил впереди своего века...

Королев отошел от книжной полки, окинул взглядом кровать, стоящую у стены и накрытую простеньким покрывалом, потом взял со стола «слухач» — приложил к уху.

— В музее трогать экспонаты руками не разрешается, — почти одними губами сказала Нина Ивановна.

Но «слухач» воспринял шепот жены так сильно, что Королев, чуть

вздрагнув, рассмеялся.

— Великолепная слышимость!

— Константин Эдуардович предупреждал собеседника, — напомнила Софья Зотова. — «Говорите как обычно. Не напрягайте голоса, я вас слышу хорошо».

Взгляд Королева задержался на другом столе, где стояли физические приборы, вплотную подошел к скульптурному портрету Циолковского, вылепленному И. П. Архиповым.

— Я помню эту работу, видел ее в Москве на первой выставке материалов по космонавтике, — сказал Сергей Павлович жене. — Это было в 1927 году. Портретом Константина Эдуардовича открывалась экспозиция, посвященная его идеям.

— А вот эту подозрную трубу на самодельной треноге Константин Эдуардович выносил на крышу дровяного склада — он примыкает к веранде — и наблюдал звездное небо, — пояснял Костин.

Алексей Костин предложил гостям зайти «на веранду». Сергей Павлович и Нина Ивановна осмотрели столярный верстак, тиски, токарный станок с ножным приводом, набор различных слесарных и столярных инструментов, напольные ножницы для резки железа, небольшое приспособление для гофрирования жести, которую Циолковский использовал для создания модели дирижабля.

Очень внимательно Королев осматривал и новую экспозицию, посвященную современной ракетной технике как воплощению идей Циолковского. Ее подготовило ОКБ Королева по указанию и пожеланиям самого Главного конструктора.

Пришла пора прощаться.

— Спасибо большое. Я рад, что посетил Дом-музей

Константина Эдуардовича. — Его я считаю главным своим учителем. Побыл бы еще, но время торопит. Надо ехать в школу, где преподавал Константин Эдуардович, — заторопился Сергей Павлович.

— Приезжайте еще, — пригласила С. М. Зотова. В железнодорожной школе № 9 в этот день открывался музей К. Э. Циолковского. Право открыть его предоставили академику А. А. Благонравову. Потом выступил Королев.

— Мои юные друзья! — обратился Сергей Павлович к школьникам. — Мы с большим волнением входим в вашу школу, сознаем, что здесь долгие годы преподавал Циолковский, и, возможно, в эти годы у него рождались те великие идеи, над воплощением которых мы сейчас работаем. Переступая порог школы, — улыбнулся Королев, — мы тщательно отряхивали пыль

земную. А ведь пройдет немного времени, и здесь космонавты будут отряхивать пыль космическую...

В середине дня на калужской площади состоялась закладка памятника К. Э. Циолковскому. Королев невнимательно слушал речи выступающих. Уловил лишь слова: «Наш древний город — город Циолковского. Он должен стать городом-памятником ему».

«Вот это правильно», — подумал Королев и снова мысленно перенесся на Байконур, где шла подготовка к запуску первого искусственного спутника Земли. «Вернувшись», Сергей Павлович негромко сказал стоящим рядом с ним А. А. Благонравову и В. П. Глушко:

— Бронза, гранит... Но лучшим памятником гению будет наш спутник. Макет его надо подарить калужанам.

— Знаю все про вас, Сергей Павлович, у вас на очереди три спутника да кое-что еще в запасе... Все сюда! Это уже целая экспозиция. Пожалуй, время думать о крупном музее космонавтики, как вы смотрите? — спросил А. А. Благонравов.

— На том и порешим, Анатолий Аркадьевич, — согласился В. П. Глушко. — Вы член президиума Академии наук. Кому, как не вам, и карты в руки. А мы обеими руками «за».

Возвращался в Москву Сергей Павлович в хорошем настроении. Машина мчалась по шоссе Калуга — Москва. Дорога шла среди леса, то спускалась в ложбины, то круто поднималась вверх. Яркий осенний пейзаж резко менялся.

— Красиво! Но знаешь, Нина, я с юности люблю море. Одесса... Я тебе не рассказывал? Во время планерных состязаний в Коктебеле пошли с ребятами в Феодосийский музей. Там неожиданно встретились с великолепным летчиком, одним из руководителей состязаний Константином Константиновичем Арцеуловым. Мы тогда не знали, что он внук великого Айвазовского. Он о каждой картине так много нам рассказывал, словно сам ее писал. «Водный океан и воздушный океан, — говорил он, — две великие стихии, и обе они для нас, людей». А теперь еще космос. Совсем недавно взял я почитать книжку о Чкалове и на титульном листе увидел:

«Художник К. К. Арцеулов».

— Он жив?

— Здравствует. Как-то ДОСААФ отмечал очередную годовщину планерного спорта. Мы и встретились. Все такой же подтянутый, строгий. Он не забыл крымских встреч. Многие из выходцев «Коктебельского

гнезда» стали замечательными летчиками, авиационными конструкторами.

Королев умолк. Откинулся на спинку сиденья в надежде задремать, но сон не приходил. Невольно стал вспоминать события минувшего дня: возложение цветов на могилу Константина Эдуардовича, заседание в местном театре. «И все-таки самое волнующее, — подумал Сергей Павлович, — дом, где жил Циолковский».

Мысленно Королев еще раз прошелся по музею Циолковского, вспомнил большой письменный стол.

Неожиданно для Нины Ивановны, решившей, что муж задремал, Сергей Павлович громко хмыкнул, а потом рассмеялся.

— Что с тобой, сладкий сон?

— Да я не спал. Вспомнил одну историю. Недавно ко мне пришел один из специалистов и говорит: «Товарищ Королев, кабинет у меня тесен, даже некуда поставить диван».

— Любопытно, что ты ему ответил?

— Вы видите, у меня тоже нет дивана, — сказал я просителю. — А знаете, почему? Чтобы ко сну не тянуло. Но не возражаю. Если большую склонность к отдыху имеете, поставим к вам диван. Ну а письменный стол вынесем, согласны?

— А потом его уволили?

— Нет. Специалист он был неглупый, нужный. Больше года меня избегал. Все это я вспомнил, когда осматривал кабинет Циолковского. Как мудр наш народ «Не место красит человека, — говорит он, — а человек место». — Не без удовольствия добавил: — У меня рабочий кабинет в КБ не больше, чем у Константина Эдуардовича дома.

— Ой, хвастунишка же ты, Сергей. О чем ты уже успел подумать?

— Дел столько, Нина. Сегодня гранки статьи для «Правды» обещали прислать. Завтра хотелось бы побывать на открытии памятника Циолковскому.

— А почему выбрали место у академии Жуковского?

— Когда-то, в середине двадцатых годов, Циолковский выступил там с лекцией о полетах на планеты. Там же слушатели создали и первое в мире общество изучения межпланетных сообщений.

— Слышала. И еще у тебя доклад, — напомнила жена.

— И еще доклад.

Сергей Павлович достал записную книжку. «Сколько лет собираюсь вести дневник, все некогда», — подумав он, рассматривая записи — перепись дел на ближайшие дни. «Напомнить С., проконтролировать М., сообщить П., поздравить Н.», — подумал и дописал: «Гранки «Правда».

Убрал книжку во внутренний карман пиджака и, продолжая разговор, обратился к жене:

— С полигоном целые сутки не связывался. Да, ты, Нина, обещала перевести две статьи из американских журналов.

— Ты невнимателен, Сергей. Первую два дня назад я положила на стол.

— Извини, не заметил. Спасибо.

Машина въехала в Москву. Через полчаса езды по нешумным улицам она остановилась недалеко от площади Коммуны, на Самотечной улице, возле дома 17, где, недавно переехав из Подлипков, жили Королевы. Едва раздевшись, Сергей Павлович подошел к телефону, снял трубку.

— Королев. Соедините меня с КБ.

...17 сентября Колонный зал Дома союзов сверкал огнями. Шло торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Это был своеобразный отчет ракетчиков перед общественностью, отчет о том, что сделано страной по воплощению идей великого ученого. Высоко над столом президиума — портрет К. Э. Циолковского.

Неожиданно в зале зазвучал голос Циолковского, записанный на пленку еще в мае 1935 года: «Теперь, товарищи, я точно уверен в том, что и моя другая мечта — межпланетные путешествия — мною теоретически обоснованная, претворится в действительность».

Выступить с докладами на столь знаменательном юбилейном вечере Академия наук СССР поручила двум выдающимся ракетчикам В. П. Глушко и С. П. Королеву.

— Самое замечательное, смелое и оригинальное создание творческого ума Циолковского, — говорил Королев, вслед за выступлением Глушко, — это его идеи и работы в области ракетной техники. Здесь он не имеет предшественников и намного опережает ученых всех стран и современную ему эпоху. Трудно переоценить все значение предложения Константина Эдуардовича о составных многоступенчатых ракетах и ракетных поездах. По существу, это предложение открыло дорогу человеку в космическое пространство. Он изобретатель, утвердивший приоритет нашей Родины рядом выдающихся изобретений и технических предложений... Он ученый и исследователь, смело прокладывающий пути в новое, еще неизведанное в науке, и тут же как истинный ученый, блестяще научно обосновавший свои открытия. И, наконец, — он горячий патриот Советской Родины, неутомимый труженик и пламенный энтузиаст науки, которой он целиком посвятил и отдал всю свою жизнь...

Зал разразился горячими аплодисментами. Королев мельком взглянул в первые ряды зала. Там сидели Мария Николаевна и Нина Ивановна. Они слушали его с гордостью, радовались его успехам. Матери казалось сказочным сном, что ее Сергей удостоен звания Героя Социалистического Труда. «Как он был прав, когда с юных лет выбрал себе путь в жизни», — подумала она, слушая доклад сына. Нине Ивановне казалось, что муж говорит сухо: читает текст, а не беседует с аудиторией. Ведь не так, наверное, бывало на его лекциях в МВТУ. Дома он внимательно готовился к ним, тщательно подбирая слова, чтобы убедить студентов: ракетная техника — навсегда, что нужны кадры специалистов, много специалистов. После лекций приходил домой довольный, радовался тому, что молодежь растет талантливая, готовая посвятить себя космонавтике...

...А с трибуны Колонного зала Королев продолжал говорить уверенно, все более и более воодушевляясь, вкладывая в каждое слово свое глубокое уважение и преклонение перед гениальной прозорливостью Константина Эдуардовича, бесконечно верившего не только в осуществление полета человека в космос, но и завоевание всего окосолнечного пространства.

Сергею Павловичу очень хотелось сказать аудитории, что в ракетную технику он пришел после калужской встречи с Константином Эдуардовичем в 1929 году, но сдержался: «Неуместно, — посчитал он, — говорить об этом в официальном докладе, да и нескромно ставить себя рядом с великим ученым».

Тем более что в самом начале доклада он развернул перед собравшимися панораму предстоящих грандиозных дел, которые еще только предстояло осуществить.

— В ближайшее время с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски искусственных спутников Земли. Советские ученые работают над многими новыми проблемами ракетной техники, например, над проблемой посылки ракеты на Луну и облета Луны, над проблемой полета человека на ракете, над вопросами глубокого проникновения и исследования космического пространства...

Зал на это не отреагировал. Большинство посчитали сказанное далеким будущим, если не фантазией.

На пути домой Мария Николаевна и Сергей Павлович сели рядом, а Нина Ивановна с шофером.

Вначале ехали молча. Москва сверкала огнями, сотни машин, мчащихся по обеим сторонам улицы, создавали впечатление двух текущих навстречу друг другу многоцветных рек.

Первой заговорила Мария Николаевна. Расчувствовавшись, она взяла

руку Сергея Павловича.

— Я счастлива, что дожила до твоего возвышения...

— Что бы я мог достичь без тебя, без твоей помощи в трудные дни... Спасибо тебе за все... И тебе, и Григорию Михайловичу.

— Поедемте к нам, Мария Николаевна, посидим, поговорим, — предложила Нина Ивановна.

— Спасибо, Нина. Время позднее. Да и устала я. Мне ведь скоро семьдесят. Время как летит!

Попросив шофера завернуть на Октябрьскую, где по-прежнему жили мать и отчим, Сергей Павлович спросил:

— Как тебе мой доклад, мама?

— Не обижайся. Я, грешным делом, слушала тебя невнимательно. Ты говорил, а я мысленно перечитала книгу твоей жизни от рождения до появления на этой трибуне, — печально улыбнулась. — Сколько пережито.

— Вот тебе и раз, не слушала. Жаль, — огорчился Королев. — Ну, что же делать, — и достал из папки, где лежал доклад, газету «Правда». — Тут помещена моя статья о Циолковском. Сокращенный вариант доклада. Почитай на досуге...

Ночью 19 сентября С. П. Королев и другие главные конструкторы отбыли на полигон. Все звали: в интересах экономии времени полеты на Байконур совершались ночью. «День — для работы, ночь — для сна», — обычно шутил Главный.

Перед тем как подняться в самолет, Королев позвонил в ОКБ Д. И. Козлову, ведущему конструктору по Р-7, и напомнил:

— Дмитрий Ильич! Днью и ночуй на заводе. Следующая машина нам нужна строго по плану — день в день.

Едва С. П. Королев ступил на землю полигона, как сразу включился в работу. В сопровождении группы специалистов Конструкторского бюро и руководителей полигона отправился в монтажно-испытательный корпус. Предъявив вахтеру пропуск, вошел в помещение. Двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, превращенная в первый в истории космический ракетоноситель, покоилась на ложементх транспортно-установочного агрегата. Сергей Павлович один обошел ракету, остановился возле того места, где вскоре должен быть присоединен ПС-1. Сергей Павлович надеялся встретить тут знакомого инженера, но его не оказалось. Новый специалист, не зная Главного в лицо, увидев подошедшего, да еще без халата, заметил:

— Не люблю, когда смотрят под руку. Вам что?

— Да так! — опешил Королев.

— Тогда, извините, на экскурсию потом, — и, повернувшись спиной, продолжал работу.

Сергей Павлович вернулся к ожидавшим его специалистам, спросил у руководителя стартовой команды А. И. Носова:

— А почему нет, Александр Иванович, на месте прежнего инженера? Болен?

— Уехал! — и, заметив в глазах Королева недоумение, пояснил: — Отслужил свой срок и уехал.

— Какой срок? — вскипел Главный. — При чем тут срок? Мы еще только все начинаем.

Носов объяснил, что инженер-капитан вышел в отставку и уехал на новое место жительства.

— Бросил такую работу? — непонимающе развел руками ученый. — Ну что за люди пошли?! — и неожиданно попросил: — Возьмите мой самолет, пошлите умного человека к нему и скажите: «Королев очень просит вас вернуться». Так и скажите: «очень просит».

Вспомнил о неприятной встрече с незнакомым специалистом, проворчал:

— А кто это такой у вас тут, новенький? Откуда? Как работает? — И, не дождавшись ответа, сам же и дал ему оценку: — Строгий, кажется, деловой.

Подготовка к подъему первой ракетно-космической системы шла строго по графику. Последние дни перед запуском спутника Королев словно летал по главным объектам полигона. Его можно было видеть повсюду: проверял, советовал, горячился, а случалось, и ругался.

Пилюгин застал Королева возле его домика, на скамейке, которую называл «раздумной». От королевского жилья до монтажно-испытательного корпуса, где проводились комплексные испытания спутника, всего с полкилометра, и Николай Алексеевич предложил Сергею Павловичу пойти пешком. Где-то на полпути к МИКу Королев внезапно остановился, будто дорогу ему перебежала черная кошка.

— Взгляни-ка, Николай, на этот грузовичок, — иронически проронил Главный и тут же помрачнел. — Не к добру.

Пилюгин посмотрел на машину. С портрета на лобовом стекле на них смотрел многозначительно, как живой, сам Берия.

— Из тех! Сколько он специально выпустил на волю. Чтут «дорогого» покойничка, — пробурчал Пилюгин.

— Невероятны повороты судьбы, — с горькой усмешкой ответил Королев. — Разве могло взбрести мне в голову! Я, бывший «зек», буду

сидеть лицом к лицу с этим палачом, да еще в его кабинете?

Николай Алексеевич промолчал. Он на всю жизнь запомнил вызов на совещание к Берии, который по заданию Сталина курировал атомное и ракетное дело. В тот день всемогущий член Политбюро в начале беседы являл собой самую учтивость, но в середине ее не выдержал и уже не говорил, а рычал, требуя от специалистов сдать ракету на вооружение армии ранее возможных сроков.

— Любил Берия поучать нас, грешных, — вспоминал Королев сороковые годы. — Лаврентий пытался учить уму-разуму даже Курчатова. Великого ученого с мировым именем. Наглец!

— Признаюсь, мы тогда поразились твоей смелости. Не каждый бы решился, как ты, отстаивать срок в три года. Я — побоялся.

— Некуда было деться, Николай, — печально улыбнулся Королев. — Представь себе, что мы согласились с требованием Берии, а потом сорвали бы сроки? И шагать-шагать бы нам с тобой босичком по шпалам до самой Кольмы.

— Что верно, то верно. Спасибо маршалу Жукову, он крепко поддержал нас в те годы.

Предъявив пропуска солдату, накинув на плечи белые халаты, ученые вошли в МИК и разошлись каждый по своим делам.

...На бархатном ложе, поблескивая зеркальной поверхностью, лежал шар диаметром 58 сантиметров с четырьмя антеннами длиной в 2,4 и 2,9 метра.

...В последний день перед стыковкой спутника к ракете решили еще раз проверить его систему питания. Техник подключил вольтметр, стрелка недвижима. Еще раз. Стрелка недвижима. К технику кинулся Олег Генрихович Ивановский, заместитель ведущего конструктора по спутнику. Сам подключил вольтметр. Напряжение — нуль! Что же произошло? Аккумуляторная батарея — устройство невесть какое сложное. Где-где, а уж здесь никак не ожидали недоразумений. Лицо инженера вспыхнуло.

Королев шагнул вперед и сразу оценил ситуацию.

— Вскройте, — еле сдерживаясь, не разжимая зубов, выдавил из себя Королев.

Монтажники быстро вскрыли спутник. Развернули блестящие полированные «полуоболочки», достали батарею. Все увидели несколько проводов, оторвавшихся из-за плохой пайки.

— Откуда такая небрежность? Я вас спрашиваю? — обрушился Королев на всех. — Вот из-за такой расхлябанности наш спутник в космосе остался бы нем как рыба. Десятки людей думали, как сделать,

чтобы голос спутника услышал весь мир. А вы??! Уволить! Домой, по шпалам, пешком! — почти кричал Королев. Потом немного успокоился. — Такое дело делаем, а вы? Работ-нички! — и быстрым шагом вышел из помещения.

Провода тут же заменили, все надежно припаяли и батарею водрузили на место. Подана команда, и спутник заговорил: бип, бип, бил. Вскоре его перевезли в монтажный вал к ракете-носителю, пристыковали и закрыли специальным обтекателем, чтобы не повредить рукотворное «небесное тело» во время прохождения плотных слоев атмосферы.

...3 октября утром у монтажно-испытательного корпуса собрались ученые, конструкторы, члены Государственной комиссии во главе с В. М. Рябиковым, все, кто в этот день связан со стартом... Ждали вывоза двухступенчатой ракетно-космической системы «Спутник» на стартовую площадку.

Открылись металлические ворота. Тепловоз как бы вытолкнул размещенную на специальной платформе ракету. С. П. Королев, устанавливая новую традицию, снял шляпу. Его примеру высокой уважительности к труду, создавшему это чудо техники, последовали и другие. Королев несколько шагов прошел за ракетой, остановился и по старому русскому обычаю пожелал: «Ну, с богом!»

Последние часы перед пуском вечером нового дня оказались самыми трудными. С одной стороны, всем хотелось быстрее, а с другой понимали — не тот случай, чтобы торопиться. С. П. Королев в эти часы предельно собран. Его фигура в лучах прожекторов, которыми в ту ночь освещалось стартовая площадка и сама ракета, казавшаяся каким-то фантастическим сооружением, появлялась то тут, то там. Около девятнадцати он уже в который раз зашел на командный пункт и молча посмотрел да присутствовавших там специалистов.

— Все идет до графика, — успокаивая Главного, доложил А. И. Носов, — не волнуйтесь.

— Лучше, чем ожидал, — добавил Л. А. Воскресенский.

До начала космической эры остались считанные часы. Что ожидало Королева и его соратников? Будет ли 4 октября тем победным днем, о котором мечтал он многие годы? Небо в ту ночь, усеянное звездами, казалось, стало ближе к Земле. И все, кто присутствовал на стартовой площадке, невольно заглядывали в него. Что думал Сергей Павлович, глядя в темное небо, мерцающее мириадами близких и далеких звезд? Может, вспомнились слова Константина Эдуардовича Циолковского:

«Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за

атмосферу и сделаться спутником Земли», а может, его тревожила другая, неприятная мысль:

«А если неудача, если в счет не взяты какие-то непредвиденные обстоятельства, может, и пустяковые, как недавно с сигналами спутника?»

За полтора часа до запуска ракеты-носителя С. П. Королев заметил на площадке ведущего конструктора по спутнику М. С. Хомякова, подошел к нему:

— Прошу вас, Михаил Степанович, подняться, — он рукой показал на ракету. — Проверьте в переходном отсеке систему разделения. Как бы не подвела. И еще раз проконтролируйте люки. Доложите мне по шлемофонной связи.

У Королева выработалось твердое правило: «Лучше десять раз проверить, чем один раз забыть».

Тут Сергей Павлович увидел инженера, за которым посылал самолет. Специалист вернулся на полигон тем же рейсом. Королев подошел к нему.

— Уже работаете? Ну вот и хорошо. Спасибо, что вернулись. Не люблю менять людей, к которым привык и которым доверяю. Извините, что сорвал вас с новой работы.

— Вам спасибо, Сергей Павлович. Счастлив, что вернулся к любимому делу. Через неделю придет семья.

— Как с квартирой, зарплатой? Это я проверю сам. Еще раз спасибо вам, — и, пожав руку инженеру, направился к группе главных конструкторов, стоявших в стороне и ожидавших его. Все вместе пошли на заключительное заседание Государственной комиссии. До начала эксперимента оставался час с небольшим.

Слово предоставили С. П. Королеву. Все ждали подробного доклада.

Главный поднялся из-за стола медленнее обычного. Осмотрелся вокруг. И, словно желая получить поддержку, взглянул на Пилюгина, тот молча, одними глазами сказал: «Давай», потом на Глушко, задержал взгляд на маршале Неделине, который не отвел глаз, смотрел по-доброму, открыто, ожидая, что скажет Королев.

— Ракета-носитель и спутник прошли предстартовые испытания. Предлагаю осуществить запуск ракетно-космического комплекса в назначенное время, сегодня, в 22 часа 28 минут по московскому времени. — и сел.

Столь краткое выступление было неожиданно даже для председателя Государственной комиссии. Но он понял: Сергей Павлович хочет избежать ненужных словопрений, уверен в успехе эксперимента.

— Будем голосовать. Кто за предложение товарища Королева? — и

первым поднял руку.

Заседание закончилось. Одни специалисты уехали на узел связи, другие — на смотровые площадки. Вскоре на стартовой площадке появился горнист. Ловко вскинув к губам блеснувшую в лучах прожекторов трубу, он заиграл знаменитое армейское: «Слушайте все! Слушайте все!» Звонкое, ликующее «тата-та-та-та» разорвало ночное безмолвие казахстанской степи.

Стартовая площадка опустела. Ракета словно живая «дышала» белым паром. С. П. Королев и Н. А. Пилюгин вошли в пультовую, размещенную в небольшом продолговатом помещении подземного командного бункера. Тут два перископа, хронометры.

Вдоль стен — пульта с тумблерами, рукоятками, кнопками, транспарантами. Возле них — дежурные операторы. Королев и Пилюгин сели за столик, места у перископов заняли Л. А. Воскресенский и руководитель стартовой команды А. И. Носов. Оба они отвечали за пуск ракетно-космической системы.

С. П. Королев снял трубку.

— Королев... Москву... Через полчаса начинаем. Время прежнее. Да, сигнал спутника активный... Лучше всякой музыки... Желательно... Вначале короткое сообщение на радио... Спасибо... К черту, к черту...

Вполголоса, словно боясь нарушить торжественность наступающего момента, говорили между собой присутствующие. Когда до выдачи команды на пуск ракеты оставались считанные минуты, Воскресенский повернулся к Сергею Павловичу. Тот молча кивнул головой.

Замерли у пультов операторы. Наступила полная тишина. Весь внимание оператор пуска старший лейтенант Борис Чекунов.

Одна за другой с короткими интервалами идут команды стреляющего полковника Е. И. Осташева. И наконец завершающая:

— Пуск!

Борис Чекунов нажал кнопку «Пуск».

— Двадцать два часа двадцать восемь минут, — резюмирует Николай Алексеевич Пилюгин. — Точно по графику.

Королев встал, сделал шаг, другой, остановился. В подземелье донесся нарастающий ровный гул двигателей ракеты-носителя.

— Отлично идет! — кричит Воскресенский, не отрывая глаз от перископа. — Выброс струй из сопел ровный, мощный.

Набирая скорость, ракета уверенно мчалась ввысь.

— Спасибо, товарищи, — поблагодарил Королев пускающих, операторов. — Ну что же, пора, — и стал подниматься по крутой каменной

лестнице вверх, к выходу из бункера. За ним последовали остальные.

Когда Королев вышел из подземелья, в небе еще висел след от мчавшейся ракеты, напоминавший Млечный Путь. Дорожка, проложенная ракетой, казалось, разрезала на две равные части ночной купол неба. На стартовой площадке собрались все, кто нес вахту на командном пункте, в других укрытиях. Нервное возбуждение не ослабевало. Надо ждать, пока ракета не вынесет спутник на орбиту и тот не споет свое «бип». Прохладный ветерок мчался над степью, где-то на горизонте уже появилась узкая полоса зари, отделившая день от ночи. По местному казахстанскому времени — уже 5 октября.

— Есть сигнал, — раздался по открытой связи голос оператора. — Есть. Включаю.

В ту же секунду из динамика над степью полился звонкий, уверенный голос спутника: «бип-бип-бип...»

Все дружно зааплодировали. Кто-то закричал «ура!». Его подхватили остальные. Крепкие рукопожатия, объятия.

Сергей Павлович оглянулся. Келдыш, Глушко, Тихонравов, Бармин, Кузнецов, Рябиков, все здесь, рядом, потом взглянул на Пилюгина. Тот стоял взволнованный, безуспешно пытаясь сделать бумажную коробочку.

— Да брось ты, Николай, свои игрушки, — в сердцах крикнул Королев, вырывая из рук друга листок бумаги. — Послушай, какая музыка.

А над полигоном, который с этих минут по праву стал называться космодромом, по-прежнему звенел торжественный голос спутника, будя народы планеты, возвещая им, что отныне на Земле наступила Космическая эра человечества.

— Музыка! Музыка! — дружески ворчал Пилюгин. — Романтик ты, Сергей. Неисправимый романтик.

— И все-таки музыка, какой мир еще не слышал! Ты знаешь, у меня такое чувство... Будь у меня сейчас в руках скрипка.

— Ты и скрипка! — удивился Воскресенский, стоявший невдалеке.

— В детстве я брал уроки игры на этом чудном инструменте. Но Ойстрах из меня не получился.

— Сергей Павлович! — обратился В. М. Рябиков к Королеву. — Народ собрался. Пойди поблагодари их. Люди почти двое суток без сна.

— Это верно. Пойдемте.

Заговорила Москва: «Московское время 6 часов 1 минута. Передаем сообщение ТАСС:

...Успешным запуском первого созданного человеком спутника Земли вносится крупнейший вклад в сокровищницу мировой науки и культуры».

Казалось, всеобщее ликование невозможно унять. Но вот на импровизированную трибуну поднялся Сергей Павлович Королев. Воцарилась тишина. Он не скрывал своей радости: глаза его блестели, лицо, обычно строгое, светилось.

— Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие сыны человечества и среди них наш замечательный ученый Константин Эдуардович Циолковский. Он гениально предсказал, что человечество не останется вечно на Земле. Спутник — первое подтверждение его пророчества. Шмурм космоса начался. Мы можем гордиться, что его начала наша Родина.

Большое русское спасибо всем!

Королев не привык почивать на лаврах, да и некогда...

Не прошло и недели после запуска первого спутника, как С. П. Королев собрал в ОКБ узкое совещание по второму спутнику, которому придавал особое значение. Когда все собрались в небольшом зале заседаний, Главный сообщил:

— Мне тут товарищи из ТАСС подобрали кое-какие материалы зарубежной прессы. Послушайте:

«Римский ученый, член академии «Дей Лиичен» Бениамино Сегре, узнаю о спутнике, сказал: «Как человек и как ученый, я горжусь триумфом человеческого разума, подчеркивающим высокий уровень социалистической науки», — прочитал Сергей Павлович и, повернувшись к Василию Павловичу Мишину, попросил; — Почитайте «Нью-Йорк таймс», пожалуйста.

— «Успех СССР прежде всего показывает, что это — величайший подвиг советской науки и техники, — начал Мишиа. — Такой подвиг мог быть совершен лишь страной, располагающей первоклассными условиями в очень широкой области науки и техники».

Сергей Павлович раздал тассовские листы своим коллегам, а сам сел за стол и занялся деловыми бумагами.

— Нет, вы послушайте, товарищи, что пишет Джозеф Каплан, — воскликнул В. П. Глушко. — «Если русские запустили такой спутник — 83,6 килограмма, — значит, они могут поднять и более тяжелый». Этот крупный ученый верно мыслит. Он возглавляет Национальный комитет США по проведению международных геофизических исследований, его мнение уважают. Любопытно, что они скажут, когда мы поднимем сразу полтонны, да еще с первыми космическими путешественниками, — с нескрываемым удовольствием добавил профессор В. В. Пари.

— Пока пресса констатирует лишь факт нашего успеха, не заглядывая

в завтра, — оторвавшись от дел, бросил Королев.

— Рано. Дай им прийти в себя, осмыслить, — рассмеялся Глушко.

— Заявление Гурмана Оберта.

— Немецкого ракетчика. Он жив еще! — удивился Парин.

— Его увезли к себе американцы, вместе с Брауном, — ответил Глушко. — Оберт говорит верные слова: «Решить столь успешно такую сложнейшую задачу, как запуск первого спутника, могла только страна, обладающая огромным научно-техническим потенциалом. Надо было располагать также немалым числом специалистов. И их Советский Союз имел. Я восхищен талантом советских ученых».

— Ну что же, и на этом спасибо. Трезвая оценка. Он — человек, в нашем деле понимающий, — заметил Сергей Павлович.

— А вот еще один остроумный отклик, — оповестил К. Д. Бушуев, заместитель Королева по космическим летательным аппаратам.

— Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Майер иронически заметил: «90 процентов разговоров об искусственном спутнике Земли приходилось на долю США. Как оказалось, 100 процентов дела пришлось на долю СССР».

Все рассмеялись.

— Думаю, что Валентин Петрович прав, — согласился Королев. — Серьезный анализ придет позднее. Сейчас самую глубокую оценку нашим делам дал Фредерик Жолио-Кюри. «Это великая победа человека, которая является поворотным пунктом в истории цивилизации», — а самое главное в пяти следующих словах:

«Человек больше не прикован к своей планете».

— Вот это по существу, — за всех сказал молчавший П. А. Пилюгин.

— Думаю, что о нашем спутнике нам тоже молчать не следует, — посоветовал Королев. — Нам нужно объяснить людям, во имя чего все это делается. Они должны знать, зачем государство тратит деньги на космос. Это очень важно.

— Ты прав, Сергей Павлович, — поддержал М. В. Келдыш. — Очень важно разъяснить научные, народнохозяйственные выгоды, которые даст космос. Пусть подумают геологи, астрономы...

— Медики, биологи, — подсказал В. В. Парин.

— И нашим философам следует поразмыслить над общественными проблемами, которые неизбежно возникнут в связи с изучением, а тем более с освоением космического пространства. Нельзя жить, не думая о завтрашнем дне, — продолжил Королев мысль Мстислава Всеволодовича.

— Да. Есть о чем поразмыслить, — согласился Келдыш. — Глобальная

проблема — осваивать планеты и создавать внеземное производство. Но это все-таки одна сторона дела. Есть и другая... Вот что я думаю, друзья! Настанет день, когда мы сможем сравнить результаты наблюдения Солнца наземными службами с теми сведениями, что передадут нам спутники. Мы сможем понять процессы, происходящие на Солнце, их влияние на состояние ионосферы и все живое на Земле.

— Согласен. Согласен, — откликнулся Сергей Павлович. — Мы тогда сможем предсказывать погоду, помогать лечить болезни. Ведь несомненно, что состояние Солица оказывает влияние на все земное, а значит, и на человека. Вспомним труды Чижевского «Земное эхо солнечных бурь». Вспышки на Солнце — бич для людей, страдающих заболеванием сердечно-сосудистой системы...

— Я — математик, — ответил Келдыш.

— Я — конструктор. И тем не менее знаю, что на страже здоровья человека стоят математика и биология, химия и физика. Нам еще медицина спасибо скажет, — заверил Королев.

В эту минуту в зал вошел плотный смуглолицый человек с венцом седых волос, очертивших круглую лысину.

— А вот и Сисакян, — протянул руку Королев. — Только что говорили о медицине, Норайр Мартиросович.

— О медицине? Интересно! — удивился Сисакян, известный биохимик, разрабатывающий проблемы космической биологии.

— Да вот Сергей Павлович считает, что изучение космоса поможет медикам, — скааал В. П. Глушко.

— Сергей Павлович, пожалуй, прав. Но это далекое будущее. Меня пока волнует другое. Полет собаки по орбите. Он даст ответ на многие вопросы, на очень многие, — многозначительно заметил Сисакян. — Полет животного ответит на такой кардинальный вопрос, как влияет длительная невесомость на живой организм. Мне лично кажется, что мы можем встретиться с некоторыми явлениями расстройства координации движений и кровообращения. Вы знаете, я об этом не раз говорил.

— Ну вот, Норайр Мартиросович из мира фантастики решительно вернул нас на Землю, — уже серьезно сказал Королев. — Это только ваше мнение?

— Нет, его разделяют и другие специалисты. Но это не все. Мы хотим проверить влияние на организм животного воздействия первичного космического излучения. В лабораторных условиях это нам не удастся.

— Не скрою, и я возлагаю большие надежды на полет собаки, — задумчиво проговорил Королев. — Исключительно большие. Одно дело —

полет на геофизической ракете, другое — по орбите. Она — первый живой разведчик космоса. И если все будет нормально, то следующий шаг может сделать и человек. Сейчас узнаем, как идут дела у «путешественника». — Главный снял трубку, набрал номер. — Добрый день. Яздовского, пожалуйста. Извините, Владимир Иванович, не узнал. Быть богатым. Да. Королев. Как идут тренировки собаки? Перегрузки переносит удовлетворительно? А вибрации? Как ей нравится система жизнеобеспечения? Хотите улучшить рацион питания? Пожалуйста, только в пределах предусмотренного веса. Помните, каждый грамм сейчас на учете. Спасибо. До свидания.

Королев положил трубку и окинул довольным взглядом присутствующих:

— Побольше бы таких, как Яздовский. Смелый экспериментатор, прекрасный организатор и бесконечно предан идее полета человека в космос.

— Кажется, все собрались, Сергей Павлович. Может, перейдем к спутнику? — заметил Пилюгин. В кабинет вошел помощник Королева.

— Извините, Сергей Павлович. Еще одна информация из заграницы.

— Спасибо. Шелуху разную не собирайте. Отнесите в кабинет. Только самое важное.

Помощник вышел. Сергей Павлович обратился к Ивановскому:

— Самую суть, Олег Генрихович.

— Все работы по второму спутнику идут точно по графику. Отступлений от проекта нет, — доложил конструктор. — Установка приборов для изучения Солнца в ультрафиолетовой и рентгеновской областях спектра на борту спутника закончена. Цилиндрическая кабина для подопытного животного выдержана в строгих размерах: длина восемьдесят сантиметров, а диаметр — шестьдесят четыре. За пределы предусмотренного веса также не вышли. Общая масса — животное, аппаратура, источники тока — порядка полутонны. Сейчас мы вместе с конструкторами и медиками еще и еще раз испытываем все системы жизнеобеспечения. Думаю, что в конце октября спутник и «пассажира» — собаку можно вывозить на космодром.

...Время приближалось к шестнадцати. Крупный осенний дождь застучал в единственное окно небольшого кабинета Королева. Стало темно. Сергей Павлович включил настольную лампу и тут обратил внимание на листки бумаги, принесенные помощником во время совещания. Придвинул их к себе. Достал очки, круглые, в золотистой оправе, протер их кусочком замши и стал читать. Недочитав и половины, взорвался:

— Вот сволочи! — и, скомкав бумагу, хотел было выбросить ее, но передумал. Расправив, еще раз прочитал:

«Советский спутник поднялся в космос на плечах немецких ракетчиков»-. «Ишь ты, что придумали, — возмутился Королев. — Увезли к себе в США несколько вагонов готовых «Фау», всю техническую документацию. Прохвосты! Другого слова нет. Прихватили большие сотни специалистов вместе с Брауном... Прозавосты. Не могут смириться с мыслью, что мы первые. Ну, ничего, мы им еще покажем. Заставим понять, что мы впереди всех в освоении космоса. Прохвосты. Как будто заявление Оберта не читали»»

Сергей Павлович так разволновался, что почувствовал боль в сердце, поискал в карманах валидол и не нашел. Нажал кнопку, вызвал секретаря. Встретил ее просьбой:

— Антонина Алексеевна, у вас найдется валидол?

— Что с вами, Сергей Павлович, может, вызвать врача?

— Нет! Не надо!

Положив таблетку под язык, немного успокоился.

— Вот эту бумагу прошу, Антонина Алексеевна, дать почитать всем моим заместителям, начальникам отделов и вернуть мне. Если можно, стакан чая, покрепче.

— Хорошо, Сергей Павлович.

Принеся стакан чая и поставив его на стол, Антонина Алексеевна заметила, что Сергей Павлович уже обрел хорошее настроение, передала ему листок бумаги, сообщив: «Тут стихи Толи Щербакова, которые вы просили».

— Ну-ка, ну-ка! — оживился Королев. — Давайте почитаем, что пишет наш антенщик, — и отел читать вслух: — «Скоро запуск! Мы твердо верим, в цех входя в пятьдесят седьмом. Этот год мне забыть едва ли, сколько яркого было в нем». А ведь совсем неплохо. Каждый от себя вправе сказать эти строки. — И повторил: — «Этот год мне забыть едва ли, сколько яркого было в нем».

Глава вторая

Луна и планеты

Вопрос вопросов.

Космолет или корабль?

Да разве такое возможно?

Окрыленный партией.

В конце октября 1957 года С. П. Королев выехал на космодром. Начался завершающий этап подготовки к запуску второго искусственного спутника Земли. Он весил ровно в шесть раз больше космического первенца. На его борту разместилась кабина для путешествия в ней собаки по кличке Лайка. Предшественницы ее уже совершали «прыжки» в космос на высоту 200 километров и оказали большую услугу ученым и исследователям космоса. Но не было данных о том, как поведут себя живые существа в длительной невесомости. Это был вопрос вопросов. От решения его зависело — быть в ближайшие годы пилотируемому полету в космическое пространство или нет. Поиском ответа по просьбе Королева несколько лет занималась группа ученых, представлявших различные направления формировавшейся космической биологии и медицины: О. Г. Газенко (физиология), А. М. Генин (гигиена), Е. М. Юганов (вестибулярный аппарат), А. Р. Котовская (перегрузки), А. А. Гюрджиян (радиация) и другие.

Лайка должна помочь выбрать правильный путь. Сергей Павлович не раз заходил в институт, где готовили к полету собаку. Снова и снова требовал от специалистов проверки всех систем жизнеобеспечения животного и каждый раз спрашивал:

— Надежны ли средства радиотелеметрии? Мы должны знать все о состоянии Лайки на всех этапах полета и особенно в условиях невесомости. Достаточно ли хорошо она подготовлена?

— Не волнуйтесь, Сергей Павлович, — убеждал Королева О. Г. Газенко, руководивший подготовкой первой путешественницы в космос. — Она наилучший экземпляр из всех, что мы имеем. Думается, она оправдает наши надежды.

Утром 3 ноября 1957 года состоялся старт второго спутника. Наблюдения за Лайкой продолжались полные семь суток.

После завершения полета физиолог доложил В. П. Королеву о его итогах.

— Перегрузки на долю Лайки выпали значительные. Сердце сокращалось 260 раз в минуту. Анализ электрокардиограммы не показал существенных изменений в сердечной мышце, хотя частота сокращений превышала исходные данные в четыре и более раз. Полет от старта до выхода на орбиту животное перенесло, скажем, неплохо.

— Значит, «неплохо», — повторил Королев. — А как собачка отнеслась к невесомости, Олег Георгиевич?

— Сейчас трудно сделать окончательный вывод. Тем не менее на протяжении всего полета в организме животного не наблюдалось стойких патологических изменений. И пульс, и частота дыхания пришли вскоре в норму. Лайка вела себя спокойно. Ела, пила, все как на Земле. Это пока главный итог: животное жило, дышало, билось его сердце, функционировал мозг.

— Вы сказали «пока»? Как надо понимать это «пока»? — уточнил Королев.

— Чтобы сделать серьезный научный вывод, одного такого эксперимента недостаточно. Нужна серия. И, кроме того, желательно вернуть животное на Землю. Мы получили данные о полете на высоте 1600 километров. Только тщательное обследование и последующие наблюдения за животными дадут нужный ответ.

— Да, это так. Жаль собачонку, такая была ласковая и доверчивая, — пожалел Королев. — Надо бы ей установить памятник, как это сделал Иван Петрович Павлов в Колтугаах.

— Справедливо, Сергей Павлович. Благодаря Лайке мы располагаем сейчас весьма ценными данными о Бездействии длительной невесомости на живой организм, — оценил полет собаки Владимир Иванович Яздевский. — Вполне можно считать эксперимент с Лайкой днем рождения космической медицины и биологии, — резюмировал он.

— Да, Владимир Иванович, а какова судьба Зибя? — посмеиваясь, вспомнил Королев случай с бегством подопытной собаки. — Она вас тогда крепко выручила.

— Зибя взял себе академик Рлагонравов. Не нарадуется: собака умна, послушна.

— Повезло Анатолию Аркадьевичу, какую собаку заполучил. Ни у кого в мире такого пса нет. Космический. — И, пожав руку ученым, Королев ушел, явно довольный итогами закончившегося эксперимента.

30 декабря 1957 года — памятная дата в жизни С. П. Королева, многих

его сотрудников и соратников. В этот день, накануне Нового года, ученым, конструкторам, рабочим в Свердловском зале Кремля вручили ордена и медали за создание и успешный запуск искусственных спутников Земли. Сергей Павлович в числе других получил Ленинскую премию.

— Позвольте мне принести глубокую благодарность Родине, Коммунистической партии и правительству за высокую награду, — волнуясь, начал свое выступление Сергей Павлович. — Дерзновенная мечта человечества о проникновении в космическое пространство осуществлена. В это крупнейшее достижение современности вложен созидательный труд — многих поколений советских людей, создавших нужную промышленность, энергетику, развивших науку и культуру в нашей стране. Нам выпало великое счастье трудиться в одной из самых увлекательных и новых областей современной науки и техники. Вместе с тем на всех нас лежит огромная ответственность перед нашей Родиной за успешное развитие и продолжение начатых работ. Мы будем стараться решать дальнейшие задачи исследования околоземного пространства, окружающей нас Вселенной, стремиться создать ракеты, способные донести автоматы и человека до ближайших к нам планет.

Этот день Сергей Павлович вспоминал часто — день своего жизненного триумфа: «Нет, не напрасно все эти годы жил, боролся, терпел, ошибался, но не согнулся и остался честен перед самим собой. Хорошо, что летал на планерах и самолетах, запускал первые ракеты... Все не зря. И это главное. Спутники летают. И ракеты, каких еще не было. Его так непросто родившуюся «пятерку» на параде в Октябрьские праздники показали. Видел лица иностранных военных атташе. Удивили мы их. А что бы они сказали о «семерке»? Ай да мы! И уж в обиду себя не дадим! Весь мир только об этом и говорит. А наш самый тяжелый третий спутник — первая в мире подлинно научная станция... Одна ее исследовательская аппаратура весит почти тонну. Месяцев через пять мы ее поднимем...»

Спутники Земли, открывшие космическую эру человечества, — лишь пролог на пути в освоении космоса. И путь этот бесконечен, как сама Вселенная. Академия наук СССР приняла долгосрочную программу изучения и освоения космоса, предложенную С. П. Королевым и М. К. Тихонравовым, другими учеными и одобренную М. В. Келдышем. В этой программе два основных направления — исследование межпланетного пространства, Луны, Венеры и Марса при помощи автоматических аппаратов и исследование и освоение околоземного пространства как автоматическими спутниками Земли, так и экипажами космических кораблей.

— Надо собирать специалистов из смежных с космонавтикой областей, — посоветовал Королев Келдышу. — Без них мы мало что сумеем. Только общими усилиями сможем выработать конкретные решения намеченной программы, сделать успешными и полезными наши предстоящие эксперименты за пределами Земли.

Ученые собрались в назначенный день. Открывая совещание, Сергей Павлович как-то очень буднично, как будто речь шла о чем-то совсем обычном, сказал:

— У нас такие задачи: послать на Луну автоматическую станцию, затем другая совершит ее облет, при этом желательнее, чтобы она сделала несколько снимков обратной стороны лунной поверхности. Венцом всему должна стать мягкая посадка летательного аппарата на лунную твердь и фотографирование ее пейзажа...

Сказанное Королевым ошеломило ученых, они встретили его слова с некоторым недоверием, забросали вопросами, порой и ехидными:

— Смело, смело!

— Фантастика! Сфотографировать невидимую сторону Луны?!

— Да где у нас ракеты... нужна вторая космическая скорость?

— А вообще все это очень заманчиво. Нужна мощнейшая и точнейшая фототехника.

— Взглянуть на небесные тела без помех земной атмосферы? Чудо.

Сергей Павлович смотрел на маститых ученых, авторов многих трудов по исследованию Луны и планет, и внутренне улыбался. Выслушав все вопросы, Королев хотел было кратко ответить на них, но его опередил директор Крымской астрофизической лаборатории Андрей Борисович Северный.

— Дорогие коллеги! Мне кажется, если Королев пригласил нас к себе, значит, у него есть возможность достичь Лупы. Вопрос в другом. Нам, специалистам в своей области, следует подсказать, какие приборы целесообразнее послать, что исследовать, скажем, на Луне.

— Вот именно, — поддержал Северного директор Бюраканской астрофизической обсерватории астрофизик В. А. Амбарцумян. — Представьте, что удастся со временем установить на Луне мощный телескоп или послать в глубины Вселенной научную станцию! Мы сможем приблизиться тогда к пониманию законов образования и строения звезд, физики газовых и пылевых туманностей. — И, обратившись к Королеву, спросил: — Сергей Павлович, имеется ли возможность оснастить станцию научной аппаратурой, способной произвести нужные исследования и передать полученные сведения на Землю?

— Такая возможность есть, Виктор Амазаспович. Все зависит от вас. Конструируйте приборы, а место для них на борту межпланетных станций мы найдем.

Уверенность, с какой Королев говорил о возможностях ракетно-космической техники, покорила ученых. Начался деловой разговор, ради которого и замышлялась эта встреча.

Выступали астрофизики, геохимики, медики, представители других наук. Все они обещали Главному всевозможную поддержку.

— Дайте нам, Сергей Павлович, хотя бы щепотку лунной породы, — попросил известный геохимик, руководитель Института геохимии и аналитической химии А. П. Виноградов, — и мы «перевернем» всю Вселенную...

— Всем большое спасибо за внимание, — сказал, завершая встречу Королев. — Как говорил один из моих учителей — Фридрих Цандер, — «будем сообща трудиться на пользу всему человечеству».

Состоялась еще не одна встреча с учеными, прежде чем программа изучения Луны и планет обрела конкретные очертания.

В ОКБ Королева, под его личным руководством, в то время на базе носителя «Спутник» создавалась трехступенчатая ракета-носитель «Восток», которая могла бы развивать вторую космическую скорость — 11 тысяч метров в секунду, — необходимую для достижения Луны, или же выносить на околоземную орбиту полезные массы свыше четырех с половиной тонн.

Поэтому одновременно с лунной программой в ОКБ Королева уже велась интенсивная работа в другом направлении — организации первого пилотируемого полета. Пожалуй, практически все началось 15 февраля 1958 года. Как всегда, в этот день Главный конструктор появился в ОКБ в восемь тридцать утра. Поздоровавшись с секретаршей, которая приходила на десять минут раньше, Сергей Павлович предупредил:

— Придет Михаил Клавдиевич. Мы часок с ним поработаем.

Секретарь знала: в этом случае ни с кем Сергея Павловича по телефону не соединять, посетителей просить зайти через час.

В девять появился Тихонравов. Войдя в приемную, раскланялся, снял зимнее пальто и шапку и повесил их в углу на круглую вешалку.

— Вас ждут, Михаил Клавдиевич.

Пройдя зал заседаний, Тихонравов открыл Дверь и оказался в знакомом ему маленьком рабочем кабинете. Сергей Павлович вышел навстречу и пригласил профессора сесть. Наблюдательный Тихонравов, знающий Сергея Павловича более четверти века, удивился: в таком

прекрасном расположении духа он давно его не видел.

— Как здоровье Ольги Константиновны? — спросил Главный.

— Спасибо, забот хватает.

— Мне кто-то говорил, что ваша коллекция насекомых уже не любительская, а научная.

— Пожалуй, что так. Дочь ею увлеклась.

— Михаил Клавдиевич! — перешел к цели встречи Главный. — Мы часто говорим «космос», «полет». А что такое космическое пространство? Какой полет следует считать космическим? Точного определения нет. Каковы его характерные особенности? В чем принципиальное отличие внеземного полета от всех известных видов?

— Сергей Павлович! — Тихонравов удивленно развел руками. — Это чисто формальная, я бы даже сказал юридическая сторона, я как-то не занимался вплотную. Вы меня застали врасплох.

Королев достал из стола несколько листков бумаги, в них даны были определения, что такое космический полет, сделанные по просьбе Королева рядом сотрудников КБ.

— Вы обошли меня, — с обидой сказал Тихонравов, полистав странички.

— Нет, приберег вас для окончательного решения. Я всегда ценил и ценю ваши теоретические размышления. Решил и себя попробовать в этом плане. — Достав еще несколько листов бумаги, передал их собеседнику.

— «Что такое космический полет?» — прочитал Тихонравов заголовок заметок Королева. — Любопытно!

«Под космическим пространством, — читал Тихонравов, — понимается пространство, окружающее Землю, начиная с тех высот, где даже при очень больших скоростях движения остатки атмосферы не могут использоваться для поддержания полета».

— Согласен, — сказал сам себе Тихонравов и с нескрываемым интересом стал читать дальше. «Одним из признаков, определяющих космический полет, является движение летательного аппарата в пространстве выше плотных слоев — атмосферы, вне земного влияния ее. Напротив, всякий полет в плотных слоях атмосферы является приземным полетом. Космический полет переходит в приземный, например, при возвращении летательного аппарата».

— Но всякий ли выход в космос есть полет?

— Справедливый вопрос, Михаил Клавдиевич. На мой взгляд, только такой, который совершается вокруг Земли, в течение не менее одного оборота.

— А если вертикальный полет? Сергей Павлович задумался. Тихонравов стал читать заметки дальше. Дочитал до конца.

— А где же окончание?

— Пока в уме. Оттачиваю формулировки. Наверное, это будет так: космическим полетом называется полет летательного аппарата со скоростью движения не меньше первой космической, выше плотных слоев атмосферы в течение достаточно длительного времени. При этом происходит потеря состояния естественной земной весомости.

— В целом приемлемо. Но я бы добавил, что полет предусматривает посадку на Землю.

— Только на Землю? — не согласился Королев. — А Луна, планеты? — собрав все написанное в стопку, отложил в сторону. — Этот разговор я затеял вот ради чего. Вы помните тот мартовский день 1934 года, когда мы неожиданно размечтались с вами и повели разговор о пилотируемом космическом аппарате, его системах?

— Помню, Сергей Павлович, конечно же, помню, — с волнением в голосе ответил Тихонравов, почувствовав всем сердцем в разумом, к чему клонит Главный.

— Пора! Подбирайте людей, думайте. Нужен пилотируемый спутник. Советский человек должен первым подняться в космос и пройти в нем никем еще не хоженные пути-дороги. Может, сделаем так: будем создавать две группы — одна пусть проработает полет баллистический, другая — орбитальный. Пожалуй, так. Знаете, раньше я поддерживал ваш проект полета человека на одноступенчатой высотной ракете. Но теперь при наличии «семерки» можно обойтись без «прыжка» в космос. Обдумываю два этапа: баллистический и орбитальный. И знаете, Михаил Клавдиевич, давайте попробуем хотя бы в общих чертах обговорить основные положения для проектирования пилотируемого аппарата...

Тихонравов вышел от Главного конструктора вдохновленный доверием. Шел к себе в отдел и думал: «Итак, надо построить небывалый в истории пилотируемый спутник, которому плавать в безмерном «океане», где нет берегов и сопротивления среды, нет там и буйных ветров, опасных отмелей, подводных рифов. Но в недавно открытом внеземном океане экипажи подстерегают иные опасности: глубокий вакуум, непривычная для земных организмов невесомость, не ослабленная земной атмосферой солнечная и космическая радиация. Аппарат должен иметь энергетику для движения, системы управления, капитанский пульт, каюты для экипажа, надежнейшие системы жизнеобеспечения. То есть сходство между океанским и космическим аппаратами налицо.

Но есть одно важнейшее различие. Первые спутники для космоплавания не могут перемещаться по воле капитана. Из гавани — со стартовой площадки — их выведет в космос мощная ракета-носитель. Разогнав до космической скорости и задав им направление полета, сама ракета прекратит существование. Спутник, не испытывая сопротивления атмосферы, уже по инерции продолжит свое движение вокруг планеты по заданному курсу в соответствии с законами небесной механики со скоростью восемь километров в секунду. Находясь во власти земного притяжения, он начнет описывать замкнутую траекторию вокруг Земли, сопровождая нашу обитель в ее извечном движении вокруг Солнца, становясь искусственным небесным телом. «Таким образом, космический рейс можно разделить на три главных этапа, — рассуждал про себя Тихонравов, — выведение объекта на орбиту, полет по орбите в течение заданного времени, возвращение на Землю».

По дороге в свой кабинет М. К. Тихонравов встретил инженера Константина Феоктистова, которого считал одним из самых талантливых учеников и сотрудников.

— Константин Петрович, я только что от Главного! Нашему отделу наконец поручена разработка пилотируемых спутников. Вам бы, Константин Петрович, я хотел поручить проектирование спутника для орбитального полета. Николай Потапович Белов, думаю, не откажется заняться другим — для эксперимента по баллистической траектории...

Неделю спустя Сергей Павлович пригласил к себе М. К. Тихонравова, сотрудников его отдела и своего заместителя по космическим аппаратам К. Д. Бушуева. Беседу начал с того, что назвал пилотируемый спутник кораблем. Это было слишком приземленное и показалось... присутствующим не соответствующим своему космическому назначению. Проектировщики уже придумали ему название «Космолет», «Звездолет». Королев, заметив на лицах специалистов недоумение и даже разочарование, объяснил:

— А почему не корабль? Циолковский называл космические полеты космоплаванием. Плаванием. Корабли плавают по просторам рек, морей, океанов, опираясь на водную массу. Воздушные корабли плавают над землей, опираясь на атмосферу. Нашему кораблю предстоит плавать в безопорном пространстве. Кстати, именно это условие накладывает свой отпечаток на то, каким ему быть. С чем можно сравнить будущий космический корабль? — Королев взглянул на собравшихся.

После долгого молчания раздался неуверенный голос.

— Может, с подводной лодкой?

— Верно, верно, — подхватил Королев. — Вдумайтесь. Есть много общего между пилотируемым кораблем и подводным кораблем. Прежде всего — это деятельность людей в замкнутом пространстве, в искусственно созданных условиях жизни.

Королев не случайно начал этот разговор, так сказать, издали. В него включились многие присутствующие — соглашались и не соглашались с Главным. В конце концов все сошлось на том, что название «корабль» — самое подходящее. Сергей Павлович обратил внимание еще на одну деталь: земные корабли — водные и воздушные — имеют возможность широкого маневра, космический в общем будет привязан к заданной орбите — и потому уточнил:

— Будем называть наш корабль — корабль-спутник. Так точнее, — выдержав паузу, Королев вернулся к самой сути обсуждаемого вопроса. — Мы с Михаилом Клавдиевичем примерно оговорили основные положения для разработки пилотируемого корабля-спутника.

Во-первых, надежность управления спутником с Земли. Пока нет твердой уверенности, как поведет себя человек в невесомости. А если он не сможет выполнять обязанности пилота?

Во-вторых, четкая ориентация спутника в космическом пространстве, определение средств для торможения в момент схода его с орбиты на траекторию спуска к Земле.

И, наконец, третье положение: обеспечение безопасности для корабля и человека в нем при возвращении на Землю. Данные говорят о том, что во время прохождения кораблем плотных слоев атмосферы на него будут воздействовать весьма высокие температуры.

Подробно охарактеризовав названные положения для конструирования первого в мире космического корабля, Сергей Павлович особо выделил:

— Есть одно непреложное требование — уникальный пилотируемый летательный аппарат должен впитать в себя все достижения современной науки и техники. И, пожалуйста, не изобретайте «колес», внимательно перечитайте труды Юрия Васильевича Кондратюка и Фридриха Артуровича Цандера. В них каждая строка полезна нам.

Бушуев, Тихонравов и Феоктистов недоуменно переглянулись. Они уже подготовили перечень НИИ и других организаций, которые могли бы быть полезны им при разработке проекта космического корабля, но не успели показать его Королеву.

— Так вот, друзья! Посмотрите, где что можно взять для нашего корабля-спутника из опыта авиации, подводного кораблестроения. Надо побывать у тех, кто занимается проблемами жизнеобеспечения: скафандры,

другие системы... Одним словом, подумайте. «Колеса», конечно, понадобятся, — рассмеялся в конце беседы Королев. — Но только там, где без них не обойтись. Таким «колесом», если правду сказать, я считаю самую компоновку корабля...

После совещания, усталый, Сергей Павлович поехал домой. Заботливая Нина Ивановна ждала его с горячим ужином.

— Устал, Сережа?

— Не волнуйся, как обычно. Сегодня был важный и интересный день. Толковые люди работают у меня. Сразу все схватывают, понимают. Вот сегодня дал задание, а уж скоро, уверен, получу готовые решения.

— Сережа, мы давно с тобой нигде не были.

— Как, а Кисловодск в прошлом декабре? — улыбнулся Сергей Павлович.

— Ты все шутишь, а я права. Сколько новых интересных спектаклей, а мы ничего не видели.

— Обязательно сходим, не обижайся. Но сейчас, поверь, очень некогда. Я пойду поработаю. — И Сергей Павлович ушел в кабинет, украдкой выпив сердечные капли. То, что сердце все чаще давало о себе знать, он не признавался даже самому себе. Уже из-за рабочего стола он крикнул жене:

— Сходи в театр с сестрами, хорошо? — Сергей Павлович решил пока не говорить, что скоро очередная командировка на Байконур.

Вся жизнь его сейчас напоминала вихрь, который захватывал, крутил и не отпускал. Запуски ракет, подготовка к завоеванию Луны и конструирование космического корабля. Все одновременно, обо всем успеть подумать, принять решение, проверить. Но Сергей Павлович был рад такому жизненному ритму. В атом ритме жил и весь коллектив ОКБ и завода. Сотрудники хорошо знали и любили свое дело.

В мае 1958 года Бушуев, Тихонравов и Феоктистов представили проект небывалого летательного аппарата, который состоял из двух отсеков — кабины космонавта и приборно-агрегатного.

Проблемы возникали одна за другой. Главной стала разработка способа возвращения корабля из космоса на Землю. Это, по словам Королева, «вопрос вопросов». Проектируемый спуск корабля на Землю из орбитального полета не имел аналогов и представлял собой уникальную проблему. Часто думали вслух, сообща.

— Надо выбрать способ вывести корабль с орбиты полета и направить его движение в сторону Земли, чтобы затратить на это минимум энергии.

Необходима тормозная установка.

— Верно. Думайте, предлагайте, — ответил Королев, записывая мысли выступающих на листок бумаги.

— Допустим, что эту техническую задачу решили, — раздался чей-то голос. — Есть еще вторая, не менее важная: корабль войдет в плотные спои атмосферы с гигантской скоростью — в двадцать пять раз больше звуковой. Вокруг нашего суденышка по законам газовой динамики образуется плазма температурой в пять-десять тысяч градусов. Корабль сгорит как пушинка в костре.

— Понадобится жаростойкое покрытие, назовем его «шуба», — подсказал Главный конструктор и добавил: — Еще какие соображения?

— Последняя проблема — какими средствами посадить корабль после торможения в атмосфере на Землю, желательно в расчетный район.

— Может быть, при помощи несущего винта, как у вертолета?

— Трудная проблема, — не согласился другой участник заседания. — Сергей Павлович, вы как-то советовали не изобретать «колес». Есть же довольно мощные парашютные системы. Десантники ВОВ с неба тяжеленные танки сбрасывают. Да и у нас есть достаточный опыт возвращения на парашютах контейнеров с научным оборудованием и собаками при запусках геофизических ракет.

— Не забывайте, товарищи, пока мы имеем ракету-носитель, которая может поднять в космос и придать нужное ускорение объекту массой не выше четырех с половиной тонн. Это немалый вес, но при этом каждый килограмм на учете.

На одном из заседаний у кого-то родилась мысль, показавшаяся многим вначале просто нелепой.

— А надо ли возвращать весь корабль на Землю?

— Ну-ну, — заинтересовался Королев, — разворачивайте вашу мысль.

— После того как приборно-агрегатный отсек с его тормозной установкой выполнит свои «обязанности», вскоре перед входом корабля-спутника в атмосферу, его за ненадобностью взять да и отстыковать. Останется только спускаемая часть корабля. Ее масса почти в половину меньше всего летательного аппарата. Потребуется меньшая по весу парашютная система.

— Идея интересная, разумная, — подхватил Королев, — все еще раз просчитайте. Впредь кабину космонавта прошу именовать «спускаемый аппарат».

Ни у кого не возникло сомнения, что кабина корабля, где будет жить и работать пилот, обязана быть герметичной, а как агрегатно-приборный

отсек?

Конец спорам положил Главный.

— Герметизация обязательна, — и тут же пояснил: — У нас нет приборов, способных работать в условиях глубокого вакуума. Делать их нет опыта и времени. А каждый прибор герметизировать отдельно сложно и ненадежно. Да, пора окончательно решить вопрос о форме корабля и прежде всего спускаемого отсека. Послушаем Феоктистова.

— Размеры и общую массу корабля мы, проектанты, стремимся свести к минимуму, — сказал Константин Петрович, развешивая на стене кабинета эскизные наброски. — На одном листе ватмана спускаемая часть корабля предстала в виде цилиндра, на другом — конуса, а на третьем — шара. — Я предлагаю сферу.

— Шар — это знакомое дело, — подбодрил Главный конструктор. — Ваши аргументы?

— При одинаковом внутреннем объеме шар, как известно, обладает наименьшей поверхностью по сравнению с телами иной формы. Следовательно, он будет не так сильно подвержен воздействию тепловых потоков при возвращении на Землю. Минимальная поверхность сферы потребует и меньшей площади теплозащиты. Кроме того, на всех скоростях полета не сложно обеспечить устойчивость шара, а также рассчитать точность посадки возвращаемого отсека с работающим в нем космонавтом на Землю...

Дискуссии, споры, взаимоисключающие суждения, идеи, фантастические проекты, непонимание — все это нес Королев на своих плечах, сводил воедино, отбирая оптимальный вариант. Вряд ли это пришлось бы по силам кому-нибудь еще. Только напористость и убежденность Сергея Павловича, его негибкая душа могли выдержать все это и добиться результатов в столь короткий срок.

Вскоре наступил второй этап работы по кораблю — конкретная разработка его «начинки»: проектирование систем жизнеобеспечения, кресла пилота, приборной доски, систем управления полетом, средств радиосвязи, телеметрии и многого другого. Все это должно точно соответствовать своему назначению и укладываться в строго определенную массу и размер. Инженеры при этом помнили указание Королева «не изобретать колес». Старались брать готовые агрегаты и приборы, выпускаемые радиоэлектронной промышленностью, хотя они далеко не устраивали проектантов своими весом и габаритами, но и без этого приходилось создавать многие новые системы и все это объединять в корабле так, чтобы разнообразная техника стала «живым» комплексом,

работающим надежно. Исходя из этого, конструировалась система жизнеобеспечения. С. П. Королев настолько тонко чувствовал взаимосвязь между многочисленными проблемами создания корабля, что, подчиняя все его элементы единому техническому замыслу, не подавлял творческой инженерной индивидуальности участников разработки, стремился добиться самостоятельности и инициативы от каждого руководителя и от каждого исполнителя. Сергей Павлович не уставал повторять: «Не топчитесь на месте, поторапливайтесь. Не замыкайтесь в собственном кругу. Не стесняйтесь обращаться к светилам науки, консультироваться. Накапливайте опыт и знания».

В ОКБ Королева знали: американцы и работающий на них немецкий ракетчик Вернер фон Браун тоже ведут интенсивные работы по созданию пилотируемого космического аппарата — корабля «Меркурий». Пережив шок от Спутника, президент США выдвинул национальную задачу — опередить советских ракетчиков в посылке человека в космос. Разработчики СССР и США шли каждый своим путем. Соединенные Штаты обладали пока меньшими ракетными возможностями для космических полетов, чем СССР. Между советскими и американскими конструкторами шло необъявленное соревнование.

Соперник был серьезным, поэтому у Королева и его соратников времени, как всегда, оставалось в обрез.

Сергей Павлович верил в успех. «Надо трудиться с умом, — очень часто повторял он, — и тогда удача обеспечена. И русский первым будет в космосе». И делал для этого все возможное.

На следующей неделе Главный созвал совещание по тормозной установке. Сообщив о необходимых доделках системы жизнеобеспечения космического корабля, Королев перешел к основной цели совещания.

— Пора окончательно выбрать оптимальную тормозную систему. Долго топчемся на месте. Предложений много, но ни одно пока не удовлетворяет всем требованиям. В годы войны я работал над АРУ — авиационным ракетным ускорителем. Его назначение — увеличить взлетную и полетную скорость самолета. Сейчас, как мы решили, нам надо создать установку обратного назначения — тормозную двигательную — ТДУ. С ее помощью мы сможем частично погасить скорость и тем самым перевести корабль на траекторию спуска. Систему спуска кабины вы все знаете — парашютная. Не буду повторяться. Поиски по созданию тормозной установки решительно надо форсировать.

Как только С. П. Королев кончил свою мысль, ему задали вопрос:

— А может ли в космосе работать обычный ракетный двигатель?

— Не знаю; если невесомость будет нашим помощником... Скорее всего понадобится специальный двигатель. Но не устаю повторять — не изобретать «колеса». Надо искать смежников-специалистов.

Выбор пал на КБ А. М. Исаева, с военной поры успешно занимавшегося жидкостным ракетным двигателестроением, в том числе и для ракет Королева. Того самого конструктора, который вслед за королевским ракетопланом участвовал в создании первого реактивного самолета-истребителя БИ. А через день Королев поехал к конструктору.

— Двигатель по габаритам, Алексей Михайлович, должен быть громоздким, — попросил С. П. Королев. Тяга, по нашим расчетам, тоже не велика. Главное надежность, возможность включить его в условиях космического полета в любой момент.

— Сергей Павлович, вы же знаете, топливные баки невозможно заполнить полностью, всегда остается газовый «пузырь». В обычных условиях это не опасно, но в невесомости... Как себя поведет «пузырь», неизвестно. Не изменит ли он движения горючего. Вы понимаете, в этом случае двигателе может закапризничать и корабль надолго станет пленником орбиты. Так что задачка ваша со многими неизвестными.

— Верю, справитесь, вы же специалист. И не плачьте мне в жилетку. Если не вы, то кто же?

Как ни важен первый космический полет человека, сколько бы сил и энергии он ни отнимал у Главного, но о Луне, соседке Земли, он не забывал ни на минуту, да и о пилотируемом полете на нее — тоже. И по лунной программе работы велись по строгому графику.

И вот свершилось.

2 января 1959 года первое рукотворное небесное тело — автоматическая станция «Луна-1», — стартовав в сторону вечного спутника Земли, навсегда вышло из поля земного тяготения.

За рубежом не ожидали такого успеха Советского Союза. Многие отказывались верить, что СССР располагает столь мощной ракетой. Ведь для того, чтобы вырваться из плена Земли, ракета должна пролетать 11 километров в секунду, на три километра больше, чем та, что вынесла на орбиту первые спутники.

И все же где-то произошла ошибка и первый «Лунник» не достиг Луны, а промчался в непосредственной близости от нее, вышел на окоლოსолнечную орбиту, действительно став первой искусственной планетой нашей Солнечной системы. Хотя конечная цель и не была достигнута, аппаратура станции передала во время полета уникальные данные о радиационном поясе Земли и космическом пространстве. Новый

эксперимент советских ученых получил всеобщее признание и вошел в историю космонавтики как начало межпланетных сообщений. И если первый эксперимент по достижению Луны удался де совсем, то трехступенчатая ракета-носитель «Восток» полностью оправдала себя и доказала, что с ее помощью можно выводить на орбиту внеземные пилотируемые корабли.

1959 год вообще начался для Королева удачно. Коммунисты Московской области в числе немногих других выдающихся ученых избрали Сергея Павловича делегатом на XXI съезд партии.

...И. В. Курчатов, С. П. Королев, В. П. Глушко неторопливо шли по Георгиевскому залу Большого Кремлевского дворца. Гигантские люстры, спускавшиеся из глубины сводчатого потолка, заливали светом делегатов съезда, высвечивая на стенах названия воинских частей, отличившихся в Отечественной войне 1812 года. Ученые обсуждали сегодняшнее выступление министра обороны СССР, маршала Р. Я. Малиновского, похвалившего ученых-атомников и ученых-ракетчиков. Такие слова прозвучали впервые с самой высокой трибуны страны.

— Маршал прав, что еще раз напомнил любителям военных авантюр о боевой советской ракетной технике, — заметил Глушко.

— Да, ученые свою главную задачу выполнили, — по привычке поглаживая преждевременно поседевшую редкую бороду, с удовлетворением сказал Курчатов, скорее себе, чем коллегам. — Теперь перед нами задача помер два — вернуться к первой идее, как можно шире использовать ядерную энергию в мирных целях. Вы знаете, целесообразность этого доказана первыми атомными силовыми установками. Дает ток первая промышленная атомная электростанция. Скоро взломает льды Северного Ледовитого океана атомоход «Ленин».

С. П. Королев и В. П. Глушко молча слушали Игоря Васильевича, к которому они относились с исключительным уважением.

— Нет, вы только вдумайтесь, друзья! — словно убеждая их, увлекся Курчатов. — При ядерном расщеплении — то есть делении только одной тонны урана-200 выделяется столько же энергии, как при сгорании двух миллионов тонн угля. Это же чудо, чудо нашей цивилизации!

С. П. Королев улыбнулся и в тон Курчатову сказал отдельно, чуть не по слогам:

— Управляемая термоядерная реакция должна позволить получить энергию не за счет деления редких элементов урана и тория, а за счет образования гелия из широко распространенного в природе водорода.

— Верно, верно! — удивленно вскинув вверх брови, откликнулся физик.

А Королев в том же духе продолжал:

— Успешное решение этой труднейшей и величественной задачи навсегда сняло бы с человечества заботу о необходимых для его существования на Земле запасах энергии. — И, весело рассмеявшись, добавил: — «Академик Курчатов. Двадцатый съезд партии».

— Ну и память! Дословно все помнит! — не без восхищения воскликнул Курчатов и, обняв друзей за плечи, доверительно сказал: — Природные ресурсы нашей Земли не бесконечны. А как мы их тратим? Электростанция мощностью в каких-нибудь полмиллиона киловатт требует в год сто тысяч вагонов угля. А урана — всего несколько вагонов.

— Я мечтаю о силовой атомной установке и для ракет еще с 1945 года. Как, наверное, пора эти мечты воплощать, Игорь Васильевич? — спросил Сергей Павлович.

— Думаю, — и весело, чуть посмеиваясь, Курчатов взглянул на Глушко. — Придется тогда, Валентин Петрович, ваше конструкторское бюро закрывать.

— Зачем торопиться? Моим жидкостным атомные не конкуренты, а помощники.

— Вот как?

Раздался звонок, приглашая делегатов на заседание.

— Еще немало скептиков, — мрачно сказал Глушко, — не сразу перешагнешь. Кажется, есть первый спутник, послали ракету к Луне. Вторая космическая скорость, Одиннадцать километров в секунду. И все еще идут споры. «Надо» и «не надо».

— Я, друзья, с вами. Человеческому разуму на Земле стало тесно. Бесспорно, прав Циолковский, бесспорно. Но и на Земле надо быть рачительными хозяевами, — Курчатов сказал это очень твердо.

В этот момент к беседующим подошел маршал артиллерии М. И. Неделин, кажется, еще больше поседевший, с доброй улыбкой на широком лице.

— Рад за вас, — пожимая поочередно руки то одному, то другому ученому, произнес Неделин. — Как вам съезд аплодировал! Честно говоря, и я хлопал от души. Аплодисменты съезда — это похвала всей партии.

— Да и вы, Митрофан Иванович, не посторонний в этом деле, — заметил с улыбкой Курчатов. — Всему народу спасибо. Сегодня мое выступление. Хочу еще раз привлечь внимание всех к проблемам атомной энергетики. Нельзя жалеть ни средств, ни сил. Надо сделать все, чтобы

приблизить сроки осуществления управляемой термоядерной реакции... Извините! — И пошел в зал. Ему хотелось побыть одному, собраться с мыслями перед выступлением.

— Сегодня похвала, а завтра «стружку» снимать будете, — рассмеялся Королев, обращаясь к Неделину. — Знаю я вас.

— С меня тоже есть кому стружку снять, — улыбнулся маршал артиллерии. И вдруг посерьезнел. — Ну а стоять на месте не можем. Время не то, сами знаете.

Услышав второй звонок, все трое вошли в зал и направились к местам своих делегаций. С. П. Королев и В. П. Глушко туда, где сидели посланцы Подмосковья, а М. И. Неделин — Урала.

Едва Королев и Глушко заняли места, как председательствующий объявил:

— Слово предоставляется академику Курчатову, директору Института атомной энергии Академии наук СССР.

Игорь Васильевич поднялся на трибуну.

— Овладение термоядерной энергетикой позволит в будущем экономически более рационально использовать такие ценнейшие виды сырья, как уголь, нефть и природный газ... Ученые нашей великой Родины вместе со своей партией, со всем советским народом трудятся не покладая рук, чтобы сделать человека истинным властителем природы в коммунистическом обществе.

Зал дружно аплодировал Игорю Васильевичу, и никто из присутствующих не знал, что судьба оставила Курчатову для дел чуть больше года.

На трибуне — Д. Ф. Устинов, заместитель председателя Совета Министров СССР. Он доложил делегатам съезда, что в настоящее время Советский Союз имеет в серийном производстве боевые ракеты всех классов и назначений и другую отвечающую современному уровню оборонную технику.

— Она способна, — сказал он, — в руках доблестных Советских Вооруженных Сил обеспечить защиту нашей великой Родины и в случае необходимости дать достойный отпор любым агрессорам и авантюристам. — Но тут же предупредил, что ракетная техника, так же, как и другие новые отрасли, должна и будет развиваться еще быстрее,

Пожалуй, Д. Ф. Устинов не сказал в своем выступлении лишь о том, что советские ученые, конструкторы, инженеры уже готовят эксперимент, который мир потом назовет дерзновенным подвигом, — полег человека в космическое пространство.

По окончании XXI съезда КПСС Королев не раз выступал перед коллективом предприятия с рассказом, как проходил партийный форум, разъяснял принятые решения, тесно связанные и с задачами, стоящими непосредственно перед ОКБ и заводом в области оборонной и космической техники.

В дни съезда в ОКБ, руководимое Королевым, неоднократно приезжали делегаты. В сборочном цехе для них установили ракету и космические объекты. Сергей Павлович рассказывал гостям о носителях, космических аппаратах, знакомил с планами изучения и освоения космоса. Гостями коллектива были министры, военачальники, академики, политические и общественные деятели, руководители организаций и предприятий различных отраслей промышленности, крупные конструкторы. Побывали в ОКБ академик А. П. Туполев и профессор С. М. Егер. Гостям показали межконтинентальную ракету. Сергей Павлович рассказывал о ней все самое интересное для великого авиаконструктора. Туполев долго не отходил от ракеты. Ему принесли стул, и он, сев, внимательно слушал Королева, не отрывая глаз от машины. Потом долго молчал. Может быть, вспоминал о дипломном проекте Королева и о совместной работе в тюремном КБ. Но ни о чем этом Андрей Николаевич не сказал, встав, обнял Королева за плечи и, крепко прижав к своей груди, негромко, с гордостью, будто ему одному, сказал: «Настоящая работа!»

Глава третья

В наш век тлеть нельзя

Мнения разошлись.

Снова к Луне.

Забота о людях.

Вы выбрали нелегкий путь.

Окончательное решение вопроса о том, каким быть первому в мире полету в космос — баллистическим или орбитальным, как предлагает Королев, — Совет главных конструкторов предоставил Межведомственному Комитету, собравшемуся в Академии наук СССР. С обоснованием своего смелого и для многих неожиданного предложения выступил Королев. Затем объявили перерыв. В небольшом холле академик В. П. Глушко, кого-то убеждая, взволнованно объяснял:

— Если говорить по существу, то проникновение в космос и первые шаги по изучению его уже сегодня оказывают, а завтра будут оказывать все возрастающее воздействие на умы людей, на весь ход мирового научно-технического прогресса.

— Валентин Петрович! — вмешался в разговор академик Н. М. Сисакян. — Мы ведь не враги новым идеям, не враги прогресса, — почти шепотом начал он. — Но перегрузки, перегрузки при старте ракеты и особенно при возвращении на Землю. Вынесет ли их человек? А невесомость? Этот главный наш противник, причем не разгаданный до конца. Кто знает — может, полчаса — и все?.. Мы не ретрограды. Нет. Но представьте, что эксперимент не удался или, не дай бог, закончился трагически. Как мы будем смотреть в глаза ученому миру, да и всему человечеству?

— Полет животных убедил нас в обратном, Норайр Мартиросович, — возразил академик АМН СССР В. В. Парин.

— Меня не полностью, Василий Васильевич. Нет!

— Выводы — очень, очень, как бы это сказать... — подобрав, как казалось, слово помягче, Сисакян продолжал: — Гипотетические. Они требуют перепроверки, теоретических обоснований. Я полагаю, что в космических условиях, когда кровь теряет свой вес, возможно резкое ослабление деятельности сердечно-сосудистой системы. Хотя, конечно, я

не отрицаю значения проведенных профессором Яздовским экспериментов с живыми организмами. Они многообещающи. Но нужен набор статистики, повторяю, теоретические обобщения.

— Вот и дайте их нам. Помогите! А то советы, одни советы, — вспыхнул В. И. Яздовский. — Ждем! Спасибо скажем!

— Я не хотел обидеть вас, Владимир Иванович, — не ожидая такой реакции, смутился Сисакян. — Верится, что со временем человек сможет жить, наверное, и там. Но можем ли мы сегодня уже уверенно сказать, как скажется невесомость, например, на водно-солевом обмене? Столько проблем, столько проблем. Только не забывайте — речь идет о человеке. А радиация? Средств защиты от нее нет.

Сисакян пошел было в сторону, не желая продолжать разговор, но его догнала реплика все время молчавшего Н. А. Пилюгина:

— Легко живется осторожным. Они слегка «за» и слегка «против». И во всех случаях оказываются правы.

— Николай Алексеевич! — остановился Сисакян и спокойно, словно не заметив едкой иронии в его адрес, продолжил: — Повторяю, речь идет о жизни человека, — и быстро ушел в зал заседаний.

Из своего кабинета вышел вице-президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Попыхивая папироской, он прошел было в соседний холл, но услышав спор, остановился и вступил в беседу.

— Преклоняюсь перед талантом абстрактного мышления, но, грешен, люблю понять глубины истины через эксперимент. То, что мы начали, — свидетельство торжества человеческого разума, его безграничных и удивительнейших возможностей. Это признали все передовые умы. — И, взглянув на часы, добавил: — Товарищи, пятнадцать минут истекли. Продолжим работу.

После перерыва С. П. Королев ответил на вопросы, поступившие из зала, а потом выступили ученые, представители министерств и ведомств. Первым взял слово А. С. Томилин, один из руководителей главка, курирующего конструкторское бюро Королева. Начал он, как всегда, с подковырки:

— Было бы глупо отрицать известную ценность полученных из космоса научных сведений. Но, честное слово, человечество не покатило бы назад к первобытности, если бы спутник и не летал к Луне. А сколько мы на это денежек ухлопали?! Не египетские ли пирамиды строим? Могу согласиться: есть ракеты. Можно их использовать для науки. Но опять же разумно. После войны пятнадцати лет не прошло. Толком поесть людям нечего, да и одеться не во что. Ну, коли так приспичило с космосом-то, надо

выбирать из всех зол меньшее. Лезть туда, наверх дешевле, когда ракета без человека. Шажок за шажком...

— Дело говорит, — раздался голос.

— Не понадобится ставить на карту жизнь человека, — поддержал выступающего другой голос.

— Да и ракеты-то ваши частенько пошаливают. Что конь без узды...

— Позвольте мне, — громко раздалось в зале.

С предпоследнего ряда резко встал высокий подтянутый человек. Все повернулись в его сторону. Это был генерал А. Г. Мрыкин. Его знали многие как крупного инженера-ракетчика. В зале поутихли.

— По долгу службы я присутствовал при испытаниях многих ракет. Они надежны, — серые усталые глаза Мрыкина смотрели спокойно, не выдавая охвативших его чувств. — Не буду утомлять присутствующих. Сочту за честь, если моему сыну — он просил меня об этом — предоставится возможность стать первым пилотом космического корабля...

Мрыкин не закончил, как зал на секунду оцепенел от неожиданности и тут же разразился аплодисментами.

— Александр Григорьевич! — сказал Тихонравов. — Я крепко жму вашу руку. Спасибо за поддержку. Без полета человека в космос науке не прожить. Тут я полностью согласен с Сергеем Павловичем. Но может, следуя элементарной логике, вначале все-таки надо организовать полет по баллистической траектории по маршруту «Земля — Земля». Тем более что в этом направлении тоже немало сделано. Тут вам — и отработка ракетной и космической техники, и перегрузки, и невесомость. Опробуем систему возвращения человека на Землю.

— Куда мы спешим? — вставил Н. М. Сисакян. — Большая наука не терпит торопливости. Я сторонник Михаила Клавдиевича. С таким предложением нам и выйти бы в ЦК партии и Совет Министров...

К пожеланиям ученых присоединился и академик А. А. Благонравов, председатель комиссии АН СССР по исследованию верхних слоев атмосферы.

— Перешагивать полезные этапы, прежде чем послать человека за атмосферу, может, и не следует. Наука требует многочисленных экспериментов.

Королев начал нервничать: за то недолгое время, когда он решил отказаться от баллистического подъема человека на ранете, как в свое время отказался от дальнейшей разработки ракеты Р-8 для ускорения создания «семерки», Королев уже свыкся с мыслью об орбитальном полете. На подготовку этого эксперимента работала значительная часть коллектива

ОКБ, да и он все свои усилия направлял на осуществление этой цели. «И на тебе, чуть ли не все против, — раздраженно размышлял про себя Королев. — И кто начал? Тихонравов! Мог бы здесь-то и помолчать. Осторожность сверх меры граничит с трусостью. Нет, так работать нельзя! А может, действительно баллистический?! — Секунду посомневался Королев, но тут же решительно отбросил эту мысль. — Нет! Не дай бог что-нибудь получится не так... Все пойдет прахом. В него сразу перестанут верить. У «победы» всегда есть родители, — вспомнил Королев чей-то афоризм, — а «поражение» всегда сирота. Нет, нужен только орбитальный полет. Но все как можно тщательнее. Все под контроль. Никому никакого спуска».

— Сейчас, как никогда раньше, имеется возможность осуществить полет человека в космос, — возразил противникам В. П. Глушко. — Мне трудно понять возражения некоторых товарищей. Опыт жизни, история научных открытий убеждают в том, что эпохальные достижения в науке не обходятся без крутой ломки старых, отживших понятий, принципов. Подлинная наука не боится риска, я за то, чтобы начать пилотируемые полеты с орбитального.

Из зала послышалась реплика Томилина;

— Американцы не глупее нас. И техника у них, согласитесь, не хуже, если не лучше нашей. Они не спешат. В их программе — первый полет баллистический. Вот так.

М. В. Келдыш предложил на этом прения закончить и предоставил слово для заключения С. П. Королеву.

— На совете конструкторов мы много думали, прежде чем вынести вопрос о полете человека в космос на ваше обсуждение, — медленно вставая из-за стола, сказал Королев. — Мнения присутствующих разошлись. Вероятно, каждый по-своему прав. Попытаюсь подвести итоги. Итак, одна группа ученых решительно предлагает вначале осуществить «прыжок в космос», то есть вертикальный полет. В этом есть свой резон. Вторая группа товарищей идет дальше. Они считают нужным провести, как планируют американцы, поначалу баллистический полет по маршруту «Земля — Земля» без длительного «заезда» в космическое пространство. И в этом предложении тоже есть свой резон — можно отработать и определить технические возможности космической ракеты и корабля, опробовать системы возвращения пилота на Землю. Что касается американской программы, то у них свои возможности, у нас свои. Но, товарищи, баллистический полет займет всего пятнадцать минут. Невесомость коснется человека лишь пять минут. Эксперимент этот потребует почти таких же больших средств и не меньшего риска, чем

орбитальный. А результаты эксперимента? Они окажутся малы. Во время такого полета мы не получим сколько-нибудь полных данных о влиянии на летчика космических факторов. Без знаний их космическая программа зайдет в тупик. Не напоминаем ли мы человека, о котором говорил, кажется, Иммануил Кант. На вопрос философа, почему он не хочет купаться в речке, тот неизменно отвечал — не пойду в воду, пока не научусь плавать. Полета человека вокруг Земли — вот чего требует наука. Не шагжка, а шага — решительного и, может быть, даже дерзкого.

Прежде чем закрыть заседание, М. В. Келдыш обратился к залу:

— Позвольте спросить: разве извечную жажду познания окружающего мира можно чем-то ограничить, разве развитие производительных сил имеет предел? Я думаю, что мы готовы к новому большому шагу. Мы живем в век подлинно научно-технического прогресса. И никогда еще человек не был так окрылен, воодушевлен своими открытиями. Поверьте, космос обогатит нашу науку, наши познания о Вселенной, позволит глубже понять прошлое, настоящее Земли. И самое важное — мы будем знать завтрашнее нашей планеты. О будущем человечества должны заботиться мы сами. Да, сами — и никто, кроме нас. И потому я считаю возможным сказать: человек должен, обязан побывать в космосе...

Королев уходил с совещания последним. Заметив сидящего в стороне ученого секретаря комиссии кандидата физико-математических наук Г. А. Скуридина, заканчивающего запись выступлений, подошел к нему:

— Всю «драчку» записали?.. — пошутил Сергей Павлович и уже серьезно: — Пригодится... Многим потом стыдиться придется своих слов. — И попросил: — Пожалуйста, Геннадий Александрович, один экземпляр протокола, а еще лучше записи — мне.

Советское правительство поддержало передовую научную идею — выведение на околоземную орбиту корабля с человеком на борту. Вскоре была создана Государственная комиссия во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Н. Рудневым. Академик С. П. Королев стал заместителем председателя и техническим руководителем полета. На плечи его легла огромная ответственность. Сергей Павлович принял ее и сделал все, чтобы оправдать высокое доверие.

Один из важнейших вопросов, который предстояло решить, — кого послать в космос, людям какой профессии отдать предпочтение — инженеру, подводнику, летчику, парашютисту? Представители разных областей знания высказали свои точки зрения. Но все сходились в одном — человек должен быть, как говорят, здоров на все сто процентов, обладать нужными для полета знаниями и чувством высокой ответственности.

На одном из совещаний Сергей Павлович подытожил все пожелания.

— Для такого дела лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации. Летчик-истребитель — это универсал. Он летает в стратосфере на одноместном скоростном самолете. Он пилот и штурман, связист и бортинженер. Немаловажно и то, что он кадровый военный, а значит, обладает такими необходимыми для будущего космонавта качествами, как собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели.

Королев потребовал, чтобы возраст космонавтов не превышал тридцати лет. Главный смотрел в будущее, он думал о дне, когда ступит человек на поверхность Луны и планет, о том, чтобы космонавты могли не раз в жизни побывать на орбите, набраться опыта... Но, кроме того, их рост пока строго ограничивался — от 170 до 175 сантиметров, а вес не должен превышать 70–72 килограмма.

В войсковых частях к работе приступили представители специальной отборочной комиссии, утвержденной Главнокомандующим ВВС К. В. Вершининым.

Казалось, Сергей Павлович может передохнуть, ведь такое ответственное дело наконец решилось. Теперь уже скоро человек будет в космосе. Но Королев по-прежнему мало бывал дома, редко удавалось выкроить выходной. Не давал покоя новый «Лунник».

Совет главных конструкторов, проанализировав итоги первого старта «Лунника», выявил причины пролета мимо Луны, определил технические меры их устранения. На это потребовалось около восьми месяцев. На запуск «Луны-2» на космодром, как обычно, приехал и сам Главный конструктор. Прямо с аэродрома Королев направился в монтажно-испытательный корпус, где заканчивались последние испытания станции. Технически она практически такая же, как и предшественница, так как основная задача второго «Лунника» оставалась прежней — достижение поверхности Селены.

— Это исключительно важная цель, — говорил своим сотрудникам Королев. — Научимся попадать в Луну, перейдем ко второй задаче, будем учиться мягко высаживать на лунную поверхность научные лаборатории. Возможность этого доказал еще К. Э. Циолковский, а в конце двадцатых годов подтвердил Юрий Васильевич Кондратюк. Фридрих Артурович Цандер первым предложил послать к Луне автоматическую ракету с телевизионной камерой для рассматривания ее поверхности с близкого расстояния. Все они предложили идею о выведении летательных аппаратов

вначале на окололунную орбиту, а уж с нее опускать на Луну научные приборы. Задача хотя и нелегкая, но разрешимая. И мы ее разрешим.

Старт «Луны-2» состоялся 12 сентября 1959 года.

Прямо с космодрома Королев вылетел на один из временных пунктов системы дальней космической связи, развернутой в Крыму. Первый вопрос...

— Как?

— Полет, Сергей Павлович, идет по расчетной.

Должны попасть.

— Телеметрия не барахлит, данные точны? — обратился Главный к радиотехнику. — Сбоев существенных не было?

— Все в порядке, Сергей Павлович.

— А что вы скажете? — спросил Королев оператора.

— Пока все в норме, — уклончиво ответил тот. Сергей Павлович не терпел это «пока», недовольно поморщился и пошел в «командную» рубку: начинался очередной сеанс связи. Он хотел убедиться во всем сам...

День 14 сентября 1959 года принес радостное известие. В 0 часов 2 минуты 24 секунды второй советский «Лунник» доставил на поверхность Луны в район Моря Ясности вымпел с Гербом Советского Союза.

Все поздравляли друг друга с удачей. Сергей Павлович, как всегда, поблагодарил коллектив:

— Я не сомневался в вас, не сомневался в успехе. Все сделано великолепно. А ведь вы знаете, что, опоздай мы со стартом всего на 10 секунд, и точка встречи ракеты с Луной сместится на 200 километров. А ошибка в скорости разгона только на один метр в секунду привела бы к смещению места встречи на 250 километров.

Уже на следующий день все газеты мира сообщили о новом успехе советской науки.

«Русских можно сравнить, — писал в те дни Гейнп Каминский, директор Бохумской обсерватории в ФРГ, — со снайпером, попадающим из малокалиберной винтовки на расстоянии десяти километров в глаз мухи...»

Сергей Павлович был счастлив. По его просьбе изготовили несколько десятков памятных сувениров: в небольшой из орехового дерева футляр на ложе из голубого бархата поместили титановые, слегка вогнутые пятигранники — точные копии элементов шарового вымпела, доставленного на Луну. На них — рельефное изображение Герба Советского Союза и дата «Сентябрь 1959». На внутренней стороне крышки футляра карта Луны, на которой красным флажком отмечено место прилунения «Луны-2».

«Мост» «Луна — Земля» начал действовать, служить науке, людям.

Для того чтобы этот «мост» принес как можно больше пользы, Сергей Павлович отправил заместителю председателя Астрономического совета АН СССР А. Г. Масевичу письмо с предложением немедленно начать астрономические наблюдения со спутника.

«Непонятно, — спрашивал Королев в письме, — почему так много упущено времени, а по сути дела, нет даже проекта задания на разработку первой автоматической системы для проведения астрономических наблюдений со спутника». Высказав пожелание, чтобы Астрономический совет возглавил эти работы, С. П. Королев посчитал, «что было бы правильным разработать достаточно широкий общий план действий с учетом перспективных задач в этой области. Видимо, в ближайшие два-четыре года можно ожидать, что вес тяжелых спутников возрастет в несколько раз, а полезный груз космических ракет может составить тоже порядка нескольких тонн... Видимо, возможно создать автоматическую станцию и на поверхности Луны. Хотелось бы, чтобы дело сдвинулось с застойной точки, — заключает Королев письмо в Астрономический совет, — и не хотелось бы оказаться в отстающих. Может быть, будет полезным какое-то обсуждение в этой области, мы просим Вас проявить инициативу».

Настоятельная, научно обоснованная просьба Королева возымела действие. В разное время, правда, гораздо позднее, чем предполагал Сергей Павлович, было осуществлено несколько астрономических проектов: рентгеновский и гамма-телескопы устанавливались на борту пилотируемых кораблей и искусственных спутников Земли. Появился летающий космический телескоп «Орион» — исследовавший спектры звезд и другие приборы для изучения Луны, планет, космического пространства.

Отправив письмо в Астрономический совет, Королев улетел на Байконур и руководил там пуском ракеты-носителя «Восток» с автоматической станцией «Луна-3». В сообщении ТАСС говорилось, что 4 октября, во вторую годовщину запуска Спутника — космического первенца, — в сторону Луны отправился очередной «Лунник». Немногие знали, сколь сложная техническая цель стояла перед ним — сфотографировать невидимую с Земли обратную сторону Луны и передать ее изображение на Землю. Далеко не все ученые верили в возможность осуществления этого фантастического проекта.

Руководство полетом «Луны-3» велось с временного центра дальней космической связи, размещенного на горе Кошка в Крыму.

7 октября в 6 часов 30 минут московского времени станция «Луна-3»,

пролетая над вечной спутницей Земли, с расстояния в 60–70 тысяч километров начала фотографирование Луны, которое продолжалось свыше сорока минут.

Рассказывали, что Королев сгорал от нетерпения скорее увидеть снимок с загадочной обратной стороны Луны. Академики М. В. Келдыш и А. Ю. Ишлинский по-дружески подтрунивали над Сергеем Павловичем, утверждая, что некая «лунная» красавица, царствующая на обратной стороне Луны, давно уже поймала «Луну-3» и ищет по всему свету «виновника», нарушившего ее покой, чтобы наказать.

Эта шутка «дорого» обошлась ее авторам. Когда Королеву сообщили, что дешифровка лунного изображения, переданного станцией, закончена и что оно хорошего качества, он попросил дать ему снимок, сделанный фотосистемой «Лунника» во время наземных испытаний.

Выйдя из лаборатории с нарочито расстроенным лицом и нарочито крикнув вдогонку кому-то: «Безобразия, так работать нельзя», — передал Ишлинскому снимок.

Поспешно надев очки и взяв в руки фотографию, тот начал ее внимательно рассматривать.

— Темна, как ночь, — проворчал Александр Юльевич и передал Мстиславу Всеволодовичу.

Келдыш быстро взглянул на снимок, ничего не сказал, бросил его на стол и еще больше нахмурился.

Королев стоял молча, наблюдая задуманную им сцену. И, насладившись «мстью», положил на стол подлинный космический снимок.

— А красавице-то вашей я, видать, понравился, — со смехом сказал Королев, — какой она мне чудесный подарок преподнесла. Полюбуйтесь, ну как?

«Подарок» вновь взбудоражил научный мир. Снимок невидимой части Луны стал достоянием ряда зарубежных радиообсерваторий, он появился на экранах телевизионных компаний и страницах крупнейших газет и журналов мира. Один из французских виноделов, увидев снимок, потерял покой: незадолго до полета «Луны-3» он похвастался в кругу друзей, что поставит тысячу бутылок лучшего вина тем, кто первым заглянет на обратную сторону вечной спутницы Земли. Деваться виноделу было некуда, слово есть слово, и он послал вино в адрес Академии наук СССР.

Расшифровка фотоснимков дала возможность выявить 107 различных объектов — кратеров, морей, талассоидов. Специалисты пришли к выводу: на обратной стороне вечного спутника Земли значительно больше горных

образований, чем равнин. Полет «Луны-3» позволил начать работы по созданию лунного глобуса. Перед селенографией открылись широчайшие перспективы.

Совет главных конструкторов начал готовиться к новому важнейшему этапу освоения Луны — мягкой посадке на ее поверхность автоматических научных станций. Но для этого следовало знать, какова поверхность Луны. Одни специалисты считали, что лунная поверхность жесткая, другие — что она покрыта многометровым слоем пыли. «Лунник» может утонуть в нем. Обсудить этот вопрос собрались авторитетные астрономы.

Мнения разошлись. В результате длительных споров прийти к единой точке зрения не удалось. И тут встал С. П. Королев.

— Раз единого мнения нет, в этом случае решение буду принимать я, — и, чуть помолчав, добавил как о давно решенном: — Итак, глубокой пыли на Луне нет.

— Но где же гарантии того, что это так, как вы утверждаете? — раздался недоуменный голос.

Сергей Павлович улыбнулся, чувство юмора не изменило ему и тут. Он оторвал кусочек газеты, подвернувшейся под руку, и четко написал на нем: «Луна твердая. Королев» — и передал председательствующему.

— Это вам моя гарантия.

Председательствующий прочитал записку Королева вслух. В кабинете раздался шумок — не то одобрения, не то осуждения.

— Прошу два слова для разъяснения, — попросил Королев. — Не считал, но, наверное, не ошибусь, если скажу, что число ученых, получивших ученую степень «за» лунную пыль и «против», одинаково. Но это лишь их умозаключения. Мое же утверждение основано на факте. Последняя ступень ракеты-носителя второго «Лунника» и контейнер с аппаратурой достигли Луны. Их встреча с лунной поверхностью не вызвала проявления сколько-нибудь значительного пылевого образования. Если бы оно возникло, его обязательно заметили астрономы мира...

Все молчали, но не признать правоту Сергея Павловича было невозможно.

Решение разного рода научных, технических, чисто организационных проблем, бесспорно, поглощало у Королева большую часть времени. Но даже будучи очень занятым, он любил бывать на своем опытном и серийных заводах. И не только ради того, чтобы проверить, как идет строительство ракет и космических аппаратов, но и встретиться с теми, кто в этом участвует, или, как часто говорил Сергей Павлович, «подышать

одним воздухом с рабочим классом».

Как-то в очередное посещение заводских цехов к Сергею Павловичу подошел слесарь-лекальщик Павлов, давний знакомый Главного, которого он очень высоко ценил. Недавно Павлову присвоили звание Героя Социалистического Труда.

— Что хмурый такой, Сергей Степанович? — спросил Королев. — Дома что-нибудь?

— Да нет, Сергей Павлович, общественные дела.

— Рассказывайте. У меня десяток минут есть в запасе.

— Народ жалуется да заводское питание. Наша фабрика-кухня реконструируется медленно. Толком доесть нечего.

— А где наши общественные организации?

— Стучались они и к вашему замку, да толку никакого.

— Так, — протянул Королев. — Значит, толку никакого. — Увидев висевший на стене телефон, набрал номер и, услышав знакомый голос зама, спросил:

— Вам говорили о плохой работе фабрики-кухни? — спросил Королев. — Отвечайте: «да», «нет». Вы где питаетесь? Теперь ясно все. Отложите другие дела, займитесь рабочим питанием. Пробу в столовой буду снимать сам. — Повесив трубку, попросил: — Позвоните, Сергей Степанович, через пару недель мне лично, если ничего не изменится.

— Извините, что задержал вас, Сергей Павлович.

— Кто хорошо работает, тот должен хорошо есть, — рассмеялся Королев и пошел к станочникам.

Войдя в цех, остановился у Доски почета. Портрет немолодой женщины — единственной среди мужчин. Не заходя к цеховому начальству, здороваясь на ходу с рабочими, отыскал ее глазами. Подошел, стоял не мешая, пока она не сняла со станка очередную деталь, поздоровался:

— Добрый день, Марина Борисовна! Женщина от неожиданности вздрогнула и, повернувшись, увидела Главного конструктора, но не смутилась.

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Главный взял в руки деталь и начал рассматривать ее со всех сторон.

— Может, что не так? Все по чертежу...

— Да вы не волнуйтесь, пожалуйста. Отличная работа, Марина Борисовна. Благодарю.

Подошедший мастер, не зная цели прихода Королева в цех, поторопился сказать:.

— Она у нас ударница. Работает всегда без брака. — А разве у вас в цехе есть бракоделы? — удивленно взглянул на мастера Королев. — И вы их держите? Разберитесь, доложите кто. Марина Борисовна может работать вот так отлично, а другие нет. Почему? У нее вдобавок к производственным наверняка немало житейских забот, — и, склонившись к станочнице, спросил: — Дети у вас есть?

— Двое, Сергей Павлович. Муж после войны недолго жил. Вот и пошла на завод. Спасибо, товарищи помогли, научили профессии... Десять лет как у станка.

— Ну, работаете вы отлично, а дома все в порядке?

Наверное, забот много?

— Да все хорошо. Детьми довольна, помогают мне. Вот только... — замялась Марина Борисовна.

— Что только?

— Комната маленькая у меня в бараке, а дети подрастают. Крыша течет все время, да и прогреть тяжело комнату-то, печка старая, давно не перекладывали, дымит.

Королев нахмурился. К нему в тот момент подошел начальник цеха. Сергей Павлович строго спросил:

— Вы знаете, в каких условиях живет Марина Борисовна?

— Скоро барак снесут, Марина Борисовна получит, конечно, комнату, — попытался оправдаться начальник цеха.

— «Снесут», «получит комнату», — вскипел Королев. — На днях будет принят новый жилой дом. И не комнату, а квартиру из двух комнат выделить Марине Борисовне из резервного фонда. Вы меня поняли? — И, пожав руку станочнице, поблагодарил ее за добросовестный труд.

Через месяц, встретив Марину Борисовну в заводской столовой, Королев поинтересовался:

— Как новоселье? Детям квартира нравится? — И увидел на лице женщины смущенную улыбку. — Ну-ка, выкладывайте все начистоту. Что случилось?

Указание Главного не выполнили. Работнице дали одну комнату, а предназначенную ей квартиру передали другому человеку. Возмущению Королева не было предела. Через два дня Марина Борисовна переехала в новую двухкомнатную квартиру, а начальника цеха понизили в должности. На первом же партийно-хозяйственном активе Королев крепко пробрал «треугольник» цеха за невнимание к кадровым рабочим, передовикам производства.

— Мы, думая о проблемах всего человечества, кажется, стали

невнимательны к тому, что у нас делается в собственном доме. Это непростительно. И я не снимаю вины и с себя. В ближайшее время мы обратимся к нашему начальству со специальным письмом. Поэтому просьба к начальникам цехов, общественным организациям — подготовьте обстоятельные доклады о всех нуждах. А что касается ветеранов производства — надо подумать особо, может, для них построить специальный дом. Знаю, проблем у нас много, предприятие быстро разрастается, людей становится больше, а жить им негде. Корпуса, лаборатории, цехи строим быстро, а на жилье, детские сады, клуб постоянно денег не хватает.

— Да мы ничего, не жалуемся, — крикнули из зала.

— Вот и плохо, что не жалуется. Хорошо работающему человеку и отдыхать надо прекрасно. Он тогда еще лучше работать будет. А сейчас что мы имеем? Сто бараков, специалисты живут на частных квартирах. Вопрос этот, я считаю, первоочередной. Его надо срочно решать.

Вскоре ОКБ получило разрешение на строительство жилого массива. Возведение его было поручено опытным московским строителям во главе с Сергеем Васильевичем Епиховым.

При первой встрече заместитель Королева по строительству предупредил строителей:

— Начальник КБ просил строить быстро и хорошо. Королев — человек очень требовательный. Спуску никому не дает, не удивляйтесь, что он и проект посмотрит, и на стройке не раз побывает.

Действительно, Сергей Павлович познакомился с проектом строительства городка.

— Ну что же, в основном хороший план. Первыми построим жилые дома, магазины, ясли, школу, проложим дороги, асфальтируем их, разобьем парк. А это что? Клуб?! Я протестую, — сказал Главный. — Нам нужен Дворец культуры, с современным зрительным залом, хорошей сценой. Мы будем приглашать к себе столичные театры, лучших артистов, писателей... Обязательно предусмотрите библиотеку. Здание должно быть большим: художественную, научную и техническую литературу предстоит разместить. А где сможет заниматься наша художественная самодеятельность? Не обойтись нам и без кинотеатра с современной аппаратурой. Проект доработайте.

Все пожелания С. П. Королева учли. Строители без раскачки взялись за дело. Сергей Павлович часто появлялся на объекте номер один, как назвал он будущий городок. Беседовал с рабочими, бригадирами, заходил в контору к С. В. Епихову. Как-то раз спросил:

— Может быть, вам в чем-то надо помочь? Не стесняйтесь! Хотелось бы к Октябрьскому празднику десятка два семей, особенно многодетных, из бараков переселить.

— Больших обид нет, но кто же от помощи откажется, если ее предлагают? — рассмеялся Епихов. — Не всегда смежники аккуратны. То сантехнику задержат, а то недоброкачественные блоки поставят.

— Вот что, составьте, товарищ Епихов, короткую докладную. Укажите все, вплоть до мелочей, что надо для ускорения строительства. Негоже, чтобы люди, строящие ракеты, удивляющие мир спутниками, жили в бараках. Буду в Москве, куда надо. зайду.

Вскоре строительный конвейер наладился. На недавнем пустыре один за другим стали появляться добротные дома. Не проходило месяца, чтобы Королев не появлялся на стройке. Как-то он увидел, что работница мастерком неумело ведет затирку заштукатуренной стены. Не выдержал, взял из ее рук немудреный инструмент и легким круговым движением показал, как надо делать.

Девушка молча взглянула на пришедших. Королев заметил, что она похожа на его дочь, — такая же чернобровая, темноглазая и, пожалуй, тех же лет, что и Наташа.

Взглянув с сожалением на покрасневшие от холода руки девушки, участливо спросил:

— Вы не здешняя?

— Из Омска.

— Из самого города? Я работал в нем.

— Нет, из колхоза, доярка.

— А как же сюда?

— Сказали, надо... лимит какой-то.

— Вам не нравится здесь? Только скажите правду.

— Я выросла в деревне. Там отец, мать, брат и сестра...

Не зная, как утешить девушку, Королев сказал ей несколько ободряющих слов и попрощался. Шел и думал: по чьей воле эта девушка и сотни других таких же, как она, оставив родных, меняя профессии, приехали сюда, за тысячи километров от дома? В это же время даже с его предприятия несколько человек отправились в Омск, так как сказали, что они там нужны. Всегда ли необходима эта болезненная перетряска человеческих судеб? Романтика поневоле. А если всемогущие слова «надо», «лимит» применялись бы к его Наташе, только что закончившей медицинский институт?

Размышляя, Главный подошел к строящемуся Дворцу культуры.

Критическим взглядом окинул входную дверь.

— Сергея Васильевич, вам не кажется... что дверь как-то, ну, скажем, простовата для такого здания, для всего архитектурного облика? — обратился он к встретившему его Епихову.

Замечание было справедливо, Епихов с удивлением взглянул на Королева: откуда, мол, такие познания? На безмолвный вопрос строителя Сергей Павлович как бы между прочим сказал:

— Строительное дело нам в стройпрофшколе читал известный инженер, кажется, болгарин по национальности — Тодоров.

— Вы строитель? — изумился Епихов.

— По юношеской профессии и кровельщик, и черепичник.

Заводской городок ОКБ Королева становился украшением подмосковного Калининграда.

Сергей Павлович часто бывал в горсовете, горкоме партии, обсуждал общегородские проблемы, помогал чем мог, советовал, что делать.

Его волновало все: и как идет в городе торговля, и положение в пионерском лагере, и водоснабжение, и возможность получения его рабочими технического образования. По его настоянию при ОКБ открыли филиал МВТУ, индустриальный техникум, вечерние школы.

Королев любил город, где работал, гордился коллективом ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, которыми руководил. Всегда старался быть вместе со всеми...

Знали, что Сергея Павловича приглашали в праздничные дни присутствовать в Москве на Красной площади, но он любил пройти в колонне своего коллектива по главной площади городка, потом подняться на трибуну и приветствовать знакомых ему рабочих, инженеров, ученых.

Однажды Сергей Павлович подошел к заводской колонне, поздоровался и направился ж оркестру, возглавлявшему демонстрантов.

— Здравствуйте, соловьи!

— Здравствуйте, — хором ответили полсотни музыкантов.

— А что если мы, — предложил Королев, — мимо трибун с песней пойдём? Марш «Все выше» вы же знаете?

— Знаем, — дружно ответили оркестранты.

— А сможем? — высказал тогда опасение.

— Сможем, сможем, — не согласился Королев. — Работать можем, сможем и спеть.

Так, с песней, с высоко поднятым знаменем, к которому был прикреплен орден Ленина, колонна ОКБ Королева прошла мимо городской трибуны.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», — пел со всеми Сергей Павлович.

Специальная комиссия для отбора кандидатов в первый отряд советских космонавтов вскоре сформировала его. Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов, Борис Волинов, Евгений Хрунов, Виктор Горбатко, Георгий Шонин и другие летчики-истребители высокого класса. Некоторые успели побывать в аварийных ситуациях, сделать вынужденные посадки. Беляев и Комаров уже закончили военно-воздушные академии. Попович освоил сверхзвуковой самолет МИГ-19.

Для приобретения молодыми офицерами невиданной профессии космонавта руководство ВВС приступило к созданию Специального Центра подготовки, отобрав для него живописное место в Щелковском районе, недалеко от железнодорожной площадки Чкаловская. Теперь это всемирно известный Звездный городок. Руководителем Центра назначили полковника Евгения Анатольевича Карпова, военного врача по профессии, всю жизнь посвятившего авиации. Общее руководство новым делом возглавил генерал Н. П. Каманин.

В начале 1960 года программу обучения летчиков представили Совету главных конструкторов и академику С. П. Королеву.

— Кого намерены привлечь к чтению лекций, Евгений Анатольевич? — спросил Главный конструктор Е. А. Карпова, еще раз просматривая программу.

— Список преподавателей и методистов уточняем, — ответил Е. А. Карпов. — Пока вот предварительный.

— Очень хочу, чтобы в числе преподавателей были и вы, Михаил Клавдиевич, — обратился академик к профессору Тихонравову. — Понимаю, человек вы очень занятой, но надо. При первой же возможности готов и сам встретиться с летчиками.

Продолжая знакомиться со списком, академик посоветовал Карпову:

— Привлеките к участию в работе профессора Бориса Викторовича Раушенбаха. — И, подумав, спросил: — Кто будет читать лекции по медико-биологическим проблемам? Тут вам виднее, вы специалист. Мне хотелось, чтобы у летчиков побывали Норайр Мартиросович Сисакян и Василий Васильевич Парин. Да, а кто возьмет на себя самый тяжелый груз в медицинской области — практическую сторону дела?

— По-моему, лучше Владимира Ивановича Яздовского никого нет. Знающий, увлечен, энергичен.

— Вы предвосхитили меня, — согласился С. П. Королев. — Попытаюсь уговорить приехать к летчикам и Мстислава Всеволодовича Келдыша.

— А вот список преподавателей, рекомендованных для чтения лекций по конструкции ракеты-носителя, и прежде всего — корабля, отдельным его системам, пилотированию, — сказал Карпов, протягивая Сергею Павловичу еще один документ.

Взгляд академика на секунду задержался на фамилии «Феоктистов К. П.».

— Феоктистов?! Отличный, думающий конструктор. Однако только побаиваюсь, не пройдет и года, как Костя сам захочет...

— Что захочет? — не понял Карпов.

— Захочет сесть в корабль. Да-да, лететь в космос! Королев вновь стал читать список учителей космонавтов.

— Макаров, Севастьянов, Елисеев, — академик весело взглянул на Карпова. — Моих инженеров тут немало... Придет время, и они полетят. Да-да. Самое верное — самим свои разработки проверить там, в космосе.

В число преподавателей, организаторов учебного процесса вошли такие известные летчики, как мастер парашютного спорта Н. К. Никитин, летчик-испытатель М. Л. Галлай, и другие специалисты.

14 марта 1960 года в одном из зданий Центрального аэродрома Москвы — временном пристанище учебного центра — начались теоретические дисциплины. Впервые в мире предстояло подготовить людей к полету в неведомое, наблюдать за их состоянием во время небывалого рейса, вернуть космических путешественников на Землю и сделать выводы о возможности дальнейших полетов человека за пределы Земли, о реальности освоения на первых порах околоземного космоса.

— Не скрою, товарищи, вам предстоит в сжатые до предела сроки очень многое изучить, понять и освоить, — напомнил Е. А. Карпов перед первым занятием будущим космонавтам. — В изучении конструкции корабля вам во многом пригодятся авиационные знания и навыки. Нужно освоить принципиально новую логику управления реактивным движением летательного аппарата, а затем и отработать ее до автоматизма на тренажере. Будем считать это одной из первых задач. Конечно, вы обязаны иметь полное представление об особенностях физиологических и психологических процессов в организме человека вообще и в космическом полете тем более. Это также первоочередная задача.

Летчики с вниманием слушали начальника Центра подготовки. Широко образованный человек, психолог по складу ума, одаренный от

природы талантом воспитателя, Е. А. Карпов пользовался у С. П. Королева и у своих подопечных исключительным уважением и доверием.

— Мы, авиационные врачи, — признался Е. А. Карпов, — тоже идем малоизвестными путями. Надо уметь многое предвидеть. Просчет в этом сложном деле может стать непоправимым. Таким образом, и для обучаемых и для учителей поставлена задача со многими неизвестными. Успех космических полетов человека в равной мере зависит от создания необходимых условий жизнеобеспечения в кабине летательного аппарата и от всесторонней подготовки самого космонавта. Предусматривается широкий цикл тренировок и испытаний, включая полеты на учебных и специально приспособленных самолетах, — например, для знакомства с кратковременной невесомостью. В учебную программу войдут исследования нервно-психологической устойчивости летчика при длительном пребывании в сурдокамере, тренировки в макете кабины космического корабля и пилотажном тренажере, испытания и тренировки в термо-и барокамерах, на центрифуге, специальная физическая и вестибулярная тренировки, прыжки с парашютом и многое другое. Ну а теперь дело, — Карпов подбадривающе улыбнулся.

Приступили к работе и специалисты — медики, биологи, психологи, инженеры-испытатели, все те, кому пред стояло детально разработать методику подготовки летчиков к полетам в космических условиях. Создавались многочисленные и разнообразные аппаратура и приборы.

Конструкторы хотели знать все о человеческих возможностях при старте, полете и возвращении на Землю» Медики требовали гарантии полной безопасности пребывания человека в условиях полета. Ставились все новые и новые опыты, обобщались разрозненные научные данные...

Особенно интересовала специалистов невесомость. Вынесет ли человек ее? Как долго он может существовать в таком состоянии? Чтобы проверить это хотя бы приблизительно, специально оборудовали самолет Ту-104. После долгих примерок, на высоте 8000 метров удалось создать в его салоне краткую минутную невесомость. Первыми прошли через нее испытатели, которых называли «земные космонавты». Испытывать себя на невесомость на борту Ту-104 стали затем все, кто собирался за пределы Земли.

«Земные космонавты» первыми проверяли на себе и специально сконструированные центрифуги для выяснения возможности человека при стартовых перегрузках и особенно при возвращении на Землю. Многие опыты показали, что человека следует располагать в кресле в лежачем

положении под определенным углом. Выяснилось, что тренированный человек может выдержать кратковременное увеличение своего веса в 26 раз.

Нелегко решались задачи, связанные с возвращением космонавта на Землю. Система катапультирования, которую предполагалось использовать в космическом корабле для возвращения на Землю космонавта, подвергалась самым разнообразным опробованиям. Катапульта «выстреливала» испытателя из корабля на разных высотах при различных скоростях, пока не был найден оптимальный вариант.

«Земные космонавты» поднимались в барокамерах на высокие «горы», выдерживали в термокамерах 60-градусную жару, просиживали в камерах «молчания» дни и месяцы, голодали, изнывали от жары, демонстрируя возможности человека на выносливость. Они прокладывали путь в космос.

Но вот наступил день, когда Сергей Павлович Королев решил, что пора познакомиться с будущими космонавтами и показать им первые варианты космического корабля.

В условленный день в просторный светлый зал заседаний ОКБ вошла группа молодых людей — летчиков — во главе с начальником Центра подготовки космонавтов Е. А. Карповым.

Открылась дверь соседнего кабинета, в Королев в сопровождении нескольких сотрудников вышел к летчикам. Академик был в темно-сером костюме в своей шерстяной рубашке. Слегка наклонив голову набок, он оценивающе взглянул на молодых летчиков. Довольный первым впечатлением, С. П. Королев, улыбнувшись, негромко сказал:

— Рад видеть вас здесь, у нас в ОКБ. Считаю этот день весьма знаменательным. Вы прибыли сюда, чтобы ознакомиться с новой техникой, которую вам предстоит освоить. Для вас же, конструкторов, представляется возможность узнать ее непосредственных испытателей. Но раньше всего давайте все-таки познакомимся.

Сергей Павлович подошел к летчикам и, подавая руку, представлялся каждому из них;

— Королев, Сергей Павлович.

Выслушав в ответ имя, фамилию летчика, он, как правило, задавал собеседнику несколько вопросов. Евгений Анатольевич незадолго до встречи кратко охарактеризовал всю группу и каждого в отдельности. Цепкая память ученого запомнила фамилию «Гагарин».

— Из каких краев?

— Смоленщина. Гжатск.

— Средняя школа?

— Ремесленное. Литейщик по профессии.

— Значит, мы с вами, Юрий Алексеевич, птицы одного полета, — улыбнулся конструктор. — Я вот тоже в двадцатых годах строительную профессиональную школу окончил — строитель-черепичник. А потом МВТУ.

— А я — индустриальный техникум, — добавил Гагарин в тон Королеву.

— Молодец, — похвалил ученый. — А как же сложился путь в небо?

— В Саратове, аэроклуб.

Дойдя до Владимира Комарова и побеседовав с ним, узнав, что он уже окончил академию Жуковского, неожиданно для всех сказал:

— Ну а вам, инженер-капитан, быть со временем командиром многоместного корабля.

Познакомившись с молодыми летчиками, Сергей Павлович пригласил всех сесть за длинный стол, стоящий в середине зала, сам сел в его торце. Внимательно взглянул на собравшихся.

— Хороших «ореликов» нашли. С такими любое дело по плечу. «Орелики», — повторил он вполголоса, как бы самому себе, задумался на секунду и уже громко: — Ну что же, теперь несколько слов о самой сути нашего дела.

Королев встал из-за стола. Под высоким лбом необычно ярко засветились темные глаза.

— О сложностях и трудностях предстоящего дела много говорить не буду. Уверен, вы понимаете это не хуже меня, помнить об этом надо постоянно и готовиться ответственно, — остановился, помолчал, внимательно, посмотрел на «ореликов». Те не отрывали глаз от Королева. И Сергей Павлович продолжал: — Проникнуть в космическое пространство, вначале в околоземное, а потом и в глубины Вселенной, затем освоить его так же необходимо, как в свое время необходимо было подняться в небо, чтобы потом овладеть воздушным океаном и поставить его на службу людям, — увлеченно говорил Сергей Павлович. — Полеты реактивных самолетов в наше время стали настолько обычным делом, что человечество и не мыслит себе жизни без них. А ведь подняться в небо оказалось нелегко. В космос проникнуть — тем более. Но нет преград человеческой мысли, неограниченным возможностям разума. Многие обстоятельства понуждают землян штурмовать космос.

Как зачарованные слушали летчики неторопливую, уверенную речь Королева. Все, что еще вчера казалось фантазией, сегодня здесь, в ОКБ

Главного конструктора, обретало реальные очертания. И полет корабля за пределы Земли, и стыковка нескольких кораблей в единый комплекс, и выход человека за пределы корабля в открытый космос, и работа в нем, и орбитальные станции со сменяемыми экипажами... И все это — во имя человека, ради научных, хозяйственных и культурных потребностей общества.

— Прав был наш великий Циолковский и в том, что назвал Землю колыбелью разума, и в том, что нельзя вечно в ней оставаться. Верно и то, что куда бы и в какие бы глубины Вселенной ни занесла людей их дерзновенная мечта и неутомимая практика, они всегда будут верны родной планете. Когда Константин Эдуардович призывал человечество осваивать космос, искать новые миры, он желал всего лишь одного: лучшей жизни. Раньше других выдающихся мыслителей Циолковский понял, что энергетические возможности Земли, ее природные ресурсы не бесконечны. Человечество не имеет права не думать о завтрашнем дне, о будущем планеты. Нет, пока не о переселении землян с родной планеты идет речь, а о том, чтобы «ездить в лес по дрова», пользоваться солнечной энергией и ресурсами близлежащих небесных тел. А если где-то окажутся подходящие условия для жизни, грешно будет пройти мимо...

Королев взглянул на часы.

— Пора нам, друзья, вернуться на нашу дорогую Землю. Все, что я говорил вам сейчас, — это не плод беспочвенных мечтаний, а наша советская космическая программа. Проект разработан большой группой ученых и получил одобрение Академии наук, правительства и Центрального Комитета партии. Нам с вами доверено большое и, я бы сказал, даже дерзновенное дело. Полетом первого искусственного спутника открыты двери во Вселенную, теперь дело за полетом в космос человека. Начинать, как вы понимаете, будем с полета одноместного корабля. Кто-то из вас окажется первым. Готовьтесь, не жалейте сил и времени... Вы — испытатели не новой, а новейшей техники. Судьба распорядилась так, что нам с вами посчастливилось стать первопроходцами неведомого космического мира.

Сергей Павлович повернулся к телефону, набрал номер:

— Королев. Олег Генрихович, сейчас буду у вас и не один, а с «хозяевами»... — предупредил Главный Ивановского, ведущего конструктора по кораблю. — Если кресло привезли, подготовьте его, чтобы можно было установить на место.

И, словно подводя итог этой части встречи, Королев заключил:

— Наше стремление к познанию Вселенной не самоцель. А теперь

пора к нему, да, к первому космическому кораблю. Точнее — к первому образцу серии, которую предложили назвать «Восток».

Цех поразил летчиков не только своими размерами, но и особой чистотой, отсутствием привычного заводского шума. По обеим сторонам центрального прохода на специальных подставках стояли серебристо-матовые шары большого диаметра. Возле них работали люди в белых халатах. Летчики только переглядывались: ничего сколько-нибудь похожего на авиационный завод. И что это за шары? Вот рабочий подошел к одному из них, поднялся по лесенке, подтянулся на руках и, легко проскользнув сквозь круглый входной люк, опустил шар.

— Ты понимаешь что-нибудь, Гера? — тихо спросил Гагарин Титова.

— Пока нет...

Сергей Павлович жестом пригласил всех к одному из шаров. Тут гостей ждали в белых халатах смуглый с четкими, несколько заостренными чертами лица ведущий конструктор по кораблю Олег Генрихович Ивановский, его заместитель — молодой, с кудрявой шапкой волос Евгений Александрович Фролов и худощавый, с редкой сединой на висках проектант Константин Петрович Феоктистов.

Представив специалистов летчикам, Королев положил руку на корпус шара:

— Вот это кабина, или спускаемый аппарат космического корабля. Корабль — сложный и уникальный летательный аппарат. В различных его системах работает: более двух с половиной сотен электронных ламп, более шести тысяч различных транзисторов, около шести десятков электродвигателей и до восьмисот различных электрических реле и переключателей. Многочисленные приборы и механизмы соединены между собой электрическими проводами общей протяженностью в пятнадцать километров и девятьюстами штепсельными разъемами. И вот вся эта непростая, прямо скажем, техника должна работать безукоризненно четко, надежно. Задача, как видите, вполне современная...

Летчики поднялись на площадку и со всех сторон обступили шар, заглядывая в него через входной люк.

— А кабина-то больше, чем в реактивном, — заметил Валерий Быковский.

— Просторная, уютная... Вот только ручки или же штурвала управления недостает, — недоуменно заметил Павел Беляев.

— Чистая работа! — не удержался Павел Попович.

— А где же кресло пилота? — спросил Виктор Горбатко.

— Приборного оборудования куда меньше, чем в самолете, —

удивился Андриян Николаев.

— Вероятно, все автоматизировано, — предположил Георгий Шонин.

Выждав, когда первые страсти поутихнут, Сергей Павлович вкратце рассказал летчикам о конструкции корабля и главных принципах действия его оборудования, различных систем.

— А как же возвратиться на Землю на этом бескрылом шарике? — раздался недоуменный голос.

— Я ждал этого вопроса, — повернулся Королев к спрашивающему. — Разрабатывается тормозная двигательная установка. Она выведет корабль на траекторию спуска, затем произойдет отделение спускаемого отсека от агрегатного. Дальше — торможение сопротивлением атмосферы, и наконец — спуск при помощи парашютных систем. Есть два варианта в самом спускаемом аппарате или отдельно от него. Предпочтительнее пока второй. На нужной высоте срабатывает катапульта, и космонавт, покинув корабль, достигнет земли на индивидуальном парашюте.

Главный конструктор взглянул на летчиков, знал, что больше всего они не любят пользоваться катаapultой. Помолчав, продолжил:

— Я знаю, тренируют вас с хорошим запасом прочности. Без этого нельзя. И центрифуга, и барокамера, и термокамера, и парашютная подготовка, и все прочее — это крайне необходимо. Евгений Анатольевич регулярно информирует меня о ваших успехах. Знаю, что бывают и неудачи. Не огорчайтесь — не сразу все удастся. Возможно, и не каждому окажется под силу... Ну а теперь, наверное, никто из летчиков не откажется посидеть в корабле?

Обратившись снова к Олегу Генриховичу, Сергей Павлович попросил установить на место кресло пилота, которое уже было доставлено к кораблю.

— Кто же первый? — и ученый взглянул на Юрия Гагарина.

— Разрешите? — решительно и радостно попросил Гагарин.

— Разрешаю, — ответил довольный Королев.

Юрий Гагарин моментально снял ботинки и быстро по стремянке поднялся к люку спускаемого аппарата. Легко подтянувшись на руках, он ловко опустился в только что установленное кресло пилота. Огляделся. Внутри корабля все сверкало новизной и нетронутой чистотой. Удобное кресло. Слева — основной пульт управления, а над ним маленький глобус, прямо перед глазами — иллюминатор. Ничего лишнего. Разумная компоновка.

— Вот так в один из недалеких уже дней один из вас сядет в корабль, чтобы открыть космос для всех, — как о деле решенном, заметил Сергей

Павлович, когда гости посидели в корабле.

Летчики еще не знали, каковы назначения многих кнопок, тумблеров, но кое о чем догадывались.

— Очень интересно, во не все еще как следует понятно, — осмотрев корабль, не скрыл Титов.

— Будет вам и белка, будет и свисток, — шутя сказал Королев. — Мы вам выделили хороших учителей. Константин Петрович — один из них. — И Сергей Павлович мельком взглянул на Феокистова. — Это грамотные люди, непосредственные участники создания корабля, знают машину как свои пять пальцев.

По настроению, по репликам и выражению лиц Сергей Павлович понял, что корабль летчикам понравился. Это было для него более чем приятно. Заканчивая встречу, академик предложил:

— Изучайте корабль основательно, вносите свои пожелания по его совершенствованию. Вам летать. И еще. Если вы пришли в космонавтику лишь с намерением совершить подвиг, то нам не по пути. Предстоит, юные друзья, работа — тяжелая, повседневная работа. Вы выбрали себе нелегкий путь. Испытания авиационной техники, как правило, сопряжены со многими трудностями, неожиданностями и даже опасностями. Космической техники — тем более... — И, улыбнувшись, спросил: — Надеюсь, не запугал вас? — и мягко, словно отец взрослым сыновьям, добавил: — Я верю в вас. Помните слова Алексея Толстого: «Родина наша — колыбель героев, огненный горн, где плавятся простые души, становясь крепкими, как алмаз, как сталь».

— Мы — летчики, — ответил Юрий Гагарин, вкладывая в эти слова всем известное: «Опасность — удел профессии».

— В наш век тлеть нельзя, надо гореть огнем, — поддержал Герман Титов.

— Вы тут рассуждайте, а я лечу первый, — раздался из-за спины летчиков озорной голос Алексея Леонова. — Засиделся. У себя в части каждый день полеты, а здесь? Как малому конфету — один раз в неделю.

Все рассмеялись. Улыбнулся и академик. Ему по душе мысли летчиков и особенно их жажда летать.

— Да, в наш век тлеть нельзя, — повторил он слова Титова. — Согласен. Летчик — это профессия смелых. Вот что, орелики: все-таки нет на свете большего счастья, чем участвовать в новых открытиях. Завидую вам. Кому-то из вас выпадет первым штурмовать космос, кто-то из людей ступит ногой на поверхность Луны, а кто-то со временем отважится отправиться на Венеру и Марс-Алексей Леонов смотрел на лицо Сергея

Павловича, светившееся добротой, и думал: «Ученый, пожалуй, смотрит на нас, как на сыновей, которые сделают то, что он хотел бы сделать сам, увидят то, что хотел бы увидеть он сам».

Через несколько месяцев после беседы с космонавтами, в июне того же, 1960 года, академик Королев посетил Звездный городок и его Центр подготовки, придирчиво осмотрел все лаборатории, специальные установки, стенды, тренажеры, учебные площадки.

— На первых порах неплохо. Но только на первых, — сказал он руководителям Н. П. Каманину и Е. А. Карпову. — Надо думать о завтрашнем дне. Предстоит большая работа. Это не на один день, — подчеркнул он. — Вы меня понимаете? Надо закладывать новые лаборатории, иметь в них самое современное оборудование. Подумайте, вносите предложения. Я вас поддержу.

Через некоторое время специалисты Звездного городка показали академику перспективный план своего хозяйства.

— Хотелось бы иметь, — попросил Евгений Анатольевич Карпов, — макет корабля в натуральную величину, тренажер.

— Это в наших силах. И давайте договоримся: авиаторы должны приходить к нам почаще и не как гости, а как соратники.

— С удовольствием.

— Ну вот и договорились.

Глава четвертая

Дела хватит всем

Космосу нужны специалисты.

Нет, ждать нельзя.

Мост «Земля — Венера».

Каждый из вас будет первым.

Королев любил приходить в сборочный цех своего опытного завода. Главный конструктор хорошо понимал, что именно здесь проверяются, получают путевку в жизнь все научные идеи, конструкторские разработки, технические решения.

Сборочный был детищем Королева. В нем все было сделано так, как того хотел Сергей Павлович. Структура цеха, размещение оборудования и даже рабочих мест — этим академик Королев занимался лично, так же как и подбором кадров.

Случалось, Королев приходил в цех по два раза в сутки. Рабочие улыбались: Главный влюблен в цех общей сборки. Он мог подолгу стоять у какого-либо агрегата, что-то прикидывая, обдумывая. В эти минуты ему никто не мешал.

Конечно, Сергей Павлович бывал и в других цехах, участках, встречался с коллективами технологов, разработчиков. Но делами в сборочном интересовался постоянно.

Часто вечерами, дома после ужина, набирая знакомый номер, спрашивал: «Ну, как дела? Все в порядке?»

Нина Ивановна пыталась сначала журить Сергея Павловича, Она стремилась, чтобы дома он как можно больше отдыхал, пыталась развлечь его. Но «вытаскивать» его из дома становилось все сложнее. «Мне надо немного поработать». «Я посижу подумаю», — такие ответы все чаще слышала Нина Ивановна от мужа на предложение сходить в театр, на концерт.

А сегодня они обещали друзьям прийти в гости. Сергей Павлович приехал домой пораньше — в шесть, задержал машину. Нина Ивановна уже надела новое красивое платье, как раздался телефонный звонок.

— Сергей Павлович, беда. Помяли блок ракеты, — доложил мастер цеха.

Королев бросил трубку. Этой ракете он придавал важное, только ему известное значение, потому просил докладывать о ходе ее изготовления.

— Прости, Нина, я не могу сейчас пойти с тобой. — только и успел сказать он, накидывая на плечи пальто. Я приеду позже.

Вскоре он уже входил в сборочный. Кто-то подал ему белый халат. Главный увидел висевший на кране блок с большой вмятиной. Тут же стоял обескураженный промахом молодой рабочий.

— Уволить. В нашем деле так работать нельзя, — громко выговаривал Королев. — Это же больших денег стоит. Народных, ты можешь это понять? Да и ракета нам нужна позарез, в срок. Понимаешь? Нет? Уволить! Сколько дней понадобится на исправление? — немного молча постояв, спросил Королев у мастера, показывая на злосчастный блок.

— Сами понимаете, Сергей Павлович. Трое суток, не меньше.

— Как твоя фамилия? — снова обратился Королев к виновнику происшедшего.

— Королев, — еще больше смутился молодой рабочий.

— Королев?! — удивился Сергей Павлович и, не найдя, что сказать, чисто по-отечески пробурчал: — Как тебе не стыдно позорить нашу фамилию?!

— Да первый раз со мной такое. Как могло случиться, сам не пойму. Всегда хорошо работал. Вы спросите, вам кто хотите скажет.

— Что спрашивать, по глазам вижу, не врешь. Ладно, работай, но фамилию нашу не позорь. Теперь я за тебя в ответе, — серьезно сказал Главный и, повернувшись к начальнику цеха, добавил:

— Надо подумать об оградительных средствах. Подобное может повториться. А товарища Королева не наказывать. Да и Королев все-таки, — и, по-доброму улыбнувшись, еще раз взглянул на: виновника происшествия.

— Вы не огорчайтесь, Сергей Павлович, дело поправимое, — вступил в разговор бригадир. — Мы сегодня с ребятами задержимся на ночку, а завтра все и закончим.

— Вот это по-хозяйски, спасибо, товарищи. А я вам в помощь еще кого-нибудь подключу.

Назавтра утром Королев снова появился в цехе. Рабочие не подвели. Вмятины будто не бывало.

— Бригаде выдать премию, — сказал Главный стоящему рядом начальнику цеха. — Об этом объявить всему коллективу.

Взглянув на часы, Королев понял, что уходить с завода уже нет смысла. Скоро приедет член-корреспондент АН СССР Сисакян. Позвонил в

секретариат КБ и попросил провести гостя сразу же в соседний цех, где он будет его ждать, а сам решил еще походить по заводу. Прошел мимо стапеля, на котором покоились отдельные блоки корпуса ракеты. На площадках возле них суетились сварщики. Всполохи электросварки, будто небольшие прожектора в праздничный день, освещали цех.

Показывая на рабочего, примостившегося сбоку корпуса ракеты, Королев спросил у мастера:

— Кто шов варит?

— Василий Соколов.

— А, соколик. Ювелир, Василий Иванович!! — почти прокричал Главный. — Не слышит.

— Где там. Этот и услышит, не повернется, пока шва не пройдет. Не любит, когда ему мешают.

— Верно делает. Сам-не терплю, когда мешают, а любители мешать делу, к сожалению, еще не перевелись.

Академик направился к ракете и остановился недалеко от Соколова. Тот как раз кончил варить шов и увидел Королева.

— Здравствуйте, Сергей Павлович, что-то вы у нас давненько не были, — улыбнулся Соколов.

— Ты не шути, а дай-ка лучше шов посмотрю, — и Главный легко взобрался наверх к Соколову по металлической стремянке. — Хорош шов. Молодец. Какое у тебя образование?

Соколов молчал, а Королев спустился вниз. К нему подошли рабочие, здоровались с ним. Многих Сергей Павлович знал по имени и отчеству.

— Не слышу ответа, — переспросил ученый.

— Ремесленное училище, потом техникум, а что?

— А как насчет института?

— А что, без института держать не будете?

— Вот всегда так, — вмешался мастер. — Ну что ты задираешься, Вася?

— При чем тут «задираешься»? Вчера вот парторг на эту тему говорил, сегодня Сергей Павлович. Инженеры, бесспорно, нужны. Вот вы говорите — институт. А если я, Петр, Давид, Иван, ну все ребята разом уйдем в институт? А кто будет сваривать баки ракет? Из меня, может, инженер так себе будет. Я тут на месте. Я люблю это дело. А без любви и таланта так, пустяк. Есть у меня один знакомый. Не стоит называть его имени. В медицинский не попал. Срезался. Теперь имеет диплом инженера по холодной обработке металла... Так он и работает с холодной душой. А врачом, может, классным стал бы.

— Пожалуй, кое в чем ты прав, — заметил Королев. — Но не во всем. А может, в тебе второй академик Патон, специалист по сварке сидит? Это я серьезно. Подумай. Ну вот что. Сколько суток, соколик, надо, чтобы быстрее закончить сварку?

— Примерно трое. Сделаем на совесть.

— А как можно иначе, не на совесть? Государству — только на совесть.

— Вы не так поняли меня, Сергей Павлович. Добротнo, значит, так, что сам готов летать на этом изделии верхом. Как барон Мюнхгаузен.

— Не убедил. Ну а куда бы ты захотел полететь? — поинтересовался Королев.

— Для начала вокруг Земли. Чкалов-то не успел облететь вокруг шарика.

— Извините, Сергей Павлович, — обратился к Королеву подошедший инженер Е. А. Фролов. — К Вам гость, профессор Сисакян.

— А, Норайр Мартиросович. Рад вас видеть, — и, обратившись к рабочим, представил ученого. — Знакомьтесь, это известный биохимик, Сисакян, наш друг. Мы ведем тут беседу, Норайр Мартиросович, о пользе образования и полете вокруг Земли. Все хотят лететь на нашей ракете.

— А почему нет? Мы вот однажды с ребятами разговорились. Каждый готов, — ответил за всех Соколов.

— Верно, — поддержал белобровый паренек с озорными глазами.

— Барсегянца командиром — он бывший летчик. Ивана за штурмана, он вечерами в авиационный техникум ходит, — стал распределять должности Соколов. — А я за астронома.

— Ну а я, так и быть, за агронома, — предложил белобровый. — Быстрорастущие растения разводить буду и пирожки из них стряпать.

— А откуда о быстрорастущих узнали? — Сисакян удивленно сдвинул брови.

— Как откуда? У Циолковского написано. Читали «Вне-Земли»? Очень интересно.

— Шутки шутками, а нам думается, что в космосе найдут работу люди всех специальностей, — перешел на деловой тон Соколов. — Так что как время только подойдет, орбитальные станции начнем там строить. Идя еще что покрупнее. Готовы всей бригадой. Между прочим, сваривать в космосе конструкции будем по методу Циолковского, используя энергию Солнца.

— А это-то откуда взяли, Василий Иванович?

— Вот те раз! Вы же на лекции, Сергей Павлович, нам говорили. Так не забудьте, мы первые.

— Не забуду, барон Мюнхгаузен, не забуду, — рассмеялся Королев и, обращаясь к Норайру Мартиросовичу, с удовольствием заметил: — Слышали, дорогой коллега? А кое-кто утверждает, что идеи космонавтики еще не овладели массами. Нет-нет, ждать нельзя! — повернувшись к рабочим, Сергей Павлович продолжал: — Только должен огорчить вас. Все это не завтра. Трудно, очень трудно. Искусственный спутник Земли — это одно дело. А послать корабль с человеком на борту в тысячу раз сложнее. Не просто создать надежный корабль. Ведь человек в нем должен жить, работать. Да и человек... Его трудно подготовить. Ему предстоит перенести огромные перегрузки при старте корабля. Мы не знаем, что такое невесомость в полной мере. А потом — человека надо вернуть на Землю.

— Все так, но не опоздать бы только, — не без ехидства вставил тот, кто решил стать первым космическим агрономом, — американское радио передало — ученые США тоже что-то такое придумывают.

— Да, хотелось бы не опоздать, — согласился Королев.

— А вы думаете, я для красного словца сказал о полете? — вдруг загорячился Соколов. — Вы не знаете моего друга Юру? Нет? Мы с ним вместе ремесленное окончили. Теперь на реактивных летает. Недавно заходил в гости. «Вася, — говорит он мне, — сделай для меня корабль, чтобы в космос слетать». И давай мне про Циолковского рассказывать.

— А вы ему?

— У меня от него секретов нет. Он знает, что я ракеты «шью». Хорошо, говорю, сделаю. А ты пока тренируйся. А он мне в ответ: «Я уже тренируюсь».

— Фамилия вашего друга?

— Да он наш, смоленский, — замялся Соколов. А Королев тем временем обратился к Е. А. Фролову с просьбой проводить Н. М. Сисакяна в испытательную лабораторию.

— Покажите систему жизнеобеспечения в действии, — подсказал он Евгению Александровичу. — А вас прошу, очень прошу, Норайр Мартиросович, быть к нам построже. Одним словом, ждем ваших советов.

Инженер и ученый ушли. Разговор Королева с рабочими продолжался.

Откуда-то из-за плеч товарищей вперед протолкался черноголовый, смуглый лицом рабочий лет сорока пяти.

— Здравствуйте, Сергей Павлович, — певуче сказал он. — Космос, конечно, это хорошо. Только и у себя в доме надо порядок навести.

— Что-что? — не расслышав, переспросил Главный.

— Не обращайтесь на него внимания. Он вечно чем-то недоволен, —

пытался замять неприятный разговор Соколов.

— Ладно ты, — отмахнулся рабочий. — О деле хочу сказать, понимаешь? Я тут постарше всех. Когда ты ходил под стол пешком, я Москву защищал.

— Чем же вы недовольны, товарищ?

— График ломаем, как соломинку. То этого нет, то другого мы не получили. Что у нас снабженцы делают? Вышли из строя манипуляторы. Не вручную же варить баки? Рабочему классу без дела сидеть несподручно.

— Среднюю же за простой получаете? — попытался успокоить рабочего мастер.

— А на что мне ваша средняя? Подумаешь, средняя. По мне хоть самая высокая, как Эльбрус. Мне, дорогой, работа нужна. Я без нее как больной.

— Как ваше имя, отчество? — спросил Королев.

— Давид Вартанович.

— Очень умные слова вы сказали, Давид Вартанович «Я без работы как больной», — ученый достал из кармана блокнот и записал что-то. — Я вот тоже такой. Мне без дела — смерть. Слышали? Вот она, философия советского рабочего.

— Это не только философия, это смысл нашей жизни.

Королев потер рукой подбородок, глаза стали жесткими.

— Бригадир, в чем дело? — уже не слушая рабочего, вскипел Королев.

— Снабженцы...

— Вот что, — обратился Королев к подошедшему к группе беседующих заместителю главного технолога, — вы поедете лично и привезете недостающие части манипуляторов для сварочных аппаратов. Если еще раз я узнаю о том, что вот такие пустяки мешают делу... Вы меня поняли?

Сергей Павлович попрощался с рабочими и пошел навстречу возвращающемуся Н. М. Сисакяну.

— Слушаю вас. По выражению лица вижу, что есть недостатки. Правильно?

— Честно говоря, да, — ответил Норайр Мартиросович. — Систему жизнеобеспечения, думается, надо доработать. Воздушная среда должна быть близкой к земной. Кислород без компонентов не годится, он опасен. Подумайте.

— Полностью разделяю вашу точку зрения. А наши местные медики не хотят со мной согласиться.

— Система регенерации воздуха оригинальна, но надежна ли? —

продолжал Сисакян. — Условимся так: свои предложения мы подготовим совместно с Владимиром Ивановичем Яздовским и другими специалистами и, конечно, привлечем к этому делу Василия Васильевича Парина. Вы не будете возражать? А потом встретимся еще раз.

— Хорошо. Только не задержите. Время, время! — попросил академик Королев.

В первых числах мая 1960 года на космодром доставили один из кораблей — прототипов «Востока». Он предназначался для летных испытаний тормозной двигательной установки (ТДУ). Руководить этим важным экспериментом приехали С. П. Королев и конструктор ТДУ А. М. Исаев.

15 мая этот корабль-спутник вышел на орбиту пока без теплозащиты — «шубы» и, естественно, без космонавта. Эксперимент проходил успешно, аппаратура работала без сбоев. На 65 витке 19 мая решили вернуть корабль на Землю.

— Ну что же, будем держать экзамен! — обратился Исаев к Королеву. — Такое чувство, будто... Давно так не волновался.

— Легко живешь, Алексей Михайлович, — покачал головой Королев. — У меня так не получается. — Главный взглянул на часы. — Надо ждать.

Прошло томительных полтора часа, прежде чем из Центра управления полетом поступило сообщение: «Тормозная установка сработала». Но не успел С. П. Королев пожать руку Исаеву, как стало известно: «Тормозная установка не погасила скорость полета, а выполнила роль ускорителя, и корабль ушел на другую орбиту».

— Все! Мы его не дождемся, — огорченно воскликнул Исаев.

Королев немедленно созвал техническое совещание. Выяснилось: подвела система ориентации корабля в пространстве, корабль не развернулся тормозной установкой против своего движения. Двигатель же, сработав в точно назначенное время, увеличил скорость корабля.

— К вам, Алексей Михайлович, никаких претензий. Спасибо! — утешал Королев раздосадованного Исаева. И, повернувшись к специалистам по системе ориентации, предупредил: — Надеюсь, это случайность? И надеюсь — последняя! — И без перехода добавил: — Мы встретились, не желая того, с первым случаем маневрирования аппарата на орбите. Это нам еще понадобится. Сажать корабль в заданную точку мы обязательно научимся. Обязательно.

Старт второго, усовершенствованного, корабля-спутника состоялся спустя три месяца. На борту его на этот раз находились собаки Белка и Стрелка, мыши, крысы, насекомые. Отправились в космос и растения,

зерна злаков, некоторые микробы. И старт, и возвращение на Землю второго корабля-спутника прошли строго по программе.

Приближался праздник — 43-я годовщина Октября. Сергей Павлович решил, что в эти торжественные дни людям необходимо сообщить об успехах советской космонавтики. И он принимается за статью для «Правды». Напечатана она 10 ноября.

Главный назвал статью «Творчество, воодушевленное Октябрем». Впервые советский народ и мировая общественность могли прочитать: «... В настоящее время уже имеются условия, необходимые для того, чтобы советский исследователь мог совершить космический полет... Осуществление полета человека в космос откроет новые, невиданные перспективы развития науки. За первыми полетами туда последует создание на орбите около Земли постоянной орбитальной обитаемой станции, где научные сотрудники будут систематически вести разносторонние наблюдения, проводить опыты на высоте сотен километров над Землей».

— Статья, подписанная псевдонимом «Профессор К. Сергеев», широко обсуждалась и комментировалась на страницах мировой печати.

А к полету уже готовился третий корабль-спутник. Старт и полет проходили успешно. На этот раз путешествие в космос совершали собаки Пчелка и Мушка. Но, снижаясь по очень крутой траектории, спускаемый аппарат сгорел при входе в плотные слои атмосферы.

Сергей Павлович очень расстроился. Приближалось время полета человека, а из трех кораблей только один полностью выполнил намеченную программу. Узнав о неудаче третьего корабля и понимая состояние Сергея Павловича, будущие космонавты решили навестить его в ОКБ. Главный встретил их настороженно, выжидающе, молчал. Разрядил обстановку Юрий Гагарин:

— Не огорчайтесь, Сергей Павлович! Бывают ЧП даже с хорошо освоенными самолетами. А тут всего третий корабль! И будь на его борту человек — такого бы не случилось.

Лицо Королева посветлело. Он взглянул на уверенные, веселые лица летчиков, и на душе отлегло.

— Откажут автоматы, — продолжал Гагарин, — перейдем на ручное управление.

— Не сомневайтесь, Сергей Павлович, — поддержал Гагарина Андриян Николаев.

— Спасибо вам, — взволнованно ответил Королев, шагнул навстречу летчикам, словно хотел обнять всех, но сдержался. — Не столько за

моральную поддержку, сколько за преданность нашему общему делу, за веру в успех. — Помолчал, потом добавил: — Проведем еще несколько контрольных полетов. И когда окончательно, твердо убедимся в полной надежности корабля, сделаем решающий шаг, к которому мы с вами стремимся.

К экспериментальному пуску готовился четвертый корабль-спутник, уже почти ничем не отличавшийся от будущего пилотируемого. Сергей Павлович снова улетел на Байконур, на этот раз с другой, но, как всегда, дерзновенной целью. На старте стояла готовая к подъему новая мощная четырехступенчатая ракета-носитель «Молния». Первый ее пуск оказался неудачным: четвертая ступень не включилась и осталась на орбите как самый тяжелый искусственный спутник. Но вскоре мир снова ахнул, узнав, что 12 февраля 1961 года советские ученые вывели в космос автоматическую межпланетную станцию «Венера-1». Попытка перекинуть мост «Земля — Венера» показалась в то время невероятно смелой и фантастически дерзновенной. Но и она, как и все, что делал Королев, покоилась на твердой научной основе. Перед стартом «Венеры-1» Сергей Павлович выступил перед ее создателями:

— Наш великий соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов много сил отдал наблюдениям за «Утренней звездой». Ему принадлежит честь первому открыть, что планету окружает атмосфера более плотная, чем у Земли. Нам же выпала честь подтвердить его открытие и познать суть ее. Надеемся приподнять таинственную завесу, скрывающую лицо планеты. Ведь «Венера», наверное, «сестра» нашей Земле. Знать мы ее должны как свою собственную планету.

Пока станция, преодолевая миллионы километров, спешила к «сестре» Земли, Главный конструктор осуществил старт четвертого экспериментального корабля. Это произошло 9 марта того же года. Сделав один оборот вокруг Земли, корабль благополучно приземлился в заданном районе. Вместо человека в кресле пилота «летал» манекен. На 25 марта 1961 года Королев назначил пятый, последний контрольный пуск корабля с собакой Звездочкой на борту. К тому времени закончилась предпоследняя подготовка авангардной шестерки. Летчики досконально знали корабль, отработали управление им, морально и физически подготовились к встрече с неизведанным космосом. Но пока космонавты еще не видели настоящей стартующей ракеты. И Главный пригласил их на космодром.

Этот день на всю жизнь запомнился будущим исследователям космоса. Они впервые своими глазами увидели старт ракеты. Знали: следующая поднимет в космос кого-то из них. Но кого?

— Ну, как запуск? — спросил Сергей Павлович и, заметив на лицах летчиков нескрываемое изумление, с удовлетворением ответил на свой вопрос сам: — Первый сорт!

Главный слово «первый» в шутку произносил протяжно, с мягким знаком после «р».

Окончания полета ждали с большим волнением не только летчики, но и конструкторы, биологи, медики. Корабль приземлился в точное время в расчетном районе, благополучно доставив на Землю Звездочку. Это было многообещающее достижение.

Полет корабля проходил точно по траектории и, по существу, явился генеральной репетицией. Все радовались— успеху.

Сергей Павлович, повернувшись к шестерке летчиков, а скоро уже и космонавтам, сказал:

— Совсем скоро, друзья, мы проводим в космос одного из вас, — и, взглянув на летчиков, словно поняв их настроение, добавил твердо: — Не беспокойтесь, дела хватит всем. Полеты только начинаются, и все вы будете первыми, каждый в чем-то принципиально новом, своем...

До полета Юрия Гагарина оставалось всего восемнадцать дней. Человечество не знало об этом. А если бы ему и сказали, вряд ли поверило.

Глава пятая

Настал и ваш день

*Первым летит Гагарин.
Напутствие перед стартом.
Ночь Главного конструктора.
Настроение обычное, приподнятое.*

Апрель — прекрасная пора в окрестностях Байконура. Греет весеннее солнце. Еще нет испепеляющей жары, как в июне, и ветры не сильные. Степь от края до края окутана зеленоватым маревом: появляются первые островки зелени. То тут, то там полыхают робкие головки разноцветных тюльпанов.

В пятый день апреля на космодром двумя самолетами прибыли космонавты. Несмотря на занятость, Королев с группой ученых и руководителей космодрома поехал их встречать.

Самолеты совершили посадку на окраине местного аэродрома.

И вот уже небольшой группой летчики идут к встречающим. Внимательно, по-королевски, всматривался Главный в их молодые лица — он любил их как сыновей и за год знакомства с ними узнал многое о каждом. Недаром он завел книжечку, в которую записывал все «успехи» и «неуспехи» своих «ореликов». Впереди шагал неторопливый Андриян Николаев, рядом с ним самый молодой — Валерий Быковский. Чуть поотстал от них Павел Попович. О чем-то горячо спорили Юрий Гагарин и Герман Титов. Они одного роста, почти одного возраста. В последнее время они очень подружились.

«Кто из них двоих?» — думал Королев. Титов более начитан, хорошо усвоил программу подготовки к полету.

Он несколько экспансивнее Гагарина, подвижнее, легко переходит от грустного настроения к веселому. Гагарин более выдержан, собраннее, умеет сдерживать свои чувства. А может, Павел Беляев? Он старше всех в отряде. Ему 37. Успел повоевать, окончить военно-воздушную академию. Когда проходил дружеский опрос летчиков отряда «кому лететь первым», Гагарин отдал свой голос «бате», так любя называли Беляева космонавты. Кстати, тогда же единодушно отряд назвал первым для полета Юрия Гагарина.

Вместе с будущими космонавтами прилетели Е. А. Карпов и Н. П. Каманин — представитель командования Военно-Воздушных Сил.

Генерал Каманин подошел к Королеву, вскинул руку к козырьку, словно академик был военным, доложил:

— Летчики для выполнения специального задания прибыли.

— Спасибо, — поблагодарил Главный. — Ну вот, орлики, настал и ваш день, — обратился Королев к летчикам. — Если все пойдет ладом, через недельку старт.

И, отойдя в сторону, пропуская летчиков в автобус, Королев задержал на минуту Е. А. Карпова.

— Режим жизни для всех прежний, — посоветовал Главный. — Томить ребят неизвестностью не будем. Буквально на днях решим, кто первый. Тут чисто психологическая сторона. Слишком рано сказать нельзя — долго ждать, большая нагрузка на психику. Поздно сказать — тоже психика, не успеют подготовить себя. Вы не возражаете, Евгений Анатольевич?

— Нет, Сергей Павлович, согласен, — ответил Карпов. На космодроме работы шли в напряженном темпе, как всегда в предстартовые дни. Люди, кажется, не видели ни дневной красоты, ни вечерней суровости этого края. Они не замечали границ дня и ночи. Порой специалисты вообще не уходили с объекта. Отдохнув час-другой на раскладушках, продолжали работу. Это было веление сердца, зов разума. Готовился полет человека вокруг Земли, в космос. Их соотечественника. Для этого не жалко ни сил, ни знаний, стоило пожертвовать и отдыхом. Каждый понимал всю грандиозность предстоящего, гордился своей сопричастностью к этому научному и техническому подвигу. Коммунисты и комсомольцы объявили космическую трудовую вахту. Призыв «Все — старту!» знал в Байконуре каждый.

На собрании стартовой команды, несущей всю полноту ответственности за подготовку и пуск ракетно-космической системы, выступил ее руководитель Анатолий Семенович Кириллов, участник минувшей войны, инженер с академическим образованием.

— Наш коллектив запускал первый искусственный спутник Земли. Это был шар, похожий на нашу планету — Землю, и он стал первой рукотворной звездой. Сейчас нам доверено поднять в космос человека. Это ни с чем не сравнимое поручение. Он сын родной планеты. Он олицетворяет собой все человечество, его мечты и грезы о Вселенной. Он — гражданин Советского Союза. И потому: «Все — старту!»

Дослушав до конца выступление руководителя стартовой команды,

Королев обратился к собравшимся:

— Анатолий Семенович сказал все, что надо. Я уверен, что вы не подведете. Сообщу лишь, что докладывать о готовности ракеты-носителя и корабля к полету будете вы непосредственно, — выдержав паузу, сказал четко, чтобы слышали все, — самому космонавту. Вы как бы передадите корабль из своих рук в его собственные. Это вы сделаете на встрече с космонавтом, после того, как закончите предстартовые работы.

Королева — технического руководителя всего эксперимента — стартовики слушали затаив дыхание. Все знали — у него ни минуты отдыха, а вот нашел время встретиться с ними. Главного постоянно видели то и монтажно-испытательном корпусе, то на стартовой площадке, в других службах космодрома. Он не вмешивался в мелочи, но оставался внимательным ко всему, никому не давал спуска.

2 апреля Сергей Павлович доложил Государственной комиссии: «Все работы идут строго по графику».

Вскоре члены Госкомиссии получили небольшие справки-характеристики на кандидатов в первый полет. Предстояло решить, кто из двух — Гагарин или Титов — полетит первым.

О Гагарине было написано: «Настроение обычно немного приподнятое, вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезв и рассудителен. Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили». Скромен. Смущается, когда переборщит в своих шутках. Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстротой реакции. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые его друзья».

8 апреля 1961 года. Заседание Государственной комиссии по организации первого полета человека в космическое пространство открывает ее председатель, заместитель Председателя Совета Министров СССР Константин Николаевич Руднев. Первое слово техническому руководителю полетом — академику Королеву.

Сергей Павлович встал, секунду помешкал, оглядывая присутствующих, и ровным, спокойным голосом доложил:

— Подготовка многоступенчатой ракеты-носителя и корабля-спутника «Восток» заканчивается. — Главный помолчал и добавил с какой-то будничной деловитостью: — Вся подготовка к полету показывает, что мы можем сегодня решить вопрос об осуществлении первого космического полета человека на корабле-спутнике. Предлагаю 12 апреля.

— Хорошо, согласен.

— Если вы уверены...

— Конечно, медлить не надо, — раздалось из зала.

— Значит, решено, 12 апреля, — подытожил Главный. — Тем более и Госкомиссия не возражает. Думаю, не подведем. Ну а теперь решим — кто? Встал генерал Каманин.

— Трудно из всех выделить одного, — признался генерал. Он взглянул на сидящих за столом летчиков, на напряженные, выжидательные лица. Николай Петрович не сомневался: каждый из сидящих готов к полету. — Но такое решение надо принять. Предлагаю доверить совершить первый космический полет старшему лейтенанту Гагарину Юрию Алексеевичу. Запасным пилотом назначить Титова Германа Степановича.

Пока Н. П. Каманин говорил, Сергей Павлович не отрывал взгляда от летчиков: в глазах Гагарина блеснула нескрываемая радость, он встал. Титов чуть опустил голову, и Королеву даже стало жалко его. Главный снова взглянул на Гагарина — тот молчал. Кажется, впервые Юрий Гагарин не нашелся сразу что сказать. Наконец он собрался с духом:

— Разрешите мне, товарищи, заверить Советское правительство, нашу Коммунистическую партию и весь советский народ в том, — начал он негромко, — что выполню доверенное мне задание — проложу первую дорогу в космос. А если на пути встретятся какие-либо трудности, то преодолю их, как подобает коммунисту.

Стихли аплодисменты, и к космонавтам вновь обратился Главный конструктор:

— Дорогие товарищи — Юрий Алексеевич и Герман Степанович! Я хочу вас поздравить с великой честью совершить первый полет в космос...

Поздравил Гагарина и Титова К. С. Москаленко, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения, сменивший на этом посту М. И. Неделина, недавно трагически погибшего во время испытания новой межконтинентальной ракеты ОКБ М. К. Янгеля. Заседание закончилось, и тут же собравшиеся окружили «виновников» торжества. В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, К. Д. Бушуев, А. М. Исаев, В. И. Кузнецов и другие, чей труд и талант, вложенные в создание космического корабля «Восток», сделали возможным полет человека в космос, пожимали руки

Гагарину и Титову, обнимали их.

В тот же день Королев еще раз встретился с Юрием Гагариным и Германом Титовым. Сергей Павлович решил напомнить им о главных целях, о самой сути полета.

— Вы не только испытатели новой техники, — обратился к ним Главный. — Она уже в известной мере испытана и неплохо зарекомендовала себя. Вы прежде всего исследователи. Ученых и конструкторов интересует буквально все, но раньше всего — как перенесет космонавт условия полета, различные перегрузки, как воспримет невесомость и многое другое. По возможности все надо приметить, запомнить и доложить по возвращении. Не пренебрегайте мелочами.

— Буду действовать, как учили, — ответил Юрий.

— Верю, — и добавил так, словно обращался к сыну: — Не забывайте о том, что мы всегда с вами. Все силы нашего разума и способности всех, кто останется на Земле, принадлежат только полету.

— Вы не волнуйтесь, Сергей Павлович, все будет хорошо! — Гагарин произнес это так уверенно, что академик, собиравшийся сказать космонавту еще несколько ободряющих слов, невольно рассмеялся:

— Ну вот и поговорили, — и, довольный, повернулся к Е. А. Карпову, молча слушавшему разговор Главного с летчиками. — Хотел я его подбодрить. А вышло наоборот — он меня.

Когда космонавты ушли, Сергей Павлович снова заговорил с удовольствием о Гагарине:

— Молодец! Все понимает, все до конца. Предстоит не прогулка по степи... А как держится! Позавидуешь! А я вот волнуюсь. Да и вы, Евгений Анатольевич, по-моему, тоже.

К утру 11 апреля в монтажно-испытательном корпусе закончили горизонтальные испытания ракеты и корабля. Главному доложили о готовности комплекса к вывозу на стартовую площадку.

Королев подошел к ракете, поднялся по металлической лестнице и исчез за конструкцией. Через несколько минут он вынырнул откуда-то снизу из-под ракеты.

— Молодцы. Все сделано, кругом никого. Даже шумнуть не на кого, — рассмеялся Сергей Павлович, подошел к ожидавшим его Рудневу и Воскресенскому. — Пойдемте за ворота, — предложил он им, показывая в сторону локомотива, где машинист, высунувшись из окна, ждал команды.

Громадная металлическая дверь корпуса бесшумно открылась, и необычайный поезд осторожно двинулся в путь к пусковой площадке. И, как всегда, ближе всех к ракете стоял Главный конструктор, обнажив

голову.

Ракета-носитель вертикально установлена на старте. На фоне неяркого апрельского дня она казалась стрелообразным обелиском.

Королев смотрел на нее словно в первый раз, возможно, мысленно перебирая в памяти поразительные параметры своего детища. Высота носителя 38 метров, а общий полетный вес без корабля 282 тонны. Тяжелее этой летающей машины на свете нет. Как нет аппарата, который в полете делился бы, сбрасывая на землю отработанные части. А ракета «Восток» именно такова. На старте и первом этапе синхронно работают двигатели двух первых ступеней, состоящих из пяти блоков, снабженных собственной энергетикой. Выработав свой производственный ресурс, четыре боковых блока, составляющих первую ступень ракеты-носителя, отбрасываются и падают на землю. Оставшийся центральный блок — вторая ступень — продолжает борьбу с силами земного тяготения, поднимая ракету все выше и выше. Но всегда самое томительное — ожидание момента включения последней, третьей ступени. Она венчает работу предыдущих, так как доводит ускорение корабля до нужной величины. Корабль выходит на орбиту, становясь спутником Земли. Это уже триумф.

Сергей Павлович еще раз взглянул на вершину ракеты, где под обтекателем, напоминающим шлем русского витязя, покоился корабль. «Да, суденышко пока не велико, — размышлял про себя Главный конструктор, — около пяти тонн, а какая силища нужна, чтобы сделать его спутником Земли... Если перевести суммарную тягу всех двигателей ракеты — 400 тонн в привычные лошадиные силы, то получается примерно 20 миллионов... Не сразу удалось нам запрячь этих лошадок, а еще труднее управлять ими...

— Любуетесь, Сергей Павлович? — встав рядом с Главным, поинтересовался его заместитель по системам автоматического управления ракетами Б. Е. Черток.

— А что, скажете, не красиво, Борис Евсеевич?

— Да нет, — усмехнулся тот. — Красиво. Только вспомните, сколько предшественница этой «красавицы» крови и нервов нам испортила.

— Дитя, рожденное в муках, всегда дороже. Да, то заседание в Совете Министров ой как помню. Одни были начисто против, другие воздержались... Отвечает-де за все Главный.

— Были и «за»! Но сами подумайте, пять лет разрабатывали ракету — и вдруг ваше заявление: «Ракета бесперспективна». Надо все начинать чуть ли не сначала.

— Да, в общем, товарищи были по-своему правы, — признался

Королев. — Задержать сдачу ракеты на полтора-два года — дело не шуточное. Время и деньги. Спасибо маршалу Жукову. Он первый понял, почему мы хотим перескочить через ступень, и поверил в то, что сможем это сделать.

— Да, положение было сложным, — согласился Черток.

— Никто от ошибок не застрахован, — вздохнул Королев. — История с той ракетой не проста. То, что столько времени потеряли на Р-3, — это не ошибка коллектива КБ. Это моя творческая ошибка как Главного конструктора. Признаваться в ней мне было, согласитесь, нелегко. Но надо! Этого требовала моя гражданская совесть. В Центральном Комитете партии поддержали. Но говорили со мной круто. И тоже правильно. Центральный Комитет партии всему голова.

— Но время сказало свое слово в нашу пользу, Сергей Павлович! Не сумей вы тогда настоять, неизвестно, когда родился бы наш «Восток». Таких машин современное ракетостроение еще не знает.

— Надо отдать все же должное и Вячеславу Александровичу. Государственный ум его взял верх над эмоциями. В рабочем порядке, разобравшись позднее во всех деталях предложения ОКБ, Малышев посоветовал несколько пересмотреть техническое задание Р-7. Прибавил нам работы, но зато мы увеличили массу полезного груза с трех до пяти тысяч килограммов. Потому и вспоминаю его добрым словом.

В конце дня С. П. Королев вместе с Гагариным снова пришли на стартовую площадку, подошли к ракете.

— Юрий Алексеевич, поднимитесь к кораблю. Посидите в нем, осмотритесь, — посоветовал Главный. — В нашем деле нет лишнего глаза.

Через несколько минут летчик был уже на площадке у корабля. Гагарин снял летную куртку, фуражку. О. Г. Ивановский открыл крышку люка, и космонавт с его помощью, как на тренажере в Звездном, скользнул в корабль. В катапультируемом кресле, сделанном по фигуре космонавта, лежать довольно удобно. Летчик оглянулся, задержал взгляд на приборной доске, на ее кнопках, тумблерах. Не дотрагиваясь до них, повторил для себя их назначение. Потом мысленно проиграл несколько этапов полета, вспомнил вчерашний экзамен. Его полетную «грамотность» дотошно, больше двух часов проверяли К. П. Феокистов и Б. В. Раушенбах. Взглянул на часы и удивился. Он уже целый час сидит тут. Открыв люк, увидел на площадке ожидавшего его Королева.

— Нехорошо получилось, — повинулся Гагарин. — Не заметил, как прошло время.

— Столько да еще полстолько вам, Юрий Алексеевич, завтра лететь на

корабле.

Долго стояли молча, погружившись в свои мысли. Бескрайние просторы степи были пустынно, только словно люди-гиганты шагали по ней в разных направлениях мачты, высоковольтных линий. Где-то на горизонте степь сливалась с удивительно голубым небом. А что там, за ним? По небу медленно плыли белые облака. Каждому из стоящих у вершины космической ракеты даже эта бесплодная степь представляла удивительно живописной.

Подсвеченная заходящим солнцем, она казалась с высоты гигантским мозаичным панно, выложенным то серыми, то коричневыми, то огненно-красными плитами причудливых очертаний.

Молчание прервал Сергей Павлович;

— Наверное, с высоты Земля наша очень красива, — и, повернувшись к Гагарину, пристально посмотрел ему в глаза, улыбнулся. — Счастливеец! Первым ее увидите с такой высоты. — Улыбка, скользнувшая было по его лицу, исчезла, и в глазах появился тот удивительный блеск, который в мгновение изменил их выражение. Гагарин увидел нескрываемое душевное волнение этого волевого и решительного человека. Разговор сразу стал иным.

— И старт, и полет не будут легкими. Вам, Юра, предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, возможно, что-то еще нам не известное. Вы знаете. Об этом мы много раз говорили, и тем не менее я хочу еще раз напомнить, что в завтрашнем полете есть, конечно, большой риск. И это для вас тоже не новость. — Ученый положил руки на плечи Гагарину и как-то необычно, перейдя на «ты», тепло, по-отцовски, сказал: — Все может быть, Юра. Но помни, повторю вновь — все силы нашего разума будут отданы немедленно тебе, и не забывай, мы коммунисты, и этим сказано все.

Сергей Павлович помолчал, потом неожиданно широко улыбнулся и твердо сказал:

— Все будет хорошо! Я абсолютно уверен в успехе!

— И я тоже, Сергей Павлович! Я сделаю все, чтобы выполнить доверенное задание, — повторил Гагарин слова, сказанные им недавно при назначении его командиром корабля «Восток».

12 апреля 1961 года уже наступило. Никто на Земле не знал еще, что сегодняшней день станет важнейшим событием в жизни человечества, вызовет его восторг и восхищение подвигом одного из своих смелых сынов, войдет в историю цивилизации как знаменательная и этапная дата в ее последующем развитии.

Сергей Павлович внешне казался спокойным, может быть, чуть

больше, чем обычно; сосредоточенным: брови вытянулись в одну линию и почти сошлись на переносице, образовав глубокую складку: губы плотно сжаты, в глазах — настороженность. По ним-то и судили о состоянии Главного те, кто близко знал его. Внутренне Королев был напряжен как до предела натянутая струна.

Чуткое ухо Королева улавливало все команды, что шли по открытой связи, и Главный мгновенно оценивал, как идет подготовка ракеты-носителя к старту. Он почти ни во что не вмешивался, полностью доверяя своему заму по летным делам Л. А. Воскресенскому. А тот ни с какими вопросами к нему не обращался, и это успокаивало Сергея Павловича: значит, все идет своим чередом. Изредка Главный доставал из кармана книжечку, где была расписана последовательность работ, начало и время их исполнения.

Наконец где-то около двух ночи Королев решил час-другой отдохнуть. Да в Воскресенский уже дважды деликатно отправлял его со стартовой площадки.

— Леонид Александрович, чуть что, звони, — сдался Королев.

— Обязательно позвоню, — заверил заместитель. Сергей Павлович пришел в свой маленький белостенный дом, который так любил. Едва он переступил порог и снял пальто, как неслышно появилась Елена Михайловна — «хозяйка» домика, опекавшая своего единственного «постояльца».

— Будем пить чай, Сергей Павлович? — спросила она, зная неприхотливые потребности Главного конструктора.

— Да, пожалуй, и покрепче. Что-то неважно себя чувствую. И несколько сушек.

— И это все? Звонила Нина Ивановна. Беспокоилась, хорошо ли вы питаетесь. Я заверила, что все в порядке, а вы...

— Не хочется, Елена Михайловна, не до того. Елена Михайловна ушла на кухню. Сергей Павлович, вымыв руки и лицо, прошел в гостиную — небольшую комнату с круглым столом и диваном, застланным ковром тонкой работы.

Раздался местный телефонный звонок. Он узнал голос одной из сотрудниц. Она взволнованно говорила о том, что в расчете баллистиков нашла ошибку.

— Спасибо, и извините меня. Ошибка исправлена, а у вас непонятно каким образом оказался прежний документ. За звонок еще раз спасибо. Один глаз хорошо, а два лучше.

Повесив трубку, Королев живо представил себе разгоряченное лицо

женщины — высокой, светловолосой, чем-то похожей на его Нину Ивановну. Сергей Павлович ценил ее математический ум, доверял ей многие расчеты. Она выполняла их всегда в срок и со всей тщательностью. Вспомнил один случай. Кажется, через год после ее прихода в ОКБ, когда она успела уже зарекомендовать себя с лучшей стороны, Королев увидел ее «всю» в золоте — на груди золотой кулон, на руках два золотых кольца. Сам того не желая, Сергей Павлович почувствовал к ней неприязнь. Это сразу же заметила сотрудница.

Как-то после совещания она задержалась в кабинете Главного и, когда он остался один, решительно спросила:

— Сергей Павлович, может, мне лучше подать заявление об уходе?

Королев вспыхнул от неловкости, но ничего не ответил, сразу поняв несправедливость своего отношения к этой женщине.

— Я не прав, извините меня. Да садитесь же, я просто ненавижу золото, — сказал он. — Хотите, расскажу почему? — И, не дождавшись ответа, заговорил: — Много лет назад, когда несправедливая судьба забросила меня на Колыму, на золотой прииск, я почти год по восемь, а то и более часов в сутки возил из карьера золотиносный песок. Песок, песок, песок... Ради горстки золотых крупинок... Стоит ли золото такого тяжкого, изнуряющего, безумного труда?! Пусть бы лежало вечно в земле, неведомое людям. Для меня оно ломаного медного гроша не стоит. Так, невольно, я перестал уважать и тех, кого... про себя называю их «золотиносцами».

— Только и всего? — облегченно вздохнула сотрудница. — А я бог весть о чем подумала.

Не успел Королев ответить, как она сдернула кольца с пальцев и бросила их в сумочку.

— Обидно только, Сергей Павлович, что за «золотишком» вы не заметили человека, — и, не попрощавшись, вышла из кабинета.

Воспоминания отвлекли Королева от сегодняшних забот.

— Когда пойдете из дому? — спросила Елена Михайловна, расставляя на столе чайный прибор.

— Часа два отдохну. Закажите мне машину и ступайте отдыхать. Я тут сам управлюсь.

Сергей Павлович с удовольствием выпил стакан чая, потом достал валидол. Вытряхнув одну таблетку, положил под язык. Пошел в спальню, на ходу снимая пиджак и расстегивая ворот шерстяной рубашки. Снял ботинки, потрянул рукой подушку. Потушив лампу, что стояла на прикроватной тумбочке рядом с небольшим телефонным коммутатором,

прилег. Но заснуть не мог. «Завтра, нет, уже сегодня свершится то, ради чего я жил и работал свыше тридцати лет. Полжизни. Неровный был путь. Да, ухабов и рытвин хватало. Не все друзья, с которыми начинал в ГИРДе, поддерживали меня. А иных уже нет... Известны и те, кто писал клеветнические письма. Сколько раз сам себя спрашивал, что же дало тогда силы выстоять! И ответить не могу. Но, наверное, все же убежденность и вера в справедливость и необходимость таких полетов. Иначе для чего жить! Для «золотишка»? А что я еще мог сделать для людей? А сделать обязан, иначе зачем же я родился? Не для карьеры же жить! Для пользы. Для пользы человека и науки. Нет, все правильно, жил как надо, как хотел. И вот дождался. Тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить бы».

Королев зажег свет, посмотрел на часы. Еще рано вставать. И снова навязчивые мысли, словно вгоняемые чьей-то недоброй волей, лезли в голову Королева: «Надо ли лететь человеку в космос или не надо? А вынесет ли человек перегрузки при старте, не сразит ли его невесомость в первые же десять минут полета? В космосе побывали животные, но достаточно ли этой проверки? А радиация?»

Сергей Павлович повернулся на бок, лег поудобнее.

В комнате стояла тишина, но не спалось. Вспомнилась недавняя дискуссия в Академии наук.

«Невесомость — смерть человеку», — упорствовали одни.

«Нет, она не страшна. опыты с животными убедили нас в этом», — возражали другие.

«Не забывайте, полет человека — не полет собачек». Может случиться — ракета окажется непослушной и унесет смельчака».

«Ракетные системы отработаны, — отвечали специалисты. — Но, конечно, все может быть».

«Надежны ли системы спасения?»

«Не откажет ли при спуске тормозная двигательная установка?»

«А если произойдет разгерметизация кабины?»

«А солнечная и галактическая радиация?» И снова «если», «если», «если»...

Сергей Павлович привстал с кровати, потрогал рукой повлажневший лоб, словно пытаясь освободиться от навязчивых воспоминаний. Взглянул в окно. Звезды почти слились с небом, и только белесая луна еще маячила над тополями.

Он, Королев, мог отложить полет, с его мнением посчиталась бы Государственная комиссия. Мог, если бы в чем-то сомневался. Но у него сомнения не было...

«Нет, сделано все, что в человеческих силах, — решительно сказал он сам себе. — И даже больше. Ведь сотни людей вложили в подготовку полета свой ум, талант, энергию, нервы».

Сергей Павлович встал и, не надевая ботинок, в одних носках пошел в рабочий кабинет взять что-либо почитать, иначе не уснуть. Любил читать перед сном. Луна освещала стол с лампой под зеленым абажуром, телефон, флаконы с чернилами.

Открыл дверь кабинета, зажег свет. Шагнул к книжному шкафу. Каждый раз, приезжая на космодром, Королев привозил с собой книгу или журнал и оставлял их тут.

На верхней полке стояли ленинские работы, и среди них — «Материализм и эмпириокритицизм». Этот философский труд Ленина Сергей Павлович любил больше всего, часто перечитывал, экземпляр имелся и в домашней библиотеке конструктора. Ленинские слова, посвященные новейшим открытиям физики, защите диалектического и исторического материализма, не переставали восхищать Королева, в них он черпал уверенность в правильности выбранного пути. Сергей Павлович учился у Ленина стойкости, воспитанию в себе бойцовских качеств. Главный любил повторять слова Ленина: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней». На следующей полке томики Шолохова, Достоевского, Аксакова, Лермонтова...

Сергей Павлович протянул руку к томику Сергея Есенина. Наугад раскрыл его и с наслаждением прочитал не раз читанные строки:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

...Телефонный звонок отвлек его.

— Да, Королев, — устало ответил он. — Просил, просил, — и, энергично пододвинув к себе стул, стал говорить: — Разбудил, Нина? Нет? Ну вот и хорошо. Как самочувствие? У меня превосходное. Да нет, спал... Не буду обманывать — три-четыре часа обязательно. Потом отосплюсь, —

заканчивая разговор, попросил: — Пожелай нам ни пуха ни пера!..

Отодвинул шторы. В соседнем домике тоже светилось окно. «Нет, видимо, не уснуть», — подумал Королев. Вернулся в спальню, обулся, надел пиджак, набрал номер председателя Государственной комиссии.

— Не спишь, Константин Николаевич? Я так и думал. Какой уж там сон... Скоро пять... С удовольствием.

Сергей Павлович вышел из дома и сел на скамейку, поджидая К. Н. Руднева. Ночь медленно отступала, освобождая место утру. Но еще ярко горел среди звезд Сириус, четко выделялись на небе ковши Большой и Малой Медведиц, таял след Млечного Пути. Ближе к горизонту уже появилась утренняя красавица — Венера. Сергей Павлович смотрел на звездный мир, не в силах оторвать взгляда.

«Вот также миллионы лет назад над землей светились звезды, — подумал Королев. — И наши далекие предки никогда не жили только одной мыслью, чем накормить себя, а и робкой, с веками усиливающейся жаждой познания окружающего мира, им близкого и непонятного. Самые разумные размышляли, глядя на небо. Наверное, думали: почему солнце питает их светом и теплом, откуда появляется Луна, приходящая на смену дневному светилу, куда исчезают мерцающие в ночи звезды и созвездия, чем-то напоминающие очертания животных, рыб и человека. Нет, звездное небо всегда интересовало и тревожило человека младенческого периода, часто пугало. Рождались легенды и мифы, светлые и мрачные, — плод первых раздумий. А Лукиан Самосатский, его фантастические рассказы про полеты на Луну. Восемнадцать веков назад великий грек замахнулся на Луну. Не чудо ли? Дерзновенная мечта людей познать, что там, в небе, послала к Солнцу легендарного Икара. Потом пылали костры инквизиции, сжигая передовую мысль».

...В небе мелькнула падающая звезда, оставляя белесый след, и отвлекла Королева от мыслей. Руднев еще не появился, и Сергей Павлович пошел по тропинке мимо молодых тополей, но остановился, снова будто привороженный засмотрелся на небо. Начал было «путешествовать» по нему, опять задумался. «Есть ли логическая связь между геоцентрическим мировоззрением и сегодняшним? Между мифами Древней Греции и идеями Галилея, Джордано Бруно и Николая Коперника, Иоганна Кеплера и Исаака Ньютона, Михаила Ломоносова? Конечно, есть. Как есть незримая нить, протянувшаяся от них к Константину Циолковскому, Альберту Эйнштейну. Да, далекое и близкое человечества неразрывно накрепко связано с настоящим, сегодняшним и завтрашним днем». Показался Руднев.

— Ночь-то какая!

— Да. Прекрасная. Я вот пока ждал вас, любовался звездами.

— Как-то недавно читал воспоминания Надежды Константиновны Крупской о Ленине. Не знал, что Ильич любил смотреть на звезды.

Помолчали, вспомнили свою совместную работу в НИИ, не сговариваясь, взглянули на третий домик, что стоял недалеко. В нем по желанию С. П. Королева космонавты проводили предполетную ночь.

— Не спят, — обронил председатель.

— Не могут.

— Пойдемте к ним.

Сергей Павлович и Константин Николаевич обогнули цветочную клумбу, остановились возле домика.

На крыльце С. П. Королева и К. Н. Руднева встретили Е. А. Карпов и Н. П. Каманин.

— Спали хорошо, все параметры в норме, — доложил Евгений Анатольевич. — Через полчаса — сейчас без пятнадцати минут пять — будем поднимать. Потом спортивная гимнастика, завтрак, кое-какие процедуры и выезд на одевание.

— Спасибо. Не будем вам мешать, — ответил Королев. — Встретимся в монтажном, в «гардеробной».

— Пора и нам, Сергей Павлович, — напомнил Руднев. — В шесть заседание Государственной комиссии.

Королев и Руднев пошли в МИК.

В домике продолжали безмятежно спать Гагарин и Титов. Неяркий свет освещал круглый стол, раскрытый томик стихов Пушкина, газеты, цветы.

Карпов взглянул на часы. Стрелка приближалась к половине шестого.

— Пора?

— Да, — ответил генерал Каманин.

Евгений Анатольевич вместе с врачом вошли в комнату.

— Пора вставать, — негромко сказал Карпов. Гагарин поднялся так быстро, словно и не спал.

— Как спалось?

— Как учили, — рассмеялся летчик. Так же быстро поднялся с кровати и Герман Титов. После тщательного медицинского осмотра, проведенного группой медиков во главе с профессором В. И. Яздовским, Юрий Гагарин и Герман Титов по-космически позавтракали из специально изготовленных туб с пищей. И вот они уже в особом помещении — «космической гардеробной».

Тут их ждал конструктор «одежды» Г. И. Северин...Стерильная чистота, кругом только белый цвет. Космонавты проверили укрепленные на них телеметрические датчики, предназначенные для передачи на Землю данных о физиологическом состоянии. Потом началось надевание скафандров. Облачение в «космические доспехи» шло неторопливо. Все тщательно подгонялось. Поверх глубокого герметического скафандра — оранжевый комбинезон. Затем ботинки, перчатки. И наконец, гермошлем с прозрачным забралом, которое можно открывать и закрывать вручную и автоматически.

Появились Королев, Келдыш, Исаев. Главный окинул всех быстрым взглядом. Улыбнулся ободряюще.

— Через несколько минут, точно по графику, закончим одевание, — доложил ему Яздовский.

— Не забудьте подключить к скафандру вентиляцию, — напомнил Сергей Павлович, и, обратившись к Гагарину, спросил: — Как настроение, Юрий Алексеевич?

— Отличное, Сергей Павлович. Да вы не беспокойтесь, все будет хорошо!

С. П. Королев ничего не ответил, а отведя в сторону Е. А. Карпова и В. И. Яздовского, посмотрел им в глаза.

— Все нормально, Сергей Павлович, — почти шепотом ответил Карпов, — настроение — лучше не надо.

...Скафандры надеты. В дверях «гардеробной» появились веселые лица друзей летчиков. Кто-то крикнул:

— Автобус подан. Прошу к старту!

Часть четвертая

ТРИУМФ

Стремителен бег времени. Замечательных успехов достигли советская наука, техника и промышленность, что ярко отразилось в осуществлении впервые космических полетов Ю. А. Гагарина и Г. С. Титова на кораблях «Восток-1» и «Восток-2», воистину открывших для человечества эру космического летания. Эпоха работы человека в свободном космосе началась, когда Алексей Леонов шагнул в открытое пространство и свободно поплыл в нем.

Еще малоизученные пространства космоса, несомненно, представляют большой практический интерес для решения целого ряда прикладных задач народнохозяйственного и научного значения. Можно ожидать в ближайший период времени создания системы спутников-станций для целей связи и ретрансляций радио— и телевизионных передач, для обеспечения навигации судов и самолетов, для систематического наблюдения за погодой, а в будущем, быть может, и для некоторого активного воздействия на формирование погоды. С помощью спутников и пилотируемых орбитальных аппаратов будут проводиться научные исследования Земли как планеты Солнечной системы, будут изучаться прилегающие к земной атмосфере области космического пространства и явления, связанные с деятельностью Солнца...

С берега Вселенной, которым стала священная земля нашей Родины, не рас уйдут в еще неизведанные космические дали советские корабли...

Все сказанное — увлекательные планы исследования Вселенной, это шаги в будущее. Это будущее, хотя и не столь близкое, но реальное, поскольку оно опирается на уже достигнутое.

С. Королев

Замыслы и свершения

1962. Королев подготовил проект «Основные особенности проекта спутника связи «Молния», разработал «Предложения по созданию средств для орбитальной сборки»; закончил «Заметки по тяжелому межпланетному кораблю и тяжелой орбитальной станции»; руководил запуском и полетом двух кораблей «Восток», пилотируемых космонавтами Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем, автоматической межпланетной станции «Марс-1». Осуществил руководство разработкой эскизного проекта тяжелой транспортной космической системы в составе сверхмощной ракеты-носителя Н-1, разгонно-тормозных ракетных блоков, лунного орбитального и посадочного кораблей.

1963. Руководил запуском и полетом на орбите двух кораблей «Восток», пилотируемых Валерием Быковским и Валентиной Терешковой; подготовил научно-техническую справку «О возможности использования корабля «Восток» для экспериментальных исследований по перспективным проблемам космонавтики».

1964. Возглавил разработку и строительство трехместного корабля «Восход», используя основную конструкторскую завязку «Востока». Совершенствуя ракету-носитель «Восток», создал новый ракетный комплекс «Союз». Руководил запуском и полетом на орбите «Восхода» с экипажем в составе Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова. Подписал проспект «Автоматическая станция для первой посадки на Луну».

1965. Руководил запуском и полетом в космосе корабля «Восход-2», пилотируемого Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым. Осуществлен первый в мире выход человека из корабля в открытый космос; запущен «Зонд-3», получивший новые снимки обратной стороны Луны; продолжал разработку корабля типа «Союз» и «Зонд» с целью организации облета ими Луны и возвращения на Землю; участвовал в руководстве запуском первого искусственного спутника народнохозяйственного назначения — спутника связи «Молния».

1966. 4 января провел последнее совещание с заместителем, обсудив текущие вопросы на ближайшее будущее.

Глава первая

108 минут, потрясших мир

*Настоящий русский богатырь.
Все подробнейшим образом.
Великая победа разума.*

День 12 апреля 1961 года ничем не отличался от других. Где-то люди еще спали, где-то уже начался обычный трудовой день. Где-то, вероятно, шел дождь, а где-то светило солнце.

Солнце светило и здесь, на Байконуре. На самом краю бетонной стартовой площадки космодрома, готовая к броску в космос, стояла, устремленная ввысь, серебристо-матовая многоступенчатая ракета. На фоне огромного диска Солнца, подсвеченная его лучами, она казалась произведением искусства, а не творением инженерной мысли.

На краю стартовой площадки Гагарина встретили члены специальной Государственной комиссии С. П. Королев, М. В. Келдыш, В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, В. И. Кузнецов, М. С. Рязанский, А. М. Исаев, В. П. Бармин, К. Д. Бушуев, Б. Е. Черток, С. А. Косберг.

Юрий Алексеевич доложил председателю Государственной комиссии К. Н. Рудневу о своей готовности к полету и, попрощавшись со всеми, подошел к подножию ракеты. Последний шаг по Земле сделан, последний, до-полетный. Сомнения в успехе эксперимента не было, но все провожавшие Гагарина понимали, что этот шаг космонавта особый. Его первые шаги по Земле после полета ознаменуют начало новой эры.

Сотни глаз, настороженных, любопытных, удивленных, следили, как Гагарин в полном космическом одеянии медленно поднимается по ступеням массивной лестницы. Юрий Алексеевич остановился на площадке возле лифта. Ловко, несмотря на скафандр, повернулся, помахал руками.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! — звонким восторженным голосом начал Гагарин. — Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде,

было прожито и сделано ради этой минуты... — Остановился на секунду, потом твердо продолжал: — Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле. — Мельком взглянув на часы, Гагарин заторопился: — Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких! До скорой встречи!

Юрий Алексеевич услышал аплодисменты, пожелания счастливого пути. Он видел радость на лицах провожающих, их сияющие глаза.

О. Г. Ивановский открыл дверь лифта. Гагарин и Олег Генрихович вошли в лифт. В какое-то мгновение Гагарин отключился от сегодняшнего дня. В памяти, словно на киноленте, помчались, сменяя друг друга, дорогие лица. Родной Гжатск, деревянный домик. Вот мать, ловко орудуя деревянной лопатой, достает из печки каравай хлеба. Отец склонился над топором, неразлучным другом в его плотницкой жизни, направляет его лезвие. Младший братишка Борька что-то вырезает ножницами из бумаги... Старший брат и сестра... «Они ничего не знают, — подумал Гагарин, — и хорошо — не волнуются». И тут мысленно перенесся в Звездный городок. «Родная Валюша! Она все знает... Каково ей... Леночке обещал зайчика нарисовать... Забыл второпях...»

— Приехали, Юрий Алексеевич, — и Олег Генрихович открыл дверь лифта.

По легкой металлической лесенке Гагарин начал подниматься к кораблю. Следом, поддерживая его, О. Г. Ивановский и отвечающий за скафандр Ф. А. Востоков. Еще одно усилие, и они оказались на площадке. Постояли, обнялись. И Гагарин шагнул в люк, сел в кресло, в котором он проведет впервые в мире 108 космических минут.

У переносного переговорного пункта связи, установленного у подножия ракеты, прохаживался С. П. Королев. Решив, что Гагарин уже освоился в корабле, Главный подошел к микрофону.

— Я — «Заря». Как слышите меня? — как можно спокойнее спросил академик Гагарина. — Доложите.

— Я — «Кедр». Слышу вас отлично. Проверку связи закончил. Исходное положение тумблеров на пульте управления — заданное, глобус на месте разделения... Давление в кабине — единица, влажность — шестьдесят пять процентов, температура — девятнадцать градусов. Давление в отсеке — одна целая две десятых. Давление в системах ориентации — нормальное. — Космонавт сделал паузу и весело закончил:

— Самочувствие хорошее, к старту готов.

8 часов 10 минут. До полета оставался почти час. Все работы шли строго по плану. А время старта неумолимо приближалось.

За полчаса до пуска С. П. Королев, председатель Государственной комиссии К. Н. Руднев и руководитель стартовой команды А. С. Кириллов направились в подземный бункер.

С. П. Королев шел первым. Медленно спускался по бетонным ступеням, о чем-то думал. Задержавшись на секунду, Сергей Павлович повернулся к председателю Государственной комиссии.

— Умно сказал Гагарин?!

— Да. Это обращение записано на пленку? — в свою очередь, спросил Руднев.

— Да, записано, — раздалось позади.

— Запись обращения Гагарина к народам немедленно переправить в Москву. Его надо дать по радио после сообщения ТАСС.

Вот и небольшая продолговатая комната — пультовая. Вдоль одной из стен размещены аппараты, упрятанные в зеленоватые металлические ящики. Бесчисленное количество мигающих огоньков — красных, синих, зеленых. Небольшой пульт. На нем в числе других и круглая пусковая кнопка.

В пультовой уже собрались ответственные за пуск, среди них — Л. А. Воскресенский, а также Н. А. Пилюгин, Н. П. Каманин, космонавт П. Р. Попович.

Сергей Павлович сел за маленький столик и сразу же по телефону связался со специалистом, отвечавшим за аварийную систему спасения космонавта при старте, потом взглянул на часы, висевшие на стене. До начала полета корабля «Восток» оставалось меньше получаса. «Теперь пора еще раз переговорить с Координационно-вычислительным центром», — подумал Королев и нажал кнопку на телефонном пульте. Координационно-вычислительный центр находится под Москвой в тысячах километров от космодрома. Однако современные средства связи позволяли там «слышать» все, что делается в эти часы на старте и будет происходить в полете.

Сейчас в КВЦ закончились подготовительные работы к старту корабля «Восток». Здесь специалисты по системам корабля, конструкторы, баллистики, медики, биологи, математики, физики. Все сосредоточенно ждут... Им предстоит большая работа, требующая исключительной точности при невероятной скорости принимаемых решений. И хотя проведено немало «генеральных репетиций», сегодня волновались все.

— Очень прошу вас, все данные, даже предварительные — немедленно мне, — попросил Королев. Он знал, что ему все сообщат, и тем не менее напомнил еще раз. В его правилах — лучше десять раз напомнить, чем один раз забыть. — И особенно все расчеты на посадку «Востока». Времени — в обрез. Очень прошу, — потребовал он голосом, в котором явственно звучали металлические нотки.

Королев отключился от КВЦ и отыскал глазами своего заместителя.

— Как настроение, Леонид Александрович? — спросил Королев, внимательно взглянув в глаза коллеге.

— Прекрасное, — ответил Воскресенский.

— А сердце не болит?

— В такие часы разве сердце может оставаться спокойным?

— А если без шуток? — строго спросил ученый и, но дождавшись ответа, предупредил: — Я вам все-таки предлагаю лечь в больницу, подлечиться. Это приказ. Вы поняли меня?

— Надеюсь, не сию минуту...

— Не сию, — улыбнулся Королев. — А пока доложите о готовности.

Королев слушал не перебивая. Воскресенский говорил четко и уверенно.

Включили телеэкран. На нем появилось яркое изображение космонавта. Королев остался доволен: лицо Гагарина спокойное, только на переносице еле заметна маленькая складочка да глаза чуть строже обычного.

Объявили пятиминутную готовность.

Наступили самые ответственные минуты для тех, кто создавал ракету и корабль, кто готовил их к старту. Нервы были взвинчены до предела. Негромкий монотонный звук хронометра, отсчитывавшего секунды, отдавался в головах, будто кто-то размеренно бил кувалдой по наковальне. Пускающий Анатолий Семенович Кириллов перекинулся взглядом с Воскресенским, потом взглянул в сосредоточенное лицо С. П. Королева. Академик чуть заметно кивнул головой.

...Неторопливо, четко, одна за другой отдавались команды. Сергей Павлович дублировал их на борт «Востока» Юрию Гагарину, и казалось, что именно он отдает их.

— Дается зажигание, — наконец услышал Гагарин. Багровое пламя вперемешку с черным дымом забило у основания ракеты, прорвалось вверх.

— Подъем! — строго и четко отдал команду пускающий.

И в тот же миг включилась умная автоматика.

— Подъем! — почти закричал в микрофон Королев.

Ракета сначала медленно, словно нехотя, а затем все быстрее и быстрее устремляется ввысь. Факел пламени бьет в бетон стартовой площадки. Состязание притяжения сил Земли и сил разума, человеческой энергии началось.

— По-е-ха-ли! — донесся в бункер счастливый голос космонавта.

Это неожиданное и такое подходящее к моменту, поистине русское, удалое «поехали» в одно мгновение сняло нервное напряжение. Все заулыбались, облегченно вздохнули, словно сбросили с плеч тяжелый груз.

— Настоящий русский богатырь! — выдохнул Сергей Павлович, не менее других обрадованный гагаринским возгласом. И тут же почти крикнул в микрофон: — Все мы желаем вам доброго полета!

— До свидания. До скорой встречи! — ответил Гагарин слегка дрожащим от волнения голосом.

Волновался не один Главный. Не отрывал глаз от секундной стрелки часов В. П. Глушко, чьи мощнейшие двигатели запряжены в две первые ступени ракеты. Ждал, когда включатся двигатели третьей ступени, их конструктор С. А. Косберг. Н. А. Пилюгин казался невозмутимым: его системы управления уже вели ракету-носитель в космос.

Шестьсот долгих секунд летел корабль на орбиту вокруг Земли. Ракета мчалась в глубину неба, набирая космическую скорость. Вот-вот должна отделиться вторая ступень носителя. Все с нетерпением ждали подтверждения этого от космонавта. Но он молчал.

— «Кедр», на связь! Я — «Заря», — стараясь не выдавать волнения, вызывал Главный Гагарина.

Но из динамика раздавалось только бесстрастное шипение. Гагарин молчал по-прежнему.

Находящиеся в пультовой бункера все словно окаменели. Повисла гнетущая тишина, и Сергею Павловичу показалось, что все присутствующие слышат глухие, редкие удары его сердца. Билось оно неровно, словно раздумывая: «Продолжать ли?»

Шли мучительно бесконечные секунды. «Что там? Внезапная разгерметизация кабины? Обморок от растущих перегрузок? Нет, я все проверил, все должно быть нормально. Но почему он молчит?»

В тот момент, когда С. П. Королев решил уже дать Координационно-вычислительному центру команду, предусмотренную для чрезвычайных обстоятельств, гнетущую тишину словно взорвал бодрый голос космонавта.

— Сброс головного обтекателя... Наблюдаю облака над землей —

мелкие, кучевые, и тени от них. Красиво. Красота-то какая! Как слышите?

Вздых облегчения вырвался из груди людей. Все разом заговорили. Королев жестом остановил коллег и передал на борт «Востока»:

— Все идет нормально. Вас поняли. Слышим отлично. Стало ясно, что радиосвязь прервалась из-за какой-то неполадки в этой системе.

— Вот такие секунды намного укорачивают жизнь конструкторов, — закипая гневом, процедил Главный, и тут же, чеканя каждое слово, приказал: — С узлом связи разобраться, виновников ко мне.

Вскоре «Восток» вышел из зоны радиосвязи, и Королев направился из пультушной к лестнице, ведущей из бункера на поверхность. Невзначай столкнулся с Феоктистовым. С маху обнял и расцеловал его, озадаченного необычной вспышкой эмоций Главного.

— Ну, Константин, досталось тебе от меня в эти годы?

— Досталось, Сергей Павлович, — и не утерпел, сказал: — Неплохо было бы послать в космос и инженера.

Королев бросил взгляд на молодого сотрудника, нахмурился и что-то пробурчал. Он заметил, что подобные предложения все чаще и чаще срываются с уст специалистов. Он улавливал в них попытку подготовить его, Королева, к серьезному разговору о полете инженеров в космос. Сама по себе идея работы ученых и инженеров в космическом пространстве казалась академику заманчивой и деловой. Но когда он взглянул на сухую фигуру инженера, на его бледное лицо, то подумал: «Не вынесет он перегрузок при старте и тем более при возвращении на Землю. А он мне нужен на Земле». Королев хорошо понимал своего ученика. Ведь когда-то и он строил планеры и самолеты, сам любил испытывать их.

— Не торопитесь, Константин Петрович. Придет ваш черед. Надо вначале построить многоместный корабль. Разработаем систему мягкой посадки и тогда вместе со мной рискнем. Кого возьмем третьим? Согласны? Не возражаете?

Феоктистов не понял — шутит Главный или говорит серьезно, а ответил Королеву так, будто вопрос о его полете — дело давно решенное и только не определена точно дата старта.

— Мне обязательно надо. Обязательно, — и быстро ушел.

Долго, непомерно медленно тянулись 108 гагаринских минут для тех, кто оставался на Земле, на Байконуре, для тех, кто посвятил свою жизнь космонавтике, кто осуществил самую заветную мечту человечества и послал в космос Икара XX века.

На Земле могли только ждать. Изменить, повлиять на ход первого

космического путешествия человека уже нельзя. Все свои знания, силы, опыт инженеры, конструкторы, рабочие вложили в космический корабль и теперь надеялись на благополучное его приземление. На КП связи деловая тишина.

Королев внешне выглядел спокойным, но те, кто его знал давно, понимали, что держится он из последних сил. Стоящий рядом с Главным конструктором К. Н. Руднев пытался отвлечь его разговорами, но Сергей Павлович не слушал его. Вскоре Королев не выдержал, поднял трубку высокочастотного телефона, по которому его в любой момент могла вызвать Москва.

— Дайте КВЦ. Первого. Ну что же вы молчите? — не то раздраженно, не то с какой-то болью спросил Главный. — Хотели звонить? Ну?! Связь устойчивая, — и, повернувшись к коллегам, плотным кольцом окружившим его, сообщил: — Самочувствие Юры хорошее. Да, немедленно ждем... — и повесил трубку.

Настроение собравшихся на Байконуре становилось все озабоченнее: близилось окончание полета, операция едва ли не более сложная, чем старт.

Не прошло и получаса, как раздался телефонный звонок ВЧ. Сергей Павлович схватил трубку.

— Королев! — нервно крикнул он, и вмиг сосредоточенное лицо его засветилось, словно помолодело. — Приземлился! Все в порядке! Ну спасибо! Спасибо!

Все зааплодировали. Стали пожимать руку Королеву, и, хотя он радостно отвечал на приветствия, всем вдруг стало видно, как осунулся за эти дни Главный, что под глазами у него темные круги, губы поблекли. И только глаза сверкали удивительным блеском.

— Спасибо вам всем! Спасибо, друзья! — отвечал на поздравления Сергей Павлович. — А теперь по самолетам! Нас ждет Гагарин, — крикнул Королев и первым вышел из КП связи. — На аэродром!

Едва самолет поднялся в воздух и взял курс на волжский город Куйбышев, как в салоне раздалась позывные Москвы. Работало радио.

«После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полета 12 апреля 1961 года в 10 часов 55 минут московского времени советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза».

Все стали неистово бить в ладоши, повскакали с мест, словно были не в самолете, а на земле.

— Тише, тише, товарищи! Прошу вас. Дайте до конца дослушать, — попытался утихомирить Сергей Павлович.

«...Приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, — читал Левитан заявление Гагарина. — Травм и ушибов не имею».

— Вот теперь можно и пошуметь, — весело воскликнул Главный.

Самолет совершил посадку в пригороде Куйбышева. Все пассажиры сразу же поспешили на берег Волги, где в особняке, специально подготовленном для послекосмического медицинского обследования, отдыхал Ю. А. Гагарин.

Переступив порог «гагаринского особняка», С. П. Королев сразу обратился к медикам:

— Как? Судя по вашим лицам, все хорошо?

— Вы не ошиблись, Сергей Павлович. Первое медицинское обследование, проведенное сразу же, в районе приземления, не выявило в организме никаких изменений, — доложил Королеву известный врач В. И. Волович, встречавший Гагарина в точке приземления. — Отмечалась вполне естественная усталость.

— А последнее обследование здесь?

— Никаких отклонений от исходных предполетным данных в организме Гагарина не замечено, — доложили Яздовский.

— Не замечено или их нет? — строго переспросил Королев.

— Нет. Но надо посмотреть, что будет к утру. Может быть какая-то запоздалая реакция. Все-таки все впервые, — не сдавался профессор.

— Я могу с ним побеседовать? — И, увидев спускавшегося со второго этажа Гагарина, обрадовался. — А вот он и сам. Спасибо, Юра, — растроганно сказал академик и крепко-крепко обнял героя.

— Вам спасибо, Сергей Павлович, я-то что...

— Он-то что, — передразнил академик. — Вы открыли людям дорогу в космос! Ну да ладно. Об этом скажут другие. А сейчас пойдете. И все подробнейшим образом — от первой до последней секунды.

Сергей Павлович пошел в небольшой холл, где никого не было, и, сев в кресло, жестом пригласил Гагарина занять место напротив. Взглянул на космонавта. Тот сидел свободно, слегка прислонившись к спинке кресла, и ждал, когда заговорит ученый.

— Ну-ка, дайте я на вас взгляну, Юрий Алексеевич. Сам вижу — не легко. Я тоже чертовски устал, — помолчал, потом спросил: — С домом поговорили?

— Валя плачет. Я ей говорю: «Здравствуй!», а она плачет и только говорит: «Юра!», «Юра!» Матери трубку передала.

— Анна Тимофеевна в Звездном?

— Приехала. Бодрится. Приезжай, говорит, поскорее, Галочка и Леночка ждут.

— Это хорошо, что домой позвонили. Переволновались все. Да они ли одни. Весь мир волновался. Шутка ли — первый полет человека в космос. Это вы поймете, Юрий Алексеевич, позднее, много позднее. Великое видится на расстоянии. Я счастлив, что все кончилось так хорошо. Не скрою — полет человека на ракете — цель моей жизни, и счастлив, что она сбылась. Жизнь не всегда баловала меня.

Королев задумался, что-то вспомнил свое, потом словно стряхнул с плеч неприятный груз, улыбнулся.

— Завтра, Юрий Алексеевич, ваш доклад Государственной комиссии.

— Меня предупредил генерал Каманин. Я уже составил план своего выступления.

— Это хорошо. Вот мы сейчас и проведем небольшую репетицию. Рассказывайте, а я послушаю. Начните со старта. Ведь никто еще из людей не чувствовал его, сидя в корабле.

— Вы передали мне на борт команду «Подъем», и в ту же секунду до меня донесся слабый гул работающих двигателей, затем вибрация ракеты и корабля стала учащаться. И какая-то непреодолимая сила стала все больше и больше вдавливать меня в кресло. Это перегрузки, понял я. Было трудно шевелить рукой и ногой. Они все росли и росли. Взглянул на часы. Прошло всего семьдесят секунд, а мне показалось, что несколько минут. В это время и Вы передали: «Время семьдесят». В кабине было светло от ламп. Но едва слетел обтекатель, которым накрыт корабль, как кабину наполнил солнечный свет. В иллюминаторе показалась Земля. «Восток» летел над сибирскими просторами, внизу виднелась широкая река, в берегах, поросших таежным лесом. Очень красиво. Но перегрузки все возрастали.

— Очень тяжело?

— Мы подготовлены к ним. На центрифуге мы выдерживали и гораздо большие. И вибрация на тренировках была большей.

— Продолжайте.

— Я почувствовал, как один за другим, выработав ресурс, отделялись от ракеты блоки ее первой ступени. Затем включился двигатель третьей ступени и отошел центральный блок. Я сверял по часам — отклонений не было. Наконец произошло разделение корабля и третьей ступени. Орбита, подумал я и незаметно почувствовал себя в невесомости. Все оказалось так, как предсказывал Циолковский.

— Пожалуйста, поподробнее.

— Переход от перегрузок к невесомости шел плавно, спала тяжесть с

головы, со всего тела. Я оторвался от кресла, повис на привязных ремнях между «потолком» и «полом». Почувствовал себя превосходно. Все делать вдруг стало легче. И руки, и ноги, и все тело стали будто совсем не моими. Они ничего не весили. Не сидишь, не лежишь, а как бы висишь в кабине. Все незакрепленные предметы тоже парят. Несколько капелек питьевой воды — кстати, пилось так же легко, как на Земле, — вылетели из шланга. Они сразу приняли форму шариков, свободно разместились в пространстве, а коснувшись стены корабля, прилипли к ней, ну, как утром роса на цветке.

— Очень хорошо сказали. Представляю себе. А теперь, пожалуйста, по технике.

— Системы жизнеобеспечения работали прекрасно. Такое ощущение, что я дома, в комнате. Температура, влажность, состав воздуха не отклонялись от расчетных. Я все время наблюдал за приборами. И вел записи в бортовом журнале.

— Я не видел его. Почерк, наверное, не земной?

— Да и на Земле писать в герметических перчатках не просто. Не очень чувствуешь карандаш, но, в общем, писать можно. Надо приноровиться. У меня с карандашом, Сергей Павлович, казус произошел. Сделав запись, как на Земле, положил карандаш рядом с собой... а он, оказавшись в невесомости, уплыл от меня. Только я его и видел. Надо в следующем полете продумать, как лучше укрепить его. Хорошо, были магнитофоны: обо всем увиденном я говорил, а они все записали.

— Согласен. В нашем деле не должно быть мелочей. Не забудьте, Юрий Алексеевич, об этом сказать на комиссии. Одиночество не огорчало вас? Не страшно?

— Связь с Землей поддерживалась устойчивая. Все время слышал голос Земли. В моем распоряжении имелись, вы знаете, и телефон и телеграф. Я вел активные переговоры и порой ловил себя на мысли, что я не в полете, а на обычной тренировке у себя в Звездном.

— Вы ничего не сказали о приеме пищи.

— Ни голода, ни жажды я не чувствовал. Но программа есть программа. В определенное время пил воду и ел приготовленную пищу. Все так же, как в земных условиях. Вот, пожалуй, и все, Сергей Павлович.

— Как все? А с орбиты вы так и не возвратились, — рассмеялся Королев.

— Действительно, — улыбнулся Гагарин. — После того как корабль сориентировался в пространстве, в 10 часов 25 минут включилась тормозная двигательная установка. Почувствовал небольшой толчок. Потом последовало разделение отсеков — спускаемого аппарата от

агрегатного. Переход от невесомости к перегрузкам также начался плавно. Меня снова прижало к креслу, значительно сильнее, чем при старте. Неприятное зрелище, когда корабль входил в плотные слои атмосферы. Наружная оболочка спускаемого аппарата, видимо, очень нагрелась. Сквозь стекла иллюминаторов я видел жутковатый багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Невольно взглянул на градусник — в кабине ничего не изменилось, те же двадцать градусов тепла.

Приземление, вы знаете, состоялось по штатной схеме с катапультированием из спускаемого аппарата в расчетном месте, возле деревни Смеловка Саратовской области. В небо этой области, Сергей Павлович, я впервые поднялся на учебном самолете местного аэроклуба.

— Деревня Смеловка? — переспросил Королев. — Подходящее название. Смелые люди живут там, смелых встречают. Ну, спасибо, Юра, за рассказ. На комиссии будет много вопросов по технике. Каждому ведь хочется знать, как работала его система. Я вам весьма благодарен за все, что вы сделали, и за ваш подробнейший рассказ.

На лестнице, что вела на второй этаж, показался Герман Титов. Заметив Гагарина и Королева, он быстро спустился вниз.

— Сергей Павлович, телеграмма интересная.

— Прочитайте!

— «Приветствуем Вас, пионера космического полета. Горячо поздравляем с осуществлением мечты человечества». И подпись: «Семья Циолковских».

— Хорошая телеграмма. Наверное, надо побывать, Юрий Алексеевич, в Калуге, отдать дань уважения Константину Эдуардовичу, он жил намного впереди своего века. И вечное ему спасибо за путь, который он указал нам, людям. — Королев поднялся. — Ну, пора и честь знать, да и вам надо отдохнуть. Но не сидите тут, в здании. Идите на воздух, к Волге. Там так хорошо дышится.

Этот, такой счастливый и радостный день, день, который навсегда войдет в анналы истории, подходил к концу. Чувства переполняли всех причастных к первому космическому полету. Никто не хотел спать. Сидели в холле «гагаринского домика».

— Послушаем радио? — спросил Герман Титов.

— Да! Да! — откликнулось несколько голосов. «Нам, советским людям, строящим коммунизм, — передавала Москва торжественным голосом Юрия Левитана, — выпала честь первыми проникнуть в космос. Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем

народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле... Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов... Вперед, к новым победам во имя мира, прогресса и счастья человечества!..»

«Послушайте выступление замечательного скульптора Сергея Коненкова, земляка Юрия Гагарина, — продолжала Москва. — «Как прекрасно, что первым рыцарем космоса стал человек, начавший жить на земле, вспаханной Великим Октябрем!» — Потом диктор прочитал восторженный отклик Михаила Шолохова: «Вот это да! И тут больше ничего не скажешь, немея от восхищения и гордости перед фантастическим успехом родной отечественной науки».

«...Академик Андрей Николаевич Туполев...»

Сергей Павлович пересел поближе к репродуктору, глаза его потептели: что же скажет его учитель?

«Гражданин СССР — летчик майор Гагарин стал первым в мире космонавтом... Эта весть гордостью наполняет сердце каждого советского человека. Какой большой путь должна была пройти наша страна, какую могучую промышленность она должна была создать, чтобы сегодня стал реальностью полет человека в космическое пространство! Честь и слава советским ученым, конструкторам, рабочим, создавшим могучую ракету, при помощи которой выведен на орбиту первый в мире корабль-спутник «Восток» с человеком на борту!»

— Спасибо, — как бы про себя еле слышно произнес Сергей Павлович. — Ученик не подвел своего учителя. И впредь не подведу. Когда мы слушаем Гагарина? — обратился он к Яздовскому.

— В любое время, если медицина не возражает, — ответил тот.

— Лучше утром, на свежую голову, — сказал Н. П. Каманин.

...13 апреля в 10 часов утра началось послеполетное заседание Государственной комиссии. Собрались видные ученые и специалисты различных областей науки и техники, космонавты.

Перед началом заседания объявили, что Москва уведомила о ритуале встречи Юрия Гагарина в столице. Руководители партии и правительства встретят героя во Внукове. Потом торжественный проезд по улицам Москвы до Красной площади, где состоится демонстрация-встреча.

— Всего ожидал, — удивился С. П. Королев. — Но чтобы митинг на Красной площади! Этого не предполагал. Готовьтесь, Юрий Алексеевич, к земным перегрузкам. Они не так просты...

С необычайным вниманием слушали все обстоятельный доклад Гагарина. Закончил он его словами:

— Наша Земля как бы плавает в ореоле голубоватого сияния. Очень красивая наша голубая планета Земля!

Подводя итоги по докладу космонавта, С. П. Королев, не любивший многословия в больших и серьезных делах, коротко заключил:

— Космическая техника показала себя надежной. Человек в надлежащих условиях может жить и работать в космосе. — И, повернувшись к Юрию Гагарину, с особой сердечностью добавил: — Спасибо, Юрий Алексеевич, за отличное выполнение полетной программы, за ценную информацию, привезенную из космического путешествия! — В голосе Сергея Павловича звучали радостные и торжественные нотки: — Человечество никогда не забудет вашего подвига, как не забудет, что он совершен в двадцатом веке. В том самом веке, когда народы России под руководством партии Ленина первыми на планете Земля подняли знамя социализма. — Лицо Сергея Павловича оживилось, глуховатый голос стал звонче, сильное. — В тот день, когда космический аппарат доставит нам с одной из планет хотя бы горсточку полезных ископаемых или тем более когда мы получим с первого внеземного завода-автомата первую, может быть, ничтожно малую шестеренку, человечество вправе будет сказать:

«Отныне ресурсы Земли приумножены неисчерпаемо...» Но настанет, я твердо верю, другой, поистине великий день. В этот день на одной из некогда безжизненных планет взойдет зерно пшеницы и первое дитя, рожденное вне Земли, скажет земное слово «мама». И тогда земляне гордо воскликнут: «Вселенная принадлежит человеку!» — Сергей Павлович остановился, обвел взглядом присутствующих. — Еще раз всех поздравляю и всем большое спасибо. Ну а теперь приглашаю всех к месту приземления. Надо же посмотреть, как там наш корабль-первопроходец. Вертолеты ждут.

Через несколько часов Государственная комиссия уже осматривала «Восток» на месте приземления. Сергей Павлович со всех сторон обошел корабль.

— Как вы находите корабль, Сергей Павлович? — спросил кто-то из членов Государственной комиссии.

— Думаю, что на нем еще раз слетать можно, — ответил Королев. Но тут же поправился, улыбнулся: — Но в полет мы его не пустим, сохраним для людей. История! Поставим в музей. Пусть наши потомки увидят корабль, на котором в космос впервые слетал человек. Тут раздался веселый голос Воскресенского:

— Подходите, буду угощать! — Он только что достал из кабины корабля тубу с гагаринским питанием. Отвинтил пробку, выдавил

содержимое себе на палец, попробовал.

— Суп-пюре морковный, подходите!

К смеющемуся Воскресенскому встали в очередь солидные ученые, конструкторы, специалисты — всем хотелось отвесть необычной пищи.

— Дети, ну право дети, — усмехнулся профессор Яздовский, сам не раз еще до полета Гагарина пробовавший космическую еду.

Сергей Павлович взглянул на часы, тоже встал в очередь и, увидев Палло, приказал:

— Кабину «Востока», Арвид Владимирович, доставить в Москву со всей осторожностью.

А весь мир уже произносил по-русски ставшие сразу знаменитыми слова: «Гагарин», «Восток», «космос».

В эти дни в одном из особняков старинного итальянского города Флоренции проходил симпозиум КОСПАР — Комитета по космическим исследованиям при Международном совете научных союзов. В эту организацию вступили более тридцати стран. СССР представлял академик А. А. Благонравов.

Сообщение ТАСС вызвало здесь бурю восторгов. А. А. Благонравов, один из тех, кто всегда поддерживал идеи С. П. Королева, сразу же оказался в центре внимания.

— Это действительно великое, я бы сказал, историческое событие, — поздравляя советского ученого, сказал председатель комитета голландец Ван де Хулст. — Эра межпланетных полетов стала реальной действительностью.

Подошел и профессор Г. Мэссн — руководитель английского национального Комитета по исследованию космического пространства.

— Прошу передать советским ученым, инженерам, всем, кто сделал возможным полет Гагарина, мои искренние поздравления.

— Благодарю вас, — ответил Благонравов. — Я обязательно передам. Благодарю.

— Позвольте и мне поздравить вас.

Академик повернулся в сторону говорившего. Перед ним, протягивая руку, стоял американский профессор Ричард Портер, глава делегации США.

— От имени ученых США я приветствую выдающееся достижение ученых Советского Союза. Прошу передать мои личные поздравления пилоту-космонавту. — И, повернувшись к окружающим, продолжал: — Надеюсь, что первый шаг человека в космос вдохновит всех людей мира на новые подвиги в развитии науки и техники.

— Благодарю! Обязательно передам, — ответил А. А. Благодоров. — Я уверен, что и мне скоро представится возможность поздравить вас с подобным же событием. Изучение космоса — дело всех народов Земли.

Но не все американцы радовались достижениям Советского Союза. Не скрывал свое разочарование сорокалетний американский летчик Джон Гленн, надеявшийся, что именно его соотечественники проложат дорогу в космос на корабле серии «Меркурий». Сам он тоже готовился к космическим полетам на мысе Канаверал. Вездесущие газетчики быстро добрались туда.

— Скажите, Гленн, как вы относитесь к полету Гагарина? — был первый вопрос.

— Русские одержали большую победу, — и после долгой паузы добавил: — Я, естественно, разочарован, что не мы, американцы, совершили полет, открывший ЭРУ.

— А почему не мы? — задал репортер очередной вопрос.

— Этот вопрос не ко мне, — с раздражением ответил астронавт.

Не смогли ответить на этот вопрос те, кто собрался в этот день в массивном современном здании НАСА — Национальном управлении по авиации и исследованию космического пространства. Там проходило неофициальное совещание, вызванное ЧП — так там называли полет Гагарина.

«Хозяин» дома Джеймс Уэбб нервно шагал из угла в угол, потрясая газетами. Пачка других в беспорядке валялась на полу — «Нью-Йорк таймс», «Дейли ньюс», «Нью-Йорк геральд трибюн». Заголовки на всю полосу:

«Россия послала первого человека в космос. Он благополучно вернулся...» Газета «Нью-Йорк миррор» обрушилась на НАСА, написав, что его сотрудники «посажены на горячую сковородку».

Да, было от чего нервничать Джеймсу Уэббу. Мощность ракеты, которая должна будет вынести «Меркурий» в суборбитальный полет, равнялась лишь одной десятой мощности советского носителя. Капсула, в которой предстояло летать Шепарду и Гриссому, по весу составляла одну пятую кабины советского космонавта. По времени их рейс предполагался короче гагаринского в семь раз, а по преодолению расстояния — в 80 раз. Что касается невесомости, то астронавты встретятся с ней всего на несколько минут. А затраты? Миллионы долларов.

Уэбб пнул газеты ногой и, все более раздражаясь, накинулся на своих сотрудников — конструктора ракеты «Атлас» Крафта Эрике и на директора проекта «Меркурий» Роберта Гилрута:

— Что молчите, словно воды в рот набрали? Читали ату стряпню, — махнул Уэбб в сторону газет, — читали выступление президента? Он признал: «Мы позади». Готовьтесь, с нас спросят и президент и конгресс.

— Мы, конечно, отстали, слишком мало времени после спутника, — но зачем президенту-то кричать об этом на весь мир? — возмутился Эрике.

— Вот именно, — согласился Гилрут.

— Вот что, господа, надо немедленно нейтрализовать всю эту ненужную газетную шумиху. Я выступлю на пресс-конференции сам.

При огромном стечении репортеров ведущих газет, радио и телевидения Уэбб, маскируя собственные просчеты, подробно изложил американскую программу космических исследований, всячески расхваливая ее. И только в конце своего выступления обмолвился несколькими невнятными фразами о полете Гагарина. «Это лишь эпизод в завоевании космоса», — сказал он.

Оценка выдающегося события была столь грубой, что вызвала возмущение журналистов, по залу прокатился ропот.

Кто-то крикнул:

— Президент назвал полет русских замечательным научным достижением... Кеннеди послал приветствие правительству СССР.

Примеру президента последовали и астронавты. В приветственной телеграмме Юрию Гагарину Д. Глени, М. Карпентер, Г. Купер, Д. Слейтон, В. Гриссом, У. Ширра и А. Шепард писали: «Шлем свои поздравления по случаю сделанного Вами важного шага в области исследования человеком космоса. Мы надеемся, что нам предоставится возможность получить всю имеющуюся информацию о Вашем полете».

Джеймсу Уэббу не удалось заткнуть рот прессе. «Новым потрясающим триумфом русских» назвало полет Гагарина крупнейшее информационное агентство США — Ассошиэйтед Пресс. В редакционной статье «Нью-Йорк тайме» писала, что полет пилотируемого корабля-спутника — «величайший подвиг в истории извечного стремления человека покорить силы природы...».

В одном не ошибся Уэбб. Специальная комиссия на латы представителей США по космическим проблемам решила провести расследование о положении дела в НАСА.

Американские ученые, конструкторы и их добровольные помощники — немецкие ракетчики после полета первого советского искусственного спутника Земли полагали, что советские конструкторы не сумеют быстро создать мощные ракеты-носители, способные выводить на орбиты многотонные корабли. Они все же надеялись успеть поднять «Меркурий»

раньше и делали для этого все возможное. Кроме того, они находились под влиянием недалеких политиков, утверждающих, что Советский Союз хотя и набирает силы после войны, тем не менее отстает от США в области науки и техники лет на 50, а то и на все сто.

Сергей Павлович Королев узнал обо всем этом лишь из газет, вернувшись в Подмоскowie в свое ОКБ на второй день после полета Гагарина. Вечером, когда стало ясно, что на сегодня все срочные дела закончены, он сел за просмотр обзора иностранной прессы, подготовленный для него помощником.

«Весь мир будет аплодировать этому великому шагу вперед, в прогрессе человечества», — прочитал Королев в одной из американских газет слова промышленника, борца за мир Сайруса Итона.

— Ну что же, неплохо, — согласился Королев, — так и есть. Аплодисменты несутся к нам со всех континентов, ото всех народов, — тихонько проговорил он.

Французские газеты назвали полет Гагарина «подвигом века», «исторической датой». Как «великое завоевание советской науки» оценили полет Гагарина итальянские газеты.

Перелистав несколько страниц, Королев увидел газетную вырезку с высказыванием Л. Инфельда — директора польского института теоретической физики. Ученый назвал полет «Востока» «блестящим достижением и подлинным триумфом человеческого разума».

Королев тихонько запел: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет». Это была одна из его любимых песен, и секретарь знала: если из кабинета слышится эта мелодия, значит, у Главного прекрасное настроение. На глаза Сергею Павловичу попала телеграмма Гагарину от потомков Жюля Верна. Он прочитал ее, громко, раскатисто, от души рассмеялся. «Нет, это я должен прочесть Тихонравову», — решил Королев и тут же набрал хорошо знакомый номер.

— Добрый вечер, Ольга Константиновна. Можно Михаила Клавдиевича?.. Здравствуйте! Да, Сергей Павлович... Наверное, оторвал от дел. Слушаете концерт?.. Завидую. Я уже не помню, когда был в консерватории... Побывал как-то в концерте, исполнялись произведения Бетховена— Изумительно. А теперь послушайте одну телеграмму. Ее тоже можно переложить на музыку.

«Господину Юрию Гагарину.

Месье, я племянница Жюль Верна и в этом качестве хочу высказать Вам свое восхищение Вашим подвигом. Вы осуществили мечту Жюль Верна. Если бы он был жив, он, конечно, находился бы сейчас возле Вас,

разделяя радость Вашей страны.

Браво! — от всего сердца. Желаю Вам всего счастья, какое только возможно.

Кристин Аллот де ла Фюнэ, г. Нант».

Ну как, Михаил Клавдиевич? Великолепно, правда? Да-да, завтра, как условились, заходите.

...Продолжая напевать, прочитал высказывание французского коммуниста Мориса Тореза: «Это яркое свидетельство того, что огромная мощь Советского Союза целиком стоит на службе мира и счастья людей».

«Вот спасибо. Пожалуй, единственный, кто уловил самое главное, самую суть». Запел любимую арию, взял следующую подборку газетных материалов. Настроение сразу испортилось. Он перестал петь и нахмурился. Американский журналист Реймонд, опираясь на беседы с представителями Пентагона, в газете «Нью-Йорк таймс» особо подчеркивал «опасность для США советского первенства в космическом пространстве». При этом Реймонд утверждал, что у США «имеется перспектива удвоения усилий, направленных на то, чтобы обеспечить оборону от советских дальнобойных ракет и искусственных спутников...».

«У пентагоновцев всегда одна мысль на уме, как научные открытия привязать к своему «колесу», — раздраженно подумал Королев. — Боюсь, это так и будет».

Глава вторая

Открытие века

*Всенародная встреча.
Три витка или семнадцать?
Невесомость дает себя знать.
Космические сутки.*

В апрельские дни того, гагаринского года в Подмосковье стояла на редкость теплая погода, хотя кое-где еще лежал снег. Леса и поля уже начали одеваться в нежный зеленый наряд, как будто сама природа принарядилась в этот торжественный день.

Москва приготовилась широко, по-русски сердечно встретить первого космонавта планеты 14 апреля. Вся трасса от аэропорта Внуково до Красной площади убрана флагами, расцвечена транспарантами. Всюду — портреты Гагарина. По обеим сторонам шоссе тысячи и тысячи встречающих образовали живой коридор, по которому не очень быстро двигался торжественный кортеж.

...Юрий Алексеевич Гагарин стоял в открытой машине и улыбался своей неповторимо счастливой улыбкой, той улыбкой, которая покорила уже весь мир. Космонавта буквально забрасывали цветами, машина ехала по разноцветному ковру из первых весенних цветов.

Вся Москва от мала до велика встречала героя. Вереница машин вышла уже на Ленинский проспект. «Как он сегодня необычайно живописно украшен», — подумал Юрий Алексеевич. И снова, куда бы он ни бросил взгляд — людское море. Москвичи заполнили все балконы, оконные проемы. Наиболее отважные и находчивые чудом держались на скатах крыш. Вездесущая ребятня, как только что прилетевшие грачи, расселась на ветвях деревьев. Крики: «ура!», «Слава Гагарину», «Мы первые» — не смолкали. А Гагарин улыбался и приветливо махал руками.

...Машина Сергея Павловича шла в конце колонны, растянувшейся почти на километр.

— Интересно, о чем думает сейчас Гагарин? — спросила Нина Ивановна.

— По-моему, ни о чем, — ответил жене Королев. — Он просто счастлив.

— А ты, Сергей?

— И я, Нина, счастлив.

Нина Ивановна чутким ухом уловила в голосе мужа грусть, но не подала вида, что заметила, и замолчала. Она хорошо понимала Сергея Павловича, никогда не мешала ему, когда он хотел остаться наедине со своими мыслями. Знала: заговорит сам. Не ошиблась она и на этот раз.

— Вечером прием в Кремле, — растягивая слова, словно вдумываясь в их смысл, сказал Королев. — В Кремле. Знаешь, всего ожидал, но чтобы митинг на Красной площади — мечтать не мог. Мечтать не мог, — опять медленно повторил он. — Гагарин выступит с трибуны Мавзолея, подготовлен Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Так высоко оценили нашу работу...

И опять замолчал. Нина Ивановна не тревожила его разговором.

А Сергей Павлович думал о предстартовой неделе, вспоминал всех, чьи бессонные ночи, поиски, мечтания, мастерство сделали возможным сегодняшний праздник. «Великая победа разума» — так партия оценила нашу работу. Ну что ж, это верно. Сегодня и мой день тоже. Я шел к нему тридцать лет. Тяжело мне было? Тяжело. Но я выстоял. Да, сам себя не похвалишь... Надо признаться хоть самому себе: немного обидно и очень грустно. Кто я для всех этих ликующих людей — никто, лишь для немногих — Главный конструктор. Мой планер назывался СК, самолеты моего учителя носят гордое имя Ту. Прославленный сталевар известен всем, хлебороб, вырастивший отменный урожай, пользуется огромным уважением. Я всю жизнь работал для страны, для своих соотечественников... Но ничего, раз считают, что так надо... Мы еще не раз удивим мир».

Сергей Павлович посмотрел через боковое стекло и с удивлением обнаружил, что проехали уже Ленинскую библиотеку.

Оставив машину на Манежной площади, Королевы поднялись по Историческому проезду к кремлевским трибунам. Такой Красной площади они еще никогда не видели: море восторженных лиц, кумачовые флаги и цветы, воздушные шары, портреты Гагарина, транспаранты. Все это шумело, гудело от нетерпеливого ожидания встречи с человеком, который за несколько часов стал любимцем всей планеты. Сергей Павлович взглянул на Спасскую башню. Золоченая стрелка приближалась к половине третьего. Трибуны Красной площади переполнены. Приглашены сюда и соратники Королева, будущие космонавты. Красная площадь ждала Юрия Гагарина, руководителей партии и правительства. Многочисленное людское море то затихало, то взрывалось аплодисментами, то

скандировало: «Слава Га-га-ри-ну!», будто поторапливало организаторов скорее начать митинг.

— Вот ведь сколько шума наделал наш Юрий, надо быть поскромнее, — пошутил Сергей Павлович, обращаясь к Нине Ивановне. — Поскромнее... — Королев хотел еще что-то сказать, но не смог. Внезапно защемило сердце, перехватило дыхание, лицо обдало жаром, и Сергей Павлович ощутил пугающее головокружение. Остановился, Нина Ивановна вмиг почувствовала, как ослабела рука мужа.

— Что с тобой, Сережа?

— Сейчас все пройдет, — Сергей Павлович попытался успокоить жену. — Пойдем не торопясь. Это ничего, не умру. Ты же знаешь, неделю работали всю напролет.

Обыкновенная усталость.

— Нет, только домой, — решительно не согласилась Нина Ивановна. — Прощу тебя, Сережа. На тебе же лица нет.

По дороге домой вспомнились сегодняшнее утро, аэродром Внуково, торжественная церемония встречи первого космонавта и генерал-полковник авиации Громов, который подошел к Сергею Павловичу. Пожав руку, Михаил Михайлович, как и много лет назад, назвал его просто по имени. «Ну вот, Сергей, и твой «орел» полетел. Поздравляю от всего сердца! Я ведь тогда, в тридцатых годах, не очень верил в него. Да я ли один. Молодец, всех убедил и доказал свою правоту. Горжусь, что я в тебе не ошибся». От добрых слов прославленного летчика, в годы войны командовавшего воздушной армией, на душе посветлело. Сергей Павлович всегда помнил великодушное его заступничество в годы тяжелых испытаний, которое и для Громова могло обернуться серьезными неприятностями.

Машина быстро довезла их до дома в 6-м Останкинском переулке, куда Королевы переехали полтора года назад. Главному здесь прекрасно работалось и отдыхалось, жаль только, часто приходилось уезжать в командировки.

Сергею Павловичу уже стало много лучше. Нина Ивановна помогла ему сесть в кресло, включила телевизор. Выступал Гагарин. Мальчишеский голос его словно быстрый и светлый родник лился над притихшей Красной площадью, страной, всем миром.

— Наш народ своим гением, своим героическим трудом создал самый прекрасный в мире космический корабль «Восток» и его очень умное, очень надежное оборудование.

С экрана телевизора глаза Гагарина смотрели прямо на Королеву.

Сергею Павловичу на минуту показалось, что они рядом, одни, и только ему, Главному конструктору, сказал сейчас первый космонавт слова благодарности.

А Юрий Алексеевич продолжал свою речь, смотря на Королева с экрана:

— Можно с уверенностью сказать, что мы на наших советских космических кораблях будем летать и по более дальним маршрутам. Я безмерно рад, что моя любимая Отчизна первой в мире совершила этот полет, первой в мире проникла в космос...

«Молодец, Юра. Хорошо сказал. Все у нас впереди, грустить не надо. И сердце у меня еще ничего. С кем не случается. Главное — не отчаиваться. Медицина у нас тоже на высоте». — И уже вслух добавил:

— Все хорошо.

Нина Ивановна, поняв, что настроение и самочувствие мужа улучшились, подседа поближе.

— Сегодняшнюю Красную площадь сравнить нельзя ни с чем. А вот, Нина, сами торжества в честь нашего Юры напоминают мне июнь 1937 года, когда всенародно встречали экипаж Валерия Чкалова, перемахнувшего из Подмосковья через Северный полюс в Америку.

— Да, вероятно, все было почти так же. Только так и надо встречать настоящих героев-богатырей. И я верю, что тебя тоже будут так когда-нибудь приветствовать.

— Зря я разрешил тебе уговорить меня поехать домой. Там сейчас так хорошо. И я себя прекрасно чувствую. Вечером в Кремль пойдем обязательно.

— Может... — но, встретившись с не терпящим возражения взглядом мужа, сдалась. — Хорошо, Сережа.

— Это ведь и мой день, Нина, — уже мягким голосом сказал Сергей Павлович. — Ты же меня всегда понимала.

...На Красной площади Юрий Алексеевич Гагарин заканчивал свое выступление.

— Сердечное спасибо вам, дорогие москвичи, за теплую встречу! Я уверен, что каждый из вас во имя могущества и процветания нашей любимой Родины под руководством ленинской партии готов совершить любой подвиг во славу вашей Родины, во славу нашего народа...

С экрана телевизора Королевы увидели, как к микрофону подошел Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Он еще раз поблагодарил всех ученых, конструкторов, рабочих, создавших космический корабль, подчеркнул, что в их славных делах нашли реальное воплощение труд и

подвиг миллионов рабочих, колхозников, интеллигенции — всего советского народа.

— Завтра Юрий Алексеевич приедет к нам в ОКБ, выступит на митинге. Там я смогу обнять его еще раз, — обратился Сергей Павлович к жене. — Да и надо уже о новом полете думать, нельзя долго стоять на месте, можно разучиться мыслить. — Сергей Павлович рассмеялся. — Ну а теперь пора собираться на прием.

— Сережа, надо же и отдыхать когда-нибудь. Так нельзя. Подумай о здоровье.

Сергей Павлович решительно встал с кресла.

— Пора.

В начале мая Королевы приехали в санаторий «Сочи». Сергей Павлович согласился отдохнуть, да и врачи настоятельно советовали это сделать. То, апрельское, недомогание могло дать рецидив. Неподалеку отдыхал Гагарин с женой, Валентиной Ивановной, другие летчики — будущие космонавты. Ходили друг к другу в гости, купались, много и долго разговаривали. Особенно часто у Королевых бывал Гагарин. И как-то раз Юрий Алексеевич заговорил о том, что, видимо, его глубоко волновало.

— А что дальше, Сергей Павлович? — спросил Гагарин.

— А как вы думаете, Юрий Алексеевич?

— Когда ты летчик... все ясно. Сегодня полет, завтра — и так каждый день. Работа...

Сергей Павлович ждал этого разговора, давно подготовился к нему и был очень рад, что космонавт начал его первым. Он побаивался, как бы слава не вскружила голову этому молодому парню, чтобы положение «космической звезды», «Колумба космоса» не лишило его желания упорно трудиться, а всеобщая любовь не избаловала, не сделала из него человека-сувенира.

— Ясно. Понял, — пошутил Сергей Павлович. — Но это только констатация факта. А предложения?

— Еще раз слетать в космос.

— Согласен. Но с куда более сложным заданием. Потребуются новые знания, а для них время.

— Надо учиться. Я правильно вас понял, Сергей Павлович?

— Академия Жуковского. Сам в юности мечтал попасть в нее. Вы заметили, какими обширными знаниями обладают Владимир Михайлович Комаров, Павел Иванович Беляев? Их дала им академия. Без инженерных знаний нельзя.

— И Валентине моей тоже бы поучиться.

— Пусть поступает в медицинский. Моя дочь Наташа — ваша ровесница. Она медик. Пошла по следам матери — хирург. — Сергей Павлович помолчал. — Редко видимся — у нее работа, у меня работа. Она живет своей семьей. — Положив на плечо Гагарину руку и взглянув в посерьезневшие глаза космонавта, мягко проговорил: — В день совершеннолетия дочери я писал ей: «Всегда люби наш народ и землю, на которой ты выросла». Этого я и вам, Юрий Алексеевич, тоже хочу пожелать. В этом наша сила и счастье. — И уже совсем другим голосом спросил: — Как вы смотрите, Юрий Алексеевич, если следующий полет на 24 часа?

— Не знаю, Сергей Павлович. Три-четыре витка вынес бы, а дальше? Нет, не знаю.

— Спасибо за откровенность, Юрий Алексеевич. В нашем деле без правды не прожить. А ваши слова для меня очень важны, мы должны следующий полет детально обсудить.

— Следующим будет Герман?

— Это решит Государственная комиссия, но весьма вероятно, что вы правы. До августа все необходимо еще раз проверить и обсудить. Времени не так уж много.

Юрий Алексеевич ушел, Сергей Павлович проводил его и решил немного прогуляться по аллеям парка.

Вскоре увидел Нину Ивановну, уютно устроившуюся на скамейке в тени и читающую книгу. «Сейчас не подойду к ней, надо еще немножко подумать», — решил Сергей Павлович и свернул на боковую аллею.

«Три витка должен сделать «Восток-2» или пробыть в космосе больше, скажем, сутки? Как быть? С одной стороны, рисковать опасно, с другой — топтаться на месте некогда. Интересно, что думает об этом Титов? Советы по оборудованию корабля он дал весьма дельные. Толковый парень. Вот страна наша — везде таланты есть: Смоленск и Алтайский край, Украина и Поволжье. Ну на что же решиться? Многие за три витка. Нет, пойду-ка я к Нине». — И, приняв решение, он энергичной походкой пошел к тенистой скамейке. Сел рядом с женой, взял ее за руку.

— Три или семнадцать? — обратился Сергей Павлович к Нине Ивановне.

— Ты о чем, Сережа? — спросила Нина Ивановна, за многие годы привыкшая к внутренним диалогам мужа, но, заметив приближавшихся генерала Каманина, врача Яздовского и руководителя Центра подготовки космонавтов Карпова, предупредила: — К тебе гости.

Королев сразу оживился.

— Они-то мне и нужны! — и пошел к ним навстречу. — Так три или семнадцать? — испытующе взглянув на гостей, спросил Королев.

— За этим и пришли, Сергей Павлович, — ответил за всех Карпов.

Начался очередной разговор о втором полете: каким ему быть по длительности и насыщенности новыми исследованиями и экспериментами. Главный конструктор знал, что некоторые специалисты склоняются к постепенным шагам в космос. Есть над чем поразмыслить. И когда, казалось, обо всем переговорили, но единого мнения не выработали, Королев неожиданно предложил:

— Может, пригласим «ореликов» и посоветуемся? Им летать, им и решать!

— Когда?

— Сейчас.

И через несколько минут староста группы Павел Беляев и парторг Павел Попович собрали космонавтов в одной из беседок в парке санатория. Пришли также несколько специалистов. Когда все уселись, Королев обратился к собравшимся:

— Вношу на обсуждение проект программы второго полета в космос. Предлагаю на полные сутки. — Сергей Павлович взглянул на сидящих. Ничего, кроме крайнего изумления, не прочел на их лицах. «Не слишком ли смел СП? Может, у него голова закружилась от успехов?» — мысленно спрашивал себя каждый из присутствующих. Королев между тем как ни в чем не бывало негромко продолжал, излагая цель предстоящего эксперимента:

— Нас особенно интересует влияние длительной невесомости на человека: координацию его движений, психическое состояние, функции сердечно-сосудистой и пищеварительной систем. Точного ответа на этот вопрос у нас нет, даже после полета Юрия Алексеевича. Высказываются самые противоречивые мнения. Никто пока не может твердо говорить о характере влияния невесомости на жизненно важные функции человека.

Наступила пауза. Каманин и Карпов растерянно переглянулись, Яздовский раскрыл свою папку и уткнулся в документы, всем своим видом показывая, что не намерен выступать первым. Выжидающе молчали космонавты. Сергей Павлович, в мгновение оценив обстановку, внутренне улыбнулся:

— Хотелось бы в том порядке, в каком сидим, каждый пусть выскажет свое мнение о проекте. Потом подберем «бабки».

Волей-неволей первым пришлось говорить Е. А. Карпову.

— Сергей Павлович, безусловно, прав, говоря, что мы не располагаем достаточными данными о влиянии космических факторов на организм человека. Но именно это обстоятельство требует от нас осторожности. Вы знаете, Сергей Павлович, я говорил Вам об этом — для начала ну, скажем, два-три витка. Не больше.

— А ваше мнение, Николай Петрович? — обратился Главный к Каманину. — Прошу.

— Отдаю приоритет в решении этого вопроса медикам. Надо собраться еще раз в Москве, пригласив специалистов. Академик Сисакян, да и Парин сторонники неторопливых шагов...

— Та-ак, — недовольно протянул Королев. — Попросим сказать свое веское слово медицину, — и взглянул на Яздовского, ожидая от него поддержки.

— В 1949 году, когда мы приступили к биологическим экспериментам, — начал издали профессор, но Сергей Павлович прервал его:

— Не надо доклада, Владимир Иванович. Пожалуйста, кратко, самую суть.

— Хорошо. Опыты с полетами животных, как всем известно, велись довольно продолжительно. Тщательный анализ всех данных, полученных во время экспериментов, убеждает нас в том, что невесомость не оставляет последствий на живых организмах. Но одно дело собаки, другое — человек. Я не хочу вас запугивать, — Яздовский повернулся к космонавтам. — Есть еще чисто психологическая проблема. Возможен глубокий эмоциональный стресс. Точнее — нервно-психическое расстройство... Разумом я за длительный полет, а вот на душе...

— Стрессовые обстоятельства? — удивился Андриян Николаев, будущий дублер Титова. — Для нас, летчиков, это не помеха. Мы с ними встречались не раз.

— Не будем забывать, Сергей Павлович, и о космической радиации, — напомнил Карпов. — Специалисты не раз предупреждали нас о вредном воздействии ее на все живое. Корабль длительное время окажется без защиты земной атмосферы. Не хотелось бы подвергать человека чрезмерной опасности. А если вспышки на солнце?!

— А заранее предсказать их нельзя? — поинтересовался Павел Попович.

— Задача пока чрезвычайно трудная, — ответил Королев.

— Системы жизнеобеспечения выдержат ли такую нагрузку? Надо бы над ними еще поработать, — посоветовал Павел Беляев.

— Справедливо, — принял предложение Главный. — Двадцать четыре

часа — не сто восемь минут...

Герман Титов с удвоенным вниманием выслушал все точки зрения. Он все больше понимал, что его мнение как космонавта в данный момент имеет особый вес. И знал, что каждый из его друзей, космонавтов-дублеров, готов, как и он сам, в новый космический полет. Как дублер Гагарина, он еще в апреле определил для себя: полет должен быть более сложным по длительности и по насыщенности полетной программы.

— А как вы думаете, Герман Степанович? — раздался голос академика. Ученому нравился этот молодой смекалистый летчик, родившийся в семье учителя, члена одной из первых на Алтае крестьянских коммун.

— Я готов, — торопливо заговорил Титов, словно боясь, что его прервут. — Понимаю, для чего нужен суточный. Верю, что такой полет можно исполнить уже теперь, и готов это доказать на деле. С лица Королева спала настороженность, он улыбнулся.

— Не пойму, кто кого уговаривает, Герман Степанович. Вы меня или я вас? Чья, собственно, идея? — и уже твердо добавил: — Окончательно решать предстоит Государственной комиссии. Кое-кто, естественно, будет возражать, но мы постараемся убедить их.

И убедил. Но это произошло уже в Москве, на заседании Совета главных конструкторов. Многие уже поняли необходимость получить фундаментальные научные данные о влиянии космического полета и в частности невесомости на организм человека. Важным доводом стало еще одно обстоятельство:

— Мы четко отработали все этапы гагаринского одновиткового путешествия, — доказывал С. П. Королев на Государственной комиссии. — Каждый последующий виток, и в частности третий, как предлагают товарищи, — это новый район посадки. А на семнадцатом витке, то есть через сутки, корабль «Восток» вновь пройдет по проторенной гагаринской трассе. Тут уже все отработано: и средства связи, и средства поиска и встречи — все под рукой.

— А что будет предпринято, если по независящим причинам полет придется закончить на втором витке? — спросил один из членов Государственной комиссии.

— В случае необходимости при нерасчетном варианте мы имеем возможность, хотя это значительно труднее, посадить «Восток-2» на любом витке и сделать все необходимое, чтобы быстро эвакуировать космонавта и технику.

— Допускаете ли вы приземление за пределами советской

территории?

— В исключительном случае, — ответил Королев, — правительства иностранных государств будут, как и перед полетом Гагарина, своевременно информированы о новом космическом эксперименте, проводящемся в СССР.

Государственная комиссия приняла компромиссное постановление: окончательно определить длительность полета после третьего витка. Но Сергей Павлович все равно остался доволен: решение столь важной проблемы сдвинулось с мертвой точки.

Королев обратил внимание, что на заседании не присутствовал его заместитель Цыбин. Позвонил:

— Павел, ты чем занимаешься? План выполняешь? Это хорошо, а почему на заседании не был? Не твой вопрос. Ясно. Понял. Ну а как дела? Неделю ко мне не заходил, а еще друг юности. Ладно, не оправдывайся, знаю, что не бездельничаешь. Скажи-ка, как идут дела по «крылатке»? Макет готов? Так... Так. Крылья во время ракетного старта прижимаются к фюзеляжу?! С орбиты как обычный самолет на любой аэродром. Об этом мечтал еще Цандер. Ты же знаешь, Павел Владимирович, меня крайне удручает дороговизна нашей техники. Разработкой корабля многоцветного пользования заниматься надо. Это то, к чему мы придем рано или поздно. Другого пути пока не вижу. Вот что, дружище, заходи завтра ко мне... после работы, когда спадет горячка. Ну вот и условились. Да, а модельку захвати с собой.

Закончив разговор, Королев подвинул к себе «еженедельник» и написал: «Цыбин. 12.00». Дважды подчеркнул красным карандашом.

В начале июня 1961 года Королев согласовал с председателем Государственной комиссии Л. В. Смирновым предварительное решение: командиром космического корабля «Восток-2» рекомендовать Германа Степановича Титова, а дублером — Андрияна Григорьевича Николаева. Подготовка к полету, по мнению Главного, не должна занять более двух месяцев.

Вечером 16 июля Королеву домой позвонил заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов. Он сообщил, что подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями большой группы ученых, конструкторов, рабочих, принимавших участие в подготовке полета Ю. А. Гагарина. Главному конструктору второй раз присвоили самое высокое звание — Героя Социалистического Труда.

— Нина, Нина, — крикнул Сергей Павлович жене, положив трубку, и, не дождавшись ответа, пошел к ней в маленькую комнатку, рядом со спальней. — Только что звонил Дмитрий Федорович! Мне присвоили вторую Звезду Героя. Да и не только мне, моим соратникам. Многие инженеры, техники и рабочие удостоены высших орденов. Они заслужили их. Чтобы я смог сделать без их светлого разума и талантливых рук?!

— Я рада за тебя, Сережа! Как высоко оценили твой труд Родина и партия! — И счастливая Нина Ивановна обняла мужа. — Поздравляю тебя! Ты заслужил это всей своей жизнью.

— Спасибо, родная. Чем-то надо отмечать и вас, наших жен, — полушутя-полусерьезно ответил Сергей Павлович. — За месяцы одиночества, терпение, за понимание и любовь.

...24 июля в Кремле ему вручали награду.

— Я сделаю все, чтобы оправдать высокую награду Родины. Все, что в моих силах. Все, — сказал тогда Королев, вложив очень многое в это «все».

Через несколько дней Главный конструктор начал собираться в командировку на Байконур, там шла подготовка полета Титова.

Однажды ранним утром Королев пригласил в кабинет инженеров-прибористов. Они захватили с собой различные материалы, так как были уверены, что совещание связано с предстоящим стартом «Востока-2».

Но Сергей Павлович ошарашил пришедших специалистов словами:

— Давайте, товарищи, подумаем о здоровье людей, об искусственном сердце, например. Что вы так удивились? Я, может, и о себе забочусь.

Конструкторы молчали, не зная, серьезно ли говорит Главный.

— К сожалению, наша техника пока не имеет прямого отношения к здоровью людей, — сказал академик. — Я ставлю вам, прибористам, задачу: уже сейчас помогать медикам сохранять здоровье трудящихся. Надеюсь, у нас найдется не один «левша».

— Как вам откажешь, просить вы умеете. Конечно, мы попробуем, — почти хором ответили ему специалисты. — Но задача не из легких, искусственное сердце-Сергей Павлович молча кивнул головой и тут же связался по телефону с институтом хирургии. Ответил академик А. А. Вишневский. Королев сообщил ему, что сейчас группа специалистов прибудет к нему в институт для конкретного разговора о создании искусственного сердца. Все сотрудники тотчас отправились в Москву на королевском ЗИЛе.

Не прошло и двух дней, как Королев потребовал от «сердечников», как он в шутку стал называть эту небольшую группу инженеров, взявшихся за

создание медицинских аппаратов, показать ему план работы, ознакомить с главными направлениями. Высказав ряд пожеланий по разработке опытных образцов, утвердил план-график работ, пообещал помочь и потребовал регулярно сообщать ему обо всем.

Все шло по задуманному плану, хотя происходили сбои в сроках сдачи объектов, срывы поставок оборудования по вине смежников, неудачи при испытаниях блоков ракет, различных систем. Но это казалось Сергею Павловичу в порядке вещей. Однако крайне огорчала его неопределенность в реализации пилотируемой части лунной программы. Эскизные проработки сверхтяжелой ракеты-носителя Н-1, рассчитанные на возможности ОКБ В. П. Глушко, завершались, и тут, как гром среди ясного неба: Глушко отказался конструировать двигатели для Н-1. С этой машиной Королев и его соратники связывали далеко идущие планы. Вот почему Сергей Павлович решил еще раз побывать в ОКБ у Глушко и уговорить его изменить свое решение.

...Валентин Петрович Глушко жестом руки пригласил гостя за стол. Догадываясь о цели неоговоренного заранее приезда Королева в ОКБ, решил взять нить разговора в свои руки:

— Вот что, Сергей, — начал Глушко как можно мягче. — Согласен, ракета Н-1, задуманная тобой, нужна всем, не только тебе. Ничего против не имею; для первой ступени двигателя понадобятся в десять раз большей тяги, чем прежние. Но где их взять?

— На тебя вся надежда. Ты все сможешь, если захочешь.

— Кислородно-керосиновые исчерпали свой ресурс. Ты знаешь, мы с Полярным пытались справиться с тягой в сто двадцать тонн, но безуспешно. А сейчас ты хочешь иметь РД в 150 тонн, да еще в однокамерном варианте. Это же фантастика, а точнее, дилетантство. Тебе не терпится поднять в космос тридцать, пятьдесят, сто тонн. Повторю, кислородно-керосиновые в этом не помогут.

— Выходит, Валентин, — перебил Королев, — только высококипящая отравка — азотная кислота, тетроксид...

— И диметилгидрозин. Да, именно так. Школьнику ясно, что использование этих вещей позволяет решить куда проще такие проблемы, как процессы горения, высокочастотные колебания, охлаждение камеры. Твоя идея применить для двигателей водород просто нелепа. Я еще в тридцатых годах доказал бесперспективность водорода в ракетной технике.

— Теперь ты скажешь, что водород обладает очень малой плотностью, понадобится в десятки раз увеличить объем топливных баков. Это все

скажется на полетных показателях ракеты...

— Вот именно, — согласился Глушко. — Зачем преднамеренно ухудшать их. Да к тому же Янгель и Челомей не глупее тебя, давно поняли это и получают от меня двигательные установки нового типа. Так что о чем говорить.

— Вы ставите под удар лунную программу, — перешел на «вы» Сергей Павлович, показывая этим, что дружеский разговор окончен, начались официальные переговоры. — Я приехал к вам по поручению Совета, я получил согласие на этот разговор в министерстве. Есть государственные интересы...

— Все «я», «я», — сорвался Валентин Петрович. — Все командуешь. Требуешь. А по какому праву?! Министр, ни меньше ни больше! Мы что, ваши подчиненные? Занимайтесь-ка вы, Сергей Павлович, конструированием собственно ракет, а прогнозирование ракетного двигателестроения оставьте за нами.

Королев медленно встал из-за стола и не прощаясь пошел к двери. Остановился:

— Спасибо, Валентин Павлович, за «школьника», за «дилетанта». Но запомните, пока я жив, на ракетах и кораблях нашего ОКБ будут стоять не те агрегаты, которые проще разрабатывать, а те, что безопаснее... Да, да! Со всех точек зрения. Есть еще и такое слово «прогресс». Оно вбирает в себя понятия: надежность, безопасность и наивысшая целесообразность, — выдавил Королев сквозь зубы, сдерживая гнев. — Мало вам гибели маршала Неделина. Не хотите помнить, сколько ракетчиков стали жертвой любимых вами высококипящих...

Так два крупных ученых не сошлись во взглядах на будущее ракетостроения. Каждый, кажется, по-своему был прав. Искать бы им компромисса! Не смогли. Непреклонность, а точнее, ошибочность идей В. П. Глушко, отбросили на много лет строительство тяжелой ракеты-носителя, которая по своим конструктивным оригинальным решениям являла собой новое слово в мировой космонавтике.

Через неделю Главный конструктор прибыл на Бай конур. Здесь его встретил руководитель космодрома А. Г. Захаров. Над степью стояло солнечное утро, обещавшее жаркий день. С. П. Королев решил, не останавливаясь в Ленинске, сразу поехать в свой домик недалеко от стартовой площадки, так полюбившейся ему.

— Сергей Павлович, у вас найдется часок для меня? — попросил Захаров. — Мне хочется показать вам городок. Кстати, посмотрите и дома, построенные для членов Государственной комиссии и космонавтов. Они

ведь частенько будут жить у нас.

— Думаю, что так, Александр Григорьевич. Но я, кажется, уже бывал в этих домах.

— Теперь строительство их полностью закончено. Королев согласился, и машина направилась в город. Трех-четырёхэтажные дома незатейливой архитектуры. Скверы зеленели молодыми деревцами. Много цветов.

Сергей Павлович удивленно рассматривал поселок, где жили люди, готовящие и запускающие в космос ракетные системы.

— Разве можно поверить, что все это построено за четыре года? Невероятно.

— А вот справа заложили парк. На закладку его выходили все, как говорят, от мала до велика.

— А это что за стройка? — спросил Королев, увидев на городской площади здание в лесах.

— Дом культуры достраиваем.

— Это хорошо. А где наш главный строитель Георгий Максимович? — поинтересовался Королев.

— У генерала что-то сердце прихватило.

— Вот как! Надо бы заехать к нему. Всегда с глубоким уважением отношусь к Шубникову. Он и его коллектив военных строителей совершили невероятное. За два года с небольшим построили такое... Космодром— уникальное сооружение. Быстро и хорошо.

Машина выехала с площади, свернула чуть вправо и остановилась возле небольшого парка с двумя кирпичными домами. Это дома для Госкомиссии и космонавтов. С. П. Королев и А. Г. Захаров вышли из машины и скрылись в одном из зданий. Через полчаса они вышли.

— И все-таки, Александр Григорьевич, хотя накоротке я здесь был еще в апреле, не зря вы меня сюда пригласили еще раз. Выкладывайте.

— Большого умысла нет, — признался Захаров. — Но тут один товарищ побывал в этом доме и посетовал, что не хватает комфорта, и столько насоветовал. Пообещал пожаловаться начальству, если не переделаем.

— Вот как? Значит, ему особый комфорт нужен? Л как же наши специалисты живут здесь месяцами в одной комнате по пять-шесть человек? В следующий раз этого «гостя» поселите в одном из наших общежитий. Не захочет — пусть уезжает. Обойдемся...

— Жаловаться будет!!

— А вот насчет жизни у вас тут командированных специалистов пора подумать, Александр Григорьевич. Надо строить хорошую гостиницу

номеров на пятьсот-шестьсот. Ставьте вопрос, я вас поддержу. Неплохо продумать генеральный план застройки городка. Он ведь навсегда!..

От города до стартовой площадки километров сорок. Королев сел на заднее сиденье, Захаров к шоферу. Сергей Павлович развернул желтую папку, которую брал с собой. В ней, как обычно, лежали деловые бумаги. На одни надо дать быстрый ответ, другие могли потерпеть. Королев достал те, что относились к предстоящему эксперименту. Все мысли его о нем. Суточному полету Сергей Павлович и его коллеги придавали особое значение. От «успеха» или «неуспеха» зависело многое... Будет ли «дверь» человеку в космос полностью распахнута или... на первый план придется ставить автоматические средства изучения космоса... Тогда полет Гагарина лишь фейерверк... Невесомость, невесомость. Друг или враг? И это бесконечно тревожило Сергея Павловича. «Не превысил ли я свои права? — в который раз возвращался он к этой мысли. — Да, конечно, я могу пересмотреть свое решение. Государственная комиссия пойдет мне навстречу... Да, надо еще и еще раз посоветоваться с Яздовским». И Королев снова углубился в документы. Прочитал проект сообщений о полете, потом полистал страницы с вычерченной орбитой полета «Востока» вокруг Земли. Убедился, что на 17 витке Титов полетит точно по гагаринской трассе, а значит, и возвратится на Землю в том же районе, что и первый космонавт. «Надо обязательно еще и еще раз проверить системы жизнеобеспечения, — решил Королев, — и особенно системы автоматического управления полетом корабля. А вдруг эта чертова невесомость или еще что-то?.. Надо быть готовым возвратить корабль на Землю с любой точки околоземной орбиты. Проверить систему ориентации. Не дай-то бог закапризничает... как один из «Востоков», словно конь, освободившись от узды, умчался на другую орбиту... Не забыть подготовить сообщение для соответствующих зарубежных инстанций о предстоящем эксперименте».

Машина затормозила и остановилась возле коттеджа. У калитки стояла Елена Михайловна и ждала, как будто Королев уехал только вчера. Сергей Павлович вышел из машины, поздоровался с ней, передал управительнице дома небольшой дорожный чемоданчик.

— Заходить не буду... А часа через три заеду перекусить.

Через несколько минут Королев и Захаров были у монтажно-испытательного корпуса. Надев белые халаты, пошли в него. До полета «Востока-2» оставалось пять дней.

Во второй половине дня 5 августа Сергей Павлович решил еще раз

встретиться с Германом Титовым. Доверительная беседа такая же, как и с Гагариным, состоялась на вершине ракеты, у корабля.

Легкий августовский ветерок, который не ощущался на земле, освежал лица. Дышалось легко. Сергей Павлович стоял, любуясь степью, почти выжженной жарким солнцем. А может, вспомнил, как в апреле вот так же стоял с Юрием Гагариным, напутствуя его на первый шаг в космос? А может, думал, как лучше начать этот последний перед стартом разговор со вторым космонавтом?..

— Как дома?

— Отец с матерью, кажется, догадываются. Письмо от отца получил. Он у меня мудрый. Можно я прочитаю из него несколько строк?

Королев молча кивнул головой.

— «...Я не хочу строить догадки о том, что у тебя затевается. Но если едут к нам люди, дело серьезное. Каким бы оно там ни было — малое или большое, — сделай его, сын, с толком, как подобает делать всякое дело, к которому ты приставлен. Сил у тебя должно хватить, по моим расчетам, уменьем ты подзапасен, разумеется, а средствами народ обеспечит. Покажи, что порода наша может послужить общему делу в меру своих сил и возможностей».

— Прекрасные слова, просто великолепные. Великое это счастье, Герман Степанович, иметь отца. — По лицу Королева пробежала тень, он тяжело вздохнул. — А меня воспитывал отчим. Как ни был хорош, а все-таки не родной. С отцом так ни разу не встретился. Скрыли, что он жив. Он умер, когда мне исполнилось двадцать два...

Королев надолго замолчал, потом энергично повернулся к Титову и перешел на деловой тон:

— Двадцать четыре часа — это очень много для второго космического полета. Вы знаете, немало голосов было за то, чтобы ограничить эксперимент тремя витками. Но мы должны, обязаны сделать глубокую пробу, Герман Степанович, — гл-убо-ку-ю. Не буду говорить громких слов, но второй в мире полет имеет исключительное значение для будущих пилотируемых экспериментов. Основой для прогнозирования завтрашнего дня наших работ может стать ваш доклад о полете, доклад исследователя. Поэтому еще и еще раз прошу: наблюдайте, наблюдайте и наблюдайте и точнее записывайте все. И только правду, ничего не скрывайте. Нет мелочей, все на поверку может оказаться ценным. Это в равной степени относится к вашему самочувствию и к кораблю, его системам. Как видите, — пожаловался Королев, — времени мало — всего сутки, а дел... — И, не закончив мысль, обнял летчика. Перешел на «ты»: — Уверен в тебе, как в

самом себе, — взглянул на часы. — Пора, меня ждут. — Перед тем как войти в лифт и спуститься вниз, Сергей Павлович напомнил: — Еще раз повторяю: тщательно испытайте систему ручного управления во всех заданных режимах, возможность посадки корабля в любом районе. Автоматика хорошо, но с человеком — лучше. Может, у тебя есть потребность посидеть, поработать в корабле еще раз?.. Хотя, по правде сказать, это не очень желательно. Корабль полностью подготовлен... Но если ты считаешь это необходимым, я разрешаю.

— Как будто все ясно, — ответил летчик, — но было бы неплохо посидеть в корабле...

Через полчаса Герман Титов, в сопровождении ведущего конструктора по кораблю «Восток-2» Е. А. Фролова снова поднялся на вершину ракеты.

6 августа Государственная комиссия дала «добро» на полет «Востока-2». Менее чем через четыре месяца после полета Юрия Гагарина в 9 часов утра по московскому времени казахстанская степь вновь озарилась слепящим глаза всполохом пламени. Громоподобный гул сотряс воздух и нарастающим валом пронесся над пунктом наблюдения. Ракета оторвалась от Земли и будто нехотя пошла вверх. Набирая скорость, она все быстрее и быстрее устремлялась ввысь.

— Пошла, родная! — радостно воскликнул Титов. Все с беспокойством наблюдали за подъемом ракеты. Ведь это всего-навсего второй полет человека в космос. Люди волновались, вероятно, не меньше, чем при первом запуске. Но все, слава богу, шло нормально.

Королев тоже немного успокоился, придя на КП связи, попросил крепкого чаю, хотя сердце и стучало немного быстрее положенного. «Ну это от радости», — успокоил себя Сергей Павлович и неожиданно вспомнил, что впервые на космодроме присутствует специальный корреспондент Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС). Главному конструктору его представили еще вчера. Журналист очень хотел побеседовать с ним сразу после старта. Сейчас Сергей Павлович попросил разыскать тассовца.

— Небольшого роста, чем-то похож на цыгана, в серо-голубом костюме, на лацкане пиджака значок «Пресса». Посмотрите, может, он в машбюро...

Через несколько минут журналист стоял перед Королевым.

— Я не оторвал вас от дел? — спросил у него Сергей Павлович. — Садитесь к столу, тут вам будет удобнее. Слушаю вас, товарищ Пресса.

— Хотя бы кратко, Сергей Павлович, о цели нового эксперимента?

— Вам уже известно, что космонавту Титову запланирован

многочасовой полет. Он первым из людей проверит на себе суточный цикл жизни в космосе, столкнувшись с малоизвестными для нас факторами. Это не только перегрузки при старте и приземлении. О них мы уже имеем представление. Пилот встретится один на один с длительной невесомостью. Ее влияние на живой организм в земных условиях изучить полностью невозможно. Наши медики особенно ее побаиваются. При необходимости — немедленное возвращение корабля на Землю.

— Обо всем этом знает Титов?

— Да. Мы от космонавтов не скрываем сложностей и даже опасностей предстоящих полетов. Их согласие свидетельствует не только о понимании задач, которые им предстоит решать, но и о мужестве, о желании внести свой вклад в науку. За это мы, ученые, высоко ценим и уважаем их.

— Управление полетом корабля, видимо, требует опытного летчика?

— Ракета и самолет — машины несравнимые. Это все слишком сложно, и, может быть, нет смысла касаться всего комплекса вопросов. Но вот что вам необходимо обязательно знать: ракета-носитель — это и ракетные двигатели, и множество различных систем, сложных узлов, механизмов. Каждая и каждый из них обязан действовать и точно, и безотказно. Подъем ракеты, ее полет осуществляются при помощи автоматики. Система управления — удивительнейшее достижение человеческого разума, и без нее нет ракеты, нет корабля, нет эксперимента... Одним словом, автоматика, автоматика и автоматика.

— А человек, Сергей Павлович?

— Человек — творец этой автоматики. Человек на Земле и в космосе осуществляет контроль за автоматикой. В конечном счете автоматика — помощник человека в его беспредельных возможностях познания Вселенной, ее законов. Космонавт — это командир корабля. В нужную минуту он может взять управление полетом в свои руки. Он — испытатель космической техники. Если летчик в основном опробует только машину, то космонавт является и исследователем, и исследуемым. Он наблюдает за техникой на корабле, за своим самочувствием, а также за тем, что происходит за пределами кабины. опыты, которые Титов проведет на борту по заданию ряда ученых, и те эксперименты, что войдут в программу следующих полетов, — все это есть тот научный материал, без которого мы не сможем делать новые шаги в исследовании космоса. В заключение скажу вам, что от полета корабля «Восток-2» мы ждем очень многого. Есть на нашем пути в космос барьер — невесомость. Да, вы ведь уже успели повидаться с Титовым? Ваши впечатления?

— Трудно судить по одной часовой беседе.

— Согласен. Я скажу несколько слов о нем. Пожалуй, примечательные черты Германа Степановича — это быстрота реакции, сообразительность, хладнокровие и, вероятно, самое ценное — наблюдательность, способность к серьезному анализу. При важности всех других два последних качества в данном полете имеют особое значение.

— Еще одна просьба, Сергей Павлович. Прочитайте, пожалуйста, — и журналист положил перед Королевым несколько листов бумаги. — Это репортаж о старте «Востока-2». Не хотелось, чтобы вкралась какая-то неточность.

— Успели уже перепечатать на машинке? Это хорошо. — И стал медленно читать вслух. — Лучше вместо «старт ракеты» писать — «подъем». Это точнее, — и, достав ручку, заправленную черными чернилами, внес поправку в текст. — Фамилию «Королев» и других товарищей исключить. Преждевременно. — Сделав еще несколько уточнений, Сергей Павлович посоветовал одним абзацем рассказать о технических данных ракеты-носителя. Тут же продиктовал необходимые сведения и после этого на первой странице репортажа слева вверху написал: «Читал. Согласен к опубликованию. С. Королев. 6/VIII. 1961». — А теперь один вопрос вам, товарищ Пресса. Для каких газет предназначен репортаж?

— Для всех газет страны, радио, для всех информационных служб нашей планеты.

— Вы монополист?

— ТАСС — агентство правительственное. Но думаю, что на следующий запуск корабля на космодром приедут представители центральных газет, Всесоюзного радио и телевидения.

— Ну что же. Милости просим. Дела всем хватит.

Полет продолжался.

Группа медиков во главе с В. И. Яздовским внимательно следила за информацией, поступающей с орбиты. Регулярно отмечались и сравнивались с исходными данными частота пульса, давление крови космонавта. К ним зашел Сергей Павлович.

— Перед стартом пульс у Германа Степановича был несколько повышен, — доложил ему В. И. Яздовский.

— Эмоции. Ну а сейчас?

— Приходит в норму. Смотрите: в начале второго витка пульс почти земной — 64 удара в минуту.

— Если будут отклонения, прошу немедленно сообщить. — И,

взглянув на часы, добавил: — Закончился третий виток. Как-то он там? Мысли, мысли его меня интересуют. И наблюдения.

Королев вышел в коридор и направился к председателю Госкомиссии, но на пути передумал и пошел в конец коридора, в свой кабинет. На двери висела табличка: «С. П. Королев». «Вот так, ни звания, ни должности. Кто таков? Наверное, табличку повесили, чтобы я кабинет не перепутал», — внутренне улыбнулся Сергей Павлович.

Открыл дверь, оглядел свой небольшой кабинет в одно окно. Возле стены ряд стульев, на письменном столе несколько телефонов.

Присев на край стола, Главный снял трубку.

— Королев. Свяжите с городом Куйбышевым. Линия занята? Переключите на Москву, — назвал номер, стал ждать. Услышал, что в Москве взяли трубку. — Здравствуйте. Я в порядке уточнения. Все-таки полные сутки. Береженого бог бережет. Да-да. Полное и обстоятельное медицинское обследование. Позвоните в Куйбышев. Напомните вашим коллегам. Думаю, что скоро вылетим на Волгу. Что? Укачивание? Морская болезнь? — беспокойно переспросил Королев. — Это сообщение самого Титова? Что же вы молчите?

«Вот тебе, Сергей Павлович, и первый сюрприз. Нежданный «подарок» космоса. А что, если так будет продолжаться и дальше? Известно, что морское укачивание выводит из строя людей крепчайших физических возможностей? Потеря работоспособности?!»

В это время в кабинет вошли В. И. Яздовский и В. В. Ларин.

— Это что за порядок, Владимир Иванович? — накинулся Королев. — Я узнаю о неприятностях в космосе не от вас, а от других, из Москвы.

— Да это моя вина, Сергей Павлович, — заступился Парин, пощипывая короткие белые усы. — Но я подумал, что простая констатация факта ничего не даст вам. Надо было десяток минут поразмыслить.

— И как? — уже более спокойно спросил Королев, относящийся с большим уважением к знаниям и опыту В. В. Парина.

— Возможность расстройств вестибулярного аппарата мы ведь предусмотрели. Судя по словам Германа Степановича, оно не превышает нормы. Но дискомфорт есть. Думаю, что опасности пока нет.

— В чем же причина, Василий Васильевич?

— В условиях невесомости возникает нервно-эмоциональное напряжение. Оно и способствует развитию состояния, похожего на морскую болезнь. Это обязательно не для каждого человека. Но замечу, что мы не располагаем достаточными теоретическими данными, чтобы вполне объяснить влияние невесомости на организм... И тем более найти средства,

нейтрализующие ее.

— Какие вы дали Титову рекомендации?

— Он их нашел сам, — ответил Яздовский. — Титов заметил, что если он не делает головой резких движений, то дискомфорт уменьшается. Других отклонений в организме нет.

— Не скрывает? Может, рядится в тогу ненужного мужества?

— Нет-нет. И по голосу, и по данным телеметрии все нормально. Ваши сомнения, Сергей Павлович, напрасны. Поверьте мне.

— Я вам верю, Владимир Иванович. Думаю, что через час можно отправляться на Волгу.

Ученые не спеша вышли, а Королевым, несмотря на оптимистическое завершение беседы, овладело еще большее беспокойство. «Впереди еще почти двенадцать кругосветных путешествий. А если где-то есть черта, за которую переходить нельзя?»

Каждый новый эксперимент в космосе Королев рассматривал с точки зрения далекой перспективы, которую он представлял яснее других, и верил в осуществление самых, казалось, фантастических проектов. Главный был убежден — в процессе работ весьма полезна преемственность, как бы закономерная очередность экспериментов, их взаимозависимость друг от друга. При этом Королев умел отобрать из десятков предложений то единственное, которое могло лечь в основу совершенствования ракетно-космической техники или научного эксперимента.

Аккумулировав все разумные предложения, Королев приходил к окончательному выводу, подписывая документы. (Необоснованных отступлений от запроектированных инженерных решений по всем элементам конструкции не потерплю, — не раз говорил Сергей Павлович своему первому заместителю по ракетам В. П. Мишину. — Решение принято. Оно закон для всех. Дисциплина во всем должна быть железная».

Главный конструктор считал, что каждый новый эксперимент, каждый новый искусственный спутник Земли или межпланетный «путешественник», каждый следующий полет живого существа должны непременно быть значительным шагом вперед в познании космического пространства. А уж каждый полет человека в космос обязан приносить науке все новые сведения. Тем более что риск для космонавта всегда остается. «Как ясно у Циолковского: «Планета — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели», — очень верно, — часто думал Королев. — Но, встав из колыбели, человечество не может и не имеет права годами, как

младенец, ходить неуверенно, спотыкаясь, бесконечно держась за руку матери. Нет, у нас таким пробным шагом стал только первый. И сделал его Гагарин. Титов же должен не только закрепить достигнутое Юрой, но и значительно продвинуться дальше. Иначе незачем лететь, пускать деньги на ветер. Не на ветер, — усмехнулся про себя, — в космос. А если неудача? Если какие-то непредвиденные обстоятельства? А ведь я боюсь, боюсь, может быть, больше, чем все другие. Разволновался, сердце дает себя знать, а уж пульс наверняка чаще, чем у Титова, надо взять себя в руки. Люди ценят меня, знают о моих деловых качествах, я это чувствую. Ракеты надежно стоят на страже Родины, как не гордиться ими! Ну а если... Нет, уже невозможно снять меня с должности Главного конструктора. А впрочем, как бы ни называли, лишь бы дело оставили. Но тогда труднее будет руководить коллективом. Да, в случае неполного выполнения программы у многих опустятся руки, да и злопыхатели сразу изо всех щелей по-вылезут, прихлопнут все эксперименты. Нет, коллектив у меня крепкий, не даст в обиду. Техника не подведет, я уверен. Только эта неизвестная науке невесомость. А если в организме Германа Степановича произойдут стойкие изменения и придется прервать полет? Тогда на дверях в космос надолго повесят замок...»

Первый в истории человечества длительный космический полет советского космонавта майора Германа Степановича Титова успешно завершился 7 августа. Корабль-спутник совершил более 17 оборотов вокруг земного шара в течение 25 часов 18 минут и пролетел свыше 700 тысяч километров.

...8 августа председатель Государственной комиссии Леонид Васильевич Смирнов созвал заседание. Почти двухчасовое сообщение космонавта-два о полете ученые и специалисты слушали с необычайным интересом и вниманием. Он подробно рассказал о влиянии на него невесомости, о некотором дискомфорте, однако, не помешавшем ему внимательно следить за показаниями приборов, вести визуальные наблюдения, в нужное время брать на себя управление кораблем «Восток», послушным на всех режимах.

К заседанию комиссии подготовили фотоснимки Земли, сделанные Титовым через иллюминатор корабля.

— Вот так выглядит наша планета с высоты двести пятьдесят и триста километров. Очень красивая, — восхищался Титов, передавая аудитории несколько цветных фотоснимков.

Все собравшиеся с нескрываемым любопытством просмотрели эти

уникальные снимки Земли, самые первые, сделанные из космоса. То тут то там раздавались возгласы:

— Смотрите, как четко просматривается на горизонте кривизна нашей планеты.

— А краски какие превосходные. Голубая голубень...

— Белые облака, словно парусники на море.

— Может, стоит опубликовать эти снимки в газетах?

— Пожалуй, лучше в журналах. Там есть возможность дать их в цвете, — посоветовал Королев.

На этом и порешили. Потом Герману Титову задали еще десяток вопросов, самых разнообразных. Заканчивая заседания Госкомиссии, С. П. Королев, подробно разобрав техническую сторону полета, сделал вывод:

— Вся научная программа, заданная космонавту, выполнена им полностью. Думаю, что это и есть лучшее доказательство того, что невесомость не так уже страшна. Сокровищница человеческих знаний пополнилась новым, принципиально новым фактором. Человек может жить и работать в космосе. Я бы назвал это открытием века. Полное сохранение работоспособности человека на протяжении более чем суточного пребывания за пределами Земли — таков основной и самый важный итог полета.

«Открытием века» назвали 25-часовой полет Германа Титова и виднейшие ученые планеты. Этот эксперимент вселил уверенность, что космическое пространство может стать сферой приложения рук и разума человека.

«Космические сутки» Германа Титова стали возможны только благодаря настойчивости Сергея Павловича. Эту настойчивость, твердость характера он проявлял уже не раз — строя планер необычной конструкции, доказывая необходимость орбитального, а не баллистического полета человека в космос, отказываясь от почти готовой ракеты, осознав ее бесперспективность. В этом оказалась широта научных взглядов Королева, ясное, глубокое видение будущего космонавтики. В определении кардинальных проблем Королеву помогали «смелая фантазия, огромные знания, неистребимый оптимизм и разумная осторожность», — так считали сподвижники С. П. Королева.

Многие в тот год полагали, что Сергей Павлович осуществил все свои самые сокровенные планы. И только лучшие друзья, ближайшие соратники знали, что Королев надеется воплотить в жизнь идеи своих учителей К. Э. Циолковского и Ф. А. Цандера и послать космический корабль на Луну,

Марс. Главный все чаще вспоминал, что Константин Эдуардович мечтал о космической трассе «Калуга — Марс», а Фридрих Артурович каждое утро, придя в ГИРД, приветствовал сослуживцев словами: «Вперед, на Марс!»

В ОКБ шло проектирование беспилотной станции «Марс», ее запуск рассчитывали осуществить в конце 1962 года. Все работы, как всегда, контролировал Славный. Часто заходил к разработчикам и, желая поднять им настроение, если что-то не получалось, рассказывал:

— Вы наверняка слышали о Марсе и его спутниках Фобосе и Деймосе. Существует гипотеза, будто они полые внутри, а значит спутники — искусственные. Если она верна, стало быть, на Марсе некогда существовала высокая цивилизация, и остатки ее, по всей видимости, сохранились. Человек должен там побывать.

— Это невозможно, Сергей Павлович! — обязательно сомневался кто-то.

— Не переношу слова «невозможно». Мы с вами работаем в таких областях, где оно должно быть запрещено. Ведь оно только мешает делу, но ничего не объясняет. Достигнуть Марса, высадиться на его поверхность и благополучно вернуться — это сложнейшая научно-техническая задача, содержащая тысячи трудных частных задач. Очень хочется установить, действительно ли спутники Марса — полые. Такую задачу сейчас решить можно даже автоматами. Вы представьте, что нас может ожидать на Марсе, если спутники в самом деле искусственно созданные тела... [7]

— Одно дело, Сергей Павлович, послать автоматическую станцию весом меньше тонны, над которой мы сейчас работаем, другое — сложнейший робот, а тем более пилотируемую лабораторию, и с ее помощью провести исследования, о которых вы говорите, — возражал кто-то.

— Да, понадобится новая мощная ракета. Пока есть только эскизные проработки. Нет необходимых двигателей, но они будут. Марс потребует кораблей весом в сто и более тонн. Но все это будет. Я твердо убежден. А пока используем испытанную «Молнию». Думаю, что впряженные в нее шестьдесят миллионов лошадиных сил доставят наши первые «Марсы» к месту назначения. Но пока все дальнейшее только мечты.

1961 год. Сергей Павлович считал его едва ли не самым удачным в своей жизни. Полеты Гагарина, Титова, успешный запуск четырехступенчатой ракеты типа «Молния» с автоматической станцией «Венера-1», вторичное присвоение ему звания Героя Социалистического Труда «за особые заслуги в развитии ракетной техники».

Все ладилось, спорилось. Много задумок у Главного конструктора, и хотелось надеяться, что скоро они получат путевку в жизнь.

Осенью того же года в зале заседаний конструкторского бюро Королева появилась геологическая карта Луны — подарок Сергею Павловичу от ленинградского ученого А. В. Хабакова. Он составил ее на основании данных, полученных в результате астрономических наблюдений лунной поверхности. Карта очень нравилась Королеву. Встречаясь с учеными-астрономами, он подводил их к карте и любил повторять: «Скоро проверим, насколько она точна. Луна — будущий космодром и гигантская сырьевая база для землян...»

А вскоре порадовали прибористы, разрабатывающие установку «искусственное сердце». К концу года они передали в институт хирургии опытные образцы полярографа — макет искусственного сердца и некоторые инструменты, созданные совместными усилиями инженеров, медиков и рабочих.

В конце 1961 года начал работу XXII съезд партии. Делегатами на партийный форум ученые-коммунисты послали людей, вложивших свой труд, энергию, талант в достижения отечественной космонавтики. Среди них С. П. Королев, М. В. Келдыш, В. П. Глушко, М. К. Янгель, другие ученые, космонавты Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов.

В один из дней работы съезда Сергей Павлович встретился с М. К. Янгелем. Разговор как-то не получился. За минувшие годы он многое успел. Созданная под его руководством ракетно-космическая техника получила одобрение. Свидетельство тому — второе присвоение звания Героя Социалистического Труда. Нет, Королев не ревновал, а где-то в тайниках души даже гордился, что Янгель окончил ракетную «школу» НИИ, в которую вложен и его, Главного конструктора, многолетний опыт. Но именно этого больше всего не хотел признавать сам «ученик». Вот и сейчас, при встрече, Сергей Павлович почувствовал какую-то внутреннюю неприязнь «ученика» к своему «учителю». Какая тому причина? Ответа Королев не находил. Не кто иной, как он, оценил организаторские и инженерные способности Михаила Кузьмича, добившись назначения его своим заместителем. Сложились нормальные деловые отношения. Но они резко изменились к худшему, едва Янгель в мае 1952 года стал директором НИИ, сменив ушедшего на служебное повышение К. Н. Руднева. Прежний директор предоставлял полную свободу творчества, освобождая Главного конструктора от излишних административно-хозяйственных забот. М. К. Янгель же стал опекать Королева по мелочам, без основания вмешиваясь в его прерогативу, всячески подчеркивая свое верховенство. Стали возникать

конфликты, чем дальше, тем глубже... Хорошо, что нашлись умные люди, по-деловому, без предвзятости оценившие опасную ситуацию. М. К. Янгеля перевели руководителем в КБ, успешно начавшее работу при серийном ракетном заводе за пределами Москвы...

После встречи с Янгелем Сергей Павлович пошел в зал заседаний и сел на свое место. Настроение его испортилось. Он пытался было сосредоточиться на выступлениях делегатов, но не мог. Мысленно вернулся к встрече с Янгелем: «Крепко ты мне нервы потрепал, Кузьмич, в те годы... Я бы на твоём месте спасибо сказал коллективу НИИ за опыт и знания, что получил у нас. Кем ты пришел к нам в мае 1950 года? В лучшем случае авиационным конструктором, не построившим ни одной собственной машины, — рассуждал сам с собой Королев, — а ушел из НИИ в июне 1954 года ракетчиком. Но, признаю, талантом тебя бог не обидел...»

Раздумья Королева прервало выступление М. В. Келдыша, недавно избранного президентом АН СССР и лишь немногим известного под именем «теоретика космонавтики». Под аплодисменты съезда Мстислав Всеволодович сказал, что дальнейшие успехи ракетной техники приведут к новым выдающимся достижениям в овладении космосом. Автоматические беспилотные станции и космические корабли с человеком на борту будут проникать все дальше в космическое пространство и к планетам. Это не только позволит науке сделать громадные шаги на пути проникновения в тайны мироздания, но и создаст возможности для утверждения власти человека над природой.

Глава третья

Один замысел дерзновеннее другого

В ознаменование подвига.

Надо накапливать опыт.

А если многоместный?

Рандеву на орбите.

Советское правительство приняло решение об установлении в Москве монумента в ознаменование выдающихся достижений отечественной науки в изучении и освоении космического пространства. Первое место на открытом конкурсе занял проект архитекторов М. О. Барща, А. Н. Колчина и скульптора А. П. Файдыш-Крандиевского.

Сергей Павлович ознакомился с проектом. Кое-что ему в нем не понравилось, и он предложил встретиться с авторами монумента. Вскоре встреча состоялась, и Королев высказал творческой группе свои пожелания:

— Много инженерии. Хотелось, чтобы композиция «Космос» явилась произведением большого искусства. В ней документальность, мне думается, инженерная идея, архитектура обязаны органически слиться воедино. Одним словом, на первый план — художественную образность. Она в проекте заложена... Но требует особой выразительности.

Через несколько месяцев после обычного делового разговора с М. К. Тихонравовым Сергей Павлович спросил профессора:

— Вы не очень заняты завтра, Михаил Клавдиевич?

— Да как всегда.

— Звонил скульптор Файдыш — это один из авторов обелиска «Космос», — приглашал к себе в мастерскую. Он хочет показать лепные этюды портрета Циолковского.

— Охотно составлю вам компанию, Сергей Павлович.

Деревянный дом и мастерская Файдыша находились недалеко от станции метро «Сокол». Андрей Петрович встретил гостей у дома. Разделись, прошли в мастерскую. На вошедших с разных сторон смотрели скульптурные портреты Циолковского. Сергей Павлович и Михаил Клавдиевич очень внимательно рассматривали вылепленные из глины этюды головы Константина Эдуардовича.

— Мне думается, что вот этот портрет удачнее, — первым сказал

Тихонравов. — В нем схвачено мгновение одухотворенности.

— Очень верно вы подметили, Михаил Клавдиевич, — именно одухотворение. Кстати, именно его и недостает в памятнике, что установлен у академии Жуковского. А вам из своих набросков какой больше нравится, Андрей Петрович? — поинтересовался Королев.

— Наверное, тот, который я еще не выполнил, — усмехнулся Файдыш. — Но пока тот, который назвали вы.

Разговор невольно зашел об искусстве. Тихонравов, сам любивший писать картины, признался, что он больше всего любит работы старых мастеров. Сергей Павлович вспомнил свое посещение в Киеве знаменитого Софийского собора.

— Никогда не забуду Христа, смотревшего с верхнего купола собора. Его глаза, полные добра, смотрели на людей, словно призывая к миру... Много позднее в Третьяковской галерее увидел другого — строгого, даже воинственного. Да, художники древности — подлинные сыны своего времени.

— Их кисть — это перо летописца, — согласился Файдыш. — А как вы относитесь к современному искусству? — обратился скульптор к гостям.

— Оно очень разное, — заметил Тихонравов. — Я приемлю всякие веяния, кроме абстрактного — бездушного, холодного, даже отталкивающего своей жесткостью.

— Я тоже сторонник искусства, которое воздействует на сердце и разум, — сказал Королев. И, обращаясь к Файдышу, добавил: — Приезжайте к нам на выставку народных художников. У нас охотно бывают художники-профессионалы, разбирают достоинства и недостатки картин. Создано специальное жюри. Оно определяет победителей, комиссия отбирает полотна на вернисажи областного масштаба. Однажды мне очень понравилось выставленное там полотно «Кибальчич в крепости» самодеятельного художника, Михаила, а вот фамилию не запомнил. Но автор объяснил, что считает полотно незаконченным. А я уж было собрался сразу послать его куда-нибудь на серьезную выставку. Да, замечательные у нас есть художники. Один раз купил два полотна. Автор настаивал на том, чтобы подарить их мне, но я понимаю, что такое творчество, какой нелегкой ценой дается успех. Об этом тяжком труде мне рассказывал Матвей Генрихович Манизер, когда работал еще над памятником великому Репину.

Кстати, у нас есть на предприятии и свои скульпторы. Будут рады с вами познакомиться, Андрей Петрович. Ну да мы далеко ушли от цели

нашего посещения, — спохватился Королев. — Отняли у вас столько времени.

— Ничего, ничего. На такие темы времени не жалко. А теперь давайте рассмотрим эскиз всей композиции «Космос».

На какое-то время наступило молчание. Вскоре Сергей Павлович поинтересовался:

— Какую ракету вы хотите увековечить там, наверху?

— Наверное, ту, первую, что была построена в начале тридцатых годов, — ответил Файдыш. — История!

— Высота всего обелиска, мне помнится, выше девяноста метров. Подлинная же гирдовская не достигала я трех. На огромной высоте она окажется слишком маленькой, невыразительной точкой. Вот вам мой совет. Надо ориентироваться на первые баллистические ракеты конца сороковых годов. Их высота пятнадцать-двадцать метров.

— Но это ракеты военного назначения, — возразил Файдыш. — Удобно ли?

— Да, ракеты военные, но оборонного назначения. А на практике долгое время служили для исследования верхней атмосферы в самых мирных целях. И в этом весь смысл. Пусть они напоминают любителям авантюр, что мы имеем на страже мира ракеты куда мощнее этой — межконтинентальные, способные нести ядерные боеголовки, но предпочитаем их использовать для мирных исследований.

Вскоре Королев и Тихонравов покинули мастерскую, но Сергей Павлович постоянно интересовался работой над композицией «Космос», был ее неофициальным консультантом и всячески помогал советом и делом.

Как-то скульптор пожаловался, что не может заполучить в мастерскую Юрия Гагарина, а без этого невозможно выполнить горельеф, на котором изображен космонавт. № 1, поднимающийся к подножию ракеты.

Файдыш обратился к Сергею Павловичу. Через пару дней Юрий Алексеевич Гагарин открыл дверь мастерской.

Но однажды Сергей Павлович едва не поругался со скульптором, который тайком, во время визитов Королева в мастерскую, сделал с него несколько набросков. И на горельефе, изображающем группу ученых, одному из них придал черты Королева.

Приехав в мастерскую поинтересоваться, как идут дела, Королев увидел горельеф, остановился напротив «себя». Резко повернулся к Файдышу.

— Это еще что? Это зачем, чтобы не было, чтобы я никогда этого не

видел!

— Сергей Павлович! Я хотел только в сконцентрированном виде передать облик ученого..

— Чтобы не бы-ло! Вы отступили от утвержденного эскиза. Нельзя.

Прошло две-три минуты в молчании. Королев немного поостыл. И в ответ на еще одну просьбу скульптора оставить все как есть сказал:

— Вот если когда-нибудь будет создана галерея портретов ученых, посвятивших себя освоению космического пространства, тогда я — к вашим услугам.

Советские ученые внимательно следили за американской космической программой, которая после полета Гагарина явно набирала темпы. Совет главных конструкторов, С. П. Королев понимали, что американская сторона явно торопится. Правительству США хотелось как можно быстрее сократить разрыв между полетами советских космонавтов и началом полетов их астронавтов, хоть сколько-нибудь восстановить национальный престиж. Первый раз полет Джона Гленна был назначен на 20 декабря 1961 года. Потом его перенесли на 16 января 1962 года. Несколько раз астронавт садился в кабину. 26 января он просидел в ней 4 часа 28 минут. И когда до старта осталось всего двадцать минут, последовала команда:

— Покинуть корабль.

Счастливым для астронавта день настал 20 февраля 1962 года. Но и он начался не так, как хотелось. Назначенный на 7.30 утра по нью-йоркскому времени старт из-за технических неполадок задержали на два с лишним часа. Снова трепка нервов. К сожалению, не последняя. Гленн держался хладнокровно. В 9 часов 47 минут «Меркурий», набирая скорость, начал подъем. Через несколько минут астронавт передал на Землю: «Чувствую себя прекрасно. Зрелище великолепное». Но не успел он завершить первый виток, как корабль по неизвестным причинам стало слегка побалтывать. Астронавт вынужден был частично перейти на ручное управление полетом. На мысе Канаверал забеспокоились, стали подумывать, а не сократить ли количество витков? Запросили мнение астронавта. Джон Гленн успокоил: «Смогу полностью выполнить намеченную программу». Через 4 часа 55 минут американский астронавт закончил трехвитковый орбитальный полет и опустился в капсуле корабля в районе Багамских островов. К нему поспешил находившийся неподалеку эсминец «Мидуэй». И еще раз не повезло Гленну: поднимаясь из капсулы, он серьезно поранил руку.

В тот же день Академия наук СССР послала в НАСА поздравительную телеграмму. Советское правительство в своем приветствии президенту

США расценило успешный полет Д. Гленна как еще один шаг в освоении космоса, поздравило по этому случаю американский народ и астронавта, высказало пожелание, чтобы обе страны объединили усилия для освоения космоса, а научные достижения шли бы на благо человека, а не использовались в целях «холодной войны» и гонки вооружений.

...В анналах истории космонавтики появились три даты: 12 апреля 1961 года — Ю. Гагарин, 6 августа 1961 года — Г. Титов, 20 февраля 1962 года — Д. Гленн. 108 минут, 25 часов и 4 часа 55 минут.

Наступила пора сделать следующий шаг.

В марте 1962 года С. П. Королев собрал расширенное заседание, посвященное обсуждению программы очередного полета. Большинство ученых, специалистов и космонавтов понимали, что готовящийся эксперимент явится принципиально новым. Но в чем его новизна?

Открывая совещание, Главный конструктор сказал, что опыт, добытый в двух первых полетах в космос с участием присутствующих здесь ученых и специалистов, космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова, позволяет перейти от одиночных путешествий к новым, групповым полетам по орбите.

— Считаю целесообразным запустить поочередно два корабля «Восток-3» и «Восток-4», — предложил С. П. Королев. — Причем вывести их на орбиту с такой точностью, чтобы они оказались в непосредственной близости друг от друга. Для осуществления этой идеи необходимо трех-четырёхсуточное пребывание людей в космосе.

Даже ближайшие сотрудники Главного не ожидали от него предложения столь неожиданного и смелого. В кабинете наступила настороженная тишина. Все замолчали, ждали, что Главный скажет дальше, чем он обоснует необходимость столь крупного шага. Многие мысленно готовились к тому, что третий полет займет двое суток, и тем более совсем не думали об одновременном полете двух кораблей, да еще на близких орбитах.

— Конечно, нужна строгая последовательность и обоснованность каждого нового шага, — не смутившись холодным приемом своего предложения, продолжал Королев. — Но разве мы с вами всему атому уделяем мало сил и времени, тщательно готовя каждый полет?

— Не слишком ли смело? — не выдержал К. Д. Бушуев.

Главный конструктор поднялся из-за стола, окинул взглядом присутствующих, потом остановился и твердо, как о давно решенном, сообщил:

— Мы бы не шли, Константин Давыдович, вперед, если бы не

решались на смелые шаги в неизвестное, — и добавил: — Разумеется, каждый такой шаг следует готовить очень продуманно. Во имя чего этот эксперимент, спросите вы? Отвечу: не за горами стыковка двух и больше летательных аппаратов в единый комплекс.

С. П. Королев обстоятельно изложил перед собравшимися цели и задачи предстоящего эксперимента. Первое — отработка техники корабля в условиях многосуточного полета. Второе — отработка всех средств, обеспечивающих выведение второго корабля на орбиту в непосредственную близость к уже летающему «Востоку-3». К третьей задаче Главный отнес установление непосредственной радиосвязи между двумя кораблями при полете на различном расстоянии друг от друга.

— Весьма важно наземным службам накопить опыт по управлению полетом сразу двух кораблей, находящихся на близких орбитах. Кроме того, космонавтам во время полета в интересах наблюдения за соседним кораблем, поверхностью Земли, небесными телами надлежит провести многократную ориентацию своих летательных аппаратов с помощью ручного управления. На заранее определенных витках космонавты отсоединятся от привязной системы, удерживающей их в креслах, в свободно поплавают в кабине в пределах часа. Это поможет точнее определить, в какой мере состояние невесомости влияет на ориентацию человека в пространстве, на перемещения и так далее. Командирам полезно обменяться в космосе друг с другом сведениями об обстановке, о работе аппаратуры, сравнить результаты наблюдений. Наступит день, когда в космосе будут летать космические эскадрильи, согласовывая между собой все действия. — Сергей Павлович остановился, внимательно оглядел присутствующих. — Повторяю, не за горами решение и другой важнейшей технической задачи — соединение или стыковка кораблей. Выполнив ее, мы сможем создавать крупные орбитальные станции, которые станут служить для исследовательских целей и одновременно быть своеобразными пристанями космических кораблей. Все это позволит намного раздвинуть границы космоплавания. Одна из ступеней, ведущих к осуществлению этой идеи, — одновременный полет двух кораблей, — закончил свое выступление Главный конструктор.

И опять никто не проронил ни слова.

— Прошу высказывать мнения, — обратился Королев к присутствующим.

— Может быть, не стоит торопиться, Сергей Павлович? Все в мире признали наш космический приоритет. Мы не имеем права рисковать. Надо постепенно накапливать новые данные о возможностях человеческого

организма. Я — за двух-трехсуточный полет, не более, — твердо сказал Н. П. Каманин.

— Не имеем права рисковать, но и не имеем права слишком долго ждать, — парировал Сергей Павлович. — Нет ничего страшнее застоя.

— Так-то так, но сразу многосуточный полет — не советую. Нам пока не по силам. Опыт управления полетом из кабины корабля еще недостаточен. Лучше запустить один корабль на несколько суток, — засомневался М. К. Тихонравов.

Сергей Павлович бросил на него быстрый удивленный взгляд.

— Разрешите мне, — слово взял физиолог О. Г. Газенко. — Думается, что «сутки» Титова дают нам право сделать и новый шаг. Мы продолжим изучение влияния невесомости на организм человека за время, равное трем-четырем суткам. Получим дополнительные данные, в какой мере это явление воздействует на работоспособность человека. Кроме того, каждый новый полет — это прежде всего иная человеческая индивидуальность. Нам необходим набор статистики в этом плане, чтобы выявить какие-то закономерности. Это крайне необходимо для дальнейшего развития космонавтики, определения методов подготовки космонавтов к жизни и работе вне Земли.

— Я внимательно выслушал все «за» и «против», — заключил Королев. — Сделаем так: прошу представителей «монтекки» и «капулетти» не обнажать шпаг, а сесть за «круглый стол», проработать все варианты. — Взглянув на своего заместителя К. Д. Бушуева, добавил: — За вами, Константин Давыдович, «сбор враждующих» дворов и окончательный вариант будущего эксперимента. Да, кто там у нас наиболее вероятные претенденты на следующий полет?

— Андриян Николаев и Павел Попович, — ответил Е. А. Карпов, руководитель Центра подготовки космонавтов.

— Надо их обязательно послушать. Им лететь. — Королев повернулся в сторону космонавтов, взглянул на них и предложил: — Вот и давайте узнаем их мнение.

Первым поднялся темноголовый, кареглазый капитан, летчик-истребитель, сын крестьянина из Чувашии, лесник по первой профессии Андриян Григорьевич Николаев. Он старше Гагарина на пять, а Титова на шесть лет, и только Павел Попович моложе его на год. Для военных летчиков разница в возрасте в пять-шесть лет — дело немалое.

Многие из присутствующих знали малоразговорчивого летчика как дублера Германа Титова, знали невозмутимый характер Николаева, его любимое выражение: «Главное — спокойствие».

Ученые слышали о таком случае из биографии Андрияна Николаева. Однажды двигатель легкокрылого МИГа, на котором летал Николаев, заглох. Попытка запустить его результатов не дала.

— Немедленно оставить машину! — раздалась команда руководителя полета. В ответ прозвучало:

— Главное — спокойствие.

— Не дотянешь до летной полосы.

— Сажать буду в поле.

И посадил. А через несколько дней молодой летчик получил именные часы. В приказе отмечалось: «За мужество и самообладание при создавшейся в полете сложной воздушной обстановке наградить лейтенанта Николаева Андрияна Григорьевича ценным подарком — наручными часами «Победа».

— Много говорить не люблю и не буду, — чуть окая, сказал летчик. — Задание, если мне доверят участвовать в полете, о котором говорил Сергей Павлович, постараюсь выполнить. Чувствую себя отлично. Подготовлен неплохо.

Сергею Павловичу понравился ответ. Лицо его посветлело. Он взглянул на Поповича — коренастого, светловолосого украинца с голубыми глазами. Весельчак и песенник, трудолюбивый и упорный Попович успел окончить ремесленное училище и получить профессию столяра, потом Магнитогорский индустриальный техникум, стал строителем. Увлёкся авиацией, с отличием окончил местный аэроклуб, а затем училище летчиков. Летал на самых современных машинах.

— Пожалуйста, слушаем вас, Павел Романович, — обратился Главный к летчику.

— Чувствую себя так же хорошо, как и Николаев. Морально и физически к космическому полету готов, и если мне посчастливится принять участие в нем, сделаю все, что в моих силах, чтобы задание выполнить. Мое отношение к проекту? Полет очень интересный и нужный. Что касается готовности к нему, то убежден, что каждый из нас вполне подготовлен. — Космонавт интонацией выделил слово «вполне». — Считаю, что справлюсь с четырехсуточной работой в космосе.

— Ничего иного от космонавтов я и не рассчитывал услышать, — резюмировал Королев. — Ракеты-носители уже есть, корабли проходят последние наземные испытания, летчики готовы к полету. Чего ждать? Надо шагать вперед.

Закончив совещание, Сергей Павлович почувствовал легкое недомогание. «Что-то сердце «застучало»? Все вроде в порядке. Меня

поддерживают. Я думаю, Государственная комиссия согласится на групповой полет. Но что же так плохо? Где мой валидол? — Он положил под язык таблетку, подержал несколько минут. — Видно, правду говорят: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Снял телефонную трубку, попросил соединить с приборным отделом.

— Анатолий Григорьевич? Однофамилец мой дорогой, вы не могли бы мне доложить, как там с проектом высокой медицины? Готовы сообщить и даже показать? Вот как? — заинтересовался Королев. — Заходите. Жду.

Минут через пятнадцать в комнату вошел инженер-приборист Анатолий Григорьевич Королев. Сергей Павлович встал, пожал ему руку и признался, что сердце что-то побаливает: «Вот и вспомнил о вас — «сердечниках».

Инженер выложил на стол продолговатый грушевидный предмет с трубками.

— Что это у вас за орудие пытки? — взглянув на предмет, пошутил Королев.

— Образец искусственного сердца ИС. Королев взял прибор, взвесил на ладони.

— Тяжеловат. Не меньше килограмма. Почти в три раза больше человеческого.

Главный подробно расспросил о возможностях искусственного сердца, о реальных сроках применения.

— Прибор еще не отработан и тем более еще окончательно не испытан. В действии я его поэтому показать не могу, — ответил инженер.

— Жаль, — сухо заметил Сергей Павлович. — Чем могу помочь?

— У меня с собой перечень оборудования, необходимого для проведения испытаний у медиков. Правда, — Анатолий Григорьевич замялся, — здесь много импортных...

— Давайте. — И Главный размашисто подписал список требуемых приборов. — О результатах информируйте. Понадобится помощь — обращайтесь.

11 августа 1962 года начался новый космический эксперимент — групповой полет двух кораблей. Первым стартовал «Восток-3» с командиром Андрияном Николаевым. Павел Попович на «Востоке-4» присоединился к нему через сутки. Корабли, как и намечалось, вышли на близкие траектории, и космонавты сразу же установили между собой радиосвязь.

На командно-измерительном пункте космодрома, помимо дежурной

смены специалистов, круглые сутки находился кто-либо из медиков. Врачи незримо «присутствовали» в кабине кораблей. Приборы работали безотказно: они регистрировали биотоки мозга, изменения в электропроводимости кожи, нервно-психическое состояние пилота, его общее самочувствие.

По несколько раз в день к медикам заходил Главный конструктор. Знакомился с общими данными о полете, вызывал на связь то Андрияна Николаева, то Павла Поповича. Королев хотел знать, как переносят космонавты длительную невесомость и как пройдет первый запланированный эксперимент — свободное плавание в кабине корабля.

Больше всего опасались, что космонавт, отвязавшись, потом не сможет возвратиться в кресло, в котором размещены катапульта и парашютная система. Это означало бы, что ему не удастся покинуть спускаемый аппарат, а значит, и приземлиться на индивидуальном парашюте. Посадка же в кабине корабля могла быть довольно жесткой и небезопасной для человека.

Первым свободное плавание на борту «Востока» совершил Андриян Николаев. Оно началось на пятом витке и продолжалось около часа. С. П. Королев и другие члены Госкомиссии неотлучно наблюдали за происходящим в корабле через экран телевизионной установки. Впервые и миллионы людей планеты благодаря телевидению смогли наблюдать «космические будни» человека, летящего в корабле со скоростью почти восемь километров в секунду, видеть своими глазами «проявление» невесомости, как бы непосредственно участвовать в небывалом исследовании.

В конце запланированного времени Николаев благополучно вернулся в кресло, закрепил привязную систему, записал свои ощущения в бортовой журнал. Только после этого передал на Землю: «Удивительно приятное ощущение. Ни с чем не сравнимое состояние тела и души. Ничего не вешишь, ни на что не опираешься. Но делать можно все. Мозг работает четко и ясно. Все движения координированы. И зрение, и слух — все в норме. Нарушений вестибулярного аппарата не ощущал».

С. П. Королев, выслушав доклад из космоса, не утерпел, сказал стоящим возле него медикам:

— Не так страшна невесомость, как ее малюют.

— Не будем торопиться с выводами, — охладил Главного В. И. Яздовский. — Но, вероятно, пошли на пользу специальные тренировки вестибулярного аппарата. Из полета Титова мы извлекли урок. Не скрою: выход Николаева из кресла вызывает чувство оптимизма и у меня.

Но невесомость все еще загадка, вернее, не она сама, а ее воздействие на организм человека в целом.

— Да, конечно, — согласился Сергей Павлович. — Боюсь, что пока невесомость для нас главный противник. Это понятно. С земной гравитацией человек родился, под ее влиянием формировался не только он — высшее существо, а и все живое на Земле, да и только ли живое... Значит, в корабле человек может свободно плавать? — сказал после раздумий Королев. — А ведь это утверждал еще Циолковский. Вот мы и подтвердили его научную догадку. Идем по дороге, проложенной гениальной мыслью Константина Эдуардовича. Я уверен, что долго-долго еще его идеи будут для нас путеводной звездой.

Внезапно в голове у Королева зародилась дерзкая мысль, которая словно искра уже давно то появлялась, то исчезала в его раздумьях о будущем космонавтики.

— Как вы думаете, Владимир Иванович, — спросил Главный Яздовского, — а вне корабля, в открытом космосе, человек так же будет себя чувствовать, как Николаев?

— Наверное. Разницы между невесомостью нет. И в корабле и вне его она одна и та же. Но вот солнце, вакуум и главное — психика... как разум реагирует на бездну... Не простая это штука.

— Надо просить КБ подумать о новых скафандрах, — как бы сам себе сказал Королев. — И посоветоваться с психологами. Пора.

— Вы что, хотите следующий эксперимент?.. — крайне удивился Яздовский.

— Нет, не следующий, — ответил Главный. — «Восток» для этих целей не годится. Из него можно только высунуться в открытый космос. Кажется, так намереваются поступить американцы. Это нам ничего не даст. Я думаю о свободном парении за бортом корабля. — Внезапно, оборвав себя, успокоил Яздовского: — Торопиться, конечно, не будем. Но медлить нам тоже негоже.

При очередном вечернем сеансе связи Королев снова вызвал Андрияна Николаева. Он хотел приятную информацию выслушать еще раз, да и узнать о самочувствии после титовских «роковых» шестого и седьмого витков. Именно после них космонавт-2 почувствовал известный дискомфорт — укачивание.

Сергей Павлович думал: «Повторится ли подобное в этот раз? Может, это индивидуальная особенность Титова? В какой мере усиленные тренировки вестибулярного аппарата последующих космонавтов помогают им преодолеть «морскую болезнь»?

— Я — «Заря». Как слышите меня? — начал традиционно С. П. Королев. Услышав негромкий голос Андрияна, спросил о главном: — Как переносите невесомость?

Разумно осторожный космонавт-3 успокоил Сергея Павловича, сообщил ему, что «закончил уже восьмой виток, а неприятных ощущений не наблюдал». А потом добавил:

— Резких движений много не делал, старался все делать плавно. Как учили, «Заря».

— Спасибо, — поблагодарил Королев и добавил, что наблюдает Николаева на экране телевизора. — Вид мне ваш нравится. Желаю вам доброго полета!

Так же успешно провел опыт по свободному плаванию в корабле и космонавт-4 Павел Попович. Это ободрило С. П. Королева. Но осталось все же в душе и небольшое сомнение. Нет, не в технике. В технике и на этот раз Главный конструктор не сомневался. А вот длительная невесомость? Сергей Павлович все время держал в поле зрения данные телеметрии, поступающие из космоса...

Полет кораблей «Восток-3» и «Восток-4» завершился 15 августа. Космическое путешествие Андрияна Николаева продолжалось 96 часов. За это время он облетел Землю 64 раза, пройдя путь, равный 2640 тысячам километров. Павел Попович пробыл в космосе 71 час, 48 раз облетел Землю и налетал около 1980 тысяч километров. Почти трое суток «Восток-3» и «Восток-4» находились в совместном групповом полете. Программа полета, о которой С. П. Королев говорил задолго до организации эксперимента, выполнена полностью.

— Полет космонавта Титова был глубокой пробой. Работа в космосе космонавтов Николаева и Поповича — новый важный шаг вперед, — так С. П. Королев охарактеризовал журналистам пресс-группы космодрома значение законченного эксперимента. — Теперь надо его закрепить и двинуться дальше. Космос нас хорошо принимает, — пошутил он.

А вскоре, в ноябре 1962 года, с космодрома Байконур, как и задумал Совет главных конструкторов, в звездные просторы ушла автоматическая станция «Марс-1».

— Вот мы и начали выполнять свой долг перед своими учителями, — с удовлетворением сказал Главный своим соратникам после старта. — Межпланетным сообщениям уготовано великое будущее.

«Марс» дался нелегко. Проблемы вставали одна за другой. Ракета-носитель могла поднять вес не более тысячи килограммов, а ученым хотелось разместить на борту станции массу всяких приборов.

«Не конкурс же объявлять. Может, снизить вес конструкции самой ракеты?» — размышлял Королев. Собрали проектантов, конструкторов, производственников. Долго спорили, выслушали много различных предложений, но разумных не нашли. Тогда Сергей Павлович предложил, как это иногда практиковалось в авиационных КБ:

— Тому, кто сэкономит хотя бы один килограмм веса, выплачиваю премию-Большинство отнеслись к этому предложению как к шутке. Заметив это, Сергей Павлович иронически указал начальнику конструкторского отдела, что он не умеет зарабатывать деньги.

— Пойдемте в механический цех к рабочим, я верю в их талант.

Подошли к фрезеровщику, Сергей Павлович попросил его выбрать металл на фланце между отверстиями для болтов.

— Можете сделать?

— Могу, Сергей Павлович.

Тут же на глазах у всех собравшихся фрезеровщик выполнил задание Главного.

Сергей Павлович попросил взвесить стружку — около трех граммов.

— Вот так-то. На граммах можно набрать десяток килограммов. А это все приборы, да не один.

Фрезеровщику выплатили премию, а начальнику отдела Королев приказал выпускать изделие в облегченном виде.

Специалисты понимали, что Королев планирует уже новый полет человека в космос. И в том, что это будет обязательно значительный вклад в науку, никто не сомневался.

А Сергей Павлович для себя уже решил, что в космос пора отправлять экспедицию из трех человек, специалистов в различных областях науки. «Это не моя прихоть, это научная необходимость, техническая тоже. Хорошо бы понаблюдать за работой систем корабля и приборов непосредственно в космосе инженеру, участвующему в создании космической техники. Рассказы космонавтов о встрече с невесомостью — важное подспорье для медиков и биологов. Но лучше, если бы в космос слетал медик и, опираясь на собственный опыт, надлежащим образом проанализировал влияния космических факторов на членов экипажа. Наиболее подходит для этих целей врач, овладевший профессией космонавта. Кто же возглавит экипаж и сможет управлять кораблем в полете? Этим человеком желательно иметь летчика со знаниями инженера. Пора проектировать новый корабль, чтобы разместить в нем экипаж из трех человек. А может, для этой цели стоит модернизировать «Восток»? У

него есть неиспользованные резервы», — рассуждал долгими ночами Сергей Павлович.

Зайдя как-то к проектировщикам, которые находились под его непосредственным руководством, Королев как бы вскользь спросил их:

— Нет ли возможности разместить в спускаемом аппарате тех же размеров, что и у корабля «Восток», двух или даже трех космонавтов?

— Нет, что вы, Сергей Павлович, — почти хором ответили проектанты, — понадобится сразу три катапультируемых кресла. Да нет, просто физически им не хватит места-Сергей Павлович возражать не стал. Этим разговором он просто хотел дать толчок мыслям и фантазиям проектантов. Сам-то он твердо знал, что катапультно-парашютный метод возвращения людей с орбиты годится лишь на первых порах.

Потом Главный еще два-три раза возвращался к этому вопросу, и снова его убеждали, что нет, никак ни двух-, ни трехместный спускаемый аппарат из «Востока» не получается. Но Сергей Павлович не был бы Королевым, если бы отступил от этой задачи.

В феврале 1963 года на одном из совещаний он снова заговорил о многоместном корабле. Как бы ненароком намекнул, что если в космос послать двух-трех человек, то такой экипаж следует составить из представителей разных профессий, включая и инженеров.

Намек Королева попал точно в цель: в умах инженеров как на дрожжах стала созревать мысль, что у них есть возможность не только строить корабли, но и летать на них. Едва закончилось совещание, как сотрудники вернулись в отдел и немедленно стали думать о реализации предложения Главного, мечтая, конечно, о собственных полетах.

Однажды группу молодых специалистов пригласили к Главному конструктору. Никто не догадывался, что Сергей Павлович решил узнать, как они отнесутся к конкретному предложению стать испытателями космической техники в полетных условиях.

Королев всегда гордился потенциалом своего «молодежного» КБ. Действительно, к началу 60-х годов средний возраст его сотрудников не превышал 27 лет, даже большинству замов Главного было немногим больше сорока — сорока пяти. Но на этот раз «молодость» превзошла все его ожидания. На вопрос: «Кто из присутствующих хотел бы испытывать космическую технику непосредственно в полете?» — поднялся лес рук. Среди энтузиастов Главный увидел Алексея Елисеева, Валерия Кубасова, Виталия Севастьянова, Владислава Волкова, Николая Рукавишника, Олега Макарова, Георгия Гречко...

Глядя на сидящих перед ним молодых, полных сил и энергии

инженеров, рвущихся в космос, Королев разволновался.

— Спасибо, друзья! — дрогнувшим от волнения голосом обратился к ним Королев. — Не скрою, вы меня очень утешили. — Мы думаем о завтрашнем дне нашей страны и нередко осуждаем тех, кто заботится только о сегодняшнем. Тут нельзя быть однозначным. Я бы сказал так: сегодняшнее обязано быть воплощением прогноза наших предшественников. Мы обязаны скорректировать расхождения между вчерашним и сегодняшним и умно взглянуть в далекое завтра. Это предстоит делать нам. Согласитесь со мной, что подлинным ученым следует считать только того, кто мыслит с перспективой, хотя бы во имя двух-трех поколений. В нашем деле — это Циолковский.

Сергей Павлович еще раз взглянул на лица сидящих. Он знал их всех. С каждым из них, прежде чем сказать «добро» и подписать приказ о приеме на работу, Королев беседовал, ни в одном не ошибся...

— Все это я говорю вот к чему: Понятие «преемственность» — понятие не отвлеченное. Нельзя каждый раз все начинать сначала. Я был юношей, когда впервые прочитал ленинские слова о том, что молодежь должна поставить себе на службу все богатства, которые выработало человечество. Эти слова Ленина обращены ко всем поколениям... Мы продолжили начатое Циолковским, вам — идти дальше. Уверен, вы сделаете больше и лучше, чем мы. Я глубоко верю в вас, друзья! — и, хитро улыбнувшись, как-то просто, словно и не было чисто философского рассуждения, Королев перешел на свой повседневный язык учено-администратора. — Да, я верю в вас, но и спрашивать с каждого буду в сто крат больше, чем раньше. Так что терпите и не обижайтесь. Вначале перегрузки на Земле, а потом уже в космосе. А если говорить персонально — все зависит только от каждого из вас.

После совещания сразу же позвонил своему старому знакомому С. Н. Анохину и попросил его зайти к нему. Королев много лет знал этого удивительного летчика. Высочайшего класса испытатель самолетов, удостоенный звания Героя Советского Союза, человек исключительного мужества, к тому же он обладал душевной простотой и умением работать с людьми.

— Не возьметесь ли вы, Сергей Николаевич, за одно важнейшее дело? — сказал при встрече с летчиком Королев. — У меня вот список инженеров, желающих испытывать космическую технику. Да нет, не на Земле, — рассмеялся Королев, — а там, — и показал рукой вверх... — В принципе я одобряю их решение. Я всегда придерживался своей тактики самому строить и самому испытывать. Знаю, Сергей Николаевич, вы стоите

на другом полюсе: «Дело конструкторов — строить, это их профессия; дело испытателей — испытывать, это их профессия». И все-таки я очень прошу вас! Надо им помочь.

— Новое для меня дело. Но не откажусь. Рад сделать что-нибудь для Вас, Сергей Павлович, — согласился Анохин.

Но была у Главного конструктора еще одна тайная пока для окружающих идея. Тайная потому, что Сергей Павлович не успел еще все до конца обдумать, аргументировать. Он знал: выскажи он эту мысль вслух — противников будет много, даже не все друзья его поддержат. Инертность мышления — бич даже очень умных и образованных людей.

Настал день, когда тайное стало явным. Это случилось на совещании, где обсуждался вопрос о командирах кораблей «Восток-5» и «Восток-6», для второго совместного полета. Кандидатуру «Востока-5» обсудили и утвердили быстро: Валерий Федорович Быковский — первый комсомолец, собравшийся полететь в космос, дублер космонавта А. Н. Николаева.

— Ну а теперь — о командире «Востока-6», — Королев взглянул на нового председателя Государственной комиссии Георгия Александровича Тюлина, с которым познакомился еще в довоенные годы. — Предлагаю выбрать кого-нибудь из тех женщин, что тренируются в Центре подготовки космонавтов.

Участники совещания знали, что в Звездном городке готовятся к полету несколько женщин, но серьезно в возможность их скорых космических путешествий не верили, считали, что это уже «королевская блажь».

— Не женское это дело.

— В мое время, — парировал Королев, — не пускали девчат в авиацию, в лучшем случае — в парашютный спорт. Иным девушкам приходилось писать самому наркому Ворошилову, чтобы получить разрешение поступить в авиационное училище. А теперь вспомним минувшую войну. Когда слышу имя Валентины Степановны Гризодубовой, я мысленно снимаю шляпу и кланяюсь в пояс...

— Я согласен с вами, Сергей Павлович, — встал с места генерал Каманин. — Я знал многих военных летчиц. Их мужество и мастерство не уступало нашему, мужскому. Те женщины, которые готовятся к космическому полету, заслуживают уважения уже за то, что они в Центре подготовки космонавтов. С кем бы я ни говорил из инструкторов, никто на них не жалуется. Тренируются в полную силу и от мужчин не отстают. И Валентина, и Мария. Жанна — мать двоих детей. И у нее на все хватает сил. Да и другие не отстают.

Выступили многие ученые, но к единому мнению пока не пришли. Слово взял академик В. П. Глушко.

— Эпизодическое пребывание за пределами Земли рано или поздно перейдет в стадию «вживания» человека в новый, необычный, загадочный, суровый и вместе с тем жизненно необходимый мир. Подобное «вживание» в неизведанное уже имеет свою историю. Это эпоха великих географических открытий, освоение ледяных континентов Арктики и Антарктиды и многое другое. Во всех этих процессах активно участвуют миллионы женщин. Это так же естественно, как смена дня и ночи.

Образованнейший академик В. В. Парин заметил:

— Если обживать космос по-настоящему, если планировать не только полеты, но и пребывание на далеких планетах, а это ведь так и должно быть, иначе зачем мы все это затеяли, мы просто обязаны проверить поведение женского организма в необычных условиях. Позволю себе напомнить слова Горького: «Восславим женщину-Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир. Все прекрасное в человеке от лучей солнца и от молока матери — вот что насыщает нас любовью к жизни».

— Спасибо, Василий Васильевич. А то тут кое-кто из присутствующих, — иронически усмехнулся Королев, — готов был надеть на наших подруг паранджу. Я грешным делом боялся, что сыны матерей захлопнут женщинам не то что дверь в космос, а в Академию наук СССР. Вопрос в принципе решили, но до поры до времени даже на космодроме мало кто знал о предстоящем полете женщины.

В июне 1963 года на космодроме Байконур снова царило оживление. Гостиницы заполнили приехавшие со всей страны специалисты. Подолгу не гасли огни в доме, где жили космонавты. Шла подготовка к совместному полету двух кораблей — «Востока-5» и «Востока-6». Волновались и сами космонавты.

Валерий Быковский детство и юность провел в Москве. В десятом классе вместе с ребятами, семнадцатилетними старшеклассниками, он записался в Московский аэроклуб. Потом — школа первоначального обучения летчиков, затем Качинское военное авиационное училище. С 1952 года Быковский — летчик. «Летает смело, грамотно, — было написано в одной из характеристик. — В полете спокоен, в усложненной обстановке решения принимает быстро».

То, что Быковский намечается командиром одного из «Востоков», готовящихся к полету в космос, уже перестало быть секретом. Состоялась его встреча с журналистами, Валерий Федорович ответил на их

бесчисленные вопросы, а потом прочитал предназначенное для опубликования в прессе необычное письмо, обращенное к сверстникам:

«Эти несколько строк я пишу на космодроме в ожидании старта. Я назначен командиром космического корабля «Восток-5». Знаю, как много сил вложил наш народ, сколько и молодых рук потрудились, чтобы все было надежно, чтобы я был спокоен. Спасибо, буду спокоен. Спасибо, друзья!

В полете со мной будет комсомольский значок. Это значок нашего с вами Коммунистического союза. Я с волнением приколю его на рубашку. Он точно такой же, как на ваших рубашках: наше знамя с силуэтом Ильича. Нам с вами всегда надо быть достойным его. Будем, друзья, мечтать, дерзать, будем делать добрые дела на Земле!» В этот момент вошел С. П. Королев. Валерий Быковский не заметил его и продолжал читать.

— Ну что же, нужные и верные слова, — дослушав до конца, заметил Сергей Павлович. Но, увидев, что Быковский смутился, Главный подбодрил его: — Читайте, читайте. Потом зайдите ко мне, есть разговор. — И ушел.

Дочитав письмо, В. Быковский извинился и поспешил к Королеву.

Он понимал — завтра старт, и эта беседа последняя и самая главная, самая откровенная, до пуска они больше не увидятся. Валерий Федорович не мог предположить, что ночью Главный конструктор придет в деревянный домик, где будут спать завтрашние герои, пройдет на цыпочках к спальням, приоткроет дверь и, убедившись, что все в порядке, пойдет к себе, чтобы слегка подремать.

— Можно, Сергей Павлович? — спросил Быковский, приоткрыв дверь кабинета Королева. — Входите, жду.

Валерий Федорович никому не рассказывал, о чем конкретно шла беседа с Главным конструктором.

А утром 14 июня, когда Быковский уже сидел в корабле, произошло непредвиденное. Пуск «Востока-5» вдруг отложили на несколько часов. Это первое ЧП в истории полетов.

Что же произошло? Буквально за полчаса до подъема ракетно-космической системы Королеву сообщили, что одна из операций, связанная с катапультированием, выполнена неверно, с отступлением от технической документации. Выслушав сообщение, Королев изменился в лице, губы задрожали, он сунул руки в карманы, будто боясь, что они без его ведома сделают что-то недопустимое.

— Вы понимаете, что это значит? — накинулся он на инженера. — Катапульта бы не сработала... Быковский остался бы пленником корабля. У

нас в КБ еще не готова система мягкой посадки. Кто этот разгильдяй? Кто? Немедленно выгнать к чертовой матери и вас тоже. Тоже! Вы где были? Сколько раз надо говорить: тщательность и еще раз тщательность. Тщательность в малом и большом. Во всем.

Инженер стоял ни жив ни мертв. Наконец, Королев выговорился, взял себя в руки. Рывком схватил микрофон «Земля — борт корабля».

— Валерий Федорович, — начал Королев как можно спокойнее, нам надо кое-что перепроверить в корабле. Немножко придется задержаться. Я сейчас буду у вас.

Быковский понял: если к нему поднимается сам Главный, что-то очень его не устраивает.

Поднявшись к люку корабля, Королев подробно выслушал доклад о том, как произошла «неполадка», что сделано, чтобы ее устранить. Одобрив план работы, Сергей Павлович остался с Быковским до тех пор, пока не убедился, что все сделано строго по инструкции.

Пожелав успеха и попрощавшись с космонавтом, Главный отправился в командный бункер.

Ракета-носитель вынесла «Восток-5», пилотируемый Валерием Быковским, на орбиту точно в 15 часов, в соответствии со вторым графиком полета.

Скоро старт «Востока-6», а фамилия его командира еще официально не названа. У журналистов возникали самые различные предположения. Но каково же было их изумление, когда председатель Государственной комиссии Г. А. Тюлин наконец представил им Валентину Владимировну Терешкову. Многие видели эту миловидную девушку, которая изредка появлялась в окружении Гагарина, Титова, других космонавтов. Но никто не мог предположить, что она тренируется в Центре подготовки космонавтов и скоро станет одним из них. Журналисты считали ее медицинским работником.

— На войне с белофиннами погиб мой отец, — начала рассказывать о себе Валентина. — У мамы на руках осталось нас трое — сестра, брат и я. Жить стало труднее. Маме нелегко пришлось с нами; каждого надо одеть, обуть, накормить, дать образование. Вспоминая эти годы, мама и сейчас нередко говорит нам; «Что стало бы с нашей семьей, если бы не Советская власть? Батрачили бы на богатеев». Окончив семилетку, я пошла на производство, продолжая образование в вечерней школе рабочей молодежи. Окончила техникум. За годы, которые я проработала на предприятиях, многому научилась. Стала заниматься парашютным спортом в ярославском аэроклубе. Молодежь ярославского текстильного комбината «Красный

Перекоп» избрала меня секретарем комитета комсомола. Заводские коммунисты оказали мне доверие, приняв в члены ленинской партии.

В комнату тихо вошел С. П. Королев. Молча сел в уголок на свободный стул. Валя засмузилась, и это заметил ученый.

— Привыкайте, привыкайте, — улыбнулся Главный. — То ли еще будет после полета, — и, обратившись к журналистам, посоветовал: — А вы поэнергичнее.

— Где вас, Валентина Владимировна, догнала весть о полете Юрия Гагарина?

— В Ярославле. В одном из цехов мы проводили комсомольское собрание. Ликовал весь коллектив комбината, все ярославцы. В тот день общественные организации по просьбе рабочих решили послать Юрию Алексеевичу приветственную телеграмму. Собрались в парткоме составить текст. Председатель фабкома Михаил Иванович Калинин подтрунил надо мной: «Ты все, Валя, с парашютом да с парашютом, прыгаешь да прыгаешь, а вон куда Гагарин махнул».

Я в то время действительно увлекалась парашютным спортом.

— Вначале мужчины полетят, а потом и мы, женщины, — не очень уверенно сказала я. Тогда я не думала, что мне так посчастливится.

— А когда вы впервые встретились с первооткрывателем космоса?

— В 1962 году. Я так волновалась. Еще бы — сам Юрий Гагарин! А сейчас мы с ним большие друзья, — и замолчала, заметив в дверях Юрия Гагарина, грозившего ей пальцем. Видимо, он стоял в коридоре и не входил к ним, не желая мешать.

— Легко на помине, — рассмеялся Королев. — Везде успевает.

— Предлагаю прения о первом космонавте мира не начинать, — нарочито строго сказал Гагарин. Потом звонко засмеялся и, подыгрывая журналистам, чуть изменив голос, обратился к Терешковой:

— Когда ваш старт, Валентина Владимировна?

— День и час назначает Государственная комиссия, — в тон Гагарину ответила Терешкова.

— Не будем мешать, — вставая, сказал Королев и, взяв Гагарина за плечи, легко подтолкнул его к выходу.

Журналисты продолжали «атаковать» Валентину Терешкову.

16 июня в 12 часов 30 минут по московскому времени начался полет отважной девушки, получившей позывной «Чайка».

Через несколько часов в космосе раздалось:

— «Ястреб»! «Ястреб»! — позывные Быковского. — Я — «Чайка»! Как слышите меня, «Ястреб»?

— Я — «Ястреб»! Поздравляю с выходом в космос.

Во время многодневного полета Валерий Быковский и Валентина Терешкова провели серию астрономических наблюдений за созвездиями, сфотографировали Солнце. Ценность этих фотоснимков заключалась в том, что получили их впервые без помех, вызываемых атмосферой. Исключительное значение имели и другие исследования, особенно визуальные наблюдения за Землей с помощью оптических приборов.

В конце пятидневного, самого длинного рейса в околоземном пространстве комсомолец Быковский обратился в Центральный Комитет КПСС с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

18 июня на связь с Быковским вышел Герман Титов.

— «Ястреб», я «Заря». Валера, поздравляю тебя! Ты член партии. Только что получили сообщение из Москвы.

— Сразу в члены партии? — не поверил Быковский.

— Да, да, — подтвердил Титов. — Все ребята тебя поздравляют и желают успешного завершения полета.

Поздравил космонавта-5 с замечательным событием в его жизни и Главный конструктор:

— Высокое тебе доверие оказано, Валерий Федорович. Поверь мне: нет большего счастья, чем быть членом партии. Ее создал сам великий Ленин. Не сочти за громкие слова. Для меня партия — это все.

После приземления космонавт-5, встретившись с Королевым, подарил ему свою фотографию, побывавшую в космосе, с надписью: «Сергею Павловичу Королеву — человечному человеку в память о полете «Востока-5». 18 июня (1963) 18.00».

«Чайка» — Терешкова, вернувшись на Землю, попросила связать ее по телефону с Главным конструктором. Она говорила с ним как дочь с отцом, которого бесконечно уважает, которому бесконечно верит. Валя кратко сообщала о космическом полете, о своем самочувствии.

— Спасибо вам за все, Сергей Павлович. Крепко-крепко целую.

Позднее Валентина Владимировна подарила Сергею Павловичу фотографию с шутливой надписью, сделанной во время полета: «Сергею Павловичу с искренним уважением. Не забудьте меня взять с собой на Венеру».

После успешного завершения совместного полета двух «Востоков» в Центр подготовки космонавтов пришло множество писем от женщин с просьбой принять их в тренировочную группу.

— Первый полет женщины в космос — яркое доказательство

равноправия советских женщин, их большого мужества, — говорил потом Сергей Павлович на пресс-конференции. — Теперь ясно, что проблема подготовки космонавтов является решенной, хотя для того, чтобы человек смог выполнить свои задачи во время эксперимента, нужна серьезная подготовка. Терешкова во время полета выполнила все необходимое: управляла кораблем, контролировала бортовые системы, вела наблюдения за земной поверхностью.

Вернувшись с Байконура домой, Сергей Павлович красочно, как это он умел делать, рассказал Нине Ивановне о полете «Чайки», признался, что она трудно перенесла перегрузки и невесомость.

— Может, не стоит пока женщинам летать в космос, а?

Нина Ивановна ничего не ответила и только пожала плечами. Замолчал и Королев, словно решая судьбу тех представительниц слабого пола, которые вместе с Терешковой овладевали новой профессией. И вдруг оживленно заговорил:

— А Быковский-то молодец! Ему пять суток в космосе, что с гуся вода. Для него невесомости словно и не было. Пять суток! А если шесть-восемь? Это же Луна. Туда и обратно! Или облет ее. Быковскому еще нет и тридцати. Успеет... А мы с «Лунниками» поторопимся...

Достал записную книжку, пометил: «Облет Луны. Возможность использования носителя УР-500 «Протон». Обсудить с В. Н. Челомеем».

Глава четвертая

Мы отковали пламенные крылья

*Инженерам летать.
Все впервые.
В открытый космос.
Доля риска не дает покоя.*

Космический корабль второго поколения трехместный «Восход» уже собирался в цехах ОКБ. В отличие от пилотируемых первенцев. «Восход» для повышения надежности получил дополнительный твердотопливный тормозной агрегат, новое приборное оборудование — вторую систему ориентации, усовершенствованные телевизионную и радиотехническую установки. Работали днем и ночью. Специалистов подгоняло желание самим слетать в космос. «Может быть, это буду я», — думал каждый из них и с удвоенной энергией брался за дело.

Внешне «Восход» походил на «Восток», но жить и работать на борту планировалось трем космонавтам. При этом объем спускаемого аппарата оставался таким же. Чтобы поместить в корабле все необходимое оборудование и экипаж, пришлось отказаться от катапультных устройств и одновременно от скафандров. Теперь космонавтам предстояло возвратиться на Землю в кабине спускаемого аппарата. Важнейшей технической новинкой явилась и система мягкой посадки.

«Новый метод посадки корабля на поверхность Земли — это надолго, — сказал как-то проектантам Сергей Павлович. — Но когда-нибудь мы вернемся к замыслу Фридриха Артуровича Цандера. Он мечтал о летательном аппарате, способном возвратиться из путешествия по безбрежным просторам космоса после входа в земную атмосферу как обычный самолет...»

Нельзя не удивиться размаху мысли, научному дерзанию, устремленности Главного: еще не опробован «Восход», а он уже мечтал о более совершенном корабле. В этом весь Королев.

Наземные испытания «Восхода» подходили к концу. Наступило время подумать об экипаже. Королев оставался верным слову: он потребовал, чтобы в состав его обязательно вошел инженер, непосредственный участник создания корабля. Симпатии Главного конструктора были на

стороне кандидата технических наук К. П. Феокистова.

Воспитанник МВТУ имени Баумана, Константин Петрович еще юношей участвовал в минувшей войне, лучше других сверстников знал цену жизни. Влюбленность в идеи космонавтики, талант и рассудительность склонили чашу весов в пользу этого инженера.

...Настал день, когда Главный конструктор вызвал к себе инженера Феокистова.

— Не передумали? — спросил он Константина Петровича, едва тот вошел в кабинет. — Врачи, к моему удивлению, сказали, что вы не так уж и здоровы. Главный маршал авиации Вершинин пошутил: «Потеснить наших хотите?!» Я ему ответил: «Нет, Константин Андреевич, хотим еще более упрочить союз инженеров и летчиков. В их союзе на Земле и в космосе вижу залог завтрашних успехов космонавтики». Вершинин согласился.

— Спасибо, Сергей Павлович, — поблагодарил Феокистов и пошел было к двери, но Главный жестом вернул его и, указав на стул, тяжело вздохнул:

— Сам бы с удовольствием полетел. Да вот мешают возраст и «двигатель», — показал рукой на сердце. — А вы, инженеры, искусственное только обещаете. — Но тут же перешел на деловой, королевский, строго уверенный тон: — Хочу, Константин Петрович, чтобы вы поняли одну истину: летит не просто Феокистов, которому я благоволю. — И не сдержавшись, рассмеялся: — Ну а что касается «стружек», которые я с вас снимал, не будьте на меня в обиде, это в интересах дела. С меня тоже крепко спрашивают там, наверху. Так вот, — вернулся Королев к начатой теме разговора, — в полет собирается первый инженер, причем инженер-разработчик, так сказать, идеолог техники. Об этом не забывайте. Об остальном — ближе к полету. В Звездном городке ждут вас.

Сергей Павлович встал из-за стола и, протянув инженеру руку, пожелал «ни пуха, ни пера».

Некоторые специалисты пытались убедить академика в целесообразности прежнего подхода к подбору экипажа, то есть только из числа летчиков. С. П. Королев спросил их:

— Вы не станете возражать, если в один прекрасный день в корабль сяду я?

— Нет, конечно. Но ваш возраст...

— Вот именно, — сухо ответил ученый. — Возраст и здоровье. Так вот настало время, когда должен — понимаете, должен! — лететь конструктор-разработчик и именно из моего конструкторского бюро. — И уже совсем

категорически закончил: — Константин Петрович Феокистов вместо меня. Считаю, что на этом можно закончить дискуссию о составе экипажа «Восхода».

Мнение Главного поддержала и Государственная комиссия. Сергей Павлович был очень доволен. Воплощался в жизнь один из его главных принципов, сформулированных еще в годы увлечения планеризмом: «Самому строить, самому испытывать, самому летать».

Итак, кандидатуру инженера утвердили. Встал вопрос — кто же будет командиром «Восхода»? Сергей Павлович предложил тридцатисемилетнего инженера-полковника Владимира Комарова, с которым он познакомился еще в 1960 году. Уже тогда в шутку Главный сказал: «Ну а вам, инженер-капитан, придется быть командиром многоместного корабля». Предложение Сергея Павловича приняли.

Кто же будет третьим членом экипажа, гадали все. Астроном? Физик? Нет, это пока рано. Предложение Сергея Павловича о полете в космос врача поддержали В. И. Яздовский, В. В. Парин и О. Г. Газенко. Медик испытает на себе невесомость, перегрузки, понаблюдает за двумя «пациентами», за своим организмом, проведет нужные исследования. Вскоре Королев познакомился с двадцатисемилетним врачом Борисом Егоровым. Его он знал меньше других. Запросил документы, характеристики. И выяснил, что молодой врач прошел практическую школу в научно-исследовательских институтах, занимающихся медико-биологическими проблемами космонавтики, научился прыгать с парашютом, входил в группу встречи космонавтов, возвращающихся из полета. Да и рекомендации получил солидные — от известных ученых психолога Ф. Д. Горбова и физиолога Н. Н. Гуровского, которых Сергей Павлович знал по совместной работе. «Подходит», — подумал Королев.

Накануне предполетных тренировок в Центре подготовки космонавтов Главный пригласил к себе основной и дублирующий экипажи в конструкторское бюро. Их сопровождал недавно назначенный руководитель Центра подготовки космонавтов Герой Советского Союза Н. Ф. Кузнецов.

— Бортинженер Константин Петрович хорошо знает корабль. Но его так же отлично обязаны знать вы, Владимир Михайлович, и вы, Борис Борисович, — напомнил Королев Комарову и Егорову. — Принцип комплектования состоит в том, что каждый член экипажа в случае необходимости обязан заменить друг друга. Вы не просто командир экипажа или бортинженер, а вы не только врач по профессии, все вы прежде всего — космонавты. Это положение я полностью отношу и к

вашему экипажу, Борис Валентинович, — обратился Главный к командиру дублирующего экипажа Вольнову. — Всякое может случиться. Готовы должны быть все.

Летом 1964 года Королевы посетили Чехословакию. Нина Ивановна надеялась, что Сергей Павлович хоть немного отдохнет, развеется. Самому же Королеву хотелось прежде всего ознакомиться с наукой, техникой, производственной жизнью страны.

27 июня Королевы прилетели в Прагу, там их встретили представители ЦК КПЧ и посол Советского Союза Михаил Васильевич Зимянин. С аэродрома поехали на виллу «Конев», названную так в честь Маршала Советского Союза И. С. Конева, который останавливался в этом доме после того, как войска, руководимые им, вышвырнули фашистов из Праги. Эта вилла стала «домом» Королевых на те два дня, которые предстояло провести в этом замечательном городе.

Во второй половине дня Нина Ивановна и Сергей Павлович познакомились с достопримечательностями столицы Чехословакии. Сопровождал их молодой, всезнающий Франтишек, так он просил его называть. Где только они не побывали! Очень понравился гостям ни с чем не сравнимый Пражский кремль — украшение Златы Праги. А потом Карлов мост с впечатляющими въездными башнями и скульптурами... Памятник национальным героям Яну Гусу и Яну Жижкс... Старая башня со знаменитыми курантами, построенная еще в четырнадцатом веке... Народный дом, где в 1912 году под руководством В. И. Ленина состоялась Шестая Всероссийская конференция РСДРП... Музей Коммунистической партии Чехословакии, экспозиция которого рассказывает о ее борьбе против фашистских оккупантов... Послевоенная Прага с кварталами новых домов современной архитектуры, красивыми парками и бульварами... Знаменитая Вацлавская площадь — место проведения парадов и торжеств...

В тот же день Королевы побывали в пантеоне, где похоронены славные сыны чехословацкого народа — первые президенты социалистической республики Клемент Готвальд, Антонин Запотоцкий. Нина Ивановна и Сергей Павлович возложили цветы у памятника советским войнам, погибшим в боях за Прагу.

В поездке по стране их сопровождал все тот же Франтишек. Маршрут путешествия проходил через крупнейшие промышленные центры Чехословакии. Королевы посетили Брно, Пльзень, Готвальд, Братиславу.

Благодаря Франтишеку поездка Королевых по стране проходила очень организованно. Гостей всюду радушно принимали, показывали все, что

хотелось Сергею Павловичу. А жажда необычного «экскурсанта» узнавать как можно больше была бесконечной.

Вероятно, давнее увлечение авиацией привело Королева в Научно-исследовательский авиационный институт и испытательную лабораторию в Летнянах, потом на авиазавод в Водоходах. На авиационном заводе в Куновицах Сергею Павловичу показали новый учебный самолет Л-200. Предложили совершить полет в качестве пассажира.

— А можно мне? — опередила мужа Нина Ивановна.

— Не боишься? Тогда попробуй, — ответил Сергей Павлович и пошел знакомиться с предприятием.

Нина Ивановна легко поднялась по трапу и села в самолет рядом с пилотом. После короткой пробежки самолет оторвался от земли и набрал высоту.

Королев из директорского кабинета наблюдал, как уверенно летает небольшой одномоторный самолетик, чем-то напоминавший ему студенческий СК-4. Припомнил, что в Коктебеле много лет назад на его планере СК летал чехословацкий летчик и очень хвалил его. Но вспомнить имя летчика Сергей Павлович так и не смог.

Вскоре самолет Л-200 совершил посадку на заводском аэродроме.

— Понравилось? — спросил Королев, встретив сияющую жену.

— Жаль, сильный ветер поднялся. Еще бы полетала. Удивительная красота.

Сергей Павлович поблагодарил летчика, похвалил и самолет, к удовольствию хозяев.

Поездка продолжалась. Узнав, что на одном из предприятий «Шкода» инженеры построили локомотив с использованием пластика, Королев решил осмотреть его — может, этот новый материал стоит использовать в космической технике. Задавая бесконечное количество вопросов на острравском комбинате «Новая Гута», Сергей Павлович задержался в кузнечном, сталепрокатном цехах.

Несколько дней Королевы познакомились со Словакией, с красавицей Братиславой, ее достопримечательностями, катались по Дунаю, побывали на холме Славы, на народных праздниках, слушали оперу Берджиха Сметаны. Большую часть времени Королев провел в научно-исследовательских учреждениях. Много нового, интересного для себя он нашел в институтах, занимающихся современными проблемами автоматизации и механизации, сварки. Возвратившись в гостиницу, Сергей Павлович записал в блокнот все заинтересовавшее его, что могло быть полезно его делу.

В конце путешествия по Чехословакии неутомимый «опекун» Франтишек сообщил Королевым, что им отведен для отдыха коттедж в Высоких Татрах, в самом живописном уголке — неподалеку от Штрбского леса. «Лучшего места для отдыха нельзя было придумать», — вспоминает Нина Ивановна. Последние дни провели в Праге, делали покупки для Андрея — внука Сергея Павловича. А для Наташи отец купил модные тогда бусы из горного хрусталя.

Перед отлетом из Праги на вилле «Конев» состоялась встреча академика Королева с секретарем ЦК КПЧ Владимиром Коуцки и заведующим отделом ЦК КПЧ Мирославом Миллером. Сергей Павлович поблагодарил чехословацких друзей за внимание, возможность ознакомиться со всем тем, что его интересовало.

— Перед моим путешествием к вам Юрий Гагарин, побывавший гостем вашего народа еще в 1961 году, говорил, что Чехословакия нам очень понравится. Он не ошибся. Я очень доволен поездкой.

Прощаясь, Королев как бы вскользь заметил:

— Юрий начал — другие продолжают. Не сомневаюсь, что на вашей земле уже растет собственный Гагарин, — рассмеялся Сергей Павлович. — Циолковский справедливо говорил: «Человечество приобретает всемирный океан, дарованный ему как бы нарочно для того, чтобы связать людей в единое целое, в одну семью».

Вернувшись в Москву, на одном из производственных совещаний С. П. Королев поделился впечатлениями от поездки в Чехословакию. Он говорил о высокой культуре научных исследований в Чехии и Словакии, применении на их предприятиях передовой технологии, рационально продуманной организации труда, жесткой экономии сырья, материалов и электроэнергии.

— Нигде не видел праздно шатающихся, как порой встретишь у нас. На «перекуры» не теряют часы. Каждый четко отвечает за свое дело. — И, повернувшись к своим заместителям, потребовал: — Наведите порядок. Сам буду проверять. Профсоюзы в Чехословакии стеной стоят за интересы производства. А у нас бездельника с работы не выгонишь — защищают. В общем, у чехословацких друзей есть чему поучиться. Учиться нам не вредно у всех, у кого есть чему, и нечего кичиться «мы первые», — Сергей Павлович взглянул мельком на маленький листочек бумаги с перечнем вопросов, на которых надо остановиться в выступлении, продолжал: — В будущем году намечено созвать совещание представителей социалистических стран. Разговор пойдет о космических проблемах. Нам следует подготовить свои предложения. Пора объединять наши успехи.

Представляете, какова будет общая мощь научно-технического потенциала?! Горы свернем. Знакомство с Чехословакией меня в этом убедило...

12 октября 1964 года начался полет первого в мире трехместного корабля «Восход». Проходил он вполне успешно: системы корабля работали отлично, настроение у экипажа приподнятое, жалели они только об одном — о своем согласии на суточный рейс. Им это показалось мало, и Константин Феоктистов в одном из сеансов связи набрался смелости:

— Здесь так много интересного, нельзя ли продлить полет еще на сутки? — попросил он.

— Вот как? — удивился Королев и тут же ответил шекспировской строкой: — «О, много есть чудес, о друг Горацио, на свете», — и вслед категоричное: — Работаем строго по программе. До встречи на Земле! — и, обернувшись к Яздовскому и Парину, с явным удовольствием сказал: — Вот ведь понравилось! А вы говорите невесомость, — добавил он, направляясь к двери.

— Интересно?! Такой технократ, — бросил вслед уходившему Главному конструктору молодой специалист, — и на тебе, Шекспир.

— Позвольте, молодой человек, — резко оборвал его обычно невозмутимый Парин. — Вы недостойно судите о Сергее Павловиче. Вы просто не знаете его, — обиделся на специалиста Василий Васильевич. — Мне посчастливилось, именно посчастливилось в редкие часы отдыха беседовать с ним. Я завидовал ему, когда он читал на память отрывки из «Войны и мира». Я заслушивался его голосом, когда он декламировал, извините за старое слово, стихи Лермонтова, Шевченко, Твардовского. А как вдохновенно звучит в его устах есенинская «Русь».

— Извините, Василий Васильевич, я не знал, да и не хотел сказать ничего плохого, — все больше сгорая от неловкости, лепетал молодой специалист.

— Сергей Павлович многосведущ по многим вопросам, далеким от его профессиональных привязанностей, — В. В. Парин еще раз с упреком взглянул на молодого инженера и вместе с Яздовским вышел с пункта связи.

— Ты действительно насчет технократа попал пальцем в небо, — упрекнул своего товарища инженер-оператор. — Со мной случился такой казус. Как-то Сергей Павлович зашел ко мне домой не помню зачем, может быть, захотел посмотреть, как живут его сотрудники, не знаю. Но, не увидев в моей комнате книг, подошел к воображаемой книжной полке и не

без иронии начал:

«У вас прекрасные книги. Русская классика, Драйзер, Уэллс, Маяковский, Станислав Лем, Ефремов... Даже Циолковский, Эйнштейн. Тут у вас и всевозможные справочники». Главный назвал примерно полсотни авторов. Я в то время считал, что незачем иметь свои книги, когда есть библиотека. Стоял и молчал. Хороший был урок моему нигилизму. А заключил свою импровизацию Сергей Павлович такими словами: «Человек без книг, как без воздуха, жить не может». Через несколько дней я обнаружил у себя на рабочем месте брошюру Циолковского. Этой книгой Сергей Павлович положил начало моей библиотеке.

— Забили меня по шляпку, что гвоздь в дерево, — поднял руки вверх инженер, что назвал Главного конструктора «технократом». — А все-таки, как ты считаешь, что наиболее характерно для Главного как ученого?

Стоявший поодаль и не вмешивавшийся до сих пор в разговор К. Д. Бушуев подошел к ним:

— Вы можете не согласиться с моим мнением. Но я с Королевым не один пуд соли съел. По моему мнению, он обладает блестящей инженерной интуицией и не менее чудесным даром видеть сверху, снизу — со всех сторон, что, где и как делается. И если что-то не так, он вовремя, именно вовремя подбросит на слабый участок свежие силы, притормозив что-то второстепенное.

— Полководец.

— Почему бы и нет? — вмешался в разговор Б. В. Раушенбах, большеголовой светлоглазый сотрудник Королева, знавший Главного еще с планерных состязаний в Крыму. Он был известным специалистом в области систем ориентации, увлекался историей, теорией искусства. Все ждали, что скажет этот эрудит.

— Для меня Королев — человек, обладающий талантом полководца. Для убедительности приведу несколько слагаемых этого высокого звания.

— Любопытно, Борис Викторович, — насторожился Бушуев.

— Во-первых, настоящий полководец обладает несгибаемой волей к победе. Этому Королеву не занимать, — начал уверенно Раушенбах, словно учитель истории. — Он умеет воодушевлять войска, вселять в них уверенность, что враг будет разбит, чего бы это ни стоило. Наконец, вещь самая удивительная и, по-моему, даже необъяснимая. Полководец всегда находится в режиме недостатка информации: он не имеет всех сведений не только о противнике, но иногда даже о своих войсках... И если этот человек настоящий полководец, он всегда примет принципиально правильное решение. Сергей Павлович владеет этим талантом — мощной и

точной интуицией...

— А наше место во всем полководческом искусстве Королева? «Винтики»? — невольно вырвалось у Бушуева. — Разве Главный один?

— Мы в лучшем случае, Константин Давыдович, всегда чувствуем себя работниками его штаба, — в той же спокойной манере ответил Раушенбах, не заметив вошедшего Королева. — В масштабах всех работ — и в далекое довоенное время, и потом — Королев остается в нашем деле полководцем.

— Ну вот что, стратеги! — насмешливо, негромко, но так, чтобы слышали все, обрезал Королев. — Пора кончать эту неуместную болтовню, — и Главный сделал несколько шагов в центр комнаты, усмехнулся краешком губ. — Но уж коли вы ее затеяли, я скажу несколько слов. Возьмем некоего отвлеченного Главного конструктора какой-то системы. Одного из тех, что составляет Совет главных конструкторов. У Главного конструктора есть прямые обязанности, за которые он морально и по закону несет прямую личную и единоличную ответственность. Скажем, исходные данные. Спорят с ним сотни людей в течение трех месяцев. Наступает момент, когда эти данные должны быть утверждены. За утвержденные данные по совести и по закону ответственность несет персонально и единолично Главный конструктор. За методику, за безопасность.

Ведь как бы методически верно ни строить работу, все равно что-то не предусмотрит, чего-то не сделаешь. А жизнь не обманешь, и это «что-то» обязательно вылезет. Разве может один Главный конструктор все предусмотреть? Не может. Это плод коллективного труда! Методику надо выработать, надо отсеять все лишнее. Надо взять главное, основное, надо установить порядок и надо его утвердить. Вот за что Главный конструктор несет персональную и единоличную ответственность.

А что касается полководца, то не согласен в самом главном. Масштабы деятельности этих людей не сравнимы с нашими уже хотя бы потому, что в их руках жизнь и смерть миллионов, а порой от их полководческого таланта зависят судьбы народов и государств. Вспомните минувшую войну и роль в ней хотя бы Георгия Константиновича Жукова.

Сергей Павлович, обратившись к журналистам, стоявшим поодаль, посетовал на то, что слишком часто в их репортажах появляется «Главный конструктор». И тут же категорически посоветовал:

— Не забывайте, все, что сделано, делается и будет сделано по созданию ракет-носителей, космических кораблей, подготовке космонавтов, — это результат усилий значительной группы ученых, конструкторов,

людей подлинного таланта. Прошу это всегда помнить. То, чего мы добились в освоении космоса, — это заслуга не отдельных людей, это заслуга всего народа, заслуга нашей партии, партии Ленина...

И не успел академик закончить фразу, как по открытой связи из далекого подмосковного Центра управления полетом раздалось предупреждение:

— Внимание всем службам! Внимание всем службам! Приступаем к проведению заключительной операции — посадке «Восхода».

— Керим Алиевич! Медиков выдвиньте вперед, — передал Королев в расчетный район приема корабля руководителю поисковой группы встречи генералу Керимову.

— О ходе дел и если возникнут трудности, немедленно докладывать мне, — потребовал от него и член Государственной комиссии, маршал авиации Сергей Игнатьевич Руденко. Его летчики отвечали за встречу экипажа на земле, эвакуацию его на космодром, доставку спускаемого аппарата в КБ Королева.

Пока все шло по графику. Сработала тормозная установка, корабль чуть затормозил скорость и вышел на траекторию спуска. Вовремя произошло разделение отсеков — приборного от спускаемого.

— Хорошо вижу парашют корабля, — доложил летчик из района встречи. — Снижение идет плавно, плавно. Минут через двадцать будут на Земле.

Сергей Павлович весь напрягся: как-то сработает система мягкого приземления. Стал мысленно подсчитывать метры, оставшиеся до земли: «Десять... Восемь-Пять... Три..» Представил себе, как в метре от земли пороховые двигатели с силой выдохнут из себя огненные струи, напряженные, будто пружины, самортизируют удар. Спускаемый аппарат практически с нулевой скоростью коснется земной поверхности... Но сработают ли? Всякое бывает...

— Сработали, — раздалось издалика. — Вокруг корабля — облако пыли.

Королев облегченно вздохнул и тут только заметил, как посветлели лица всех, кто работал на пункте связи.

— Все в порядке! На Земле! — раздался счастливый голос летчика из группы встречи. — Ходят около корабля! Машут руками!

— Десять часов сорок пять минут, — взглянув на часы, сказал Королев председателю комиссии Г. А. Тю-лину. — Точно по расписанию. Поздравляю всех и благодарю каждого за хорошую работу. Корабль «Восход» получил право на жизнь.

А в районе приземления «Восхода» ждали традиционного звонка из Кремля, послеполетного разговора Н. С. Хрущева с космонавтами. Но не дождались... Кто-то из местных партийных руководителей позвонил в Москву. «Никита Сергеевич занят сейчас... — ответили с того конца телефонного провода. — Когда понадобится, вас найдут. Дайте космонавтам отдохнуть...»

А на другой день стало известно, что состоявшийся Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н. С. Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС якобы... в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья.

С. П. Королев по-разному относился к деятельности Н. С. Хрущева, не раз встречался с ним. Ценил за то, что он проявлял, по его мнению, «подлинно государственную заботу о создании ракетной и космической техники, чутко относился к нашим идеям. Ему известны все типы ракетных машин. Никита Сергеевич побывал почти на всех ракетных заводах, знает по имени ученых и конструкторов. С ним легко говорить, можно свободно высказывать свое мнение. Хрущев внимательно выслушивал нас, высказывал свои замечания и пожелания. Понимал трудность и сложность наших дел»^[3].

Но вот недавний разговор с Хрущевым оставил в душе Королева тяжелый отпечаток. Без всяких объяснений Совет Министров СССР почти наполовину срезал ассигнования на разработку перспективных машин. На вопрос: «Почему?» — грубо ответил: «Но одному тебе кормиться от шмотка сала. Другим тоже надо дать пожевать».

Первым секретарем ЦК КПСС на том же Пленуме избрали Л. И. Брежнева.

— Ну что же, Леонид Ильич давно занимается нашими делами. Он бывал у нас в ОКБ, на космодроме, на заводах, где создается ракетная техника. Думаю, не обидит нас, — резюмировал С. П. Королев.

На торжественном митинге в Байконуре, посвященном завершению полета «Восхода», Сергей Павлович взволнованно сказал собравшимся:

— Отныне, после полета Феоктистова, дорога в космос открыта ученым. Им теперь доступны не только цифры и записи приборов, фото— и телеметрические пленки, показания датчиков. Нет, сейчас ученому доступно свое, живое восприятие событий, чувство пережитого и виденного, ему отныне предоставляется великолепная возможность вести исследование так, как он этого пожелает, тут же анализировать полученные результаты и продвигаться дальше.

Да, полет трехместного «Восхода» явился значительным достижением

советской космонавтики. Впервые — трое, впервые — люди разных профессий, впервые — без скафандров, впервые — в спускаемом аппарате, впервые — мягкая посадка, впервые — еще многое другое.

Сообщение об этом эксперименте всколыхнуло всю планету. Весь мир восторгался новой научной победой Советского Союза, никто не мог остаться равнодушным. Академия наук США свое мнение выразила в телеграмме: «Американские ученые поздравляют своих коллег по поводу нового выдающегося достижения советских конструкторов. Успешный запуск космического корабля с тремя членами экипажа является новой эрой в исследовании космоса». А американский космонавт Скотт Карпентер с изумлением заявил в печати: «Я не был бы слишком поражен, если бы два человека были посланы наверх, но три — да! Это великий подвиг. Русские, кажется, всегда делают именно то, чего мы не ожидаем!»

Но Сергея Павловича волновали и земные дела. Как бы ни был он занят подготовкой к новым космическим экспериментам, всегда находил время, чтобы узнать, как живут люди в рабочих кварталах нового района Калининграда, что их заботит, не надо ли в чем помочь. «Не помню случая, чтобы Сергей Павлович даже намеком дал понять, будто общегородскими проблемами ему заниматься некогда, а разрешать их должны только местные органы, — пишет в своих воспоминаниях бывший секретарь Калининградского ГК КПСС И. М. Черепанов. — Вклад Королева в развитие города неоценим. Это известно всем его жителям. Именно он придал высокие темпы жилищному строительству. Королев глубоко верил в могучую и плодотворную силу партийного влияния во всех сферах производственной и общественной жизни».

Заводской городок с каждым годом становился все краше. Завершилось строительство Дворца культуры, за который так ратовал Сергей Павлович. В день его открытия все тысяча двести мест зрительного зала заняли рабочие ОКБ и строители. В ту минуту, когда из-за кулис появился Сергей Павлович Королев, слегка подталкивая за плечо Юрия Гагарина, зал неудержимо зааплодировал. Так продолжалось несколько минут, пока Королев не поднял руку в знак внимания.

— Сейчас в этом зале сидят Строители с большой буквы. Одни из вас построили этот Дворец и все вокруг, другие строят ракеты, космические корабли, межпланетные станции. Это славный союз. И потому низкий поклон и русское спасибо всем сидящим в зале, — и, не дав движением руки вспыхнуть новым аплодисментам, обратился к начальнику строительства Епихову:

— Первое слово строителям земных объектов. Прошу на трибуну,

Сергей Васильевич!

Не подозревая, что ему будет предоставлено слово, да еще первому, Епихов несколько смутился и сказал всего несколько слов:

— Спасибо за похвалу, Сергей Павлович. Это мы принимаем как аванс на будущее. Нам еще у вас строить и строить. Можете не сомневаться, все сделаем в срок. Приглашаем вас на закладку новой очереди городка...

На трибуне появился Юрий Алексеевич Гагарин. Его приветствовали долгими горячими аплодисментами. Наконец зал смолк.

— Горжусь вами, строители. Мой отец плотник, немало на Гжатчине домов срубил. Да и дом, где мы жили с матерью, сделан его руками. Думаю, что профессия строителей скоро пополнится нами — космонавтами. Будем в космосе возводить города и заводы.

Вскоре большая группа строителей первой очереди городка по ходатайству С. П. Королева получила премии от Госкомитета, куда входило КБ. А городок продолжал строиться. Однажды Сергей Павлович принял участие в закладке нового многоэтажного дома.

Возвращаясь вместе с замом в КБ, Сергей Павлович пожаловался:

— Нина Ивановна просит меня, а я все забываю. Кое-какой ремонт московского дома надо бы сделать. Пошли кого-нибудь, пусть посмотрит, составит смету.

— Завтра же и пошлю, — ответил заместитель.

— Но без моей команды работы не начинайте, — попросил Королев. — Я должен раньше знать, в какую копейку все это мне обойдется.

— Сергей Павлович! При наших-то миллионах!

— Вы не поняли меня. Весь ремонт за мой счет. Ясно?

— Но государство подарило вам этот дом...

— Вот именно. И потому ремонтировать должен за свои деньги. Как все.

Через несколько дней, получив смету на ремонтные работы, Королев написал заявление председателю Госкомитета, которому подчинялось КБ:

«Прошу Вашего разрешения на проведение отдельных работ, главным образом ремонтного характера, в занимаемом мною доме № 2/28 по 6-му Останкинскому переулку силами нашего производства с оплатой всех затрат мною в установленном порядке».

Невольно бросается в глаза еще один факт скромности Сергея Павловича. Он не называет дом «мой», а считает, что лишь «занимает» его. Только получив разрешение, Королев позволил начать в доме ремонт.

Однажды, направляясь на работу, Сергей Павлович попросил водителя

задержать машину возле ВДНХ, где завершалось строительство обелиска «Космос». Обойдя всю стройку, уже на выходе встретил скульптора Файдыша. Поздоровавшись, спросил:

— Как с памятником Циолковскому, Андрей Петрович?

— Полностью готов.

— Где же он, не вижу?

— Я не рискнул его привезти сюда. Как только установят стелу, тогда...

— Разумно. Когда наметили открывать обелиск?

— В канун праздника Октября, если успеем. 4 ноября 1964 года, в день торжественного открытия композиции «Космос», Сергей Павлович приехал домой пораньше. Пообедав и немного отдохнув, он подошел к окну спальни, из которого хорошо виден обелиск, на вершине его поблескивала в лучах солнца серебристая ракета. Хотя она не воспроизводила в точности ни одну из конкретных конструкций, а была лишь символом баллистических ракет, Сергей Павлович долго стоял молча, вспоминая первые шаги отечественного ракетостроения.

— Ты не опоздаешь? — спросила Нина Ивановна.

— А ты разве не пойдешь?

— Нет. Я лучше побуду в саду. Мне это полезнее. Пойдем провожу.

Королеву понадобилось всего пятнадцать минут, чтобы дойти до места. Там, возле памятника К. Э. Циолковскому, собралась не одна сотня людей — ученые, специалисты, космонавты. Поздоровавшись со знакомыми, он подошел к экипажу «Восхода», крепко пожал всем руки. Феоктистову и Титову напомнил, что их ждет коллектив ТАСС.

— Не подведите. Я обещал.

К Королеву приблизились авторы композиции «Космос» М. О. Барц, А. П. Файдыш и А. Н. Колчин. Ученый, поздравив их с праздником, заметил:

— Ваша композиция — начало космосианы в искусстве. Появились стихи, песни, первые повести и романы, будут созданы живописные полотна, скульптура. Все это впереди.

Открылся митинг. В нем принял участие и Л. И. Брежнев.

Сергей Павлович внимательно выслушал выступление президента Академии наук СССР М. В. Келдыша, потом Ю. А. Гагарина. «Все верно говорят, но как-то буднично. Можно бы найти и другие, возвышенные слова. Сегодня это уместно. Вот на гранитном пьедестале хорошие слова высечены, — подумал Сергей Павлович и повторил уже запомнившиеся стихи Николая Грибачева:

И наши тем награждены усилья,
Что, поборов бесправие и тьму,
Мы отковали пламенные крылья
Себе,
стране
и веку своему».

Увидев, что к нему пробираются генералы Н. П. Камшин и Н. Ф. Кузнецов, направился к ним, взял под руки и чуть отвел в сторону.

— Праздник праздником, но пора и о деле подумать. Как идет подготовка к очередной работе? — обратился к ним Королев. — Не тяжело ли Беляеву? Все-таки сорок? Леонова попридержите, очень подвижен, эмоционален. А в общем-то, «лед» и «пламень» уравновесят друг друга.

— Я думаю так же, — согласился Кузнецов.

Мало кто из присутствующих на этом митинге понял бы, о чем говорили эти трое, даже если бы услышали случайно их разговор.

Готовилось новое космическое путешествие, и, как всегда, ему суждено стать новым событием в освоении космоса, событием столь дерзновенным, что превзойдет многие смелые фантазии.

Сергей Павлович, специалисты задумали на этот раз осуществить выход человека из космического корабля в открытый космос, плавание в нем, используя недлинный фал, соединенный с «Восходом».

Конечно, как всегда, нашлись противники, скептики, отрицавшие необходимость или хотя бы преждевременность нового эксперимента. При официальном обсуждении программы полета «Восхода-2» Сергей Павлович сказал своим оппонентам:

— Летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, плавая, скажем, в океане, нельзя бояться упасть за борт и не учиться плавать. Надо смотреть вперед. Одновременно с изучением космоса неминуемо освоение и использование его возможностей в интересах науки, хозяйственной деятельности людей.

— А разве мы сможем из самого космического пространства извлекать хозяйственную выгоду? — спросил кто-то язвительным голосом.

— Будем, но не сегодня, а вот то, что космонавт, вышедший в космос, обязан уметь выполнять все необходимые ремонтно-производственные работы по кораблю, вплоть до того, чтобы произвести нужную сварку и так далее, уже сегодня абсолютно очевидно. Я уже говорил об этом с академиком Патоном. Наконец, нецелесообразна дорогостоящие

космические системы поднимать на несколько суток в космос, наверное, их надо запускать на орбиту и оставлять там на весьма длительное время.

— Вы предлагаете ремонт космических систем непосредственно в космосе, ну а люди-то как же? — раздался все тот же голос.

— Корабли будут обеспечены всем необходимым для жизни экипажа. Между землей и орбитальной станцией смогут курсировать простейшие корабли, что-то вроде космических такси, доставляя сменные экипажи, оборудование, продукты. Кроме того, нельзя не предусматривать и аварийные ситуации, когда экипаж одного из кораблей окажется вынужденным перейти на борт другого. Хорошо, если удастся их со-сты-ко-вать, а если нет, то людям придется переходить через открытый космос.

— Послушали вас, как будто фантастическую книгу прочли.

— Чтобы все это стало реальностью, я и настаиваю на новом эксперименте.

Главный конструктор всегда думал об огромных затратах на создание ракетной и космической техники, предпринимал все возможное, чтобы уменьшить их. В тетради «для себя» у Королева есть и такие строки:

«Конечно, нужна типизация кабин, ракетных блоков, спускаемых аппаратов танкеров, основных систем на борту и аппаратуры, вообще разного бортового оборудования и т. д. Надо разработать и стандартизовать схему и конструкцию стыковки, причаливания, крепления, шлюзования и т. д.».

В другом, более раннем документе Главный конструктор, предлагая выбрать для эксплуатации наиболее рациональный вариант ракеты, исходил из следующего:

«В производстве будет находиться один тип серийной ракеты... а не несколько типов на разные дистанции, что весьма важно для промышленности. Однообразие типов ракет приводит к дешевизне, упрощает обучение персонала и обслуживание ракет. Большие удобства будут достигнуты и при транспортировке...»

Подготовка к полету шла полным ходом. В конструкцию корабля «Восход» вносились существенные дополнения. Специалисты создавали шлюзовую систему, необходимую для выхода в открытое пространство. А на предприятии, где разрабатывали космическую одежду, «шили» необычный скафандр, в котором человек; покинув борт корабля, мог бы жить, работать непосредственно в космической бездне.

Сергей Павлович уделял подготовке «Восхода» особое внимание и нередко первую половину дня обычно проводил у проектантов. Темп работ не устраивал Главного. Он заметил, что телефонные звонки, порой не

имеющие никакого отношения к делу, отрывают исполнителей от обсуждения технических вопросов, мешают работе. Сергей Павлович запретил телефонные разговоры в утренние часы. Но под разными предложениями они продолжались. Терпение Главного лопнуло, и он решил преподать всем урок научной организации труда. Однажды в рабочую комнату проектантов «Восхода» вошел неизвестный человек, молча отключил все телефоны, сложил их в большой мешок и ушел. Отсутствие телефонной связи в наш век! Стало расти количество нерешенных вопросов, судьба которых зависела от двух минут телефонного разговора. И только спустя несколько дней «урок» закончился, телефоны проектантам возвратили. Но одновременно последовал официальный приказ, запрещающий сотрудникам вести телефонные разговоры с кем бы то ни было до 11.30. Эти часы отводились только для творческой работы. Решение это принесло желаемые плоды. Подготовка «Восхода» к полету стала еще интенсивнее и закончилась в срок.

В один из зимних дней группа космонавтов приехала в КБ. Были среди них и Павел Беляев, Алексей Леонов, Евгений Хрунов. Встретил их сам Сергей Павлович, предложил пройти в сборочный цех. Там летчики увидели знакомый уже макет корабля «Восход». Но сбоку у него появилась какая-то камера.

— Это, друзья, шлюз, — заметив удивление космонавтов, подсказал С. П. Королев. — Через него придется выходить из кабины корабля в открытый космос.

Ближе всех подошел к шлюзу Алексей Леонов. Стоял, прикидывая в уме, что к чему.

— Алексей Архипович, — услышал он голос академика, — можете надеть скафандр и попробовать совершить первый выход.

Тут только Леонов заметил скафандр, который внешне существенно отличался от тех, в которых космонавты уже совершали полеты. Летчику помогли облачиться в него, и под руководством Сергея Павловича Леонов начал репетицию выхода в космос через шлюз. На это ушло около двух часов. Закончив работать, Леонов не скрыл:

— Дело непривычное. Порядком устал. Сергей Павлович тут же спросил:

— Что скажете, ваши замечания?

— Прежде чем начать «выход» и «вход», надо составить четкий план всей операции, — ответил космонавт.

— Очень хорошо, вот и начинайте работать. Вскоре в Звездном городке основные и дублирующие экипажи начали готовиться к

осуществлению столь необычного эксперимента.

По предложению С. П. Королева и Н. Ф. Кузнецова командиром основного экипажа утвердили самого старшего в отряде Павла Ивановича Беляева, он уже более двадцати лет прослужил в Советской Армии, успел повоевать с Японией, окончить Военно-воздушную академию. Его напарник — тридцатилетний летчик Алексей Архипович Леонов, пять лет ждавший своего часа. Он — слушатель четвертого курса Военно-воздушной инженерной академии имени П. Е. Жуковского, человек живой, веселый, особенно увлекающийся спортом и живописью.

Убедившись, что все идет в желаемом порядке: эксперимент по выходу в открытый космос утвержден, экипажи отобраны и готовятся, корабль переоснащен и практически готов к полету, Сергей Павлович решил осуществить свою давнюю мечту и съездить в Киев, в город своего детства и юности.

Осенний Киев встретил Королевых пасмурной погодой. Сергей Павлович, едва устроившись в гостинице, позвонил своему дальнему родственнику по матери Александру Николаевичу Лазаренко, который когда-то учился в Киевском политехническом институте. Хотел узнать, где похоронен его отец. Но тот не знал, и это естественно: Павел Яковлевич в семье Москаленко-Лазаренко чуть ли не предан анафеме. Сергей Павлович вышел на балкон, смотрел вдаль, ничего не видя... Ему живо представился заброшенный холмик с полусгнившим деревянным крестом. Стало не по себе.

«Отец, вот я и приехал к тебе, хотя и с большим опозданием, — прошептал Сергей Павлович. — Но моей вины тут нет. И все же — прости меня. Я не осуждаю мать, понимаю: в жизни всякое бывает, сам расстался с первой женой. Но зачем она лишила меня счастья общаться с тобой? Я ведь чувствовал, что вокруг твоего имени существует какая-то неправда. О тебе никогда не говорили в доме, не справляли ежегодных поминок, как по деду Миколу. Я смутно догадывался, что ты жив. Помню, как-то спросил у бабушки, когда та высаживала цветы на могиле деда: «А где могилка папы?» Та ничего не ответила, но братья на кладбище перестала. Правду не могла сказать, а врать не любила. Прости еще раз, отец. Я тогда твердо решил, что ты жив. Я понял, что это подразумевают тебя, когда в семье говорят: «Он — вспыльчивый не в меру, себялюбивый человек, тиран и деспот».

— Сережа, что с тобой? О чем задумался? — тронула за плечо мужа Нина Ивановна.

— Я прошу у отца прощенья. Сожалею, что я ничего не пытался о нем

узнать. Только в 1937 году бабушка рассказала мне немного об отце. «Твой отец, Сергунька, был хорошим человеком. Горяч был — верно. Но разумом бог не обидел. И на доброту был щедр. Скуповат немного — жизнь научила», — сказала она тогда. Помню, я сел к бабушке на кровать, обнял ее за плечи и спросил: «Он очень виноват перед мамой?» — «Никогда, внук, не называй отца «Он». Любил Павел Яковлевич, царство ему небесное, твою мать и тебя больше всего на свете. Мы с отцом во всем виноваты — выдали дочь замуж без ее желания. А без любви что за жизнь. Ты уж сам муж и отец», — ответила бабушка. Потом она погладила меня по голове, словно мне было десять лет, и неизвестно откуда вытащила небольшой сверток, развернула его и подала мне фотографию. Я сразу понял, что это мой отец. И знаешь, Нина, я увидел, что похож на него. Отцу на фотографии было лет тридцать, почти столько же, сколько и мне в ту пору, когда я впервые увидел этот снимок. А бабушка еще сказала: «В детстве обличем ты больше походил на мать, а сейчас — вылитый Павел Яковлевич. А уж характеры у вас — как две вишенки с одной веточки».

— Что-нибудь о его жизни тебе известно? Помнится, ты просил кого-то разузнать...

— Да разве я тебе не рассказывал? Отец всю жизнь оставался преподавателем русского языка и литературы в той самой киевской школе, в которую его приняли после отъезда из Житомира. С радостью встретив Октябрьскую революцию, он всего себя без остатка посвятил просвещению детей бывших бедняков. Особенно тяжело ему пришлось в первые годы после революции. Одна власть сменялась другой, Украину пытались оторвать от России, а отец не переставал говорить на своих уроках новым воспитанникам о славной вековой дружбе двух народов — русских и украинцев. Об этом узнали... и Павел Яковлевич едва не лишился службы. К счастью, через несколько дней Красная Армия выбила «друзей» украинского народа за пределы Родины.

Не знал Сергей Павлович, что отец его женился второй раз и душа в душу жил со своей супругой Марией Харитоновной до самой кончины. В 1925 году в семье родился сын, названный Николаем. Через несколько лет Павел Яковлевич умер. Мать не смогла дать сыну высшего образования, о чем мечтал отец. Говорят, что он внешне тоже был похож на отца, только глаза у него были материнские — серо-синие, с веселой искоркой.

Судьба Николая Королева сложилась трагически. В 1941 году Киев оккупировали войска фашистской Германии. Невыносимо трудной стала жизнь семьи. Многих юношей и девушек угнали на каторжные работы. Среди них оказался и шестнадцатилетний Николай. Попал на военный

завод. Там примкнул к движению Сопротивления и, выданный провокаторами, был казнен со своими товарищами.

...С Днепра подул порывистый ветер. Он раскидал тучи, и вот уже над древним городом светит яркое солнце. Сергей Павлович все стоял, ничего не замечая, погрузившись в свои мысли. Ему вспомнился приезд из Одессы в Киев на учебу. «Да знал бы я, что где-то в этом городе живет мой отец, нашел бы дорогу к нему. А знал ли он, что я в Киеве? Нет, конечно, не знал. Да, бабушка говорила, что много позже отец прочел в газете заметку о состязаниях планеристов в Крыму, увидел мое фото и подпись «Сергей Королев». Догадался, что это его сын, хотел приехать в Москву, но уже тяжело болел. Послал мне письмо, приглашал приехать в Киев, но письмо попало к матери. А было ли оно единственным? Кто теперь скажет?..»

Нина Ивановна, стоявшая рядом, сердцем поняла, какие мысли одолевают мужа, и решила отвлечь его от тяжелых воспоминаний.

— Сережа! Тучи уже разошлись. Солнце-то какое. Поедем, покажи мне Киев. А могилу отца мы обязательно найдем^[8].

Поездка по городу рассеяла мрачные мысли Королева. Нина Ивановна и Сергей Павлович долго стояли на Владимирской горке, любуясь прекрасной панорамой города. Потом побывали у памятника гетману Богдану Хмельницкому, горячему поборнику дружбы народов Ук-раны и России. Восхищение у обоих вызвали знаменитые фрески Софийского собора, проехали возле политехнического института, два курса которого закончил Королев. К концу экскурсии по Киеву Королев повеселел:

«Было бы время съездить в Житомир, посмотреть на домик, где родился, где сделал первые шаги по родной земле, увидел солнце...»

— Романтик ты, Сергей!

К марту 1965 года «Восход-2» прошел все наземные испытания, экипаж закончил тренировки, сдал экзамен. Королев работал на космодроме, куда за несколько дней до полета приехали Павел Беляев и Алексей Леонов. Накануне старта, 17 марта, Королев еще раз зашел в гагаринский домик, где жил экипаж в предполетные сутки. Неторопливо сняв в прихожей темно-синее ратиновое пальто, в котором всегда зимой ездил на космодром, повесив на вешалку пыжиковую шапку-ушанку, Сергей Павлович прошел в гостиную и тяжело сел на стул, что стоял возле круглого стола. Космонавты заметили: Главный выглядел очень устал. Да и не удивительно, если с 8 утра до 12 ночи на ногах.

— Снег-то на улице. Вот тебе и март, — сказал Королев, поздоровавшись. — Ну как настроение?

— Отлично, — четко, по-военному ответил Павел Беляев.

— А если просто по-человечески? — переспросил академик. Ему явно не понравился слишком официальный ответ.

— Все нормально, Сергей Павлович, — поддержал своего командира Алексей Леонов. — Вот карандаши цветные заточил, готовлюсь порисовать... Чтобы все цвета космоса... Сейчас бы километров десять на лыжах махнуть...

— Ну-ну, — Сергей Павлович улыбнулся одними глазами и, чуть склонив голову набок, цепко взглянул вначале на Леонова, потом на Беляева. Космонавты поняли: предстоит деловой разговор.

— Подготовка к старту проходит нормально. Были кое-какие неполадки, — не скрыл ученый, — они устранены, — секунду помолчал и, подойдя к главной теме беседы, еще раз напомнил: — Полет и сам эксперимент по выходу сложны. От вас требуем четкого выполнения программы. — Главный сделал снова паузу. — Вам самим следует учитывать все обстоятельства и принимать разумные решения. Всего на Земле предусмотреть невозможно. Повторяю, мы об этом не раз говорили во время тренировок: надо действовать по обстоятельствам. Земля, конечно, останется вашим советчиком, но на корабле — и собственная жизнь, и судьба эксперимента в ваших руках.

Сергей Павлович перевел дыхание, подумал, затем нащупал в кармане трубочку валидола, с которым не расставался, но в последнюю секунду решил не прибегать к его помощи.

— Если заметите неполадки, все может быть, не лезьте на рожон. Вы меня поняли? — строго предупредил Главный конструктор. — Науке не нужны рекорды, нужен серьезный научный эксперимент. Вы понимаете, как много мы ждем от него. То, что мы проведем завтра, откроет целое направление в космических исследованиях.

Королев встал, взглянул на книги, что лежали на столе, потом строго, тоном приказа произнес:

— Ложитесь-ка спать, «орелики». Завтра у вас сложная работа, — и ушел.

— Ну что ты о лыжах... — упрекнул Леонова Павел Иванович.

— Да я так, для разрядки. Выглядит он... одни глаза.

Утро 18 марта — день старта — выдалось по-весеннему ярким и солнечным. Снежная вуаль, покрывшая вчера степь, исчезла с первыми солнечными лучами. Обнажилась серовато-коричневая неприветливая земля.

Провожая у ракеты экипаж «Восхода-2», Королев по очереди обнял космонавтов и, подтолкнув чуть Леонова к ракете, сказал:

— Ты, Алеша, только выйди из корабля, а потом войди в него. И пусть тебе дует попутный солнечный ветер.

...К моменту начала эксперимента по выходу человека в космос члены Государственной комиссии собрались на КП связи, где уже установили «космические» телевизионные установки. С. П. Королев сидел рядом с дежурным оператором. К нему присоединились М. В. Келдыш, Н. А. Пилюгин, В. В. Ларин, В. П. Бармин, А. М. Исаев и Г. И. Северин — конструктор корабельного шлюза и «ле-оновского» скафандра с автоматической системой жизнеобеспечения.

— Внимание! — предупредил дежурный оператор. — «Восход» приближается к территории Советского Союза.

11 часов 30 минут. Еще секунды, и на втором витке полета на экранах возникло изображение «Восхода», правда, не такое резкое, как хотелось бы. Хорошо видно шлюзовое устройство. Вот в нем показались руки, потом голова Леонова. С орбиты доносится: «Не торопись, Леша, делай, как учили, — советовал Беляев. — Пошел! — И снова вдогонку: — Не торопись, Леша!» И вот Леонов уже за обрезом шлюза в открытом космосе. Корабль между тем мчится над планетой со скоростью около восьми километров в секунду.

— Пульс у Леонова? — потребовал Королев у телеметриста.

— Сто шестьдесят!

— Да-а! Не позавидуешь!

Стоявший рядом с Главным В. В. Парин взял руку Королева. Сергей Павлович хотел было отдернуть ее, но увидев, что это Василий Васильевич, смирился.

— Э, батенька мой, да у вас, Сергей Павлович, пульс чуть-чуть не все сто выбивает, — недовольно пробурчал Парин и, достав из кармана какую-то таблетку, молча дал ее Королеву. Тот так же молча положил лекарство в рот и снова впился глазами в экран телевизора.

Наконец из космоса раздались долгожданные слова, обращенные ко всем людям Земли:

— Че-ло-век вы-шел в кос-ми-чес-кое простран-ство! — Павел Беляев еще раз повторил: — Че-ло-век вы-шел в кос-ми-чес-кое простран-ство!

Всем, кто находился в этот момент на пункте связи, стало хорошо видно, как Леонов на небольшом расстоянии плывет вслед за кораблем.

— Смотри-ка, повернулся! — не выдержав, воскликнул кто-то.

— Развел руками, плавает!

Все это видели на экранах телевизоров и миллионы наших сограждан, и телезрители многих стран планеты.

— Первые шаги вне кабины корабля сделаны! — с нескрываемой гордостью воскликнул С. П. Королев. — Поздравляю с выходом человека в космос! Леоновские минуты в открытом космосе войдут в историю мировой космонавтики! — а про себя подумал: «Вот так же когда-нибудь из лунного корабля выйдет космонавт, твердо ступит на загадочную поверхность Луны. Обязательно ступит!»

На память пришли запомнившиеся слова из песенки Бориса Мокроусова:

...Счастья большего ради
Лунный мир обживем,
Там березки посадим,
Соловьев разведем...
Будет все по-земному,
И любовь и весна,
Только жаль, что в окно к нам
Не заглянет луна...

Дождавшись, когда Леонов вернулся в корабль, Королев подошел к Северину, пожал руку:

— Спасибо, Гай Ильич! Твой шлюз и скафандр оправдали наши надежды. — Отдав распоряжение Центру управления полетом о тщательном контроле служб за ходом эксперимента, Королев пошел к ожидавшим его журналистам.

Кажется, со времени полета Юрия Гагарина наша планета не знала другого события в космосе, которое заставило бы землян так волноваться и гордиться своим сыном. Уже вечером этого дня телетайпы, радио принесли на космодром первые отклики на новый научный эксперимент. Их здесь ждали с нетерпением.

— Посмотрите, Сергей Павлович! — предложил Главному один из его ближайших сотрудников. — Пресса Англии, Франции, Индии, Польши, Чехословакии...

Академик молча просмотрел газеты.

— Это пока публицистика, — резюмировал он. — Нам с вами необходима научная, техническая оценка. А есть что-нибудь более

существенное?

— Организация Объединенных Наций закончила рассмотрение вопроса о запрещении использования космоса, Луны и планет в военных целях, — неторопливо прочитал В. И. Кузнецов.

— Знаю. Это исключительной важности проблема, — несколько помрачнев, сказал Королев. — Не дай-то бог, чтобы еще Луна и планеты стали предлогом для ссоры народов. Этого допустить нельзя.

— Вот любопытное высказывание английского астронома Бернарда Ловелла, — раздался голос, — «русские опередили американцев».

— Ну и что, у нас свои возможности, у США своя программа, — заметил трезво мыслящий Мишин. — Да и в конечном счете разве так важно, кто впереди?

— Верно, верно, Василий Павлович, — подхватил Королев. — Не кружится ли у нас голова, друзья мои? Хотя мы и опережаем американцев в этом вопросе, но и отмахиваться от их опыта нельзя. Америка — страна техническая, ресурсы ее огромны. И минувшая война на ее территорию не заходила. Богатая страна. И народ ее талантлив. Чуть поморгнем — и нас могут обойти. Но отставать нам нельзя.

Полет «Восхода» продолжался строго по графику. Настолько все шло хорошо, что Королев позволил себе раньше обычного пойти отдохнуть. Его примеру последовали все другие, кроме дежурной смены на КП связи.

По программе полета посадка корабля в заданном районе намечена на утренние часы 19 марта. На КП связи космодрома, как всегда, к назначенному времени собрались члены Государственной комиссии, к микрофону подсел С. П. Королев.

— Я — «Заря», — обратился он по радиосвязи к экипажу «Восхода», — «Алмазы», приготовьтесь к завершающему этапу полета на 17-м витке. В соответствии с программой с Земли скоро будут даны все необходимые команды. Как поняли меня?

— Я — «Алмаз», — раздался ответ Беляева. — Вас понял. Приступаем к завершающей операции.

На борт «Восхода» с узла КП пошли короткие и четкие команды, необходимые для успешной посадки.

— Команда пять прошла, — прозвучал голос оператора-контролера.

— Выдать команду шесть.

— Есть выдать команду шесть.

— Команда... Команда шесть не прошла. Не прошла, — дрогнувшим голосом сообщил контролер.

— Возможно, что-то с системой ориентации, — вслух подумал Раушенбах.

Кровь отхлынула от лица Королева. Еще не осознав до конца, что произошло, он сердцем почувствовал неладное. «Не включилась тормозная... значит, нет спуска...» С трудом разжав до боли стиснутые зубы, глухо потребовал:

— Связь!

— Есть связь, Сергей Павлович, — откликнулся Гагарин. — Я — «Заря»! «Алмаз»! Я — «Заря»!

— Я — «Алмаз». Слышу вас хорошо, — неторопливо, как на тренировках, ответил командир «Восхода» Павел Беляев. Он сразу понял, что команду на спуск корабельная автоматика не приняла. Готовимся ко второму варианту посадки. Как поняли, «Заря»?

Спокойные, ровные, будто ничего не случилось, голоса переговаривающихся космонавтов вывели Главного из секундного оцепенения. Мысль его лихорадочно заработала: «Переход на ручное управление... Другого выхода нет... Какой виток? Желательно на следующем... Сместится район посадки... Это не страшно...» Вслух Сергей Павлович бросил только две фразы:

— Как учили! На следующем витке!

— Есть, понятно! — принял команду Гагарин и как можно спокойно передал экипажу: — Паша! Как учили. На восемнадцатом витке. — И, взглянув на Сергея Павловича и Мстислава Всеволодовича, добавил: — Так решила Государственная комиссия.

Переговорную трубку взял Королев:

— Все будет хорошо, — в голосе его слышалась твердость. — Ждем вас на Земле!

На этом сеанс радиосвязи закончился. До следующего — около часа.

Все, кто находился на командном пункте связи космодрома, разом заговорили. Каждый пытался высказать свое предположение о причинах случившегося.

— Может быть, сама тормозная?

— Раушенбах прав! — раздраженно согласился Главный и вышел из пункта связи. За ним пошли другие члены Государственной комиссии. И только придя в свой кабинет, С. П. Королев дал волю чувствам:

— Сколько раз испытывали эту чертову систему ориентации. На тебе, забарахлила, — нервничал Главный. — Пустяковая, совсем пустяковая. Нет, в нашем деле нет мелочей.

Все знали, что надежности техники, тщательной ее проверке С. П.

Королев придавал исключительное значение. Не раз он говорил своим сотрудникам: «Даже тогда, когда, казалось бы, все проверено и перепроверено, остается доля риска, и она не дает покоя». Но в самых сложных ситуациях он оставался собранным, деловым, не допускал ни малейшего повода для паники. Но сегодняшняя неполадка — серьезное ЧП в космосе. Несколько успокоившись, Сергей Павлович начал рассуждать вслух:

— Ориентация... Что же с ней случилось, надо же ведь, а? Корабль, как конь без узды, не хочет свернуть с дороги. Техника!.. Вот тебе и ориентация! Не дай бог, если в другую сторону махнет...

— Есть же ручная система ориентации, — напомнил Пилюгин.

— А если и она... — мрачно отозвался Главный.

— Будем надеяться на лучшее, — поддержал Келдыш.

— Одна беда всегда ведет за собой другую. Не дай-то бог, еще сама тормозная заупрямится, — не успокаивался Королев.

— Есть же резервная, — вмешался председатель комиссии Тюлин, сдерживая Королева.

— А о людях вы забыли? Это ведь люди, а не роботы... Небольшой стресс может погубить все..

— Все это так, — поддержал Королева кто-то из членов Госкомиссии. — Надо быть готовым ко всему...

— Что значит «ко всему»? — вдруг возмутился Сергей Павлович. — Я ни минуты не сомневаюсь ни в технике, ни тем более в людях. Я рассуждал вообще. У Павла Ивановича железная выдержка. Как он говорил оттуда, из космоса, вы слышали? Позавидуешь! Под стать ему и Леонов. Верно я говорю?

— Полностью согласен с вами, Сергей Павлович, — летчики не подведут, — поспешил ответить маршал авиации Руденко.

— Спасибо, Сергей Игнатьевич, за поддержку, — ответил Королев, — а то некоторые стали сомневаться, заговорили о каком-то «стрессе», — через силу улыбнулся Королев и снова обратился к членам комиссии: — Судя по расчетам, место посадки «Восхода» намного сместится в район Урала. Необходимо отдать нужные указания летчикам и всей группе встречи.

Сергей Павлович остался в кабинете один. И тут ему вспомнились его собственные строки, написанные Нине Ивановне незадолго до старта:

«Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш главный девиз: «беречь людей». Дай-то бог нам сил и умения достигнуть этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в

лучшее, хотя все мои усилия, и мой разум, и опыт направлены на то, чтобы предупредить, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное...»

— Вот оно, предчувствие, — произнес тихо Главный. — Что это за чувство? Кто знает?

В эти часы трудно было всем.

На 18-м витке командир корабля Павел Беляев вручную сориентировал корабль в пространстве. Проверив точность ориентации по показаниям приборов, включил тормозную двигательную установку. Она сработала, и корабль пошел на встречу с Землей. Он приземлился на Урале в таежном труднодоступном районе Пермской области.

Через несколько часов ТАСС передавало:

«19 марта в 12 часов 02 минуты по московскому времени космический корабль «Восход-2», пилотируемый экипажем в составе командира корабля полковника Беляева Павла Ивановича и второго пилота подполковника Леонова Алексея Архиповича, благополучно приземлился.

Посадка произведена командиром корабля полковником Беляевым с использованием системы ручного управления».

Сергей Павлович после посадки сразу связался с экипажем «Восхода» и поздравил его с успехом. Потом вызвал к себе специалистов, ответственных за работу бортовых устройств.

— Разобраться в причинах. Доложить мне. Будем обсуждать на Совете главных.

— Но и так все ясно, — попытался смягчить гнев Главного инженер Б. В. Раушенбах.

— Вам все ясно, а мне нет! Кто конкретный виновник, вы?

И быть бы буре, если бы в эту минуту не вошел А. Ф. Богомолов, специалист по космотелевидению. Радостный, а потому и не заметив, что Королев разгневан, буквально сунул Главному в руки еще не просохший фотоснимок, полученный с орбиты, о «прогулке» Леонова в космосе.

— Вы только взгляните, Сергей Павлович, — все этапы и неплохое изображение...

Королев впился в снимок. Сомкнувшиеся было на лбу брови разошлись, и чем дальше он рассматривал фотографию, тем светлее становилось его лицо.

— Молодцы! Порадовали меня, Алексей Федорович. Это же убедительнейший документ. Отпечатайте побольше и раздайте участникам свершения. Прекрасный сувенир... Как вы смотрите, Борис Викторович?!

Часы, прошедшие до приземления «Восхода», не прошли бесследно

для Главного. На висках Сергея Павловича появилось больше седины, возле глаз стала плотнее паутина морщинок, а у рта чуть глубже складки. Многие запомнили, что перед заседанием Госкомиссии Королев пошутил: «А теперь принесите для нас полкило валидола».

Американские ученые, надеявшиеся, что их соотечественник первым осуществит выход в космос в процессе подготовки полета на Луну, были сейчас крайне огорчены, узнав о советском достижении. Но не признать успеха советской космонавтики они не могли. Исполнительный директор Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства доктор Уэлш заявил журналистам: «Мы ожидали, что русские сделают что-то сенсационное, и теперь мы дождались».

Март, триумфальный март. Он придал Сергею Павловичу новые силы. Преодолевая недуг и усталость, словно торопясь сделать как можно больше, он весь этот 1965 год много дней работал на Байконуре. Здесь Главный руководил запуском автоматических станций «Луна» и «Зонд», провожал в далекий путь автоматические межпланетные станции «Венера» в надежде, что они разгадают тайны утренней красавицы. С. П. Королев все больше занимался спутниками народнохозяйственного значения «Молния» и «Метеор», хотя последний разрабатывал другой коллектив.

Но властителем дум Главного конструктора оставался все-таки новый космический корабль «Союз» и возможность провести на нем и первые технологические исследования.

Осенью 1965 года, после полета «Восхода-2», Сергей Павлович пригласил к себе в ОКБ директора Института электросварки АН УССР академика Бориса Евгеньевича Патона: хотел узнать из первых рук, как идут дела по договору о творческом сотрудничестве между КБ и институтом, заключенному еще в 1964 году.

Началась встреча необычно: посмотрели документальный фильм «Спутник связи «Молния» на орбите».

Королев сам давал пояснения:

— По нашим расчетам, «Молния» вышла на орбиту с апогеем в 40 тысяч километров. Да, именно с такой высоты спутник связи «видит» практически всю советскую территорию, обеспечивает двустороннюю передачу сигналов «Земля — «Молния» — Земля».

— Телефон, телеграф, телевидение?!

— Да, такова техническая задача. Вскоре над Землей мы создадим систему из трех спутников. Этим обеспечим непрерывную круглосуточную

связь.

— Это чудо, чудо! Как я понимаю, Сергей Павлович, «Молния» — это первая заявка на служение космоса и вашей техники непосредственно потребностям людей.

— Да, это так. В этом первейшая общечеловеческая цель изучения и освоения внеземного пространства. Думаю, что космические средства связи серьезно послужат хозяйственным нуждам землян и духовному сближению народов.

— Вот тогда скептики навсегда будут посрамлены.

— Не очень уверен, Борис Евгеньевич. Эта когорта людей вечна, как Вселенная. — Королев неожиданно рассмеялся. — Я иногда даже благодарен им. Не будь их, с кем бороться, спорить? А без борьбы мнений нет истины. Так ведь?

— Так-то оно так, — возразил Патон. — Вот если бы маловеры своим скудоумием не укорачивали нам жизнь. Она, к сожалению, всегда одна, — взглянул на часы: — Сергей Павлович, я столько отнял у вас времени...

— Вы сегодня мой гость. Нина Ивановна строго-настроено наказала без вас не приезжать... Да обо всем дома и поговорим.

— Ну коль так, я в вашем распоряжении, — сдался Патон.

...Сергей Павлович и Борис Евгеньевич по крутой деревянной лестнице поднялись на второй этаж в домашний кабинет. Хозяин нащупал рукой выключатель. Мягкий свет залил всю комнату: книжный стеллаж во всю стену, большую пальму у окна, письменный стол и приставленные к нему глубокие кожаные кресла. Сели друг против друга.

— И дома работаете, Сергей Павлович? — заметив на стене коричневую доску со следами мела, спросил гость.

— Да разве можно выключиться, если весь черепок забит делами?.. Хочешь, да не получается. А надо бы...

— Может, наши физиологи со временем создадут такое устройство — отключать мозг от всех дел, хотя бы часа на четыре-пять...

— Это идея, Борис Евгеньевич, — весело подхватил шутку Королев. — Продам ее при встрече Александру Александровичу Вишневному. Он мой должник. Мы по его заказу искусственное сердце делаем...

— Сердце! Интересно. Ракеты и сердце, — крайне изумился Патон.

Как-то сам собой разговор зашел об Украине, где родился Сергей Павлович, прожил нелегкие годы детства и юности, где его позвало к себе небо, где познал первое прекрасное чувство любви.

— Часто, думая о родных местах, закрываю глаза, и передо мной — не знающие границ хлебные поля. Дует ветерок, и мне кажется, что это не

поле, а ласковое море с отливающими на солнце золотистыми волнами. Даже в юности стихи написал:

И нивы злато редкое,
У хаты тополя,
И счастье молодецкое
Родит Земля...

— Красочнее других воспел хлебное поле наш великий земляк — Александр Довженко. Вспомните его кинофильм «Земля», — отозвался Патон. — То было. Теперь от «царицы полей» опомниться не можем — лучшие земли съела. Твердые пшеницы — под корень. Наши агрономы все еще в слезах ходят...

До всего было дело двум ученым, жившим жизнью своей страны, думами и чаяниями народа, его радостями и печалью. В их размышлениях как в зеркале отражалось все происходящее вокруг в шестидесятые годы. Вместе со всеми они гордились подвигом целинников и строителей космодрома, атомных ледоколов и станций...

Но казалось, что порой в угоду сиюминутным задачам недооцениваются фундаментальные науки.

— Помните, как умы доморощенными идеями забивали? С генетикой так расправились, что все еще не может встать на ноги, — печально произнес Патон.

— Я знал братьев Вавиловых. Сергей Иванович понимал ракетчиков и много помогал нам, особенно когда стал президентом Академии наук... А вот о кукурузе, — горько рассмеялся Королев, вспомнив один рассказ. — «Царица полей» не только поля под себя подмяла, но судьбы людей исковеркала. Расскажу вам небольшую историю. Слышал я ее из уст самого потерпевшего — председателя колхоза из Кировской области. Фамилию не помню. Все его звали Егорычем. Навязали ему сверху такой план посева кукурузы, что не осталось места под овес. «А у меня, — говорил председатель, — лошади от кукурузы морду воротят. Им подавай овес». Егорыч и схитрил. Засеял несколько гектаров овсом, а кругом его оградил кукурузой. Та на счастье вымахала в сажень, скрыла все. На второй год — тот же фокус. Но подвела его кукуруза — едва от земли на метр поднялась, а овес — в сажень. Увидел это уполномоченный из района. Взяли у нашего председателя партбилет. Все это я говорю вот к чему: и я прикрываю свой задел «кукурузой». А почему? Не в плате.

— А все-таки, Сергей Павлович, что подразумевается под вашим «овсом»?

— Лунная программа. Точнее та ее часть, которая предусматривает высадку человека. По секрету скажу, что она почти разработана. Да кое-что делаем и практически. Корабль «Союз», который мы строим, несложно модернизировать под пилотируемый «Лунник». Идет конструирование Н-1. Ее цель — поднимать в космос массы до ста тонн. А пока придется использовать ракету-носитель «Протон» конструктора Владимира Николаевича Челомея. Вы его знаете. Она может вывести на орбиту полезный вес до восемнадцати тонн. С нее специальный модуль нашей конструкции вынесет «Лунник» с двумя космонавтами на траекторию облета Лувы, это только начало. Одного облета нам мало. Важнейший шаг — высадка человека на Луну. Порядок тут такой: лунный орбитальный корабль (ЛОК) выводится с околоземной орбиты на окололунную. Там от него отстыковывается посадочный корабль и прилуняется. Совершив короткую прогулку и взяв с собой «лунный камень», человек возвращается в корабль и включает двигательную установку. Подъем Стыковка с ЛОК и старт в сторону Земли... Скоро сказка сказывается, да долго делается. Ракета «Протон» для этой цели не годится. Вот для чего мы задумали тяжелую ракету Н-1. Вы знаете, Борис Евгеньевич, наш общий знакомый Глушко строить двигатели для нее отказался. История рассудит, кто из нас прав. (Впоследствии В. П. Глушко понял правоту Королева. На созданной под его руководством универсальной транспортной космической системе «Энергия — Буран» нашли применение сверхмощные кислородно-керосиновые и кислородно-водородные двигатели. — А. Р.). Вся надежда на Николая Дмитриевича, взявшегося за новое дело. Я очень верю в него и в его коллектив. Но усложнилась вся работа. Обеспечить надежность действия каждого из тридцати двигателей первой ступени Н-1 не просто...

Сергей Павлович поднялся с кресла, подошел к окну, что во всю стену кабинета, отдернул шторы и, показывая Патону на плывущую по звездному небу Луну, с грустью продолжал:

— А она ведь ждет человека! — помолчал, потом вернулся к креслу, оперся руками на спинку. — А «овсом» называю лунный проект потому, что идет 1965 год, а все еще нет утверждающих решений высших инстанций. Наш план — 1968 год. А между тем американцы занимаются Луной с гагаринского года, не пожалев на ее «покорение» 25 миллиардов долларов. И достигли немало, используя наш опыт. Очень не хотелось бы, Борис Евгеньевич, остаться позади.

— Но ведь нельзя жить, не думая о завтрашнем дне, — с сердцем

сказал Патон. — Как же так можно... Как-то странно мы живем. То бежим, очертя голову, то дремлем, то снова вприпрыжку. Хорошим шагом ходить разучились. По-ленински ли это?

— То два обкома партии в одной области, — продолжал мысль Патона Сергей Павлович, — один для села, другой — для промышленности. То культ личности Сталина, то волюнтаризм Хрущева... Две затяжных болезни, а страдает-то от них один организм — наша Родина.

— Волюнтаризм, — прервал Патон, — покоится на незнании. Знание стоит дорого, но незнание обходится намного дороже. Могущество, сосредоточенное сегодня в руках человека, настолько значительно, что пускать его в ход, не предвидя всех последствий, работать, так сказать, на авось попросту преступно. И особенно когда мы начинаем покорять природу. Вспомним наше гигантское искусственное море, под водой которого плодороднейшие пойменные земли, луга... Вода заросла синезелеными водорослями, рыба чахнет...

— А если к тому, что вы сказали, приплюсовать нашу расточительность в отношении природных ресурсов, то им скоро наступит конец, — дополняет Королев. — Нет, Борис Евгеньевич, человеку без освоения богатств космоса не обойтись. Не использовать минеральные ресурсы близлежащих к Земле небесных тел и тем более солнечную энергию просто грешно. Закладывать основы внеземного производства пора уже сегодня. На строящемся корабле «Союз» имеется, как вы знаете, три отсека — два для жизни и труда человека. Один из них возможно в любое время разгерметизировать. Он-то и предназначен не только быть шлюзом для выхода в открытый космос, но и лабораторией для первых опытов по сварке, резке металлов. Какие есть возможности, Борис Евгеньевич?

— Мы, как указано в договоре, работаем сейчас над установкой, назовем ее условно «Вулкан». Она малогабаритна. Начали ее испытания. Думаю, до конца этого года мы сможем показать ее вам в действии...

Сергей Павлович с неослабеваемым интересом слушал несколько суховатый, деловой рассказ Патона. Его сотрудники разработали опытный стенд для проведения различных технологических экспериментов. В летающей лаборатории на самолете Ту-104 в условиях кратковременной невесомости и искусственного вакуума ведутся исследования резки, сварки и плавки металлов при помощи электронного луча, плазменной дуги низкого давления, делается попытка использовать и лучистую энергию.

— Первые опыты с установкой «Вулкан» многообещающи. Но еще понадобится длительное время, чтобы теоретически обосновать

экспериментальный материал.

— Вот это прекрасно, утешили. Я закрываю глаза и вижу десятки различных ваших установок в космосе, выполняющих монтажные работы... Не за горами строительство больших базовых платформ — плавающих вне Земли обитаемых островов.

Сергей Павлович прошелся по кабинету и размечтался... Борис Евгеньевич затаив дыхание слушал, удивляясь смелой фантазии своего собеседника. Королевские «острова» представляли перед глазами его в виде поселений с небольшими заводами-автоматами, лабораториями, оранжереями, жилыми городками... И он сам, завороченный замыслами Королева, невольно ощутил своим разумом, сколь многообещающа взвездная индустрия.

— В умных руках уникальный инструмент природы — «невесомость» и «глубокий вакуум», — размечтался и Патон, — могут дать людям новые материалы, — легкие и прочные, различные препараты для фармакологии. Если удастся там вне Земли выращивать хотя бы сверхчистые монокристаллы... Это же революция в электронной и приборостроительной промышленности. И тогда, Сергей Павлович, все затраты на «острова» окупятся сторицей.

— Добро! Добро! — в глазах Королева появился счастливый блеск. — Для меня взвездная индустрия, конечно же, не самоцель. Следуя мыслям Циолковского, все больше прихожу к выводу: человечество, оберегая земные ресурсы от полного истощения, вынуждено будет использовать бесконечные возможности соседних небесных тел. Ну, скажем, астероидов.

Вошла Нина Ивановна, прислонилась к косяку двери, ожидая, когда мужчины хотя бы прервутся на секунду. Но те не замечали ее, поглощенные беседой.

— Отлично! Помимо всего, — с воодушевлением заговорил Патон, — перенос хотя бы части производства за пределы Земли оздоровит атмосферу, водоемы, почву, поможет восстановить экологическое равновесие в природе. Дышать ведь нечем, скоро пескаря в Красную книгу занесем...

— Вот именно. Взвездная индустрия — величественная, труднейшая и необходимейшая цель всего человечества.

— Ну что же, товарищи мужчины, кажется, совещание закончилось? — воспользовавшись паузой, посмеиваясь, спросила Нина Ивановна. — Человечество, думаю, не обидится, если я ненадолго оторву вас от вечных забот о нем. Пора за стол. Прощу, Борис Евгеньевич.

— Да-да, конечно, — рассмеялся и Королев. — Со студенческих лет

привык не ждать второго приглашения за стол.

Глава пятая

Нет преград человеческой мысли

«Союзу» — быть.

Вы оправдываете наши надежды.

В неудержимом стремительном движении.

Всегда в наших сердцах.

1965 год подходил к концу. «Удачный год» — так определил для себя Главный конструктор. Человек в открытом космосе побывал. Но сейчас все силы — «Союзу».

Этот новый корабль задумывался и создавался Сергеем Павловичем исподволь, без особой огласки. Он давно решил построить многоцелевой летательный аппарат, рассчитанный на многолетнюю эксплуатацию. Разработка «Союза» повлекла за собой серьезную перестройку всего производства. Особое внимание пришлось уделить развитию приборостроения.

Главный конструктор расширил деловые контакты почти с тремястами предприятиями, научно-исследовательскими, конструкторскими организациями, которые помогали ОКБ совершенствовать системы автономного управления, радиоуправления кораблем, наземное оборудование и многое другое.

Как идет разработка «Союза»? Все ли заказано смежникам? Какие проблемы еще не решены? С этими вопросами Главный все чаще обращался к своим заместителям и начальникам отделов.

Наконец родился первый образец-макет принципиально нового корабля, и С. П. Королев пригласил к себе, как всегда, тех, кому предстояло лететь на нем.

В ОКБ приехали космонавты Ю. Гагарин, В. Комаров, Г. Береговой, Б. Волинов, Е. Хрунов, Г. Шонин, А. Филипченко, А. Горбатко, А. Шаталов, А. Николаев и инженеры, которые готовились к работе вне Земли.

— Вот это машина, — не скрывая удовольствия, воскликнул Юрий Гагарин, войдя в цех. — Посмотри, Володя, — обратился он к Комарову, — побольше двух «Востоков».

— Это «побольше», — рассмеялся Владимир Комаров, — стоило одному из разработчиков небольшой неприятности, правда, довольно

смешной. Мне об этом рассказывали на совещании, где обсуждалась компоновка «Союза». Докладчик отстаивал минимальный объем жилого отсека корабля, фактически футляр. При этом он ссылаясь на отсутствие весового резерва ракет. Сергей Павлович, заботясь об удобствах космонавта, не согласился с проектантом. Но убедить его словами не смог. Тогда Главный встал из-за стола, отвел докладчика в угол кабинета, очертил вокруг него «пяточок» размером в днище отсека-варианта, предложенного им, и попросил его остаться там до конца совещания.

— Ну и что?! — почти разом прыснули от смеха космонавты.

— В конце совещания Королев спросил у докладчика:

«Удобно ли? Судя по всему, ваше мнение изменилось?» Через некоторое время проектанты нашли способ уложиться в весовой дефицит.

— Решение правильное, — заметил Георгий Береговой, известный летчик-испытатель, решивший стать космонавтом. — Ни от кого не тайна, что полет на «Восходе» втроем оказался сложнее, чем думалось. Похоже, в новом корабле несколько отдельных отсеков?

— Разного назначения. — подтвердил Алексей Елисеев, инженер королевского ОКБ, недавно включенный в состав отряда космонавтов.

Обратив внимание на раскинутые в стороны плоскости, напоминающие крылья стрекозы, склонный к шутке Виктор Горбатко не сдержался:

— Крылышки-то можно бы поставить и потолще к этому фюзеляжу, того гляди обломаются.

В этот момент из люка корабля появился К. П. Феоктистов. Поздоровавшись, сообщил:

— Сергей Павлович немного задержится. Просил вас предупредить. Так что у вас есть время пофантазировать насчет «крылышек». А может, что-нибудь придумаете и поважнее, — без улыбки сказал инженер и ушел в другой конец цеха.

Космонавты с жадностью набросились на новую машину. Стали прикидывать примерный ее вес, длину, общий объем: сосчитали количество иллюминаторов и не заметили, как подошел Главный конструктор.

— Ну как? — спросил он своих гостей. Все разом повернулись к Королеву.

— Трудно сразу оценить, — ответил за всех Владимир Шаталов.

— И все-таки первое впечатление? — настаивал Королев.

— Форма и размеры необычные, — сказал Георгий Шонин.

— Иллюминаторов много, — обронил Борис Волынов.

— Вы нам все расскажите сами, Сергей Павлович, — попросил дотошный Евгений Хрунов.

— Успеем, Женя, — попытался погасить просьбу товарища Юрий Гагарин, жалея время Главного.

— А почему «успеем», Юрий Алексеевич? — не согласился Королев и взглянул на часы. — В моем распоряжении целых двадцать пять минут. Что же я буду за хозяин, если, пригласив гостей, не угощу вас чем-нибудь новеньким? Машина, — показал на макет, — весит почти семь тонн, состоит из трех механически соединенных отсеков. Первые два — спускаемый аппарат и обитаемый орбитальный — предназначены для труда и отдыха космонавтов, а третий — приборно-агрегатный — для размещения аппаратуры и оборудования основных систем космического корабля, обеспечивающих полет по заданной орбите и проведению нужных маневров. — Сергей Павлович, взглянув на космонавтов и довольный их реакцией, уточнил: — Прежде всего новый корабль многоцелевой и многоместный. В нем смогут летать экипажи из двух и трех человек. Но новость не в этом. На «Восходах» уже работали экипажи. Новшество в другом. Корабль имеет солнечные батареи, они намного увеличат его энергетические возможности. Это, в свою очередь, позволит разместить на борту различную энергоемкую аппаратуру для самых разнообразных исследований в области геофизики, астрономии, медицины и биологии. Ресурс всех систем корабля рассчитан примерно на 17 суток. Думаю, что вас как исследователей порадует это обстоятельство. Полеты с каждым днем будут все интереснее по своему содержанию для науки и для практических нужд народа.

Пожалуй, впервые Сергей Павлович заговорил с космонавтами о практической пользе космонавтики. Они знали, что их полеты в космос стоят недешево, что пройдет немало времени, прежде чем их исследования на борту кораблей принесут стране, народу, науке реальную выгоду.

— Пока наша с вами работа не дает явной отдачи. Но в большой науке всегда так было и так будет. Вспомним первые самолеты. Вначале они были просто зрелищем. Сам в детстве смотрел полет замечательного русского летчика Уточкина. И за «посмотреть» платили деньги. А ныне какова авиация? Без нее никуда. Да что вам говорить, сами лучше меня знаете. А мы вот с вами, — пошутил Королев, — даже зрелища устраивать не можем.

Но я верю: пройдет не так уж много лет, и мы начнем возвращать государству, народу сторицей все, что у него взяли на космонавтику. Тогда народ нам скажет «спасибо»^[9].

— А что за агрегат вот здесь, на торце отсека? — спросил у Главного Владимир Комаров.

— Стыковочный агрегат. Важнейшее преимущество новой машины. С его помощью космический корабль может состыковаться с другим или целой космической системой. Таким образом, назначение этой машины — быть также транспортным средством. С его помощью мы освоим маршрут «Земля — Космос — Земля», сможем доставлять на борт орбитальной станции научное оборудование в соответствии с программой полета, менять экипажи, обеспечивать их питанием, возвращать на Землю ненужное и так далее. При необходимости экипаж такого корабля сможет прийти на помощь другому. Но вот настанет день, когда с орбиты будут возить и готовую продукцию, нужную землянам. — Переждав, пока космонавты осознают только что сказанное и обменяются впечатлениями, Сергей Павлович продолжал: — Спускаемый аппарат нового корабля обладает очень нужным аэродинамическим качеством. Спуск планируется управляемым, и перегрузки на космонавта при возвращении с орбиты уменьшатся в сравнении с «Востоком» и «Восходом» примерно в два раза.

— А когда, Сергей Павлович, «Союз» войдет в строй? — задал вопрос Андриян Николаев.

— Через годик-два, не раньше. Корабль посложнее, и осваивать его труднее, чем прежние. Моя просьба к вам: не затягивайте с учебой. Приходите к нам и на месте изучайте отдельные узлы и системы корабля.

Королев замолчал, снова окинул добрым внимательным взглядом собравшихся. Ему нравились эти ладные парни, ступившие на тернистый путь космонавтики и сейчас, словно губка, впитывающие в себя каждое его слово. Главный видел в каждом из молодых летчиков будущего открывателя новых космических путей, мужественного испытателя новой техники, талантливого исследователя Вселенной, труженика, отдающего свои знания и энергию на пользу людям.

Вернувшись из цеха в кабинет, Сергей Павлович почувствовал боль в сердце. Оно в последнее время беспокоило его все чаще. «Надо лечиться, — решил Сергей Павлович. — А что же мои «сердечники»?» При ОКБ Королева уже действовало специальное конструкторское бюро по разработке медицинской аппаратуры. Его руководителем по совету Королева стал Евгений Васильевич Волчков. Он сумел привлечь к работе опытных конструкторов, талантливую молодежь — более шестидесяти человек. В числе их был и Владимир Аксенов, будущий космонавт СССР.

Вскоре конструкторы создали новый вариант ИС. Эксперты-медики дали ему высокую оценку. Восемь месяцев непрерывно, без перебоев,

успешно трудились сердце, созданное разумом и руками человека, сердце, вживленное двум собакам. Это был первый в медицинской практике случай долговременной имплантации инородного тяжелого предмета в организм. Животные прекрасно себя чувствовали и погибли по причинам, не связанным с необычным опытом. В процессе использования ИС медикам стало ясно, что сердце человека, каким бы больным оно ни было, нельзя пока полностью заменить искусственным. Необходимо создать установку, хотя бы помогающую живому сердцу выполнять его работу.

А. А. Вишнеvский обратился с новой просьбой к С. П. Королеву. В небольшом письме он с благодарностью отметил, что «общественное КБ Вашего предприятия создало ряд уникальных аппаратов», которые «с успехом были применены при лечении больных». Затем Александр Александрович попросил «возможно ускорить изготовление шести насосов (искусственное сердце), трех комплектов инструментов механического крепления «заплат» в сердце и четырех комплектов переходников...». На письме слева на углу наискосок Главный конструктор ракет и космических кораблей написал:

«Т. Волчкову Е. В.

Пр. Вас числа 27–28/Х дать мне необходимые данные по этому заказу.

Очень бы его хотелось выполнить...

1965. Королев».

Это была последняя «встреча» С. П. Королева с «сердечниками». В декабре 1965 года С. П. Королев работал на космодроме Байконур, руководил очередным запуском автоматической станции «Луна-8». Старт прошел успешно, и Главный улетел в Центр управления полетом, чтобы попытаться мягко посадить аппарат на лунную поверхность. Но снова неудача. Все запущенные «Лунники» пролетали мимо Селены либо разбивались о ее твердь. Королев нервничал: не рассчитывал, что потребуется так много пусков, чтобы наконец добиться желаемого. Он мечтал о дне, когда космонавты привезут ему «лунный камень», да и только ли мечтал?!

«Дождусь ли я этого? Опять сердчишко барахлит. Но я еще не старик. Шансы пожить, вероятно, есть. Хоть немного. Да вот еще слабость стала наваливаться, старею», — думал Сергей Павлович, возвращаясь в Москву.

Сразу же по приезде пошел к врачу. Его принял видный хирург, академик Петровский.

— Совсем разболелся. Сразу все старые болячки дали о себе знать. Но каюсь, как говорит моя жена, за здоровьем не слежу. Много работаю, не гуляю, не хожу пешком. Отсюда и все беды, я думаю. Беспокоит

участившееся кровотечение... Вот пришел посоветоваться.

— И правильно сделали. Раздевайтесь... После беглого осмотра врач сказал:

— Не волнуйтесь, ничего опасного. Но маленькую операцию придется пережить — небольшое новообразование.

— Вот это новость! Что же у меня?

— Я же сказал, ничего серьезного, но надо обследоваться, тогда и уточним диагноз.

— У меня много дел, самый ответственный период. Откладывать нельзя!

— Вам и не придется откладывать. Это лишь звучит громко — операция. В действительности пустяк.

— Ну если так...

— Для подтверждения диагноза придется лечь в больницу на два-три дня. Больше не задержим вас, Сергей Павлович!

14 и 17 декабря Королев провел в больнице. Исследования не показали ничего серьезного, кроме подозрительного полипа. Было решено сделать операцию.

Главный вернулся к своим обычным делам. Собрал совещание специалистов, занимающихся разработкой стыковочного узла нового корабля «Союз». Выслушав подробный отчет В. С. Сыромятникова, Сергей Павлович поторопил руководителя работ.

— Не за горами полетные испытания «Союза», — Королев стал прикидывать вслух. — Где-то в начале 1967 года неплохо бы провести пилотируемый полет. К этому времени нужна и ваша установка. А там года через четыре и орбитальная станция подоспеет.

Сергей Павлович собрался уже ехать домой, но его остановил долгий телефонный звонок — междугородный. Снял трубку. Звонили из Киева.

— Рад слышать ваш голос, Борис Евгеньевич! — узнал Королев Патона. — Да понемногу, не торопясь, поспешая. Ну, конечно же, приезжайте. Лучше до Нового года.

Киевляне привезли с собой аппарат «Вулкан», предназначенный для технологических исследований в космосе. На столе у Королева разложили серебристые образцы сварных и паяных соединений металла.

«Подарки» Б. Е. Патона сразу оказались в центре внимания сотрудников Главного конструктора, специально приглашенных космонавтов Гагарина, Титова, Комарова. После пояснений о принципах работы «Вулкана»^[4] и просмотра киноленты первым решил «поработать» на аппарате полковник-инженер Комаров.

— Оригинальное техническое решение, — похвалил он киевлян. — Удобен пульт управления экспериментом, хорошо наблюдать за ходом технологического процесса. С удовольствием испытал бы «Вулкан» в космосе.

— Не возражаю, Владимир Михайлович, — ответил космонавту Королев. — Как только обкатаем корабль «Союз» на космических дорожках, начнем и технологические исследования. А вам, Константин Петрович, — обратился Главный к Феоктистову, — следует поразмыслить, может, кого-то из наших инженеров начать готовить в первые космические электросварщики.

Сергей Павлович еще раз вернулся к «Вулкану», внимательно осмотрел образцы его продукции — металлические пластины, подошел к академику Патону.

— Спасибо вам, Борис Евгеньевич, всем, кто создавал этот прибор. Надеюсь, ваша знаменитая фирма станет отныне главным разработчиком аппаратов для великого дела — внеземной индустрии. Еще раз спасибо от всего сердца.

Последующие две недели были забиты делами до отказа. Помимо прямых, каждодневных забот, Сергей Павлович сумел прочитать рукопись книги о Ф. А. Цандере и дать автору несколько рекомендаций. Приняв участие в совещании об экспозиции павильона «Космос» на ВДНХ, он решительно высказался за ее расширение и пообещал свою помощь. Постепенно, каждый день работал над ежегодным отчетом о своей научной деятельности для Академии наук. Таково было правило, обязательное для всех академиков.

26 декабря Сергей Павлович вместе с женой приехал в Звездный городок. Его сюда давно приглашали. Нину Ивановну взяли в «плен» жены космонавтов, а Королев пошел осматривать служебный «отсек» в сопровождении начальника Центра подготовки космонавтов генерала Н. Ф. Кузнецова и его заместителя, полковника Ю. А. Гагарина. Дольше всего Сергей Павлович задержался в тренажерном корпусе.

Главный подошел к кораблю-тренажеру «Союз» и стал наблюдать за показаниями приборов.

— Кто в корабле?

— Владимир Комаров^[5], — ответил инструктор, — отрабатываем ориентацию корабля для спуска.

Королев знал, что Комаров готовился к полету на корабле «Союз». Таково пожелание самого Сергея Павловича. Он исключительно высоко

ценил инженерные знания космонавта, видел в нем первоклассного испытателя.

Получив разрешение инструктора «вмешаться» в тренировку, Королев подошел к микрофону:

— Я — «Заря», как слышите меня?

Не ожидая услышать знакомый глуховатый голос Главного конструктора, Комаров секунду молчал, потом четко ответил:

— «Зарю» слышу отлично. Прием.

— Доброе утро, Владимир Михайлович! Как самочувствие, тренировка?

— Доброе утро, Сергей Павлович, — и дальше будто рапорт: — Самочувствие отличное, все идет строго по плану.

— Желаю вам успеха!

— Спасибо.

— С Комаровым работать одно удовольствие, — сказал инструктор. — Инженер есть инженер.

— А как учатся другие ваши ветераны? — поинтересовался Королев.

— Успешно, Сергей Павлович, — ответил Гагарин. — Но трудно... земных перегрузок много.

Вскоре в тренажерном корпусе, несмотря на воскресный день, с молчаливого согласия начальства собрался почти весь отряд космонавтов. Сергей Павлович сел за стол, взглянул на собравшихся и сразу обратил внимание, что подавляющее большинство летчиков — новички — хотя и молодежь, но старше тех, кого отбирали в гагаринский набор космонавтов.

Узнав, что все они, как правило, имеют высшее, да еще инженерное образование — окончили учебные академии, — остался очень доволен, но предупредил:

— Прочные знания, упорный повседневный труд, который до дна обнажит человеческую душу, и высокая дисциплина — вот что следует положить в основу подготовки к полетам. Кто рассчитывает на легкий триумф — с теми нам не по пути. Кто мыслит иначе, таким советую не тратить попусту время, не занимать место других, более достойных.

Космонавты много слышали о суровости, строгости Главного конструктора, но не думали, что первая встреча с ним начнется с назидания, и внутренне огорчились. Это не мог не почувствовать и Королев.

— Ну что, «орелики»! Загрустили! — И по-доброму улыбнулся. — Это я строг для порядка... А если по-человечески, я очень рад, что встретился с вами. Уверен, что из вас в Центре выкуют прекрасных специалистов и вы

оправдаете наши надежды. Космонавтика ждет вас. — Увидев, что космонавты немного повеселели, добавил: — Мы работаем строго по плану. Создаем новую технику, на смену ей готовим новейшую. В этом суть технического прогресса. Смотрите: корабль «Восток» еще не ушел в прошлое, а на смену ему пришел «Восход». Сейчас полным ходом идет работа над новым, более совершенным летательным аппаратом «Союз». Вскоре появится и первая орбитальная станция — думаю, в ближайшее пятилетие^[6]. Ее примерный объем около ста кубических метров. В ней смогут одновременно работать до шести космонавтов. Это уже орбитальная научная лаборатория, оснащенная современным исследовательским оборудованием. Ее вес составит около девятнадцати тонн.

О многом мог бы поведать Королев своим юным соратникам, но подумал: «Не рано ли, да и пусть дойдут своим умом». Но на прощание посоветовал:

— Не забывайте советоваться с Циолковским, Кондратюком и Цандером. Мало читать их только теоретические труды, надо знать их мировоззрение, размышления, их философско-социологические идеи... Я их перечитываю с карандашом в руках. Гений Циолковского многогранен и не до конца познан. Кто из вас знает, что говорил Горький о Константине Эдуардовиче? — Королев окинул взглядом притихших космонавтов. — Значит, никто! Жаль! Я вам напомню: «Замечательный ум его по настоящему оценят много позднее... Современникам трудновато представить, что он сделал для человечества». Ну что ж, пожалуй, будем заканчивать нашу встречу. И пусть, друзья, солнечный ветер потуже надувает паруса ваших космических кораблей. Перспективы освоения космоса безграничны, как сама Вселенная. Не забывайте наш девиз: «Не останавливаясь, вперед!» А это значит ускорение всего: мысли и дел. Чтобы вывести корабль на орбиту, нужно придать ему необходимое ускорение. И нам в повседневной жизни не следует забывать об ускорении — Без него в науке и технике начинается застой. Страшнее этой болезни ничего нет.

Своим потомкам мы обязаны оставить хорошее наследство. Наше общество подобно многоступенчатой ракете, которая непрерывно движется в будущее, наращивая темп, отбрасывая по пути все лишнее. Каждый космический год — это новый шаг отечественной науки по пути познания сокровенных тайн природы. Великий Циолковский говорил: «Невозможное сегодня становится возможным завтра». Вся история развития космонавтики подтверждает правоту этих слов. То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь

дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением. Нет преград человеческой мысли!

Сергей Павлович вернулся в Москву в хорошем настроении. Встреча с космонавтами всегда для него желанна. На следующий день, как всегда, пришел в ОКБ. Возле кабинета его дожидался помощник с папкой в руках.

— Много срочного, Виктор Васильевич? — на ходу спросил Королев.

— Пакет из казанского архива. Ответы на ваш запрос. Они вошли в кабинет. Сергей Павлович стал просматривать бумаги. Помощник продолжал докладывать:

— Звонил академик Глушко, просил напомнить о завтрашней встрече. Спрашивал академик Пилюгин, сказал, что позвонит к вам домой. Профессор Бармин просил его не искать, он уехал на космодром. Вот, пожалуй, и все. Совсем недавно звонила Наталья Сергеевна.

— Спасибо, — и, передав помощнику папку с документами, объяснил: — Те, что подписаны красным карандашом, отослать утром. Несколько документов в министерство отвезите сами, остальные — как обычно.

— Хорошо, — и уже на выходе из комнаты помощник сообщил, что два раза спрашивал врач. И что он будет ждать звонка утром.

Настроение разом испортилось. Недуг все чаще мешал работать. Решил посоветоваться с дочерью, все-таки свой врач. Встречался с Наташей редко. Он занят, и у нее дел хватает. Наталья Сергеевна окончила медицинский институт, вышла замуж, родила сына, черноглазого и темноглазого, как дед. У каждого из них своя жизнь. Иногда Сергей Павлович с тоской думал, что мало общается со своей Наталкой. «Но я ли только виноват? Моя любовь к дочери безгранична».

Взял телефонную трубку.

— Не балуешь отца звонками, — начал он разговор с дочерью. — И внука давно не видел. Приходила? Меня не было?.. Двери ведь всегда настежь... Так что в воскресенье, как правило, дома, отсыпаюсь за всю неделю. Да-да... Согласен. Ты ведь у меня врач, что посоветуешь? Собираюсь лечь в больницу. И так, кажется, все запустил. Не хотелось бы так начинать Новый год, да что поделаешь. Надо, говорят врачи, немного подремонтироваться. Хорошо бы лет на десяток... Столько дел. Значит, советуешь... Ну, еще встретимся. А пока с наступающим Новым тебя годом, Наталка. Мои самые добрые пожелания тебе, всем окружающим тебя. Ну, спасибо, спасибо!

Взглянул на часы. Маленькая стрелка остановилась на двадцати. Пора домой. Настроение по-прежнему неважное. Больница есть больница. Взял

пакет, присланный из Казани. В нем несколько копий документов, относящихся к казанскому периоду его работы. Эти материалы напомнили Королеву о давней задумке — написать труд по ракетостроению, обобщить накопленный опыт, заглянуть в будущее. «Кому как не мне, заняться этим важным делом. А время есть? Его-то как раз всегда и не хватает», — размышлял Сергей Павлович и прошел в соседнюю комнату, достал две папки. Первое, что бросилось в глаза, надпись: «1953 г.». Двенадцать лет прошло, с досадой подумал Королев и, словно оправдываясь перед самим собой, произнес вслух:

— Не без дела же сидел. — И стал читать рабочий план четырехтомного труда. «Давно я должен был этим заняться. Ведь сколько лет подбираю различные материалы. Вон моя другая пометка еще с 1959 года. С тех пор сколько всего изменилось, как ракетная техника шагнула вперед. Стыдно, стыдно. Последний раз я внес исправления в заметки 17 января этого года. В первый том необходимо добавить раздел с анализом энергетических возможностей различных ракетных двигателей... Стенограммы лекций в МВТУ тоже надо бы пересмотреть и включить в книгу...»

Сергей Павлович захлопнул папки. Посидел в тишине. Не успеваю, не успею. Может, передать практические дела молодым, а самому сесть за обобщение накопленного опыта? — повел внутренний монолог Королев. — Талантливых людей в конструкторском бюро много. Я не сомневаюсь в них. Нет, не хватит духу оторваться от конкретных дел, — признался сам себе конструктор. — Засесть в кабинете один на один с самим собой?! Нет, это не по мне. Вот лет через десять...»

Встал, положил документы в сейф, вернулся в кабинет, позвонил домой.

— Еду, — сказал Сергей Павлович, услышав в трубке голос жены. — Чертовски устал. — Положил трубку и, подвинув к себе настольный календарь, написал:

«Статью для «Правды».

Главный вышел, сел в машину, хотел отдохнуть немного дорогой, не вышло. Отвлечься от дел не удалось. «Скоро предстоит запуск девятой автоматической станции к Луне. Все предыдущие пуски проанализированы самым тщательным образом. И все-таки что-то не ладилось.

Сегодня на заседании Совета главных конструкторов, кажется, найдена причина. Чувство уверенности владело всем существом Главного. Интуиция? Она редко подводила его. А мысли уже неслись дальше, в завтра. «Он сделал верно, что передал «автоматические» «Лунники» в КБ

Бабакина». Королев верил в Георгия Николаевича, его талант. «Отныне ов сможет полностью посвятите себя пилотируемым полетам. Теперь все внимание новому варианту «Союза» — кораблю для облет» Луны. который сначала испытаем как беспилотный «Зонд». С ним он связывал далеко идущие планы. Их разделял и Совет главных конструкторов. По замыслу «Зонд» — это многоцелевой корабль. Он, как строящийся «Союз», имеет три отсека — приборно-агрегатный, бытовой и спускаемый. Их объем и масса почти одинаковы. Конечно, вывести в сторону Луны более шести тонн — понадобится другой носитель. Он есть. А как вернуть «Зонд» после облета Луны на Землю?.. Вторая космическая скорость не шутка. Свыше 11 километров в секунду. Представить трудно! А сколько ума потребовала разработка систем навигации и управления! Но облет Луны — это полдела... Надо, чтобы нога человека ступила на лунную твердь. Это будет началом «межпланетных сообщений».

...Машина приблизилась к обелиску «Космос». На бархате звездного неба, над домами притихшей Москвы, посеребренная Луной, поблескивала ракета. Где-то сбоку, казалось, совсем близко отливало красноватым светом Марс.

«А еще — Марс, — заглядываясь на звезды, подумал Королев. — Да, полет на Марс туда и обратно займет несколько лет. Нет возможности взять на борт корабля все необходимое — воду, пищу. Прав, глубоко прав Циолковский, предложив подумать о воспроизводстве всего самого нужного на борту межпланетного корабля. Давно решено, что надо начать разработку и космической оранжереи, и космической фермы для животных и птицы. Надо бы эту задачу уточнить — имеет ли она практический смысл для экологического цикла...»

Недалеко от обелиска машина круто повернула направо и въехала в тихий 6-й Останкинский переулок. Остановилась у зеленого забора, за которым виднелся небольшой белокаменный дом. Сергей Павлович вышел из машины, попрощался с водителем и, взявшись за скобу калитки, сказал, как всегда:

— Завтра ровно в семь тридцать.

Он любил точность во всем — и в большом, и в малом. Это знали все, от шофера до заместителей в конструкторском бюро.

Двор расчищен от снега. Лунный свет падал на березы, стоявшие невдалеке от дома, на утонувшие в снегу молодые яблоньки, на тихие ели, вытянувшиеся вдоль забора. Не успел Сергей Павлович сделать и шага, как, радостно повизгивая, к ногам его бросилась собака, любимица

академика. Она лизнула руку. Сергей Павлович ответил на ласку, почесав собаку за ухом. Та побежала вперед, к двери, словно намеревалась открыть ее перед хозяином. Сергей Павлович взялся за медное кольцо.

Нина Ивановна, как всегда, ждала приезда мужа у входа, ее серые глаза с веселой хитринкой устремились на дверь.

— Ты знаешь, Нина, задержался, — на ходу торопливо, словно извиняясь, сказал Сергей Павлович.

— Совещание на Луне?

— Вот видишь, ты все знаешь! — улыбнулся Сергей Павлович и, обняв жену за плечи, спросил: — Ас космодрома не звонили? Я им обещал быть дома в восемь, а сейчас все десять.

— Не волнуйся, звонили, там все в порядке, «Космос» вышел на орбиту. Раздевайся. Пойду подогрею ужин.

Вскоре из прихожей раздался раздраженный голос мужа:

— Нина! Где же мои тапочки? Я же просил: каждой вещи свое место. Сколько раз надо говорить?

— Ну, Сережа, наклонись чуть пониже. Они на обычном месте. Видишь — мыли полы, чуточку подвинули...

Найдя наконец свои шлепанцы, Сергей Павлович сразу же поостыл, чувствуя себя неловко перед женой за глупую несдержанность.

— Дома «наклонись», в Госплане «поклонись», в министерстве — «согнись». Целый день сегодня этой «физкультурой» занимался.

— А что делают твои девятнадцать замов?

— Меня-то без двух звезд на пиджаке вахтер-старушка ветхая на порог министерства не пускает.

— Что-нибудь случилось, Сережа?

— А! — махнул рукой Сергей Павлович. — Летит к чертовой матери лунная программа. Задел нужен, новая мощная ракета. А это деньги, деньги. Раздают деньги, материальные ресурсы по принципу: всем сестрам по серьгам. Немного Янгелю, чуть больше Челомею, у него сын у высокого начальства работал, а те крохи, что остались, — нам, головному ОКБ. А еще вчера все они соглашались работать на единую программу, а теперь каждый тянет в свою сторону, хочет вырваться вперед!

Спохватившись, что снова начинает нервничать, Сергей Павлович сдержал себя и вроде бы ни с того ни с сего спросил:

— У тебя, Нина, в холодильнике продукты запасены на сколько дней?

— Собираешься в командировку? Не волнуйся, хватит. Дня на четыре-пять. Не каждый же день ходить по магазинам.

— Вот именно, — весело подхватил Сергей Павлович. — И я прошу у

инстанций: выделите мне средства сразу на пять-десять лет. Дайте свободу действий, не опекайте по пустякам. Распылять средства между многими КБ, чтобы каждый творил что вздумается — нет, это не разумно...

Улучив момент, когда, как показалось Нине Ивановне, муж выговорился, она усадила его за кухонный стол.

— Ешь, Сережа, не нервничай. Если можешь, оставляй служебные перегрузки там, за дверьми.

— Извини, что делать. Они давят и днем и ночью и везде...

Нина Ивановна села напротив. Последнее время муж выглядел неважно. Все чаще жаловался на болезнь, бывали и сильные кровотечения, все больше уставал. Он не умел отдыхать, как все.

— Есть новые письма, журналы? — спросил Сергей Павлович.

— Да, тебе принести их?

— Нет, я зайду в кабинет. Надо дочитать статью.

Не успел.

— Ты всегда не успеваешь, — заметила жена. — Я не помню, чтобы тебе хватало суток. Не бережешь ты себя, Сергей. Тебе не сорок.

Сергей Павлович молча внимательно посмотрел ей в глаза.

— Петровский звонил. Настаивает...

Нина Ивановна слегка вздрогнула, но не подала вида, что сама мысль об операции ее пугает. Она знала, как мужа мучает болезнь. Не первый раз он говорит с ней об этом. Сегодня Сергей Павлович, как ей показалось, более настойчиво сказал о необходимости лечь в больницу.

— Надо, Сережа, — тихо ответила Нина Ивановна. — Если врачи настаивают, значит, надо.

Сергей Павлович облегченно вздохнул, широко улыбнулся. Наскоро поев, он вышел из кухни. Прошел мимо бронзовой скульптуры юноши, запускающего ракету, и, опершись рукой о перила неширокой деревянной лестницы, стал медленно подниматься на второй этаж. На середине лестницы задержался, чтобы передохнуть, и посмотрел вниз на скульптуру «К звездам». Ему нравилось это произведение Григория Постникова, подаренное ему автором и космонавтами...

Поднявшись на второй этаж, Сергей Павлович подошел к столику, над которым висели портреты К. Э. Циолковского, И. В. Курчатова и С. И. Вавилова. Взяв письма, газеты и журналы, вошел в кабинет. Он бесконечно любил свое пристанище. Устроенный заботами Нины Ивановны, он ненавязчиво совмещал в себе домашний уют и деловую обстановку... Небольшая скульптура шагающего Ленина. Портреты Циолковского и

Цандера. Живописный пейзаж на стене, фотография жены.

Редкий день Сергей Павлович не заходил в кабинет на часок-другой, чтобы поработать, а то и просто поразмышлять в тишине. Чаще всего он занимался за просторным столом-бюро, обложив себя книгами и журналами. Любил посидеть в приставленных к нему мягких креслах, почитать журналы, просмотреть документы... Иногда стоял у доски с мелком в руках, что-то вычерчивая.

Сергей Павлович сразу же сел за рабочий стол, вынул из коричневой папки листки бумаги. Гранки статьи для «Правды». В ней — итоги уходящего 1965-го, космического года. Взглянул на календарь: 28 декабря. «Надо завтра вернуть редакции», — подумал Сергей Павлович. Надев круглые очки в золотистой оправе, стал читать:

«В современной науке нет отрасли, развивающейся столь же стремительно, как космические исследования. Немногим более восьми лет прошло с тех пор, как впервые во Вселенной появилось созданное человеком космическое тело — первый советский искусственный спутник Земли».

Оторвавшись от текста, ученый посмотрел в окно, на котором мороз уже вывел затейливые узоры. Перевел взгляд на стену, где висела фотография третьего спутника Земли. Сергей Павлович вспомнил, что в конце статьи есть несверенная цитата Циолковского.

Открыв один из ящичков стола, Королев достал стопку брошюр — сочинения Константина Эдуардовича, изданные при жизни ученого. Академик очень гордился этими книгами, идеи, заложенные в них, всегда оставались для него и путеводной звездой, и учебниками. Полистал их. Может, вспомнил свои давние встречи с калужским вдохновителем, свою юность... Взял том академического издания сочинений Константина Эдуардовича, положил рядом книгу, чтобы не забыть, и стал читать статью дальше.

«Полет Юрия Гагарина открыл эпоху космической навигации. А эпоха работы человека в свободном космосе началась в истекшем 1965 году, в тот мартовский день, когда Алексей Леонов шагнул из шлюза в открытое пространство и свободно поплыл в нем».

Прочитав фразу о значении полета «Восхода-2», ученый задумался и мысленно спросил себя: «Все ли я сказал о последнем эксперименте? Да, пожалуй, все». Но тут же решил, что надо отметить успехи американских астронавтов Ловелла, Бормана, Ширры и Стаффорда. Взял ручку и дописал: «Их почти двухнедельный полет и сближение в космосе двух кораблей — серьезное достижение». Надо отдать должное и первому

французскому искусственному спутнику Земли. Ведь Франция стала третьей космической державой. А дальше сказать о задачах, выполняемых в космосе советскими спутниками. Сергей Павлович стал писать дальше:

«Прилегающая к Земле область космического пространства, можно считать, основательно обжита. Спутники серии «Космос» неумоимо выполняют обширнейшую комплексную научную программу исследований...»

Королев снял очки. Хотел было протереть их, но под руками ничего не оказалось, и он пошел в спальню, где оставил очечник с лоскутком замши. На обратном пути, уже в кабинете, взглянул на фотографию, на которой он запечатлен с корифеями науки Курчатовым, Келдышем и своим заместителем Мишиным. Этот уникальный снимок пошел в историю под названием «три «К». Сергей Павлович краешком губ улыбнулся, вспомнив памятный день 9 мая этого года. Праздновалось 20-летие Победы над фашизмом. Они с Ниной Ивановной стояли на трибуне Красной площади, любовались чеканным шагом слушателей военных академий. Сергей Павлович с нетерпением ждал технической части военного парада. Хотелось посмотреть, как пойдут его новые межконтинентальные баллистические ракеты на твердом топливе. И вот они появились, мощные, грозные. Все зааплодировали им, бил в ладоши и Сергей Павлович.

— Себя хвалишь, — услышал он над ухом шуточный голос Пилюгина.

— Нет, Николай Алексеевич! Аплодирую рабочему классу, что построил их, да ребятам, что научились запускать их.

— Красиво идут, — не сдержался Пилюгин. — Завтра за границей шум будет всесветский.

— Пусть шумят. Наши ракеты любителям авантур вроде холодного душа.

— Марку бы надо написать на корпусе, как на самолетах, — сказал стоявший рядом ракетчик-генерал В. Ф. Толубко. — Ту, Як, МИГ.

— Не понял, — откликнулся Королев.

— А и понять нетрудно, — ответил Бармин. — Поставьте три К, — и тут же разъяснил: — Королев, Курчатов, Келдыш.

Шутка всем понравилась. По душе она пришлась и Королеву.

— Что скажете, Мстислав Всеволодович? — обратился он к Келдышу.

— Мне не нравится. Разве мы одни?.. Да и звучит как-то мягко «три К». По мне лучше МБР — межконтинентальная баллистическая ракета. В этих трех буквах слышится что-то грозное...

Оторвав взгляд от фотографии, Сергей Павлович пошел к столу, стал внимательно читать оставшиеся страницы:

«Продолжались в истекшем году и исследования более далеких космических объектов... В первой половине ноября 1965 года были запущены к Венере две автоматические станции «Венера-2» и «Венера-3». В конце февраля — начале марта 1966 года эти станции достигнут района планеты Венера...»

Сергей Павлович прервался, отложил гранки. «Да, успехи есть. Но вот с Луной не все получается. Мечта человеческая — ступить на лунную твердь. Нет, определенные достижения есть, «Лунники» летают, мы сфотографировали ее обратную сторону, которую никто из людей до сих пор не видел. Полет человека вокруг Земли — ступень к полету на Луну. Ведь для полета на Луну и обратно надо шесть-семь суток, Быковский летал пять, Леонов выходил в открытый космос, значит, можем ступить и на лунную «землю».

Как-то незаметно для себя Королев снова вернулся мыслями к сегодняшнему заседанию Совета главных. Всем понравилась готовность Бабакина взяться за разработку самодвижущейся лаборатории — «Лунохода», — которая могла бы получить и передать на землю данные о физическом и химическом составе внеземной породы... А там, глядишь, научимся доставлять с Луны и планет образцы лунного грунта... Королев вспомнил правдоподобную шутку академика Виноградова: «Дайте нам щепотку лунного грунта, и мы «перевернем» всю Вселенную». И Сергей Павлович тихонько запел неизвестно откуда запомнившуюся ему песенку:

Хорошо мне с тобою, Луна.
Нам под солнцем плыть вместе всегда.
Верный спутник землянам Луна,
Нежность сеешь в людские сердца.

...Послышались шаги жены. Легко поднималась она по лестнице. Сергей Павлович всегда радовался, когда она едва слышно появлялась в двери кабинета.

— Сережа! До отъезда на работу осталось семь часов.

— Сейчас, сейчас! Зайди, я тебе прочитаю статью. Нина Ивановна вошла в комнату, села в кожаное кресло. Сергей Павлович сел напротив.

— Вот послушай, — и начал читать. Старался это делать не монотонно, чтобы самому еще раз вникнуть в смысл написанного...

«Все сказанное — увлекательные планы исследования Вселенной, это шаги в будущее. Это будущее, хотя и не столь близкое, но реальное,

поскольку оно опирается на уже достигнутое...»

— Ну и как? — обратился он к жене.

— Не все гладко по стилю. То суховатый деловой язык, а где-то слишком много пафоса, — и рассмеялась. — Ну а впрочем, ты и сам, Сергей, такой — разностильный.

— Ну и на этом спасибо, — улыбнулся Сергей Павлович.

Сергей Павлович убрал в стол брошюры К. Э. Циолковского. Неожиданно с грустью сказал жене:

— Ты знаешь, Нина, я как-то плохо помню внешне старика Циолковского, прошло столько лет. Но сказанное им тогда из памяти не вырubiшь.

— Зачем же ты, Сережа, приводил подробности встречи?

— Какие там подробности, два-три штриха, другого не мог. Тихонравов провел в Калуге целый день, а написал, на мой взгляд, две скучных странички... Всю свою жизнь читал, перечитывал его труды, и Константин Эдуардович словно представал передо мной, наверное, что-то фантазировал. Мне кажется, что Циолковский всю жизнь вел меня за руку, показывая путь в завтра! Да, Нина, у нас есть конверт с маркой? Надо поздравить с Новым годом Якова Матвеевича Терентьева. — Ведь он один из немногих еще живущих соратников Тухачевского... Я тебе рассказывал, что значила для меня их поддержка, когда мы делали первые шаги.

— Оставь письмо на столе, я утром пойду и отправлю, — и, выходя из кабинета, напомнила: — Не забудь выключить свет.

Вырвав из блокнота листок бумаги, Сергей Павлович начал писать. Слева в верхнем углу поставил дату «31/ХII.65... Дорогой Яков Матвеевич! Шлю тебе, старому другу и товарищу, свои самые наилучшие пожелания и поздравления к Новому году...» В конце письма поделился своими заботами: «Мои планы и дела нешибко важны — буду весь январь в больнице лежать. Ничего особенного нет, но вылежать надо...»

Закончил свое поздравление словами, так характерными для С. П. Королева: «Все прочее, как всегда, в неудержимом и стремительном движении...»

Приняв окончательное решение лечь в больницу, С. П. Королев первые дни нового, 1966 года с утра до позднего вечера проводил в конструкторском бюро. Словно чувствуя недоброе, он старается завершить большинство дел. Написав отчет о научной деятельности за минувший год, Сергей Павлович вызвал секретаря.

— Этот отчет перешлите, пожалуйста, в президиум Академии наук

СССР на имя Мстислава Всеволодовича. Теперь просьба: я из больницы позвоню вам, сообщу тамошний телефон. Если появятся важные документы, поставьте меня в известность. И пригласите через полчаса всех на совещание.

Когда ближайшие сотрудники Королева собрались у него в кабинете, он счел нужным очень коротко напомнить им о первоочередных работах на ближайшие полмесяца, пока будет отсутствовать.

Тепло попрощавшись с товарищами, Сергей Павлович задержал первого зама.

— Василий Павлович! Не думаю, что залежусь в больнице. Но сам знаешь, дел невпроворот. Ничего не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня. Остальных моих замов подталкивай. Я тут просмотрел первоочередные бумаги. Возьми под контроль те, что пометил красным карандашом. Из больницы позвоню, сообщу телефон. Не стесняйся, звони, а то умру от безделья. Звони...

— Ну, ни пуха ни пера, — прощаясь с Главным, пожелал Мишин.

— К черту, к черту! — по традиции ответил Королев. Проводив зама до двери, снова сел за просмотр текущих документов. Закончив работу с нами, пригласил помощника, передал ему стопку бумаг.

— Все это, Виктор Васильевич, — соответствующим товарищам. Возьмите под контроль то, что помечено синим карандашом. Прошу найти все копии моих предложений о мирном использовании космоса, направленных академику Келдышу. Помнится, это было в марте еще 1960 года. Потом в 1963 году я дал интервью обозревателю ТАСС по поводу заключения Договора между СССР, США и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Сделайте копии этих документов. Мне они скоро понадобятся. Я вам позвоню из больницы.

Утром 5 января 1966 года, перед тем, как поехать из дому в больницу, Сергей Павлович поднялся на второй этаж к книжным стеллажам, положил в небольшой чемодан несколько книг, в том числе сочинения Альберта Эйнштейна. Потом открыл гардероб, долго искал в карманах костюмов копеечки на счастье. Не нашел и расстроился. Нет, он не был суеверным, но, как многие, в трудную минуту верил в добрые приметы. Утешало сознание, что в той же больнице находится на долечивании его мать, а значит, на первых порах будет с кем поговорить.

...В первый же вечер они сидели вместе в больничной палате, вспоминая прошлое, думая о будущем.

— Ты читал, Сергей, статью в «Правде» «Шаги в будущее»? — как-то

спросила Мария Николаевна.

— А тебе она понравилась? — вопросом на вопрос ответил Королев.

— Очень. Но кто же все-таки ее написал? — допытывалась мать.

— Там же стоит подпись «профессор К. Сергеев». Да и так ли важно, кто написал статью? — Королев улыбнулся одними глазами. — Главное, чтобы она была полезной.

— Похоже, что ты написал? — неуверенно сказала мать.

Сергей Павлович ничего не ответил. Посмотрел на мать. Казалось, возраст не тронул ее, хотя ей около восьмидесяти.

— Ты когда выписываешься?

— Да скоро уже. Порядком надоело, — вздохнула мать.

Раздался телефонный звонок. Сергей Павлович взял трубку.

— А, Юрий Алексеевич, — лицо Сергея Павловича сразу преобразилось, посветлело. — Лечусь вот! Хотите приехать 8 января? Буду рад видеть вас. С Николаевым? Хорошо. Закажу пропуск. До свидания.

Нет ничего печальнее, чем отмечать день рождения в больнице. Такое случилось с Сергеем Павловичем впервые. Двенадцатое января 1966 года. Настроение у Королева неважное, но он все-таки пытался скрыть его от родных. Нина Ивановна и Мария Николаевна делали все, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей.

— Мне бы десятка лет хватило, — пытался пошутить Сергей Павлович. — Дел-то немного: побывать на Луне, на Марсе-То и дело звонил телефон. Друзья и соратники поздравляли Королева, обещали навестить его. Постепенно настроение именинника поднялось. В глазах появился прежний блеск, который так нравился Нине Ивановне. Лицо его все чаще озаряла улыбка. Сергей Павлович даже начал шутить, подбадривая жену и мать. Когда они начали собираться домой, напомнил им, что операция назначена на 14 января.

Сердце Нины Ивановны сжалось, хотя она и готовила себя к этому дню, знала, что операция, как говорили ей врачи, займет немного времени, да и оперировать решил сам Петровский, но у нее невольно вырвалось:

— Послезавтра?!

Сергей Павлович порывисто обнял жену и поцеловал. Она почувствовала, как учащенно бьется ее сердце.

— Надо же, Нина! — В голосе обычная, не терпящая возражения твердость.

Попрощавшись с матерью, Сергей Павлович попросил жену завтра навестить его. Почти весь день Сергей Павлович и Нина Ивановна провели вместе. Жена отметила про себя, что настроение у мужа радужное. Он не

сомневался в исходе операции. Это настроение передалось и Нине Ивановне.

Утром 14 января 1966 года без пяти восемь утра Сергей Павлович позвонил домой.

— Нина — мне сделали укол. Жду тебя, как договорились... после операции.

Это был последний их разговор.

Сергей Павлович Королев скончался во время продолжительной операции. Трудно судить сегодня. Но вряд ли он серьезно задумывался над причинами своего многолетнего недомогания, полностью доверяясь врачам и тем более такому известному хирургу, да еще министру здравоохранения страны... Весь трагизм положения своего пациента Петровский, к сожалению, понял только на операционном столе. В этот момент он осознал, что поступил опрометчиво, доверившись заключению врачей, не перепроверив их диагноз «кровооточащий полип».

— Саркома, запущеннейшая саркома... будь она проклята, — не в состоянии остановить кровотечения, трясущимися губами повторял хирург.

В операционную не вошел, а вбежал Вишневский, срочно вызванный министром. Александр Александрович в мгновение оценил ситуацию. Но чем он мог помочь? На немой вопрос хирурга дал несколько советов. Наконец с трудом удалось остановить кровотечение. Более или менее в этих экстремальных условиях завершили операцию. Молча пошли, чтобы успокоить Нину Ивановну, крайне взволнованную столь продолжительной операцией. Но на полпути хирургов остановил истощенный голос анестезиолога: «Сердце... сердце не слышу...»

Петровский и Вишневский бросились в операционную. Сердце Королева не вынесло многочасовой нагрузки — остановилось. Александр Александрович вскрыл грудную полость и начал массировать сердце руками. Все напрасно. Вишневский стоял возле друга, напряженно, до боли в глазах смотрел на умершего, не веря в случившееся. С невероятной ясностью вспомнил свою давнюю встречу с Сергеем Павловичем и слова, брошенные им: «Мы будем работать над искусственным сердцем». И его шутку:

«Первое — мое».

— Все, Борис Васильевич. Это конец, — глухо произнес Вишневский.

Академик Петровский молча вышел. Александр Александрович продолжал рассуждать сам с собой: «Откуда такая доверчивость и самонадеянность?.. Разве допустимы непрофессиональные исследования... Значит, проведены из рук вон плохо... И такая непредусмотрительность, —

мучительно думал ученый, оглядывая операционную, в которой, судя по оснащению, можно лишь делать простейшие операции... Нелепая смерть. Но смерть... всегда нелепа».

Александр Александрович, прощаясь с другом, еще раз взглянул на погибшего, рукой коснулся его холодеющего лба, закрыл лицо простыней. Сутулясь, словно неся на своих плечах непомерный груз вины, вышел в соседнюю комнату. Там академик Петровский и его ассистенты суетливо заканчивали составление медицинского заключения, обдумывая каждое слово. Глаза Вишневого застилали слезы, он как в тумане взглянул на подsunутую ему для подписи бумагу и с трудом прочитал:

«...тов. С. П. Королев был болен саркомой прямой кишки. Была произведена операция». «Нет, все это как-то не так, где же вы раньше были?.. — Слезы мешали смотреть. — ...смерть наступила от сердечной недостаточности (острая ишемия миокарда...)».

Вишневецкий с укором в упор взглянул на хирурга, что-то хотел сказать, но тот поспешно отвел глаза в сторону...

— Да, Сергею Павловичу уже нечем помочь, — вслух, ни к кому не обращаясь, со вздохом, почти про себя произнес Вишневецкий. И поставил свою подпись. «Потом разберемся».

Легенду о безымянном Главном конструкторе развеяли суровые и скорбные строки правительственного некролога, опубликованного 16 января 1966 года в центральной и зарубежной печати. Земляне узнали, что под именем таинственного Главного «скрывался» Сергей Павлович Королев. Все те воздающие должное ему добрые, прекрасные слова, что накопились в сердцах людей, к этому человеку наконец произнесены вслух и адресованы ему, Сергею Павловичу Королеву.

«Сергею Королеву больше, чем кому-либо другому, принадлежит заслуга в том, что космический век стал реальностью» (Ханнес АЛЬБИН, физик, лауреат Нобелевской премии. Швеция).

«В истории науки нет более высокой оценки творчества ученого, чем признание его основоположником новой области человеческих знаний. К числу таких ученых с полным правом можно отнести С. П. Королева» (А. Ю. Ишлинский, академик).

«Человечество благодарно Королеву за свершенное. Получить признание человечества — значит быть по меньшей мере выдающимся деятелем науки и культуры» (Герман Оберт, один из пионеров ракетной техники. ФРГ).

«Во главе великого дела должен был встать человек, глубоко

понимающий задачу изучения космоса, беззаветно веривший в ее реальность, то время как многие считали ее фантастической. Таким руководителем и организатором был Главный конструктор, академик С. П. Королев» (К. Д. Бушуев, профессор).

«Мне по делам службы не раз приходилось встречаться с Сергеем Павловичем Королевым. Чаще всего в ЦК КПСС, который координировал усилия министерств и ведомств, участвовавших в разработке ракетно-ядерного оружия... Что касается роли Королева в этом деле — она велика. Смерть его — огромная утрата для Советской Армии» (Г. К. Жуков, Маршал Советского Союза).

«Особого внимания заслуживают мысли и работы Королева в области многоразового использования космической техники путем органического сочетания в одном аппарате ракетно-космической и авиационной техники. Эти материалы ждут заинтересованных исследователей...» (П. В. Цыбин, заслуженный деятель науки и техники.)

«Самая характерная черта Королева — громадная энергия. Этой энергией он умел заражать окружающих. Он был человеком очень решительным, часто довольно суровым. Королев — это сплав холодного рационализма и мечтательности» (К. П. Феоктистов, космонавт, профессор).

«Для меня Сергей Павлович Королев был образцом великого ученого и Человека, тем идеалом, к которому мы все должны стремиться» (Б. Е. Патон, президент Академии наук Украины).

Тысячи советских людей, зарубежных гостей, благодарных Королеву за выдающийся научный подвиг — открытие Космической эры, — з скорбном молчании прошли 17 января через траурно убранный Колонный зал Дома союзов, прощаясь с великим ученым. В почетном карауле у гроба стали руководители Коммунистической партии и Советского правительства, маршалы, крупнейшие ученые, соратники и последователи, космонавты, труженики конструкторского бюро и космодрома.

...Траурный кортеж замер у Мавзолея Ленина. Митинг памяти открыл заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов. С покойным его связывала многолетняя работа по ракетной и космической технике. Прощальное слово произносит президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Ссутулившись, с потухшими глазами, он не может скрыть своего горя. Много лет они были вместе. Листок, что держит в руках, дрожит. Собравшись с силами, академик, теоретик космонавтики, подошел к микрофону.

— Вся мировая наука в лице академика Сергея Павловича Королева

потеряла ученого, с именем которого навсегда будет связано одно из величайших завоеваний науки и техники всех времен — открытие эры освоения человечеством космического пространства. Он был крупнейшим конструктором ракетно-космических систем, обеспечивших завоевание основных этапов исследования космического пространства...

Не шелохнется притихшая в горе площадь, кажется, слышно, как бьются сердца тысяч людей. Москва, столица скорбит, от имени Родины прощается со своим великим гражданином. «У микрофона Юрий Алексеевич Гагарин. Лицо его мертвенно бледно. Для него смерть Учителя равносильна смерти отца... Что скажет он? Ведь, кажется, недавно, не прошло и пяти лет с того апрельского дня... И последняя недавняя встреча с Сергеем Павловичем.

— Велико наше горе в этот скорбный час. Велика наша утрата, — дрогнувшим от волнения голосом начал Юрий Алексеевич и умолк. В горле горячий комок, мешающий говорить. Справившись со своими чувствами, взглянул на трибуны, где стояли его друзья, и, словно заручившись поддержкой космонавтов, выдохнул из себя как клятву:

— Все космонавты будут неуклонно продолжать и развивать дело, которому отдал свою жизнь Сергей Павлович. Память о Сергее Павловиче навсегда сохранится в наших сердцах...

И как знак признания его заслуг памятники — на родине в Житомире, в Москве, где жил, в Подмосковье, где строил ракеты и корабли, на космодроме, откуда прокладывал дороги во Вселенную. Есть, однако, памятник необычный, вечный — творение великого зодчего — Природы. В ознаменование заслуг в исследовании Луны одному из крупных кольцеобразных горных образований ее — талассоиду — мировая астрономическая общественность присвоила имя Королева. Действительно удивительный и прекрасный монумент! Пройдет время, и верится, что на одной из отвесных скал его будут высечены слова Главного конструктора, полные веры и устремленности в космическое завтра: **«...То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением.**

Нет преград человеческой мысли!»

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Древний город Житомир родина С. П. Королева.

В этом доме 12 января 1907 года родился Серезжа Королев.

Мать Королева — Мария Николаевна.

Отец Королева — Павел Яковлевич, учитель словесности.

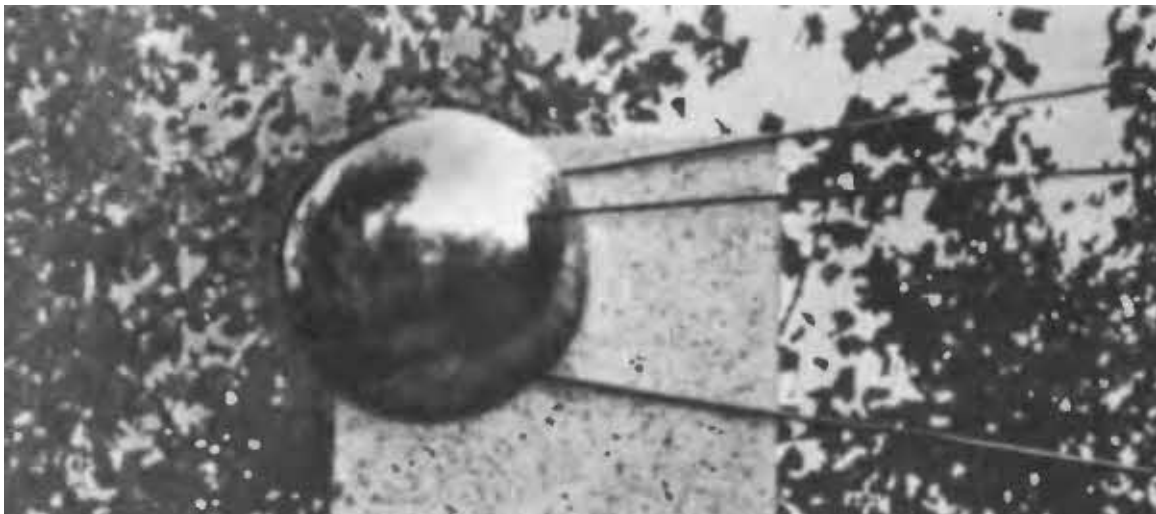
Семья Николая Яковлевича и Марии Матвеевны Москаленко деда и бабушки Серезжи Королева. В центре — трехлетний Серезжа.

Сергей Королев — учащийся одесской строительной профессиональной школы № 1

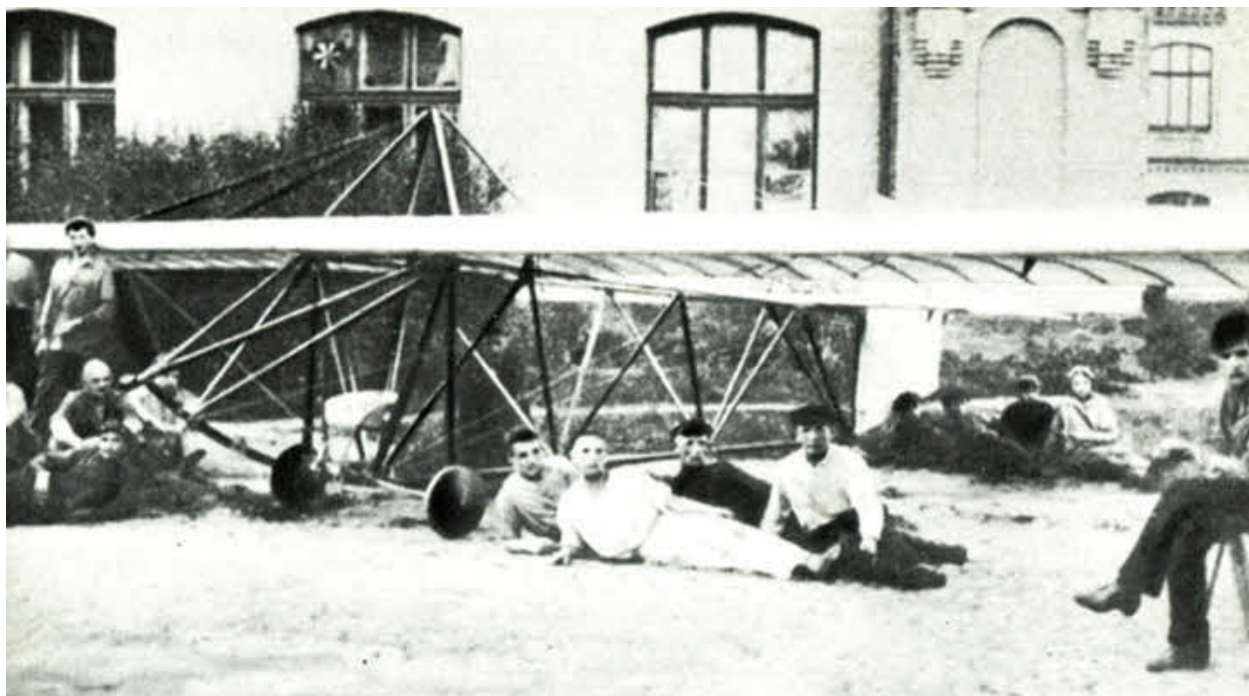
Сергей Королев — автор своего первого проекта планера СК-5.

Еще бесконечно далеко до первого искусственного спутника Земли! Но уже живут в народе идеи К. Э. Циолковского о... первом великом шаге человечества — полете за атмосферу, о первом спутнике Земли...

Для расчета планеров студенту Королеву пока достаточно логарифмической линейки.

В планерном кружке Киевского политехнического института Сергей Королев набирается опыта, учится летать на планерах.

Один из любимых фотографий Королева, напоминающая ему о юности, о друзьях — участниках планерных состязаний в Крыму. Королев третий слева.

*Сергей Королев и Сергей Люшин — конструкторы планера
«Коктебель». Справа — К. К. Арцулов, один из инициаторов
Всесоюзных планерных смотров.*

***С. П. Королев — дипломированный инженер-аэромеханик, выпускник
Московского высшего технического училища (МВТУ).***

После встречи в 1929 году с Циолковским Сергей Павлович не раз говорил: «...Я ушел от него с одной мыслью — строить ракеты и летать на них».

С. П. Королев — один из основателей первой в стране непосредственно ракетной организации — Группы изучения реактивного движения (ГИРД), ее руководитель.

Рабочее совещание гирдовцев. С. П. Королев (в первом ряду слева), Ф. А. Цандер (справа во втором ряду).

- И много вы летали?

- Мне удалось сделать *Особым делом проводил в свое время* ~~свои~~ высотных полетов. Мне, как конструктору, это дело исключительно много. Одно дело когда ты слушаешь доклад летчика о твоей машине, которую он испытывает, другое дело, когда ты сам один за штурвалом и как инженер оценивает ^{как} все ~~то, что есть~~ *то, что есть* "за" и "против".

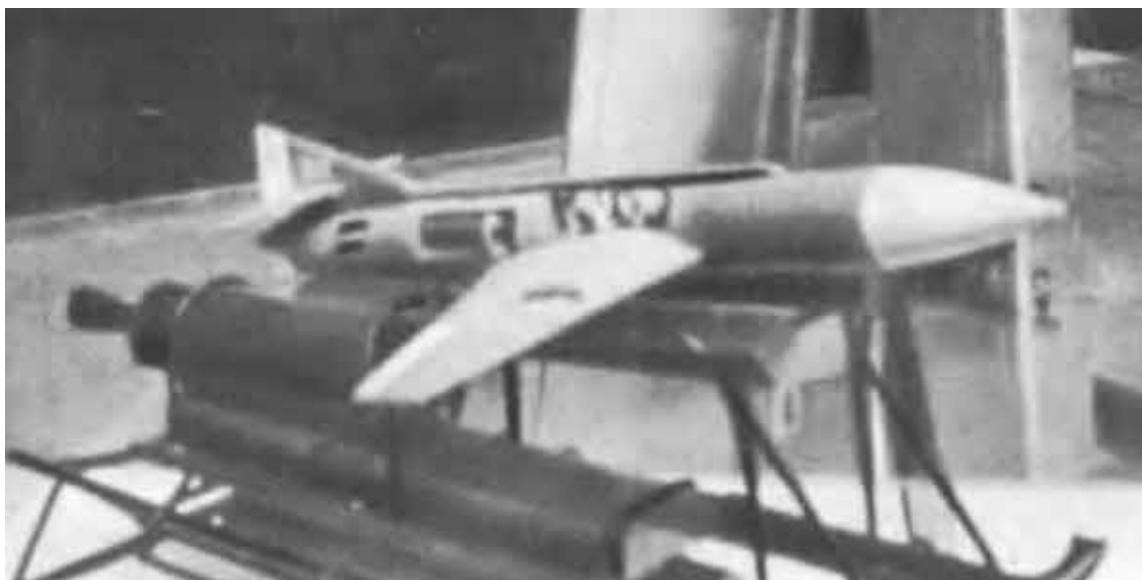
- Расскажите о ваших научных трудах *квалификационная*.

- На это уйдет слишком много времени, - заметил мой собеседник, - ~~написано много~~ ^{есть} различных работ. Все они посвящены ~~разным~~ ^{наиболее} проблемам реактивной техники, создания *между прочим* космических кораблей, дальнейшей разработке тех идей, кото- *разработанные, усовершенствованные и выработанные в* рые содержатся в трудах Кисельнича и Цюльковского, а также *на практике* ~~на практике~~ ^{по мере развития} ~~различных~~ ^{различных} конструкций. *Каждая из этих работ* ~~добавил~~ ^{дополнительно} *дополнительно*.

- Какое у вас ученое звание? Мы много раз с вами встре- чались, но изю-то все...

- В 1953 году меня избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. А через несколько лет действительным членом Академии наук.

Фрагмент беседы С. П. Королева с автором книги в конструкторском бюро в ноябре 1963 г.

Управляемая ракета 212 — одно из важных достижений конца тридцатых годов. «Крылатка», как называл ее Королев, разработана под его руководством.

Бесхвостый планер конструкции Б. И. Черановского. Королев сам облетывал его, намереваясь установить на нем реактивный двигатель

Цандера. Это — первый проект ракетоплана.

Директору МВТУ ч. Баумана 2
Защитные Королева Сергея
Давыдовича
Кроме выданных мне документов
об окончании МВТУ /серийн. ф-т
9 февраля 1930 года.
Уфимцев
452 от 9/2.30.
Сергей Королев
МВТУ
М. Цандера

Просьба Королева выдать ему дубликат об окончании МВТУ

Гирдовцы перед запуском второй экспериментальной ракеты ГИРД-Х конструкции Ф. А. Цандера при участии Л. К. Корнеева.

С. П. Королев, М. К. Тихонравов и историк А. Г. Воробьев на праздновании 90-летия со дня рождения К. Э. Циолковского.

Первая семья С. П. Королева: Сергей Павлович и Ксения Максимилиановна Винцентини с их дочерью Наташей

Житомир. Через много лет. У дома, где родился С. П. Королев. Слева направо: Наталья Сергеевна Королева, внук Циолковского Алексей Вениаминович Костин, возле него внук Королева, сын его дочери, Андрей, Мария Николаевна, секретарь Житомирского обкома партии Ольга Сергеевна Чернобrivцева, много сделавшая по увековечиванию памяти Королева на его родине. 1970 г.

С. П. Королев

«...Книга разумная, содержательная и полезная...» — так отозвался К. Э. Циолковский о первой книге С. П. Королева

ВЫВОДЫ:

Дальнейшее существование ГДЛ и ГИРД'а как самостоятельных организаций нецелесообразно в виду распыления средств и незначительных кадров научно-исследовательских работников по реактивному движению, а также нечеткой организацией работ и параллелизма в них.

1. Исходя из изложенного Военная Инспекция считает необходимым для объединения небольших кадров по изучению реактивного движения и для форсирования, проводимой в СССР, необходимой, оборонного значения, работы обе группы слить, организовав для этого Научно-Исследовательский Институт.

2. вновь организованный институт из'ять из ведения Управления Военных Изобретений и для более тесной связи с промышленностью и обеспечения производственной базой подчинить его ГУАП'у НКТПрома.

3. НКТПрому совместно с Моссоветом обеспечить Институт необходимым помещением.

4. НКТПрому и НКВМову укомплектовать Институт научными и инженерно-техническими силами.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ НК РКН СССР
НАЧАЛЬНИК ВМИ

(КУЙБЫШЕВ)

оя 1933г.

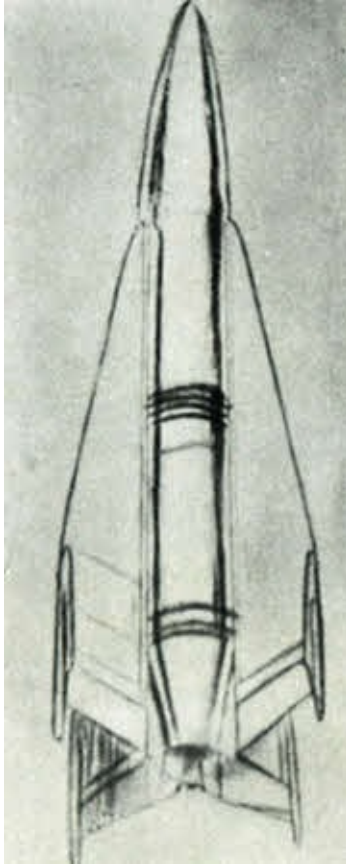
Военная инспекция поддерживает идею организации Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ)

Грамота ударнику социалистического соревнования гирдовцев, подписанная его штабом: Королевым, Цандером и Корнеевым

*Это, кажется, первая фотография после освобождения из заключения
в июне 1944 года*

Ракета

Работая в Уфимском институте
были сделаны конструкции аппаратов
тепловых и компрессорных машин.
С 1930 г. ушёл из института на работу
ремонтных, конструкторских
дел по электромеханике и электротехни-
ке.

В 1929 г. познакомился с К. Э. Циолковским
в Калуге. Работал в его лаборатории
тепловых машин. Был
встретился в Калуге, в доме
по совету Циолковского и начал
основную работу.

Строки из автобиографии С. П. Королева о беседе и встрече его с К. Э. Циолковским в Калуге в 1929 году: «...Я ушел от него с одной мыслью — строить ракеты и летать на них».

Приказом заместителя наркома по военно-морским делам М. Н. Тухачевского в Москве в 1933 году открывается Реактивный институт — РНИИ. С. П. Королев назначается заместителем начальника института по научной части.

С палаток военных строителей начинался полигон, позднее получивший название космодром Байконур.

С. П. Королев (справа) вместе с начальником строительства Г. М. Шубниковым и представителем министерства Г. А. Тюлиным (в центре) уточняют место сооружения одного из объектов полигона.

Домик, в котором жил и работал Королев в дни подготовки и запуска ракетных и ракетно-космических систем.

«Раздумная» скамейка — так шутя называл ее Сергей Павлович, отдыхая после трудного дня.

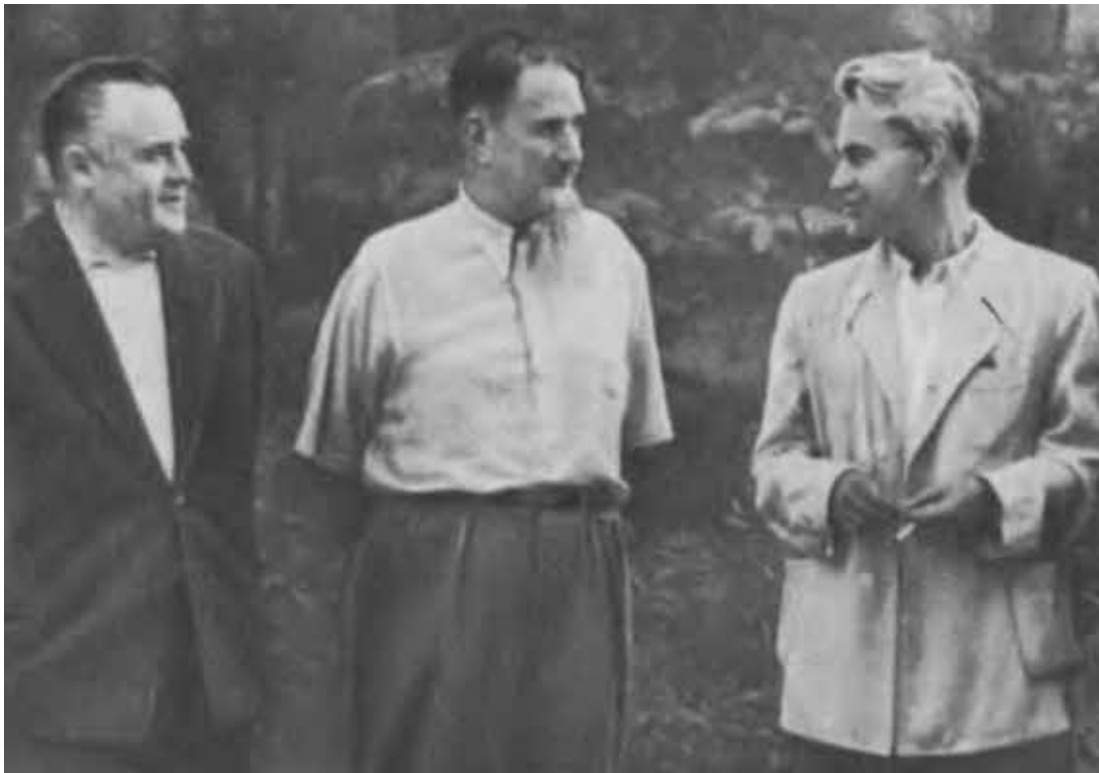
Королев в редкие часы отдыха.

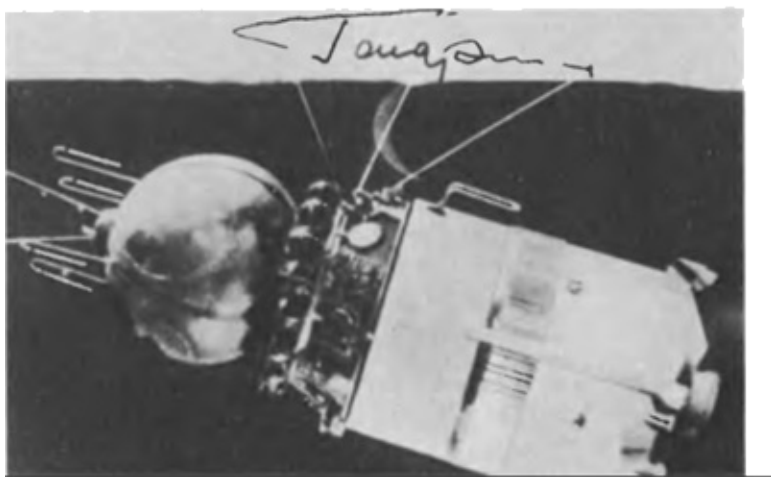
А. Н. Туполев и С. П. Королев. Их связывала и нелегкая судьба и взаимное уважение друг к другу. «Андрей Николаевич, — говорил Королев, — мой самый любимый учитель в авиастроении».

Ракета на старте

«Три К» (Курчатов, Королев, Келдыш) — под таким неофициальным названием вошла эта фотография в историю создания ракетно-ядерного щита нашей Родины.

*Космическая техника: межпланетные станции «Марс», «Луна»,
спутник связи «Молния». Первенец мирового космического
кораблестроения корабль «Восток».*

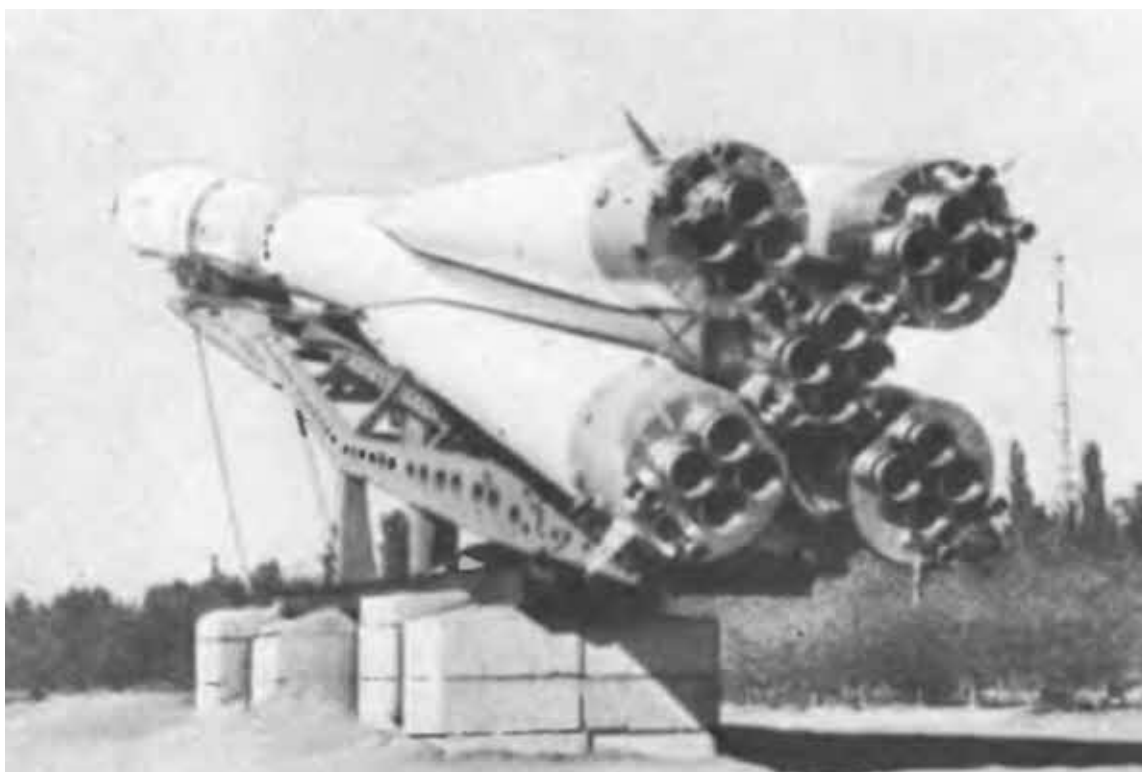
*С. П. Королев, его соратник и друг Н. А. Пилюгин, главный конструктор
систем управления ракетой*

Снимок на память

О готовности к старту ракетно-космической ракеты «Восток» Государственной комиссии докладывает технический руководитель полета С. П. Королев. Справа — Л. В. Смирнов, председатель Госкомиссии, слева — президент Академии наук СССР М. В. Келдыш

*Необычный памятник творческому гению — советскому народу
установлен в административном центре космодрома городе Ленинске*

Памятник Главному конструктору первых ракетно-космических систем С. П. Королеву установлен в Ленинске

Знаменитый советский вымпел (копия) доставлен на Луну в сентябре 1959 года. Космический путь Земля — Луна — открыт!

Невдалеке от ВДНХ и от обелиска «Космос» стоит небольшой дом, окруженный садом. В нем последние годы жил Королев.

Любил скульптуру «К звездам» — подарок ваятеля Г. Постникова и космонавтов.

У входа в кабинет Сергея Павловича.

Сергей Павлович нередко «рисовал» на этой доске, переводя мысли в наброски, эскизы...

Стол-бюро всегда заполнен книгами, журналами. Сергей Павлович читал многое, чтобы не отставать от научной жизни.

Любимец Королева, любимец всей планеты — Юрий Гагарин

Вторым шагнул в космос Герман Титов (в центре). За ним Андриян Николаев (слева) и Павел Попович (справа). Первый групповой полет.

Человечество ждало нового шага в космос. Но чтобы его сделала женщина?! Это казалось невысказанным! Валентина Терешкова и Валерий Быковский на космодроме в часы тренировок.

*Первый космический экипаж — прообраз тех, что работают на борту
долговременных орбитальных станций. В. Комаров, К. Феоктистов, Б.
Егоров.*

Космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов положили начало новому направлению в космонавтике — работе вне корабля, в открытом космосе... Полет окончен, космонавтов ждут Москва, Звездный городок.

Навсегда остался в памяти Нины Ивановны Королевой и Валентины Ивановны Гагариной торжественный прием в Кремле в честь первого полета человека в космос.

Памятник установлен в Подмоскowie, недалеко от ОКБ, которым более двадцати лет руководил великий ученый и конструктор Сергей Павлович Королев.

Краткая библиография

1. Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева. (Избранные труды и документы). Составители Ю. В. Бирюков, Н. А. Варваров, Г. С. Ветров. Под общей редакцией академика М. В. Келдыша. М., Наука, 1980.

2. Академик С. П. Королев. (Ученый. Инженер. Человек). Редактор-составитель Г. С. Ветров. М., Наука, 1986. Творческий портрет по воспоминаниям современников.

3. Апенченко О. Сергей Королев. М., Политиздат, 1968. 4 Асташенков П. Т. Королев. М., Машиностроение, 1969.

5. Баланина М. Н. Устремленный к звездам. — Новый мир, 1977, № 1.,
6. Бирюков Ю. В. Материалы к биографической хронике Сергея Павловича Королева. — В сб. «Из истории советской космонавтики». М., Наука, 1983.

7. Бирюков Ю. В., Комаров В. М. К вопросу об организации и деятельности Группы изучения реактивного движения при ЦС Осоавиахима СССР. — В сб. «Из истории авиации и космонавтики». Вып. 24. М., ИИЕТ АН СССР, 1974.

8. Ветров Г. С. Об исторической оценке творчества академика С. П. Королева. О научно-организационных принципах С. П. Королева. М. — В сб. «Из истории советской космонавтики». М., Наука, 1983.

9. Голованов Я. К. Королев. М., 1973.

10. Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М., «Правда», 1961.

11. Головин И. Н. Курчатов. М., Атомиздат, 1979.

12. Глушко В. П. Путь в ракетной технике. — Избранные труды. (1929–1946). М., Машиностроение, 1977.

13. Иванов А. Первые ступени. М., Молодая гвардия,

14. Ишлинский А. Ю. О жизни и деятельности академика С. П. Королева. — В сб. «Из истории советской космонавтики». М., Наука, 1983.

15. Карпов Е. А. Академик Королев и космонавты. — В сб. «Шаги к звездам». М., 1972.

16. Келдыш М. В. Воспоминания о С. П. Королеве. — В кн «Из истории советской космонавтики». М., Наука, 1990

20. Лазаренко А. Н. Этапы великого пути. — В сб. «Слово о Королеве». Киев, Молодь, 1970.

21. Мишин В. П. Сергей Павлович Королев — Главный конструктор

ракетно-космических комплексов и систем. — В сб. «Из истории советской космонавтики». М., Наука, 1983.

22. Николаев А. Г. Космос — дорога без конца. М., 1974.

23. Парин В. В. Пути развития советской космической медицины. — В сб. «Идеи Циолковского и проблемы космонавтики». М., Машиностроение, 1974.

25. Попович П. Р. Вылетаю утром. М., Изд-во ДОСААФ, 1974.

26. Романов А. П. Как это было. М., Политиздат, 1961.

27. Романов А. П. Космодром. Космонавты. Космос. (Космический дневник в двух книгах). М., ДОСААФ, 1971.

28. Тетеркин Б. Г. Встреча К. Э. Циолковского и Королева (воспоминания). Архив Н. С. Королевой.

29. Титов Г. С. Голубая моя планета. М., 1983.

30. Тихонравов М. К., Бирюков Ю. В. Претворение идей К. Э. Циолковского в работах ГИРДа. — В сб. «Идеи Циолковского и проблемы космонавтики». М., 1974.

31. Феоктистов К. П. Советские космические корабли и орбитальные станции. — В сб. «Исследования по истории и теории развития авиационной и ракетно-космической науки и техники». Вып. 3. М., 1984.

notes

Примечания

1

12 января 1907 года по новому стилю.

Из числа специалистов, работавших в системе Совета главных конструкторов, вышло шесть академиков, восемь членов-корреспондентов, девятнадцать Героев Социалистического Труда...

Из интервью С. П. Королева обозревателю ТАСС. 1963 год.

В 1968 году на борту «Союза-6», пилотируемого летчиком Г. С. Шониным, инженер ОКБ В. Н. Кубасов на установке «Вулкан» провел сварку, плавку различных металлов. Этим советские ученые заложили начало внеземной индустрии, идеи которой ныне успешно развиваются.

Первый полет «Союза», пилотируемого Владимиром Комаровым, состоялся в апреле 1967 года. Из-за производственного дефекта и отказа парашютной системы полет закончился трагически: космонавт погиб.

Станция «Салют», оснащенная стыковочным узлом, стартовала в космос в апреле 1971 года.

Советские и американские ученые посылали вслед за Королевым не одну станцию к Марсу и на Марс. Однако ответ, была ли жизнь на планете, не получен. Гипотеза же об искусственном спутнике не подтвердилась.

Нина Ивановна сдержала слово: с помощью родственников П. Я. Королева она нашла на Лукьяновском кладбище могилу отца Сергея Павловича и возложила цветы.

По подсчетам советских экономистов, теперь каждый рубль, вложенный в космонавтику в соответствии с государственными планами экономического и социального развития, возвращает обществу свыше пятнадцати рублей.